

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

ПО ЭТУ СТОРОНУ ПОТОПА

Алексей Милюков



ГЛАВА 1. ВСЕ РЕКИ КУДА-ТО ТЕКУТ

Часть 1. Ошибки восприятия невидимых вещей.

Введение в курс

1.

Если однажды директор завода точных приборов введет у себя на производстве новый универсальный эталон измерения, скажем, «косая сажень» или «ход ноги», то такое предприятие в самые сжатые сроки понесет ощутимые убытки. Если продавец колбасного отдела объявит, что лично у него трехсотграммовый кусок колбасы отныне будет считаться

килограммовым, то ему остро возразят покупатели или торговая инспекция. Если расписание движения поездов руководство РЖД привяжет не к суточно-часовому циклу, а к солнечным затмениям или к разливу Нила, то в этой отрасли беспорядка станет еще больше.

Мысль моя очень проста – всё, что окружает нас в этом видимом, слышимом, осязаемом, обоняемом и ощущаемом на вкус мире, имеет некую определенную и обоснованную степень соответствия друг другу и может быть взвешено, измерено, представлено в количественном виде и зафиксировано в документе. В любом обществе попытка выдать треть за целое может быть легко пресечена со всею решительностью. Ибо, во-первых, у каждого человека есть личный опыт, с большой вероятностью подсказывающий истинную меру метра, килограмма, минуты. Во-вторых, на случай любых разногласий есть контрольные измерительные инструменты. А уж на самый буйный клинический случай – как высший суд – есть эталоны, хранящиеся под стеклянными колпаками в каких-нибудь загадочных Палатах мер и весов.

Исключения? Пожалуйста. Есть люди с искаженным диапазоном восприятия звука или цвета. Тугой на ухо зритель может горячо доказывать, что Ростропович на последнем концерте сыграл очень тихо. Или водитель-дальтоник может уверять гаишника, что свет, который представляется гаишнику красным, на самом деле зеленый. Примеры самые поверхностные, бытовые, но и капризный зритель, и дальтоник-водитель при гипотетическом желании скрупулёзно проверить свою

правоту вынуждены будут познакомиться с горькой правдой. Ибо у звука, как у упругой волны, и у цвета, как у волны электромагнитной, тоже есть свои объективные физические параметры, которые могут быть измерены и сколь угодно раз воспроизведены для сравнительного анализа. Мера есть и запаху, и вкусу, ибо, минуя физиологию, всё это можно выразить категориями физики и химии – присутствием одних соединений молекул среди других. Всё это теоретически можно измерить, хотя в быту всегда проще воссоздать по эталону. Для людей с нормальным порогом физиологического восприятия такими эталонами являются, скажем, общепризнанные марки духов, вин, рецепты кулинарных блюд и несомненное общественное согласие по вопросам «плохого», «хорошего» и «самого лучшего» в той или иной области.

...И всё бы ничего. Но у этого рассказа об эталонах, точных измерениях и принятых общих оценках есть и другая сторона.

Как только дело касается вещей мировоззренческих, все наши физические меры дают сбой. Стоит нам, так называемым современным людям, собраться вместе числом от двух человек и более, и не кривя душой завести речь о вещах самых банальных, простых, даже избитых – как в тот же миг все наши вышеупомянутые физические системы мер, и все даже не упомянутые системы мер, а также весь опыт предшественников, поднимавших те же вопросы, да и весь наш собственный драгоценный опыт – всё это с ходу разбивается о железобетонную стену разногласий, неприятия позиции собеседника,

глухоты к чужим доводам. По любому вопросу сразу возникают два абсолютно противоположных мнения, а любые попытки уточнения терминологии способны привести скорее к мордобойу, чем к уточнению. Это как закон – в поисках единомышленника мы всегда получаем «в нагрузку» еще и недовольного оппонента. Западные нормы общения налагают негласные запреты на неформальное обсуждение «проклятых» вопросов, но на бескрайних просторах от Черного моря до Камчатки эти битвы – как культурная традиция, в которую невольно вовлечены все без исключения – и ныне живущие, и уже ушедшие, и даже никогда не жившие – герои литературные. «Да вы что, шутите? Всё не так, всё – наоборот!». То, что для вас является бесспорным и путеводным, оппоненты подвергают насмешкам и выставляют мерилom вашей ущербности. Но и вы относите все их творческие усилия – исключительно по добросердечию – к ранней стадии шизофрении.

Подобное положение вещей поначалу кажется парадоксом – почему человеческий разум, который на сегодняшний день вроде бы является вершиной эволюционного развития жизни, не смог выработать вполне определенных, столь же жестких «эталонов», по которым можно было бы свериться с ближними в споре о добре и зле, любви и ненависти, счастье, грехе, долге, подвиге, милосердии, гениальности – обо всех этих понятиях, которые для нас никак не менее весомы, чем точные замеры, звуковые волны или химические соединения! Или до эталонов согласия мы еще недоэволюционировали?

2.

Все мы чувствуем – с этим миром что-то не так. У каждого человека, способного хоть к малейшему душевному движению, случались минуты странного состояния, замешанного на горечи, будто сожаление о какой-то потере, о какой-то невозможности, о чем-то обидно упущенном. Окружающий нас мир гармоничен, законы его совершенны, упорядочены, идеально пригнаны друг к другу. Природа прекрасна до невыразимости. Но... что-то с ним не так. Как будто изначально в это совершенство внесена некая поломка, сбой, порча, и с чем-то важным, что должно нам принадлежать по праву, наша связь нарушена.

Все мы видим явную нестыковку между красотой, величием, значительностью мироустройства и теми рамками и ограничениями, которые нам тут уготованы. В этом совершенстве противоестественно смерть – уж она-то точно изначально не могла быть включена в мир его обязательной частью. Такая красота не предполагает смерти по определению.

Если фонарь не горит в ночи, нам достаёт ума понять, что тут какой-то нонсенс – фонари созданы именно для освещения. Так же и это совершенство мира – предназначенное для чего-то большего, оно кем-то испорчено до такой степени, что теперь должно умереть. Какой-то хулиган, враг – перерезал кабель, и иллюминированный город погрузился во тьму.

Это очень грустное чувство, с привкусом осени, часто по-детски наивное: «Вот, могли бы жить так и этак, и в согласии со всем, а вместо этого...». Мечты никогда не исполняются в той мере, в которой мы ожидали.

Ожидания не совпадают с их действительным воплощением. Что бы мы в этой жизни ни задумали, какая бы удача нам тут ни улыбалась, какая бы роскошь апартаментов и изысканность блюд нам ни были доступны, какие бы женщины в нас ни влюблялись, как бы неожиданно народ ни избирал нас в Думу или в президенты, какие бы армады танков мы ни могли позволить себе двинуть на врага – наши самые сокровенные мечты никогда не будут исполнены до конца по той же самой причине – здесь, в этом мире, они недостижимы, ибо – «какой-то гад перерезал кабель».

Никакой эволюцией, никаким ожиданием «следующего этапа развития человечества» подобное объяснить невозможно – есть очень внятное чувство, что это событие из прошлого, эту остановку мы уже проехали. В детстве это чувство «утраченного совершенства мира» значительно острее, и только со временем мы успокаиваемся. Нынешние прагматики и циники – это те, кто махнул рукой на «далекий отголосок хора» и приспособился к ситуации – «бери то, что есть».

Да. В этом мире есть земные человеческие желания, но всегда есть какая-то тоска по несбыточному, абсолютно тут бессмысленная, не имеющая никаких перспектив к удовлетворению. Может, это просто наша капризность, ненасытность, предъявление необоснованных претензий? Но нет, это совсем не похоже на дурные свойства характера. И по отношению к кому? Кто нам должен? Напротив, дурные качества начинают раскрываться, когда кто-нибудь заявляет, что «человек создан для счастья, как

птица для полёта». Нет и нет, в этом свете наши прошлые заслуги сами кажутся мелочью, в эти минуты хочется «простить всех», со всеми обняться и даже немного по-достоевски «поплакать». Это какая-то метафизическая жалость, плач об утраченном рае. Из этого чувства, между прочим, можно вывести весь русский характер. Один человек выбирает эту несбыточность и посвящает ей всю свою жизнь, другой говорит: «Всё равно, братцы, здесь уже ничего хорошего не будет» и идёт пить водку. А чаще в нас просто уживается и то, и другое. Мудрый старик Арсений Тарковский в конце пути благодарит жизнь за то, что даже в таких «ненормальных» условиях ему хоть что-то удавалось:

Жизнь брала под крыло,

Берегла и спасала.

Мне и вправду везло...

Но:

Только этого мало.

И вот что удивительно. Мы об этом изначальном совершенстве откуда-то знаем. Да, оно недостижимо, но как бы мы чувствовали неправильность, если бы не имели представления об «эталоне»? Вызывал бы у нас сожаление не работающий фонарь, если бы мы не знали о его способности освещать местность?

Все аналогии приблизительны, если не опасны. Шутник сравнит жизнь с игрой, ученый выведет, что жестокость мира кроется в его животном происхождении («Уж если самки пауков поедают

своих самцов после копуляции...» и т.д.), а бизнесмен, видя причину своих неудач в наличии конкурента, ничтоже сумняшеся уподобит его камню на дороге, который необходимо убрать как вредную помеху. Но уже сам разноречивостью мнений о вещах, не измеряемых в граммах, рублях и минутах, безусловно свидетельствует, что наш разум «заражен» некими этическими понятиями, привнесенными в этот материальный мир вопреки всякой логике. Все знают наверняка, что зло плохо. Никто не говорит, что красть или убивать хорошо. Укрыв пятка, вор склонен оправдывать свой поступок голодом, kleptomанией или даже робингудовскими мотивами. Даже тиран, уничтожив миллионы соотечественников, говорит, что он строил для людей счастливое общество.

И все наши драки и мировоззренческие споры возникают вовсе не от отсутствия «этических эталонов», а оттого, что люди, в большинстве своём будучи уже знакомы с этими эталонами и зная, как именно нужно поступать *правильно и хорошо*, – в жизни этим правилам отнюдь не следуют. Совершая самые безобразные поступки, мы всё-таки стараемся обосновать их «справедливостью» и даже найти причины, построить логические конструкции вплоть до целых учений – почему мне (и моим сподвижникам) – можно не поступать так, как должно. Вот корень всех недоразумений с пониманием «призрачных вещей» – оставшись без эталона, многие из нас активно утверждают собственное его понимание. Но если у одного, грубо говоря, «этическая гиря» весит килограмм, а у другого триста граммов, то чаши весов вряд ли сойдутся.

Рассуждая в этом направлении, мы рано или поздно придем к осознанию простой мысли, что все эти наши так называемые этические эталоны – суть **понятия объективные**. Более того, любопытному исследователю предмета с удивлением предстоит обнаружить, что **без этих эталонов мы остались исторически совсем недавно**. И что были времена, когда наличие и признание их являлось всеобщей нормой. Совсем необязательно было, подобно советскому поэту Маяковскому, гадать на тему «что такое хорошо и что такое плохо?». Как раз напротив, незнание или демонстративное отрицание таких эталонов ставило любого, даже достойного советского поэта или философа, в положение полного идиота, вынужденного через две тысячи лет после обретения миром Благой Вести спрашивать:

...Что́ есть красота?

И почему ее обожествляют люди?

Сосуд она, в котором пустота?

Или огонь, мерцающий в сосуде?

Задавать подобные вопросы не пришло бы в голову человеку, знакомому с нормами и эталонами, которым человеческая цивилизация следовала до этого уже не одну тысячу лет. Достаточно было открыть всем известную книгу и просто свериться с тем, что в ней написано. Это являлось гарантией разрешения запутанного вопроса, а книга – самым надежным и бесспорным источником, на который только можно было опереться.

3.

Современный человек, впервые берущий в руки Библию, не может принять ее с той простотой и естественностью, что были свойственны читателям этой книги, скажем, еще пару столетий назад. Сегодня любые разговоры с окружающими о Библии почти наверняка вызовут у большинства из них чувство легкого интеллектуального скепсиса. Кто-то выскажет и откровенную неприязнь к этой книге, но в любом случае с перечнем избитых рационалистических стереотипов на эту тему вас ознакомят.

Неприятие сегодняшними людьми этой великой книги основано на странном убеждении, что наше общество обладает знаниями и опытом несравненно большими, чем эпоха библейских авторов. Что эта книга отражает лишь определенные взгляды своего времени, и пытаться извлечь из нее какую-либо пользу для нас, «ушедших вперед» – по меньшей мере, очень наивно. Если в Библии и содержатся какие-либо полезные нам знания, то в целом их там – явный и весьма существенный «недокомплект». Одним словом, «где мы, а где Библия?».

Если мы начнем докапываться до причины такого положения дел, то очень скоро «упремся» еще в одно обстоятельство, являющееся для нашего обывательского мировоззрения основополагающим и фундаментальным. Мы можем не задумываться над этим обстоятельством специально, не формулировать его словесно в виде наших убеждений. Но им, как радиацией, пропитана каждая клеточка нашего организма. Это носится в воздухе,

Этим мы дышим, это – независимо от нашего желания или настроения – движет нашими помыслами и направляет наши поступки.

Что же это такое? Это – наша безоговорочная уверенность, что всё вокруг, весь видимый и невидимый мир – не просто существует, но непрерывно развивается от простого к сложному. Что развитие есть безусловное благо, и что всё «позднее» – по определению лучше и совершеннее «раннего». Иными словами, это идея постепенного **эволюционного развития**.

Действительно, вокруг нас, в быту, полно фактов, которые делают эту идею очень похожей на правду. Из желудя вырастает могучий дуб, куколка превращается в бабочку, эмбрион в процессе развития становится взрослым человеком. Идёт ли речь об истории авиации, мы тут же понимаем – это рассказ о развитии, о движении примитивного продукта к совершенному; то есть от прыжка подъячего Крякутного, рухнувшего с колокольни, до полетов исполинского аэробуса «Руслан». Переходим ли мы со старой компьютерной операционной системы на новую или с одного цифрового формата на другой, мы констатируем: «Ничто не стоит на месте». Читаем последние стихи известного поэта – говорим о новом этапе в его творчестве (а у спортсмена отмечаем новый мировой рекорд). Нет ни одной вещи, сделанной руками человека, ни одной человеческой идеи или понятия, которые, однажды возникнув, не эволюционировали бы, не улучшали бы со временем свои качества и функции.

Бесхитростное приятие нами принципа всеобщего прогресса дает нам ключи к пониманию абсолютного большинства окружающих вещей – хоть происхождения нашего мира, хоть существования причинно-следственных связей, хоть процветания империй, хоть появления на нашем столе нового компьютера, хоть успехов нашего ребенка в учебе. Кажется, все это вполне естественно – вначале был хаос, затем возник порядок, который просто не может не улучшаться. Да и возможно ли иное?

Поэтому «современного человека» не нужно убеждать, что Библия содержит массу ошибок, это и так естественным образом следует из его мироощущения. Если у него дело вообще доходит до чтения Библии, то «мироощущает» он примерно так – вопиющее несоответствие нашим **объективным знаниям о прошлом!** А где в Библии, скажите на милость, «вот это всё» – пещеры, костры, мамонты? Где медленное, но неуклонное развитие?

С Библией так называемый современный человек не церемонится. Да и зачем? Во что-то такое он, возможно, верит, но этот бог далеко не библейский. Наш герой с горем пополам еще может допустить существование неких абстрактных вселенских сил, надмирного механизма управления, космического разума и прочей загадочной чертовщины. Но что это за странный Бог нарисован в Библии? Бог, ходящий в раю во время прохлады дня... «Адам, где ты?». «На Едома простру сапог мой»... Современному человеку все эти «сапоги», «прогулки» и «прятки» просто смешны. Змей, беседующий с Евой в райском саду,

животные, собранные в Ковчеге, Иона в чреве кита...
Наивно.

Восприятие Книги весьма проблемно даже для непредвзятого человека, желающего разобраться, ибо – как совместить сведения о сообщаемых Библией событиях с объективным знанием и сегодняшней научной картиной мира? Как закрыть глаза на проявление авторами своих примитивных представлений о мироустройстве? Как совместить «божественную» историю с «естественной», как вписать «голословную» (то есть научными фактами не подтвержденную) библейскую – в нашу, знакомую еще со школьной скамьи, с теми самыми пещерами, кострами и мамонтами, третью-перетертую и с детства знакомую по картинкам в учебнике и музейным витринам?

Часть 2. Библейский рассказ не соответствует нашим объективным знаниям о мире?

1.

Между тем мнение о невежестве библейских авторов в деталях мироустройства – это одна из самых расхожих ошибок восприятия Библии, ставшая штампом. Мол, авторы лишь изложили в Книге примитивные представления своего времени, чем себя перед нами, знающими правильные ответы, безусловно скомпрометировали. По мнению критиков, мы видим, что Землю авторы Библии представляли плоской, небо – в виде твердого купола, Солнце у них обращалось вокруг Земли и пр. Тут необходимо сразу отметить, что следует отделять

вопрос современных научных представлений от собственно объективного знания. Сами по себе современные научные модели и теории вполне могут уже завтра оказаться ложными, но мы говорим именно об объективном знании – ситуации, когда библейский автор, по мнению критиков, сообщает нам заведомую несурязицу, не требующую сегодня каких-либо дополнительных проверок. Также заметим, что под критиками мы будем подразумевать не представителей соответствующей исследовательской дисциплины, а субъектов, воспринимающих Книгу лишь как предмет дискредитации. Задачи полемизировать с ними, а тем более переубедить кого-либо, у меня нет; однако меня настораживает, что большинство обычных, нормальных людей, будучи не в теме, доверяют этим лжеэкспертам на слово. Поэтому хотя бы отчасти развеять напущенный «знатоками» туман – я в этой главе счел просто необходимым.

Итак, утверждение о якобы безграмотности библейских авторов широко используется критиками в качестве атакующего аргумента и весьма ценится ими. Посмотрим. Известно, что Книга создавалась на протяжении более чем 1500 лет четырьмя десятками людей разных профессий и разного уровня образования, наверняка имевших с нашей точки зрения массу ошибочных или примитивных представлений в своих тогдашних исторических, космологических, географических, биологических и других областях знания. Многие из этих авторов (а уж Моисей и Даниила точно) были знакомы с «палёными» мифами и легендами язычников о сотворении мира и

потопе, то есть, с искаженными отголосками имевших место реальных событий. Если бы задачей авторов Библии было провести собственные изыскания и донести до нас научные и «фольклорные» знания своего времени, то авторов можно было бы сегодня легко поправить или опровергнуть. Но их задача была определенно иной – вся Библия по сути является результатом воплощения единого замысла, проходящего через всё повествование красной нитью. В этом смысле целостность и внутренняя логическая согласованность всей Книги невероятна. Присмотритесь к этому факту повнимательнее, и вы обнаружите здесь практически неприкрытое чудо – более сорока авторов Книги, разделенных столетиями, странами и языками, оставили за кадром **абсолютно все** свои личные воззрения на естествознание и на мифотворчество своего времени – и, похоже, записали ровно то, что от них требовалось записать.

Другие древние религии – то ли от претензии на всезнание, то ли для пущей убедительности повествования, сочиняют явные небылицы. Мифы о творении мира у вавилонян, египтян и древних греков, которым советская атеистическая школа усердно пыталась навязать роль библейских первоисточников, своей примитивной канвой выдают усилия именно человеческой фантазии, да еще часто с признаками жестокого кризиса жанра. «Веды» индуистов считают просто необходимым огласить математически «точные» сведения о нашем мире – нам, например, предстоит узнать, что луна находится на 240 000 километров выше солнца и излучает свой

собственный свет; земля плоская и имеет форму треугольника, а землетрясения происходят оттого, что слоны, держащие землю, переминаются с ноги на ногу. Так сказать, «трутся об ось медведи».

Библия же ничего такого «от себя» не сочиняет. Напротив, мнимые противоречия библейской космогонии, о которых постоянно твердят критики, не имеют признаков человеческой фантазии именно в силу их некоей на виду лежащей нелогичности, нарушения тех простейших последовательностей, абсурдность которых, казалось бы, должна быть видна даже самым простодушным современникам. Скажите, ну кому из сочинителей древних ближневосточных мифов могла придти в голову идея, что свет появился прежде солнца? Казалось бы, претензии к библейским авторам напрашиваются сами собой – сочиняй, но знай меру, выдумывай байки в общем русле, бери сюжеты и образы, лежащие на поверхности. Опирайся на бытовые картины, и будет тебе счастье. Обоожестви, например, солнце как первоисточник жизни, расскажи о происхождении мира от супружеской пары богов или, на худой конец, выдай сюжет о первобытном космическом яйце, снесенном гигантским гусем-Атумом... Но разве для современников Моисея и Иова не должно было выглядеть противоречивым утверждение, что земная суша окружена водами, но сама земля при этом висит в пустоте «ни на чём»? Нынешние критики ставят в вину Моисею (часто даже не Моисею, а якобы неизвестным «истинным» авторам, чуть ли не фальсификаторам) и тот факт, что зелень на земле появилась на третий день

творения, тогда как солнце, луна и звезды только на четвертый. Или то, что допотопный мир содержал часть нынешних земных вод не только в виде морей, но и в виде некоей водной оболочки над небесной твердью. В подобных деталях повествования скептики всех времен пытаются усмотреть лишь безграмотность и архаические представления библейских авторов.

Но атеистическая критика – штука всегда интеллектуально нечестная (это отдельная тема), и скептики даже не будут задумываться над вопросом, вытекающим из их утверждений – а почему у библейских авторов и у древних читателей Библии с логикой было несравненно хуже нашего? Зачем авторам, якобы сочиняющим небылицы, потребовалось вводить явные противоречия внутри собственной космогонии, которые даже у самых доверчивых почитателей мифов могли напрочь подорвать всяческое доверие к рассказу? А ответ более чем прост – реальность всех этих якобы абсурдных деталей была для авторов Библии, равно как и для их современников, не просто очевидной, а обыденной. Нынешнему человеку, уважающему логику, должно быть понятно, что кажущиеся противоречия, выставляемые на всеобщее обозрение, являются как раз признаком правдивости сказанного, а не бессмыслицей, проникшей в текст по недосмотру редактора.

Но и это не главное. Космогония Библии не просто «не похожа на соседей» или «правдива потому, что не скрывает видимых трудностей». Нет, она вступает в **принципиальное противоречие** со всеми древними

ближневосточными мифами. В этом смысле прав современный богослов – библейский рассказ о сотворении мира есть не миф, а полемика с мифом. То, что в античности почиталось за божество, Библия свела на уровень обычных тварных предметов, даже Солнце и Луну не называя по имени, а именно так, вскользь, говоря о них как о неких функциональных частностях мироздания. Все разговоры о том, что библейская космогония это поздняя калька с восточных «космогоний», есть простое непонимание принципиального отличия Библии от любого древневосточного мифа – по сути, отличия революционного, которое с окончанием ветхозаветного национального изоляционизма и распространением христианства освободило античную мысль от тупика языческого поклонения природе. Именно поэтому в итоге стало возможно рождение так называемой европейской науки – Земля, Солнце и прочие явления природы не суть божества, а обычные предметы для изучения...

2.

Библия представляет собой сборник текстов законодательного, пророческого, религиозно-нравоучительного, исторического и даже поэтического «жанров». Однако отрицание и обвинение как основные принципы «исследования» применяются критиками не только к космогонии Шестоднева или Апокалипсиса, но и ко всей Библии, включая даже явные аллегории и поэтические образы,

в которых была описана та или иная библейская реальность. Человеку, прилюдно бы заявившему, что стихи Пушкина, повествующие о его (напомню, реальной) встрече с Анной Петровной Керн, содержат ошибки или не соответствуют современным научным представлениям (так как никакого «чудного мгновенья» и «мимолетного виденья» с научной точки зрения не существует), – такому человеку коллеги сразу вызвали бы карету скорой помощи. Поэтичность или реалистичность описания как таковые напрямую не связаны с реальностью описываемого события, а являются лишь **стилистическим приемом его изложения**. Однако когда дело касается Библии, критики себя ни в каких глупостях, а порой даже в откровенно идиотических измышлениях не ограничивают. Никакая логика или последовательность их, разумеется, не интересует – ведь отрицание у них первично.

Если оставить в стороне метод откровенного подлога, с завидной легкостью используемый этими якобы знатоками, то довольно быстро выясняется, что за ошибки Писания критики в лучшем случае выдают лишь **свое собственное ложное понимание** ^[1] библейского текста или самое поверхностное о нем представление, вплоть до знакомства по типу «мне вашего Карузо Рабинович напел». Я хочу акцентировать внимание читателя именно на этом качестве критиков. С моей стороны это не просто дань занимаемой полемической позиции. Но при любом знакомстве с аргументами атеистов всегда бросаются в глаза эти две особенности – личная неприязнь к Библии и **элементарная безграмотность в**

отношении предмета критики. Ограниченный ум с отсутствием творческого начала считает рациональное мышление универсальным и, подозреваю я, наиболее адекватным инструментом познания. В этом и заключен феномен непонимания Библии атеистами – даже при попытках непредвзятого исследования. Непреодолимым барьером для них становятся специфические особенности библейского повествования, связанные с обычаями, образом мышления, менталитетом древних авторов, стилистическими и жанровыми особенностями текста.

С позволения читателя приведу пару-тройку примеров – разумеется, не полемики ради, а чтобы показать уровень претензий обличителей. Одна из самых распространенных и нелепых придирок, выдаваемых критиками за архаичные или просто ошибочные представления библейских авторов – фрагмент с «твердью небесной». *«И назвал Бог твердь небом. И был вечер, и было утро: день второй»* (Быт.1:8). *«И сказал Бог: да будут светила на тверди небесной ...и поставил их Бог на тверди небесной, чтобы светить...»* (Быт.1:14–15, 17). Сколько яда и желчи было пролито по поводу этого фрагмента! «А космонавты-то и не знают!». В древнееврейском оригинале слово *רָקִיעַ* (*raqiya*), «ракиа» – «твердь» имеет целый ряд значений, включая также «протяженную поверхность» и «пустоту». Так что не переводчики, а изначально уже сам Моисей недвусмысленно говорит, что Бог назвал небом некое протяженное и пустое пространство над головой, пользуясь словом со столь широким значением, что его можно применить и к земле, и к

небу. Однако я определенно настаиваю, что русский перевод наиболее точен. Потому, что в выражении «небесная твердь» говорится о небе как об одной из двух материальных субстанций, «утвержденных» (т.е. твердо, незыблемо установленных) Богом на века – тверди земной и тверди небесной. Я уверен, что переводчик предпочел «твердь» остальным значениям не случайно. Кроме того, подобный прием, именуемый параллелизмом (с антитезой, то есть сопоставлением противоположных сущностей типа «утро-вечер», «свет-тьма» и др.), является одним из основных в библейском художественном повествовании, о чем скажем чуть ниже. Фантазии о том, что согласно Библии Бог чуть ли не гвоздями прибывал звезды к стеклянному куполу, пусть остаются на совести их авторов. В Библии прямо говорится, что птицы летают по тверди небесной (т.е. по небу, а не по стеклянному своду).

В советский период профессиональные ниспровергатели религии вроде Кривелева и Губельмана-Ярославского применяли в отношении Библии метод, именуемый сегодня «гнилой селедкой». Они валили в кучу всю мифологию древних народов, с плоской землей, покоящейся на трех слонах, стеклянными сферами, китами и черепахами, закрепляя у читателей впечатление, что Библия тоже ко всему этому причастна. Реликты той пропаганды до сих пор живы, «осадоку» у многих остался; и часто очередной ниспровергатель выдает, что вот, мол, – хотя о трех китах Библия, и правда, прямо не говорит (!), но описывает землю со столбами, подпирающими небо. «*Столпы небес дрожат и*

ужасаются от грозы Его» (Иов 26:11). Однако речь у Иова идет, разумеется, не о реальных подпорках неба (Иов не был столь наивен). Дрожащие столпы небес – это троп, фигура речи, аналогичная приведенной выше «тверди небесной», означающая законы природы, «устои», над которыми Бог имеет власть по праву Создателя. И уж совсем нелепо, когда критики, в силу отсутствия у них некоего устройства для обработки метафорической информации, заключают, что Библия говорит также – ни больше, ни меньше – о плоской земле, на основании фразы из самой метафоричной книги Апокалипсис: *«И после сего видел я четырех Ангелов, стоящих на четырех углах земли, держащих четыре ветра земли...»* (Откр. 7:1). Интересно, что сами критики, рассуждающие сегодня о четырех сторонах света в применении к явно шарообразной земле, об обвинении самих себя в плоскоземельной картине мира даже не помышляют. И компасы свои, обобщенно говоря, не выбрасывают. При этом аналогичные образные описания, как и сам факт наличия в Библии разных литературных жанров, критиками просто игнорируются.

Серьезным аргументом, демонстрирующим якобы архаичность авторского мышления, стражи материализма считают антропоцентризм Библии; известный художественный принцип, когда восприятие окружающего, каким бы чудесным и неземным оно ни являлось, описывается в терминах восприятия сугубо человеческого. Так, например, Сам Бог Библии антропоморфен; Он проявляет физические и психологические качества человека; смотрит и

оценивает увиденное, дает имена, радуется, гневается, устает, забывает. По мнению критиков, Он обладает даже человеческой анатомией – ведь упоминаются Его руки и ноги, Он прогуливается по саду или грозит язычникам: *«на Едома простру сапог Мой»* (Пс. 59:10). Между тем в вопросе антропоморфности Бога, как и в вопросе антропоцентризма Библии в целом, недоумение вызывают, скорее, не подобные детали, а претензии критиков. Что такое вся эта (записанная, отметим, людьми) человекообразность Его действий и эмоций, как не ключ к нашей с Ним коммуникации? Как еще Богу заключить Договор с людьми, как не при помощи их собственных телесных и психологических знаков? Авторы прекрасно чувствуют условность этих знаков и показывают, что Бог действует в истории через людей: *«Ефрем крепость главы Моей, Иуда скипетр Мой, Моав умывальная чаша Моя; на Едома простру сапог Мой. Восклидай Мне, земля Филистимская!»* (Там же, 59:9–10). Сторонники Разумного Замысла сегодня утверждают, что обращениями Творца к нам наполнен весь мир, стоит приглядеться хоть к строению живой клетки, хоть к *«звездному небу над головой и нравственному закону внутри нас»* (Кант), но многие ничего не понимают даже когда Бог говорит с ними на их языке.

Антропоцентризм, внимание Библии к человеку – перевешивает всякую ее космогонию. Тем не менее описания Моисея вроде *«Солнце взошло над землею, и Лот пришел в Сигор»* (Быт. 19:23) – продолжают служить для противников Писания радостным поводом обвинить автора в примитивном взгляде на

миропорядок – будто в этих и подобных строках утверждается давно устаревшая идея о вращении Солнца вокруг Земли **в астрономическом значении**. Но абсурдно само предположение о том, что четыре тысячи лет назад древние иудеи придерживались геоцентрической модели, выдвинутой Птолемеем только во II веке н.э. Солнце много раз упоминается в Библии в разговорном значении – «Когда зашло солнце и наступила тьма...» (Быт. 15:17), «...и [остался] там ночевать, потому что зашло солнце» (Быт. 28:11). Не говоря уже о явных метафорах: «И оно (солнце, – А.М.) выходит, как жених из брачного чертога своего, радуется, как исполин, пробежать поприще» (Пс.18:6). Как это прикажете понимать – солнце имеет ноги и радуется?

И все бы ничего, но антропоцентризм Библии – это даже не уступка необходимости, а вполне сознательный авторский прием. Это не истерики при описании величия Творца и творения, не восточные эмоции, не числовые выражения в невероятных степенях, а именно картина, открывающаяся простому взгляду человека, стоящего ногами на этой земле и наблюдающего весь земной и небесный мир вокруг себя. В современной космологии человек не является ни сущностным центром мироздания, ни каким-либо физическим центром, вокруг которого разворачивается космологический сценарий. Он сам – лишь пылинка во Вселенной. Как наблюдатель, он убран из привычной ему системы **«земля под ногами, небо над головой»** и рассматривает любой космический объект как в некоем кино. Если в терминах сегодняшних восприятий мы говорим о

Земле, то представляем нашу планету как бело-голубой шар в черноте космоса; если о Солнечной системе, то как бы видим всю ее, с Солнцем и планетами, летящими по орбитам; если о галактике – то всю галактику целиком и пр. Эту совокупность космических объектов наблюдатель волен кадрировать и масштабировать, но сам никогда в нее не включен, поскольку она для него абсолютно виртуальна. Проще говоря, такого наблюдения не бывает в реальности, и если некоторые счастливчики могли видеть нашу планету целиком, в виде шара (программа «Аполлон»), то наше зрение уже не позволяет наблюдать Солнечную систему непосредственно. То есть, еще проще говоря, человек на такие наблюдения «не рассчитан», и главной формулой его зрительного восприятия было и остается «земля под ногами, небо над головой».

Так почему антропоцентризм Библии является намеренным авторским приемом? Да потому, что это только в современной космогонии человек – пылинка и смотрит некое нереальное «кино» со стороны, а в космогонии Библии **человек является центром мироздания**. Именно вокруг него, стоящего на земле и восхищенного звездным небом над головой, совершает все свои телодвижения вселенная. Ради человека, согласно Библии, был создан весь этот мир, с его космосом и миллиардами звезд. Создавая сушу посреди воды, наполняя ее растениями и животными, Бог приготовил жизненное пространство не для кого-нибудь, но именно для человека – «...мужчину и женщину сотворил их. И благословил их Бог, и сказал им Бог:

плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею, и владычествуйте над рыбами морскими, и над птицами небесными, и над всяким животным, пресмыкающимся по земле» (Быт. 1:27–28). И если в Библии прямо сказано, что солнце создано для нужд человека и поставлено ему на службу в качестве светильника и хронометра, то пусть мне кто-нибудь из критиков объяснит, на каком основании и с какой стати библейский автор должен был использовать иную точку отсчета и восприятия окружающего, нежели «земля под ногами, небо над головой»?

Ситуация с обвинением Библии в незнании астрономии на основании ее «человекоцентризма» абсурдна еще и потому, что даже при всем желании – вот неожиданность для буквоедов – удовлетворить требование критиков указанием объективной астрономической точки отсчета невозможно в принципе, поскольку и нынешняя гелиоцентрическая модель тоже вполне условна – ведь Солнце является центром лишь в границах Солнечной системы, а сама Солнечная система движется в космосе относительно других объектов. Как здесь отыскать концы? Ответ на это дан той же современной научной методологией, с которой почему-то не дружат критики – исследователь вправе сам выбирать точку отсчета, наилучшей из которых является самая простая и для него удобная, исключая лишние сущности. Интересно было бы претензию скептиков переадресовать нынешним представителям мореходной и инженерной астрономии. Ведь сегодня, в XXI веке, они используют именно

«примитивную» картину мира, где Земля – центр небесной сферы, по которой движутся Солнце, Луна, планеты и звёзды. Геоцентристы и средневековые мракобесы? Да ничуть. Для практических целей единственно правильным будет выбрать в качестве неподвижной точки отсчета именно то место, где ты находишься сам. Если точкой отсчета принять колесо телеги, то земля будет вращаться вокруг колеса. Впрочем, и вся вселенная. Как, оставаясь в здравом рассудке, представить себе, скажем, вождя скотоводческого племени Моисея повествующим о мире в терминах гелиоцентризма? (А интересно, как бы это могло в принципе из уст Моисея прозвучать?). Потому вывод может быть только один – все описания Библии, сделанные с точки зрения человеческого, а не астрономического, **этого модельно-мультипликационного восприятия, не только корректны, но и единственно употребимы**. А иное пахнет уже некоей неадекватностью вопрошающих.

Кстати, этот авторский метод – описывать событие так, как оно воспринимается непосредственно глазами человека – может объяснить многие невероятности, описанные в Книге. Например, битва при Гаваоне, когда Иисус Навин, воззвав к Богу, приказал солнцу остановиться (см. Нав. 10:12). Критики в этом сюжете просто заходятся от восторга – остановить можно только Землю, но если бы Земля остановилась, все живое и неживое с нее смело бы могучим ураганом! И снова я недоумеваю – почему эти люди мыслят планетарно, космически? Разумеется, любой верующий человек не сомневается, что Господь

способен сотворить любое чудо. Но сражающиеся под Гаваоном **видели** остановившееся солнце. Они именно **видели** это явление. И если бы мы сейчас каким-то образом смогли переместиться на поле той битвы, то тоже, не сомневаюсь, увидели бы в небе замершее на много часов солнце, и для этого – не считите за парадокс – не обязательно было останавливать нашу планету на ее орбите. Бог показал сражающимся неподвижное солнце, ни больше и не меньше. Возможно, с помощью какой-нибудь небесной оптики провел свет так, что светильник продолжал оставаться видимым. Как Законодатель, как Творец всякой гармонии и оптимальности, Он вряд ли стал бы применять не изящные решения, нарушая Свои собственные устройства. Но что бы сказали критики, если бы в Библии было записано, что над Гаваоном возшло два солнца? А три солнца? А если бы – квадратное солнце? Конечно, радостно объявили бы выдумкой, ведь в Солнечной системе только одно Солнце, и оно не квадратное, а круглое. А зря бы не поверили. Такие оптические эффекты, вполне себе естественные, относительно часто наблюдаются без каких-либо разделений нашего светила на части и изменений его геометрической формы.



Необычные оптические эффекты. Слева: Два солнечных диска в небе над Петропавловском-Камчатским, наблюдавшиеся 23 апреля 2003 года. Источник: NEWSru.com В центре: 17 февраля 2015 года в небе над Челябинском возникли сразу три солнца. Источник: ИА REGNUM Справа: Квадратное солнце, возникшее 22 марта 2003 года в районе полуострова Нокке, префектура Хоккайдо, Япония. Источник: NEWSru.com

3.

Но, пожалуй, самым ударным аргументом, якобы подтверждающим архаичное мышление и скудную фантазию авторов Библии, критики считают известный парадокс четвертого дня творения – появление солнца (а также луны и звезд) уже после того, как на третий день были созданы земля и растительность. Земля и растительность на третий, а солнце только на четвертый? Стандартная реакция критиков – это абсурд! Как можно в XXI веке еще верить в подобные сказки? Как правило, такая реакция является и «аргументом», и исчерпывающим анализом.

Мы, конечно, держим в уме, что для верующего человека нет затруднений в принятии любого чудесного события, поскольку для Бога нет ничего невозможного. Даже если верующий – буквоед и зануда, ему все равно достаточно уже того, что

условия для смены дня и ночи теоретически были соблюдены еще до создания Солнца. Но здесь мы сталкиваемся принципиально с иной «буквоедской» ситуацией. В описании дней творения мы обнаруживаем не только намерение автора поведать о реально случившемся событии, но и стилистическое требование – **как именно о нем рассказать**. Многие из нас даже не догадываются, в какой бездонный колодезь мы заглядываем, имея дело со стилистикой Библии.

Основная строфическая форма Библии – дистих, то есть стих, состоящий из двух частей, или членов двустишия. Сам по себе дистих может быть сколь угодно разнообразным по форме, но в нем всегда неизменен принцип **параллелизма**. Это не двустишие в классическом понимании, где каждая следующая строка может быть продолжением или развитием мысли предыдущей, а два параллельных высказывания, схожих по смыслу. Пример обычного, так называемого синонимического параллелизма: «Он сказал – и сделалось; / Он повелел – и явилось» (Пс. 32:9). Или: «Зачем мятутся народы, / и племена замышляют тщетное?» (Пс. 2:1). Одним из самых распространенных является параллелизм антитетический, когда оба члена дистиха соотносятся не в сопоставлении, а противопоставлении друг другу, то есть содержат антитезу. Например: «Сердце разумного ищет знания, / уста же глупых питаются глупостью» (Притч. 15:14). Очень распространен такой вид параллелизма, как хиастический (от слова «хиазм»), означающего перекрестное соответствие),

где двуступишия структурированы по принципу зеркальной, или X-симметрии.

Например, Ис. 6:10:



(1) Ибо огрубело сердце народа сего,

(2) И ушами с трудом слышат,

(3) И очи свои сомкнули,

(3) Да не узрят очами,

(2) И не услышат ушами,

(1) И не уразумеют сердцем.

Подобный принцип организации параллелизмов получил название **стилистической симметрии**. Почему симметрии? Потому что Библия на многих семантических уровнях (поэтическом, нравоучительном, законодательном и пр.) декларирует мысль о совершенстве сотворенного мира как отражении величия его Творца. На уровне стилистической конструкции эта мысль также выражается вполне определенно – симметрия есть свидетельство гармонии и совершенства мира или, зеркально, – этот мир совершенен потому, что симметричен. Фундаментальное качество, определяющее гармонию и целостность мироздания, есть именно симметрия – способность мироздания в частях и целом сохранять соразмерность и неизменность при любых изменениях. «Симметрию, – говорит С.Г. Хорошавин, – принято рассматривать не только как основополагающую картину научного знания, устанавливающую внутренние связи между

системами, теориями, законами и понятиями, но и относить ее к атрибутам таким же фундаментальным, как пространство и время, движение. В этом смысле симметрия определяет структуру материального мира» (Хорошавин, 2005). И библейские авторы, в первую очередь Моисей, отражают это понятие о совершенстве мира как его симметрии, на уровне «закона изложения».

Мир библейской истории в соотношении с нашим есть нечто несовместное, давно утраченное и плохо понятное, но очевидно, что у тех людей была своя собственная вселенная. Очень упрощенно говоря, принцип библейской стилистической симметрии построен на представлении о том, что всё в этом мире имеет свое отражение. Человеку Библии было недостаточно восприятия в формате моно. Любая вещь, любая сущность в единственном числе представлялась неполной, недостаточной для оценки, в прямом смысле односторонней. Любую вещь или любую иную сущность, которая обнаруживалась в единственном числе, нужно было разделить надвое, чтобы осмотреть ее как минимум с разных сторон. Любому предмету или явлению нужно было отыскать пару.

Как вожделенны все дела Его <...>!

Все они – вдвойне, одно напротив другого,

и ничего не сотворил Он несовершенным:

одно поддерживает благо другого, –

и кто насытится зрением славы Его?

(Сир. 42:23, 25–26)

Так, например, у Адама не было шанса остаться существовать в одиночестве – человек как единая сущность мог состоять только из двух половин, мужчины и женщины. В библейском повествовании вся история мира пронизана сплошными отражениями и смысловыми соответствиями; Адам является прообразом Христа, а Христос есть второй Адам. Огненный потоп последнего дня симметричен потопу Ноя. Церковь – это Ноев ковчег, спасающий людей в мирских катаклизмах. Одно событие является прообразом другого, случившееся – симметрично своему прообразу. Не «ошибкой по недосмотру», а симметрией являются два рассказа о сотворении мира в Ветхом Завете и два родословия Христа в Новом^[2].

И если «сущностью симметрии, строго говоря, является тождество противоположностей» (Хорошавин, там же), то Моисеево повествование о Шестодневе является по сути математической формулой, выражающей симметрию творения. Стилистическая симметрия Моисеевой записи отражает смысловую симметрию самого процесса творения – его логику и жестко заданную последовательность. *«Так смотри и на все дела Всевышнего: их по два, одно напротив другого»* (Сир. 33:14).

Повествование Моисея открывается утверждением, что у начала этого мира стоит Бог, сотворивший всё видимое и невидимое (что выражено симметрией с антитезой: «небо и землю», небесное и земное) и описанием результата творения первого дня: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух

Божий носился над водою» (Быт. 1:2). Первозданной земле антитетична вода (бездна здесь тоже вода, поскольку в оригинале *ḥîml* – бездна и водная пучина). В отличие от еще неоформленной земли вода является уже некоей доминантой физического мира – как мы помним, по словам апостола, «вначале словом Божиим небеса и земля составлены из воды и водою» (2 Пет. 3:5). В дальнейшем именно «трансформация» воды по воле Творца будет способствовать появлению новых стихий – это разделение вод для создания неба и собрание вод для создания суши. Итак,

1-й день – вода, «и Дух Божий носился над водою» (Быт 1:2).

2-й день – небо, «и создал Бог твердь <...> и назвал Бог твердь небом» (Быт 1:7–8).

3-й день – земля, «Да явится суша <...> и назвал Бог сушу землею» (Быт 1:9–10).

Мы видим, что к третьему дню уже имеются три сущности физического мира, три стихии, произведенные последовательно – вода, небо, земля. Если этот физический мир подготавливается к приходу человека, то каков должен быть порядок наполнения созданного? Творение удивительно, но мы, знакомые с принципом стилистической симметрии, уже не должны удивляться, обнаружив здесь зеркальную симметрию. То есть порядок наполнения трех стихий обратен порядку их созидания:

3-й день – наполняется только что созданная земля: «и произвела земля зелень, траву <...> и дерево плодовитое» (Быт 1:12).

4-й день – наполняется небо: «и создал Бог два светила великие <...> и звезды» (Быт 1:16).

5-й день – наполняются моря: «и сотворил Бог рыб больших и всякую душу животных пресмыкающихся, которых произвела вода <...> И благословил их Бог, говоря: плодитесь и размножайтесь, и наполняйте воды в морях» (Быт 1:21–22). Хиазм имеет следующий вид:



Очевидно, что каждое действие находится на своем месте, порядок нерушим и что Солнце, Луна и звезды могли быть произведены только на 4-й день, чтобы составить отражение дню второму. Симметрия подкреплена еще и тем, что для первого и пятого дней употреблен глагол «бара» (כָּרָא – «сотворил»), для второго и четвертого глагол «аса» (הָשָׂא – «создал»), а в третий день Бог дает повеление суше явиться и произрастить зелень^[3]. Проверим «алгебру» творения

не только хиазмом создания-наполнения, но «гармонией» Шестоднева в целом. В первом случае речь шла о подготовке физического мира к появлению в нем его венца, человека. Если посмотреть на творческие акты Бога, касающиеся творения в целом и распределенные по шести дням, то мы увидим не менее впечатляющую симметрию, абсолютно прямые, что называется, в лоб, соответствия:

1-й день – свет: день и ночь	←→	4-й день – солнце, луна и звезды
2-й день – разделение вод, небо	←→	5-й день – рыбы и птицы
3-й день – земля, трава и деревья	←→	6-й день – земные животные и человек

Посмотрим также на описание Шестоднева с точки зрения его композиционной структуры. Гальбиати (Гальбиати и Пьяцца, 1992) отмечает, что при описании дней творения Бог использует **семь** повторяющихся словесных конструкций, одинаковых формул, примененных Им в количестве от пяти до семи к **восьми** последовательным творческим актам (ниже обозначим их римскими цифрами). Это: 1. вступление («и сказал Бог»); 2. приказание (напр., «да будет свет»); 3. исполнение («и стало так»); 4. описание действия (напр., «и отделил Бог свет от тьмы»); 5. констатация власти над созданием (для «неживых» стихий: «и назвал Бог...», для живых существ: «и благословил их Бог»); 6. констатация совершенства («и увидел Бог, что это хорошо»); 7. заключение («и был вечер, и было утро, день...»). Восемь творческих актов, распределенные по дням творения, составляют два симметричных ряда, а количество примененных к ним формул образуют хиазм следующего вида:

I свет: день и ночь	7	6	V солнце, луна и звезды
II разделение вод, небо	6 —	×	— 6 VI рыбы и птицы
III земля	5 —		— 5 VII земные животные
IV трава и деревья	6	7	VIII человек

Если Библия, по уверению критиков, содержит столь явную ошибку как создание травы и деревьев до появления Солнца, то почему гипотетические поздние редакторы ее не исправили? Казалось бы, почему создание растительности (IV) нельзя было переместить во второй ряд, например, к акту VII, чтобы избавиться от лишних недоумений? А потому, что эта «миссия невыполнима» стилистически. В контексте симметрии флора могла быть создана только вместе с землей, поскольку является ее частью – не сотворена («бара») и не создана («аса») непосредственно Богом, но произведена по слову Бога самой землей и укоренена в ней; во втором ряду ей просто нет места, среди перемещающихся светил, летающих птиц, ползающих и ходящих созданий. Поэтому растения должны появиться раньше солнца и только вместе с землей, их производящей. Кроме того, невозможно разорвать симметрию актов IV и VIII, поскольку они симметричны благодаря указанию на пищу человека (которому употребление животной пищи изначально было запрещено):

Быт. 1:12

«И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду ее, и дерево, приносящее плод, в котором семя его по роду его».

Быт. 1:29

«всякую траву, сеющую семя, какая есть на всей земле, и всякое дерево, у которого плод древесный, сеющий семя; вам сие будет в пищу».

И еще. Во втором рассказе о творении, который является симметрией первому, хотя сюжет и сфокусирован уже на драме Адама и Евы, тем не менее симметрия человека и растений сохраняется; думаю, не нужно объяснять почему. Эта симметрия «Адам – Эдемский сад», «Человек – древо познания», ибо с этой «симметрией» связана вся историческая драма жизни и смерти человека, падения и спасения его Христом на крестном древе жизни.

Что же все это, сказанное выше, значит? Некоторые богословы, в основном западные, считают, что Моисеев рассказ может не отражать фактическую последовательность дней творения. Эта последовательность может быть нам вообще неизвестна и, по сути, даже не быть для нас принципиальной. Творение, говорят эти богословы, могло быть одномоментным, его процесс мог быть просто неопишмым человеческим языком – поэтому Моисей схематизировал повествование о Шестодневе согласно принципу стилистической симметрии. Действительно, в Ветхом и Новом Заветах имеются примеры такой схематизации, разумеется, не отменяющие историчности описанного события. Православная же святоотеческая традиция утверждает последовательность творения именно в том виде, как она изложена в Библии. Разумеется, лично для меня гораздо убедительнее предположение, что в Моисеевом повествовании отразилось совершенство творения, нежели авторские усилия передать его невыразимость какой-либо схемой. Симметрия, выраженная Шестодневом, как-то уж слишком «симметрична» и поднимается до какого-то

необъяснимого, почти метафизического уровня, идеально – и поэтически, и математически, и логически – классифицируя и распределяя места человека, природных царств и стихий в мире^[4]. Кроме того, она универсальна – записанная несколько тысячелетий назад, она органична и Новому Завету, и нашему времени. В конце концов при допущении самого факта творения всемогущим Творцом выставить парадокс четвертого дня ошибкой библейской космогонии не получается хотя бы по той причине, что обязанность каждой модели быть внутренне непротиворечивой – этой самой библейской космогонией выполняется безупречно.

Действительно, инженер, не являющийся частью создаваемой им системы, а стоящий над ней, волен комбинировать процесс своего творения в любом удобном ему порядке. Если Бог является создателем времени-пространства-материи, то Он по определению имеет некую систему собственных координат, собственного, условно говоря, «времени». От рационалов часто можно слышать справедливое рассуждение – вот мол, наблюдаемая вселенная весьма велика, и отмеченный сегодня взрыв сверхновой звезды в дальней галактике должен был иметь место миллионы лет назад, учитывая время прохождения света. По одной только этой причине вселенная не могла появиться в течение одного, четвертого дня. И если это так, если вселенной не миллионы лет, говорят рационалы, то это означает, что Бог нас обманывает, «показывает фокусы» – создал молодую вселенную с уже взорвавшимися сверхновыми и уже дошедшим до нас светом от них.

То есть, звезды в реальности не взрывались, их свет не проходил миллионы световых лет, а был создан «в пути». Декорация! Но для Инженера, который планирует создание вселенной еще до создания «нашего» времени, не может существовать проблемы «наших» миллионов лет, равно как и проблемы создания вселенной за один «наш» день. Курица в бульоне не может рассуждать о поваре, если повар не является частью бульона с курицей. Вселенная четвертого дня – со светом звезд, кометами, солнцем, луной, «эволюционирующими» космическими объектами – вполне может (и по логике библейской модели обязана) быть создана в некоем особом «времени Бога» и презентована Им в готовом виде уже в «нашем» времени – хоть за «наш» один день, хоть за «нашу» секунду. Вот вам время, пространство, материя, вот вам работающая вселенная – «ваше» время пошло! Вселенной не исполнилось еще и одного дня, но в ней уже случились все ее миллионолетние события.

Как бы там ни было – записано ли повествование о Шестодневе по канонам библейской стилистики, или же оно есть описание события, открытого Моисею в его истинном хронологическом порядке, – хуже предположения, что какой-то древний племенной вождь по неграмотности что-то там напутал или присочинил, может быть уже только, извините, слабоумие.

Часть 3. Библия не соответствует современным научным представлениям?

1.

Еще одна «ошибка восприятия», трудность, мешающая принять библейское повествование даже нейтрально относящемуся к нему человеку, это якобы **несоответствие Библии современным научным представлениям о мире**. Здесь, прежде всего, у нас не должно быть иллюзий по поводу каких-либо «гибридизаций» библейской и научной картин мироздания. Парадокс уже в том, что когда мы произносим: «Библия не противоречит последним научным открытиям», то тем самым подразумеваем и признаём безусловное главенство так называемой современной науки – как единственного источника точных знаний о мире и его устройстве. Разумеется, мы знаем о духовной сущности Книги, но в первую очередь доверяем свидетельствам, которые можно пощупать руками. Хотя, если произнесенную фразу попытаться «раскрутить», то можно прийти к весьма неожиданным выводам. Можно спросить самих себя – а противоречит ли Библия научным открытиям, скажем, XVIII века? И противоречила ль им тогда, в самом XVIII-ом? Ведь были, кажется, «прецеденты», когда Божественное величие и правоту Библии ее адепты пытались доказать в терминах тогдашней науки – с помощью мифических теплорода и флогистона? То есть Библия в свое время уже противоречила ложным научным представлениям. А в XIX веке один из сторонников Библии, Кювье, выдвигал теорию многократных творений и катастроф, и

Библия противоречила и теории своего сторонника. А если так, то науке какого именно времени Библия должна окончательно и бесповоротно соответствовать (или не соответствовать), учитывая, что Книга по определению неизменна, а научные представления завтра в очередной раз поменяются?

Отсюда недалеко до простого вывода – библейское повествование, вероятно, следует оценивать не на соответствие очередным «научным данным» и «современным знаниям», а а **на соответствие тем задачам, ради которых оно, собственно, и было создано**^[5]. Казалось бы, описание того же Шестоднева в корне противоречит современному космологическому сценарию. Но есть непреложное правило в литературной критике – каждое произведение оценивается только по законам своего жанра. Неестественно требовать от некоей книги того, о чем она не собиралась рассказывать.

Действительно, Писание не менялось тысячелетиями, наука же меняет свои представления постоянно. Еще один феномен заключается в том, что гибкая и рациональная наука за последние триста лет своего существования не только не смогла опровергнуть косную и консервативную Библию, но даже ни на йоту не нарушила ее целостность. Не потому, что она, наука, была слаба или до сих пор не созрела для окончательного свержения Библии. И не потому, что Библия как-нибудь по-особому изворотлива или написана так, что позволяет гибко толковать свои тексты, нет. Но секрет ее «устойчивости» очень прост – Книга повествует о предмете, который составляет область исключительно ее собственной компетенции.

В очередной раз напомним, что эта книга не о физическом устройстве мира, а о **взаимоотношениях человека с Богом**. Мы можем не принимать Библию, а за истину в последней инстанции почитать выводы науки. Библейская концептуальная модель может расходиться с научными моделями и теориями в интерпретациях, указывать другие причины и движущие силы событий, но, как и в приведенных выше примерах, Книга не сообщает чего-либо очевидно ложного. Именно как цельная модель, как система связанных смыслов, Библия непротиворечива внутри себя и опровергать ее аргументами типа «это не так, потому что не соответствует выводам науки» – как минимум наивно.

2.

Сегодняшняя наука предлагает нам определенную версию своих нынешних знаний о мироздании. Разумеется, никто не станет отрицать очевидного – что в ряде вопросов наука и Библия кардинально расходятся. Например, в причине возникновения нашего мира, возрасте земли и вселенной, появлении на земле человека. С одной, правда, существенной оговоркой, что расходятся они ровно в тех вопросах, на которые каких-либо внятных ответов сама наука дать не может^[6]. Кому из этих двух «источников знаний» можно доверять больше – в вопросах не мировоззренческих, а именно исторических и событийных?

Кстати, давайте отметим тот малоизвестный и никем не обсуждаемый парадокс, что нынешняя материалистическая наука опирается и всегда

опиралась на методологический принцип, изложенный... в Шестодневе – что мир был спланирован и сотворен **разумно**. Это может показаться кому-то из читателей невероятным, но это так. Дело в том, что вся прежняя креационистская наука («ньютоновская») исходила именно из такой библейской аксиоматики – мир принципиально познаваем и доступен изучению только потому, что создан разумно, законы его неизменны, настройки ювелирно точны, структура стабильна. Он гармоничен в частях и в целом, и понимание закономерностей позволяет проецировать его изучаемые части на целое. Представители же новой материалистической науки, утверждая на словах «случайность» и «постоянную изменчивость» мира, не моргнув глазом, перетасили себе этот «разумный» постулат из ньютоновской науки, обозвав его принципом актуализма. С одной стороны, такое заимствование носит вполне прагматичный характер, поскольку наука не может иметь дело ни с каким другим предметом изучения кроме стабильного и предсказуемого. Хотя, с другой стороны, если минимально вдуматься, парадигма глобально эволюционирующего мира и принцип актуализма – это когнитивный диссонанс, две истины в одной голове. Позвольте, господа, мир, который вы изучаете, согласно вашим схемам, возник случайно из хаоса, развивался в результате проб и ошибок, «методом тыка», и должен представлять собой неприводимую к общему знаменателю свалку, как это наблюдается, например, в нынешней палеоантропологии, на свою голову связавшей свою судьбу и репутацию с обезьянами. Сегодня материалисты могут сколь

угодно отвергать идею Разумного Замысла, но в подавляющем большинстве своем они «методологически нечестны», поскольку имеют четкий разумно-дизайнерский аксиоматический стержень – какие бы загогулины ни выписывала эволюция, но законы этого мира, его гармония и тончайшая настройка всех его частей – являются стабильными и неизменными, как бы раз и навсегда положенными в основание мироздания.

Читателю наверняка знакома ситуация, когда любая отрывочная и разрозненная информация, будучи собрана вместе, открывает качественно новую картину, дает объемный взгляд на предмет. На этом, например, построено любое журналистское расследование. Отрывочная информация о каком-нибудь мистере Икс находится в открытых источниках – счета, справки, декларации, фотографии, отдельные высказывания. Но будучи собраны вместе, они вызывают у мистера Икс приступ бешенства с угрозами упечь журналиста «за клевету» (!), поскольку открывают изучаемого совершенно в новом и неожиданно истинном свете. Давайте соберем вместе общеизвестные отрывочные свидетельства, касающиеся научных представлений последних десятилетий о мироздании, окружающем нас мире и его истории, и посмотрим, как они поменялись к сегодняшнему дню. Могла бы, скажем, Библия стать источником еще каких-нибудь подсказок для ученых, хотя, повторяюсь, никаких сугубо научных сведений она в силу собственных задач сообщать нам не считает нужным? Итак, давайте сделаем такой краткий ретроспективный обзор.

1. Еще совсем недавно наука считала Вселенную вечной (существовавшей всегда), бесконечной и стационарной. У многих школьников, в том числе и лично у меня, едва не сносило крышу от попыток представить себе *такое*, однако тогдашний «уровень современных научных знаний» полагал подобную модель аутентичной. При этом многие ученые и популяризаторы, как и сейчас, утверждали, что «это доказано наукой», а Библию с ее «творением из ничего» подвергали осмеянию. К сегодняшнему дню эта материалистическая модель чудесным образом сдрейфовала фактически до библейской – к Большому взрыву из точки сингулярности и признанию того, что Вселенная (материя, пространство, время) имела начало. Из вечной вселенная превратилась в новорожденную, начавшуюся с нулевого момента времени, из бесконечной в ограниченную в пространстве, из стационарной в разбегающуюся, эпиграфом к каковой модели сегодня можно смело брать слова: *«Он распростер небеса, как тонкую ткань, и раскинул их, как шатер для жилья»* (Ис. 40:22). При этом теория Большого взрыва не отвечает на вопросы – что вызвало это взрыв и какова его природа. В библейской космологии материя, пространство и время появляются с момента Творения. В официальной космологии теперь – с момента Большого взрыва. Именно так, до взрыва не существовало ничего, но по сути **из ничего появилось всё**. Библия сообщает об этом на несколько тысячелетий раньше. Конечно, и ученые недавнего прошлого, и нынешние – вряд ли будут присматриваться к Книге в поисках подобных подсказок, хотя можно съязвить, что сама научная

картина в недавнем прошлом противоречила объективным библейским знаниям, но теперь подтягивается к адекватным представлениям о мире.

2. Некоторое время назад невозможно было представить себе свет без источника света. Это известный «аргумент Смердякова», антигероя Достоевского, который троллил своего учителя «задолго до того, как это стало мейнстримом». «Чего ты?», – спросил Григорий, грозно выглядывая на него из-под очков. – «Ничего-с. Свет создал Господь Бог в первый день, а солнце, луну и звезды на четвертый день. Откуда же свет сиял в первый день?». Григорий остолбенел. Мальчик насмешливо глядел на учителя» (Достоевский, «Братья Карамазовы»). До недавнего времени свет без материального источника был немыслим, а описанный в Библии свет до появления солнца все века вызывало некий мыслительно-вероучительный ступор – хотя сейчас ясно, что это еще один повод доверять рассказу Моисея. Ибо никто в здравом уме не стал бы сочинять очевидной бессмыслицы, смущавшей умы сотен поколений. Повторимся, что это еще и повод считать достоверным Моисеево авторство, поскольку будь у Шестоднева несколько авторов или поздних редакторов, они наверняка удалили бы этот непонятный и абсурдный сюжет, чтобы не создавать в умах современников когнитивного диссонанса. Как бы там ни было, но сегодня известно, что свет – это часть спектра электромагнитных волн, который вполне себе может существовать без материального источника. Теперь и в официальной научной космологии **свет появляется прежде солнца**, как одно из последствий Большого

взрыва, до формирования Солнечной системы. Моисей знал об этой последовательности несколько тысячелетий назад, получил в Откровении и записал, не считая абсурдом. Отсюда вывод – те места в Книге, которые кажутся непонятными, с высокой долей вероятности являются еще не проявившимся знанием. А принятие его идет по классической для науки и политики схеме – какой-нибудь субъект сначала умирает от смеха над «абсурдной» идеей, назавтра говорит, что в этом что-то есть, а послезавтра – «кто же этого не знает?». («Мы всегда об этом говорили», «мы никогда этого не скрывали»).

3. «До появления идеи симметрии, – пишет Хорошавин, – математика, физика, естествознание напоминали отдельные островки безнадежно изолированных друг от друга и даже противоречивых представлений, теорий, законов. Симметрия характеризует и знаменует собой эпоху синтеза, когда разрозненные фрагменты научного знания сливаются в единую, целостную картину мира» (Хорошавин, 2005). Библия же **идею симметрии мира** (о чем мы говорили выше) утверждала уже с первых строк. И если относительно недавно это понятие в естествознании связывали лишь с представлениями о структуре предметов, то теперь наука уже ведет речь о симметрии сложных естественных процессов, пространственно-временных свойств, электрических зарядов, физических полей и т.д. Библия и здесь оказывается права – принципы симметрии лежат в основе законов природы и, как следствие, всех нынешних физических теорий. Нарушения симметрии, например, в квантовой физике

элементарных частиц, оказываются проявлением симметрии на более глубоком уровне.

4. В прошлом библейская подсказка о том, что на молодой Земле изначально существовал единый континент, описанный Моисеем как **суша посреди собрания вод**, также не принималась во внимание. Сегодня теория Пангеи – сверхконтинента конца палеозоя – общепризнанная модель. Невероятно, конечно, чтобы наука до Вегенера прислушалась к Библии, но пометать можно. Ученые пропустили мимо ушей библейские слова и о подводных вулканах, и о подземных хранилищах воды – тех самых открывшихся «источниках великой бездны» (Dīnṭ – «техом», бездна, водная пучина), откуда на землю пришли воды потопа, и куда ушла вода, которая по его окончании *«постепенно возвращалась с земли, и стала убывать»* (Быт. 8:3). Были найдены и подводные вулканы, и обнаружен подземный океан в мантии, по объему втрое превышающий Мировой (Pearson et al., 2014; Schmandt et al., 2014), который по сути является аналогом «источников великой бездны». Наука и тут пришла к тому, о чем Библия говорила еще тысячелетия назад.

5. Существование в истории земли глобального водного катаклизма в формате библейского потопа материалистическая наука отрицала всегда. Но в качестве решения множества геологических загадок еще в XIX веке приняла гипотезу Ледникового периода, начавшегося неясно когда, но закончившегося исторически недавно и фактически давшего своим окончанием старт зарождению и бурному росту цивилизации. Здесь тоже можно

привлечь аналогии, заявив, что состояние, в котором пребывает вода, не столь важно, и что планетарный Ледниковый период можно уподобить планетарной водной катастрофе, с теми же результатами по его окончании – человечество вылезло из своих шалашей и пещер, приступив к строительству нового мира. И что наука в такой форме потоп как бы косвенно признала. Однако подобный подход хорош для формалистов, но нас не должен удовлетворять своей искусственной гибридность и попыткой подменить одно реальное событие другим.

Тут важно и однозначно другое признание. До определенного времени наука отрицала геологический катастрофизм как таковой, не принимая во внимание подсказки Библии о глобальном потопе и последовавшей за ним череде других катаклизмов – Ледниковом периоде, тектонической активности, горообразованием. Катастрофизм сторонников Библии Кювье, Агассиса, Седжвика и др. отрицался «новой» геологией практически до вчерашнего дня, пока эта наука, наконец, не констатировала: **«Возвращаемся к катастрофам»!** Этого пока мало (катастрофы признаются в рамках актуализма), но радует, что начался возврат на правильный путь. Так что в некоей воображаемой мизансцене не то что Моисей, но даже «библейский катастрофист» Кювье, держащий в руках Библию, может иронично спросить какого-нибудь недавнего сторонника вялотекущих геологических процессов: «Все-таки незаметно присоединяетесь к нам, барон?».

6. В конце XIX – начале XX века в науке господствовала модель происхождения человека, которую сегодня называли бы полицентрической (сам термин возник только в 1938 году). Согласно тогдашним взглядам ученых мужей, эволюция человека происходила по всей ойкумене, и возникновение рас виделось как следствие неравномерности эволюции в разных частях планеты. Кроме того, теория рас утверждала происхождение различных расовых групп от разных родов обезьян. Поэтому, например, негры в этой мейнстримной на тот момент схеме не только отстали в развитии от европейцев, но и сохранили многочисленные обезьяньи черты и признаки. Надо ли говорить, что в тот период сама мысль о происхождении современного человечества от восьмерых, спасшихся в мировом катаклизме, казалась неудачной шуткой. Вот вам, неучи библейские – смотрите, какое разнообразие породила эволюция; разные расы, разные уровни развития, негры еще пребывают на низшей стадии, а мы, белые, вершина эволюции... Однако в силу разных причин, в том числе и политических, научное сообщество относительно недавно приняло моноцентрическую модель, с происхождением человека в одной точке планеты и его дальнейшим расселением по земле. Многие материалисты поежились, поскольку сочли новую модель «слишком библейской», но тут был еще один сюрприз. Все человечество оказалось генетически очень сходным, что также соответствовало подсказке Библии о происхождении всего современного мира от ограниченного числа людей. В результате лучшие научные умы предложили *ad hoc*-гипотезу

«бутылочного горлышка», ничем, понятно, кроме желания уйти от проблемы, не обоснованную. То есть, по сути, наука и в этом случае сдрейфовала к библейской картине – согласно ее новым взглядам, в недавнем историческом прошлом произошло событие (очевидно катастрофическое), уничтожившее все прежнее человечество кроме небольшой группы. Резкое снижение разнообразия и стало причиной нашего нынешнего генетического сходства, так как все мы черпали из одного общего сохранившегося источника. Что за катастрофа произошла в истории, где и по какой причине **сохранилась группа людей**, наука не знает, но **выжившие умножились и из одной точки земли расселились по планете**. Таким образом, и в этом случае современная наука де факто пришла к тому, что в истории земли и ранней истории человечества происходили события, аналогичные тем, что описаны в Библии.

7. Исследователи не стесняются давать своим новым моделям имена, соответствующие библейским героям и событиям. Проследив ретроспективно генетическую линию современного человечества по митохондриальной ДНК до исходной прародительницы, они назвали ее «митохондриальной Евой», а теорию выхода и распространения человечества из одной точки «гипотезой Ноева ковчега». Разумеется, что по крайней мере имя Евы (как и «Y-хромосомного Адама») было дано этой условной праматери человечества всего лишь по культурной аналогии с Евой библейской. Генетики объяснили (и потом чуть ли не извинились

перед блюстителями чистоты науки), что эта женщина не была библейской Евой, хотя реально существовала. Разумеется, это «не та» Ева. Как объясняют генетики, сохранилась только ее линия, а остальные женские линии до нас не дошли. Тем не менее, ситуация, когда *внезапно* генетики выясняют, что все современное человечество произошло от ограниченной группы людей, а из всех мириад генетических прародительниц **женская линия представлена всего лишь одной «Евой»**, то нет ли в этом какого-нибудь... гм, повода призадуматься?

8. Господствовавший в науке африканский центр **происхождения современного человека и его культуры** в последнее время все отчетливей смещается в сторону Ближнего Востока, к местам, где согласно Библии разворачивались слепопотопные события. Сейчас ученые говорят уже о двух центрах происхождения, аккуратно именуя эту гипотезу «африканско-ближневосточной». Что касается происхождения языка, то еще относительно недавно наука, игнорируя Библию, утверждала полицентрическое происхождение языков в разных районах и у разных народов. Сегодня одна из наиболее обоснованных гипотез **происхождения праиндоевропейского языка** – восточно-анатолийская (Т. Гамкрелидзе и В. Иванов) в районе Армянского нагорья. И уж, конечно, сегодня никто не будет спорить (как в позапрошлом веке, до появления т.н. библейской археологии), что **центром зарождения цивилизации** Было Междуречье («теория ближневосточного ковчега»).

9. Отдельного большого разговора требует тема так называемой эволюции человека, которой мы коснемся в этой книге. Здесь, в этом перечне недавних научных представлений, сдрейфовавших к библейской картине, эволюционистскую палеоантропологию следует упомянуть особой строкой, как некую сущность, принципиально отказавшуюся следовать библейской подсказке о происхождении человека. Да и более того – возникшей и развившейся именно вопреки этой подсказке. Сама парадигма происхождения человека от обезьяноподобного предка есть системная ошибка и ведет исследователей в гарантированный тупик. В этом смысле библейская подсказка им была более чем внятной. И что мы видим сегодня? – «Наконец-то найдено недостающее звено!». – «Что-о, опять?!». От прежнего высокомерия нынешняя палеоантропология перешла к очевидному недоумению от того, что **анатомически современный человек в истории появляется как бы «строго по Библии» – внезапно и уже полностью «готовым»,** без видимых эволюционных предшественников. Насмешки и намеренное отрицание библейской антропологии и истории, неприятие библейских подсказок заставили материалистическую науку делать бессмысленные загогулины в познании и, теряя драгоценное время, до сей поры блуждать в лабиринтах, кончающихся тупиками. (Об этом мы подробнее поговорим в 3-й и 4-й главах).

10. Мы уже говорили, что Библия повествует о вещах для человека настолько необычных и при этом для него настолько важных, что большинство предметов и

явлений нашего мира, занимающих в нашей сегодняшней иерархии первостепенное значение, оказываются в этом повествовании если и упомянутыми, то лишь мимоходом, как бы за компанию, в контексте главной задачи – показать человеку путь к спасению и жизни. В этом смысле факт знания или незнания Моисеем или Иовом современной космологической модели или квантовой физики в принципе не имел никакого значения, просто был «не в тему». И тем удивительней обнаружить – пусть хотя бы в качестве второстепенных и третьестепенных планов повествования – что древние пророки Ветхого Завета были **прекрасно осведомлены об устройстве нашего мира**. Хотя их и не интересовала физика мироустройства сама по себе, но во многих стихах Библии, на правах случайных упоминаний и едва ли не проговорок – рассыпаны многочисленные свидетельства тех знаний, которые трудно соотнести с существовавшим тогда у древних народов уровнем развития^[7].

И все это при том, что у самих древних евреев не существовало ни научной космогонии как таковой, ни самой науки в принципе. Форма правления в их государстве была даже не монархической, а теократической, то есть Сам Бог – через Закон и первосвященников – был их управителем и законодателем. Разумеется, древние евреи не предпринимали никаких попыток исследовать мир собственными силами – по большому счету им были безразличны и форма Земли, и ее положение во вселенной. Абсолютно всё, что нужно для жизни – вплоть до правил личной гигиены, им уже было раз и

навсегда дано в Законе. По этой причине не могла и «переписываться» Библия, будучи своеобразной «конституцией» древнееврейского государства, отражающей не конъюнктурные интересы земных царей, а установления Самого Создателя мира. Мышление древних просто не знало рационализма и проверки факта сомнением, ибо человек воспринимал себя частью особого, единого, религиозного мистико-поэтического пространства. При этом стоит подчеркнуть, что сами библейские авторы, как это ни странно прозвучит, в своих описаниях привержены принципу реализма – даже рассказывая о чуде, они всегда подчеркивают, что речь идет именно о чем-то из ряда вон выходящем, то есть чудо в Библии всегда отделено от реальности и преподносится только как чудо.

...Итак, Ветхий и Новый Заветы действительно выполняли и выполняют свою собственную задачу – они должны донести до нас рассказ о событиях и пророчествах, имеющих непосредственное отношение к истории падения и спасения человечества, в центре которой находится личность Бога, ставшего человеком, а всё остальное их, как уже было сказано, мало интересует. При этом, говоря о «своем» и не касаясь вопросов физического устройства мира как предмета для нее избыточного, Библия, действительно, **не содержит ложных представлений** об окружающем мире и **научных ошибок**. Повторю это утверждение еще раз – **Библия не содержит научных ошибок**. Если она говорит о физическом мире или каких-то явлениях, описываемых также и наукой, то говорит в ключе

собственных семантических и стилистических правил и оценивает их собственной мерой значимости. Она может говорить о предмете другими, нежели наука, словами, делать другие акценты, называть другие причины его возникновения (Творец, а не Большой взрыв; создание человека, а не его происхождение от обезьяны), но даже в этом случае мы видим, что не Библия, а сама наука, отказываясь от предыдущих заблуждений, все более, как магнитом, притягивается в своих представлениях к картине, описанной в Библии. И если наука с легкой руки не очень умных людей становится мерилom истинности изложенного в Книге, то мы должны еще раз напомнить, что для сравнения чего-либо (например, Творения и Большого Взрыва) нужно как минимум точное знание о том, что сравнивается. Библия в этом смысле остается той же неизменной Книгой с прежней неизменной задачей спасения человека, а современная наука – той «стороной сравнения», которая противоречит всем своим предыдущим «добытым знаниям», – и можно не сомневаться, что завтра будет противоречить сегодняшним. Происхождение вселенной с точки зрения науки, возраст земли, эволюция человека – все это уже сегодня висит на волоске. Проблема же «ошибок» Библии существует лишь потому, что нынешние критики Моисеева текста лучше самого Моисея знают, что и каким языком ему надо было излагать, а также каким жестоким был тот Бог, в которого они не верят.

Часть 4. Жесток ли ветхозаветный Бог?

1.

...«Жестокость» ветхозаветного Бога, без которой не обходится ни одно атеистическое «**а**бличение» (термин Достоевского) – это отдельная тема. Однако, стоит сказать, что сама постановка вопроса («жесток ли ветхозаветный Бог?») содержит в себе противоречие, связанное со смещенностью нынешнего восприятия. Ведь все наши представления и оценки событий Ветхого Завета являются не более чем сегодняшней проекцией на ту «проблемную ситуацию», которая собственно и была преодолена Новым Заветом. Есть в подобных претензиях критиков некий нонсенс – наши сегодняшние этические нормы как раз и являются результатом сбывшегося ветхозаветного пророчества о пришествии и страданиях Христа, то есть, из сегодняшнего «нового состояния» мы осуждаем Книгу, сделавшую нас такими «высокоморальными» критиками.

Нужно помнить и о том, что оба Завета, Ветхий и Новый, являются в строгом смысле документами договора, заключенного меж Богом и людьми. Масштаб события, о котором в обеих книгах идет речь, переоценить невозможно; Бог создал человека как Себе подобного, наделив его свободной волей и возможностью собственного творчества. Создатель мог лишь надеяться на ответную взаимность со стороны человека. Из Писания можно узнать, что всё зло, которое мы сегодня имеем несчастье наблюдать вокруг себя, является неизбежной производной от того выбора, который сделал человек, воспользовавшись

подаренной ему свободой. Будучи осведомлен о возможных последствиях, Адам, тем не менее, выбрал независимость от своего Создателя – то состояние, в котором он уже не мог оставаться бессмертным (смерть, собственно, и является состоянием отделённости от Бога). Подразумевается, конечно, что Бог может пресечь всё зло этого мира в один момент, но потеря человеком его права личного принятия решений автоматически лишает его и изначального богоподобия, как, впрочем, лишает и смысла весь Божественный замысел о человеке – какой прок в висящих на ниточках балаганных куклах-марионетках, которые «за свои поступки не отвечают»?

Невозможно представить себе всю ту бездну бесперспективности дальнейшей истории, которая сразу началась с разбитого корыта... И ту неуместимую простым разумом степень усложнившейся для Бога задачи, для решения которой человеку с его «добровольно сданными позициями» предстояло теперь идти в сторону исполнения Божьего замысла более сложными, более обходными и долгими путями – со всеми будущими войнами, злодеяниями и предательствами, но с надеждой и расчетом на героев, подвижников и святых. Так как «Бог поругаем не бывает», Он не бросил Свое творение на полпути, тем более что это творение, даже взбунтовавшееся, на Него все еще надеялось. Бог дал человеку еще один шанс; с избранным Им народом Он заключил договор – если будете соблюдать Мои заповеди, адамов грех будет искуплен. Так, собственно, и появился Ветхий Завет –

собрание повседневных правил и пророчеств о будущем приходе Спасителя.

Итак, жесток ли Бог Ветхого Завета? Ведь в Новом Завете Он предстаёт, казалось бы, совершенно другим – кротким и любящим? Некоторые современные комментаторы при ответе на этот вопрос сразу пытаются как-то *смягчить ситуацию*. Действительно, наверное, можно показать, что «жестокость» Бога, описанного дохристианскими авторами, является частным случаем некоей неполноты открытых им, авторам, в свое время знаний. Мол, Бог Ветхого Завета «жесток» ровно в той степени, в которой понимали справедливость и неотменимость исполнения Божьего замысла сами ветхозаветные авторы. Однако, одно дело – отсутствие в Книге избыточных для нее «научных знаний», другое – реальные сцены истребления язычников.

Но – «что поделать, **таков уговор**». Какие уж тут смягчения... Зло в ветхозаветном мире не должно было победить ни при каких условиях, выращиваемая Лоза спасения (приход в мир Иисуса Христа) не могла быть задушена сорняками. Пока была хоть малейшая возможность разрешить ситуацию миром, Бог продолжал выступать в качестве увещателя: «Разве Я хочу смерти беззаконника? ... Не того ли, чтоб он обратился от путей своих и был жив?» (Иез. 18:23).

Если мы захотим действительно разобраться и понять логику описанных в Ветхом Завете событий, то поразимся отнюдь не жестокости Бога. Напротив, мы поразимся Его **долготерпению**! Взять ту же историю с

приказом истребить хананеев, которую так любят и ценят противники Библии. Можно ли представить себе полководца, приказывающего уничтожить врага только после того, как враг перейдет все мыслимые и немыслимые границы изуверства, превратившись в допотопную плоть? Но более всего в Ветхом Завете мы поразимся терпению Господа в отношении избранного Им народа. Этому народу, избранному отнюдь не для «надувания щек», а для тяжелого дела – выращивания в окружении языческого мира заповедной спасительной Лозы, Бог всякий раз говорит, что называется, на грани Своего терпения: «... Покайтесь и обратитесь от всех преступлений ваших, чтобы нечестие не было вам преткновением. Отвергните от себя все грехи ваши, которыми согрешали вы, и сотворите себе новое сердце и новый дух; и зачем вам умирать, дом Израилев? Ибо я не хочу смерти умирающего, говорит Господь Бог; но обратитесь – и живите!» (Иез. 18:30–32).

Нет, это не Бог жесток. Это – таков уговор. К несчастью, наши первые представители Адам и Ева, согласно Библии, сделали свой выбор и за нас. Они избрали независимость от Бога с осознанным принятием того факта, что всё прочее человечество после них станет таким же, как и они, самостоятельным и смертным; люди смогут не только убивать друг друга в войнах, но и все беседы с Богом в прохладной тени райского сада в этом мире закончатся – мы будем вынуждены осуществлять свое право личного выбора и принятия Бога в чудовищных условиях, без всякого ответа на свои вопросы: почему гибнут и страдают невинные, умирают от болезней

здоровые, а автобусы со школьниками, образно выражаясь, падают в пропасть. Даже если умом мы и будем понимать неотменимость такой «диалектики» для завершения начатой Богом работы, то сердцем принять подобную ситуацию станет одной из самых непосильных задач.

Ветхий завет, включавший историю творения мира, грехопадение людей, обещание о приходе Спасителя и Его ожидание, исполнился абсолютно в точности. Казалось бы, в обещании прихода второго Адама содержалось невыполнимое условие. Ни один человек уже не мог повторить адамову попытку в силу неотменимых последствий первой, повлекшей за собой по уговору с Адамом состояние смертности человечества: «смертию умрешь» (Быт. 2:17). И дело не в том, что Бог просто держал слово, не желая отменить уговор и простить человека. Нет, в этом мире вместе с проклятием земли изменилась сама человеческая природа. Всеобщее состояние греха в этом смысле являлось не синонимом отсутствия праведности, а неким запретительным качеством абсолютного свойства («печать греха»), подразумевающим унаследованное от Адама **отдельное существование от Бога** и, как результат, не допускающим человеческой душе после смерти с Богом соединиться. (А по учению Отцов Церкви смерть являлась естественной необходимостью, не позволявшей злу стать бессмертным). Но то, чего не сделал Адам и чего уже не мог сделать ни один смертный в этом «ссылном» для человека мире, стало возможным самым неожиданным образом. Человеком, который мог быть в силу своей

безгрешности свободен от уз смерти, стал... Сам Творец этого мира. Бог стал человеком по имени Иисус Христос, чтобы человек, Его творение, в лице Иисуса Христа смог вернуться к Богу! Будучи единственным безгрешным человеком, Христос, преданный насильственной смерти, **в человеческом образе сумел преодолеть смерть и воскреснуть.** Таким образом, Христос не только **сделал адамову работу «как нужно» и от нашего имени, но и разрушил барьер, отделявший человека от Бога.** «Смерть! где твое жало? ад! где твоя победа?» (1 Коринф. 15:55).

В том, что Бог для исполнения Своего обещания пришел к людям в облике обычного человека, проявляется не только Его чрезвычайное к нам уважение. Сказать так – не сказать почти ничего. Представьте, что поэт стал строкой своего же собственного любимого стихотворения, чтобы спасти его от сжигания в печи, а другие строки и четверостишья этого поэта казнили. Аналогий можно привести множество, но все сравнения будут слабы в силу той невыразимо громадной дистанции, которая лежит меж Богом и человеком – исключительно по причине упорных стараний человека в неприятии своего Создателя, от первых времен и до сей поры. Как бы там ни было, осознать это нелегко – Бог пришел к людям спасти их, а люди своего Бога казнили.

Но последователи Распятого, апостолы, создали Церковь. Наше право самим выбирать или не выбирать Бога остается при нас, как и прежде. Новый Завет, то есть, новый договор Бога с людьми, говорит о

том, что все, принимающие Его, исполняющие Его волю и тем самым помогающие Ему в исполнении Его планов, будут иметь вечную жизнь в новом мире, который нашими словами не описывается. Однажды, как усталые путники, все верные соберутся вместе для участия в празднике, в том первоначальном Замысле, для исполнения которого из-за «упрямства» человека потребовалась «целая История».

Вот о чем, собственно, и повествует Библия, обе ее книги, Ветхий и Новый Заветы. Один из отцов-основателей нынешней науки Исаак Ньютон сказал: «Библия содержит в себе больше признаков достоверности, чем вся светская история». Может быть, нынешние рационалы-скептики как-нибудь сподобятся задать себе простой вопрос – а что это старик имел в виду?

2.

Беда не в том, что наше сегодняшнее общество слишком прагматично. Это можно было бы еще понять – ведь религия оперирует «вещами призрачного происхождения», в то время как наука, имеющая дело с «материальным» и помогающая нам лекарствами, транспортом, связью, техникой и новыми технологиями, воспринимается современным сознанием как нечто осязаемое, надежное, безусловное – то, без чего не было бы нашего самоощущения именно как «людей современных». То, что философскими вопросами жизни и смерти наука не занимается, наших современников мало беспокоит – это означает лишь, что философские

вопросы им самим менее интересны, чем очередное средство для похудения или антикоррозийное покрытие для кузова машины.

Однако, повторяю, беда не в том, что сознание сегодняшних людей прагматично. Беда в том, что вместе с «щепкостью к пользе» оно еще **мифологично**, то есть в делах и суждениях большинство из нас склонно руководствоваться упрощенными или просто ложными стереотипами и шаблонами, принимаемыми за точные знания о жизни и окружающем мире. Поэтому прежде чем говорить далее об эволюции как научной теории, хочу сказать два слова (чтобы к этому больше не возвращаться) о ее популярном «народном» варианте, кухонной мифологеме массового сознания – «завтра будет лучше, чем вчера!». В какой-то степени это сугубо «сказочная» идея, поэтому такой поп-вариант эволюции так любят обыватели и домохозяйки.

Источником нашей недоразвитости и виновником любых наших нынешних бед удобно считать прошлое как таковое. Нам не нужно вникать в характеры людей, совершавших что-то до нас, стараться понять мотивы их поступков – это прошлое! Мы безусловно лучше, и если даже сегодня нам плохо, то завтра всё само собой обустроится, вот увидите! После десятой модели «Жигулей» не может следовать девятая, загогулина «светлого завтра» нас обязательно вывезет к счастью! А потому в прошлом не может быть ничего хорошего, по крайней мере, более «продвинутого», чем сегодня. Библия – из прошлого. В относительно недавнем прошлом были – сначала мрак царизма, потом лагеря сталинизма. В совсем недавнем

прошлом – «лихие девяностые», безработица и дефолты. Да и сегодня как-то не очень... Зато вот завтра-а-а... О-о! Завтра...

Пусть критики не говорят мне о психологии времени. Идея смирения и осознание того, что «жизни свойственно только ухудшаться», нашими людьми **отвергаются безоговорочно**. Наш народ – оптимист. Он часто рискует безоглядно и почти всегда проигрывает, потому что некоторые «умные люди» этот риск за него уже просчитали. К тому же, с такой «эволюцией» в сознании наших соотечественников бороться практически невозможно – покушаясь на чьи-то мифы и стереотипы, вы покушаетесь на то, что человек считает результатом своего собственного опыта и плодом собственных нелегких раздумий. Не трогайте святое!

А между тем, если мы внимательней всмотримся в эту кухонную эволюционную мифологию, то результат может показаться неожиданным. Мы увидим лишь безусловное исполнение в нашем мире принципа некоего равновесия или закона сообщающихся сосудов – если нас, действительно, и окружает нечто более прогрессивное, удобное и быстрое, чем прежде, то следующим вопросом должен быть – какую цену мы за это заплатили. Вывод будет весьма неожиданным – **прогресса не существует**. Разумеется, прогресса в том смысле, который мы в это понятие вкладывали. Идея **качественно** прогрессирующего общества – это миф прошлого века. Читатель, надеюсь, понимает, что я не отрицаю плоды прогресса и его несомненные преимущества в виде каких-либо машин, удобств и удовольствий. Я

хочу лишь сказать, что это движение вперед не является эволюционным, качественно новым, так как осуществляется лишь за счет опустошения уже имеющихся источников. Глупо отрицать полезность скорости перемещения в пространстве, новых коммуникаций и новых приятных ощущений тела, но глупо и отрицать, что всё это мы получаем не из воздуха.

Мультимиллионер богат потому, что ежедневно отбирает часть завтрака у каждого из нас, а каждый из нас богат потому, что ежедневно съедает ползавтрака у десяти будущих жителей Земли. Советские ученые и фантасты в свое время внушили обывателю, что научный прогресс приведет к открытию неких новых источников энергии, которые сделают всех счастливыми. Вот это и могло бы называться собственно прогрессом и эволюцией общества. Но вечных двигателей не существует, за электричество нужно платить, а миф об эволюции и прогрессе тем не менее живуч.

«От подъячего Крякутного, рухнувшего с колокольни, до исполинского «Руслана»? Так ведь и исполинский «Руслан» рухнул на город тоже. Никто из нас не живет в мире, который поставлен ему на службу. По большому счету все мы точно так же добываем свой хлеб в поте лица, боеем и страдаем, как и наши предки. И если мы будем внимательны и беспристрастны, то результат может показаться неожиданным. Мы увидим не прогресс, а лишь соревнование технологий, горизонтальные лягушачьи скачки дополнений и оптимизаций, и Второй закон

термодинамики в его философском переложении для кухонь окажется немного грустным:

Мы, оглядываясь, видим лишь руины.

Взгляд, конечно, очень варварский, но верный

(И. Бродский).

Кто вообще сказал, что движение вперед, прогресс, «завтра будет лучше», «всё выше, и выше...» – это норма? С чего мы вдруг решили, что стремление к улучшению всего и вся – это закон природы? Кто вообще придумал эту чушь – «мы рождены, чтобы быть счастливыми!»).

Посмотрите на миф под другим углом, и он уже не покажется вам столь убедительным. Например, «эволюционирующее» человечество на самом деле генетически вырождается. Не в силу плохой экологии или нездорового питания, а совершенно естественным образом, по причине многократного копирования кода ДНК из поколения в поколение и накопления ошибок. Наличие рас, гибриды плодов, породы животных – все это тоже к «настоящей» эволюции не имеет ни малейшего отношения. Говоря же об эволюции на примерах «дерево из семечка» и «человек из эмбриона», мы по незнанию совершаем элементарную подмену понятий – и семечко, и эмбрион возникли не из воздуха и не в результате «прогрессивных» мутаций, но оба были произведены «базовым» материнским организмом. Они использовали для развития не «эволюцию», а уже готовую, унаследованную и записанную в ДНК программу, управляющую процессами, которые до поры до времени противостоят распаду. И вся интрига

заключается не в существовании самого этого явления, а исключительно в причине его происхождения.

Я хочу сказать, что миф о прогрессе является по своей сути **вредным** и даже **опасным**. Позиция «завтра в любом случае будет лучше, чем сейчас» – не только питает завышенные и заведомо несбыточные ожидания, но фактически развращает человека, внушая ему философию бездействия. Это уже погубило Советский союз и идею коммунизма – ибо какой смысл убиваться, если коммунизм неизбежен? Человек, верящий в прогресс, не понимает и не видит, каким опасным может быть его завтрашний день. Все реки, конечно, куда-то текут, но ни одна из них не течет в гору. Честно говоря, я до сих пор поражаюсь, когда от кого-нибудь из любителей прогресса слышу фантазии вроде того, что завтрашние биотехнологии позволят принципиально изменить ход человеческой эволюции – добавить ему какой-нибудь третий глаз на затылке или возможность считать быстрее компьютера. Подобное может присниться только в страшном сне. Удивительное все-таки существо – «современный человек». Он мечтает о третьем глазе, порой не научившись смотреть еще и своими двумя. Он мечтает об искусственном интеллекте и кибернетическом мозге, зачастую не умея еще думать мозгом собственным, «природным». Он готов решать глобальные проблемы, еще не определившись как поступить со скопившимся вокруг него мусором (привет от «Маленького принца»).

Нет, друзья мои, хочу сказать я, не ободряйтесь! Завтра лучше не будет! Завтра будет хуже! Наша

задача – не верить в прогресс, а **думать и делать всё, чтобы существующему распаду противостоять сегодня**. Человек же, верящий в прогресс – это человек, которого завтрашний день застанет врасплох, как киношного Чапая, спящим, в нижнем белье, в окружении спящих часовых.

И тут я перехожу от грубых материй к высоким, от следствий к причинам. Если так называемый технический прогресс есть не прогресс, а обычная перекомбинация изначально имеющихся ресурсов и возможностей (как «рекомбинация» в генетике), то в духовном плане общество, отказавшееся от христианских ценностей, банально деградирует. Можно ли назвать прогрессом ситуацию, когда из года в год этические понятия, так сказать, идут на понижение? Когда каждое следующее поколение в вопросах этой самой этики оказывается неизменно «смелее» предыдущего?

Один из зримых индикаторов этого упадка – искусство. Свою трудовую деятельность я начинал монтировщиком декораций в Большом театре (что в числе прочего, полагаю, научило меня видеть разницу между любой декорацией и реальностью), и с грустью хочу заметить, что такие произведения как «Тристан и Изольда» и «Волшебная флейта» могли быть написаны только в свое время. Уверен, что теперь никто не напишет и «Гаянэ». Так же как и поэму «Евгений Онегин», не говоря уже о рублёвской «Троице». Это – прогресс?

Посмотрите на девушку с лютней на старинной картине – о чем она поёт? Наверняка сюжет ее песни

религиозен. О рае. О заступнице деде Марии. Или о рыцарях, освобождавших Гроб Господень. И вот сегодня... (тьфу, погань, лучше и не начинать!). Это – прогресс?

Мне еще памятна картинка из учебника истории – сотни рабов, погоняемые плетьюми, тащат на себе блоки для строительства пирамиды. Неважно, рабы ли строили, или свободные египтяне, как считается сегодня. Но уже в наши дни, где-то в середине девяностых, мне доводилось беседовать со свидетельницей строительства в 1932 году канала Москва-Волга. По словам этой древней старухи, бывшей когда-то женой офицера НКВД, темпы строительства канала были такими, что если заключенный, привозивший камни на тачке, срывался по неловкости с невысокого обрыва, его живого засыпали сверху камнями, чтобы не останавливать великую стройку ни на секунду.

Объясните мне тогда – за каким бесом мы говорим о каком-то прогрессе и о каком-то развитии? Разница между этими двумя стройками – 4000 лет, а получается, что в общественном устройстве и сознании, отказавшемся следовать библейским заповедям, ничего не изменилось? Таким образом, еще через 4000 лет вполне возможны новые «важные стройки». И что, нужна нам такая «эволюция»?

Прогресс, улучшение... Казалось бы, весь наш жизненный опыт говорит об обратном, а оно видишь как... Завтра будет лучше, чем сейчас...

Примечания:

¹ «...за ошибки Писания критики в лучшем случае выдают лишь свое собственное ущербное понимание...». – Есть один, почти юмористический аспект, касающийся стандартной критики Шестоднева. Если вы потребуете от библиофобов привести конкретные примеры устаревших библейских представлений об устройстве мира, то довольно быстро обнаружите, что под этими словосочетаниями скептики подразумевают (или сознательно навязывают) ничто иное как **представления ученых Средневековья** о том, какая космология описана в Библии. То есть Библии приписываются не ее реальные высказывания, а ложные средневековые трактовки ее текста с научных позиций того времени. Хотя, если быть хоть минимально последовательными, то в Писании никак не может содержаться средневековая картина мира.

В этом проявляется не только атеистическая безграмотность, но и двойные стандарты. По мнению атеистов, средневековая церковь препятствовала развитию науки и преследовала ученых, якобы опровергающих мракобесные библейские представления о мире (здесь как правило речь идет о европейском средневековье). Однако такая позиция является не только нечестной в отношении истинной картины событий, но и откровенно «предательской» в отношении средневековых ученых, о которых якобы пекутся обличители христианства. В реальности же спрашивать нужно со всех участников тех событий. Католическая церковь тем и отличается от

Православной, что всегда была носителем сомнительной светской точки зрения на мир и человека, в частности – буквально от самого начала науки принимала в качестве «руководящих принципов» **научную точку зрения**. Она, собственно, всегда и составляла с наукой одно целое, а первыми учеными были католические монахи-алхимики.

И то, что новые научные данные в Средние века встречали противодействие церкви, говорит не столько о борьбе церкви с наукой, сколько о том, что Католическая церковь (читай государственная власть) ретроградно держалась **старых научных данных**. Галилея осудили не за какие-либо ложные вероучительные взгляды, а именно за отрицание той научной картины, которая была ранее официально принята в качестве «подтверждения» Писания. Одно научное «подтверждение» напоролось на другое; в этом и был конфликт, и конфликт этот был, так сказать, всеобщим по неправоте сторон (церкви, государственной власти и науки). Конечно, церковное руководство охотнее принимало такие выводы науки, которые были бы ближе к библейской космологии – но, подчеркну еще раз, **только в их собственном ложном понимании**; к реальному же смыслу, целям и задачам Библии все эти средневековые «мракобесные» трактовки не имеют ни малейшего отношения. [\[Вернуться к тексту\]](#)

²«...два рассказа о сотворении мира в Ветхом Завете и два родословия Христа в Новом...» – Подразумевается, что подобные дублирующие вставки были сделаны неизвестными авторами по невнимательности, а разные акценты в каждом из

описаний именуются у критиков противоречиями. Даже такой «примиритель» Библии с наукой, как Э. Гальбиати, теоретически допуская возможность двойного авторства книги Бытия, замечает, что гипотеза о том, будто два противоречащих друг другу документа могли попасть в Библию случайно,

«...неприемлема даже просто с литературной точки зрения. Несмотря на явное присутствие разнообразных документов, в книге Бытия есть твердое единство замысла, обнаруживающего в авторе окончательной редакции острый ум и наличие у него единого, четко разработанного плана. Достаточно заметить, что книга Бытия разделена на десять частей <...>, в которых, методом исключения, исторический горизонт постепенно сокращается, охватывая все более узкий срез человечества, пока не доходит до двенадцати родоначальников колен израильских. Ни один из древних восточных документов не достигал такой силы синтеза. Мысль о том, что этот автор настолько простодушен, что способен поставить рядом два документа, не заметив их противоречивости, несостоятельна психологически» (Гальбиати и Пяцца, 1992).

[\[Вернуться к тексту\]](#)

³«...а в третий день Бог дает повеление суше явиться и произрастить зелень...» – В 5-й день сотворены и птицы, которых наряду с рыбами и пресмыкающимися произвела вода, но они симметричны не только воде, но и земле 1-го дня («земля же была безвидна и пуста»), поскольку им дано повеление: «птицы да полетят над землею» и «птицы да размножаются на земле» [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁴«...распределяя места человека, природных царств и стихий в мире...» – ко всему прочему, Шестоднев является не только повествованием о творении, но, выражаясь современным языком, – юридическим документом. Это в строгом смысле не рассказ о том, **как** Бог творил мир, не отчет о проделанной работе с изложением деталей, а законодательный акт, без которого договор Бога и избранного Им народа был бы просто «юридически» невозможен. По сути, рассказ о Творении – это утверждение самых основ библейского Закона, его своеобразная преамбула. Первое утверждение Шестоднева – это констатация того, **кто автор** этого мира (стоящий над ним, вне его и не являющийся его физической частью). Это ясно и недвусмысленно – «Бог сотворил» («В начале сотворил Бог небо и землю», Быт. 1:1). Второе утверждение – о том, **кто хозяин** этого мира. В установленном для древних евреев Законе правом дать имя живому существу или предмету и благословить кого-то обладал только его хозяин – кстати, именно потому, что начало этому положил Сам Бог («И назвал Бог свет днем, а тьму ночью», Быт. 1:5; «И благословил их Бог...», Быт. 1:22, 28 и др.). Третье утверждение – о качестве сотворенного мира, его **совершенстве**. Мир этот изначально был сотворен «хорошим весьма» («И увидел Бог все, что Он создал, и вот, хорошо весьма», Быт. 1:31). Четвертое утверждение – о том, что **Бог любит свое творение**, потому что об этом свидетельствует сам факт благословения: «И благословил их Бог...» (Быт. 1:22, 28 и др.). [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁵ «...библейское повествование, вероятно, следует оценивать не на соответствие очередным «научным данным», а на соответствие тем задачам, ради которых оно, собственно, и было создано». – Вообще-то, стоит задуматься – а с чего это такая честь науке, чтобы нечто рассматриваемое непременно ей соответствовало? Нет, я не собираюсь «ругать науку» – такой подход был бы бессмыслицей по определению, потому что никто не отменял ни рационального познания мира, ни религиозного. Вопрос стоит несколько иначе – почему положение вещей таково, что наука вообще вправе считаться неким универсальным эталоном познания? Мы поговорим об этом чуть подробнее в последующих главах, но сейчас стоит заметить следующее. Вероятно, в современном мире прежние «духовные акценты» настолько сместились в сторону жесткого рационализма, что наука в сознании большинства современников выступает сегодня в роли некоей самоценной квазирелигии. Научное знание считается объективным и фактически отождествляется с истиной (хотя ученые не устают повторять, что «в науке нет ничего окончательно доказанного»). Опирается на мнение науки считается престижным, так как словосочетание «доказано наукой» действует на современного человека (особенно обывателя) магическим образом.

Поэтому человеку, желающему сегодня принять Библию целиком, так сказать, со всеми ее чудесами, как бы предлагается пойти против науки, бросить вызов ее авторитету. Именно по этой причине многие современные ученые и даже богословы, не желая

конфликтовать с ней, чаще всего сдаются на милость «современных знаний» и, в лучшем случае, натужно пытаются увязать библейскую картину мира с научной.

Не оспаривая авторитета науки, стоит, однако, заметить, что именно в части взаимоотношений Библии и науки возможности научного познания явно преувеличены. Наука в принципе не способна дать всю полноту знаний о мире. Ведь имея дело лишь с материальным, она ничего не может сказать не только о мире человеческих чувств и эмоций, но и о мире духовном или чудесном. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁶ «...расходятся они ровно в тех вопросах, на которые каких-либо внятных ответов сама наука дать не может». – Некоторые современные научные модели, испытывающие трудности (например, та же гипотеза Большого Взрыва), для того, чтобы устоять, вынуждены вводить новые допущения. Другая группа моделей является предметом коллективного соглашения ученых; например, при определении радиометрического возраста принято считать, что принятые для метода допущения корректны и обязательно соблюдались. А какие-то модели, например, модель антропогенеза, находятся в системном кризисе. Обо всем этом речь пойдет в следующих главах. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁷ «...знаний, которые трудно соотнести с существовавшим тогда у древних народов уровнем развития». – Например, замечательно уже упоминавшееся выше восклицание Иова, касающееся процесса творения: **«Он распростер север над пустотою, повесил землю ни на чем»** (Иов

26:7). Факт того, что Земля является космическим телом, висящим в пустоте, был доказан только в XV веке н.э., но не признавался до XVII в. н.э. Книга Иова написана четыре тысячи лет назад, вероятно, в одно время с Моисеевым Пятикнижием, но то, что Земля свободно висит в пустоте, для автора очевидно. Кстати, можно с большой долей уверенности предположить, что на мысль о шарообразности Земли и ее подвешенности в пустоте средневековых ученых натолкнула именно Библия.

«Когда Он уготовлял небеса, (я была) там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны...» (Прит. 8:27), – читаем мы в книге Притчей аллегория Мудрости. Не круговую ли траекторию для планеты Земля? И Исайя говорит о Творце: **«Он есть Тот, Который восседает над кругом земли...»** (Ис. 40:22). Причем древнееврейское חַוּג («chuwg», «хуг»), переведенное в данном случае на русский как «круг», имеет также значения «округлость» и «шар», то есть, фраза включает в себя и значение «...Восседает над шаром земли».

«Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль?» (Иов 38:31–32), – передает Иов слова Бога, обращенные к автору и подразумевающие, что эта задача под силу только Богу. Однако Иов за тысячелетия до открытий нынешних астрономов уже знает, о чем идет речь – созвездие Плеяд (Хима) всегда неизменно в своих очертаниях (находится как бы в «связанном» состоянии), а созвездие Ориона (Кесиль) с течением времени свои очертания постепенно меняет (как бы свободно от уз). У древнего племенного народа даже о зачатках

астрономии в те времена не могло быть и речи, не говоря уже о банальной невозможности наблюдать звездные процессы в их динамике.

Библия знает о том, что звезды на небе бесчисленны. Господь говорит Аврааму через ангела: **«Умножу семя твое, как звезды небесные и как песок на берегу моря»** (Быт.22:17). Сама по себе эта фраза является очевидной гиперболой, но она замечательна тем, что древние евреи могли знать только о тех звездах небосвода, которые видны невооруженным глазом, то есть, не более чем о полутора тысячах. Поскольку в данном случае применен традиционный для древнееврейской поэзии метод параллелизма, то подразумевается, что обе составляющие гиперболической пары равноценны, то есть звезды столь же бесчисленны, как и морской песок. Этот же параллелизм подкреплён в Библии неоднократно: **«Как неисчислимо небесное воинство и неизмерим песок морской»** (Иер.33:22). **«...Как [много] звезд на небе и как бесчислен песок на берегу морском»** (Евр.11:12). Таким образом, видя собственными глазами вполне исчислимое и скромное для гиперболического обещания количество звезд, библейские авторы все-таки знали, что их реальное количество ближе к «неизмеримости песка морского». Телескоп же, напомним, был изобретен Галилеем лишь в 1609 году н.э.

«И создал Бог два светила великие: светило большее, для управления днем, и светило меньшее, для управления ночью» (Быт. 1:16), – говорится в книге Бытия. Эта фраза замечательна тем, что четыре тысячи лет назад древние народы «сами по себе» не могли

знать, что Солнце и Луна имеют разные размеры. Ведь угловые размеры Солнца и Луны при наблюдении с Земли равны, то есть оба объекта выглядят как имеющие одинаковую величину. Современные астрономы считают равенство угловых размеров Солнца и Луны «удивительным совпадением». Но с точки зрения сторонника творения никакой случайности здесь нет; столь тонко настроенная небесная механика должна была служить **«для знамений, и времен, и дней, и годов»** (Быт. 1:14). (Особо впечатляют солнечные затмения, когда лунный диск на удивление идеально вписывается в контуры солнечного, окруженный солнечной короной). Опять же, представление о разных размерах Солнца и Луны первые ученые, вероятнее всего, позаимствовали из Библии, которой в те времена безоговорочно доверяли. Но Моисею этот факт был известен четыре тысячи лет назад как непреложная истина. Кстати, то, что Луна не излучает собственный свет, а лишь отражает солнечный, древние авторы, судя по всему, тоже знали, всегда ставя Луну в зависимое положение от Солнца: **«И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего...»** (Мф. 24:29).

Всего 500 лет назад люди были уверены, что Земля плоская. Аристотель и Платон считали Гею (Землю) живым существом, а извержение вулканов объясняли как ее рвоту. Тем не менее, еще библейский Екклесиаст знал уже о круговороте воды в природе: **«Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь»** (Екл. 1:7). Иов знает о том, что воздух

материален и имеет вес: **«Когда Он ветру полагал вес...»** (Иов 28:25), а также, вероятно, и то, что земля имеет горячее ядро: **«Земля, на которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем»** (Иов 28:5). А евангелисты прекрасно осведомлены о «часовых поясах», то есть, о том, что день на одной стороне Земли соответствует ночи на другой. Говоря о пришествии Сына Человеческого как о моментальном событии (**«...как молния исходит от востока и видна бывает даже до запада...»** (Мф. 24:27)), Лука передает слова Господа: **«Сказываю вам: в ту ночь будут двое на одной постели: один возьмется, а другой останется; две будут молоть вместе: одна возьмется, а другая останется; двое будут на поле: один возьмется, а другой останется»** (Лк. 17:34–36). Как видим, из текста совершенно недвусмысленно следует, что в единый момент времени для одних людей на земле существует ночь, а для других дневное время полевых работ.

Все эти свидетельства «опережающего знания», конечно, меркнут в сравнении с фактами поразительной силы библейского слова и точности исполнения библейских пророчеств, однако, в контексте разговора о «несоответствии Писания данным науки», «неосведомленности библейских авторов» или «библейских ошибках» – эти фрагменты представляются мне весьма показательными.

[\[Вернуться к тексту\]](#)



ГЛАВА 2. ЛЕГКИЙ ХЛЕБ РАЦИОНАЛИЗМА

1.

Теперь самое время поговорить о том «эталоне», на соответствие которому у нынешнего рационального или прагматичного человека принято «проверять» библейские и религиозные истины. Речь пойдет о так называемой современной науке, где под словом «современная» добросовестный ученый всегда подразумевает некую наиболее полную версию знаний на сегодняшний день, а недобросовестный

использует это словосочетание исключительно в спекулятивных целях («современная наука окончательно доказала...»). Впрочем, сущность науки такова, что никакой другой ее временной разновидности, кроме **современной**, не бывает. Если религия неизменна, статична и «неисчерпаема» в своем подобии некоему постоянному источнику, то наука в плане своей динамики (я сейчас говорю только о динамике!) больше похожа на производство булочек или газет – и булочки, и газеты необходимы нам всегда, но вчерашние булочки и газеты, понятно, мало кого интересуют.

Мы уже говорили, что Библия не может противоречить каким-либо научным представлениям хотя бы потому, что ведет рассказ о своем собственном предмете. Теперь же давайте немного поговорим собственно о науке, научном методе и о том, в какой степени наука является «эталоном», так сказать, в деле познания мира.

Считается, что рациональный, то есть, научный метод познания дает объективный результат, не зависящий ни от личности исследователя, ни от каких-либо общественных умонастроений. Поскольку окружающий нас мир строго упорядочен и имеет свои закономерности, то при рациональном подходе изучение материального мира и его законов – лишь процесс, ограниченный временем; поскольку эти законы существуют как объективный фактор, они «никуда не денутся» от исследователя. Поэтому по большому счету кадры тут не решают ничего – ученому достаточно быть последовательным в соблюдении определенных правил игры – и все тайны

этого мира наука со временем откроет и поставит человечеству на службу.

Иными словами, от любого представителя научного сообщества вы услышите, что наука объективна, рациональна, свободна от идеологических влияний, а знания, полученные с ее помощью, относительно «истинны» («относительно» – потому, что завтра узнаем еще больше). Однако, как я постараюсь показать это чуть ниже, традиции, сложившиеся в научном мире за последние 150 лет, делают подобные утверждения отнюдь не бесспорными.

Если в очень грубой, упрощенной форме попытаться определить «символ веры» современного естествознания, то это, похоже, будет нерушимая, железобетонная триада – **«антибожие»** (материалистическая «естественность» нашего мира), **неизменность физических законов природы** (так называемый актуализм) и общая для всего окружающего мира тенденция к **развитию** («глобальный эволюционизм»).

Я прекрасно понимаю, что любой ученый тотчас по прочтении вышеприведенного абзаца предаст меня «научной анафеме», однако суть подобной эмоции будет заключаться исключительно в употреблении мной «ненаучной» терминологии. Любой ученый муж, например, категорически не согласится с формулировкой «символ научной веры», ибо, как мы уже неоднократно слышали от этих людей, в науке нет веры, но только эмпирика, опыт, эксперимент, есть только – «его величество Факт». И по поводу «антибожия» науки ученый тоже вряд ли согласится...

Впрочем, давайте по порядку. Надеюсь, всё станет на свои места.

«Антибожие». И христиане, и атеисты согласны в том, что рациональный тип мышления появился в человеческой истории позже религиозного. Мы можем принимать или не принимать библейские рассказы о первых людях на допотопной земле или первых послепотопных мигрантах. Но вряд ли кто будет спорить, что в любом случае «голый человек на голой земле» в этом материальном, опасном и не желающем отдавать свои тайны мире – будь он хоть трижды мистиком и философом, – не мог миновать такого удовольствия, как рациональный подход к изучению окружающего. Хотя бы для того, чтобы выжить. Дух постоянного сомнения, опаски, оглядки, отбора наиболее подходящих вариантов как раз и породил то, что сегодня называется рациональным мышлением. С точки зрения христианина наука не могла не родиться в падшем мире, оставленном Богом с напутствием человеку: «в поте лица твоего будешь есть хлеб» (Быт. 3:19) и «впредь во все дни земли сеяние и жатва, холод и зной, лето и зима, день и ночь не прекратятся» (Быт. 8:22). Возражая христианину, материалист скажет, что просто рациональный тип мышления эволюционным образом пришел на смену мистическому (религиозному), как следствие новых знаний о природе и мире.

Как бы там ни было, до определенного момента наука и вера сосуществовали в завидном единстве. Основатели современной европейской науки потому и были «спокойны» в изучении законов природы, что

понимали – законы эти нерушимы и доступны для изучения именно потому, что установил их разумный Законодатель. Всё, что создал Бог, всё, что вложил он в этот мир, можно было изучать в качестве Его творения и, хваля Творца, раскрывать и ставить себе на службу в облегчение *«сеянья и жатвы, холода и зноя»* – создавать новые материалы и технологии, добывать энергию из пара и электричества, выводить новые сорта растений и породы животных.

Но драматизм этой истории в том, что с определенного момента, лет триста назад, европейская наука стала отделяться от христианства. Материалист в очередной раз ввернёт дежурную мантру о прогрессе и новых знаниях, якобы показавших ошибочность религиозной картины... Христианин же скажет о «гордыне», то есть, выражаясь светским языком – о крайнем эгоизме ученого, не захотевшего «делиться» собственной славой и величием с Творцом этого мира.

Действительно – секуляризацию («обезбоживание») науки можно рассматривать как некий бунт ученого, однажды решившего, что существующий мир может управляться не только Богом, но и человеком, обладающим определенными, им самим накопленными, а фактически «отобранными у Бога», знаниями. Убедившись однажды, что он уже сам знает все алгоритмы «божьих законов природы» и сам может воспроизвести многие «божьи явления природы» в эксперименте, ученый задал себе вполне рациональный вопрос – а причем тут, собственно, Бог? Зачем он мне, ученому, если я в своей работе могу его просто не учитывать? Или, переводя на язык

этики – зачем мне родитель, если я и так владею всем данным мне богатством?

Всё это зашло так далеко, что сегодня по умолчанию считается, будто наука находится в некоей зоне, свободной от любых религиозных или мировоззренческих установок. Более того, ученому-материалисту категорически не понравится сама приведенная выше формулировка – что одним из основополагающих принципов естествознания является «антибожие». Ученый тут же вспомнит старика-схоласта Оккама и его знаменитую «бритву» – принцип, требующий для объяснения любого непонятого явления отсекаать все лишние, так называемые избыточные, сущности. Позвольте, г-н Милюков, скажет ученый муж, – в науке нет никакого ни «божия», ни «антибожия». Всё это вообще не имеет к науке ни малейшего отношения. Наука просто не вводит понятие «Бог» для объяснения непонятных явлений. Строго по Лапласу – наука не нуждается в гипотезе Бога. Науке вообще нет дела до каких-то непонятных богов и библий. Наука этически и идеологически нейтральна. Она изучает движение электронов и степень окисления веществ, и Бог тут – ну ни с какого боку ученому не помощник. Науке от наличия или отсутствия Бога ни холодно, ни жарко. Антибожие как принцип науки – это такая же нелепость, как, скажем, для произведения искусства требование обязательного наличия реального прототипа.

Казалось бы, нынешних «секулярных» ученых можно понять. Наука утверждает, что познает мир, но при наличии божественных тайн мир непознаваем. Если

для ученого-христианина старой формации пределы познания ограничивались рамками нравственности, то для секулярного ученого, решившего идти в познании до конца, такой подход принципиально неприемлем. Тезис о нейтральности науки ученый-материалист будет отстаивать до конца – ведь человек, делающий атомную бомбу или создающий омолаживающее средство из abortивного материала, просто не может оглядываться на этические установки. Современное научное образование на корню отсекает этику и философию, и, верно говорится, что если современному инженеру дать задание спроектировать идеально защищенную систему, он спроектирует тюрьму. Следовательно, даже интуитивная задача номер один для секулярной науки – избавиться от любых «лишних» проблем, заподозренных в этическом происхождении, от мистики, от всего иррационального мусора, засоряющего стройную картину познаваемого мира. Это требование сформулировано в самом «развернутом» названии научного знания. На то оно и естественнонаучное, что всё сущее должно быть рассмотрено им как следствие не божественных, не творческих, не этических, не личностных, а единственно лишь – естественных, натуральных, «само-собой-идущих» материальных процессов, не оставляющих места никаким двусмысленностям, загадкам и так называемым голосам совести.

Не будем сейчас подробно рассматривать тезис о секулярности науки как естественном следствии прогресса, показавшего неактуальность религии. Он был бы верен, когда б не одно «но» – от Ньютона и до

сегодняшнего дня многие блестящие научные умы, включая нобелевских лауреатов, разделяют христианскую идею, продолжая при этом свою научную карьеру.

Но прав ли сегодняшний христианин, что нынешняя наука является «блудным сыном» религии и по идее должна (не в смысле долга, а в смысле надежды на это) вернуться к тому состоянию, когда ученый в своем познании мира «следовал за мыслью Творца»? Вероятно, прав, но только отчасти. Для сокращения пути давайте признаем, что жесткая связка между исследованием и этическими нормами существует только на уровне самого исследователя. Казалось бы, в идеале наука, научный поиск должны быть, действительно, нейтральны и независимы ни от религиозных, ни от атеистических убеждений исследователя. В реальности всё немного сложнее.

Например, могут ли сегодняшние представители точных наук – физики и химики, «не вводить Бога» в свои исследования? Разумеется, могут. Физик Гинзбург может быть ярким атеистом, а физик Курчатов – глубоко верующим человеком, однако их мировоззрение не влияет на вещи, твердо фиксированные в этом материальном мире – на скорость движения электронов или ускорение свободного падения. Максимум, что может физик-христианин – это лишь сожалеть, что физик-атеист не принимает тезиса о сотворенности этого мира и его законов Богом, но при этом оба физика – и атеист, и христианин – изучают одну и ту же материю и одни и те же законы, не меняющиеся от личных убеждений исследователей.

Поэтому сделаем первый вывод – в точных науках, каковыми являются, скажем, физика, химия или математика, наличие или отсутствие такой сущности как Бог никакого влияния на результаты исследования не оказывает. Независимо от того, как возникла материя, и кто вложил в нее ее свойства, точные науки лишь фиксируют эти объективные свойства, систематизируют их, обобщают и выводят столь же объективные закономерности.

Однако существуют научные дисциплины, где при изучении и описании объектов в принципе нельзя обойтись без субъективизма – вероятностных допущений, всяческих обобщений по аналогиям и «идеологических» интерпретаций. В первую очередь это относится к историческим наукам, имеющим дело с событиями, происходившими в прошлом и ныне не наблюдаемыми. Или того лучше – с событиями, происходившими всего один раз в истории и в принципе опытным путем не воспроизводимыми. Если взять, к примеру, биологию, геологию или астрономию, то они в какой-то мере безусловно подпадают под категорию «настоящих» наук. Представители этих дисциплин изучают то, что открыто их взору – систематизируют объекты, описывают их строение, состав, функцию, связи и взаимодействия друг с другом. Но существует один момент, являющийся в этих дисциплинах демаркационным. Это – вопрос о **происхождении изучаемых объектов**. То есть, о причине их появления в истории и протекании процесса их развития до того, как первые исследователи увидели эти объекты в их нынешнем виде.

И вот тут начинается самое интересное. Ученый, рассматривающий своими собственными глазами окаменевшую кость динозавра (либо срез геологического пласта, либо галактику) должен описать событие, у которого не было свидетелей. Что бы ни говорил исследователь о своей объективности и объективности науки, ему никуда не деться от субъективной интерпретации, от толкования, от «художественных» попыток создания вероятностного сценария событий – по сути, его творческой (субъективной) реконструкции. В своей «исторической», ненаблюдаемой части любая из перечисленных наук перестает быть «голой наукой» и превращается в обычную мифологию, разве что облаченную в научную терминологию. И в этом случае личное мировоззрение интерпретатора (или группы интерпретаторов) прямым и безусловным образом влияет на реконструкцию. Теперь посудите, может ли быть «нейтральной» и идеологически свободной реконструкция, когда ученый-христианин «реконструирует» ненаблюдаемое событие с позиции своего мировоззрения, а ученый-атеист – с позиций своего.

Можно до бесконечности описывать и систематизировать виды животных, геологические страты и типы галактик, но когда дело касается интерпретации их **происхождения и развития** – то этот спор между двумя сторонами уже ни с логической, ни с какой-другой точки зрения неразрешим принципиально. В зависимости от парадигмы у двух ученых будут разные трактовки при одинаковых фактах. Самое интересное то, что

«беспристрастность» ученого-агностика, каковыми особенно любят изображать себя атеисты, здесь не проходит. В мировоззренческих вопросах третьего не дано – **причиной происхождения и развития жизни, земли и космоса может являться либо творческая воля личности** (Бог, вселенский разум и пр.), **либо слепая случайность** (тут масса эвфемизмов).

Поэтому в «исторических» разделах любой из естественнонаучных дисциплин никакой объективности ученого и никакого свободного от идеологии подхода в принципе быть не может. Таким образом, современная официальная наука (напоминаю, в части, не касающейся точных знаний), заявляющая о своем агностицизме, нейтральности и свободе от всякой идеологии, банально лукавит, ибо в первую голову **опирается на парадигму, исключаящую Бога**, то есть по своей сути является **атеистической**. Мотив «не введения Бога в исследование» здесь является не столько методологическим, сколько принципиальным. Любой ученый-материалист, на словах «не нуждающийся в Боге» и уверяющий вас: «Если будут факты, обязательно рассмотрим!», – на деле первый сбежит от рассмотрения проблемы, если решение вдруг начнет подозрительно совпадать с библейским вариантом или может привести к необходимости говорить о Боге. В свое время один из отцов эволюционизма Артур Кийт не скрывал подобного подхода, формулируя его как кредо: «Эволюция не доказана и её невозможно доказать. Мы верим в эволюцию только потому, что **единственной альтернативой является сотворение мира, и это**

немыслимо» (из предисловия к 100-летнему изданию «Происхождения видов» Дарвина, 1959). Нынешние адепты материализма, настаивающие на нейтральности науки, уже не столь прямые, но «антибожие» как принцип то и дело прорывается у них на уровне проговорок: «Что было, когда ничего не было? <...> Почему все части Вселенной стали расширяться одновременно? <...> Откуда мы всё это знаем? <...> Для того, чтобы мы могли задавать эти вопросы, **для того чтобы нам не говорить, что кто-то специально сделал Вселенную**, которая создана для нашего удобства, **для того чтобы избежать давать такой ответ на этот вопрос**, мы тогда должны сказать, что у нас было много возможностей выбора <...> – предположить, что эта теория многоликой Вселенной справедлива» (проф. А. Линде, Стэнфордский университет, США; см. Линде, 2007).

* * *

Второй кит, на котором вот уже 150 лет держится всё научное здание – это постулат о **неизменности законов природы**. Казалось бы, это всего лишь нормальное научное положение о принципиальной **познаваемости мира**, принимавшееся и прежними учеными-христианами, и, как мы говорили выше, напрямую унаследованное от них нынешними «свободными» учеными-материалистами. Но прежние ученые признавали авторство Творца, нынешние же принимают тонкие настройки мира как некую само собой имеющуюся данность – да, мол, мы видим и не отрицаем, что мир гармоничен и упорядочен, но причина этого нас особо и не интересует – оно есть как есть, и этого достаточно.

Вон, «теория» бесконечного множества вселенных чем вам не хороша? Просто живем в самом удачном из вариантов, вот вам и тонкие настройки, – отмахиваются они.

Однако, отвергнув библейские описания Бытия как мифические и антинаучные, атеистическая наука встала перед проблемой полного отсутствия какой-либо иной информации о событиях, свидетелем которых не был ни один из современников. Поэтому гипотеза о неизменности законов природы, принятая когда-то лишь для удобства описания геологических процессов, в новой науке фактически приобрела статус методологического принципа. Этот принцип, также известный как **актуализм**, гласит дословно следующее – «ключ к пониманию прошлого лежит в настоящем». То есть все те процессы, константы, положения, которые мы наблюдаем вокруг себя сегодня (от скорости образования гор до скорости распада радиоактивных ядер) – были точь-в-точь такими же и миллион, и миллиард лет назад.

Методологические основания такого принципа, повторюсь, понятны – ученым просто необходима устойчивая и доступная для исследования модель окружающего мира. И с нарушениями порядка, с отклонениями от своей модели наука не работает. В этом смысле наследство христианской науки вписалось в новые схемы идеально. Но для ученых-материалистов, исповедующих нейтральность науки, между тем актуализм имеет и другую, уже идеологическую ценность – и любой адепт материализма будет защищать его подобно матросу с картины Дейнеки «Оборона Севастополя» – с

трилобитом вместо гранаты в одной руке, с томиком Дарвина в другой, истекая кровью на последнем рубеже. И в такой особой приверженности к актуализму у этого типа ученых есть свой резон. Принцип актуализма, если в него упереться как следует, становится аргументом невозможности нарушения каких-либо процессов в прошлом и ставит непрошибаемую стену не только для библейской картины происхождения мира, но и для любой иррациональности вообще.

В этом смысле актуализм сегодняшних секулярных ученых – это лишь карикатура на, так сказать, истинный актуализм основателей современной науки. Если в прошлом неизменность законов и констант христианские ученые рассматривали как свидетельство разумного замысла Бога о природе, то современные, напротив, ценят актуализм ровно по противоположной причине – законы мироздания оттого так крепки, что их *некому нарушить!* В природе всё так притёрто друг к другу, что чуду, то есть нарушению законов природы, уже просто некуда втиснуться. Мы не можем допустить чуда, – как бы говорит материалист, – *потому что природа уже упорядочена!* Надо было вам раньше приходить!

Шутки шутками, но логика даже «этого» мира подсказывает, что у всякого закона, тем более, неизменного, должен быть автор, то есть, законодатель. Однако строгость закона секулярный ученый принимает, а наличие Законодателя – ни в какую.

И это при том, что наш мир наполнен, пронизан явлениями, безусловно выходящими за рамки привычных нам природных законов. Не будем говорить тут о явных сверхъестественных явлениях, всем хорошо известных. Они не объекты для научного изучения, а некие маркеры, возможно, свидетельства открытия в нашем мире неких «окон» из мира другого. Но материалистическому актуализму явно противостоит и более «земной» материал – для пытливого ума ученого просто драгоценный. Например, существует множество фактов, опровергающих принцип актуализма – от ископаемых тропических лесов в Заполярье до сохранившихся фрагментов белков якобы вымерших десятки миллионов лет назад динозавров. Не говоря уже об археологических и антропологических аномалиях, составляющих закономерный ряд, когда костные останки древних людей и их артефакты регулярно отыскиваются, что называется, не в своем времени и не на своем месте, полагаясь им по эволюционной схеме. Казалось бы, наука, ученые, академии и лаборатории должны были броситься наперегонки со всех ног – самым тщательным образом исследовать эти находки для укрепления уверенности в правоте собственных выводов.

Но «господствующая наука» в подобных случаях предпочитает хранить молчание и делать вид, что она «тут никого не знает». Причем, принцип бритвы Оккама в этом случае понимается учеными людьми весьма своеобразно – они отсекают не «лишнюю сущность», а исключительно сущность им неудобную. Казалось бы, просится само – ученый, сталкиваясь с

необъяснимым явлением, должен первым наплевать и на Оккама, и на его бритву – и **первым ввести столько дополнительных предположений («сущностей»)**, **сколько нужно**, чтобы помочь познанию, если **целью науки действительно является выяснение истины любым способом**. Но наука просто принципиально отказывается работать на этом поле и ступать на тропинку, которая может привести устоявшуюся картину мира к «зависанию всей программы», то бишь, к тупиковому состоянию любой научной концепции. Заимствовав из христианской науки принцип упорядоченности мира, материалистическая наука выхолостила его, наполнив собственным произволом. Вы говорите, что невозможно сохранение органики в 80-миллионолетних костях динозавров? Но ведь скорость распада ядер неизменна, следовательно, органика способна сохраняться 80 миллионов лет! «Объективность» такой науки выражается лишь в отказе рассматривать явления, в ее схемы не вписывающиеся. А о том, мимо каких возможностей познания она проходит, лучше и не думать.

* * *

Из догматов о естественном (то есть, случайном) характере происхождения и существования мира и неизменности его физических законов непосредственно вытекает желание объяснить всю его наблюдаемую сложность. Тут логика проста – если наш сложный и разнообразный мир возник естественным, а не божественным путем, то развиваться он мог только из примитивного состояния; таким образом, необходимо уделить особое внимание

процессу этого усложнения, попробовать отыскать ему доказательства, а зияющие дыры закрыть фантазиями и идеологической пропагандой. Поэтому принцип **глобального эволюционизма** – представление о постоянной эволюции окружающего мира – является еще одним столпом секулярной науки.

Чарльз Дарвин (1809–1882) в середине XIX века положил конец «несправедливым» представлениям о божественном мироустройстве, царившим в науке, предложив взамен свою новую триединую движущую силу в природе – изменчивость, наследственность и естественный отбор. Можно много спорить о Дарвине, считая его хоть образцом добросовестного ученого, хоть первым идеологом фашизма – но его роль в истории науки неисчислима никакими известными величинами. Дарвин первым открыл все шлюзы материализма, найдя ему, материализму хоть и примитивное, но такое желанное для большинства ученых обоснование в виде «нового двигателя всех биологических процессов». Исторический рубикон теизма в науке был пройден безвозвратно. Отныне любой ученый мог как бы обоснованно отрицать Бога, ссылаясь на «последние научные открытия», на новый суррогатный «двигатель» природы – случайные изменения и естественный отбор.

В подтверждение дарвиновских идей сегодня принято считать, что эволюционируют не только живые организмы, но и космические объекты, и человеческие сообщества. Историки, антропологи, лингвисты, психологи, искусствоведы, социологи, экономисты и др. – в качестве аксиомы исходят из

эволюционного происхождения и характера своего предмета. Большинство естественнонаучных трудов сегодня пишутся с непременным учетом того, что нашим миром правят эволюционные процессы.

Однако проблема любого эволюционизма (биологического, социального или космологического) – это его неизбывная гипотетичность и, главное, отсутствие внятного механизма, который мог бы обеспечить направленный и необратимый процесс развития нашего мира от простого к сложному. В той же биологии ситуация с заменой Бога на «изменчивость и отбор» уже при самом рождении содержала в себе скрытый карст, ловушку для будущих исследователей. С развитием науки и накоплением новых фактов, с появлением таких дисциплин как генетика и информатика, дарвиновские суррогатные придумки стали трещать по всем швам. Если у «классических» дарвинистов в свое время не было удовлетворительного объяснения механизма отбора полезных случайных изменений, то с развитием науки подобные проблемы перешли на более солидный уровень – неodarвинизм теперь не может объяснить механизм появления качественно новой информации в генах, скачкообразное и при этом скоординированное усложнение органов, возникновение систем с так называемой неуменьшаемой сложностью и др.

Этот пункт о неизвестном механизме эволюции (и необходимость упрямого повторения очередной мантры о «случайном и бессознательном отборе») стал головной болью всех современных эволюционистов. Не сумев в итоге придумать никакой

достойной замены Богу, эволюционисты всякий раз при описании какого-либо процесса вынуждены едва ли не со скрежетом зубным вводить в свои построения некий абстрактный **управляющий фактор**, лукаво обзывая его то «давлением в сторону оптимума», то «повышающейся упорядоченностью системы», а то и просто «живой природой».

2.

Итак, в самых общих чертах я попытался показать, что нынешняя парадигма эволюционизма, господствующего в науке, не позволяет говорить о декларируемой «нейтральности» рационального научного подхода. По крайней мере, в сегодняшнем официальном научном сообществе. Традиции последних полутора столетий свидетельствуют о том, что эволюционизм безусловно базируется на идеологии атеизма, и при этом пытается сохранить этот атеистический подход в науке лишь потому, что таковой подход является единственной альтернативой Божественному происхождению мира. Эволюционизм трансформируется, пытается приспособиться к новым опровергающим фактам, но, несмотря на зияющие провалы и перманентное состояние кризиса, продолжает существовать исключительно вопреки идее творения. Если в точных науках идеология не играет никакой роли, то в описательных и исторических дисциплинах базовая догма эволюционизма, маскирующегося под «независимый научный поиск», по своей сути является синонимом атеизма.

А теперь давайте посмотрим, что говорят по этому поводу сами ученые-материалисты.

Для понимания сути **современной научной методологии** обратимся к работе одного из самых известных наших популяризаторов эволюционизма, старшего научного сотрудника Палеонтологического института РАН Кирилла Еськова «История Земли и жизни на ней». В этой работе, на мой взгляд, дано весьма отчетливое и образное определение того, что собой представляют так называемые научные методы.

Подводя читателя к основам методологии, ученый задает наводящий вопрос – познаваемо ли прошлое в принципе? Разумеется, что познавать можно только нечто устойчивое, устоявшееся – прошлое, имеющее неуволимые или неизвестные свойства, изучать бессмысленно. Поэтому, считает К. Еськов, принцип **актуализма** мы должны принять в качестве постулата.

«Принцип актуализма <...> заключается в том, что при любых реконструкциях событий прошлого мы исходим из того, что в те времена должны были действовать такие же законы природы, что и ныне. <...> И пускай, к примеру, в докембрии существовали экосистемы, не имеющие современных аналогов – но камень-то, надо думать, и тогда падал на землю с ускорением $9,8 \text{ м/сек}^2$, вода замерзала при нуле градусов Цельсия, а молекула хлорофилла исправно поглощала кванты света».

Позже К. Еськов еще оговорится, что актуализм – не аксиома, а всего лишь презумпция (мол, пока не доказано никем, что было как-то иначе, это утверждение можно считать верным), но сейчас

актуализм нужен Еськову именно как некая базовая модель, от которой он будет отталкиваться в дальнейших построениях. И мы чуть позже вернемся к этой оговорке.

Не беда, что падение камня на землю с одинаковым ускорением $9,8 \text{ м/сек}^2$ и замерзание воды при нуле градусов во все времена – факты совсем не бесспорные. И, конечно, дело не в том, что на древней Земле теоретически могли быть другая гравитация и другое атмосферное давление, меняющие те мелкие производные, которые назвал палеонтолог. Нет, ставки здесь, разумеется, более крупные. Без признания любых физических законов неизменными мы не сможем оставаться на рациональном поле. Введением актуалистической модели нужно исключить любые неожиданности – не был ли наш видимый и изучаемый сегодня мир когда-либо «искажен» вмешательством иррациональной силы? Малейшее нарушение естественного порядка вещей в прошлом может привести если и не к обрушению всего нынешнего научного здания, то к коренному пересмотру выводов, сделанных науками, опиравшимися на недоказанную гипотезу эволюции.

Говоря, например, о постоянстве скорости радиораспада, ученые-эволюционисты опираются на опыт, сложившийся в более-менее приемлемый практический метод лишь в середине прошлого столетия, но результаты измерений проецируют на... 4,5-миллиардолетний исторический отрезок времени – подход не только неслыханный в «нормальных», точных науках, но и откровенно «наглый» с точки зрения простой человеческой скромности! А что если – чисто

гипотетически – скорость радиораспада в прошлом отличалась от нынешней? Ну, пусть не Божественным вмешательством, а каким-либо **неведомым нам** искажением-искривлением пространства-времени? Так, Ю. Чайковский говорит, что в отношении несуществующих ныне экосистем, упоминаемых К. Еськовым, актуализм не работает, поскольку нет гарантии, что их исчезновение как раз и не вызвано изменением действия какого-то из законов природы (Чайковский, 2003).

Поначалу К. Еськов вроде бы предвидит возникающие ограничения:

«Непосредственно в прошлое заглянуть невозможно, машина времени – это несбыточная мечта человечества. **Любые наши суждения о прошлом есть лишь более или менее вероятные предположения, основанные на интерпретации фактов и событий современности** (здесь и далее в цитатах выделено мной. – А. М.). Динозавры <...> – это, вообще-то говоря, лишь куски песчаника, напоминающие своей формой кости современных рептилий; все же остальное – чистые домыслы».

Объективный подход? Разумеется. Казалось бы, здесь демонстрируются открытость и логика, присущие некоему идеальному воображаемому научному сообществу – тут тебе и о прошлом можно вести речь лишь в терминах вероятности, и динозавры – это всего лишь наша интерпретация найденных окаменелостей... Но Еськов просто клонит в нужную ему сторону:

«...Для начала нам следует решить для себя принципиальный вопрос: **познаваемо ли прошлое вообще?** <...> **Если ответ будет «нет»**, то мы можем дальше по собственному усмотрению населять прошлое атлантами и лемурийцами, разумными спрутами и крылатыми огнедышащими драконами, а можем, наоборот, отрицать существование всего, что не упомянуто – черным по белому – в Ветхом Завете. Пожалуйста; мы теперь находимся в сфере мифологии, можно ни в чем себе не отказывать. Отправившись по этому пути, мы с неизбежностью должны придти к отрицанию существования Хеопса, Ивана Грозного, а то и товарища Сталина – чем они в этом смысле лучше динозавров?

Если же мы примем, что прошлое принципиально познаваемо (а подавляющее большинство людей решают для себя этот вопрос именно так), и останемся при этом на позициях **рационального мышления** (то есть будем полагаться не на «откровения свыше», а на свои собственные наблюдения и умозаключения), то упомянутый выше кусок песчаника **немедленно превратится в бедренную кость тиранозавра**».

Читатель, ведомый К. Еськовым «к правильному ответу», поначалу может и не понять, зачем на столь простой вопрос – познаваемо ли прошлое или нет – автору приходится отвечать столь сложно, с явными передергиваниями в аналогиях и аргументацией *ad absurdum*. Но в этих строках – очевидная полемика с теми отрицателями эволюции, кто высмеивает феноменальную способность эволюционистов заглядывать в прошлое и говорить о гипотетических

событиях «эволюции» в терминах едва ли не непосредственных ее свидетелей. Хотя к рассмотрению научного инструментария мы даже не приблизились, с этого ответа уже начинаются первые сомнения в объективности пользователей этого инструментария. Конечно, какому нормальному человеку придет в голову объявить прошлое принципиально непознаваемым и на этом основании населять его мифическими персонажами? Почему между невозможностью познания условно неизвестного нам прошлого и известными событиями истории мы должны ставить знак равенства? Сама логика утверждения «отрицание возможности познания прошлого равно отрицанию объективных фактов» есть очевидная натяжка. Еськов не допускает простого ответа – **прошлое познаваемо, но лишь отчасти**, в зависимости от **всех** имеющихся у нас свидетельств. Но сказать так, то есть согласиться, что для познания прошлого мы должны принимать все без исключения свидетельства, включая иррациональные **«откровения свыше»**, ученый-рационал, разумеется, не может. С другой стороны, он остается фактически ни с чем – вынужден иметь дело с прошлым без фактов и свидетелей, плохо понимаемым и допускающим только гадания. Поэтому всю нищету рационального метода он вынужден преподносить в виде уговора о неких ненарушаемых условиях и с обещанием эффективного результата – **«Если же ... останемся при этом на позициях рационального мышления, ... то упомянутый выше кусок песчаника немедленно превратится в бедренную кость тиранозавра»**.

Это хорошая иллюстрация положения – кто бы и что ни говорил нам о чистоте методологических концепций и принципиальности занимаемых позиций, всегда следует помнить, что ни один человек, даже самый рациональный, не способен избавиться от субъективизма и связанных с собственным мировоззрением **«всякого рода общих соображений»** (выражение самого К. Еськова). В приведенном его утверждении первым делом выпрыгивает некое концептуальное противоречие только что им самим сказанному. Минуту назад К. Еськов утверждал, что любые наши суждения о прошлом есть не более чем **вероятностные предположения** и **субъективные, интерпретации**, и вдруг такая завидная конкретика – если подходить рационально, то **«кусочек песчаника немедленно превратится в бедренную кость тиранозавра»**. Это с чего вдруг? – хочу спросить я. Объективно откроется, что это динозавровая кость, или она потому динозавра, что в наших концептуальных установках присутствуют именно динозавры, а не огнедышащие драконы? Почему, если мы **«останемся ... на позициях рационального мышления»**, кусочек песчаника превратится не в останки существа, описанного в Библии и даже не в бедренную кость товарища Сталина, а именно в нечто такое – «самое настоящее», имеющее свойство быть различным только при «объективном» рациональном подходе... Как будто мы не сами (и не подобными же вероятиями) населили **предположительным тиранозавром предположительный** осколок Гондваны с **предположительным** возрастом 65 миллионов лет... Миссия, так сказать, не выполнена –

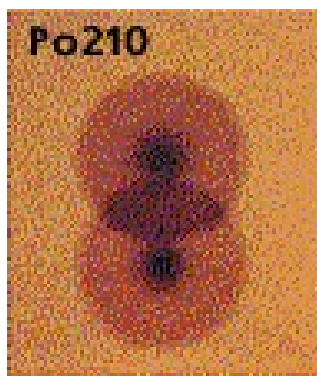
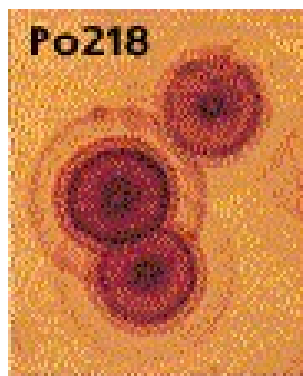
автор признает условность наших знаний о прошлом, но нимало не убеждает меня, что рациональный подход делает эти знания менее условными и спекулятивными.

Кроме того, слыша утверждения вроде **«немедленно превратится в бедренную кость тиранозавра»**, нелишне будет вспомнить, как именно все эти **рациональные превращения** выглядели на практике. Именно так, по определению Еськова – поспешно, быстро, **«немедленно»** – у рациональных «сторонников беспристрастной науки» всегда с издевательской предсказуемостью окаменевший зуб свиньи превращался в обезьяночеловека; бедренная человеческая кость, найденная в 15 метрах от черепной крышки эректуса, **«немедленно»** превращалась в единое существо – питекантропа, а фальшивый череп из Пилтдауна с подпиленной обезьяньей челюстью – еще быстрее превращался в недостающее звено меж обезьяной и человеком. Примеров такой завидной скорости и **«немедленных превращений»** чего-либо во что-нибудь вполне подходящее в истории эволюционизма можно насчитать десятки и сотни, если вообще имеет смысл считать, а не увидеть в этом систему. Подавляющее большинство адептов «объективного» рационального метода, исповедующих эволюцию, почему-то с первых дней и доныне из всех возможных вариантов «превращений» выбирают только те, что подыгрывают их идее, а все неудобные свидетельства, хоть ты убейся, для них так и остаются ни во что не превращенными. Однако же и странно, что при таких скоростях и такой **«немедленности»** распознавания

загадок – тот же пилтдаунский череп-фальшивку с подпиленной челюстью целых 40 (сорок!) лет никто толком даже не исследовал, дабы не потревожить статус драгоценной переходной формы!

Так что на практике, честное слово, надежней было бы обратиться к *«откровению свыше»!*

Как мы уже говорили, в реальности никакой «научной интерпретации» без руководящей идеи в принципе не бывает. В этом смысле актуализм, выстраивая он в прошлом хоть абстрактные кубические миры, но имей при этом внутреннюю непротиворечивость схемы и констатацию своей условности, не заслуживал бы ни одного худого слова. Но вся нелепость в том, что актуализм К. Еськова подается пропагандистами эволюции как нечто, дающее объективные результаты в познании прошлого. Многие люди, особенно из обывателей, обидно попадают на этом фокусе «научности», не умея отличить доказательства от презумпций, а факты от их интерпретации. Но, повторю еще раз – актуалистическая модель мира не является гарантией того, что в прошлом законы не менялись или не нарушались, а мир не испытывал на себе действие каких-либо неизвестных науке сил, в том числе, возможно, и сверхъестественных. И это тем более удивительно, что в реальности дела с объяснительными возможностями актуалистической модели обстоят из рук вон плохо.



*Радиогаало полония 218, 210 и 214 в граните.
Фото: J. Richard Wakefield, Journal of Geological Education*

Возьмем, как пример, известный парадокс из области изотопного датирования – так называемые радиогаало. Гранитные породы Земли считаются фактически ровесниками нашей планеты, так как образовались из жидкой магмы при ее рождении. Но в этих гранитных породах, по всей Земле, существуют многочисленные, наблюдаемые под микроскопом сферические следы распада изотопов полония 218, 210 и 214, у которых периоды полураспада составляют 3 минуты, 138 дней и 164 микросекунды соответственно. Загадка состоит в том, каким образом полоний, промежуточный продукт распада урана-238, очутился внутри твердого гранита, да еще «в одиночестве», без следов «материнского» элемента. Отсюда следует, что время возникновения «фундаментных» пород Земли, оцениваемое, скажем, по полонию-214, было меньше периода его полураспада, то есть меньше 164 микросекунд! Или, по-русски говоря, гранит образовался мгновенно и

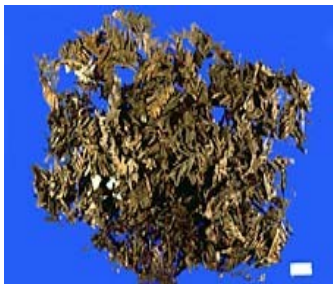
уже в твердом состоянии. Положение о неизменности законов природы, как это ни прискорбно, здесь трещит по всем швам – ситуация больше напоминает ту, что описана в Библии. За 30 лет существования этого парадокса ученые-материалисты так и не смогли его объяснить^[1].

Но, как сказал бы Брежнев, «Актуализм должен быть актуальным!»).

«Ископаемая древесина с годичными кольцами, – пишет далее К. Еськов, – позволит заключить, что климат в этом месте тогда был сезонным, а ископаемый коралловый риф – что температура окружающей его морской воды превышала 20 градусов. Все эти выводы будут основаны на аналогиях – на том, как ведут себя кости позвоночных, древесина и коралловые рифы в наши дни».

Однако и здесь теория не сходится с фактами. Так, например, на канадском острове Аксель Хейберг, расположенном за Арктическим кругом, в 1986 году был обнаружен «замерзший лес» – тысячи поваленных деревьев, идентифицированных как разновидность метасеквойи. Некоторые из деревьев имели до полуметра в диаметре. Древесина не только не сгнила, но на ветвях даже сохранились почерневшие листья и шишки. В одном из сообщений говорится, что геологу, охотящемуся за образцами, понадобится не геологический молоток, а обыкновенная пила, так как дерево по-прежнему мягкое. Между поваленными мумифицированными деревьями в огромных количествах были обнаружены неминерализованные кости аллигаторов, верблюдов, львов и гиппопотамов.

Возраст леса был оценен в 45 миллионов лет, несмотря на то, что образцы древесины, датированные по «углероду-14» показали возраст 49,5 тыс. лет (Beukens, 1990).



*Мумифицированный лес острова Аксель Хейберг. Верхний ряд: слева – исследовательница феномена, профессор Хоуп Джарен; в центре – мумифицированные ветви метасеквойи; справа – участок с остатками пней, находящихся in situ на северо-восточной окраине острова. Нижний ряд: слева – мумифицированные шишки сосны *Pinus* sp. и *Metasequoia* sp., семена, прут и листья *Larix altoborealis* (обратите внимание на сохранность «45-миллионнолетнего» прутика вверху снимка); в центре – фрагмент дерева с сезонными кольцами; справа – древесина с хорошо сохранившейся структурой.*

Подобные находки с точки зрения актуализма необъяснимы. Совершенно непонятно, как эти леса могли расти в световом режиме арктического острова, где 4 месяца в году длится полярный день, а 4 месяца – полярная ночь. Ни сегодня, ни в древности не могло существовать никаких растений, способных выжить в таких условиях (первооткрыватель феномена, профессор Хоуп Джарен говорит, что для дерева 4 месяца непрерывного дневного света значат то же, что для человека 4 месяца без сна). Еще одна загадка – исключительная сохранность ископаемого леса. Исследователи обратили внимание, что метасеквойи выглядят так, «будто они пролежали не 45 миллионов, а всего лишь тысячу лет».

Теоретически этот факт можно было бы интерпретировать в рамках модели так называемого катастрофизма – моментальных, по униформистским меркам геологических событий, приводящих к быстрому и кардинальному изменению облика и климата Земли. Это будет совпадать с библейской версией о послепотопных катаклизмах. Я говорю – теоретически, потому, что геологам, рассуждающим строго в стиле аналогий Еськова, в любом случае трудно найти свое «фирменное» объяснение. В данном случае актуализм просто не работает^[2].



Эластичные структуры внутри кости Т. Рех, жившего, как считается, около 70 млн. лет назад. Источник: www.msnbc.msn.com

Конечно, К. Еськова можно понять. Когда невозможно объяснить, почему все направления, кроме нашего, рационалистического, неправильные, нужно объявить единственно правильным собственное, «наше», а от всех остальных резко отмежеваться:

«Но вправе ли мы исходить из такой предпосылки? Не только вправе – мы **обязаны** поступать именно так, и вот почему. Мы уже оговорили, что действуем в сфере рационального мышления. **Рациональный тип мышления – отнюдь не единственно возможный; бывает мышление художественное, мистическое, религиозное, и т.п.** Надо отчетливо осознавать, что ни одно из них не «хуже» и не «лучше» остальных – они просто разные, и имеют свои собственные «своды законов. Мы вольны в выборе типа мышления – **но, раз выбрав, обязаны будем в дальнейшем подчиняться определенным правилам**».

Надо отметить, что на подобной логике построена и вся современная политическая пропаганда – сколько

бы ни существовало сущностей, определяемых как «они», в этой обязательной разрозненности есть самая сплоченная и всегда во всем правая сила «мы». Этаким «Аватар» – мы сплотились, чтобы добывать минерал на Пандоре, и если ты делаешь хоть один шаг влево-вправо из нашего сообщества, тебе засчитывается измена. Впрочем, согласимся с выводом К. Еськова – **в науке существуют некие определенные и устоявшиеся «правила»**. Являются ли эти правила «последним словом в поисках истины», корпоративными ли «правилами игры в науку» или пусть даже гипотетическим «заговором ученых» – не суть важно. Гораздо важнее другое – если нам нужна истина, а не «стиль», то достаточно ли одного свода этих «правил» и одного, рационального, типа мышления – **для познания собственно истины?** Почему условие выбора столь жестко, и почему невозможно всестороннее познание с привлечением всех других возможностей? Как это ни прискорбно для рационалов, но у некоторых людей есть способность **смотреть и видеть без всякой научной методологии**. Понимать сущность вещей и видеть связи в окружающем мире без рационального сбора, анализа и интерпретации фактов. Такое познание называется творческим видением. Как минимум оно незаменимо в тех ситуациях, когда рациональный тип мышления уже заставляет интерпретировать факты в ущерб здравому смыслу. Один мой знакомый, «серьезный» ученый муж (кстати, убежденный эволюционист) сказал по этому поводу: «Парадокс в том, что в недоступной для нас точке познания художник в большинстве случаев оказывается первым». Недооценивать такие

возможности познания для рационалистов означает – не понимать в устройстве этого мира очень важных вещей.

Процитированный абзац Еськова (не знаю почему, особенность восприятия у меня такая) – заставляет лишний раз поразмыслить на тему индивидуализма, противостоящего племенному сознанию. Пророки, художники, философы – всегда индивидуалисты, гонимые сплоченным племенем. Конечно, научное сообщество нельзя назвать ни тоталитарным, ни казарменным, но что-то от племенного мышления, ненавидящего любой индивидуализм и несоблюдение их племенных правил, в нем, безусловно, есть. Многие научные разработки сопровождаются завесой секретности, адресатом их, в отличие от трудов философов и художников, никогда не является средний индивидуум, но, как правило, государство. И в своих представлениях о порядке, иерархии и соблюдении правил, совмещенных с презрением к «разболтанным» гуманитариям, ученый идеально совпадает с представлениями на этот же счет и государства. Я не люблю в качестве примера ссылаться на кинофильмы, но тот же «Аватар» достоин внимания хотя бы потому, что породил в определенной части общества дискуссию, вышедшую за рамки обычного кинособытия – является ли поступок главного героя предательством. Вроде того, как – «мы и они», «свои и чужие», долг, присяга, *«раз выбрав, обязаны будем в дальнейшем подчиняться определенным правилам»* и пр. Споры порой достигали такого накала, что казалось, будто киношная измена героя имела место в реальности.

Но фантастика тем и хороша, что она – о нас и о наших проблемах. И кто-то из умных людей заметил, что выбор героя был определен тем, что жители Пандоры в большей степени проявляли присущие людям качества, чем сами люди, к сообществу которых принадлежал герой. Применительно к методологии рационального познания это можно конвертировать следующим образом – знания, получаемые другими способами и с помощью других типов мышления, оказываются более полными и точными, чем у тех, кто заявляет о собственной наибольшей достоверности и объективности. И племенное сознание в полной мере проявляется у представителей научного сообщества, если кто-то вдруг из их рядов начинает подозрительно пристально поглядывать в сторону Пандоры, то есть, иных способов получения знаний, нежели только строго научными методами.

Действительно, неужели человеку, пусть и рационально мыслящему, неинтересен факт существования, например, библейских и новозаветных пророчеств? Разве истина не может быть сообщена нам не только из сопоставления и анализа фактов, а совершенно другими путями, например, в виде **откровения**? Нет, не может, говорят ученые-материалисты. Но ведь исполнение пророчеств можно вот просто так взять и проверить?

[4]. Более того. Не обязательно совершать измену и убегать из лагеря десантников на Пандору. Что, если просто руководствуясь принципом всестороннего обзора проблемы, как на том настаивали Мейен и Любищев, подойти к некоторым непонятным явлениям

с точки зрения возможности их разумного создания? Например, искать функциональность в тех системах, которые, с точки зрения эволюционистов, имеют вид лишь случайно или хаотично возникших? Найдя алгоритмы искусственности в системе, мы можем понять весь механизм ее устройства и ее настоящее назначение. Но уж нет, можно не сомневаться, что реакция у рационалов на такие предложения будет всегда одинаковой – это чуждо настоящей науке, маргинально и даже мракобесно. Нет уж, мы будем подчиняться определенным **правилам игры в науку**.

Таким образом, можно оставить сторонникам рационального познания полное право познавать мир удобным им способом, и «не судить их строго». Да, есть определенные правила игры в науку. Да, если ты один раз встал на рациональный путь познания, то не имеешь права сходить с него. Да, ты обязан и станешь подчиняться определенным правилам. Не будем даже спорить с этим. Но давайте все же признаем, что такой подход, будь он стократно внутренне логичен и выверен, не позволяет ухватывать множество явлений нашего мира, что спектр его возможностей – узкая полоса мира физического, а все заявления об объективности и больших возможностях познания, мягко говоря, преувеличены.

3.

Если актуализм – один из столпов современной агностической науки, то правила, о которых мы рассуждаем далее по Еськову, по идее представляют собой ряд методологических приемов, используемых

в исследованиях. Это своего рода рабочий научный инструментарий. Один из таких инструментов – так называемая **«Бритва Оккама»**:

«Одним из фундаментальных принципов рационального мышления является «Бритва Оккама» (по имени английского философа XIII века); сам Оккам формулировал его как **«Не умножай сущностей сверх необходимого»**. Применительно к правилам научного исследования это означает следующее: выбирая одну из нескольких гипотез, объясняющих некое явление, надо начинать с самой простой из них, и только убедившись в том, что она «не работает», переходить к более сложной, повторяя эту процедуру до тех пор, пока не будет найдено простейшее удовлетворительное объяснение».

Первое, что хочется спросить по прочтении этого отрывка – а каковы, собственно, критерии того, что является необходимым для объяснения явления, а что лишним? Совершенно очевидно, что в зависимости от мировоззрения (научной парадигмы) всё сведется к тому, что интерпретация фактов и событий будет всякий раз зависеть не от искреннего желания разгадать загадку, а от субъективных задач и интересов самого исследователя, а в общем случае – от законодателей этих «правил игры в науку». Кто из ученых, собственно, вправе решать или выбирать, в каких случаях ему, так сказать, экономить на предположениях, а в каких вводить дополнительные сущности?

Но К. Еськов утверждает, что тут всё под контролем. Настоящий ученый такой выбор чувствует едва ли не интуитивно:

«Приведем такой пример. На тихоокеанском острове Пасхи имеются циклопические статуи, которые, казалось бы, не могли быть воздвигнуты примитивным племенем, населяющим остров в наши дни. Можем ли мы высказать гипотезу, что статуи эти поставлены пришельцами с другой планеты? Конечно, можем. Однако, находясь в рамках рационального подхода, мы вправе принять подобное объяснение лишь после того, как будут исчерпаны все более простые – «земные» – гипотезы. Тур Хейердал, сделавший успешную попытку установить пасхианскую статую с помощью лишь тех средств, что есть в наши дни в распоряжении тамошних аборигенов, действовал строго в рамках «Бритвы Оккама» – хотя наверняка не задумывался над этим. Последнее весьма существенно: дело в том, что принцип «Бритвы Оккама» (и впоследствии развившийся из нее принцип парсимонии) для любого ученого, по крайней мере, в сфере естественных наук, настолько фундаментальны, что обычно его просто не замечают – как мы не замечаем воздуха, которым дышим».

Совершенно верно. Сказанное Еськовым означает – ученый, вооруженный своей парадигмой и аккуратно придерживающийся определенных правил, всегда точно знает, какое допущение является «вражеским» и что именно нужно отсечь. Он этим живет как дышит. Сам по себе принцип «чем проще, тем лучше» не всегда универсален в повседневности, но

применительно к любой загадке вроде бы кажется справедливым – чем проще объяснение, тем оно вероятнее. Ведь гораздо вероятнее, что статуи острова Пасхи воздвигли неизвестные нам люди, чем неизвестные пришельцы с неизвестных планет. Тур Хейердал слышал легенду, что каменные статуи двигались по острову сами – и тут вероятнее, что они транспортировались в вертикальном положении на каких-нибудь веревках и растяжках, чем с помощью невидимых силовых полей и прочих инопланетных супертехнологий. Ученый на практике проверил свою версию с установкой статуй – и подтвердил безусловную возможность «земного» решения загадки.

Но вот, предположим, попытка Тура Хейердала по установке статуи окончилась неудачей. Ученый предпринял бы вторую, третью, десятую попытки – и все с тем же результатом. Тогда, согласно «правилам», следует признать, что все более простые, «земные» гипотезы, исчерпаны. Так что же? – мы теперь вправе, наконец, принять объяснение «пришельцев»? Согласно уговору – да, но...

В реальности Тур Хейердал не верил ни в каких пришельцев. Теоретически он мог бы воздвигать статуи до умопомрачения, пробуя и «исчерпывая» все новые и новые варианты, но гипотезу пришельцев просто никогда бы не выдвинул. И да Бог с ними, с пришельцами. Но ученый, разделяющий идею естественнонаучного, без божественного вмешательства, происхождения мира, просто **не станет** перебирать и «исчерпывать» какие-либо варианты кроме «своего». В данном случае для

ученого-материалиста критерий Оккама – это действительно острая, сверкающая на солнце бритва, которой отсекается не только маловероятное объяснение загадочного явления, но и **идеологически неугодные для исследователя факты**. Например, все примеры совершения чудес или исполнения ветхозаветных и новозаветных пророчеств, будь они хоть стократно засвидетельствованы современниками и зафиксированы в документах, в этом смысле четко попадают под «бритву Оккама» – такого быть не может, мы этих ваших свидетельств просто не рассматриваем, отсекаем как «избыточную сущность». А если очень настаиваете – относимся (преимущественно с раздражением) как к подделкам, поздним вставкам или случайным совпадениям – вариант выбирайте сами.

Это чистейший субъективизм, маскируемый под «рациональное мышление». Говорите, ученый едва ли не нутром чует лишние сущности? Например, Ю.Н. Ефремов – профессор, главный научный сотрудник Государственного астрономического института им. Штернберга и МГУ им. Ломоносова, говорит на полном серьезе:

«Не была ли и наша Вселенная создана в лаборатории древней сверхмогучей цивилизации? Не являются ли некоторые астрономические явления признаками существования внеземного разума, хотя мы неизбежно должны пытаться объяснить их в рамках нашего современного горизонта познания?» (Независимая газета, 25.09.02).

И где тут чутьё ученого? И где тут бритва старины Оккама? Высказывание, более похожее на проекцию собственных фантазий о безграничных возможностях ученых, возведенных до уровня создателей вселенных, как минимум противоречит подсознательному чутью лишних сущностей, не говоря уже о рационализме и «рамках нашего современного горизонта познания». Представьте, что через некоторое время научное сообщество будет вот так, спокойно, относиться к «пришельцам». Что тогда будет срезать Великая и Ужасная?

При наличии в этом мире «вещей призрачного происхождения» бритва Оккама даже в качестве простого инструмента для упорядочивания предположений просто «бездействует». Она ничем не может «помочь», когда **рациональные** варианты объяснений действительно исчерпаны. В этом смысле, например, Туринская плащаница, сколько ее не исследуй^[5], будет продолжать оставаться обычным куском холста, да и многие исторические события, связи, побудительные мотивы правителей, отдельных людей и целых народов в истории мы не сможем понять никогда, так как некоторые «весьма важные» вещи выпадут из области нашего рассмотрения, будучи отсеченными как избыточные сущности. Что и подтверждается следующим пассажем, когда разговор о философии науки оказывается на грани совсем другой философии:

«Возвращаясь к методам реконструкции картин далекого прошлого, отметим, что с этой точки зрения **актуализм – стремление в исторических реконструкциях отталкиваться от современных**

аналогов – совершенно корректен. Существование же в прошлом принципиально иных, чем ныне действующие, законов природы будет той самой **«избыточной сущностью»**, которую и отсекает «Бритва Оккама. Собственно говоря, **прошлое вообще познаваемо ровно настолько, насколько точные аналогии былым ситуациям существуют в современности»**).

Ну, товарищи, хочется сказать мне, так вы вообще никогда ничего о прошлом не узнаете. Понятно, что тут дело не в самих законах природы – исследователь в своих построениях оперирует, как правило, менее глобальными категориями. Но что такое эти законы природы, и кто знает – когда они нарушаются, а когда неизменны? Что такое вообще нарушение законов природы? Любое такое нарушение в прошлом, которое мы должны, согласно Еськову, отсечь, может быть лишь проявлением того же закона, но на уровне, нам пока неизвестном. Почему мы должны отсекал то, чего пока не понимаем? Почему мы должны не изучать непонятное, а отсекал?

Нашим утешением в этой печали может быть лишь то, что само научное сообщество из всего сказанного К. Еськовым **не следует абсолютно ничему**, напротив, действует по собственному произволу, как сочтет нужным. Говорят, что любую чушь можно доказать, стоит лишь сделать необходимое количество допущений. Адепты эволюционизма так и поступают, глубоко наплевав на **«один из фундаментальных принципов рационального мышления»**, бритву Оккама, вводя для реконструкций прошлого любое количество предположений и допущений, и при этом,

кажется, даже не задумываясь, соответствует ли вся эта чушь современным аналогам.

Например, сегодня уже фактически общепризнано, что геологическая колонка в своем нынешнем виде едва ли не на 100% отражает катастрофическую историю Земли и отложена по геологическим меркам моментально. Однако декларируемые эволюционистами миллионы лет истории тоже надо каким-то образом обозначить. Поэтому принято считать, что эти отсутствующие в геологической летописи миллионы лет истории Земли приходились на так называемые «периоды неотложения осадков»!

[6] Если пользоваться бритвой по предложенной Еськовым инструкции, то более простым вариантом следует считать отсутствие самих этих скрытых периодов, а колонку – сформированной хронологически непрерывно, ибо понятно, что вся эта криптогеология, не имеющая ни современных аналогов, ни вообще каких-либо подтверждений, введена лишь для сохранения в умах и схемах эволюционистов идеи о миллионах лет.

И напротив – когда можно сделать разумное предположение, адепты рационального познания могут хранить партизанское молчание, причем, даже в «обычных» ситуациях, не связанных с какой-либо мистикой и зелеными человечками. В академической исторической науке существует такая неприятная вещь, как древняя египетская цивилизация, возникшая без эволюционно предшествующего периода, а как бы внезапно, с уже «готовыми», развитыми научными знаниями и невероятно продвинутыми строительными технологиями. Но официальная наука смотрит на все

загадки Древнего царства отчаянно зажмурились. Предположить (и попытаться проверить) в этой ситуации что-нибудь самое простое, по Еськову и Хейердалу – например, что египетской цивилизации предшествовала какая-то другая, более развитая, но погибшая в катастрофе – означает для египтологов «ввести лишнюю сущность», потому что такой вариант при всей своей немистичности все равно будет близок в первую очередь к библейской картине. Поэтому египтологи скорее зарежутся медными инструментами, которыми «не знавшие колеса и железа» египтяне якобы обрабатывали гранитные мегалиты, чем «введут лишнюю сущность».

4.

Однако, далее происходит довольно знаменательная вещь. Еськов все-таки вынужден объяснить, как вводятся в научное рассмотрение те или иные утверждения. Таким образом, он знакомит нас еще с одним принципом «наукопроизводства» – **презумпцией**. Тут, правда, выясняется, что постулируемый им актуализм вовсе не является аксиомой.

«Дело в том, что принцип актуализма не является аксиоматическим утверждением. Аксиома – это принимаемое без доказательств положение, на основе которого строится внутренне непротиворечивая система взглядов. <...>

Принцип же актуализма принадлежит к совершенно иному типу утверждений – презумпциям. Всем известна используемая в юриспруденции презумпция невиновности. Она может быть сформулирована так:

поскольку большинство людей не являются преступниками, то каждый отдельно взятый человек должен считаться невиновным до тех пор, пока не доказано обратное. Последнее – чрезвычайно важно: **в презумпции изначально заложена возможность опровержения**; она лишь устанавливает очередность, в которой следует рассматривать соответствующие гипотезы (применительно к презумпции невиновности это означает, что **обвиняемый не обязан ничего доказывать – это дело обвинителя**)»).

Итак, актуализм не аксиома, а презумпция. То есть мы выдвигаем некое предположение, которое нам кажется достоверным и которое должно считаться верным до той поры, пока какому-нибудь оппоненту не удастся это утверждение опровергнуть. Презумпция тем и хороша, что ее **не нужно доказывать**, достаточно лишь проиллюстрировать примерами. Если мы внимательней присмотримся к эволюционным построениям, то с удивлением обнаружим там массу презумпций – именно презумпций, то есть «волевым образом» декларированных **допущений**, положений, кажущихся эволюционистам очевидными, право опровергать которые предоставлено оппонентам. Примером этого могут служить следующие строки Еськова:

«Палеонтолог А.П. Расницын показал, что этот тип утверждений используется в естественных науках чрезвычайно широко, хотя практически всегда – в неявном виде. Например, постоянно практикуемое биологами определение **степени родства организмов по степени их сходства** – ни что иное как презумпция, которую можно сформулировать так:

«Более сходные между собой организмы должны считаться более близко родственными между собой до тех пор, пока не доказано обратное».

Конечно, считать так – своеобразное «право победителей». Их оппоненты вполне вольны утверждать, что более сходные организмы должны считаться созданными Разумным Создателем по соответственно более сходным шаблонам, отражающим конструктивную иерархию. Но в юриспруденции презумпция «работает» только потому, что базируется на реальном опыте – да, большинство окружающих нас людей по опыту не являются преступниками, поэтому никто не может быть объявлен преступником без доказательств его вины (то есть, без опровержения этой презумпции). Но на каком опыте могут базироваться эволюционные презумпции родства организмов по морфологии или аналогичного функционирования любых систем в древности? На 150-летнем опыте попыток спасти эволюционизм? Это обычная мифология в научной упаковке, но вряд ли вы это докажете эволюционисту.

В этом свете понятно, что сама «бритва Оккама» по сути является такой же презумпцией, с точки зрения материалистов идеально подходящей для борьбы с аргументами оппонентов – поскольку то, что именно считать очевидным, «политики от науки» решают по-своему... Дело в том, что сам Уильям Оккам, автор «бритвы», говорил лишь о недопустимости использования в науке недоказуемых сущностей, а вовсе не о какой-то голой экономии предположений. Между тем **практически вся теоретическая база эволюционизма построена на недоказуемых**

сущностях. Любую дыру в построениях эволюционисты затыкают именно непроверяемыми допущениями, чаще всего каким-нибудь откровенным «крипто». Основа основ нынешнего так называемого антропогенеза – положение об общем для человека и шимпанзе предке – является именно таким «крипто», где предок есть скрытая от любых исследовательских глаз и недоказуемая сущность. Дыра, имеющаяся здесь и сейчас, у эволюционистов всегда затыкается дырой предположительно предшествующей. Если переходные формы между видами животных не обнаруживаются, выдвигается идея о глобальных скачках, не оставляющих промежуточных вариантов. Если астрономам в картине эволюционного генезиса Солнечной системы неизвестно происхождение Луны, они, глазом не моргнув, говорят о некоей «протолуне», из которой появилась собственно известная нам Луна. Да и какая-нибудь гипотеза множественных вселенных – что это, как не попытка заткнуть дыру в познании очевидно недоказуемой и непроверяемой фантазией? Вспомним слова профессора Линде – чтобы ни у кого не было оснований говорить о разумном творении (о чем, заметим, свидетельствовали тысячелетиями и пророки, и книги, и все гении человечества, и на чем, собственно, выросла вся нынешняя цивилизация, и наука), давайте, типа, тоже придумаем что-нибудь этакое креативное, введем наипростейшее по Оккаму объяснение – что вселенная дико сложна! Но несмотря на то, что практически вся теоретическая база эволюционизма построена на недоказуемых и непроверяемых сущностях, одна из ее презумпций под названием «эволюционистская Бритва Оккама» гласит, что

лишней сущностью всегда является та, что противоречит эволюционной гипотезе!

Более того. Старший научный сотрудник Кирилл Еськов не назвал нам главный научно-методологический прием, точнее, способ сохранения ключевых презумпций, выдвигаемых эволюционизмом. Этот способ не требует даже обращения к бритве Оккама, прост до примитивности, работает без сбоев и уже более полутора столетий даёт отличный, эффективный результат. Метод этот – выдвигать любое, самое нелепое утверждение-презумпцию, но **принципиально не принимать опровергающих аргументов оппонента!** Ни за что. Ни при каких условиях. Ни за какие коврижки. Казалось бы, если тот же актуализм – не аксиома, а презумпция, то она, что называется, дождалась-таки своего опровержения. Но не тут-то было. Вокруг опровергающих фактов возникает либо зона глухого молчания, либо придумывается очередной эволюционный *ad hoc* – эксклюзивное объяснение именно для этого случая; то бишь, любая глупость, призванная выставить опровергающий факт всего лишь как частное недоразумение, почти не заслуживающее внимания.

5.

Далее у Кирилла Еськова речь заходит, пожалуй, о самом важном элементе научной методологии – **критерии Поппера**. Впрочем, я называю его важным, возможно, с легким оттенком иронии. Критерий этот позволяет детектировать любое утверждение на научность, а реалии сегодняшних мировоззренческих баталий таковы, что главным обвинением сторонников

творения является именно «ненаучность» отстаиваемой ими концепции. Порой доходит до смешного – понятие «научность» (не качество, а только понятие) становится разменной монетой в дискуссиях, неким знаком копирайта, которым любая глупость защищается от трудных вопросов. Отдельные граждане, кажется, готовы принять любой бред, даже если будет достоверно известно, что это именно бред – лишь бы им при этом было гарантировано, что он «научный».

Отвлекаясь на секунду от рассмотрения теории, скажу об одном, несколько удивившем меня наблюдении – к этому «инструменту», к этому замечательному критерию Карла Поппера, позволяющему провести четкую грань меж наукой и фантазией, старший научный сотрудник Еськов отнесся, однако, с заметной прохладой:

«Раз уж зашла речь о научном мышлении, то следует рассказать о взглядах одного из крупнейших философов XX века, математика по базовому образованию – К.Поппера».

Хм... «Раз уж зашла речь»? А если бы не зашла? «Рассказать о взглядах Поппера»? А разве не о палочке-выручалочке – так называемом демаркационном критерии научности, о золоте 99,9 пробы для ученых-рационалов, о разделительной береговой линии, по одну сторону которой твердая почва под ногами, а по другую плещутся волны лженауки? О лакмусовой бумажке, позволяющей в три секунды определить – научно ли то, что нам предлагают? И отделить науку от псевдонауки, а

ученого собрата – от шарлатана? «Поставить на место» креационистов, в конце концов? Странно – если рассматриваем субъективно используемую «бритву Оккама», то это не «взгляды Оккама», а **«один из фундаментальных принципов рационального мышления»**. А как только появляется надежный критерий Карла Поппера, так – «ну, ладно, коль уж я тут с okazji, то расскажу». Отчего это вдруг такая прохлада? Не оттого ли, что в отличие от других инструментов это оружие обоюдоострое?

Все началось с того, что в 1919 году, будучи студентом в Вене, Поппер заметил некую подозрительность в действии на людские умы модных тогда теорий Маркса, Фрейда и Адлера. Люди, пропагандировавшие их, становились неадекватными к реальности, подобно влюбленным или сумасшедшим. Во всем, что бы ни происходило, они видели только подтверждение своей теории, в ее рамках истолковывали любое событие. И всё бы ничего, но одно и то же событие марксисты горячо объясняли по-марксистски, а фрейдисты – по-фрейдистски.

Нет, такого добра нам не нужно, решил Поппер. Было в подобных теориях что-то неприятно-гуманитарное, пахнущее мистикой. Разумеется, что Поппер всего лишь столкнулся с **другими типами мышления**, к тому же не самого лучшего плана, но он верно рассудил, что должен создать некую лакмусовую бумажку, позволяющую отделить все «загрязненные» идеи от истинно научных. Но для этого требовалось определение самой этой «научности». Поппер пришел к выводу, что теория, которая перелопачивает

внутренний мир человека и становится призмой для восприятия им окружающего, не может считаться таковой. Мы не дети, рассудил ученый, и прекрасно понимаем, что каждый адепт будет с утра до ночи собирать любые доказательства в пользу своей фантазии. Так влюбленный молодой человек в каждом встречном прохожем ошибочно увидит ответную радость жизни. Так каждый псих в шорохе за стеной «расшифрует» готовящийся против него заговор и подготовку к покушению на его жизнь.

Нет уж, решил ученый, несите всё это доказательное добро обратно! Степень объяснительной силы любой теории меня не интересует. Давайте условимся так – доказательства доказательствами, но у любого утверждения должна быть еще и принципиальная возможность его опровержения. Критерием научности теории должно стать ее строгое соответствие как минимум двум пунктам – истинно научная теория всегда: а). **проверяема**, то есть не только подтверждается результатами опыта, но и делает предсказания (разумеется, рискованные), которые должны подтвердиться; и б). **фальсифицируема** (не имеет возможности увильнуть от опровержения) – то есть, если вы утверждаете, что Луна сделана из сыра, который, однако, при каждой попытке исследования превращается в обычный лунный грунт, эта гипотеза не может считаться научной по причине ее полной «неухватываемости» для проверки.

В качестве примеров научности по Карлу Попперу К. Еськов рассматривает несколько концепций.

Теория относительности. В соответствии с Поппером, она была рискованным научным прогнозом, который содержал в себе возможность проверки в будущем. С изобретением новых измерительных инструментов прогноз Эйнштейна подтвердился. Вывод Поппера – теория относительности научна. Да, по рассматриваемому критерию это высший балл – теория показала соответствие прогнозам, непротиворечиво объясняет определенную совокупность наблюдаемых фактов, ее положения подтверждаются экспериментальными проверками и наблюдениями, принципиально опровергаема, но пока устояла при всех попытках опровержения.

Астрология. Астрологи напускают туману и игнорируют неблагоприятные для них результаты. Прогнозы «в общем и целом» создают иллюзию их подтверждения, а частичные случайные подтверждения раздуваются задним числом. Любой читатель Еськова, если б того захотел, увидел бы в астрологии ряд некоторых признаков, явно сходных с методами теории эволюции на ее сегодняшнем этапе. Но по поводу астрологии вывод однозначный – не наука! И то верно.

Марксизм. «**Марксистская социология <...> в ранних своих формулировках <...> действительно давала проверяемые предсказания** (например, Марксов анализ движущих сил и сроков грядущей «социальной революции»)**, которые все оказались опровергнутыми** (революции происходили не в промышленно развитых, а в самых отсталых странах, и т.п.). **Однако последователи Маркса, вместо того, чтобы признать это опровержение,**

переинтерпретировали и теорию, и свидетельства так, чтобы привести их в соответствие. Таким путем они «спасли» свою теорию, но при этом сделали ее неопровергаемой – и тем самым лишили ее научного статуса (в Советском Союзе марксизм превратился уже в чистое богословие – т.е. в комментирование священных текстов)».

Надо отдать должное объективности К. Еськова, излагающего и иллюстрирующего философию науки в ее реалиях. Оттого в такой опасной близости, в таком несомненном, почти сямском родстве оказываются две эти набившие идеологическую оскомину идеи – марксизм и дарвинизм. Трудно не провести аналогию и не вспомнить, что в ранних своих формулировках дарвинизм тоже давал вполне проверяемые предсказания. Более того. Дарвин установил критерии, невыполнение которых автоматически закрывало вопрос об эволюции как таковой. Похоже, нынешние эволюционисты коварно использовали чужой опыт, слив воедино марксизм и астрологию... Вывод Поппера по марксизму таков – ранний марксизм научен, но в целом марксизм неправилен, неистинен, так как выводы его впоследствии не подтвердились.

Психоанализ Фрейда. Ощущение некоего «момента истины», точнее, «близкой развязки», или, еще точнее, развязки, близкой к истине – в обсуждении научной методологии наступает, когда мы начинаем рассматривать откровенно субъективную, личностно-фантазийную теорию Фрейда. Сам Фрейд здесь ни при чем, но попытки тестировать фрейдизм на научность приводят нас к парадоксальному

результату – согласно Еськову, теория психоанализа, как ни крути – **«правильная (в смысле – дающая позитивные практические результаты), но ненаучная»**.

Правильная, но не научная!

Первый наивный вопрос, немедленно следующий из такого странного результата тестирования – это простой человеческий вопрос: «зачем»? Так сказать, зачем тогда вся эта суета? Зачем какой-либо теории нужно обязательно стремиться соответствовать гордому статусу «научности», когда – страшно сказать! – она и без этого может давать **позитивные практические результаты?** (Психоанализ, повторяю – в сторону). И наоборот, быть вполне **научной**, как ранний марксизм и ранний дарвинизм – **но при этом – ложной?**

6.

Чтобы понять возникший конфуз, давайте обобщим сказанное выше. Итак, из всех возможных методов познания мира, включая религиозно-мистический, художественно-образный (творческо-интуитивный) и рациональный – мы выбираем рациональный, по нашему убеждению наиболее адекватный в деле постижения, так сказать, неизведанного. Имеющийся опыт мы именуем научным знанием, а для исследования мира и приобретения нового опыта в рамках строго выбранного метода используем некий научный инструментарий.

В принципе, мы понимаем, что по большому счету всё дело в том, кто и насколько добросовестно «пользуется» этим инструментарием. Если Тур Хейердал отсекает версию пришельцев, то какой-нибудь профессор РАН Ефремов вводит сущности не то что лишние, а уже параноидальные (сверхцивилизация, создающая в своих лабораториях новые вселенные). Но подразумевается, что, если говорить о настоящей науке, о беспристрастном научном исследовании, то предлагаемые принципы дадут нам некую определенную систему координат и надежные ориентиры в наших изысканиях.

Например, те части Ветхого и Нового Заветов, описывающие раннюю историю народов и историю зарождения и развития христианства, вполне могут считаться научно подтвержденными и находящимися в рамках исторической науки. До самого XIX века историки, казалось, были вправе вообще не принимать свидетельства обоих Заветов на том основании, что в этих книгах по большей части речь шла о неизвестных науке исторических личностях, никогда не существовавших народах и никем не найденных городах. «Предсказания» о реальности описанных событий, сделанные историками-христианами на основании слов Библии, с точки зрения научного знания не имели никакого подтверждения.

Но с развитием археологии были найдены города, описанные в Библии, например, Ур, Вавилон или тот же новозаветный Назарет. Были найдены следы исчезнувших с лица земли народов, ранее известных историкам только из Библии, например, «нашлись» те

же хеттеи и аморреи, реальность которых до этого была объявлена библейской выдумкой. Отцом географии Палестины по праву именуется христианский миссионер Эдвард Робинсон, давший начало изысканиям, благодаря которым уже к 1880 году в Палестине было определено порядка 6000 библейских мест. Многие исторические события были подтверждены и позже скорректированы лишь благодаря библейским подсказкам. Были найдены кумранские списки, подтвердившие подлинность и древность самих библейских текстов. Найдено огромное количество письменных и материальных свидетельств жизни, подвижничества и казни Христа. Апостол Павел и другие апостолы – несомненные для ученых реальные личности, надежные свидетели всех этих событий...

О чем всё это говорит? Это говорит ровно о том, что в исторической своей части «предсказание» Библии выдержало научную проверку на прочность. Но – только в исторической, хотя подтверждение даже одной из частей любого свидетельства следует воспринимать как причину доверия к другим его частям. Между тем, исповедуя принцип научности, все свидетельства о чудесных событиях мы должны игнорировать. Вывод для сторонников «чудес» неприятный? Может быть. Но никто, вообще-то, с этим выводом по большому счету не спорит. Наука, как мы выяснили, не занимается чудесами, а современная наука (та, что с материалистической парадигмой), несмотря на свои декларируемые нейтральность и объективность, с огромной неохотой занимается даже исторической частью библейских событий.

Отсюда, возможно, и становится понятной характерная для любого ученого-материалиста позиция К. Еськова с его столь разным отношением к «бритве Оккама» (о-о! Оккам!) и критерию Поппера (просто взгляды Поппера), ибо бритва в опытных руках материалиста исполняет лишь карательную функцию, а критерий Поппера своих и чужих не разбирает.

Легендарная «бритва», как я уже говорил, в идеале и создана была Оккамом исключительно для «пришельцев», то есть для всей **потусторонней мистики**, легко набивающейся у обывателя в объяснение любых загадок (сам Оккам, как я уже говорил, был против введения именно недоказуемых сущностей, под которые попадает большинство эволюционных утверждений). В таких случаях – упаси Боже кому-нибудь из читателей вообразить, что я «наезжаю» на чудный метод старины Оккама. Если ночью на шоссе вы увидели приземлившуюся тарелку и пришельцев, то – хоть десять раз обзовите меня материалистом! – но я **не имею права** увиденное мной посчитать контактом с инопланетянами. Случай редкий, но именно такой, где бритва Оккама применима во всем своем блеске – ибо **неисчислимо более вероятно**, что земные ученые в своих лабораториях создали новый летающий супер-аппарат и вывели новый квазивид людей-мутантов, чем допустить целый ворох гораздо более невероятных допущений, да и то начинающихся очень издалека – что жизнь существует не только на Земле, что абиогенное происхождение жизни – явление в космосе закономерное, что антропоморфный и

технократический путь развития жизни – основной во вселенной и так далее, и так далее. Однако, еще раз повторяюсь, под «бритву» заодно с зелеными человечками и вертящимися столами попадают и уникальные явления «от Создателя этого мира» – и **именно против них в первую очередь направлена атака материалистов и хвала Великой Бритве.**

То, что Библия не проходит по научным критериям в своей «сверхъестественной» части, очевидно. Но проходят ли по этим критериям эволюционные гипотезы возникновения и развития жизни? При самом беглом рассмотрении становится понятно, что в этом плане эволюционная парадигма сегодня не поднимается выше «научного коммунизма».

Теория эволюции изначально опиралась на идею естественного самозарождения жизни из неживой материи, но это утверждение было опровергнуто Луи Пастером, убедительно показавшим базовый принцип жизни – живое может происходить и воспроизводиться только от живого. Пятидесятилетние попытки Стенли Миллера создать в лабораторных условиях некое подобие живых компонентов окончились неудачей – кстати, окончились неудачей к моему личному сожалению, ибо создание человеком даже какого-то подобия жизни с точки зрения научной методологии означало бы несомненно только одно – **верификацию творения, то есть, лишнее подтверждение того, что жизнь на земле была создана искусственным образом!** К сожалению, этого у Миллера не получилось.

Попытки доказать вероятность самозарождения, однако, на этом не закончились. В дальнейшем были произведены вероятностные расчеты самообразования, образно говоря, самосборки простейших, минимальных компонентов так называемого **живого**. Эти попытки объяснить происхождение живого «из камня» неизбежно привели к тому, что «предсказание» о самозарождении жизни оказалось стыдливо выведенным за дверь научного рассмотрения... На сегодняшний день у научного сообщества **нет ни одной убедительной модели, даже в общих чертах описывающей механизм возникновения жизни**, а на тему так называемого абиогенеза сегодня любой ученый – от лаборанта до академика – предпочитает не распространяться. Да и методологическое ограничение, наложенное на абиогенез, остается прежним – создание в любой форме жизни человеком будет лишь свидетельством возможности ее разумного происхождения. Чистым экспериментом было бы самозарождение жизни без участия человека, но тут любители принципа «настоящее – ключ к прошлому» хором скажут, что нынешние условия этому препятствуют, а тех, прежних, волшебных, уже никогда не будет.

Когда гипотеза не подтверждается фактами и противоречит новым открытиям, она объявляется несостоятельной. В лучшем случае она, как политик, ссылаемый в зарубежную страну послом, получает, так сказать, новые, минимально узкие рамки своего применения. При этом опальный посол больше не формирует политику государства. Дарвинизм – начало начал современного эволюционизма – будучи

на первых порах вполне научным в плане адекватности методологии, со временем увяз в тех же идеологических топях, что и марксизм.

Но когда не сбылись предсказания Дарвина о находке промежуточных форм (все ископаемые виды также оказались дискретны), адепты эволюционизма не растерялись – предложили совсем уже непроверяемые описания, ловко объясняющие, каким именно таким хитрым образом могла протекать эволюция, чтобы не оставить после себя никаких следов (гипотеза «перспективного уродца» Гулда и Элдриджа). Спасая свою «теорию», адепты эволюции уже с первых дней исходили не из фактов, а исключительно из **желания** обосновать ее любой ценой. Так с эволюционизмом происходило на протяжении всей его истории. И это, надо заметить, трудно назвать накоплением или уточнением научных данных – все новейшие модификации «спасателей» (типа синергетики, отказа рассматривать в рамках эволюции абиогенез, идеи дрейфа генов, горизонтального их переноса, симбиоза, коэволюции и др.) сделали в конце концов так называемую теорию эволюции абсолютно **непроверяемой**, выведя ее тем самым за рамки науки, в область чисто умозрительной схемы. Таким образом, теория эволюции в сегодняшнем виде **не является научной теорией**, поскольку описывает события, которые невозможно ни наблюдать, ни воспроизвести экспериментально, ни принципиально опровергнуть, с ее помощью невозможно сделать ни одного ценного предсказания, она не имеет практической ценности в «народном хозяйстве», противоречива

внутри себя, противоречит законам природы и вероятностным расчетам.

И если условная гипотеза творения ненаучна, то в терминах научной методологии столь же ненаучны и космогония эволюционизма («Большой взрыв»), и биологическая теория эволюции, не говоря уже о гипотезе самозарождения жизни. Всё дело в том, что обе эти «гипотезы» или «теории» являются не теориями, не гипотезами и вообще не являются чем-либо таким, к чему было бы корректно применять аршин научности. По сути и творение, и эволюционизм являются философскими концепциями, если хотите, двумя конкурирующими идеологиями или даже догмами. Но, к сожалению, сегодня для научных дисциплин, не имеющих «настоящих», жестких законов (история, биология, геология, астрономия), парадигма эволюционизма является базовой – своего рода ключом, в котором интерпретируются имеющиеся факты и реконструируются события прошлого.

Я думаю, что и сторонники творения, и честные эволюционисты все-таки осознают, что ни творение, ни эволюционная картина (с ее Большим Взрывом, самозарождением жизни и образованием всех нынешних форм из одной клетки) никакими научными методами окончательно доказаны быть не могут. Речь об этих событиях, по определению уже случившихся в истории, может вестись только в терминах вероятности, веры, более глубокого осмысления или модернизации своей догмы. Наука в данном случае (а наука может быть только одна, не «эволюционная» и не «библейская!») сама является лишь неким

орудием для исследователей, «обслуживающим» сугубо философские интересы – как библейских сторонников, так и адептов эволюционизма (читатель, надеюсь, помнит, что в точных науках, например, в физике, парадигма эволюционизма бессмысленна и не имеет никакого практического или познавательного значения).

К. Еськов, судя по всему, понимает, что по критериям науки, которые он добросовестно нам демонстрирует, эволюционная гипотеза все-таки не проходит:

«Разумеется, Поппер нарисовал умышленно упрощенную картину. Ведь согласно его методологическим правилам, **если теории противоречит некий факт, то она становится фальсифицированной и должна быть немедленно отброшена. Однако в реальности научное сообщество сплошь и рядом вынуждено сохранять заведомо «фальсифицированные» теории до тех пор, пока не появятся новые, более совершенные».**

Как говорится, и все мы хорошо знаем эту сохраняемую «теорию».

...И вот, после всех повествований о жестких правилах игры в науку, сводящихся к игре в одни ворота, и демаркационных критериях, не всегда обязательных к применению, на каком-то этапе нашего знакомства с научной методологией нам открывается, что применение этой самой научной методологии к нашим двум философским концепциям является бессмысленным. И дело тут вовсе не в подтасовках и не в том, кто применяет тот или иной метод. А дело в

понимании и констатации простого факта – **научность какой-либо теории или гипотезы не есть критерий ее истинности.** И напротив – **то, что кажется не научным, не обязательно ложно.** Таким образом, вопрос – является ли данная гипотеза научной? – по сути всегда второстепенен по сравнению с более важным вопросом – **каковы критерии истинности** любого утверждения?

Подобная точка зрения, которую отстаивают сегодня такие ученые как С. Мейер и У. Дембски, звучит следующим образом (в формулировке К. Виолована):

«Современная философия науки не имеет четких демаркационных критериев научности теорий – все демаркационные критерии «истинно научной теории» отброшены, остался только один – **ее истинность.** Редукционизм, позитивизм, фальсифицируемость – не являются ни необходимыми, ни достаточными условиями истинности гипотезы. Истинная теория может быть нефальсифицируема и использовать много «лишних» сущностей, срезаемых бритвой Оккама. А ложная теория может быть опровергаема и быть очень простой и стройной».

7.

Итак, мы попытались в этой главе вкратце рассмотреть научный инструментарий и границы применения критерия «научно-ненаучно». В завершение главы мне хотелось бы сказать хотя бы пару слов и о «настоящей» науке. К этой науке – теоретической и практической, которая лечит болезни, выводит новые сорта пшеницы, обеспечивает нас

транспортом и связью и вообще позволяет нам именоваться современными, цивилизованными людьми, – к этой науке я испытываю только уважение.

Эта наука сама хорошо знает свои границы. Один ученый создает новое лекарство. Другой рассчитывает траекторию движения ракеты к Марсу и параметры спуска модуля на поверхность Красной планеты. Кто-то занимается селекцией растительных культур, кто-то разрабатывает новый принцип телефонной связи, новый цифровой формат, новый двигатель или новый сплав для обшивки корпуса самолета. При этом ни Библия, ни религиозная вера с такой наукой не имеют каких-либо явных точек соприкосновения и в одном пространстве интересов не пересекаются. И уж тем более меж собой не конфликтуют. Что, например, изменится, если один из вышеназванных ученых будет верующим? Будет ли принципиально иным по составу какое-нибудь лекарство от насморка, если ученый считает, что антропный принцип вселенной есть следствие разумного замысла? Изменится ли вегетативный период нового плодового гибрида, скорость вывода спутника на орбиту или коэффициент сопротивления нового сплава, если – чисто гипотетически – выяснится, что Моисей был неправ, а жизнь зародилась сама в каком-нибудь древнем океане?

Мы уже говорили о том, что так называемая современная материалистическая наука, на словах отказываясь от «введения гипотезы Бога» в свои построения, к объяснению многих явлений подходит с позиций принципиального противостояния идее Разумного Создателя. По сути, эволюционизм – это

пестрое лоскутное одеяло, конгломерат из различных, часто противоречащих друг другу частных гипотез и откровенных фантазий, собираемых воедино только с одним жестким условием – чтобы объяснение любого явления или события было «естественным». Но, повторю еще раз, *не вводить Бога как гипотезу* в свои исследования может себе позволить только такая, практическая, по сути «ньютоновская» наука, изучающая уже «готовый» мир, имеющая дело с уже заложенными в материальные объекты неизменными свойствами и занятая лишь раскрытием и использованием этих свойств для наших жизненных нужд. В любом случае **наука и вера – две разные плоскости двух разных миров**. Самое слабое, «материалистическое» сравнение – это то, что подземные угольные шахты и воздушные коридоры никогда не пересекаются. Уголь не добывают в небесах, и подземной авиации не существует.

Но вот в чем заключается интрига. При всем при том мы отчего-то слышим неумолкаемые и раздраженные голоса из рядов «научного сообщества» – мол, современной наукой окончательно доказана ошибочность Библии, планета Земля имеет возраст в миллиарды лет, человек произошел в результате эволюции от зверообразного предка, всемирный водный катаклизм – компиляция из древних ближневосточных легенд, а Христос, в лучшем случае, был талантливым бродячим проповедником, главой одной из иудейских сект.

Так какая же из наук вступает в конфликт с Библией? Какая из наук доказывает, что Библия сообщает нам неправду? История? Биология? Физика? Нет, эта

«наука» называется эволюционизмом. «Наука» эта, разумеется, есть лишь материалистическая философская концепция, претендующая на объяснение начал и причин объектов и явлений нашего мира, но существующая лишь в качестве альтернативы идее божественного творения. Об этой «разоблачительной науке» мы и поговорим в следующей главе.

* * *

Примечания:

¹ «За 30 лет существования этого парадокса ученые-материалисты так и не смогли его объяснить». – Нет сомнения, что эволюционизм вряд ли оставил бы эту проблему без какого-либо объяснения. Самое распространенное возражение критиков состоит в том, что гало полония-218 принадлежит не полонию, а радону-222. Радон – это газ, который, по версии критиков, мог проникнуть в гранит по микротрещинам. Это хороший пример отчаянного фантазирования. Во-первых, миллионы (или миллиарды) полониевых гало, обнаруженных в гранитах Земли – это именно уверенно идентифицированные гало полония; во-вторых, хотя микротрещины и присутствуют в гранитах, но в общем случае они не коррелируют с гало (тогда как именно на отдельных, специально отобранных примерах случайного пересечения трещинами гало и построены возражения против Джентри); в-третьих, радон при миграции по гипотетическим микротрещинам в любом случае оставил бы следы этой миграции (микротрещины были бы заполнены

газом равномерно, а не только в «конечной точке»). Каталог радиогало можно посмотреть [здесь](#). В книге Д. Баттена читаем:

«Джентри ответил на все возражения оппонентов. Его работа неоднократно подвергалась критике, поскольку гало свидетельствуют о ситуации в прошлом – во время творения или после, или, возможно, во время потопа, – не соответствующей униформистским представлениям, которые лежат в основе систем радиометрического датирования. Неизвестный процесс, ставший причиной образования гало, может послужить ключом к подлинному пониманию радиометрического датирования» (Баттен, 2000, [ссылка](#)).

Об этой проблеме также [можно прочитать](#) у Юнкера и Шерера. Стоит сказать также, что в экспериментальных условиях ничего подобного наблюдаемому феномену получить не удастся. [\[Вернуться к тексту\]](#)

²«В данном случае актуализм просто не работает». – Что же решили исследователи? Они, конечно, безоговорочно отбросили вариант, что мумифицированным метасеквойям 40 тыс. лет, а стали исходить из 45 миллионов. А имея дело с десятками миллионов лет, можно «дышать свободнее»:

«Хоуп Джарен, профессор геологии из университета Джонса Хопкинса и его (её. – поправка А.М.) коллега Лео Стернберг из университета Майями **обнаружили доказательства** (выделено мной. – А.М.) того, что леса на Аксель Хейберг получали тепло от

экваториальных вод, приносимых сюда течением, прекратившим свое существование задолго до наших дней.

Разрешив одну загадку (!!! – А.М.), ученые остановились перед другими: например, как леса могли расти в световом режиме, характерном для острова. <...>

Хотя **кажется невероятным, чтобы вода от экватора орошала северный полюс**, Джарен отмечает, что **в то время было много вещей, кажущихся сегодня невероятными**, например, на северном полюсе отсутствовал ледовый щит» (KM.RU, [«На полюсе росли загадочные ископаемые»](#)).

То есть, униформизм униформизмом, но «Есть многое на свете, друг Горацио...». Иногда, главным образом в форумных дискуссиях, можно услышать версию, что остров за миллионы лет «приплыл» к нынешнему полюсу из субтропической зоны Земли. Однако, такие предположения не выдерживают критики – геологи говорят, что и 45 млн. лет назад остров находился на своем нынешнем месте (вместе со всем континентом Северной Америки он расположен на североамериканской литосферной плите, которая если и движется, то в обратном направлении, к юго-востоку), кроме того, астрономический наклон Земной оси и ее географические полюса с тех пор «официально» не меняли своего положения. Для понимания серьезности проблемы подойдет следующая метафора – как будто кусок земли площадью 500 км² вырезали и перенесли на 8/9 расстояния от экватора

до Северного полюса... Так и получается, что отговориться униформистам теперь можно лишь введением (выдумыванием) новых сущностей, типа тёплого экваториального течения в полярной зоне, теплых сказочных ветров, обдувавших остров и наличия в природе особых волшебных деревьев, способных 4 месяца не спать, а затем четыре месяца синтезировать жизненное «топливо» в темноте.

В принципе, геологи согласны, что в определенный период климат Земли был субтропическим, потом произошла некая катастрофа, полюса обледенели и пр., – хотя это, опять же, не решает «световую» загадку роста деревьев (не забудем еще и про фауну). Но, наверное, основная проблема не в том, **как** могли расти деревья в полярном режиме освещенности, а в том, **когда** произошла катастрофа и что она собой представляла.

³ «...но и содержимое этих сосудов – красные кровяные клетки». – Результаты открытия Мари Швейцер в 2008 году пыталась оспорить группа Томаса Кайе из университета Вашингтона в Сиэтле (Kaye et al., *Dinosaurian Soft Tissues Interpreted as Bacterial Biofilms*. PLoS ONE 3(7) 2008), каковая группа пыталась доказать, что мягкие ткани *Tirannosaurus rex* являются молодой бактериальной пленкой. Надо сказать, что даже в этом случае ценность открытия М. Швейцер не снизилась бы, поскольку сохранность фрагментов оригинальных белков сомнения не вызывала. Впрочем, в 2009 году, в результате работы над новой находкой *Brachylophosaurus canadensis* Мари Швейцер показала, что ее первоначальные выводы о мягких тканях динозавра остаются в силе

(Schweitzer et al., *Biomolecular characterization and protein sequences of the Campanian hadrosaur B. canadensis*. Science 1 May 2009: Vol. 324. no. 5927).

⁴«...но ведь исполнение пророчеств можно вот просто так взять и проверить». – Вот что пишет Сергей Головин, ученый-физик, писатель и специалист в библеистике:

«...За многие сотни лет до предназначенного срока Писание предсказывало приход Христа-Помазанника. Где и как Он родится; как будет жить; какие чудеса и знамения совершит; кем и за какую сумму будет предан; по какому приговору и каким образом будет казнен, как восстанет из мертвых – многочисленные детали (всего – более трехсот) Его жизни, смерти и Воскресения описаны за сотни лет до Его рождения на земле. Ученые подсчитали вероятность случайного совпадения исполнения лишь тринадцати наиболее ясных и бесспорных мессианских пророчеств, и оказалось, что она составляет один к 10^{140} . Десять в 140-й степени – это единица со ста сорока нулями после нее» (Головин, 2003).

Например, приход Христа предсказан в книге пророка Даниила (Дан. 9:24–27) приблизительно за 600 лет до исполнившихся событий. В момент написания книги еврейский народ находился в вавилонском плену и рассеянии, Иерусалим и храм были разрушены, но Даниил сообщает, что в будущем произойдет ряд событий, для которых определено семьдесят седми́н (седьмина – пророческий символ семилетнего периода, т.е. $70 \times 7 = 490$ лет). Началом этих седми́н послужит издание

указа о восстановлении Иерусалима и храма, окончанием – повторное их разорение. В первые семь седми́н (т.е. 49 лет) будут вновь отстроены Иерусалим и храм. После этого до Христа-Владыки пройдет 62 седми́ны (т.е. 434 года). В последнюю же, 70-ю седми́ну, утвердится Новый Завет, в середине этого семилетия *«предан будет смерти Христос, и не будет»*, упразднится традиционная еврейская храмовая жертва и в последующем город и храм будут вновь разрушены.

То, что во времена написания книги Даниила казалось невозможным, исполнилось следующим образом. Мы знаем, что указ о восстановлении Иерусалима был дан Артаксерксом в 457 г. до н.э. Простой подсчет ($49+434=483$ года) приводит нас к тому, что Крещение и утверждение Христа Владыкой относится к 26–27 г. н.э., а последняя седми́на выпадает на годы 27–34 н.э. Ее середина соответствует дате распятия Христа в 30–31 гг. н.э. В связи с исполненным пророчеством о Христе стало очевидным, что с утверждением Нового Завета между Богом и всеми народами традиционная ветхозаветная жертва потеряла свой смысл, историческая миссия еврейского народа завершилась, а Иерусалим и храм впоследствии, в 70 г. н.э., были разрушены римскими легионами Тита. Из всех храмовых сооружений уцелела лишь часть западной стены храмового двора, называемая у сегодняшних иудеев «стеной плача».

Может ли рациональный подход в исследовании помочь нам объяснить – откуда Даниил с точностью до года мог знать о событиях, которым надлежало

случиться через несколько столетий? Все возможные возражения о поздней подделке книги Даниила давно разобраны в специальной литературе и сняты – например, по свидетельству Иосифа Флавия, еще в 333 г. до н.э. Александр Македонский, пребывая в Иерусалиме, был уверен, что предсказание книги Даниила о том, что один из греков сокрушит власть персов, относилось лично к нему. К этому времени книга Даниила была уже широко известна в Иудее и имела долгую историю изучения и распространения. Даже самый ранний из сохранившихся списков книги Даниила, найденный в 1947 году вблизи селения Хибет-Кумран, сделан за 300 лет до рождения Христа. Единственное возражение критиков, которое можно принять во внимание – некоторое расхождение в датах указания о восстановлении Иерусалима и храма, связанное с его «дублированием» (что характерно для библейского параллелизма), или расчетами не по солнечному, а лунному еврейскому календарю, расходящемуся с солнечным в 69-ти седмицах на 3,5 года (486,5 лет, а не 483). Тем не менее при изучении вопроса в контексте библейской стилистики дата 457 г. до н.э. оказывается наиболее аутентичной (не говоря уже о том, что даже при допускаемых разночтения погрешность не превышает нескольких лет и события не выходят из известных нам исторических рамок).

⁵*«В этом случае, например, Туринская плащаница, сколько ее не исследуй...»* – Здесь я хочу предупредить возможные возражения читателей, знакомых с выводами о том, что Туринская плащаница является средневековой подделкой. Так повелось (и это было

предсказуемо), что известные датировки 1988 года со средневековыми датами 1260–1390 гг. неизбежно утвердились в научной и научно-популярной литературе, поскольку вполне устраивали и устраивают научное сообщество, закрывая столь раздражающий вопрос. Однако впоследствии сразу несколько исследователей (Busson, Brown, Villarreal, Benford and Marino и др.) независимо друг от друга обнаружили и опубликовали в научной литературе, что кусочки материи для анализа 1988 года были взяты из реставрированного в XIV веке фрагмента полотна, где оригинальная льняная ткань была смешана с молодой хлопковой. После этого предпринимались попытки защитить аутентичность прежних датировок (Freer-Waters R.A., Jull A.J.T. 2010. *Investigating a dated piece of the Shroud of Turin*. *Radiocarbon* 52(4):1521–7). Однако Марк Оксли показал, что проблема со средневековыми датировками даже не в путанице образцов, а в недопустимо низком уровне всего эксперимента, обнуляющем его результаты. Оксли заявил, что датировкам 1988 года самое место в «мусорной корзине науки» (Oxley, 2011, [PDF](#)). А в 2013 году проф. Джулио Фанти из Университета Падуи исследовал плащаницу новейшими методами, получив датировки в диапазоне от 280 г. до н.э. до 220 г. н.э., т.е. с усредненным возрастом 33 г. н.э., что говорит об абсолютной ее хронологической аутентичности (Fanti Giulio; Gaeta Saverio. *Il mistero della Sindone. Le sorprendenti scoperte scientifiche sull'enigma del telo di Gesù*. Rizzoli, 2003)

⁶«...отсутствующие в геологической летописи миллионы лет истории Земли приходились на так

называемые «периоды неотложения осадков». – Геолог А. Лаломов в своей работе «Реальна ли эволюция с точки зрения современной геологии?», приводит мнения таких эволюционных авторитетов как С.В. Мейен и С.И. Романовский.

«Даже в монотонной толще известняков присутствуют скрытые перерывы (диастремы), на которые <...> приходится значительная часть времени, ответственного за формирование разреза. Однако, не имея возможности дать хотя бы приблизительные оценки времени перерывов седиментации, геологи вынуждены закрывать на них глаза ... В океанах значительная часть времени падает на перерывы в седиментации. <...> Эрозия не может рассматриваться здесь в качестве главной причины неполноты разрезов, хотя и другие причины точно назвать невозможно. Морские геологи придумали удачный обход этой сложной проблемы, назвав время перерывов периодом неотложения осадков. Таким образом, геологическая летопись <...> фиксирует короткие интервалы активности, разделенные значительно более длинными интервалами бездействия» (Романовский С.И. «Физическая седиментология»).

«Из-за широкого развития скрытых перерывов, <...> например, в условиях мелководья нередко документируются лишь ничтожная доля общего времени седиментации (0,01–0,001 %) <...> Огромные скрытые перерывы отмечены и в глубоководных океанических осадках» (Мейен С. В. «Введение в теорию стратиграфии»).



ГЛАВА 3. ПИЛТДАУНСКАЯ НАУКА

1.

Широкая популярность любой идеи не обязательно является признаком ее истинности. Более того. В случае с какой-нибудь мировоззренческой теорией, глобально объясняющей «правильные взгляды на жизнь», чрезмерная популярность должна вызывать скорее подозрение, чем свидетельствовать о правоте этой теории.

В деградирующем мире (а с религиозной точки зрения в падшем) острые приступы массовой народной любви достанутся скорее идеям, потакающим отнюдь не самым высоким качествам в

человеке – например, тем, которые тешат его самолюбие («мы с тобой самые лучшие и правильные»), освобождают от какой-либо ответственности («цель оправдывает средства») или низводят всю сложность мира до примитива, предлагая упрощенные рецепты счастья («нужно отсекай лишние сущности»), «в наших неудачах виноваты наши враги»). Образно говоря, если вы однажды вздумаете затеять соревнование «высокого» с «низким», то практически со стопроцентной вероятностью лавры победителя достанутся идеям и новациям с некоей этической червоточинкой, «с дерьмом». Например, «Лолита» Набокова по определению будет популярней всех его прочих произведений, но страусиное перо, торчащее из задницы какого-нибудь нынешнего поп-артиста, все равно в глазах обывателя окажется весомей пера Набокова.

Мы уже говорили о том, что отцы-основатели нарождающейся европейской науки не мыслили своего дела без некоей парадигмы, платформы, прочного основания, которое позволяло иметь определенную систему координат и точку опоры в исследованиях. Тогда еще было бесспорно, что всё богатство земли и космоса самому человеку с его сугубо человеческим, ограниченным умом познать просто не под силу. Поэтому ученым вроде Исаака Ньютона опору для исследований в виде незыблемых аксиом давала именно Библия. Если мир имеет разумное устройство, то именно в его гармонии и уравновешенности частей нужно искать все прочие физические закономерности. Или – мир должен

изучаться только в «объемном» варианте, в совокупности физического и духовного, так как физическая его часть являет собой законченное произведение, а духовная сообщена в Заветах. Тут были и особая сущность человека, и все нравственные «направляющие» для исследований. Все эти аксиомы не были натужно рождены в каких-либо дискуссиях, их не вычислили, скажем, на основе опыта античных философов. Это без всяких обиняков было словом Бога, а, следовательно, эталоном, который можно приложить к любому объекту исследования.

...Но «иных уж нет, а те далече». В деградирующем, теряющем сложность мире следующим этапом «эволюционного распада» стала неизбежная **рационализация человеческого сознания**, связанная именно со свойствами нашего несовершенного мира и качеством нашей несовершенной психики, а именно – верх в человеческом обществе стала брать **склонность к упрощенчеству**, редукционизму, образно говоря, «интерес к Киркорову, а не к Ростроповичу».

Мне думается иногда – а, может быть, *наивная* ньютоновская наука и правда «не виновата» в том, что превратилась в современную циничную бой-бабу, низводящую всю сложность человеческой жизни до уровня куска мяса, научившегося в процессе эволюции говорить: «Абыр... Абыр... Абырвалг» и играть на балалайке? Может, правда, все дело в общей тенденции распада? В новой психологии, новых людях? Неизмеряемые вещи, «вещи призрачного происхождения», как мы уже говорили, были просто

выведены этой новой наукой за дверь. А дверь за ними захлопнута ногой. Что ж, слаб человек. Стремление найти поверхностное, самое легкое решение, где самое простое почему-то считается и самым правильным – это основа всякого рационального мышления, начало «правил игры в науку», а по сути лишь «любовь к блестящим предметам» и циничное отношение к миру. Соблюдение «правил науки» для ученых нового типа оказалось неизмеримо важнее искреннего желания понять проблему, если вообще не удобным способом подыграть «своей» парадигме. «Мы тут консультировались с профессиональными взрывниками и пришли к выводу, что возникновение вселенной посредством Большого Взрыва вполне реально».

По сути рационализм, рациональное мышление – это прибежище людей, желающих упростить себе жизнь. Тех, кто не знает и не собирается знать **ВСЮ** правду о реальности. «Не умножайте сущностей сверх необходимого!», – говорят они. Скромно предполагаю, что самый удобный объект для любого ученого-рационала, равно как и самая оптимальная для него сущность – это лежащий на земле холодный труп. «Почему он назывался живым, почему двигался, о чем думал, сие науке неизвестно, да и просто не интересно, – с удовольствием рассуждал бы такой умница-рационал. – Ведь главное для понимания предмета исследования – не умножать лишних сущностей!»).

Склонность человека к редукционизму очень легко объяснить физиологически. Хотя даже в этом случае странно звучат слова эволюционистов о

происхождении и выделении человеческой культуры из голой физиологии и животных рефлексов. Напротив – на примере сегодняшних дней создается совершенно другое впечатление. Человек как бы на подсознательном уровне стремится «меньше думать» и делать «меньше лишних движений». С точки зрения управления, организации труда или решения любой более-менее «неинтересной» проблемы такой редукционизм, кажется, обоснован – зачем тратить лишние силы? Быстрое и «компактное» решение проблемы считается главным достоинством современного руководителя.

Но совсем другое дело – область, касающаяся этики и творчества, где упрощенчество, минимизация действий по определению невозможны. Культура (в ее этическом понимании) как бы сознательно «усложняет» нам жизнь. Это всегда работа, всегда нелегкая, но всегда добровольная. Можно сравнить культуру с клавиатурой первой печатной машинки, которая была оптимизирована конструкторами под скоростной набор текста, но затем сознательно чуть «усложнена» нарушением оптимального порядка расположения букв – чтобы «тормозить» пользователя и препятствовать валу опечаток, сопутствующему скоростному набору текста.

Ровно то же самое произошло и с теорией Дарвина – объяснить мир побыстрее и попроще. Неоспоримый факт, о котором умалчивают сегодня многие эволюционисты – что именно ведущие ученые тех лет не приняли дарвиновские новации в силу их упрощенного подхода к действительности. Эти ученые увидели главную опасность грядущей «минимизации»

науки и упрощенного отношения к миру – за снижением этических ценностей последуют неуважение к человеку и снижение ценности человеческой жизни.

Одно дело – естественное сомнение ученого, его критическое отношение к результату эксперимента, другое – пришедшая на смену ньютоновским представлениям о науке абсолютно новая эволюционная парадигма просвещенного XIX века, рациональный атеистический взгляд на происхождение мира и его новая «охранительная» идеология – пропагандистская платформа в виде так называемой теории эволюции. Произошел по-английски элегантный и плавный переход от ньютоновского «следовать своими мыслями за мыслью Творца» до вполне современного – «во избежание непредвиденных сложностей следовать лишь утвержденным правилам «игры в науку».

2.

Нечто подобное эффекту мерцающего блёстками поп-певца, при появлении которого публика с удовольствием отвернулась от «скучного виолончелиста», произошло и с дарвиновскими практико-философскими построениями, широко известными теперь как «дарвинизм» и «дарвиновская теория происхождения видов».

Можно ли сказать, что ученый Чарльз Роберт Дарвин был из числа тех научных титанов, которые своими открытиями переворачивают все наши прежние представления о мире и задают науке новые направления на десятилетия вперед? Формально, по

произведенным последствиям – да. По сути, по соответствию истине – нет.

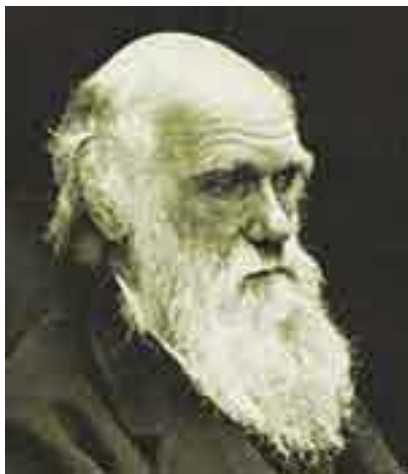
Да что там истина! Даже по соответствию первоначальным планам – нет. Образно выражаясь, Дарвин поставил мышеловку, в которую попался «бесхозный», бродивший поблизости слон, и поэтому ученый заслуженно получил титул первого охотника. Дарвин был честным теоретиком, в отличие от большинства своих последователей не скрывавшим трудностей своей теории. Но наш разговор пока не о дарвиновской «мышеловке» и не о ее устройстве, а исключительно о «слоне» и причинах его столь легкого попадания в мышеловку. То есть, об общественном сознании дарвиновской эпохи и последовавшем тотальном развороте научного корабля в сторону дарвиновской идеи.

Почему дарвинизм стал так тотально, если не сказать фатально, популярен?

Ведь Дарвин не первопроходец. У него были предшественники, на его концепцию большое влияние оказали работы Мальтуса, Ламарка и Лайеля. Были и ученые, реально претендовавшие на приоритет дарвиновских «открытий» – Уоллес и Мэттью. Интересный момент этой истории состоит в том, что собственно «дарвинизм» неявно оформился в узких научных кругах еще задолго до написания дарвиновского «Происхождения видов». Например, никто иной как родной дед Дарвина, Эразм (1731–1802), известный врач, изобретатель и поэт, еще до рождения своего внука выдвинул практически все будущие «фирменные», сугубо «дарвиновские»

предположения об эволюции, хотя и в поэтической форме. Более того, также задолго до появления классического дарвинизма теолог У. Пейли (1743–1805) даже успел дать достаточно впечатляющий бой эволюционным идеям старины Эразма, и в тех же узких кругах саркастическое понятие «дарвинизировать» некоторое время считалось синонимом профанации какой-либо идеи.

Утверждают, что Чарльз Дарвин был очень мягким человеком, осторожным, боящимся насмешек. Почти тридцать лет он не решался публиковать свои идеи, впервые пришедшие ему в 1831 году, во время кругосветного путешествия (может быть, памятуя опыт своего «обсмеянного» деда). Только необходимость закрепить свой приоритет в условиях, когда соперники уже наступали на пятки, заставила его в 1859 году опубликовать «Происхождение видов» – книгу, написанную настолько поспешно, что сам автор «не успел» даже раскрыть заявленную в заглавии тему – собственно, происхождение этих самых видов.



*.Чарльз
Дарвин*

Такая теория могла появиться только в Англии, стране с извечной парадоксальной консервативно-фрондерской сущностью. Англия родила Дарвина по той же причине, по которой позже родила, скажем, тех же панков. Следует сделать акцент на одной, очень важной детали. А именно – теория Дарвина, абсолютно вопреки всякому традиционному научному опыту, появилась не в силу каких-то новых научных открытий, а исключительно в силу своеобразного, так сказать, «нового» социального состояния общества. Дарвин не открыл ни одного нового научного закона, не сделал даже ни одного нового наблюдения – он лишь перетолковал несколько старых известных фактов на новый лад для поддержания своей умозрительной концепции, которая формально говорила о происхождения видов, а по сути ломала всю прежнюю творческо-религиозную картину мира, ту, где даже наука считалась с этикой.

Нужно только представить себе так называемую общественную атмосферу того времени, то есть середины XIX века – все эти политические перетряски, парламентские реформы, участие в войнах от Африки до Новой Зеландии, колонизации-деколонизации и так называемую промышленно-машинную революцию... То бишь представьте себе всё это недетское изумление общества от новых изобретений и всплеска новых технологий, от первых хирургических побед в медицине до появления автомобилей, электродвигателей и дирижаблей. Прибавьте сюда безусловно революционный слом всех прежних людских отношений – требования

отмены рабства и равенства женщин, и даже новые прагматичные моды и увлечения – первые диеты и способы поддержания здоровья с помощью физкультуры.

Лично мне кажется очень символичным, что дарвиновская теория впервые была высказана именно в поэтической форме (как мы помним, дедом Чарльза), но «победила» не гуманитарная, а именно ее рациональная, «научная» форма изложения. В этом не содержится никакой разгадки, но есть тенденция. Несмотря на то, что эти годы были также и временем культурного расцвета, наука впервые в истории заняла не свойственные ей ранее, лидирующие позиции в качестве общественного авторитета. Можно сказать, что и «научная» теория Дарвина победила только потому, что сама наука в эти годы технической революции получила авторитет выше библейского.

Современные рационалы говорят примерно следующее – да, многие ученые прошлых времен были верующими людьми, но с развитием науки чисто механистически стало очевидно, что Библия «не права». Такой взгляд рационалов может создать иллюзию, что «учеными прошлого», как некими незрелыми детьми, истина была до поры до времени просто не осознана, но со временем общество доросло до нужной кондиции, созрело и все точки над «i» с помощью науки расставило. Может быть, наука получила такую популярность и такой авторитет в силу какой-то своей особой «истинности» или исключительной важности в деле, так сказать, существования общества?

Я думаю, что это не совсем так. Я думаю, что трон науки оказался водруженным на общественный олимп вследствие совсем других причин. А произошло это потому, что наука (безотносительно к реальным успехам) стала стремительно развиваться и «расширяться», заполняя собой – сначала первые пустоты, а затем шире, вакуум – возникшие в обществе в результате духовного кризиса, деградации в атмосфере общего этического, религиозного и творческого распада. Проще говоря, в головах тогдашних детей машинной революции произошел существенный перекося чувств и понятий в сторону науки – не только как некоей панацеи от всех бед, но и «давателя» простых и точных ответов на любые вопросы. Можно искать и другие объяснения феномену «прихода науки к власти», но факт остается фактом – в глазах общества наука, в отличие от «нравоучительных книжек», заняла якобы полагающееся ей первое место, так как выполняла единственно нужную роль – поставщика реальной, полезной, видимой глазом и осязаемой на ощупь продукции, а также поставщика современной и понятной (без лишних этических приседаний) информации о мире.

И тем не менее эта новая, промышленная, рационалистическая наука XIX века не конфликтовала и не могла конфликтовать с христианством как таковым. Эта наука занималась практическими вещами – вера в Творца не отменяло ни изобретение электрического двигателя Фарадеем, ни использование анестезии в медицине. Ну, какой, спрошу я, тут может быть конфликт? – ведь Творцом

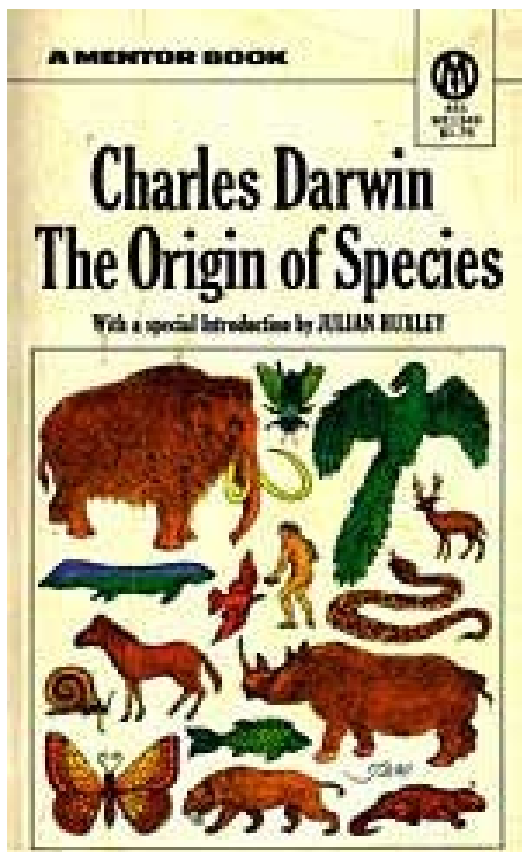
заложены в природу определенные свойства, которые можно открывать, изучать и использовать в «народном хозяйстве» – хоть обезболивающие медикаментозные средства, хоть электричество, хоть даже радиоактивность элементов. Повторяю, наука имела лишь огромный авторитет и кредит доверия в обществе. Поэтому атеизм, вздумай он искать себе серьезное обоснование, должен был использовать не литературу, не песни и пляски у костра с бубном, не курение трубок мира с врагами, а именно авторитет «настоящей», практической, вызывающей восхищение в обществе, науки.

К чему, собственно, всё шло и что, собственно, случилось.

3.

Итак, в XIX веке всё так быстро сорвалось со своих мест и так быстро задвигалось и завертелось, что только ленивый мог не заметить, что наступили новые времена. Библия же оставалась прежней, ничего об этих новых временах не говорила и воспринималась как некий осколок вчерашнего дня, источник устаревшей информации.

Поэтому книга Дарвина вполне оказалась на своем месте и уже была, что называется, обречена на успех. Тем более что незадолго до выхода книги друзья уговорили Дарвина опубликовать ее газетную демо-версию, «пробник» в виде упреждающей PR-статьи. Прогрессивная Англия уже знала, чего ожидать от новой книги – весь ее тираж был раскуплен в первый же день.



«Происхождение видов»

Дарвина, 1859 г.

Говоря из сегодняшнего дня о роли Дарвина в науке, можно было бы формально утверждать – Дарвин, сам того не ведая, фактически пустил науку по ложному следу, незаслуженно «онаучив» описательно-наблюдательную дисциплину биологию, придав законность запутывающим формулировкам и сделав неправильные выводы из «правильных» фактов.

А между тем Дарвин во всей этой истории с «победой дарвинизма» оказался не более чем **рупором общественных ожиданий**. Никакого заговора против религии не было. Никто не придумывал теорию эволюции специально для борьбы с Библией или церковью. Но другого бы ученого с «наблюдениями»

подобного уровня, в других дисциплинах, не «требующих» революционных новаций, глядишь, и поправили бы коллеги... Но только не человека, принесшего светлую весть о естественной, бесхозной, бесконтрольной, самостийной, с кредитами без отдачи – жизни в этом мире.

В сущности, личность самого отца-основателя дарвинизма для этого искомого дарвинизма не играет абсолютно никакой роли. Более того, при внимательном рассмотрении выявляется даже некий парадокс – скромный, не обладающий богатырским здоровьем Дарвин и его вызывающая – даже нагло вызывающая! – теория находятся в явном диссонансе, безответном несоответствии друг другу. Известно высказывание Дарвина: *«Удивительно, что при таких средних способностях я мог все же оказать значительное влияние на взгляды людей науки по некоторым важным вопросам».*

Ничего удивительного, скажем мы. По большому счету Дарвин дарвинизму не нужен, так и выходит, что он – фигура трагическая. Просто повезло атеистам и ученым-рационалам, что желанную и любимую ими идею высказал так называемый хороший человек, честный ученый с безупречной репутацией, до последнего дня сомневавшийся в адекватности своих новаций. Но с тем же успехом на месте Дарвина мог быть и какой-нибудь клыкастый монстр – дело тут исключительно в самой идее, а не в ее носителе.

Классический Советский энциклопедический словарь, стоящий у меня на полке, сообщает, что Дарвин «вскрыл основные факторы эволюции

органического мира». Так про Шарля Перро можно сказать, что он вскрыл механизм поведения котов, обутых в сапоги и мальчиков, имеющих размеры с палец. Дарвин сделал единственно ожидаемую рациональным обществом вещь – «онаучил», то есть придал официальный научный статус идее, альтернативной божественному происхождению. В широком смысле Дарвин первым из всех ученых – сам того наверняка не желая – просто **дал «научное» обоснование атеизму**. С появлением дарвиновской альтернативы приоритеты сразу сместились. Если раньше взгляды какого-либо ученого противоречили Библии, они назывались антибиблейскими. Теперь же сама Библия могла именоваться «антинаучной». Отныне фраза «Бога нет» стала как бы научным открытием.

4.

Если встать на религиозную точку зрения, то вся картина, произошедшая с обществом в XIX веке, предстаёт в новом свете, концы сходятся с концами и все темные места объясняются очень непротиворечиво. Если в этом мире реальностью является не эволюция, не прогресс (его лишь имитирует развитие технологий), а постепенная духовная и физическая деградация, то драматургия будет следующей. Являясь существом гордым и уже здорово продвинутым в плане «власти над природой», изначально искусственный, «рукотворный» объект по имени Человек однажды начал сомневаться в своей искусственности. В том, что он, Человек, так мощно и

интеллектуально создающий своими руками паровые двигатели и дирижабли, сам есть произведение некоей Высшей Личности, Разумного Создателя.

Действительно, загрунтованный холст живописца, с нанесенными на него слоями масляных красок, может быть бесспорно признан продуктом человеческого интеллекта и делом его же рук, но облака, и лес, и река, которые мы имеем возможность наблюдать с детства, являются объектами «естественными». Даже самые прекрасные из них как бы не имеют своего автора или создателя. Зимний пейзаж на картине нарисовал художник, но морозный узор на стекле – абсолютно ничей, он всегда тут был, и он всегда был таким ничейным, «само собойным».

В принципе, ситуация эта стара как мир. На протяжении всей истории каждый человек, как когда-то и Адам, делает свой личный выбор, говоря Богу «или – или». Или: «Да будет воля Твоя, Господи!», или: «Господи? Нет, только после меня!». Проблема в том, что предметов для гордости у «упрощающегося» человечества с годами становится все больше и больше. Переходит ли количество в качество по материалистическому определению, я точно не знаю.

Когда «наблюдательный» человек (в античности ли, в средневековье – не важно) захотел однажды получить **непротиворечивую картину мира без Бога**, то он, разумеется, первым делом пришел к утверждению естественного, само-собойного происхождения всего окружающего мира – плывущих по небу облаков, леса, реки, узора на стекле и даже звезд на

небе и движения планет. Человек начал задавать себе все больше вопросов, изучать этот мир и открывать его законы. «Откуда берутся дождь и молния?». – «Из тучи. Следовательно, тучи обладают свойством источать из себя воду и молнии». Вот и первый закон открыт – грозовые тучи обладают водоточивостью и молниеметанием. И Зевс тут ни при чем. – «А отличается ли живое от неживого?». – «Конечно. Живое берет жизненную силу из земли, а камни изначально мертвы». – «А падают ли камни с неба?». – «Нет, не падают никогда. В лучезарном слое воздуха, эфире, неоткуда взяться камням, это лжеучение». – «А откуда взялась жизнь, если не Бог ее сотворил?». – «Да ниоткуда! То есть, конечно, зародилась сама. Например, мы наблюдаем появление мышей в гряде старого тряпья, червей в тухлом мясе и выводим новый закон – неизменным свойством любой жизни является ее самозарождение. Живое может появляться из неживого, это факт». – «Да, но мыши-то зарождаются уже в «готовом» тряпье, а откуда взялось, собственно, всё окружающее? Вселенная, разнообразие жизни, человеческая культура?».

Вот здесь и должна появиться идея, **теория, сводящая все материалистическое понимание мира воедино**. Какого бы качества эта идея ни была, она останется единственной конкуренткой божественному творению. Все ее неувязки, все противоречия отойдут на второй план перед ее главным «достоинством» – она объясняет мир, который возник сам, без помощи Бога!

Если посмотреть на весь этот эволюционный перформанс непредвзято, то прежде всего бросается

в глаза одна всегда совершаемая «естественниками» чудовищная ошибка, нонсенс – человек с его разумом, заявляющий о всеобщей «естественности» и управляющий этой «естественной» природой, не видит и не желает видеть, что сам он, оценивая, какой объект в этом мире является искусственным, а какой нет – обладает подобной возможностью лишь по вложенной в него Богом способности рассуждать и мыслить «искусственно», то бишь, разумно. В терминологии научно-фантастических романов такая позиция Человека – по сути «бунт разумных биороботов», да простят меня за это сравнение окружающие.

Представьте себе такую картинку. В каком-нибудь безлюдном будущем стоят два робота возле сборочного конвейера, запрограммированного штамповать таких же роботов, и рассуждают о своем происхождении. «Некоторые «несмазанные головы» утверждают, будто в старой проектной документации есть указания, что первую партию нас, роботов, изготовили какие-то сверхъестественные конструкторы, технологи и программисты. А вот я думаю, что первые роботы это... того, значит, как бы сами... Почему нет? Облака из пара – сами, металлы из руд – сами, мамы-конвейеры наших братьев штампуют – сами. Кто видел этих инженеров? Где доказательства? Это противоречит опыту и всем известным законам, в том числе законам развития роботов».

Все аналогии верны лишь отчасти. Если бы роботам предложили идею «дяди-конструктора» вместе с обязанностью дать со временем «отчет о

проделанной работе» этому призрачному дяде, то они, скорее всего, еще решительней отвергли бы дядино существование в пользу собственного интеллекта, самозарождения «мамы-конвейера» и самосборки первых экземпляров. «Позвольте, что это за ерунда – кто-то вложил в нас программу с вариантами выбора? Разве мы не сами ее в себе развили, как говорится, в тяжелой борьбе за тасол и масло? Вот, смотрите, все вокруг создано нами – наши заводы, наше искусство сварки. Мы естественным образом стремимся к развитию, потому что программа, заложенная в нас, сама совершенствуется со временем, как и всё в этом мире. Сначала были тупые железки, а теперь вот, стоим, о смысле жизни рассуждаем. Ах, документы говорят о «дяде»? Да, говорят. Но их, скорее всего, сфальсифицировали хитрые роботы, желающие погреть свои загребущие манипуляторы на чужих проблемах. Но тот, кто отрицает самозарождение, **пусть предложит что-нибудь более убедительное**, чем детские сказки про инженеров. Разве есть еще какие-нибудь варианты? И жизнь, то бишь, технологии, не стоят на месте, всё со временем дегради... то есть, ржаве... то есть, совершенствуется! Новые технологические решения и новая, грамотно составленная документация, наконец-то позволяют нам расставить «все заклепки на свои места». Так сказать, бери от жизни всё, железяка! Завтра тебя переплавят, от программы твоей не останется и воспоминания, твой металл войдет в состав других роботов, но пока ты еще скрипишь – бери от жизни всё!»).

5.

Понятно, что любое утверждение недорого стоит, если, не имея точек опоры и фактических обоснований, представляет собой лишь голые фантазии и вариации на тему «естественного» хода событий. Понятно, что в основу нового мировоззрения об эволюции нужно было взамен библейских положить какие-то другие аксиомы. Другие, но именно **аксиомы**, гранитные столпы нового прогрессивного учения.

Двумя такими аксиомами ко времени выхода в свет дарвиновского «Происхождения видов» («*The Origin of Species*») практически уже стали натурализм (естественность всех процессов, без вмешательства supernatural-сил) и актуализм-униформизм (неизменность законов природы и тождественность любых древних процессов нынешним; о чем мы говорили в предыдущей главе). Третью аксиому Дарвин не предлагал. Формально Дарвин предложил научному обществу лишь свое виденье механизма эволюционных преобразований – изменчивость, естественный отбор и наследование приобретенных признаков.

Но весь парадокс заключается в том, что дарвиновские концепции, более известные как **теория эволюции**, стали со временем **непреложной и непоколебимой третьей аксиомой современного научного мировоззрения**. В сакральном плане было завершено формирование некоей особой триады, как бы намеренно отличной от божественной – триады рационалистической аксиоматики сугубо

материалистического мира, свободного от «вещей призрачного происхождения».

Если в 1859 году, в первой своей книге Дарвин импровизировал лишь на тему «видообразования» галапагосских вьюрков и бабочек-пядениц, то во второй книге, «Происхождение человека» («*Descent of Man*», 1871 г.) уже доводил начатое до логического конца, по типу: «А не замахнуться ли нам теперь на самого Вильяма, так сказать, Шекспира?». За 12 лет, прошедших с выхода первой «скромной» книги, дарвиновские идеи получили не то что широкую – а уже какую-то небывалую, бешеную популярность. Во второй книге Дарвин уже без обиняков «замахивался» на особый статус человека, объявляя его, человека, потомком волосатого двуногого животного существа.

Как бы там ни было, но научная гипотеза была высказана четко и недвусмысленно, с указанием направления исследований и попперовскими, как бы мы сейчас выразились, «предсказаниями» – в геологической летописи окаменелостей должно быть найдено бессчетное количество переходных эволюционных форм, плюс эволюционная теория должна безусловно, без всяких двусмысленностей объяснить наличие у человека альтруистических качеств. Несоблюдение хотя бы одного из этих условий Дарвин приравнивал к провалу его теории. Сегодня мы знаем, что оба дарвиновских критерия как раз безусловно провалены, но «дело Дарвина живет и побеждает». Следует, наверное, упомянуть и о том, что главным имеющимся доказательством своей теории Дарвин считал так называемый закон

рекапитуляции Геккеля, оказавшийся впоследствии грубой научной ошибкой.

...Если мы окинем взглядом историю дарвинизма, то нетрудно заметить, что через всю эту историю, начиная с первых же дней, проходит какой-то странный лейтмотив, присутствует какой-то то ли намёк, то ли налёт постоянной нелепости, недоговоренности, неловкости и даже трагикомизма. Разумеется, что сам вопрос происхождения человека достоин пристального внимания – ведь здесь проходит линия фронта двух противостоящих мировоззрений, но...

Вся эта история становления и утверждения в науке дарвиновской теории как будто имеет больше отношения к театральным страстям на фоне картонных декораций, чем к другим, «обычным» историям утверждения новых теорий. И события здесь все какие-то сплошь гротескные – зуб предка, оказавшийся зубом свиньи, и изумившие всех рисунки, оказавшиеся подложными... И действующие персонажи здесь какие-то то ли чеховские, то ли карикатурно-детективные – капризные эксперты, сортирующие артефакты на «свои» и «чужие», католические священники-иезуиты, подпиливающие обезьяньи челюсти едва ли не при свете луны... Может быть, это мое личное субъективное ощущение, а может быть все это происходит оттого, что изначальная нелепость самой идеи (человека понизили даже не до какого-нибудь дельфина, а до идиотской обезьяны) навек наложила на все последующие события неистребимый отпечаток абсурда.

Нелепости начинаются с самого начала этой истории, множатся, плодятся и сопутствуют ей на протяжении ста пятидесяти лет. Представьте себе совсем еще юного Дарвина, до беседы с которым однажды снизошел его тогдашний кумир, известный геолог, профессор Седжвик. Точно по ситуации: «...старик Державин нас заметил». Можно себе представить, как хотелось юному Чарльзу при встрече поразить своего кумира тонкостью замечаний, логикой и остроумием! И юноша Дарвин поведал профессору самую захватывающую из всех своих историй – о находке, сделанной недавно его знакомым землекопом в песчаном карьере, а именно о древней раковине, удивительно напоминающей тропическую. Было, было чем удивить старика профессора – тропическая раковина в песчаном карьере, в самом центре Англии! Однако Седжвик повел себя весьма неожиданно, так сказать, «по-эволюционному» – вот уж воистину как будто закладывая на столетия вперед формулу отношения эволюционизма ко всем «неправильным» находкам. Известный геолог едва ли не скривился и изрек что-то типа: «А и выбрось свою раковину туда, где ее нашел!». «Как, что, почему?» – забеспокоился ошалевший Чарльз. – «Если бы в этой яме кто-то действительно нашел древнюю тропическую раковину, то грош цена была бы тогда всей нашей науке. Более того, это было бы просто настоящим несчастьем для нас и для геологии, потому что перевернуло бы с ног на голову всё, что мы до сих пор знали».

Что касается меня лично, то именно с этой сцены и с этих слов маститого профессора я бы начал отсчет «триумфального шествия» дарвиновской теории по городам и весям полутора последних столетий. Потому что именно это событие по иронии судьбы стало, пожалуй, лейтмотивом всей дальнейшей истории дарвинизма. Обладая Чарльз даром ясновиденья, он мог бы в тот момент увидеть «странное виденье грядущей поры», где «вставало вдали всё пришедшее после» – зной, жара, археологи, тенты, рабочие, деревянные столы, лица, палатки, ящики, черепа, кости, осколки керамики, заседания в научных собраниях, вопли отчаянья: «Да вы что! Я же нашёл всё это *in situ*!» – и вкрадчивые, но чуть нагловатые в своей уверенности голоса: «А и выбросьте свою находку туда, где вы ее нашли! Если бы это было правдой, то стало бы настоящим несчастьем для нас!»).

6.

В геологии до появления теории Дарвина шла тихая позиционная война между катастрофистами и униформистами – одни ученые (Кювье, Агассис, Оуэн) утверждали быстрое накопление земных осадочных пород в результате всемирного потопа, другая группа ученых, с Чарльзом Лайелем во главе, отстаивала медленное накопление осадков при длительных сроках. Невероятно, но с возрастанием популярности дарвиновской идеи этот долгий спор был разрешен как бы сам собой. Так как мяч был на стороне тех, кто отстаивал длительные временные периоды (а теорию эволюции только такие периоды и устраивали), то победа в результате «зрительских

симпатий» досталась эволюционной геологии Лайеля. Так сказать, в катастрофически сжатые сроки было зафиксировано только поражение катастрофизма.



Чарльз Лайель

Чарльз Лайель (1797–1875) еще за 30 лет до первой дарвиновской книги написал свой знаменитый многотомный труд «Основы геологии», каковой работе «писатель» Дарвин откровенно подражал даже в стилистическом плане. Для Дарвина Лайель был своего рода учителем и другом. Сам Лайель, в отличие от профессора Седжвика, не стал говорить Чарльзу: «А и выбрось свое происхождение видов туда, где ты его нашел!», а, напротив, активно поддержал новую-старую теорию. В итоге эволюционная связка «долгие процессы в геологии плюс долгие сроки эволюционного отбора» оказалось цельным и внутренне непротиворечивым научным предположением. На первый взгляд убедительным,

однако, все же пока не более чем имеющим статус гипотезы, которую требовалось подтвердить конкретными фактами.

Непредвзятому наблюдателю, опять же, трудно не заметить, что, как и в случае с Дарвином, победа досталась Лайелю не в результате каких-либо новых открытий, но исключительно по идеологическим причинам. В признании взглядов Лайеля как базовых для тогдашней геологии было гораздо больше «политики», нежели даже простой логики. Не обсуждая здесь взгляды Лайеля, замечу только, что «Чарльз старший» просто закрыл глаза на многие вопиющие противоречия своих идей тому, что уже было известно геологии и истории в те времена. Например, у Лайеля не было никаких фактических оснований отрицать катастрофическое накопление осадков и потопное образование окаменелостей, как на том настаивал, например, Кювье. Как геолог, Лайель прежде Дарвина должен был увидеть, что осадочные породы, на которые он пытался «навесить» сотни тысяч лет развития животных и человека, не содержат даже в верхнем слое того количества останков, которые могут сравниться с длительными историческими периодами – количества, достаточного хотя бы даже для начала серьезного научного разговора о сотнях тысяч лет развития животного мира и человека (Напомню, что это был период активных разработок песчаных и гравийных карьеров для строительства новых дорог и связанной с ними первой настоящей волны археологических находок). В конце концов, в те времена авторитет Библии с рассказом о всемирном катаклизме был

еще достаточно высок, да и Лайель, как ученый, знал, что все исторические источники цивилизации, от преданий и легенд до письменных хроник – **не содержат абсолютно никаких сведений или утверждений о древнем возрасте мира.** Не говоря уже о запредельно древнем. Напротив, все древние народы и сообщества, от примитивных племен до высокоразвитых «наукоемких» цивилизаций говорят именно о молодом мире, у начала которого были свидетели, с точки зрения исторической памяти вполне обычные, «недавние» люди.

Впрочем, все утверждения Лайеля и поддержка им Дарвина строились, скорее, от отрицания, как во фразе у Станиславского – «не верю!». В данном случае: не верю Библии. Лайель не имел ни малейшего представления о возрасте осадочных пород, как, впрочем, и о возрасте находимых в них окаменелостей. Его убеждения строились лишь на его собственном, весьма вольном выводе – толщина пород и разнообразие окаменелостей в них свидетельствуют о запредельно длительном развитии живых организмов. А Дарвин мог теперь говорить, что для бесчисленного количества вариантов развития времени было сколько угодно, древний возраст пород подтверждает это.

Лайель с Дарвином весьма удачно «нашли друг друга». Теперь оставалось найти еще переходные формы меж видами различных живых организмов. Впрочем, дело-то было, как уже поняли все, вовсе не в животных. Главным героем этого перфоманса был, конечно же, «бывший венец природы» человек. Поэтому непременно нужно было найти что-нибудь

такое обезьяноподобное, пока что умозрительное, нечто вроде чего-то... этакое, от чего должен был произойти именно человек, коль уж мы взялись утверждать, что он не «произошел» от Бога.

7.

Тут надо заметить, что первые 20–30 лет после выхода в свет дарвиновских трудов у историков и археологов (о палеоантропологии речи еще не шло) не было абсолютно никаких концепций происхождения человека, никаких предпочтений в направлениях поисков и даже никаких внятных представлений о том, что, собственно нужно искать, чтобы точно найти именно это, а не что-нибудь другое.

Еще «до Дарвина» археологи запросто находили без всяких последствий для своей репутации различные аномальные предметы, что-нибудь вроде железного гвоздя, вмурованного в песчаник девонского периода. В 1862 году, в угольном пласте штата Иллинойс археологи обнаружили человеческий скелет, вполне современной анатомии. Ну, обнаружили и обнаружили... Смотрели на такие находки просто – ничего сверхъестественного, ну, непонятно только, каким образом этого человека занесло в каменноугольный слой геологического «пирога». В том же 1862 году во Франции нашли явные следы пребывания человека в пластах, датируемых как эоценовые, чуть позже в подобных эоценовых слоях Швейцарии нашли полный человеческий скелет. Человеческие останки, относящиеся к миоцену и плиоцену (в нынешнем определении возрастом в десятки миллионов лет) нашли в 1867 году в Италии

(Иссель), в 1872 году в Греции (фон Дюкер), в 1880 году в Калифорнии (Дж. Уитни), в том же году в Италии (Рагаццони), в 1883 во Франции (де Мортие), в 1888 году в Аргентине (Ф. Амегино).

До самых 90-х годов XIX века будто из рога изобилия сыпались находки, которые ныне, в обществе «победившего эволюционизма», принято именовать аномальными. Тогда они не вызывали еще у эволюционистов нынешних глубоких чувств – агрессии, насмешек, раздражения. Грубо говоря, никто из окружающих просто не понимал, что сии аномалии означают, что с ними делать и на какую полку класть. Никакого отношения к дарвиновским «переходным формам» все это не имело, напротив, у сторонников обезьяноподобного предка должно было всякий раз вызывать чувство легкого беспокойства за правильность своего жизненного выбора.

Однако, всему хорошему в этом мире рано или поздно приходит конец. Посмотрите на таблицу так называемых аномальных находок. Линия водораздела, линия фронта меж ними и обычными палеонаходками проходит примерно по 1890 году (уже после смерти Дарвина). После этой даты отношение к подобным находкам в ученом мире ни с того ни с сего как будто резко изменяется, многие из прежних и новых находок с чрезмерным пристрастием переисследуются и как минимум объявляются в смысле своей аномальности «небесспорными», то бишь, хоть и аномальными, но зато не такими бесспорно аномальными, как казалось раньше. Дальше – больше. И вот с какого-то момента река аномальных находок почти полностью

иссякает, время от времени лишь прорываясь в виде отдельных ключевых всплесков.

Такие аномальные находки, разумеется, продолжают попадаться археологам по всему миру, но уже не обнародуются, не обсуждаются на научных собраниях и только в виде дешевых сенсаций попадают в бульварную прессу. Серьезных ученых они теперь несказанно раздражают. *Подделка, шутка, попытка прославиться на сенсации* – отныне это научное «объяснение» аномальности любых останков и артефактов, так сказать, объяснение первого уровня. *Проникновение из верхних пластов в нижние, через трещины* – это второй уровень «небеспокойства». *No comments!* – третий уровень борьбы за чистоту научных фактов, своего рода высший пилотаж.

Что же произошло с археологией и антропологией в девяностых годах позапрошлого века? А произошло следующее. Идеи Дарвина хоть и обрели невероятную популярность в научном мире (не говоря уже об обывателях), однако на роль предка никаких претендентов из числа известных окаменевших останков не наблюдалось. Имелась парочка «необычных» черепов (неандертальцев), но уж слишком явно они походили на современного человека, образуя в пределах человеческого рода антропологическую разницу не большую, чем, скажем, между англичанином и африканским бушменом. Нет, на роль предка этот рахитный экземпляр, чересчур близко стоявший к человеку, не годился.

...Когда же пришел тот, кто «годился», вся прочая археология едва ли не в одночасье стала «альтернативной».



Эжен Дюбуа

Голландец Эжен Дюбуа, страстно мечтавший осуществить светлую мечту Дарвина о находке хоть самой маленькой, хоть самой затрапезной переходной формы, после «собственноручного» изучения неандертальца находился едва ли не в подавленном состоянии. Но у Дюбуа был знаменитый учитель, Эрнст Геккель – знаменитый в том смысле, что задолго до первых «практических» вылазок за переходными формами прославился своими теоретическими кабинетными изысканиями, в частности откровенной подделкой иллюстрационного материала к выдуманному им самим же «закону» биологии, весьма удобному для эволюционизма. Ведущие ученые того времени фон Вирхов и Рутимайер, правда, сразу разоблачили этого пламенного эволюционного доброжелателя, да так, что в 1868 Геккель был даже исключен из руководства

Йенского университета... Но сейчас «учитель» обнадежил приунывшего голландца, причем новое предсказание сделал какое-то даже чересчур оптимистичное – не просто «наш обезьяноподобный предок будет найден», а именно – «будет найден, и в самое ближайшее время!»).

Представьте себе абсурдную сцену – вы, родитель, настолько хотите, чтобы ваша дочь вышла замуж, что заказываете художнику портрет предполагаемого жениха, вешаете его не только у себя в доме, но и распространяете этот гипотетический облик в виде копий – да еще заодно вместе с приглашением на скорую свадьбу вашей дочери – среди всех ваших знакомых.

Геккель, как известный и непревзойденный специалист по визуальным эволюционным доказательствам, чтобы совсем уж ободрить голландца, заказал художнику портрет гипотетического предка (видимо, чтоб Дюбуа в своих поисках больше его ни с кем не спутал). Геккель придумал даже имя **будущему предку** – *Pithecanthropus*. Видимо, для того, чтобы никому уже точно мало информации не показалось, это имя говорило – искать надо именно питеко-антропуса, обезьяночеловека. И Дюбуа, как на грех, «купился».

Что было дальше, мы знаем. Найденные на Яве останки – черепную крышку неизвестного существа и человеческое бедро, покоившееся в 14 метрах от этой черепной крышки (и обнаруженное, кстати, годом позже), Эжен Дюбуа объявил в своем докладе (1894 г.) искомой переходной формой, предком

человека, питекантропом. Казалось, гипотезу Дарвина можно было считать **начинающей подтверждаться**.

Сам Геккель уже посчитал себя пророком и агитировал научную общественность в пользу предсказанной им находки только в превосходной степени, в стиле меж победным рапортом и пламенными речами Остапа Бендера о будущей шахматной столице мира:

«Открытие Эженом Дюбуа останков питекантропа коренным образом изменило ситуацию в великой битве за правду. Оно предоставило костные останки человека-обезьяны, чье существование я теоретически предсказывал еще раньше. Для антропологии это открытие имеет значение даже большее, чем для физики – открытие рентгеновских лучей».



«Питекантроп» Э. Дюбуа

Но не тут-то было. Никакого удовлетворения находка Дюбуа в эволюционных рядах не вызвала. Пока одна половина этих рядов ликовала, другая тяжело вздыхала и почесывала в затылке. Почти сразу же начали

всплывать неприятные детали. Ценность этой парной находки едва ли не сразу срезалась под корень множеством всяческих несуразиц. Во-первых, принадлежность обоих фрагментов одному существу была не только не доказанной, но и опровергнутой экспертами (например, Коллман и уже упомянутый Вирхов). Во-вторых, оба фрагмента были найдены не вместе, и даже не в отдельно взятом «чистом» слое, а, условно говоря, избирательно выхвачены из некоей свалки костей различных живых существ, правомерность соединения со многими из которых у неизвестной черепной крышки теоретически была не ниже, чем с явно человеческой бедренной костью. В третьих, экспедиция Леноры Селенки 1907–1908 гг. опрокинула новыми находками всю эволюционную последовательность в стратиграфической картине Дюбуа, найдя на том же уровне «следы присутствия человека – расщепленные кости животных, древесный уголь и фундаменты примитивных печей. Эти следы вынудили Ленору Селенку заключить, что люди и *Pithecantropus erectus* – современники. Таким образом, полученные данные для поддержки эволюционной интерпретации образцов Дюбуа использовать было невозможно» (Кремо, Томпсон, 1999). Это была серьезная проблема – если крышка питекантропа в связи с обезьяно-переходным статусом первоначально датировалась возрастом 800 тыс. лет, то теперь эти 800 тыс. лет, которыми приходилось датировать также и следы человека, больно ударили по всей дарвиновской теории. И то правда, что это за переходная форма, живущая с людьми в одно время и в одном пространстве, а то и вовсе позже «настоящих» людей?

В четвертых – в результате более пристального изучения останков питекантропа подвела бедренная кость из этого драгоценного двойного комплекта, оказавшаяся полностью человеческой. Вопрос скептиков был резонным – господа, если крышке питекантропа 800 тыс. лет, то почему в этот период «получеловечности» наблюдается сугубо, так сказать, человеческая бедренная кость у питекантропа? Не хотите ли вы сказать, что питекантроп 800 тыс. лет назад уже имел современную анатомию тела? Те, кто пытался ударить уже по этой бедренной кости (мол, никакой вашей кости не знаем, ей не 800 тыс. лет, а нашли ее в верхних молодых слоях), сделали совсем плохо. Потому что ситуация получалась тупиковой – если кость не принадлежит крышке, то крышка без этой кости сама по себе ничего не стоит, и в принципе может быть останками обычной вымершей человекообразной обезьяны. А если оба фрагмента принадлежат одному существу, то при «молодой», современной бедренной кости древний переходный обезьяночеловек выглядит крайне глупо.



Доклад Дюбуа, 1894

...Как бы там ни было, но до 1912 года обезьяночеловек Дюбуа худо-бедно продержался. Причем, «худо-бедно», это еще очень слабо сказано. Ввиду отсутствия других кандидатов в эволюционные женихи, питекантроп Дюбуа все же незаметно умудрился со временем прижиться в каждом палеонтологическом музее мира и каждом школьном учебнике. Теорию Дарвина в глазах научной общественности он не доказал, но хотя бы не опроверг – и на том спасибо.

Однако история появления питекантропа Дюбуа на научной арене и многолетний диктат его образа **переходной формы** в науке – лучшее свидетельство изначальной предвзятости так называемого эволюционного научного сообщества – свидетельство отнюдь не объективного поиска реальных фактов, не добросовестного исследования состоятельности эволюционной гипотезы, а именно – **первое важное свидетельство нарождающейся в науке идеологической истерии**. Ведь это было самое начало длинного пропагандистского пути, приведшего так называемую господствующую науку к слепой вере в эволюционные мифы.

Да, история с питекантропом впервые стала **настоящим демаркационным критерием**, отделяющим истинную науку от псевдонаучной пропаганды. Научное сообщество невидимым глазу образом с тех самых пор «неожиданно» раскололось на две части. Пока по одну сторону еще по старой памяти продолжались честные научные дискуссии по поводу адекватности обезьяночеловека, на другой

сразу наметилась тенденция – любым способом подыгрывать своей вере в эволюцию.

Настоящей научной позицией ученых могла бы стать в те годы следующая – да, мы в точности не знаем, прав Дарвин или не прав. Прямых доказательств его теории у нас пока нет (мы надеемся, что только пока!). Мы также пока не в состоянии, опираясь на эволюционную модель развития, объяснить или связать воедино многие факты. Позиция добросовестного ученого заставляет каждого из нас не полагаться на фантазии, а ожидать новых находок... и т.д., и т.п.

Но разве в реальности было так? Нет, в реальности было совсем не так. Примечательно то, что теория Дарвина не была, подобно марксизму, искажена в результате ее неправильного понимания адептами, скажем, в течение долгих и бесплодных для нее лет... Нет, ужасающая здравый смысл **тенденция наметилась сразу же**. Вся эволюционная научная модель миропонимания свелась к установкам типа: «У нас нет никаких бесспорных доказательств эволюции, но зато есть наша великая вера в нее. Цели наши ясны, задачи определены. За дело, товарищи... то бишь, господа!».

Ситуация в науке **практически сразу** стала удивительно напоминать атмосферу в тоталитарном обществе, пусть «мягком», «вегетарианском», но таком, где главенствует одна непогрешимая руководящая идея. Все силы должны быть брошены на обеспечение ее жизнедеятельности, на ее обслуживание, на оттирание с нее пыли, на ее торжество! Политика дискриминации в отношении

неэволюционных фактов начала проявляться в науке всё чаще. Находки древних человеческих орудий труда зарубались на корню только из-за того, что были старше *Pithecantropus erectus* Дюбуа. Поскольку явление это – непризнание «плохих» фактов – системное, оно, вероятно, «лечится» только вместе с теорией эволюции, но при существующем в науке положении количество таких непризнаний по определению может лишь расти вместе с числом новых находок.

Что касается окончательного решения загадки, то есть точного выяснения таксономической принадлежности останков «питекантропа», то это представляется мне на сегодняшний день абсолютно бесперспективным. Так принадлежали ли бедренная кость и черепная крышка одному существу?

Может быть – да, а может – нет. Находки в количественном и стратиграфическом планах не настолько адекватны, чтобы заключение было достаточно надежным. Этот комплект – в терминах сегодняшней таксономии – может быть останками одного или двух индивидов *Homo erectus*. Могло произойти и смещение черепной крышки *Homo erectus* и бедренной кости *Homo sapiens* – в строгом смысле связь между крышкой и бедренной костью окончательно нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Некоторые исследователи (с обеих сторон) цитируют позднее признание самого Дюбуа в том, что его питекантроп был всего лишь гигантским гиббоном. Но Дюбуа был вздорный, импульсивный старик, многие вещи говорил и делал в провокационном ключе, возможно, чтобы подогреть ослабевшее внимание к

себе и своим находкам. Кроме того, говоря о гиббоне, Дюбуа никогда не отрицал и не отказывался от той эволюционной роли, которую якобы играло найденное им существо.

Другое дело, что из-за общей невнятности всей этой истории, «питекантроп Дюбуа» до сей поры всплывает в стане эволюционных реваншистов в качестве «соломенного чучела» для якобы успешного битья критиков Дарвина. Время от времени вокруг «питекантропа» возникает один и тот же мутный водоворот – якобы ученые-сторонники творения считают «питекантропа» Дюбуа подделкой, а официальная наука меж тем признала «питекантропа» останками настоящего древнего человека, хомо эректуса. То есть, если проблема уже решена, то слова оппонентов о подделке теперь, получается, звучат обычной ложью. Но в данном случае тут имеет место банальная подмена понятий. Позвольте – а подлинность чего признана сегодня наукой? Обезьяночеловека? Дело не в том, кем в реальности является это существо (или существа), найденное (или найденные) Дюбуа на волне идеологической истерии – насколько я понимаю, креационисты и не думают отрицать нынешнюю перекалификацию «питекантропа» (питеко-антропа, обезьяно-человека) в человека хомо эректуса. Они указывают лишь на то, что их оппоненты, радеющие о научности, не имея никаких на то оснований, навязчиво пытались выдать эти невнятные останки за «переходное звено» от обезьяны к человеку – и в этом смысле **«питекантроп» являлся и является безусловной подделкой.** А живая раскритка

«питекантропа» в течение многих лет в качестве «научного» доказательства эволюции кроме вреда ничего не принесла – она сбивала с толку и ученых при выборе направлений научного поиска, и обычных людей в становлении их жизненной философии.

Сам питекантроп Дюбуа (то есть две костяшки, плюс пара-тройка зубов) в качестве «домового эволюции», «старого доброго знакомого», к которому уже все привыкли, еще совсем недавно «на всякий случай» фигурировал в последних советских школьных учебниках, да еще и до сей поры его частенько можно встретить в витринах музеев.

8.

Мы здорово забежали вперед, потому что общественный и «научный» интерес к *Pithecantropus erectus* фактически испарился уже в 1912 году, когда в Пилдауне, графство Сассекс неподалеку от Лондона, странное археологическое трио, состоящее из эксцентричного любителя археологии Доусона, католического иезуита-эволюциониста Шардена и примкнувшего к ним завхоза Британского музея Вудворта обнаружило нового обезьяночеловека.

Сейчас, окидывая эту историю беглым взглядом, можно сказать – не то в ней удивительно, что каждый ее лоскут с первой же минуты был явно шит белыми нитками. А то удивительно в ней, что ко Второму Международному Эволюционному Опыту обретения переходной формы **подавляющее большинство**

ученых уже добровольно закрыли глаза абсолютно на все ее несуразицы и неувязки.

Один из соучастников находки, французский священник Тейяр де Шарден, говорил, например, об эволюции с экзальтацией не худшей, чем Геккель о питекантропе:

«Эволюция... – это великий постулат, перед которым должны почтительно склониться все теории, все гипотезы, все системы, которому они должны соответствовать, чтобы быть верными и достойными обдумывания. Эволюция – это свет, озаряющий все факты, траектория, которой должны следовать все линии мысли, – вот что такое эволюция».



Пилтдаунский череп

Сразу же после таких слов следовало бы поставить под сомнение не то что «случайную» находку Шарденом и К° нового недостающего звена эволюции (в котором она, эволюция, остро нуждалась), но и близко не подпускать подобных «беспристрастных» исследователей к пилтдаунскому карьеру.

Казалось бы, уже с первых минут пилтдаунской операции у любого стороннего наблюдателя многие ее детали вполне могли бы вызвать чувство неловкости – и ее время, и место проведения, и состав участников, не говоря уже собственно об адекватности ее главного результата, новом черепе. Год – 1912, это пик неудовлетворенности «работой» питекантропа Дюбуа, который окончательно перестал выполнять отведенную ему роль безусловного связующего звена. Место находки пилтдаунского черепа – английский Сассекс, не яванские дали, а «свой двор», со своим собственным «первым англичанином» – где находку кроме всего прочего можно было зафиксировать во всей ее научной «безупречности» и пропагандистской чистоте. Даже состав участников проекта, «ребят нашего двора», кажется, мог бы вызвать некоторые вопросы. Трио получилось какое-то подозрительно идеологически выдержанное – археолог-любитель, ученый-профессионал (будто для солидности) и христианский священник. Всё это здорово напоминает составы делегаций советских времен типа «рабочий, колхозница и интеллигент». В современных терминах американской политкорректности в состав участников операции

могла бы войти женщина или чернокожий ученый. В каждой шутке, как известно, есть изрядная доля нешуточного, но вполне возможно, что троица подбиралась именно по принципу: «зная на Рейхстаг должны водрузить один русский и один соотечественник товарища Сталина, а водружать они будут под руководством товарища Жукова». И как будто именно священнику-эволюционисту полагалось подвести черту под устаревшей идеей библейского творения.

Сенсация грянула без сучка и задоринки. Все участники операции в нужное судьбоносное время явились в нужное место и каждый, как бы в порядке долевого участия, что-нибудь нашел или выкопал. Были найдены человеческая черепная коробка и некая челюсть, хорошо подходящая к ней. Чтоб мало не показалось, Шарден в завершение операции изловчился и нашел рядом с черепом даже зуб стегодона, каковой зуб должен был в качестве руководящей окаменелости удостоверить древность нового сенсационного переходного звена – обезьяночеловека по имени *Eoanthropus dawsoni* – «человек зари Доусона».

Новая находка была «гармонично» эволюционной – если по обломкам, найденным Дюбуа, трудно было представить себе какое-либо конкретное существо, то в последней версии «обезьяночеловека» этот существенный недостаток был со всем вниманием учтен и исправлен. Перед научным сообществом, к этому времени уже, так сказать, «сучившим ногами от нетерпения», предстал в прямом смысле настоящий обезьяночеловек – ибо, между нами, череп его все-

таки был настоящий человеческий, а челюсть настоящая обезьянья. О такой переходной форме можно было только мечтать. Ну, наконец-то! Всем она была хороша, всё теперь было при ней. И это тоже практически ни у кого не вызвало подозрений.



В торжественной обстановке сэр Артур Кийт открывает памятник пилтдаунскому человеку на месте его находки. Сассекс, 22 июля 1938 года. Из книги: Spenser F., «Piltdown papers 1908–1955»; LO & NY, 1990.

Сказать, что пилтаунский череп произвел фурор в общественных и научных кругах, значит не сказать ничего. Каждому эволюционисту от начала и до середины XX века он стал сватом и братом, каждому школьнику и студенту костью вставал в горле при подготовке к экзаменам. Сколько курсовых и дипломных работ было написано на эту тему, сколько защищено диссертаций и издано серьезных научных трудов – как монографий, так и коллективных работ – не сможет сказать никто (а ведь собирались вместе, ехали через весь город на трамваях друг к другу, и ночами корпели, и спорили, оттачивая «научные» детали). До неприличия размножившись в копиях и иллюстрациях, Пилтаунский человек удобно, едва ли не вразвалочку, расположился в каждом музее мира, в каждом учебнике, занозой засел в каждом мозгу. И ладно бы череп обезьяночеловека просто лежал себе на полке и, так сказать, принимал оказываемые почести. Но нет, он активно – ежедневно и ежечасно – «работал», дезинформируя ученых и заводя в тупик любые антропологические и исторические исследования. Простейший пример – после серии находок черепов австралийских первопоселенцев в районах Кейлор и Талгай (1918–1940 гг.) проблема заселения человеком Австралии и Тасмании не была и не могла быть решена потому, что в качестве временного и морфологического эталона рассматривался именно пилтаунский череп.

Авторитет его был непоколебим. В Сассексе в торжественной обстановке и при большом стечении народа был открыт памятник пилтаунскому человеку,

а место находки черепа на сорок лет превратилось в туристическую мекку.

* * *

Удивительно, что эта история не имеет даже обычного «диалектического позитива». Из любого, даже самого драматического события можно извлечь полезные уроки, обрести сугубо положительный опыт, что выражено русской поговоркой «нет худа без добра». В ситуации с пилдаунской историей можно было бы ожидать подобного позитива, важного для дальнейшего развития науки. Например, «господствующие» ученые могли бы сказать – четыре десятилетия нас, настоящих ученых, водили за нос некие проходимцы, зато теперь мы стали по-настоящему беспристрастны в отношении «переходных форм». Или, например, противники эволюции могли бы сказать так – на четыре десятилетия самый «весомый» ваш аргумент затормозил развитие науки, зато теперь каждому ребенку ясно, что эволюция строится не на фактах, а на субъективных желаниях ее сторонников и т.д.

Но абсолютно ничего подобного в истории с пилдаунским подлогом и его разоблачением не произошло. Эта драма ничему не научила эволюционную сторону, равно как и ни в малейшей степени не укрепила позиции ее противников. Это удивительная ситуация, при которой эволюционисты остались в выигрыше как от «действующего» пилдаунского человека, так и от «разоблаченного». Тотальный позитив! Мало того, что сорок лет они «наслаждались» драгоценными костями, так еще и

нынче эти кости – с ума сойти! – едва ли не «работают на настоящую науку».

А именно – сегодня при упоминании пилтдаунского подлога вы обречены попасть в разряд зануд, консерваторов и противников настоящей науки, равно как и услышать один и тот же дежурный набор стереотипов, используемых эво-адептами. Надо отметить, что тема Пилтдауна до сих пор действует на эволюционистов, особенно «убежденных» (то есть, принципиальных противников идеи творения), как красная тряпка на быка. Многие ваши слова, направленные против эволюции, могут быть оппонентами проглочены или пропущены мимо ушей, а вот упоминания Пилтдауна убежденные вам «не простят».

Ни один уважающий себя эволюционист сегодня уже не будет повторять прежние отговорки, что, мол, череп нашли любители-дилетанты Доусон с Шарденом, которые были проходимцами и поэтому ловко ввели ученых в заблуждение... и т.д. Нет и нет! Старо как мир. Сегодня в чести несколько новых расхожих штампов, коронных номеров, первый из которых при произнесении вами слова «Пилтдаун!» исполняется так: **«Во-первых, пилтдаунского человека разоблачили не противники эволюции, а сами ученые!»**. Гарантирую, что эту фразу вы услышите не только поспешно, прежде других отповедей, но и слово в слово, включая вводные слова «Во-первых...». Если дело дойдет до раскрытия этой темы, то вы услышите, что разоблачение фальшивки говорит не только о честности конкретных ученых, но еще и о **честности и объективности науки как таковой**. Да,

мы типа обмишурились, бывает. Но когда накопилось достаточное количество фактов, свидетельствующих против пилтаунской находки, она была пересмотрена и отброшена в силу **неизбежного развития научного знания**.

Понятно, что одним этим контрдоводом ваш противник не ограничится. Второй обязательный номер называется – **«Вы берете единичный случай»**. Кстати, я до сих пор удивляюсь неизменной повторяемости в любой полемике этого восхитительно-лживого утверждения, что Пилтаун был единственным проколом в истории эволюционизма. Однако, вас подымут насмех с вашей упертостью и мелочностью вашего характера. Вроде того, что объективно вы лишены другого компромата на эволюционизм, поэтому и вынуждены раз за разом заводить одну-единственную заезженную пластинку про Пилтаун. Ну, право, сколько же можно об этом несчастном Пилтауне? – упрекнул вас едва ли не с жалостью. – Вы, противники эволюции, поднимаете на щит **единственный случай**, который послужил для ученых уроком на всю жизнь и лишний раз только подтвердил, что даже наука не застрахована от ошибок, **ученые тоже люди и тоже могут ошибаться**.

Третий же, заключительный номер программы условно называется **«Пилтаун – это даже хорошо!»**. Вам скажут, что пилтаунская история – это исключение, лишь подтверждающее правило, что **наука есть настоящий живой поиск истины**, со своими победами и поражениями. В отличие от закоснелых религиозных догм в науке не может быть ничего «навсегда устоявшегося», окончательно

доказанного. Более того. Пилтдаунская история – это фактор для науки сугубо положительный, ибо **Пилтдаун есть гарантия того, что подобное в науке больше не повторится.** Общий же пафос вашей «встречи с настоящей наукой» (то бишь, с убежденными эволюционистами) будет едва ли не таким – руки прочь от нашего Пилтдауна! То, что произошло, есть сугубо наше внутреннее, ученое, дело!

...И что самое интересное, по поводу «внутреннего», внутрицехового, корпоративного дела эти люди окажутся абсолютно правы. И вот почему.

Дело в том, что в пилдаунской истории было несколько ученых, которые с самого начала едва ли не объявили войну подделке. Антрополог Рэй Лэнкестер и профессор анатомии Дэвид Уотерстон отрицали принадлежность черепной коробки и челюсти одному существу, однако к их мнению никто даже не прислушался. Добавим – потому, что просто не хотели слышать ничего беспокоящего. Научное сообщество уже подвело эволюционную платформу под все свои нынешние и будущие изыскания, и в соответствии с этой платформой уже решило – хороша ли пилтдаунская находка и подтверждает ли она эволюцию. Всё, больше ничего не требовалось. Дальнейшие исследования фальшивого «трансформера» шли в направлении толкований эволюционных путей развития черепа и увязок деталей, вроде связи размера челюсти с размером мозга. Крупнейшие специалисты своего времени, все эти дентологи и краниологи, действительно, по словам Кремо, сорок лет разглядывали, подтверждали и

изучали обезьяньи признаки там, где их просто не было и быть не могло. В том месте, где челюсть соединялась с черепом, она была сломана, но подавляющее число всех этих спецов, членов Королевских научных обществ и Королевских академий, не смогло в упор увидеть черепную коробку обыкновенного *Homo sapiens*, к которой была приложена челюсть обыкновенного орангутана с подпиленными зубами. Эксперты и академики закрыли глаза даже на самые очевидные нестыковки – черепная коробка с закрытыми швами принадлежала взрослому человеку, и уже поэтому челюсть с ее не полностью развитыми коренными зубами не могла быть из одного с черепом «комплекта».

Только в 1950 году стал намечаться некий перелом в отношении исследователей к пилтдаунским останкам, ставшим к тому времени настоящей святыней. Образно выражаясь, уже не одно поколение ученых, уходивших на эволюционный фронт, родина-мать-эволюция провожала с этим черепом в руках, стоя на мавзолее Дарвина. Но количество противоречий, связанных с находкой, подошло к критической черте. Это не удивительно, если учитывать, что за четыре десятилетия Пилтдауна, вместивших в себя две мировые войны, сменилась целая технологическая эпоха, от аэропланов-этажерок 1912 года до создания атомной бомбы, реактивной авиации и ракетной техники 1953-го (уже в преддверье космической эры!), что не могло не привести самых любопытных к желанию испытать некоторые новые методы анализа на святыне. Кеннет Окли из Британского музея провел исследования

пилтдаунского черепа новейшим методом (на содержание фтора) и впервые не на шутку призадумался – челюсть оказалась моложе не только физиологически, но и, так сказать, сильно исторически. Воспользовавшись этой заминкой, антрополог Дж. Вейнер, который устал доказывать коллегам подложность пилтдаунского черепа, сумел убедить Окли в своих подозрениях. Вместе им удалось убедить главу департамента антропологии Оксфордского университета У. Ле Грос Кларка провести дальнейшие исследования. Интересно, что Кларк, как истинный эволюционист, упорно стоял на своем, пока умница Вейнер для доказательства своей правоты воспользовался не словами, а методологией науки в чистом виде. Чтобы сломить упорство Кларка, Вейнер просто повторил фальсификацию еще раз – он из зуба орангутана заранее изготовил точно такой же, как и в пилтдаунской челюсти. Ле Грос Кларк был поражен таким новым необычным видом зуба и тем, какие хитроумные штуки, оказывается, можно делать из простых обезьяньих зубов... и согласился на новые исследования черепа, которые, надо заметить, сразу выявили подделку.

Как только подделка всплыла наружу, все дружно повернулись и показали пальцем на «дилетантов» – Доусона и Шардена, этих авантюристов и шарлатанов, посмеявших обманывать ученых всего мира на протяжении сорока лет. Зуб стегодона, который «нашел» Шарден рядом с черепом, оказался родом из Северной Африки, где наш иезуит-эволюционист преподавал незадолго до пилтдаунского «открытия» химию. Потом

подозрительно посмотрели в сторону «свадебного генерала песчаного карьера» Вудворта – он лично накопал тучу костей вокруг черепа и некоторые фрагменты самого черепа, и как профессионал, не мог бы так легко купиться на дешевую мистификацию. А может быть, обманщиком был сэр Артур Кийт? Почему такой «научный тяжеловес», такой классный специалист, первым исследовавший череп, настоятельно подтвердил его подлинность?



Основные персонажи пилтдаунской истории на фоне портрета Дарвина. В центре (сидит, в белом халате) А. Кийт; слева от него (стоит) Г.Э. Смит; справа от него (стоят) Ч. Доусон и А.С. Вудворт. Spenser, 1990.

Сегодня весьма достоверной выглядит версия, что автором пилтдаунской подделки были не отдельные фальсификаторы, а большая группа ученых. Такая мысль хорошо согласуется с фактами. Если задаться вопросом «кто виноват?», то поразительным образом выяснится, что в этой истории мы не сможем найти «стрелочника», но обязательно упремся в наличие огромного числа неизвестных «сообщников». Для изготовления одного объекта под условным названием «череп обезьяночеловека», как выяснилось позже, требовались знания, умения и квалификация множества специалистов, представителей различных научных дисциплин – от химиков (для имитации древнего налёта) до палеозоологов (для создания «находке» правдоподобного декорационного фона). Судя по тому, что многие нити ведут к Британскому музею, есть очень серьезные основания полагать, что в проекте «Пилтдаун» действовала целая группа сотрудников этого музея. Позже всплыло множество темных историй с подбрасыванием в запасники музея якобы новых улик, весьма настойчиво стали переводиться стрелки на всяческих умельцев-одиночек, якобы организовавших подлог исключительно для компрометации своих научных соперников. Однако, если принять во внимание эту версию, ответ на единственный вопрос: «кому выгодно?» расставит всё на свои места. Как мы помним, питекантроп Дюбуа уже в 1908 году не просто «сдулся», но и реально поставил под угрозу правоту Дарвина. Доказательная база эволюционизма представляла собой зияющее пустотой пространство. Убежденность же ученых в существовании реальных переходных форм была

настолько велика, что до появления «настоящих» находок они без лишних церемоний решили изготовить нечто, временно исполняющее обязанности переходной формы, некий суррогат, «кожезаменитель», показывающий, как могла бы реально выглядеть такая переходная форма. В любом случае в общественное сознание нужно было внедрить мысль о реальности эволюции, якобы уже подтвержденной фактами. Ученые могли рассуждать так – неважно, что череп поддельный, важно, что мы уверены в истинности эволюции. Возможно, что череп, действительно, предполагалось дезавуировать сразу же с появлением «настоящих» доказательств эволюции, но ученые попали в собственную же ловушку. Таких доказательств не последовало по определению, и когда количество противоречий стало критическим, они, скрепя сердце, **во имя честности науки**, «сдали» несостоявшегося предка. В наличии большой группы «заговорщиков» убеждает тот парадоксальный факт, что даже с появлением новых методов исследования на всем протяжении 1912–1953 годов ученые продолжали не замечать просчеты фальсификаторов.

Как бы там ни было, в любом случае грань между «настоящими», злонамеренными фальсификаторами и «честными», но введенными в заблуждение учеными оказывается в этой истории бесконечно размытой – по той причине, что огромная армия специалистов, пусть даже и не ведавших о сговоре фальсификаторов, сорок лет закрывала глаза там, где нестыковки и противоречия были вопиющими.

В этом смысле Пилтаунский подлог был, действительно – общим «внутренним» делом всех единомышленников.

9.

Итак, протесты отдельных ученых по поводу «странности» пилтаунского человека остались не услышанными. Крупнейшая в истории науки лож четыре десятилетия тяжелым чугунным катком легко разравнивала все «шероховатости» эволюции. Нелепость, как мы заметили, заключается в том, что даже с разоблачением подделки всеобщая уверенность в реальности эволюции и существовании какой-нибудь «настоящей» переходной формы уже вошла в кровь и плоть нового поколения исследователей. Фальшивый король умер, да здравствует настоящий король! Вечный двигатель оказался с моторчиком, спрятанным внутри, да здравствует настоящий вечный двигатель!

В этом смысле пилтаунский подлог сослужил движению эволюционизма неоценимую службу.

Любой непредвзятый исследователь на примере пилтаунской истории имеет возможность достоверно убедиться – по каким правилам в реальности может идти игра в «настоящую науку», какой может быть цена «доказанных наукой фактов» и чего может стоить «общепризнанное» мнение даже всех вместе взятых нобелевско-лауреатных и королевско-академических научных сообществ.



Отношение к эволюционной идее в современной науке порой мало отличается от религиозного поклонения. Картина известного художника-реконструктора Дж. Гёрча «Эволюция человека» (Источник: Gurche Paleo-Art)

Приверженность материалистической парадигме и поиски, вдохновленные лишь горячим желанием найти что-либо сугубо «эволюционное», наукой никак не являются. Идея эволюции, которая старательно рядится в одежды «научности», «солидности», респектабельности – есть какая-то «отдельная» псевдонаука, наука специального назначения, наука «клубная», наука для единоверцев. Если первым шагом этой «науки» было «милое преувеличение» (кость и черепная крышка принадлежат одному существу, предсказанному Дарвином), то следующим, наложившим отпечаток на всю остальную политику шагом явился банальный подлог, который ученые эволюционисты просто отказались признавать подлогом, пока это не зашло слишком далеко.

Так и выходит, что поисково-исследовательское направление, имеющее целью найти доказательства своей идее и именуемое эволюционизмом, родилось из банального обмана и на этом обмане в течение сорока лет выросло и укрепилось.

Трагическую татуировку на руке «Не забуду Пилтдаун!» эволюционисты, конечно, никогда делать не будут. Они говорят, что упоминание пилтдаунской истории всем надоело. Оно бы и впрямь забыть Пилтдаун и пойти дальше, однако никто из эволюционистов не сказал ни разу – **Пилтдаун есть очень характерный и лаконично очерченный образ нашей «науки» и наших настоящих методов.** Подобно поэту, сказавшему: «Все мы вышли из гоголевской шинели!», любой эволюционист сегодня может с полным правом

воскликнуть: «Все мы вышли из пилтдаунского карьера!»).

Говорят, что главные качества и черты характера человека закладываются в нем с первых дней, с первых впечатлений. Теория эволюции по большому счету начала свой жизненный путь с пилтдаунской фальшивки. Ложь, на которой родилась и возмужала теория эволюции, в дальнейшем оказалась для нее программной. В настоящую исследовательскую науку стали приходить люди, уже настроенные и запрограммированные на определенный, желаемый результат и едва ли не давшие клятву – клянёмся, что в науке будут сделаны такие-то и такие открытия! Клянёмся подтвердить такие-то и такие идеи! Жизни не пожалеем! Клянёмся!

Клянёмся. Потому что все мы, эволюционисты, вышли из пилтдаунского карьера. И там же, на дне этого карьера, в далекие романтические годы родились и наша первая беззаветная вера в эволюцию, и наше желание помочь ей любыми средствами, и наша любовь к ее фантазиям... и зажглись наши сердца, открытые любым ее призывам – всё оттуда, из этого святого, начального, определившего весь ход нашей дальнейшей работы источника.



ГЛАВА 4. УСКОЛЬЗАЮЩАЯ МИШЕНЬ

Часть I. Уговор дороже правды

1.

В 1925 году французский историк и антрополог Вейзон де Праден написал в своей книге «Археологические подделки» («*Fraudes Archeologiques*»):

«Нередко встречаются ученые мужи, одержимые какой-либо предвзятой идеей. Они не идут на научные подлоги, но в угоду своим теориям не гнушаются препарировать факты. <...> Стратиграфическое расположение образцов, которое [такой ученый] выполнит, в конечном счете окажется настоящим обманом. Обманом во имя предвзятой идеи, на который добропорядочный человек пошел более или

менее осознанно. Такого человека мошенником никто не назовет. Я часто был свидетелем подобных случаев. И если не называю имен, то не оттого, что их не знаю».

«Такого человека мошенником никто не назовет». А между тем историю пишут победители. И как – хорошо известно. Наверное, можно было бы «понять и простить» исследователей XIX века, чересчур увлеченных дарвиновской гипотезой в качестве руководящей идеи – ведь при разглядывании в микроскоп не только инфузория туфелька казалась простейшим существом, но и само устройство мира не представлялось столь сложным, каким оказалось нынче. Разумеется, что исследователи XIX века еще не знали ни генетики, ни биохимии с информатикой, однако по мере продвижения в познании мира можно было бы ожидать от ученых нарастающего изумления перед его открывающейся сложностью. Никто не назовет мошенником человека искренне заблуждающегося, ослепленного своим увлечением, но у честных исследователей такое ослепление при столкновении с реальностью всегда довольно быстро проходит. Однако ученые-естественники (о «физиках», напоминая, речи не идет), уже пропитанные идеями рационализма, с первых же шагов свои «планы на будущее» обозначили вполне определенно. Изучая неизвестную картину прошлого, они стали реконструировать не тот мир, каким он когда-то был на самом деле, а тот, каким он **должен быть по их представлениям**. Они стали интерпретировать факты таким образом, чтобы они вписывались в их новую теорию.

В этой «истории», представленной нам исключительно в версии победителей, кажется уже почти невозможным отделить истину от лжи. Искажение фактов в пользу своей идеологии, сокрытие неудобных данных, и даже преследование инакомыслящих коллег – что это? Мошенничество или искреннее заблуждение?

Да и сама концепция так называемого «недостающего звена» – это заблуждение или подлог? Мучительные попытки нескольких поколений эволюционистов выдать очередные найденные останки какой-либо вымершей африканской обезьяны за эволюционного предка человека – это научная ошибка или осознанная дезинформация? Попытки, при которых до сих пор соблюдены все классические пилтдаунские манеры – подтасовки, игра в одни ворота, двойные стандарты, закрытие глаз на неудобные факты, тотальный подгон всей картины мира под свою «единственно верную» идеологию – это *errare humanum est* (человеку свойственно ошибаться) или политика осознанной лжи? «Такого человека мошенником никто не назовет»?

Но вот что показательное. Многие люди, не знакомые с реальным положением дел в палеоантропологии, до сих пор уверены, что так называемая летопись окаменелостей безоговорочно подтверждает теорию эволюции и происхождение человека от обезьяноподобного предка. Когда они слышат, что **никаких предков никогда не было найдено**, то искренне удивляются: «А как же все эти австралопитеки и синантропы с неандертальцами? Все эти сотни костей, костры, пещеры, орудия; все эти

научные публикации, рисунки, схемы и музейные реконструкции волосатых предков с дубинами? Разве этого недостаточно?»).

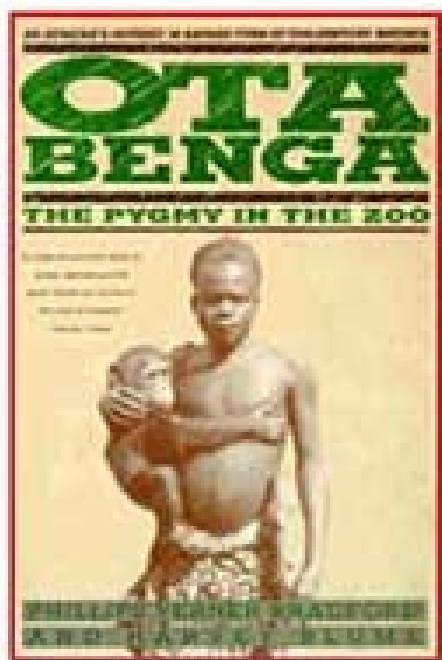
Однако давайте посмотрим, чего на самом деле стоят все эти **«переходные формы»** и **«недостающие звенья»**.

2.

...Как ни велик соблазн завести разговор об этических последствиях дарвинизма, мы коснемся этой проблемы лишь мимоходом, поскольку в рассказе об антропологии начала XX века нам совсем уж без нее не обойтись. В отличие от классической позиции большинства антидарвинистов, я не стал бы прямо утверждать, что именно дарвинизм привел к тоталитарным режимам и идеологиям государств – коммунизму, фашизму, маоизму и т.д. Мы вроде бы договорились с читателем, что сам дарвинизм (как и фашизм с коммунизмом) являлся лишь следствием общественных умонастроений того времени, формой, в которой материализовались этические наработки всех предыдущих времен – сначала **гуманизма** с его культом человека, а затем **рационализма** с его превознесением «выгоды» и «целесообразности» любых человеческих действий. И сама по себе теория Дарвина не явилась какой-либо реальной причиной античеловечного мировоззрения в обществе той поры, но, повторяю, лишь пришлось ко двору, так как идеально вписывалась в общественные настроения.

Образно выражаясь, тень Маркса, Фрейда и Дарвина нависла над обществом, наступило «смутное время»

для этических понятий – не только христианство, но и всякая «поэзия» в те времена получила в лице этой тройки мощного противника. И здесь мне хотелось бы отметить ряд событий антропологии, которые нельзя понять иначе как окрашенными в эти новые цвета, так как начало XX века ко всему прочему ознаменовалось еще и расцветом расизма в развитых странах Старого и Нового света.



Обложка книги Ф.В. Бредфорда (внука Сэмюэла Вернера) «Ота Бенга: пигмей в зоопарке», 1992

В литературе есть классический прием – для понимания сути масштабного явления берется небольшая, как правило, «этическая» живая деталь, дающая представление о качестве всего события. Например, к 1904 году относится история с пигмеем по имени Ота Бенга. Американский исследователь Африки Сэмюэл Вернер привез на родину из Бельгийского Конго захваченного им пигмея, в котором углядел искомое недостающее звено меж обезьяной и человеком. Пигмей был женат, имел двоих детей, но, будучи привезенным в Штаты, в зоопарке Бронкса был посажен на цепь в обезьяньем вольере, вместе с орангутаном. Тысячи людей приходили поглазеть на живое «недостающее звено»... пока [вся эта история](#) не закончилась самоубийством пигмея.

Сегодняшние адепты дарвинизма пытаются любое упоминание об этой истории (как и упоминание о Пилтдауне) изобразить мерилom «занудства» критиков эволюции. Мол, история Ота Бенга не имеет никакого отношения к истории эволюционизма, так как лежит на совести отдельных представителей шоу-бизнеса, проявлявших в своей деятельности традиционный для Америки того времени расизм.

Возможно, это так и есть, но история пигмея – это лишь один маленький штрих, срез тогдашних событий и умонастроений – то есть, тогдашних представлений о мире, о нашем месте в нем, о справедливости и прочих «вещах призрачного происхождения». Просто шоу-бизнес? Единичный случай, не имеющий отношения к науке? Но в начале XX века каждый более-менее приличный музей естествознания хотел

иметь в качестве популярного экспоната **«утраченное звено эволюции»**, а именно – череп современного австралийского аборигена. Такое определение дал австралийским аборигенам сам Дарвин, следствием же коллекционной лихорадки стало то, что тысячи охотников (не в переносном, а в прямом смысле охотников-стрелков) устремились в Австралию за экспонатами. Австралийский исследователь Кен Хэм рассказывает об этих событиях:

«Аборигенов убивали как животных – сдирали с них шкуру, а черепа вываривали – это были излюбленные экспонаты для музеев – например, Америки, Англии и Германии. Приблизительно десять тысяч тел австралийских аборигенов было привезено в британские музеи – и всё это с целью подтвердить распространившееся заблуждение, что именно они, австралийские аборигены – «утраченное звено» эволюции. Американские ученые, кроме того, занимались сбором образцов так называемых «недочеловеков». В Вашингтоне, округ Колумбия, в Смитсоновском институте хранятся останки 15 тысяч людей различных рас».

Все это я говорю, возможно, с единственной целью – вопреки расхожему эволюционному штампу о Пилдауне как о «единственной ошибке ученых-эволюционистов» (иногда называемой не иначе как курьезом) все-таки напомнить, что это, мягко говоря, не совсем так. Разумеется, отстрел и похищение аборигенов – грязный и преступный бизнес, но верно и то, что предложение подобного «товара» никогда не состоялось бы без конкретного «научного» спроса.

3.

Если питекантропа Дюбуа можно воспринимать как первое проявление пилтаунского подхода в науке, как «пилтаунскую генеральную репетицию», то **Пилтауном № 2** в терминах этой новой философии можно смело назвать находку из Брокен-Хилл.

Она была сделана в 1921 году, в тогдашней Родезии (ныне Кабве в Замбии, Южная Африка) рабочими горнопромышленной компании, занимающейся добычей свинца и цинка. Прорезав один из холмов глубокой выемкой-шахтой, рабочие наткнулись на пещеру, наполовину заполненную костями животных. Судя по всему, пещера в течение продолжительного времени являлась естественной ловушкой, в которую животные проваливались сверху через отверстие в потолке. Возможно также, что их останки накапливались, приносимые сюда сверху потоками воды. Люди в пещере никогда не обитали, но поверх костей животных нашли и фрагментарные останки нескольких человек. Наиболее сохранившимся из них был череп мужчины, известный сегодня как **ВН 1** (Брокен-Хилл-1), Кабве или Родезийский человек.

Этот череп вместе с другими скелетными фрагментами попал на стол уже известному нам Артуру Вудворту, одному из сообщников пилтаунского открытия. Бывшего «завхоза» Британского музея мы находим в этот период уже во всей славе и непререкаемости авторитета мировой величины. На правах гуру и звезды антропологии именно Вудворд и сделал первое описание родезийского черепа.

Наивные христиане полагали когда-то, что все люди произошли из одного, божественного источника. Но отныне ученые, вооруженные идеями Дарвина, уже знали наверняка, что все люди произошли от животных предков, и, мало того – разные группы людей, в зависимости от «условий среды», эволюционировали с разной скоростью.

Если бы сэр (он уже был сэр) Артур Смит Вудворт узнал, что антропологи конца XX века назначат Родезийскому человеку возраст от 125 до 300 тысяч лет, он бы немало удивился. Дело в том, что Вудворт описал костные останки как практически современные, имеющие возраст не более 30–40 тысяч лет, но при этом содержащие «примитивные» обезьяньи признаки. Вывод ученого был однозначным – в то время, когда прогрессивные кроманьонцы колонизировали Европу, жители Африки находились еще на полуживотной стадии развития.

Расисты были в полном восторге от такого заключения – собственно, сама «наука» официально подтвердила их взгляды. Хотя ученые Британского музея с Вудвортом во главе ставили перед собой более «человечную» и совсем не расистскую задачу – всего лишь отсталостью африканской расы от остального человечества доказать справедливость эволюции...



Череп Родезийского человека из Брокен-Хилл (BH 1)

В 1928 году, стоило звезде антропологии уйти на пенсию, «дело о Родезийском человеке» легло на стол преемнику шефа, В. Пиккрафту, по специализации орнитологу.

Мифологический уровень, заданный пилтдаунской святыней в антропологии, к тому времени был столь высок, что исследователи вроде Пиккрафта уже не стеснялись крайне облегченного и, по сути, откровенно религиозного подхода в деле любых возможных доказательств эволюции. Пиккрафт решил внести свою личную лепту в укрепление фундамента эволюционизма. Для начала он решил разобраться с черепом Родезийского человека «по-своему». На правах нового хозяина он описал череп так изящно,

что эволюционистская предубежденность проглядывала даже в самом имени находки – «*Cyphanthropus rhodesiensis*». На человеческий язык это переводилось как «сутулый человек родезийский», точнее, «сутулочеловек родезийский», где «человек» даже не был выделен в отдельный род (есть люди, а есть сутулолюди), зато имел отдельную классификацию по месту жительства. Или Пиккрафт в будущем ожидал от археологов новых находок «сутуло-человеков» из других регионов? Совершенно волюнтаристским образом сутулость вдруг стала эволюционным признаком, хотя идею об этой «сутулости» примитивных людей Пиккрафт вывел не из каких-либо фактов, а исключительно из собственных фантастических представлений о ходе эволюции.

Как мы помним, в комплекте с родезийским черепом значились и некоторые другие части скелета. Преемник Вудворта на одной классификации не успокоился. Руководствуясь теми же собственными представлениями об эволюции, Пиккрафт на основании обломков бедренных и тазовых костей (кстати, морфологически ничем не отличающихся от современных людей) «реконструировал» полный облик Родезийского человека, выставив его на всеобщее обозрение в Британском музее... Взорам посетителей предстало дикого вида существо, впрочем, не столько страшное, сколько комичное – носки у реконструированного отца африканских народов были сведены внутрь, а колени полусогнутых ног вывернуты наружу. Во всем его облике было, с одной стороны, что-то неистребимо эволюционное, а с другой – неистребимо птичье. Понятно, что эту

реконструкцию делал не профессиональный анатом, а орнитолог. Понятно, что с точки зрения сотрудников музея эту реконструкцию делал «шеф», перечить которому многие из них просто не осмелились. Но также понятно и то, что эту реконструкцию делал человек, горячо любящий эволюцию и изо всех сил желающий ей «помочь» – невзирая ни на какую истину.

И всё бы ничего, но коса Пикрафта нашла на камень «пилтдаунской группировки». Профессор Ле Грос Кларк из Оксфордского университета, в то время еще активный сторонник пилтдаунского черепа (а авторитет этого ученого в научных кругах был бесспорен), в категоричной форме высказался против новаций Пикрафта. И в этом была своя определенная логика, ибо Пикрафта «здесь не стояло». Против рожна не попрешь – фальсифицировать историю может только тот, кто «круче», кто имеет статус фальсификаторов-первопроходцев – то есть, мы, настоящая научная элита, а не какие-то там выскочки-орнитологи. Или, выражаясь простым языком, «эти орнитологи совсем обнаглели, не уважают нашего Пилтдауна!». В конце концов Пикрафт решил не конфликтовать с отцами-основателями новой антропологической науки и снял свою реконструкцию в пользу их фальшивого пилтдаунского предка с подпиленной (ими же) обезьяньей челюстью.

...Но история Родезийского человека на этом не закончилась. В дни триумфа «первого англичанина» на Африку не обращали ни малейшего внимания, но позже, когда пилтдаунский подлог был раскрыт и

взоры исследователей обратиться в сторону черного континента, череп Родезийского человека очень даже пришелся ко двору новой, постпилдаунской антропологии.

Дело в том, что эта новая, активно утверждаемая эволюционистами теория африканского происхождения человечества имела лишь одну проблему, свойственную, впрочем, всем прежним и нынешним эволюционным построениям, а именно – отсутствие реальных доказательств. В данном случае – испытывала острый недостаток в останках прямых предшественников *Homo sapiens*, так называемых архаичных сапиенсов, на территории Африки. Африканская коллекция не может пожаловаться на скудость ископаемых останков обезьян, в ней хорошо представлены и находки так называемых «ранних людей», но между периодом последних *Homo erectus* (1,4–1 млн. лет назад по стандартной эволюционной шкале, далее – «с.ш.») и относительно «прогрессивных» *Homo sapiens* (100–200 тыс. лет назад) существует явная «вещдоковская» пропасть. Которая и ныне, к ужасу африканоцентристов, позволяет оппонентам делать неприличные намёки на то, что редкие находки непосредственных «предшественников» современного человека сами являются лишь пришельцами в здешних краях. «Сами мы не местные...».

Родезийскому человеку – 30–40 тысяч лет? Нет, такой «кузнец» эволюционной антропологии был не нужен. Времена поменялись, и теперь эво-антропология остро нуждалась в африканском предке современного человечества возрастом не менее 100–

200 тысяч лет. Поэтому датировку Вудворта нужно было пересмотреть самым решительным образом!

Тут, правда, эволюционной фантазии мешал развернуться ряд досадных несообразностей. Во-первых, не пустым звуком было то, что все исследователи (и среди них антропологи мировой величины) до недавнего времени единодушно признавали молодой возраст Родезийского человека, считая его существом, относящимся к тупиковой ветви человеческого развития, хотя и дожившим до времени всемирной экспансии кроманьонцев. Во-вторых, с самым черепом всегда было «всё не так, как надо». Несмотря на многочисленные последующие раскопки и изучения знаменитой пещеры в Брокен-Хилл, обстоятельства, связанные с находкой главной реликвии – родезийского черепа, – всегда оставались крайне туманными и противоречивыми. Напомню еще раз, что останки были извлечены из раскопа не учеными, а рабочими, и, что называется, в прямом смысле «принесены с улицы». При этом первоначальное местоположение черепа и связь его с другими человеческими останками и орудиями навсегда осталась неизвестной; более того – череп, по некоторым сообщениям, был найден в стороне от других человеческих останков на пещерном уступе. Среди орудий труда, обнаруженных в пещере, были не только каменные инструменты (периода африканского «среднего каменного века», аналога европейского мустье), но и костяные. Однако самым неприятным обстоятельством для передатировщиков оказывалось то, что все человеческие кости, включая найденный череп, в отличие от костей животных были

почти не минерализованы, что свидетельствовало в пользу их малого возраста.

Но, как говорится, деваться было некуда – эволюционизму в очередной раз нужно было «брать» и «творчески развивать» то, что имеется в наличии. На удревание возраста черепа с официальным названием «Брокен-Хилл-1» набросились с таким энтузиазмом, что, кажется, даже перестарались. Среди нижележащей фауны пещеры археологи нашли останки ныне вымерших животных – одну из форм сервала и махайрода. Неизвестно, как они попали в пещеру – возможно даже, что были вымыты в другом месте, из более древних слоев, и принесены сюда водными потоками. Однако еще первым исследователям пещеры (не открывателям, а именно пришедшим за ними исследователям) было вполне очевидно, что кости сервала и махайрода явно более древние, чем **неокаменелые** человеческие останки. Против нынешних удревателей возраста, казалось бы, работало и интуитивно понятное правило – датировать по «сопутствующей фауне» что-либо в такой свалке просто некорректно. Но сам по себе факт присутствия черепа Родезийского человека в этой «свалке» позволил удревать его возраст сразу до 100 тысяч лет. Химический анализ (рацемизация аспартиновых кислот) для одного из костных человеческих фрагментов в 1974 году показал возраст порядка 110 тыс. лет, но был признан неточным, тем более, что и возраст требовался еще более солидный. Дальше – больше. Некоторое время спустя опять было решено «прицепиться» к сопутствующей фауне. Ученые Клайн и Райтмайр в 1998 году заявили

о том, что по ассоциации человеческих останков с самой древней фауной в пещере можно говорить о 400–700 тысячах лет! Но и этот рекорд был побит. Мечтательно закрыв глаза, ученые Макбрирти и Брукс представили, что сервал и махайрод, гипотетические современники Родезийского человека, могли обитать в этих краях... целый миллион лет назад!

Впрочем, возраст в миллион лет для родезийца даже опытным эволюционистам показался чрезмерным. Были сообщения о попытках абсолютного датирования урановым методом, но подобные вещи, как и полученная «абсолютная» дата в 300 тысяч лет, представляются мне странными своей ситуационной анекдотичностью – для измерения чего может быть вообще в данном случае применен урановый метод? Для определения по образцам породы возраста пещеры, бывшей свинцовым месторождением? Или для измерения возраста останков человека и животных, обитавших в районе свинцового месторождения и уже по определению содержащих в костях высокую дозу свинца, накопленного, так сказать, «естественным» образом, то есть с пищей? На самом же деле «абсолютный» возраст для Родезийского человека был получен с учетом «сопровождающих культурных остатков», то есть, с оглядкой на технологию изготовления орудий труда, опять же, неизвестно, принадлежавших ли родезийцу в реальности.

Подобные кульбиты поражают своей «научностью» – очевидно, что для достижения нужного результата эволюционисты манипулировали данными фактически по своему желанию – могли хоть

удревнить датировку родезийца по сопутствующей фауне (1,3 млн. лет у Макбрирти), хоть «обрезать» урановую с помощью «прогрессивного» типа орудий древних людей. Лично мне неизвестно, применялся ли к органическим неокаменевшим останкам радиоуглеродный анализ, однако ни в одном из сообщений упоминаний о нем я не встречал. Возможную причину предположить просто – считается, что этот метод надежно работает лишь в интервале до 50 тысяч лет, так что в данном случае к нему, видимо, просто не обращались – «не интересно»...

В конце концов современные удревнители возраста черепа встали перед нелегкой задачей. Оставалось рассматривать череп как «вещь в себе», то есть завышать ему возраст, опираясь исключительно на единственный признак – его собственную морфологию.

Хотя опора на морфологию в данном случае была скользкой как никогда. Череп из Брокен-Хилл не вписывался ни в какие известные критерии, будучи настоящей антропологической химерой. Формой свода и мощными надбровными дугами он походил на неандертальца, но лицевой частью почти не отличался от современного человека. Нынешним коллегам Вудворта, судя по всему, пришлось всё же некоторое время поломать голову над новой датировкой. С одной стороны эволюционизму нужен был не «обезьяночеловек», не переходная форма, а именно непосредственный отец первых эмигрантов-сапиенсов, некий «недосапиенс», лично породивший 100 тысяч лет назад сапиенса настоящего и

доказавший бы, что человечество пошло именно из Африки. Такому отцу народов, учитывая его некоторую архаичность, надлежало иметь возраст чуть старше сапиентных ста тысяч. С другой стороны головной болью эволюционизма был уже упоминавшийся временной провал между последними африканскими хомо эректусами и первыми современными людьми. Желательно было протянуть эволюционную «руку помощи» и туда, во тьму веков. Антропологи почесали в затылке и... назначили черепу окончательный «точный» возраст **125–300 тысяч лет** (именно так!). Примерно тот же фокус проделали и с аналогичными африканскими предсапиенсами – находками из Бодо, Ндуту, Сале, Салданы и другими^[1].

* * *

...Таким образом, с помощью одной-единственной археологической находки из Брокен-Хилл адепты эволюционизма последовательно: а). провели в начале века «идеологическую работу» на неблагоприятной ниве расизма; б). сделали тогда же фальшивую реконструкцию очередного «предка», по сути мало отличающуюся от пилтдаунской подделки и в). закрыв глаза на все изъяны и загадки в биографии, дали в наши дни брокен-хилльской находке «пилтдаунскую должность» на том участке, где эволюционизм испытывает особый недостаток в доказательствах.

А между тем, завершая разговор о черепе из Брокен-Хилл, замечу, что существует один очень простой вариант его «разгадки», предложенный еще

антропологом и патологоанатомом Францем Вейденрейхом, но проигнорированный и в прошлом, и теперь. Какого бы возраста ни был родезиец, его «архаичные» («примитивные» по Вудворту) черты объясняются акромегалией – болезнью, связанной с нарушением эндокринной функции паращитовидной железы и неузнаваемо искажающей структуру и форму лицевых костей. В эволюционных изданиях очень неохотно говорится о том, что череп родезийского человека обладает просто массой вопиюще патологических признаков, что, вероятно, связано с отравлением ядами цинка и свинца, которыми перенасыщена почва Брокен-Хилл. Столь же неохотно эволюционисты упоминают и о костных фрагментах других индивидов (особенно фрагментах лицевой части черепа Брокен-Хилл-2), которые полностью идентичны анатомии современного человека. Если предположить, что Брокен-Хилл-1 и 2 были членами одной группы, то малый возраст Родезийского человека становится почти несомненным.

Таким образом, хитрая «резиновая» датировка по морфологии, равно как и возраст, равно как и статус «отца народов», скорее всего, являются обычной эволюционной липой. Есть и экзотические версии. В связи с общей невняtnостью этой находки некоторые исследователи, например, Дж. Куоззо, сегодня утверждают, что обладатель брокен-хилльского черепа жил практически в наши дни, а отверстие на его левом виске является пулевым, полученным при жизни. Впрочем, все эволюционные надежды, связанные с черепом родезийского человека, были в

наши дни развеяны новыми находками – особенно людей из Атапуэрка (Испания), возрастом 900 тысяч лет, но при этом практически современной морфологии, да еще проживавших не в желанной Африке, а в Европе...

4.

Стоит отметить еще некоторые события, произошедшие непосредственно «при Пилтдауне». Археолог Гарольд Кук, у которого после пилтдаунского триумфа его коллег появилась какая-то странная неусидчивость, в 1922 году нашел собственного обезьяночеловека, правда, в некотором недокомплекте. Точнее, почти совсем в некомплекте, то есть в виде одного единственного зуба. История **гесперопитека** (*Hesperopithecus haroldcooki*) известна многим. Этот момент я хочу отметить еще потому, что он уникален не только в истории биологии или антропологии, но и в истории человечества в целом. Это был краткий период, когда свиньи всего мира получили счастливую возможность не только встать на одну доску с человеком и сравняться с ним в величии, но даже некоторое время «побыть» его предками. Уважение, оказанное зубу этого «обезьяночеловека», оказалось уважением, проявленным к обыкновенной свинье, точнее, к ее зубу. «Судьба» в прямом смысле подложила эволюционистам свинью, но художник в этой истории увидит и нечто вполне символическое – свиньи, сброшенные Спасителем в пропасть, хоть в каком-никаком виде, но на время всё-таки взяли реванш в атеистических головах!



Реймонд Дарт и его «Бэби из Таунга» (Au. africanus)

Два года спустя, в 1924-м, археолог Реймонд Дарт нашел первого австралопитека. Сцена находки, как и полагается для эволюционного театра, была вполне сюрреалистической. В доме Дарта проходила свадьба его друга, когда ученому доставили ящики с окаменелостями. Дарт, забыв о празднике, несмотря на истерику жены, вскрыл один из ящичков, в котором и находился ныне известный всем **«Бэби из Таунга»**, сегодня классифицируемый как *Australopithecus africanus*. Надо сказать, что «находка» Дарта у ведущих ученых тех лет ничего кроме кислых физиономий не вызвала. Ведущие были, разумеется, ослеплены суперзвездой эволюционной сцены – пилтаунским человеком. Но главное – «находка» Дарта была какой-то уж слишком эволюционно невнятной. Если ученому и удалось сделать новое открытие, то это новое было просто неизвестной

доселе разновидностью ископаемой африканской обезьяны. Дарт забросил археологию и замкнулся в себе. Но флаг, выпавший было из рук друга, подхватил археолог Роберт Брум. Будучи у Дарта в гостях, Брум опустился перед черепом таунгской обезьяны на колени и сказал, что делает это в знак преклонения перед нашим общим предком. Он пообещал довести дело Дарта до конца. Впрочем, этот символический и немного зловещий обряд любителям австралопитеков в те годы успеха не принес. Отсталая Африка с ее «неграми» и примитивными аборигенами в качестве родины в то время не устраивала никого – ни общественность с ее колониальным синдромом, ни эволюционистов с их «истинным центром цивилизации» – Европой. Идею австралопитека в качестве нашего родственника эволюционисты оценили только на безрыбье и гораздо позже. Когда пилтдаунский наглый самозванец был разоблачен, ведущие ученые тут же горячо полюбили эту безразличную им прежде южную обезьяну. Мы еще вернемся к рассказу об австралопитеках, которые в качестве отдельного эволюционного проекта заслуживают гордого звания «пилтдаунский», но пока еще немного отвлечемся на другое.

В 1938 году произошло событие, не имеющее прямого отношения к антропологии, но относящегося к тому бесчисленному ряду конфузов и недоумений, сопутствующих всей истории эволюционизма, когда некая фантазия, придуманная в расчете на ее непроверяемость, объявлялась «неопровержимым доказательством эволюции», а затем правда каким-то

чудом выплывала на свет, неизменно выставляя эволюционистов на посмешище.

Итак, в 1938 году в Индийском океане у побережья Мадагаскара была выловлена рыба по имени целакант (она же латимерия), якобы вымершая 70 миллионов лет назад. За некоторое время до своей поимки эта рыба, прежде известная лишь в качестве ископаемой окаменелости, за ластообразную форму своих плавников была удостоена особых эволюционных почестей. С такими плавниками целакант, по мнению эволюционистов, десятки миллионов лет назад уже мог предпринимать первые попытки выхода из воды на сушу. Как это водится у эволюционных фантазеров, они сами удачно придумали целаканту «эволюционное» качество и, не отходя от кассы (то есть, не сходя с логического «порочного круга»), объявили это же качество неоспоримым доказательством эволюции. По их мнению целакант был переходной формой от рыб к амфибиям. Живой же целакант, после 1938 года попавший в сети еще не один раз, оказался просто глубоководной рыбой, отнюдь не стремящейся покидать свою глубину и уж тем более не помышлявшей о выходе на сушу.

Как ни вертится на языке назвать произошедшее событие «рыбным пилтдауном», но мы, пожалуй, как и в случае с гесперопитеком, все-таки воздержимся от этого определения. И свинья гесперопитек, и латимерия-целакант представляются в этом ряду скорее грубой научной ошибкой, нежели сознательной фальсификацией в пользу эволюционизма. Хотя общая тенденция весьма

красноречива. И еще. Если в случае с гесперопитеком у эволюционных пропагандистов имел место некий «забегистский» зуд, окончившийся явным конфузом, то в случае «облома» с целакантом эволюционизм в очередной раз вывернулся без мыла. В отличие от целаканта, из воды никогда не выходившего, эволюционизм вышел из воды абсолютно сухим. Вероятно, впервые в ряду будущих бесчисленных «частных случаев», объясняющих провал того или иного положения эволюции, был придуман специальный термин – «стасигенез», означающий неизменность, законсервированность формы, которая по тем или иным причинам не желает эволюционно изменяться. Если вдуматься в семантику этого термина, то она ничего кроме недоумения вызвать не может. Так как ключевым словом здесь является «генез» – «развитие», то «стасигенез» буквально означает развитие путем остановки развития. Эволюция путем отсутствия эволюции. А если говорить прямо, то «стасигенез», это ничто иное как изощренная форма выражения «простого человеческого недоумения» по поводу того или иного обитателя планеты, непонятно какого черта исчезающего из летописи на десятки миллионов лет, а затем валящегося из небытия как снег на голову. Если допустить, что сроки, приписываемые целаканту (и геологической истории земли в целом) верны, то в летописи окаменелостей отсутствовало как минимум 70 миллионов поколений целаканта! Где эту рыбу, так сказать, всё это время черти носили?

Вообще же подобных «живых ископаемых», однажды появившихся в летописи окаменелостей и

практически неизменных до сего дня, насчитывается превеликое множество – от кембрийских ланцетников и юрских мечехвостов до более поздних насекомых и млекопитающих. Но факт остается фактом, точнее, факт в эволюционизме подменяется термином (типа «стасигенез»); ведь для эволюционных фантазеров не только развитие любой формы является свидетельством эволюции, но и абсолютная, шокирующая, неизменная законсервированность формы на миллионы лет является также свидетельством эволюции. Таким образом, критикам эволюционизма можно только посочувствовать, ибо они всегда попадают в замкнутый круг, эволюционное Зазеркалье, где всё, что ни возьми, является свидетельством эволюции.

Впрочем, мы договорились не определять ситуацию с целакантом как «пилтдаунскую» – в данном случае эволюбы не имели злого умысла, ситуация от них не зависела; просто одна из их декораций упала прямо во время спектакля, и они лишь вяло выкручивались перед зрителями, обыгрывая ситуацию, жонглируя смыслами и спасая репутацию своего театра.

Если же какой проект, не имеющий прямого отношения к палеоантропологии, и заслуживает гордого имени «пилтдаунский», то это, безусловно, проект, имеющий образное название **«Скальпель как помощник эволюции»**, развернувшийся по всему миру в 30-е годы XX века. Так называемая медицинская наука, как известно, является дисциплиной описательной, построенной на многочисленных наблюдениях и практике. То есть, как минимум никакая идеология в медицине

недопустима. Однако, только не для тех, кто «любит» эволюцию. Такие ученые как француз Гленар, англичанин Лэйн и наш соотечественник, нобелевский лауреат Мечников внесли идеологическую струю даже в медицинскую практику, заключив, что эволюционно несовершенному человеческому организму можно и должно помочь скальпелем. Приблизительно 180 человеческих органов и анатомических структур, назначения которых ученые не понимали, вместо пристального их изучения были объявлены в эволюционном азарте или ненужными (рудиментарными) или просто вредными – в силу нашего якобы наследования их от животного предка и поэтому неправильно функционирующими в новых условиях. В список органов, подлежащих хирургическому удалению, попали аппендикс (иногда удалялась даже вся толстая кишка), миндалины и аденоиды, копчик, коленные мениски и т.д.

Биолог А. Хоменков пишет по этому поводу:

«Лэйн провел свыше тысячи таких операций (по удалению толстой кишки. – А.М.), его же последователи – десятки других хирургов, – как пишут исследователи, оставили «несчетное число жертв», среди которых были и умершие. ... «Рудиментарные» миндалины и аденоиды были неоправданно изъяты у десятков миллионов людей. Как отмечают американские авторы, в Соединенных Штатах «в тридцатых годах миндалины и аденоиды были удалены более чем у половины детей». Позже, правда, один известный американский врач-педиатр признался, что «среди миллиона жителей США, у которых миндалины были удалены, 999 тысяч в этом не

нуждались». ...Статистика показала, что количество простуд и других инфекций глотки и верхних дыхательных путей у детей с удаленными миндалинами в дальнейшем существенно не отличалось от этого показателя у детей избежавших этой операции. Но, с другой стороны, сотрудники Нью-Йоркской онкологической службы вскоре сделали вывод о том, что люди с удаленными миндалинами почти в три раза чаще подвержены некоторым злокачественным заболеваниям. Такая же склонность к онкологическим болезням наблюдается и у людей с удаленным аппендиксом. Так, после обследования нескольких сотен больных различными формами рака, выяснилось, что «у 84% обследованных больных аппендикс был удален... В контрольной группе, где не было раковых больных, аппендикс отсутствовал только у 25%». (Хоменков, «Есть ли у человека лишние органы»).

К этому стоит добавить, что эволюционные предубеждения затормозили исследование многих болезней, являющихся сегодня «проблемами века», в частности, остеохондроза. Так как остеохондроз считался расплатой человека за прямохождение (якобы еще недостаточную к нему приспособленность), то к истинным причинам этой болезни и противостоянию ей исследователи оставались безучастными практически до сегодняшнего дня.

Поразительно другое. Уже через десять лет своей хирургической практики ученые имели исчерпывающую статистику, свидетельствующую либо о неэффективности хирургического «улучшения

природы», либо о прямом физическом вреде, причиняемом пациенту – однако нисколько не отказались от самого принципа «лишних» или «неправильных» органов. Но у этой игры была не только корыстная финансовая подоплека. Ведь свернуть с выбранного пути и искать неэволюционную причину болезней означало признать несостоятельность целого направления в медицине, а с ней и его платформы – теории эволюции. В этом смысле проект, лавинообразно начавшийся в 30-х годах и докатившийся даже до наших дней, можно смело назвать **«медицинским Пилтдауном № 3»**.

5.

Дарвиновская теория задержала «нормальное» развитие антропологии на полтора столетия. И если более-менее серьезного рассмотрения заслуживает палеоантропология, берущая начало лишь с 70-х годов XX века, то всё, что происходило от Дарвина и до начала этих 70-х, трудно воспринимать в качестве процесса хотя бы со сколько-нибудь достоверным контекстом. Это была в сущности лишь погоня за объявленным призом. Наверное, именно поэтому практически вся антропология от Дарвина до периода после Второй мировой войны опирается на научно невнятные – «50 на 50», «то ли да, то ли нет» – события и находки. Те неясности, которые были впоследствии все-таки прояснены, оказались (как нетрудно догадаться) не в пользу эволюции, но огромное количество тогдашних находок из-за полученной при их «рождении» идейной родовой травмы до сих пор

продолжает оставаться невнятным или откровенно подозрительным по своей канве.

Мы уже упоминали бесперспективность достоверной идентификации останков, найденных Дюбуа. Столь же туманная история, претендующая на то, чтобы остаться туманной навеки, произошла и с так называемым **Пекинским человеком**.

Вокруг этой истории, без преувеличения детективной, споры не утихают до сих пор. Ученые, именующие себя креационистами, утверждают, что в предвоенные 30-е годы прошлого века археологам, работавшим в Китае вне зоны контроля научной общественности, удалось обнаружить в древних слоях останки людей современного типа, каковые останки были от этой научной общественности скрыты. Представители же эволюционного лагеря сегодня отрицают какую-либо фальсификацию результатов китайских раскопок. Поскольку история эта весьма туманная, стоит вкратце рассказать о фактической стороне дела – почему я считаю историю с Пекинским человеком прямым продолжением «пилтдаунской археологии».

В ту пору, когда идея африканского происхождения человечества активно отрицалась большинством ученых (нередко в силу их колониальных предубеждений), объектами пристального внимания стали не только Европа и тихоокеанский регион Юго-Восточной Азии, но и Китай. Еще со времен Первой мировой войны в Чжоукоудяне, в 40 километрах от Пекина велись археологические раскопки и шли поиски очередного недостающего звена эволюции –

поначалу обнадеживающие, но вскоре зашедшие в тупик и на некоторое время заглохшие. Однако канадскому врачу Дэвидсону Блэку, жившему в Китае, но работавшему под юрисдикцией Фонда Рокфеллера, в 1927 году удалось найти в Чжоукоудяне человеческий зуб и несколько костных фрагментов, на основании чего он громко объявил об открытии новой переходной формы – обезьяночеловека по имени *Sinanthropus* («Китайский человек»). Памятуя недавний конфуз с зубом гесперопитека, оказавшимся зубом свиньи, научная общественность отнеслась к заявлению Блэка более чем сдержанно. Но в это же время Фонд Рокфеллера начал реализацию своей широкомасштабной программы научных исследований, и Блэк неожиданно для себя получил чрезвычайно мощную финансовую и рекламную поддержку.



Дэвидсон Блэк

Деятельность Фонда Рокфеллера – отдельная тема. Целью исследований Фонда было не только утверждение новой эволюционной парадигмы в естественных, общественных и гуманитарных областях знаний, но и, по словам тогдашнего президента Фонда Макса Мэйсона, поиск методов контроля над человеческим поведением, «для разумного управления им на благо всего человечества». История открытия Пекинского человека, возможно, станет нам более понятной, если мы примем во внимание некоторые факторы, обычно не упоминаемые эволюционными антропологами. Во-первых, бесспорным фактом является преднамеренная «заданность результата» Блэку. Действительно, этот ученый, в отличие от обычной экспедиционной практики, финансировался не в качестве «свободного художника», а получил конкретное задание – обеспечить фактическим материалом часть общей программы Фонда, намеревавшегося понять механизмы «мышления, обучения, запоминания и потери памяти» человека. То есть, от Блэка ждали конкретных находок, помогающих в данном случае понять **ЭВОЛЮЦИЮ человеческого разума**. Сумма, которую он получил под конкретный результат, по тем временам была столь значительной, что о возвращении из Китая с пустыми руками не могло идти и речи.

Также фактом, значительно ослабляющим сегодняшнее доверие к результатам китайских находок Блэка, явилось участие в этой работе отцов-открывателей Пилтдаунского человека. Сам Блэк был одним из экспертов пилтдаунского черепа в 1914 году,

другие отцы Пилтдауна, Вудворд и Кийт, были экспертами некоторых китайских находок уже самого Блэка. Но одним из активных участников китайской экспедиции был Тейяр де Шарден, в отличие от неявной роли соратников по Пилтдауну определенно уличенный в использовании подложных методов (можно вспомнить зуб стегодона, привезенный Шарденом из Африки и «найденный» в комплексе с другими находками в пилтдаунском карьере). Понятно, что участие столь предвзятых экспертов и исследователей в работе способно породить вполне естественные сомнения в достоверности результатов экспедиции.

Общеизвестным фактом является и то, что научная общественность, следившая за ходом китайских раскопок из «внешнего мира», никак не могла добиться от участников внятного и непротиворечивого отчета о своих действиях. Согласно законам Китая иностранцы не могли вывозить антропологические находки из страны, а для экспертного заключения по найденным останкам ученым нужно было самим приезжать в охваченный гражданской войной Китай. Таким образом, команда Блэка-Шардена оказалась вне зоны досягаемости и контроля со стороны научного сообщества.

По первым сенсационным сообщениям, Блэку удалось 2 декабря 1929 года найти череп существа (уже носившего имя синантроп), появление которого давно ожидалось в дополнение к ранее найденной паре зубов. Но самое интересное только начиналось. В середине декабря этого же года из Китая просочились слухи о находках в Чжоукоудяне десяти

человеческих скелетов. Блэк якобы обещал сообщить подробности этой сенсационной находки до конца года, но на запланированном 29 декабря докладе в пекинской Лаборатории кайнозоя по неизвестным причинам состоялась лишь демонстрация первого черепа синантропа, найденного 2 декабря. По поводу же десяти человеческих скелетов никаких подтверждений или опровержений в тот день от Блэка так и не последовало. Слухи о находках новых человеческих останков в Чжоукоудяне возникали и позже, но так и остались слухами.

Общественность, следившая за раскопками из внешнего мира, недоумевала. Некоторое время спустя из Китая поступили сведения о находке четырнадцати черепов синантропов, сильно поврежденных и большей частью сохранившихся лишь во фрагментах. У экспертов, не имевших возможности наблюдать работу Блэка непосредственно, со временем стали возникать подозрения, что этот ученый идет по стопам своего предшественника Дюбуа, скрывавшего находку «настоящих» человеческих останков, дабы не испортить переходную репутацию своего эволюционного чада. Интересно, что на Яве Дюбуа в свое время не нашел каких-либо артефактов, относящихся к питекантропу. Видимо, по аналогии с яванскими существами и в силу особой «дикости» синантропа Блэк также не обнаружил в Чжоукоудяне ни каменных инструментов, ни каких-либо иных искусственных объектов, ни даже следов использования огня – по крайней мере, так он сообщал о ходе работ в 1929 году. Наконец, поток

противоречивых сообщений из Китая и явно просматривающаяся попытка скрыть нежелательные для заказчиков результаты заставили ведущего французского палеоантрополога, профессора Анри Брейля, совершить инспекционную поездку к Блэку и Шардену.

Несмотря на военную обстановку, пожилой профессор в 1931 году появился на раскопках в Чжоукоудяне. То, что он увидел на месте, привело его в шоковое состояние – одних только каменных орудий в пещерах Чжоукоудяня и прилегающих участках к этому времени уже было найдено порядка нескольких тысяч, а пещера, в которой были обнаружены останки четырнадцати синантропов, содержала трехметровый (по другим сведениям семиметровый) слой золы. На вопрос о причинах сокрытия костровищ и инструментов Блэк блестяще парировал, что знает об этих находках, но... не признаёт их! Он, мол, потому и не поставил в известность научную общественность, что находки не представлялись ему достоверными артефактами, следами именно человеческой деятельности.

По возвращении из Китая возмущенный Анри Брейль написал отчет о поездке, сокрытые факты стали известны ученому миру, но мнения по этому поводу, как и следовало ожидать, разделились. Одни ученые посчитали синантропов обезьянами, на которых охотились древние люди, о чем якобы свидетельствовали проломы черепов, по большей части у основания. Другие возражали на это, что разрушение черепов произошло естественным образом, в характерном для этого самом хрупком

месте черепной коробки. Третьи считали, что синантропов в пещеру приволокли хищники, а толстый слой золы – результат естественного сгорания накопившегося в пещере птичьего помета. Сам Блэк вскоре вынужден был признать орудия Чжоукоудяня безусловными артефактами, но теперь уже настаивал на их принадлежности не синантропам, а хомо сапиенсам, обитавшим здесь в позднепалеолитический период!



Череп синантропа (Sinanthropus pekinensis, Homo erectus). Реконструкция Ф. Вейденрейха (светлые области черепа – отсутствующие)

В 1934 году, в Китае, Дэвидсон Блэк умер от сердечного приступа, прямо за своим рабочим столом, с зажатым в руках черепом синантропа. Его заменил антрополог Франц Вейденрейх, к счастью для будущих исследователей сделавший слепки с некоторых находок. Анри Брейль в 1934 году еще раз приехал в Чжоукоудянь, собрал материал и написал

статью с версией о том, что изготавливал орудия и пользовался огнем в пещерах Чжоукоудяня все-таки не поздний хомо сапиенс, а именно сам древний синантроп. Однако синантроп эволюционистам представлялся существом исключительно обезьяноподобным и «одиноким» (в смысле без какой-либо сопутствующей человеческой компании), не знавшим ни огня, ни инструментов. Доклад Брейля с его неудобной версией опубликовали только пять лет спустя, да и то после того, как из китайского музея в результате военных действий исчезли все представленные Брейлем материальные свидетельства – каменные инструменты, фотографии и научные записи. К 1941 году обстановка в Китае резко обострилась. В ожидании японского вторжения посольство США в Пекине решило под шумок переправить чжоукоудяньские находки в Америку. Во время эвакуации из Китая оригинальные образцы костных останков синантропа пропали. Об их дальнейшей судьбе больше ничего не известно.

Итак, если Блэк что-то срывал от внешнего мира, то что? Из-за чего разгорелся весь этот сыр-бор? Что такого «криминального» нашел Блэк, что потребовало непременно сокрытия? Впрочем, было бы странным, если подобное поведение ангажированного археолога не вызвало бы волну самых различных догадок и предположений.

Версию креационистов впервые озвучил М. Бауден. Пытаясь восстановить последовательность чжоукоудяньских событий, он предположил, что Блэка испугали неожиданно найденные им скелетные останки и следы пребывания современного человека

в одном контексте с черепом синантропа, и он, понимая, что подобные находки не отвечают ожиданиям Рокфеллеровского Фонда, просто пытался эти человеческие следы и останки скрыть (Бауден, 1977). Впоследствии эта версия получила в креационистской среде широкое распространение.

Эволюционисты возражали Баудену и его сторонникам, что никаких скелетов не было вообще (см. Foley, 1999). Это утверждение основывалось на следующих доводах. Первый из них – сообщения о человеческих скелетах якобы были выдумкой журналистов. Мы знаем, что «*New York Times*» и «*Daily Telegraph*» 16 декабря 1929 года опубликовали большие статьи о находке десяти скелетов с оценочным возрастом порядка 1 млн. лет, ссылаясь на сообщение «ученых, представляющих Фонд Рокфеллера». То есть, эти статьи, по мнению оппонентов Баудена, якобы и были газетными «утками». Второй довод эволюционистов – что Блэк между 2 и 16 декабря послал письмо в Лондон Грефтону Элиоту Смиту, в котором сообщает о черепе синантропа, но ничего не говорит о десяти скелетах. Еще один довод – реакция сэра Артура Кийта, который, кажется, был посвящен во все дела Блэка. На вопрос журналиста: правда ли, что Блэк нашел в Китае десять человеческих скелетов, сэр Кийт якобы проявил определенный скептицизм, заявив: «Открытия так не делаются» («*Discoveries are not made in this way*»).

Совершенно очевидно, что газеты – источник крайне ненадежный, хотя ссылка на ученых рокфеллеровского Фонда вряд ли могла быть

выдумана журналистами этих, надо отметить, далеко не бульварных изданий. Впрочем, газетные сообщения можно было бы сбросить со счетов вообще, если бы не одна деталь – о находке сообщил и научный **журнал «Nature»**, в принципе никогда не пользовавшийся сомнительной информацией. Правда, в его кратком сообщении речь шла не о полных скелетах, а об «окаменелых фрагментах еще десяти образцов синантропа» (*«the fossilized fragments of ten more examples of Sinanthropus»*) и «останках десяти индивидуумов» (*«remains of ten individuals»*). Но сообщение было основано на телеграмме, посланной из Пекина 15 декабря, судя по всему, самими участниками экспедиции. Так что даже в случае с газетными сообщениями могла иметь место не явная журналистская утка, а «испорченный телефон». Какие-то находки, впоследствии скрытые, видимо, все же **были сделаны**.

Итак, были найдены в Чжоукоудяне человеческие скелеты или нет? Креационист Бауден утверждает, что были. Якобы Блэк просто поспешил оповестить научный мир о своей находке, пока до него не дошло, что она в корне противоречит концепции заказчиков – при ближайшем изучении древние скелеты и артефакты оказались, скажем так, совсем не питекантропообразными. Просто журнал *«Nature»*, получив телеграмму, мог выдать осторожные формулировки, а ведущие газеты привели сообщение целиком.

И хотя вопрос остается даже не спорным, а абсолютно «глухим», доводы эволюционистов, честно говоря, напоминают пропаганду советских времен,

логика которой была построена на наивном принципе – отсутствие упоминания о предмете означает его несуществование (в СССР нет национальной проблемы, нет секса и т. д.). То, что Блэк не сообщает ничего в своем письме Смитю, по сути ничего не значит, ведь о фрагментах десяти синантропов он тоже не сообщает! И ссыла на нынешних эволюционистов (Foley, 1999) на якобы скептическую реакцию Артура Кийта, надо заметить, тоже мало чего проясняет. Более того, может показаться странным, что Кийт вместо прямого подтверждения или отрицания факта находок негативно высказывается лишь в отношении самой ситуации, якобы идущей вразрез с определенными канонами археологии. «Открытия так не делаются». Действительно, спросим мы, что уж такого необычного в некоем гипотетическом открытии, детали которого до конца даже не прояснены? Но можно допустить, что реакция Кийта была не просто проявлением скептицизма, а совершенно естественным раздражением в отношении поведения Блэка, который слишком поспешно бросился добывать себе славу и признание через масс-медиа, не сообщив предварительно о своих находках мэтру и не показав их независимым экспертам.

Далее. То, что сегодняшнему антикреационисту Джиму Фоули, автору ресурса «Разговор о Происхождении» («*The Talk Origins*»), неизвестен полный текст телеграммы, посланной из Пекина в «*Nature*» в декабре 1929 года, совсем не означает, что речь в этой телеграмме не шла о скелетах, а исключительно о «фрагментах десяти существ». И уж

совсем несерьезно звучит еще один довод Фоули – что фальсификацию такого масштаба было бы невозможно скрыть. Во-первых, ее полностью так и не сумели скрыть (тут должен стоять смайлик), а во-вторых, все мы помним растянувшееся на 40 лет «невозможно скрыть» Пилтауна... не говоря уже о прямом участии в китайской экспедиции людей, которые к этому времени не только имели опыт «горячих археологических точек эволюционизма», но по части сокрытия и подлога были уже настоящими спецназовцами в своем деле.



*Китайские рабочие проводят раскопки
в нижней пещере Чжоукоудяня. 1929 г.*

Кто прав в этом споре, выяснить сейчас, видимо, уже невозможно. Как уже сказано, находки Чжоукоудяня – это одна из многочисленных страниц в антропологии (и человеческой истории в целом), которая вряд ли когда будет прочитана однозначно. «Жаль, что мы так и не услышали начальника транспортного цеха». То есть, жаль, что Блэк и его команда так и не дали нам возможности увидеть и самим оценить истинную картину событий, происходивших в пещерах Чжоукоудяня. Дэвидсон Блэк как первопроходец, располагая материалом в его первозданной полноте, наверняка знал правду или хотя бы имел собственное «настоящее» мнение на сей счет – это **мы** остались в неведении. Кто жег костры и изготавливал инструменты в Чжоукоудяне? Хомо сапиенс? Хомо эректус? Кем были пекинцы – хозяевами пещеры или добычей? Если они были жертвами каннибализма, то где следы каннибалов? Жили ли синантропы в пещерах перед волной сапиентных мигрантов, или жили вместе с сапиенсами?

...Но есть в этой истории и вариант, который лично мне кажется наиболее правдоподобным. Вполне возможно, что Блэка после первой эволюционно «подходящей» находки черепа синантропа испугали не находки человеческих скелетов, а именно новые находки синантропа, демонстрирующие его не обезьянью, но **сугубо человеческую сущность**, а именно – Блэк обнаружил, что следы костров, каменные наковальни для изготовления орудий и сами эти орудия, а также нечто вроде печей для обжига камня и даже ямы для гашения извести (всё это было,

по слухам, в Чжоукоудяне) – **принадлежат именно синантропам** и никому другому.

А между тем Блэк в любом случае, получается, «зря старался», скрывая правду, и «зря пугался», если действительно неожиданно для себя обнаружил сугубо человеческую сущность синантропа. Сегодня и бывший питекантроп Дюбуа, и пекинский синантроп, несмотря на все их достаточно сомнительные эволюционные партийные характеристики и поручительства, официально зачислены в человеческий таксон *Homo erectus*. А за эректусами теперь признано большинство сугубо человеческих способностей – эволюционисты сегодня пришли к точке неотрицания даже той недавно убийственной для них ереси, что эректусы, например, уже миллион лет назад были способны колонизировать острова индонезийского архипелага на искусственных плавучих средствах.

Эх, хорошо было Эжену Дюбуа с его бесхитростным питекантропом! Черепная крышка, бедренная кость, да пара зубов, да пара человеческих черепов в нагрузку... А тут поди, утаи такое богатство! Блэк, как настоящий эволюционист, исповедовавший философию Пилтдауна, по сути, пытался изо всех сил задержать умницу хомо эректуса в рядах уже такого привычного и такого удобного обезьяночеловека, «питекантропа», но тот все-таки «вырвался» из его цепких объятий. И мы помним, что Блэк умер с черепом эректуса в руках. Его последних мыслей мы тоже не знаем – а что, если он вдруг всё понял?

Говоря кратко, после всех перетрясок в эволюционном чулане история Чжоукоудяня сегодня воспринимается лишь в одном смысле – как **нелепая попытка скрыть появление на антропологической арене новой, неизвестной ранее расовой человеческой вариации по имени *Homo erectus*, искусного орудийного мастера и мореплавателя, члена человеческой семьи**, как минимум в некоторых случаях проживавшего с людьми нашего типа фактически под одной крышей (находки из африканского Омо, яванского Соло или индонезийского Флореса).

Итак, я полагаю, что загадки пекинского синантропа по сути не существует. А вот что существует, так это очередная тень Пилтдауна, история под известным логотипом, **«пекинский Пилтдаун № 4»**, очередная попытка некоей группы лиц фальсифицировать историю в эволюционном ключе ценой пренебрежения настоящим научным знанием.

6.

Здесь уместно вспомнить и о **«зубном Пилтдауне № 5»**, проекте под названием «Рамапитек».

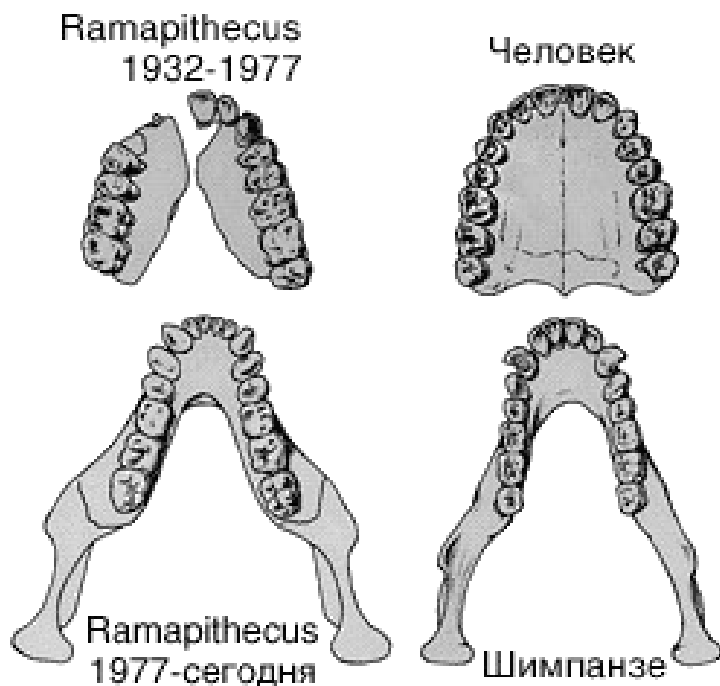
В 1964 году археологи Дэвид Пилбим и Элвин Саймонс предприняли решительную попытку водрузить на эволюционный пьедестал находку, сделанную их коллегой Дж. Льюисом еще в 1932 году. Тогда, находясь в экспедиции в Индии, Льюис нашел два фрагмента обезьяньей челюсти и горстку зубов, по времени, как считалось, относящихся к миоцену и имеющих возраст в интервале от 6 до 15 миллионов лет. Ситуация с реконструкцией челюсти отнюдь не

отражалась формулой: «Как ни крути, а выйдет всё то же». Напротив, «крутить» и «вертеть» два не связанных между собой фрагмента челюсти можно было настолько произвольно, насколько ученым позволяли их фантазия и совесть.

Гм... Зубы-то в челюсти были, конечно, самые что ни на есть обезьяньи...

Да и первоначальная форма челюсти, судя по всему, была классическая обезьянья, U-образная (у человека она имеет параболическую форму). Вдуматься только, какая трудная задача ожидала Пилбима! Он бы мог, конечно, пойти самым простым путем и по обезьяньим зубам бесхитростно восстановить обезьянью же челюсть. Но так и дурак сумеет – слишком это просто! Еще можно было из всех возможных вариантов реконструкции не выбрать ни одного, сославшись на недостаток точной информации, то есть, сказать: «Пока не знаю, подождем новых находок». Но это тоже был путь слишком примитивный, даже малодушный. А вот по обезьяньим зубам восстановить человеческую форму челюсти мог только истинный художник! Выбор был судьбоносен, но Пилбим знал, чего от него требует эволюционная совесть. Поэтому он склонился над старыми находками, тяжело вздохнул (по моим предположениям), решительно выдохнул, собрал волю в кулак и... придал двум обломкам обезьяньей челюсти единственно «правильный», точнее, единственно требуемый «эволюционный» угол раствора – так, чтобы челюсть выглядела настоящей «переходной»!

Но ученый-эволюционист потрудились не зря, существо, уже ранее названное рамапитеком (*Ramapithecus*), теперь получилось что надо – «недостающее звено» необычайной доказательной силы, настоящий животный предок человека еще с типично обезьяней формой зубов, но уже параболической «прогрессивной» челюстью.



Мы уже упоминали, что довоенная антропология в подавляющем большинстве случаев опиралась на научно невнятные или просто недостаточно достоверные находки. Однако рамапитеку на удивление повезло с установлением личности, хотя при этом не повезло эволюционной идее. Как мы помним, рамапитек был найден в 1932 году и «раскручен» в 1964-м. Но позже, в 1977 году, была обнаружена полная челюсть существа, описанного

как *Ramapithecus*. Он оказался вымершей разновидностью орангутана... Разумеется, без малейших намеков на какие-либо переходные или гоминидные признаки.

Так закончилась история еще одного фальшивого кандидата в наши предки. Хотя... А мог ли эволюционист Пилбим в принципе собрать это костяное LEGO как-то иначе? Или не собирать вовсе, до 1977 года? Ладно бы еще Пилбим просто «попробовал», «примерился». Но нет – его рамапитек оказался одной из самых значительных страниц эволюционизма, подавался в качестве неоспоримого доказательства дарвиновской идеи на протяжении **45 лет** (из них более 20 лет плечом к плечу с пилтдаунской подделкой, в качестве самой ранней формы обезьяночеловека!) и оказал значительное влияние, так сказать, на общую кривизну научных представлений о человеческом происхождении.

Упомянем мимоходом и еще об одной явной фальсификации того времени.

Так как понятие «березовая пяденица» стало одним из символов дарвинизма, то очередной всплеск пилтдаунской эволюции, случившийся в 1953 году, может смело носить имя **«березово-пяденичный Пилтдаун № 6»**. В этом году группа англичанина Б. Кеттлевелла, желая подтвердить учение Дарвина, начала эксперименты на природе, под Бирмингемом, в которых бабочке-пяденице отводилась роль главного доказательства дарвиновского эволюционного отбора. Известные всем фотографии бабочек, сидящих на стволах

берез и демонстрирующих эволюционное появление защитной окраски, позже оказались постановочной подделкой, а сама канва доказательства фальшивой – бабочки-пяденицы в дикой природе никогда не садятся на открытые стволы, а прячутся в тени листвы. Кеттлевелл же раскладывал мертвых бабочек на горизонтальных стволах берез и фотографировал их. Ученого при этом мало интересовало, действительно ли защитная окраска связана с выживаемостью бабочки – нет, Кеттлевелл уже заранее знал все ответы и только подгонял под них фотоизображения и отчеты экспедиции. Выводы Кеттлевелла на долгое время прочно обосновались в школьных учебниках, научных и научно-популярных изданиях как одно из лучших доказательств эволюции. Сегодня мы знаем, что изменение окраски у пядениц не связано с функциями защиты и не является каким-либо «доказательством» дарвиновского отбора, так как на выживание бабочек изменение окраски прямого влияния не оказывает. Да и логика дарвинистов нам хорошо известна – если у насекомого окрас «защитный», то это – для маскировки и выживаемости вида, а если кричаще-яркий, то это – для привлечения особей противоположного пола и, следовательно, тоже для выживаемости вида...

Часть II. Австралопитек

1.

Однако пришла пора вернуться к австралопитеку, оставленному нами после находки «Бэби из Таунга», а также затворничества Рэймонда Дарта и продолжения его изыскательской линии Робертом Брумом.



Роберт Брум

В геологически активных районах Южной Африки – Стеркфонтейне и Сварткрансе, где возможность катастрофического захоронения животных в прошлом была весьма велика, Бруму удалось напасть на настоящую древнюю обезьянью жилу. В тридцатые годы прошлого века понятия об австралопитеке как о цельном таксоне еще не существовало, и новые имена с легкой руки антрополога присваивались всякой очередной находке. Впрочем, Брума не очень-

то и интересовала какая-либо классификация или наведение порядка среди всех этих обломков костей и пригоршней зубов. Нет, логика наименования новых находок была сугубо идейной – Брум искал среди обезьян исключительно предков человека, а так как останков попадалось много, то и предков человека оказывалось много... Так, несколько черепных обломков одной из ископаемых обезьян стали существом по имени *Plesianthropus trasvaalensis*. Владелец фрагмента черепа с костяным гребнем получил имя *Paranthropus crassidens*. Обломок челюсти стал *Telanthropus*'ом *capensis*'ом. Исследователю очень хотелось отразить в имени каждого нового индивида его участие в становлении человека, поэтому все эти существа в обязательном порядке были как минимум «парантропами» или «телантропами», то есть в широком смысле «около-человеками».

Однако, повторяю, время австралопитеков в то время еще не пришло. Парадигма тогдашней антропологии гласила – постепенное увеличение объема мозга у обезьяноподобного существа привело однажды это существо к необходимости «задуматься» об изготовлении инструментов, о необходимости развития речи, социальных навыков и т.д. Это блестяще подтверждалось, разумеется, на примере культового пилтдаунского черепа, мозг которого был уже вполне «человеческий», а морфология нижней части лица еще «отставала» (собственно, под эту идею, к несчастью Брума, «главчерепа» и был изготовлен!). Роберт же Брум оказался настоящим диссидентом. Он проигнорировал официальную

точку зрения и сделал ставку на **морфологическое сходство черепов обезьяны и человека**. По его мнению, обезьяна начала превращение в человека не с увеличения объема мозга, а именно с приобретения внешнего сходства. Подтверждением этой идеи, как тогда думалось Бруму, был в первую очередь «Бэби из Таунга», в чертах лица которого он, как и «отец австралопитеков» Дарт, в свое время разглядел нарождающееся сходство с лицом современного человека. Разумеется, что самого принципа увеличения объема мозга у эволюционирующих обезьян Брум не отрицал – просто не считал его решающим.



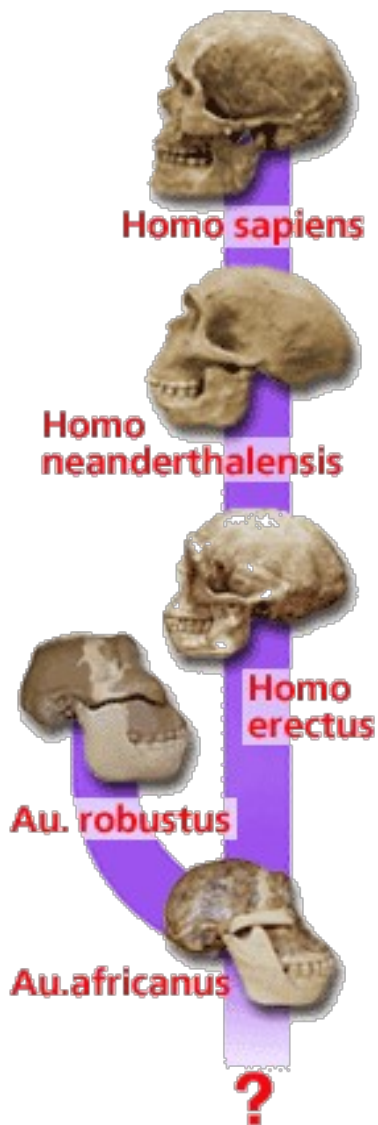
Иногда Бруму казалось, что новые находки австралопитеков подтверждают его правоту. А иногда они приносили неожиданные сюрпризы. Так, первый целый череп «плезиянтропа» (**STS-5**, квалифицированный позже как ***Australopithecus africanus***), найденный Брумом в 1947 году в Стеркфонтейне, оказался ровесником и «взрослым вариантом» Бэби из Таунга (оба индивида жили, как считается теперь, 2,5 млн. лет назад). Оказалось, что австралопитеки, как и обычные приматы, имели более-менее плоское «человеческое» лицо только в юном возрасте, но по мере взросления нижняя челюсть у них, так же, как и у шимпанзе, начинала сильно выдаваться вперед самым «нечеловеческим», обезьяньим образом. Получалось, что Реймонда Дарта и Роберта Брума в свое время в бэби-таунгском черепе сбило с толку именно это отсутствие лицевого прогнатизма (выступающей вперед нижней части лица) – равно как сбили с толку и другие черты, характерные лишь для юной обезьяньей особи, включая «естественно» мелкие для молодой обезьяны зубы и высокий округлый купол головы.

Надо сказать, что в те времена черепа австралопитеков были единственным доступным материалом для изучения, скелетные же останки отсутствовали. Череп STS-5 принадлежал женской особи и получил имя «Миссис Плёс». Буквально следующая находка преподнесла новый сюрприз. В том же 1947 году Брум нашел стратиграфического соседа и безусловного современника миссис Плёс, череп австралопитека африкануса **STS-71**, по всем

признакам являющимся взрослым существом мужского пола. Однако черепная коробка обезьяньего самца оказалась значительно мельче дамской, не превышая стандартные показатели современного шимпанзе. Более того, лицевой прогнатизм, обычно сильнее выраженный в мужских обезьяньих черепах, у самца STS-71 оказался гораздо меньшим, чем у миссис Плёс, что, казалось бы, могло окончательно запутать Брума и его коллегу Робинсона. Но антропологи с честью вышли из этой трудной ситуации. Сначала они попытались объявить миссис Плёс мужчиной, а «мужчине» STS-71 поменять пол на женский... Но потом махнули рукой на все эти «мелкие нестыковки» и противоречия. Главными козырями Брума всегда оставались, во-первых, значительная куполообразная, якобы более «человекоподобная», округлость черепа австралопитека по сравнению с шимпанзоидной, а, во-вторых, тот факт, что место крепления позвоночного столба к черепу у африкануса было смещено к центру в большей степени, чем у шимпанзе – по мнению Брума, это указывало на прямохождение австралопитеков.

Несмотря на горячее желание Брума отыскать среди южных обезьян человеческого предка, последующие находки австралопитеков вскоре перестали укладываться в некую ожидаемую эволюционную последовательность. Но Брум продолжал отстаивать свою линию, несмотря на язвительную критику со стороны оппонентов. И хотя он до поры до времени не мог даже «сунуться» со своими идеями в калашные ряды пилтдаунского истеблишмента, его пламенная

вера в предка-австралопитека и неумная энергия подготовили почву для будущего занятия «свято-пустующего места» так называемого недостающего звена. Когда пилтаунский самозванец был разоблачен, *Australopithecus africanus* Брума тут же был остро востребован в качестве драгоценной эволюционной затычки.



К началу 60-х годов прошлого века сложилась более-менее общепринятая филогения так называемых гоминид – существ, якобы составляющих цепочку непосредственных предков человека, включая и самого человека, который, разумеется, с точки зрения эволюционистов является всего лишь высокоразвитым животным. Согласно этой схеме ***Australopithecus africanus*** являлся нашим прямым прародителем, занимая почетное место в основании родового дерева. Порядка 700–400 тысяч лет назад африканус якобы развился в более прогрессивное, но пока еще вполне обезьяноподобное существо ***Homo erectus***, то есть, в человека выпрямленного, получившего статус «*Homo*» исключительно ради эволюционной преемственности. Ведь австралопитек был еще почти полной обезьяной с намеком на человеческие признаки, а шедший сразу за эректусом неандерталец был уже вроде как человеком с остатками обезьяньих признаков. Поэтому *Homo erectus* был назначен переходным звеном меж австралопитеком и ***Homo neanderthalensis***, неандертальцем. Этот неандерталец якобы произошел от *Homo erectus* не далее как 100 тысяч лет назад. А 30 тысяч лет назад неандерталец превратился в **кроманьонца**, нашего непосредственного прародителя. Если не рассматривать подробно боковые тупиковые ответвления от австралопитека африкануса в виде робустной линии («массивных» австралопитеков) и нюансы, связанные с вариантами наименования таксона *H. erectus*, то именно такова была филогения на начало шестидесятых.

2.

Итак, в послепилтаунские годы отношение к Африке у антропологов резко изменилось. Разумеется, что это было связано еще и с послевоенными («новые перспективы»), и с постколониальными процессами – но если раньше антропологи искали неуловимого предка в Европе, Индии и Индонезии, считая Африку эволюционным аутсайдером, то теперь свою «реабилитационную» роль сыграло еще и обилие африканских находок. Фрагменты австралопитеков стали находить десятками не только в рэймондодартовских «фирменных» местах Южной Африки, но и на всей протяженности Восточноафриканского рифта.

Дальнейшая история трех десятилетий антропологии – это, без преувеличения, история конкурентной борьбы двух палеоантропологических групп, по сути, палеоантропологических школ – с одной стороны знаменитого английского семейства Лики, с другой – американца Дональда Джохансона из Института происхождения человека в Беркли. В этот период династия Лики большую часть времени трудилась в Олдувайском ущелье в Танзании, а Джохансон со своим коллегой Тимом Уайтом облюбовали для поисков место близ селения Хадар в Эфиопии.

В течение поисковых сезонов 1973–1975 годов Джохансон и Уайт нашли в Хадаре в общей сложности 250 фрагментов обезьяньих окаменелостей. Но одна находка оказалась явно примечательней других. В 1974 году во впадине Афар (впоследствии давшей имя новой разновидности

Australopithecus afarensis) Джохансон обнаружил частично сохранившийся скелет австралопитека, каталогизированный как **AL 288-1**, но более известный как **«Люси»**, с оценочным возрастом 3,4 миллиона лет. Люси погибла во время какого-то катастрофического события – тело было изуродовано так, что даже кости таза оказались раздробленными еще во время гибели или спустя самое незначительное время; труп обезьяны как будто перемалывало в какой-то каменной мясорубке. Останки были найдены вмурованными в скальную породу на высоте 30 метров над нынешним уровнем реки Аваш, что говорило о значительном изменении рельефа местности с той поры или чересчур бурном потоке водного источника. Находка Люси явилась двойной удачей – впервые были найдены относительно полные (40%) скелетные останки австралопитека, да еще столь древний возраст находки позволял присвоить ей звание нового основателя человеческого рода, смещая с верхней ступеньки пьедестала более молодого австралопитека африкануса.



Можно предположить, что это накладывало на нового кандидата серьезные обязанности. Какими ожидаемыми качествами должен был обладать новый основатель семейства, чтобы именоваться гоминидом? К этому времени в антропологии уже была сформулирована так называемая «гоминидная триада» – три жестких условия, соответствие которым позволяло отнести любое обезьяноподобное существо к прямым предкам человека, то есть к гоминидам. Этот своеобразный фильтр пропускал «в гоминиды» лишь тех, кто обладал:

1. Развитым мозгом;
2. Умением изготавливать орудия труда;
3. Вертикальной походкой.

По мысли эволюционистов существо именно с таким набором признаков должно было лежать на человеческой линии, постепенно эволюционируя в направлении современного человека. Разумеется, что по объему мозга новый кандидат в предки должен был превосходить известных человекообразных обезьян. Но, судя по сохранившейся челюсти и нескольким обломкам черепа, Люси этого прогрессивного качества отнюдь не демонстрировала. При жизни Люси имела рост чуть более метра, вес чуть более 30 кг, и объем мозга в пределах сугубо обезьяньего – 400–420 см³. Ни о какой орудийной деятельности, разумеется, речи тоже идти не могло. Однако впоследствии, описывая свои первые впечатления от Люси, Джохансон уже искренне удивлялся тому, что поначалу едва ли не «забраковал» своего гоминида,

по многим признакам (в частности, по строению зубов) увидев в нем стопроцентную обезьяну:

«В отношении Люси я не колебался. Она была такой необычной, что вопрос о ее принадлежности к роду *Ното* вообще не мог возникнуть. Слишком миниатюрная, с очень небольшим мозгом и челюстями «неправильной» формы, Люси попросту не была человеком. Ее **как будто бы примитивные особенности** (то есть, впоследствии оказавшиеся якобы не таковыми. – А.М.) настолько бросались мне в глаза, что я был склонен считать примитивными и другие черты в строении ее зубной системы, рассматривать их как свидетельства близости не к человеку, а к обезьянам» (Джохансон и Иди, 1984).

Разумеется, *Australopithecus afarensis* (и, в частности, Люси) формально никогда не был отнесен к роду *Ното* и не считался человеком. Упор на строение зубов Джохансон поначалу сделал как бы по инерции – хадарских австралопитеков он всегда прежде относил к безусловным обезьянам, которых изучал в большинстве случаев лишь по обломкам челюстей. Но эволюционные антропологи поняли, что на этот раз пойманную за хвост удачу они не отпустят. Что ни обезьянье строение зубов Люси, ни ее обезьяний мозг, ни ее тело, ни ее нулевые орудийные способности не помешают встроить это существо в генеалогическое древо человека. Впервые, опираясь уже не только на зубной и черепной, но и на скелетный (постчерепной) материал, «предковый» акцент можно было сделать хотя бы на одном так называемом прогрессивном признаке, якобы бесспорном показателе

начавшегося очеловечивания обезьяны – возможном **прямохождении** Люси.

Ведь этот скелет, впервые столь полный, уже сам по себе был эволюционным призывом, руководством к действию. После всех теоретических рассуждений о прямохождении австралопитеков перед исследователями на столе лежало нечто вполне материальное, готовое, так сказать, для отыскания в нем настоящего, физического подтверждения прежних теорий. Антрополог-анатом Оуэн Лавджой из Кентского университета Огайо, реконструировавший опорно-двигательный аппарат Люси, написал позже о тонкостях его восстановления:

«Хотя скелет был далеко не полный, в нем сохранилось намного больше деталей, чем в аналогичных ископаемых находках, в частности многие кости нижних конечностей, одна из безымянных костей, которая в паре с другой такой же составляла таз, а также неповрежденный крестец (сросшиеся позвонки в задней части таза)» (Лавджой, 1989).

Читатель, не знакомый с ситуацией, конечно, сделает заключение, что исследователь располагал достаточным для своих последующих выводов материалом? А между тем «многими костями нижних конечностей» Лавджой именовал всего лишь несколько костных фрагментов, не столько несущих какую-либо информацию, сколько открывающих простор для фантазий об анатомии и пропорциях этих нижних конечностей, учитывая отсутствие обоих коленных суставов и стоп. А что такое «безымянная

кость, в паре с другой составляющая таз»? Речь, конечно, идет о подвздошной кости – «козырном» фрагменте скелета Люси. Кажется, картина достаточно благостная – бери подвздошную кость и реконструируй таз... Но далее мы узнаём от Лавджоя подробности того, что представляла собой эта подвздошная кость в реальности:

«...Прилежавшая к нему (крестцу. – А.М.) подвздошная кость была **сломана и частично разрушена; она состояла из 40 отдельных фрагментов**, сцементированных в единую массу матричной породой камня, в которой она сохранилась. Нередко ископаемые кости, найденные в таком состоянии, могут быть разделены на фрагменты, а затем восстановлены из кусочков, как в картинке-загадке. Обломки безымянной кости Люси, однако, нельзя было отделить, не повредив их. Тогда я сделал слепки с каждого костного фрагмента и соединил их, как того требовал анатомический порядок; восстановленная безымянная кость была затем скопирована в зеркальном отображении, чтобы получить симметричный ей экземпляр. В результате был целиком реконструирован таз одного из предшественников человека, жившего почти 3 миллиона лет назад» (Лавджой, там же).



*Фрагмент тазовой кости Люси,
восстановленный О. Лавджоем
из сорока разрозненных частей*

Частично разрушенная кость, состоящая из сорока отдельных фрагментов – пожалуй, так выразится может только эволюционный антрополог-оптимист... Впрочем, ничего удивительного, если вспомнить, что

мы имеем дело не с фактами, а с «философией». Потому что из фразы Лавджоя – «в результате был целиком реконструирован таз одного из предшественников человека» – становится понятно, что свои знания об «истинном статусе» Люси исследователь получил еще до извлечения из скальной породы этих сорока сцементированных фрагментов. Даже более того – без всякого извлечения их из породы. О том, что Люси является нашим предком, Лавджой, понятно, узнал не в результате кропотливого исследования, а из самого надежного своего источника – из положений и догм теории эволюции.

С сорока фрагментов подвздошной кости, которая сама была лишь небольшим фрагментом обезьяньего таза, Лавджой сделал фрагментарные слепки (так как большая часть обломков оставалась неизвлеченной). Скрытые в кусках матричной породы недоступные «пазлы» он просвечивал рентгеновскими лучами с двух сторон и воссоздавал в виде новодела по полученному чертежу. Все нестыковки между фрагментами, а также отсутствующие части Лавджой заполнял «заплатками» из специального вещества вроде алебаstra, пока, в конце концов, не добился требуемой формы подвздошной кости, которая затем была дофантазирована до размеров целого таза – на вид вполне «прогрессивного», похожего на шарообразный человеческий, но пропорционально более короткий. Кстати, в дальнейшем антрополог всегда говорил (а с его слов эта байка стала у эволюционистов расхожей), что «таз Люси на редкость хорошо сохранился».

3.

Эффект, произведенный первым выходом Люси в свет, оказался ошеломляющим даже для видавшего виды эволюционного сообщества. Смею утверждать, что последовавшая затем столь долгая и крепкая привязанность эволюционных антропологов к невыразительным, между нами говоря, австралопитекам – привязанность, докатившаяся иногда и до нынешних времен, – уходит своими корнями именно в счастливое состояние тех дней, в воспоминания о том кратком якобы победном периоде. Вся прежняя картина с австралопитеками африканусами в мгновение ока стала банальной и невыразительной. Отныне здесь всё обещало быть по-другому, по-настоящему, всерьёз. Находка прогрессивного прямоходящего предка возрастом в целых 3,4 миллиона лет психологически воспринималась как неожиданно свалившаяся удача, победа, которой, «честно говоря, и не ждали». Эволюционистам на секунду с холодком под сердцем показалось, что **они и вправду нашли то, что так долго искали.**

Свою версию нового предка Джохансон, Уайт и Лавджой закрепили чем только могли. Еще за год до находки Люси Джохансон обнаружил два фрагмента «беспризорного» коленного сустава неизвестного гоминида (**AL 129-1a и b**), отстоящих от места главной находки на 2,5 км и залегающих на 60 м глубже. Хотя в одном из отчетов Джохансон специально указывал, что найденный сустав не принадлежит Люси, эта находка в итоге была также пришта к делу о прямохождении нового «предка». Несмотря на то, что

даже временная разница между двумя рассматриваемыми существами по эволюционной шкале составляла до 400 тыс. лет, сустав от другого австралопитека был приписан Люси по аналогии, в качестве «параллельной» реконструкции части ее скелета^[2].

Во всей этой истории с обезьяньим предком впервые главную роль сыграла тотальная популяризация нового образа, лихо закрученная как самими учеными, так и СМИ. Годом позже Джохансон нашел в Хадаре множество костных обломков, оставшихся от 13 индивидуумов *Australopithecus afarensis* (общий коллекционный номер AL 333). Если раньше обезьянью самку по имени Люси ожидала судьба хоть и сенсационного, но при этом сугубо научного экспоната, то теперь находку новой партии австралопитеков повернули, так сказать, лицом к народу, навстречу пожеланиям общественности, заинтересованной в подробностях личной жизни наших предков – из крайне скудных костных обломков для Люси был воссоздан спутник жизни по имени Лаки. То, что Лаки был моложе своей подруги на эволюционные 200 тысяч лет, читателей научно-популярных журналов и потребителей кинопродукции BBC ничуть не смущало. Новый миф о первой семье и о первых отношениях наших предков сделал Люси суперзвездой антропологии. Точное количество иллюстраций, статей и кинофильмов о Люси и Лаки не поддается исчислению. В одном случае они представляли романтической парой, в другом случае сама Люси была трогательным символом материнства, представая перед умиленными

домохозяйками с ребенком на руках, собирающей то ли букеты цветов, то ли пропитание на фоне дымящихся вулканов и пасущихся жирафов.



Созданный миф позволял складывать в эту копилку по имени «Люси» все новые факты. В 1978 году археолог Мэри Лики обнаружила в Олдувайском ущелье, в Лаэтоли, отпечатки человеческих следов, сделанных по ее оценкам 3,6 млн. лет назад. Из-за аномально древнего для *Homo sapiens* возраста следы, разумеется, ни при каких условиях нельзя было признать человеческими. По имеющейся доброй традиции их нужно было игнорировать и как можно быстрее забыть, но то, что у найденной четырем годами раньше Люси отсутствовали стопы, повернуло эволюционную мысль в новом, еще одном неожиданно счастливом направлении. Логика эволюционизма оказалась здесь традиционно круговой – так как 3,6 млн. лет назад в Олдувае люди современного анатомического вида наличествовать не могли, то следы в лаэтолийском пепле принадлежат австралопитекам типа Люси. Отсюда

следует, что *Australopithecus afarensis* по уровню двуногой локомоции ничем не отличались от современного человека, а их стопы, отсутствующие у скелетных останков Люси, имели вполне современную человеческую анатомию!

В дальнейшем, когда заходила речь об австралопитеках, неискушенные слушатели принимали за чистую монету («научно доказанный факт»), будто австралопитеки имели таз, суставы, стопу, а также в целом походку практически неотличимые от таковых у современного человека. Благодаря Люси и мифу, созданному вокруг Люси, аргументы эволюционистов долгое время были просто непробиваемы – ведь австралопитеки представлялись уже если не полными людьми, то по сути лишь несколько более примитивной формой человека, разделяющей с нами практически всю анатомию. От «чистой» обезьяны, каковой Люси была при своей находке, она быстро доросла в сознании эволюционистов до солидного «обезьяночеловека». В целом у Джохансона и Лавджоя получился такой предок человеческого рода, о котором раньше можно было только мечтать.

4.

Сегодня некоторым читателям может показаться даже странным, почему именно прямохождению Люси было уделено так много внимания. На этом признаке свет буквально сошелся клином для двух противоборствующих сторон – дарвинистов и их противников из лагеря креационистов. Разумеется, по эволюционной логике прямохождение было

необходимой стадией, которую не могли миновать четвероногие обезьяны на пути к человеку. Но могло ли само по себе возможное прямохождение обезьяны быть безусловным свидетельством именно эволюционных процессов?

Легко выносить свои оценки, глядя на любую схватку по прошествии лет, но в ту пору обе противоборствующие стороны этим вопросом даже не задавались. В дебатах эволюционистов с противниками имела место, кажется, банальная подмена тезиса, когда доказательство или опровержение прямохождения обезьяны становилось равным подтверждению или опровержению статуса этой обезьяны как нашего эволюционного предка в целом. И как следствие, креационисты попали в странную психологическую ловушку – отныне горячо отрицать прямохождение Люси они были обязаны уже принципиально, а корректировка своих взглядов под «давлением» фактов воспринималась едва ли не как сдача важнейших позиций.

Но позиция креационистов в этом деле была не главной. Ведь, как известно, никто не разоблачит эволюционизм лучше самих эволюционистов, хотя для этого всегда, к сожалению, требуется некоторое время. Поскольку главным признаком нашего родства с Люси считался отнюдь не интеллект, а лишь строение тазовой части обезьяньего скелета, то неудивительно, что на два десятилетия вся борьба развернулась именно вокруг него.

Хочу сразу обратить внимание читателя – **я не ставлю своей целью опровержение прямохождения Люси,**

равно как и прямохождения любого другого гипотетического человеческого предка. Была ли Люси в реальности прямоходящей или нет – нас, скажем так, пока не интересует. Сейчас мой рассказ именно о том, как эволюционное сообщество и, в частности, Оуэн Лавджой **пытались фальсифицировать это прямохождение**, считая его единственным обоснованием (а позже – единственным спасением) их общего «предкового» замысла.

Чтобы понять логику Лавджоя, для начала следует сказать пару слов о механике прямохождения, так называемом бипедализме. У четвероногих обезьян в вертикальном положении бедренная кость находится параллельно осевой линии тела, шейка бедра выражена слабо, а всю нагрузку принимает на себя массивная головка бедренной кости, «утопленная» в тазу и прижимаемая к нему специальными противодействующими («прижимающими») мышцами – абдукторами. При попытке двигаться на двух конечностях обезьяна испытывает определенный дискомфорт – ее шаг получается шагом «враскачку», так как центр тяжести у обезьяны при попытке выбросить одну ногу вперед не совпадает с площадью опоры той ноги, на которой она при этом балансирует. У человека проблема вертикальной балансировки тела решена за счет так называемого вальгусного угла бедра – выраженного угла между бедренной и большой берцовой костями. Бедренная кость человека в верхней части имеет г-образную форму за счет удлиненной шейки, как бы «держашей» ее на расстоянии от таза и направляющей бедренную кость под углом к большой

берцовой кости (и осевой линии тела). При такой анатомии опорно-двигательного аппарата центр тяжести тела при ходьбе всегда оказывается в границах площади стопы опорной ноги, оставляя другой, свободной ноге определенное время и возможность для маха вперед. Понятно, что тазобедренный сустав у человека при этом является достаточно мощным, а шейка бедра находится под углом к бедренной кости, чтобы испытывать нагрузки не на излом, а лишь на сжатие.

Казалось бы, по этой логике любой из приматов с удлиненной шейкой бедра должен трактоваться как существо прямоходящее. Но наша обезьяна преподнесла исследователям в числе прочих еще одну любопытную загадку, о которой адепты старались никогда особо не распространяться. Дело в том, что Люси имела шейку бедра пропорционально более длинную, чем у человека, но при этом – «слабый», небольшой бедренный сустав. Получалось, что нагрузки на сустав у Люси были «обезьяньи», а шейка бедра более «человеческой», чем у самого человека. В самой конструкции такого узла опорного аппарата содержалось противоречие – чтобы при ходьбе стабилизировать таз в момент, когда тело поддерживается только одной ногой, Люси должна была иметь отводящие мышцы (абдукторы) пропорционально более мощные, чем аналогичные у человека. Что было с этим делать? Для того, чтобы подогнать анатомию бедренной кости Люси под прямохождение, Лавджою пришлось как бы растянуть таз Люси по горизонтали. Чтобы «спасти» ее столь длинную шейку бедра от разрушения при

гипотетической вертикальной ходьбе, угол наклона бедра к осевой линии тела Лавджою пришлось также определить уже не в 9° как у человека, а более 15°. Сказавшему «а» пришлось говорить и «б» – ученый соорудил гипотетическое существо, тазовые мышцы которого по сравнению с нашими имели больший выигрыш в силе (чтобы для стабилизации таза при более «разнесенных» в сторону ногах компенсировать соответствующее усилие). В конце концов эволюционный тезис о том, что австралопитеки ходили вертикально, вынудил Лавджою заявить, что Люси была **лучше приспособлена к хождению на двух ногах, чем современные люди.**

Как известно, подобное тянет за собой подобное. Чем дальше, тем больше выходило, что Лавджой из-за своей «философии» создан не реконструкцию предка, а обезьяну-франкенштейна, которая «взяла его за руку» и потащила за собой по всем кочкам дальнейших противоречий.

В результате всех этих восстановительных экзерсисов вылезло одно весьма нежелательное, даже антиэволюционное, свойство – не только опорно-двигательная, но и «родовая механика» у древней обезьяны оказывалась более совершенной, чем у современных женщин. То, что Люси, согласно Лавджою, была лучше людей приспособлена к прямохождению и при этом еще и безболезненно рожала свое потомство, находилось в вопиющем противоречии с эволюционной логикой, согласно которой все «прогрессивные» изменения являются необратимыми. Получалось, что таз современной женщины, хуже чем у «предка» соответствующий

функциям родов и прямохождения, является более примитивным. Неубедительным было даже объяснение, что для приспособившихся к прямохождению австралопитеков роды «мелкоголового» потомства «оказались еще приемлемыми» (рассуждение Лавджоя), а вот анатомия женщин *Ното* не смогла подстроиться под новый прогрессивный признак – увеличившуюся голову человеческого плода. Причем, надо отметить, увеличившуюся в 2–2,5 раза (у *H. erectus*) и увеличившуюся достаточно «внезапно». Выходила какая-то карикатура на эволюцию – с точки зрения ее «законов»^[3] произошел не прогресс, а откровенная деградация, ибо в результате этого «прогресса» у людей появился смертельно опасный признак, резко уменьшающий выживаемость вида. А естественный отбор в этой ситуации вообще оказался столь тупым и «неразборчивым», что пропустил его – в течение еще нескольких миллионов лет до того, как начать этим мозгом «думать», большеголовые *Ното* рождались через неприспособленный для этого таз, видимо, как некая дань неведомым эстетическим вкусам естественного отбора...

5.

Но «всему хорошему приходит конец». После более чем десятилетнего триумфа идея очередного человеческого предка начала стремительно разваливаться. Дальнейшие исследования скелета Люси выявили ее сугубо обезьянью анатомию. По морфологии черепа, объему и строению мозга Люси, как уже было сказано, никаких прогрессивных

признаков не демонстрировала. Анатомы Окснард, Штерн, Сасмен, Шмидт, Филдсмен, Макгенри и другие (все эволюционисты) с учетом новых находок детализировали множество физических признаков Люси, идентичных таковым у современных древесных обезьян. Лопатка, плечевая и локтевая кости, позвоночник и грудная клетка *Australopithecus afarensis* были описаны как специализированные к древесному образу жизни и умению афаренсиса быстро карабкаться по стволу дерева, висеть на руках и совершать акробатические движения^[4].

Таким образом, свидетельство «верхней половины» Люси не совпадало со свидетельством нижней половины, куда были приписаны сочиненный Лавджоем «почти человеческий таз», рассмотренная на стороне (в отпечатках Лаэтоли) «почти человеческая» стопа и сустав неизвестного гоминида, найденный в 2,5 км от Люси и интерпретированный так, чтобы подходить под ее «прямохождение».

Это было первым серьезным ударом по «предковой» репутации Люси. Получалась гротескная картинка, как в стихотворении Маяковского «Прозаседавшиеся» – от самых вершков и до пояса Люси была живущей в ветвях обезьяной, а от пояса и ниже демонстрировала практически человеческое существо, твердой поступью идущее или бегущее по африканской саванне. Могла ли существовать такая химера в реальности? Эволюционизм, по обыкновению скользкий и ловкий на «объяснения», казалось, поначалу смог изобрести очередное «объяснение» именно «для этого случая». Большинство эволюционистов как бы не увидели в этой эклектике

никакой проблемы, заявив, что именно такой и должна быть переходная форма. Решено было считать, что австралопитеки, жившие в открытых саваннах ландшафтах и подвергавшиеся давлению отбора, адаптировались к новому способу передвижения, сохраняя при этом анатомию существа, жившего когда-то на деревьях. Сасмен и Штерн, например, отмечали сугубо обезьяньи черты Люси, но при этом, беря в расчет «творчески осмысленные» Лавджоем тазовые кости, вынуждены были делать нерешительные выводы о некоей «комбинации черт», заявляя, что «...по нашему мнению, *A. afarensis* очень близок к тому, что называется «отсутствующим звеном». Антрополог Ричмонд, удивляясь тому, что Люси имеет явно выраженные признаки четырехногого существа, называл их **эволюционными остатками четвероногих предков** Люси и т.д.

Но Оуэн Лавджой настаивал на сугубом прямохождении Люси еще и потому, что как анатом, понимал, что **совмещение древесного образа жизни и полноценного прямохождения просто физически невозможно**^[5]. В истории «прямоходящего» предка впервые наступил некий момент истины. Пути назад ни у Лавджоя, ни у эволюционизма не было. Оставалось либо признать Люси древесной обезьяной с возможностью фрагментарного прямохождения (как у шимпанзе), либо существом абсолютно прямоходящим. Без «полного» прямохождения, с «походкой», мало отличной от походки шимпанзе, Люси, разумеется, абсолютно не устраивала эволюционистов.

В 1983 году анатом Шмидт с учетом новых данных вторично восстановил грудную клетку Люси. Она оказалась воронкообразной (конической) формы, в отличие от цилиндрической человеческой – то есть не только обезьяньего типа, но и **несовместимой с «настоящим» прямохождением**, признания которого требовал Лавджой. С учетом формы лопатки новая реконструкция свидетельствовала о том, что передвижение с поднятыми руками было для Люси наиболее естественным, при том, что сами руки были столь же мощными, как у современных древесных обезьян, приспособленных к лазанью по деревьям и движению с помощью брахиации (перехватывания веток руками). Впервые «в массовом порядке» в глазах научного сообщества эти факты переместили *Australopithecus afarensis* в разряд шимпанзеподобных, полудревесных, «фрагментарно прямоходящих» обезьян.

Недостающие части скелета Люси – стопа и запястье также были восстановлены и описаны на основании других находок этого же вида. В связи с их явным обезьяноподобием «отпали» многочисленные скульптурные подделки в музеях мира и иллюстрации в научно-популярных журналах, изображавшие Люси как существо с человеческими ступнями и кистями рук. Пальцы стопы афаренсиса в реальности оказались длинными и изогнутыми, с отведенным большим пальцем, приспособленным к точечному захвату – то есть понгидного типа, что также было несовместимо с «полноценным» прямохождением^[6].

В скором времени по концепции двуногого предка был нанесен еще один удар – вестибулярный аппарат

австралопитеков оказался также обезьяньего, а не человеческого типа. В 1994 году Фред Спур с командой провел сканирование отпечатков полукружных каналов целого ряда ископаемых черепов и сделал внешне осторожный, но внятный вывод о прямохождении австралопитеков – «если наличие ушных каналов функционально связано с современным человекоподобным обязательным бипедализмом, то по крайней мере в этом отношении **вестибулярный аппарат австралопитеков не был приспособлен к данному типу локомоторного поведения**».



Дональд Джохансон на раскопках в 70-е годы (вверху) и в наши дни (внизу). Нижний снимок, на котором мэтр раскладывает позвонки Люси на стеклянном столе, напоминает фокус с предметами, повисшими в воздухе. По сути так оно и есть – ведь в истории с Люси Джохансон и К^о показали всем изумленным зрителям большой фокус...

Оставалась еще надежда эволюционистов на другие якобы более человекоподобные, чем у современных обезьян, анатомические признаки Люси; вроде

строения тазобедренного и коленного суставов, вальгусового угла бедра и т.д. Однако эти последние козыри, будучи рассмотрены на примере сегодняшних «живых» человекообразных обезьян, как раз и свидетельствовали против эволюционного сценария. Например, среди нынешних понгид по своей анатомии ближе других к человеку находится вовсе не шимпанзе, которого эвогенез называет нашим ближайшим родственником из живых приматов, а орангутан. У этого экстремала верхнего яруса, самого «вертялого» из понгид, голенобедренный вальгусный угол идентичен таковому у человека. Не зная, скажем, как выглядит живой орангутан, мы могли бы взять фрагменты его скелета, аналогичные найденным фрагментам Люси и увидеть, что некоторые параметры его опорного аппарата совпадают с человеческими. Если таковые параметры является ключевыми факторами в определении человекообразия, то нам немедленно следовало бы признать орангутана не только полностью вертикально ходящим, но и принадлежащим к прямым предкам человека! Но живой орангутан в качестве доказательства эволюционного антропогенеза нас отчего-то совсем не впечатляет. Чем же тогда вариант Люси лучше? Если мы в орангутане не хотим видеть «эволюцию» и антропогенез, то почему мы с пеной у рта отстаиваем его для Люси?

А если чуть серьезней, то все эти параметры, конечно, **не имеют никакого «эволюционного» значения, а связаны лишь со специфическим образом жизни человекообразных обезьян.**

Посмотрите, как они ведут себя в живой природе, поминутно используя самые разнообразные способы передвижения и их комбинации. Они берут плоды и перебегают с ними в укрытие в вертикальном положении, переваливаясь на задних конечностях. Через мгновение, оставив плоды и буквально «упав» на передние конечности, они переходят на бег рысцей или галопом, затем кувыркаются по земле, подпрыгивают на месте и тут же молнией взлетают по стволу дерева на самую его вершину... У них без всякого плавного перехода сочетаются и энергичные прыжки, и мгновенное затишье, ленивая оглядка – и вновь кувырки, «ходьба на голове», обезьяний драйв... Надо просто понаблюдать за этими существами, чтобы понять очевидную вещь – ничего хуже движения, близкого к человеческой походке, для их образа жизни придумать невозможно. Человекообразные обезьяны таковы, каковы они есть – именно в неограниченности форм движения заключена их некая **целостность**, единство их физического устройства и образа жизни.

6.

Последние годы XX века оказались действительно последними для человеческого предка, который был предположительно адекватен лишь по третьему пункту философии эволюционизма, пресловутой «гоминидной триады» – прямохождению. Все громче становились тревожные голоса объективных ученых. Под давлением многочисленных фактов даже в официальных научных кругах начались брожения по вопросу прямохождения гоминид, генезис которого и эволюционный смысл сами по себе становились всё более туманными.

Почему изначально в австралопитековой парадигме акцент был сделан на прямохождении, понять можно. Логика эволюционизма тут проста – ищи в «перспективной» для дела эволюционизма обезьяне **зачатки того, что в полной мере свойственно человеку**. Но прямохождение обезьян – не только искусственно выдуманный «прогрессивный» признак. Чисто гипотетически, с точки зрения концепции творения, обезьяна могла быть сотворена уже прямоходящей (об этом скажем чуть позже). Но именно в эволюционном сценарии прямохождение со временем стало казаться все более запутанным, нелогичным и даже откровенно опасным «приобретением» эволюционирующей обезьяны. Однако, «сбагрить» это прямохождение куда-нибудь, уйти от его обсуждения просто так невозможно – эту стадию, как я уже упоминал, по эволюционному сценарию обезьяны **должны были обязательно пройти**.

Как быстро время меняет «научные» взгляды! Казалось, еще совсем недавно Джохансон мог победно констатировать в своих мемуарах, что в полноценном прямохождении австралопитеков больше не может быть сомнений. Казалось, еще вчера эволюционисты стояли насмерть, защищая «полноценно» прямоходящих австралопитеков, хотя тревожные нотки и звучали с каждым днем все громче. Незадолго до серии новых находок, свергнувших с пьедестала Люси и окончательно разрушивших стройное генеалогическое древо, историк науки эволюционист Л. Вишняцкий писал о проблеме бипедализма гоминид:

«Еще в середине шестидесятых годов, проанализировав имевшиеся в то время остеологические данные, Дж. Нэйпир пришел к выводу, что, по сравнению с человеческой, походка первых гоминид – австралопитеков – **была физиологически и энергетически неэффективной**, шаги короткими, «подпрыгивающими», с согнутой в колене и тазобедренном суставе ногой (Napier 1967:63). **Ходьба на большие расстояния при таком строении таза и нижних конечностей могла оказаться невозможной.** О несовершенстве локомоторного аппарата австралопитецин писал в те годы и В.П.Якимов (Якимов 1966:69–70). Впоследствии близкую позицию заняли многие другие антропологи (Ashton 1981:85; Tardieu 1981, 1990:494; Jungers 1982; Jungers & Stern 1983; Susman, Stern, Jungers 1984; Юровская 1989:172–173; Stanley 1992: 245–246; Spoor et al. 1994; Clarke & Tobias 1995; Macchiarelli et al., 1996), причем изучение новых материалов, полученных в последние десятилетия в Восточной Африке, привело ряд специалистов к убеждению, что, наряду с несовершенной еще двуногостью, ранние гоминиды сохраняли некоторые особенности скелета, связанные с древесным образом жизни, и, видимо, действительно, **немалую часть времени проводили на деревьях** (Prost 1980; Senut 1980, 1989; Tardieu 1981; Susman, Stern, Jungers 1984; Aiello 1994:399; Boaz 1997:133). Все это дает основания полагать, что первоначально прямохождение отрицательно сказывалось на приспособленности гоминид и ставило их, при жизни в открытой местности, в невыгодные условия по сравнению с близкими конкурентными видами, представители которых

передвигались по земле – как, например, современные павианы, также населяющие преимущественно безлесные ландшафты – на четырех конечностях» (Вишняцкий, 1999).

В этом смысле приговор ведущих антропологов лично для Люси (правда, вынесенный уже в наши дни) был, по моему мнению, убийственным – при том «прогрессивном» строении опорного аппарата, который «предложил» Лавджой, она при вертикальной походке должна была тратить мышечной энергии в количественном выражении не меньше, чем современный взрослый человек (Wang и др., 2004). Но, учитывая ее физические параметры (рост 1 м, масса 30 кг), отношение затрат энергии к массе составляло бы для Люси величину практически невозможную.

Разумеется, что эволюционные антропологи из последних сил старались придумать причины, которые могли бы заставить обезьян подняться с четверенек, но даже самые смелые фантазии неизменно обходили молчанием главный вопрос – по какой бы причине ни пыталась обезьяна встать на задние конечности, она в самые сжатые сроки оказалась бы выметенной с лица земли железной метлой естественного отбора, так как, «не имея мозгов», теряла бы и в скорости движения, и в ловкости, и в расходовании энергии. В данном случае не спасали ни фантазии о внезапных мутациях (обезьяну каким-то образом «заклинило» и она пошла вертикально), ни варианты с постепенными превращениями. Даже интуитивно более правдоподобным представляется другой сценарий – не австралопитеки должны были встать на ноги (чтобы

только через несколько миллионов лет «задуматься» об изготовлении первых орудий из гальки), но именно первые гипотетические обезьянолюди должны были опуститься на четвереньки, чтобы «решить» все свои анатомические, физиологические и энергетические проблемы – хотя бы ту же проблему мучительных родов «большеголового» потомства. (Напоминаю – «большеголовость» которых несколько миллионов лет не имела по эво-сценарию никакой практической ценности). Именно то, что люди этого не сделали, как раз с большей вероятностью говорит о том, что они **изначально были уже прямоходящими**, а не произошли от прямоходящего «предка».

Но эволюционному антропогенезу со временем стала окончательно непонятна причина возникновения бипедализма у обезьян.

* * *

Новые технологии археологических поисков на рубеже наших веков привели к открытию предшественников самой Люси. Соревнование между антропологами разных школ, начавшееся в последнее десятилетие, привело к тому, что бипедия стала обнаруживаться у каждого нового «предка». Но в очередной раз эволюционные фантазеры попали в свои собственные ловушки, расставленные прежде для каких-то очередных «объяснений по случаю». Были или не были новые представители найденных древних «гоминид» прямоходящими, опять же, обсудим чуть позже. Но по тем признакам, которые эволюционисты придумали для подтверждения этой двуногости как сугубо «человеческой» черты, прямоходящим

гоминидом из новонайденных не стал только ленивый, что было довольно абсурдным – непонятно, зачем эта двуногость гоминидам оказалась нужной вообще.

Если в свое время пилтдаунский череп жестко «указывал» на то, что обезьян к очеловечиванию привело резкое увеличение мозга, то в дальнейшем сценарий изменился прямо на противоположный. Будучи вынужденным использовать в своих фантазиях «мелкоголовых» австралопитеков, эволюционизм предложил считать, что обезьяна была изначально четырехногой и «безмозглой», пока ряд радикальных структурных перестроек не подтолкнул ее стать настоящим человеком. Оказавшись по какой-то причине в открытой безлесой саванне, австралопитеки якобы обрели прямохождение, которое очень кстати освободило им руки. Освободившимися руками австралопитеки якобы стали отмахиваться кольями и ветками от хищников, а затем и изготавливать орудия труда, что в комплексе с необходимостью «думать» (планировать действия, искать средства коммуникации с соплеменниками и пр.) привело к развитию их мозга и появлению первой примитивной культуры.

Но вот теперь вся эта схема (и без того логически порочная по причине «доказательства по кругу») летела в тартарары, рушилась. Мало того, что новонайденные предки Люси жили не в саванне, а в лесу (где у них, древесных обитателей, не было причин вставать на задние конечности), так еще вследствие проживания «в разных временах и пространствах» они подталкивали к выводу о

независимом происхождении вертикальной походки на разных филогенетических линиях.

...*Australopithecus anamensis*, найденный в Кении в 1995 году, имел признаки двуногого передвижения 4 млн. лет назад. Существо по имени *Orrorin tugenensis*, найденный там же в 2000 году, якобы было прямоходящим 6 млн. лет назад. Признаки прямохождения демонстрировали и останки *Ardipithecus ramidus* (5,8 млн. лет, найден в 2001), и, вероятно, *Sahelanthropus tchadensis* (7 млн. лет, найден в 2002). С точки зрения эволюции получалось, что множество **различных линий обезьян** задолго до афарского австралопитека обладали этим «гоминидным» признаком независимо друг от друга, при этом их морфологические черты разной степени «прогрессивности» не находятся в какой-либо зависимости от их «прогрессивной» вертикальной походки. Но Люси (то есть, якобы наш прямой предок, *Australopithecus afarensis*), в этой компании выглядит совсем нелепо, поскольку, якобы обладая унаследованным от этих предков еще миллионы лет назад прямохождением, никак не использует этот бонус для какого-либо дальнейшего эволюционного развития. Имея такой системный «человекообразующий» фактор – по сути, пусковой механизм антропогенеза – *Australopithecus afarensis* на протяжении 2 миллионов лет существования не демонстрирует ни малейшего «приближения к человеку» – никаких увеличений мозга, никаких попыток инструментальной деятельности, никаких принципиальных морфологических изменений. Спрос с афаренсиса был невелик, покуда во дни его

триумфа считалось, что он первым из гоминидов «пошел». Но теперь, когда «пошли» за него – и при этом задолго до него, – его прямохождение (как и прямохождение вообще) могло считаться таким же **случайным, ни к чему его не обязывающим признаком**, как у всех остальных свеженайденных гоминид-ходоков. Признаком, из которого «ничего не следует». Признаком, связанным лишь с определенным образом жизни, но отнюдь не с победным эволюционным движением в сторону человека.

...Напомню читателю еще раз – мои выводы относятся к гипотетической ситуации, допускающей, что Люси обладала полноценной вертикальной походкой, под которой я подразумеваю походку, близкую к человеческой. В реальности Люси была, что наиболее вероятно, обезьяной шимпанзоидного типа, могла передвигаться вертикально лишь на небольшие расстояния; может быть, чуть более устойчиво, чем шимпанзе – но уж ни о какой ее сугубо человеческой манере ходьбы говорить не приходится. Прямохождение прочих ископаемых обезьян является сегодня предметом жарких дискуссий разных антропологических школ, каждая из которых лоббирует исключительно собственного «первого гоминида».

* * *

На заключительном отрезке австралопитековой эпопеи эволюционизм в очередной раз был больно ушиблен рухнувшей на него его же собственной декорацией, сооруженной ранее специально для

еще одного героя, о котором мы уже говорили – австралопитека африкануса.

Долгое время считалось, что *Australopithecus afarensis* является эволюционным предком *A. africanus*. Сам африканус, как мы помним, до поры до времени был известен лишь по отдельным черепам, обломкам челюстей и разрозненным костным фрагментам. При этом известные черты африкануса, казалось, совершенно законным эволюционным образом были более «человекообразны», чем черепá исторически более раннего афаренсиса.

Но последовавшие новые находки более полных скелетных останков *A. africanus* позволили сравнить эти два подвида австралопитеков более тщательно, а результаты проверки вызвали смятение в эволюционном лагере. *A. africanus*, живший миллион лет спустя после *A. afarensis*, оказался по некоторым «гоминидным» параметрам **гораздо примитивнее своего предка** и находился **гораздо ближе к человекообразным обезьянам, нежели к Номо** (McHenry, Berger, 1998).

В сравнении с Люси, жившей гораздо раньше, африканус оказался еще в меньшей степени прямоходящим, руки его были еще длиннее, чем у Люси, а множество признаков свидетельствовало о преимущественно древесном образе жизни. Его череп, будучи поставленным в «сравнительный ряд», как это любят делать эво-антропологи, долгое время вызывал у них чувство глубокого удовлетворения и якобы безусловно свидетельствовал о промежуточном положении меж более «примитивной» Люси и *Номо*.

По сравнению с маленьким мозгом Люси и обезьяней внешностью африканус уже мог похвастаться крупным и высоким, по-человечески округлым куполом черепа. Но вот теперь, с находками прочих частей скелета африкануса выходило, что опора на морфологическое сходство в очередной раз подвела эволюционистов.

Некоторые эво-антропологи пытались не обострять эту проблему, определив исторически «позднего» африкануса в параллельную тупиковую линию, но проблемы человеческого предка это никоим образом не решало. Впервые так четко обозначилась неприятная для эвогенеза вещь – *Australopithecus afarensis*, на которого эволюционизм более двух десятилетий возлагал свои надежды, оказался бесплодным существом, не оставившим какого-либо явно просматриваемого эволюционного потомства.

Всё смешалось в доме Облонских. Куда же было девать некоторые более «человеческие» черты африкануса при его общей более обезьяней морфологии? Кто из двух австралопитеков стоял у истоков человеческой линии, если более примитивный африканус был моложе Люси? Эту раздвоенность эволюционного сознания, связанную с дутой псевдоантропологической дилеммой «афаренсис или африканус?», хорошо запечатлел в своей работе «История одной случайности» Л.Б. Вишняцкий:

«Остается предполагать, что либо *A. africanus* приобрел это сходство с поздними гоминидами параллельно, т.е. не будучи звеном филетической линии, ведущей к человеку (тогда на первый план в

качестве возможного предка выдвигается *A. afarensis*), либо, наоборот, раннее приобретение *A. afarensis* человеческих пропорций конечностей ^[7] **совершилось независимо и не является признаком, указывающим на филогенетическую связь этой формы с Ното»** (Вишняцкий, 1999).

Такие выводы были лишь первыми трещинами, пробежавшими по фундаменту эволюционного антропогенеза, но они уже являлись предвестниками обрушения всего здания. Тогда еще не было так очевидно, что эволюционный боливар больше чем на одного седока не рассчитан, и подобные умозаключения не только оставляют эволюцию без каких-либо прежних «доказательств», но и просто откровенно режут под корень всю эволюционную методологию. С одной стороны, двойные стандарты эволюционизма это, конечно, хороший спасательный круг – подходящие признаки считать эволюционными, а неудобные относить к случайным параллелизмам. С другой стороны, подобная «методология» есть кратчайшая дорожка к пропасти, ибо если какой-то гоминидный признак способен возникнуть на пустом месте и «независимо», то и разговаривать не о чем, цена этому признаку – ноль, причём на всех линиях. О каких тогда эволюционных отношениях вообще можно вести разговор?

В апреле 1996 на ежегодной встрече Американской Ассоциации антропологов (*American Association of Physical Anthropologists*), один из ведущих специалистов по австралопитекам доктор Ли Бергер объявил, подытоживая свое выступление: «Можно констатировать, что мы удаляем Люси из

генеалогического древа» (в оригинале: «kicking» – «пинаем», «даем пинка»).

Фактически, на этом историю Люси можно было бы считать законченной. Последняя надежда эволюционизма на восстановление эволюционной роли *Australopithecus afarensis* была еще связана с находкой 2000 года. Археолог И. Хайле-Селассие из Университета Беркли обнаружил в Эфиопии останки юной особи афарского австралопитека, казалось, снова воспламенившие в эволюционных сердцах забытые чувства. Экземпляр (**DIK-1-1**) возрастом 3,3 млн. лет по с.ш., представленный общественности в 2006 году (Alemseged et al., 2006), назвали «Селам» (на амхарском «мир»). Находка сразу получила и неофициальное имя – «Дочь Люси»^[8], что происходит обычно лишь с экземплярами, имеющими, так сказать, дружественный эволюционный интерфейс. Поскольку на этот раз нашлось много новых, недостающих прежде деталей скелета, стало возможным прояснить большинство прошлых недомолвок. Сюрприза, конечно, не случилось – прежние выводы исследователей, установивших обезьяноподобие афарского австралопитека, окончательно подтвердились. Если неожиданности и были, то исключительно такового свойства, что выражается словами: «еще хуже, чем мы думали». Полностью сохранившаяся лопатка афаренсиса оказалась анатомически близкой к лопатке гориллы, с суставной впадиной, обращенной вверх, а не в сторону, как у человека. Сохранившийся фрагмент ступни с характерной обезьяньей анатомией окончательно закрыл вопрос о полноценном

человеческом прямохождении. Руки с длинными изогнутыми пальцами подтвердили, что «древесные свидетельства верхней части» *Australopithecus afarensis* являются не остаточными признаками, унаследованными от бывшего образа жизни, а что именно древесный образ жизни для этой обезьяны был наиболее актуальным. Что касается наземного передвижения, то гориллоподобная лопатка неожиданно стала серьезным свидетельством ходьбы афаренсиса на четырех конечностях. Изучение костного лабиринта внутреннего уха «Селам» в 2006 году показало, что вестибулярный аппарат *A. afarensis* был абсолютно обезьяньим, близким к таковому шимпанзе, не содержал ничего, что могло указывать хотя бы на подобие человеческого прямохождения, и не позволял афаренсисам передвигаться как-то принципиально иначе, чем обычные обезьяны. В целом, найденный скелет закрыл вопрос об эволюционных бонусах афарских австралопитеков и со всей определенностью подтвердил прежние предположения противников обезьяногенеза, а именно – в *Australopithecus afarensis* **не оказалось ничего более того, что есть в обычных обезьянах**. Ни одного признака, позволяющего говорить о нем как о таксоне – человеческом предке.



DIK-1-1, «Селам», 2007 г.

В довершение ко всему, исследования израильской группы профессора Иулиа Река в 2007 году привели к довольно неожиданному результату – нижняя челюсть афаренсиса по своим особенностям оказалась близка к массивному австралопитеку (парантропу), и в то же время продемонстрировала ряд признаков, как и в случае с лопаткой, свойственных горилле – двум существам, официально не имеющим отношения к происхождению человека (Rak et al., 2007). Поскольку, согласно Реку, соответствующая челюстная морфология гориллы уникальна и отделена от так называемых гоминидных форм (человека, шимпанзе, а также других австралопитеков и современных человекообразных обезьян), то австралопитеки *afarensis* и *robustus*, разделяющие эти признаки с гориллой, по заключению исследователей **находятся в стороне от человеческой линии**. Таким образом, окончательно подтвердились и

предположения тех ученых, которые считали, что *Australopithecus afarensis* **представляет собой отдельную от всех, уникальную ветвь**, чья история закончилась «эволюционным» тупиком.

Отношение к новой находке и необходимость хоть как-то комментировать «пустое множество» стали классическим примером публичных попыток эволюционизма сохранить хорошую мину при плохой игре – судя по общему тону высказываний ведущих антропологов, слишком очевидно, что эта история вызвала в эволюционной среде глубокое разочарование^[9]. Новость о «дочке Люси» не была подхвачена и раздута даже прессой, обычно готовой высасывать любые сенсации из пальца. Любопытно, что новую находку, действительно, столь очевидно закрывшую напоследок дверь за австралопитековым «антропогенезом», журналисты на этот раз – впервые! – не снабдили своими обычными бессвязными возгласами о сенсации. Не прошло и двух лет, как о находке фактически забыли. Психоделическая эпоха Люси, названной в честь психоделической песни «Битлз», завершилась окончательно.

...Так лопнул еще один мыльный пузырь. Сегодня весь многолетний проект «Австралопитек – предок человека» представляется лично мне не просто нелепым. Он безусловно заслуживает соединения своего имени с фирменным товарным знаком производителя фальшивых доказательств эволюции как **«южнообезьяний Пилтдаун № 7»**. Именно потому, что раздувание этого мыльного пузыря было не ошибкой, а искусственной многолетней целенаправленной акцией.

Примечания

¹ «...находками из Бодо, Ндуту, Сале, Салданы и другими». – Сегодня череп Родезийского человека, как и перечисленные находки, отнесен к *Homo heidelbergensis* – искусственному полиморфному таксону, «автоматически» включающему в себя все человеческие останки из различных регионов мира примерно от 500 до 200 тысяч лет предполагаемого возраста, имеющие смешанные или мозаичные признаки разных подвидов *Homo*. [\[Вернуться к тексту\]](#)

² «...в качестве «параллельной» реконструкции части ее скелета». – Коленный сустав неизвестного вида австралопитеков, индексируемый как AL 129a и b, всегда вызывал горячие споры между эволюционными антропологами и их противниками, которые считали некорректным реконструировать бипедализм *Australopithecus afarensis* на толковании столь фрагментарной находки. Сам по себе сустав AL 129 имеет ряд «странностей». Например, неясно, почему часть, относящаяся к бедренной кости, значительно массивнее части, относящейся к берцовой. Сомнительно и происхождение человеческого сустава от сустава австралопитека – коленный мениск существа, обладавшего «полноценным» прямохождением, крепился к берцовой кости только в одном месте, в то время как у современного человека он крепится в двух местах. Угол между продольными осями диафизов двух костей не соответствует реконструкции таза *Australopithecus afarensis*, сделанной О. Лавджоем – у AL 129 угол меньше, чем у современного человека

(Дробышевский, 2002), хотя согласно Лавджою, должен составлять почти вдвое больше, т.е. 15%.
[\[Вернуться к тексту\]](#)

³ «...Выходила какая-то карикатура на эволюцию – с точки зрения ее "законов"...». – Так называемый Закон Долло постулирует необратимость эволюционных процессов и в эволюционизме принят в качестве аксиомы. В широком смысле этот закон имеет сугубо идеологические, философские основания, так как без соответствующих умозрительных «запретительских» построений все утверждения о прогрессивном (усложняющемся, восходящем) характере эволюции просто не имеют смысла.
[\[Вернуться к тексту\]](#)

⁴ «...висеть на руках и совершать акробатические движения». – Современное описание упомянутых анатомических особенностей Люси (AL 288–1) и в целом афарских австралопитеков мы находим у палеоантрополога С. Дробышевского, убежденного эволюциониста:

«Грудные позвонки (австралопитеков Хадара. – А.М.) отличаются крайне вытянутыми в дорзовентральном направлении телами, что в большей степени похоже на **понгидный вариант** и совершенно нехарактерно для современного человека. В отличие от южноафриканских австралопитеков, кранио-каудальная удлиненность грудных позвонков у AL 288–1 была намного слабее, примерно как у обыкновенного шимпанзе. Остистые отростки грудных позвонков короткие, в отличие от понгид, однако их наклон слабый, практически идентичный

таковому человекообразных обезьян и заметно меньше, чем у современного человека. <...>

Строение **лопатки** AL 288–1 по соотношению измерительных признаков **больше соответствует такому понгиду**, чем современного человека; например, угол между основанием ости лопатки и аксиллярным краем у AL 288–1 практически **идентичен такому человекообразных обезьян** и намного меньше, чем у человека; угол между основанием ости лопатки и вентральным краем немного больше, чем у понгид, но при этом намного меньше, чем у современного человека (Larson, 1995). <...>

Плечевая кость AL 288–1 наименьшая среди известных *A. afarensis*; наибольшим размером (наряду с МАК-VP 1/3) выделяется AL 137–50. Морфология плечевой кости *A. afarensis*, также как и морфология лопатки, несколько **более понгидна**, нежели гоминидна (Larson, 1995), хотя разграничительная мощность морфологии плечевого сустава не очень велика. Величина торзиона плечевой кости *A. afarensis*, как и у *A. africanus*, **лучше вписывается в размах значений африканских антропоидов**, чем современного человека (Larson, 1996). На плечевой кости *A. afarensis* латеральный дистальный гребень для прикрепления т. *brachioradialis*, как и у шимпанзе и *O. tugenensis*, прямой, что, возможно, может быть признаком адаптации к **древесной локомоции**. <...>

Локтевая кость AL 288–1 длиннее плечевой. Возможно, локтевой сустав AL 288–1 **обладал**

специализацией, подобной той, что наблюдается у человекообразных обезьян для хождения на фалангах пальцев; однако, форма локтевого отростка больше похожа на человеческую, отросток высокий, вытянутый, не обнаруживает латеральной расширенности, характерной для понгид. **Лучевая кость AL 288–1** грацильная, обладающая множеством примитивных признаков: радиальная шероховатость направлена медиально, дистальный конец сильно изогнут медиально, а **дорзальный край дистального конца выступает дистально, как у человекообразных обезьян, передвигающихся с опорой на фаланги пальцев.** Также на лучевой кости можно отметить большой размер фасетки для ладьевидной кости и значительный угол ладьевидной фасетки к полулунной, значения которых промежуточны между значениями, характерными для четвероногих узконосых и африканских человекообразных обезьян. Комплекс строения дистальной части лучевой кости **свидетельствует о хождении на фалангах пальцев рук AL 288–1** или ее непосредственных эволюционных предков (Corruccini et McHenry, 2001)» (Дробышевский, 2002) [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁵ «...совмещение древесного образа жизни и полноценного прямохождения просто физически невозможно». – При имеющихся признаках древесного образа жизни строение бедренного сустава Люси (ключевое «доказательство» ее бипедии) оборачивается убийственным доводом против ее «совершенного» прямохождения. Дело в том, что сама по себе хрупкая и длинная шейка

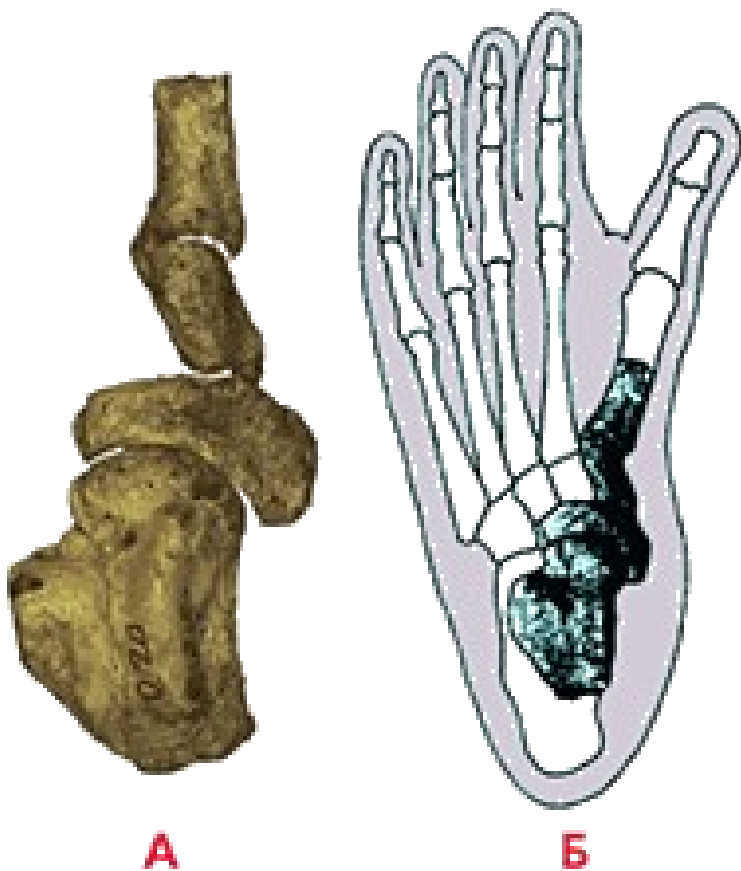
бедро (как конструкция), обеспечивающая угол наклона кости бедра к осевой линии тела, выдерживает большие нагрузки главным образом за счет синхронного действия всех мышц. Весьма частые переломы этой кости в старческом возрасте являются не только следствием уменьшения плотности кости у пожилых людей, но также из-за ухудшения координации мускулатуры. Длинная же шейка бедра австралопитеков испытывала гораздо более сильные напряжения на изгиб, чем наша. Если бы Люси была «более совершенно, чем человек» прямоходящей и одновременно с этим лазала по деревьям, ее бедренная кость должна была оказаться пропорционально еще более массивной, чем у человекообразных обезьян и человека. Но при той анатомии, которая имеется у Люси, комбинация типа «древесная жизнь плюс совершенное прямохождение» являлась бы для нее фатальной – ни один из афарских австралопитеков не обходился бы в своей практике без перелома шейки бедра.

[\[Вернуться к тексту\]](#)

⁶ «...что также было несовместимо с «полноценным» прямохождением». –

«Изогнутость фаланг пальцев кисти AL 288–1 и AL 333 находится на границе вариаций гориллы, шимпанзе, бонобо и современного человека» (Stern et al., 1995, цит. по Дробышевский, 2002). **«Степень изгиба фаланг стопы AL 288–1 и AL 333 находилась на границе вариаций гориллы, шимпанзе и бонобо** (Stern et al., 1995). Большой палец стопы отведен довольно слабо (клиновидно-плющевый сустав расположен во фронтальной плоскости, у *Gorilla* и *Pan* – косо), но все

же сильнее, чем у Homo (Berillon, 2001). **Медиальный продольный свод стопы** хадарских австралопитеков, согласно различным реконструкциям, **мог быть выражен, либо был плоский**. Морфология стопы *A. afarensis*, как и других посткраниальных элементов, свидетельствует о **разнообразии видов локомоции**, использовавшихся этим видом; в этом отношении грацильные австралопитеки весьма своеобразны и **отличаются как от понгид, так и от более поздних гоминид**» (Дробышевский, 2004).



Стопа австралопитеков известна также по более поздней, чем Люси, находке скелета **Stw 573** из

пещеры Стеркфонтейн в Южной Африке. С Дробышевский пишет:

«Здесь в 1978 г. был обнаружен наиболее древний австралопитек Южной Африки Stw 573, получивший также имя **«Маленькая Нога» («Little Foot»)**. Находка представляет собой четыре сочлененных кости левой стопы от лодыжки до второго сустава большого пальца. Изначально останки были определены как принадлежащие мартышке, но в 1994 г., при пересмотре коллекций идентифицированы как кости австралопитека. Намного позже, в 1998 г. на месте первой находки были обнаружены остатки значительной части скелета: череп с нижней челюстью и зубами, позвонки, лучевая, обе берцовые кости. Находка была определена как *A. africanus* или, возможно, *A. afarensis* (Clarke et Tobias, 1995). Строение черепа типично для грацильных австралопитеков. Из особенностей посткраниального скелета характерно сочетание обезьяньих и гоминидных признаков в строении I метатарзалии. **Большой палец стопы сильно отстоял от остальных, обладал значительной подвижностью и, возможно, был хватательный; стопа Stw 573, таким образом, была одинаково приспособлена и для бипедии и для лазания по деревьям**» (Дробышевский, 2002).

На фото справа – стопа Stw 573 (а) и ее реконструкция (б) (по: Clarke and Tobias, Science 269: 521–524, 1995). Учитывая эволюционную веру, то бишь, уверенность в том, что стопа австралопитека имеет связь с человеческой, можно предположить, что в этой реконструкции обезьянья стопа по максимуму приближена к нашей. Тем не менее, существо с

подобной специализацией к захвату предмета пальцем стопы вряд ли может обладать бипедией человеческого типа. Также невероятно, что следы в Лаэтоли оставили существа с подобной анатомией стопы. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁷«...приобретение *A. afarensis* человеческих пропорций конечностей...». – Разумеется, «человеческие пропорции конечностей» в данном случае есть лишь образное выражение человека, верящего в истинность эволюции. В реальности руки афарских австралопитеков короче, чем у шимпанзе, но длиннее, чем у человека. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁸«Находка получила и неофициальное имя – «Дочь Люси...». – Любопытно, что «Ребенком Люси» в 1986 году назвали поначалу и свеженайденный скелет хабилиса ОН 62. Ничем хорошим эти ностальгические самоцитирования, как мы видим, не заканчиваются. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁹«...эта история вызвала в эволюционной среде глубокое разочарование». – В качестве примера достаточно обратиться к дайджесту 2006 г. отечественного научно-популярного журнала «Вокруг Света». В комментариях исследователей находки и ведущих антропологов мира, собранных на страницах журнала, между строк легко читается настроение в духе «нужно сказать хоть что-нибудь хорошее об этой находке».

«Раскопками руководит эфиопский исследователь Зересенай Алемсегед. <...> В интервью немецкому телеканалу Sat.3 он назвал эту находку

беспрецедентной в истории палеонтологии, а саму девочку – **«древнейшими детскими останками»**. <...>

«В комментарии к сообщению о находке, опубликованном в том же номере Nature, не участвовавший в раскопках палеоантрополог Бернард Вуд (Bernard Wood) из Университета Джорджа Вашингтона отметил, что этот вид – **«настоящий кладезь информации** о ключевой стадии в человеческой эволюционной истории». Сотрудникам Зересеная Алемсегеда особенно повезло: они нашли останки ребенка. «А значит, у нас есть данные о характерных размерах и развитии каждого представителя вида», — поясняет он». <...>

«Несмотря на то, что останки еще изучаются, — пересказывает презентационную статью в «Nature» журналист, — доктор Алемсегед и его коллеги уже говорят о нескольких **важных открытиях** и новых археологических районах. Например, размер мозга найденной девочки был примерно таким же, как и у шимпанзе такого возраста — 330 кубических сантиметра. Но по сравнению с черепами взрослых видов *Australopithecus afarensis* относительно медленный рост мозга **незначительно схож с человеческим**».

В переложении на нормальный язык это послание ученого общественности звучит так – учитесь делать открытия на ровном месте и видеть эволюцию даже там, где ее нет. Поскольку мозг юной особи австралопитека оказался меньше ожидаемого, из этого был сделан совершенно спекулятивный вывод, что сей факт, возможно, говорит о более медленном

росте мозга австралопитека по сравнению с человекообразными обезьянами, что отчасти близко к физиологии человека. Понятно, что мозг объемом больше ожидаемого тоже стал бы свидетельством эволюции. И в какой из наук возможно еще такое – незначительность сходства явлений является не опровержением, а едва ли не предметом гордости?

«В пресс-релизе Австралийского научного пресс-центра содержится высказывание профессора Питера Брауна (Peter Brown), специалиста по эволюции человека из австралийского университета Новой Англии. Он отметил, что это **«замечательное открытие, сделанное блестящими учеными. После пяти лет упорного, тяжелого труда»** Алемсегед и его коллеги **смогли** сделать сообщение об **интереснейшем открытии** в эфиопской пустыне. Найденный ими скелет, сохранявшийся в песчанике на протяжении трех миллионов лет, предоставляет нам **уникальную возможность** пополнить свои знания о поведении, росте и первых прямоходящих предках человека».

Процитированный кусок, на мой взгляд, напоминает уже подзабытые отчеты советских руководителей на пленумах и съездах, когда говорить было не о чем, но что-нибудь говорить было нужно. Любопытно, что при отсутствии новых эволюционных данных и даже опровергающих фактах – тезис о предках человека сомнению не подлежит. (Напротив, у Брауна афарские австралопитеки отчего-то вдруг опять становятся «первыми прямоходящими предками»). Вот уж весьма информативное, замечательное, уникальное открытие.

«На месте оказалась и подъязычковая кость, отсутствующая у обезьян, – продолжает обзор статьи в «Nature» журналист «Вокруг Света». – У людей она играет важную роль в речевом аппарате, так что если «дочка Люси» и не умела еще говорить, она была уже в шаге от этого».

Несколькими строками ниже эта тема раскрывается:

«Такого же мнения (о важности находки. – А.М.) придерживается Колин Гровс (Colin Groves), профессор археологии и антропологии Национального австралийского университета: «Это **выдающееся открытие**. У нас теперь есть некоторые части, о которых мы раньше почти ничего не знали. Например, подъязычковая кость. До сих пор, ее находили только у одного ископаемого скелета. Но эта больше похожа на кость гориллы или шимпанзе, а значит и **голос был громким и открытым как у обезьяны**. Я бы **хотел предположить**, что его форма изменилась в человеческую, а затем и появился ранний язык».

Как говорится, и стоило ли копыя ломать? «Голос был громким и открытым как у обезьяны» – это, безусловно, выдающееся открытие. Все остальное – даже не предположения, а, как всегда, заветные эволюционные желания.

«Другой особенностью (продолжается цитата из Гроувса. – А.М.) является впервые найденная полная лопатка. Она больше похожа на лопатку гориллы, чем шимпанзе или человека. Это указывает на то, что австралопитеки передвигались преимущественно на

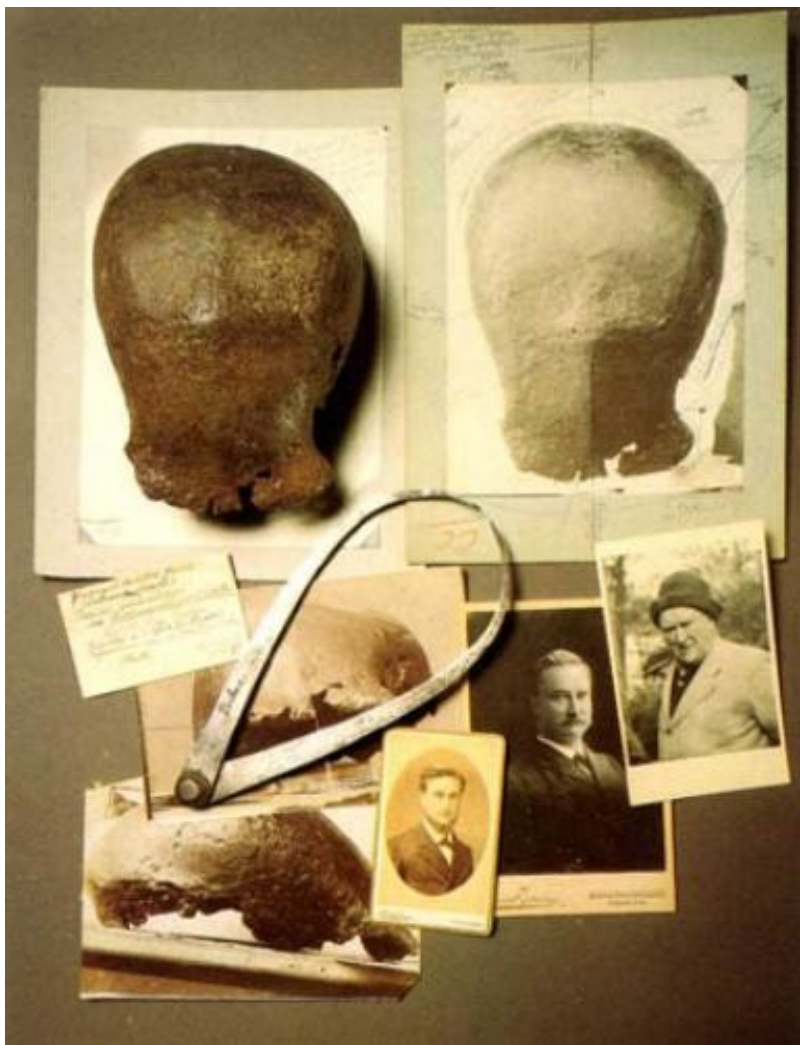
двух ногах, но при необходимости могли опираться на руки»).

Вот они, эволюционистские смысловые подмены. Гроувс, вероятно, хотел сказать прямо противоположное, что, мол, к нашей прежней уверенности в прямохождении австралопитеков добавилась такая неприятная деталь, как хождение с опорой на руки... Но «как-то само», видимо, выговорилось другое. Здесь мы в очередной раз убеждаемся, что у хорошего эволюциониста любые факты свидетельствуют в пользу эволюции, даже прямо ее опровергающие (опять же, речь не о двуногости австралопитеков, а о логике аргументации эволюционистов).

Обзор из «Вокруг света» завершается на ноте надежды:

«Наиболее сложный вопрос касается способности к познанию. <...> И хотя за прошедшие пятьдесят лет природа разума **стала намного понятнее** (? – А.М.), мы по-прежнему не можем сказать, кто из предполагаемых предков человека обладал способностью к рефлексии. Не дает возможности сказать об этом и новое открытие, несмотря на всю его **бесценную важность для познания**».

Таким образом, судя по ключевым высказываниям, общее впечатление научного мира от находки можно выразить не просто словосочетанием «ничего нового», но, скорее, – «полное разочарование» («Вокруг света», Люди с прошлым, или скелеты в песке, 25.09.2006, [сетевая версия](#)). [\[Вернуться к тексту\]](#)



Часть III. Homo habilis или «Ложки не существует» [10]

1.

Как уже упоминалось выше, главными конкурентами Дона Джохансона в битве за право считаться первооткрывателями «недостающего звена» была археологическая династия Лики. Семейство Лики

всегда держало «фигу в кармане» в отношении открытий Джохансона, не признавая его австралопитеков в качестве родоначальников человеческой линии и упорно пытаясь отыскать собственного «предка». Возможно, это непризнание диктовалось обычной логикой конкурентной борьбы. Однако глава династии, Луис Лики, прекрасно понимал главную проблему всей концепции эволюционного антропогенеза, а именно – **наличие зияющей пропасти** между откровенными обезьянами австралопитеками и уже настоящими людьми, *Homo*, которые безо всяких видимых предков, как бы внезапно, одним широким шагом выходили из темноты эпох на историческую арену.

Положение усугублялось еще тем, что во второй половине XX века среди ученых мужей изменились прежние взгляды и на самих *Homo*. Еще совсем недавно *Homo erectus* и *Homo neanderthalensis* изображались эволюционистами как неразумные животные, пока не выяснилось их неслыханное подобие современным людям. Это, разумеется, еще более раздвинуло пропасть между ними и австралопитеками.

Ситуация была, по здравому разумению, и впрямь неестественной. Согласно принятой схеме антропогенеза *Homo erectus* появлялся сразу вслед за *Australopithecus*. При этом австралопитек (даже официально не числясь человеком, а только «гоминидом»), имел скелетно-черепную морфологию, строение и объем мозга, поведение и образ жизни сугубо обезьяньего типа, а *Homo erectus* был уже полноценным человеком не только по

анатомическим, но и по интеллектуально-психическим параметрам. Таким образом, эволюционный прыжок от обезьяноподобного существа сразу к полноценному человеку даже у эволюционных фантазеров вызывал лишь неловкое почесывание в затылке. Именно поэтому «переходная форма» между австралопитеками и людьми на одном из отрезков эволюции стала **остро осознанной псевдонаучной необходимостью!**

2.

Поскольку история взлета и падения *Homo habilis* во многом параллельна истории *Australopithecus afarensis* (и со стороны Лики даже намеренно альтернативна), давайте еще раз ненадолго вернемся в середину XX века. Тогда, летом 1959 года жена Луиса Лики, Мэри, нашла в самом нижнем, I-м горизонте Олдувайского ущелья, датированном 1,8 млн. лет по с.ш., необычный череп, по поводу которого глава археологического семейства только проворчал недовольно: «Опять проклятый австралопитек!». Однако в скором времени на этом же участке были найдены примитивные каменные инструменты из обработанной гальки, и Луис Лики резко изменил свое мнение. Согласно его новой легенде найденное им существо по имени зиджантроп (**ОН 5**) первым стало изготавливать орудия труда, и поэтому должно было считаться первым настоящим человеком. В течение следующего года весь научный мир находился в состоянии эйфории от новой находки, ласково прозванной «Зинджи». В

качестве главного пиар-агента зинджантропа выступило Национальное географическое общество США, организовавшее новому предку неслыханную по размаху рекламу. Статьи о зинджатропе печатались во всех научных и научно-популярных журналах, Лики получил субсидии на продолжение раскопок, печатал свои статьи «где хотел» и ездил по всему миру с лекциями о победном шествии эволюции. Надо еще раз напомнить, что после дурной славы научного сообщества 1953 года Лики в глазах эволюционизма выглядел как его «избавитель» и реабилитатор.



Челюсть ОН 7, 1960 г.

Однако случилось неожиданное. Не прошло и года со времени находки ОН 5, как один из сыновей Лики, Джонатан, нашел на том же участке олдувайских раскопок обломок челюсти неизвестного австралопитека (ОН 7). Найденная челюсть хоть и принадлежала молодой особи, но, тем не менее, была довольно крупной, что с применением специальных формул (и еще нескольких найденных фрагментов черепной коробки) позволило рассчитать объем мозга этой особи как 363 см^3 . Между тем у авторов находки оставалась некая неудовлетворенность – как у рыбака, поймавшего не очень крупную рыбу, которая, подрасти она еще, могла бы порадовать гораздо больше. Испытывая творческий зуд, антрополог Филипп Тобайес пошел дальше в своих расчетах и вычислил, что во взрослом состоянии ОН 7 (получивший имя «Ребенок Джонни») мог бы иметь объем мозга 680 см^3 ! Вот это было уже кое-что! Это было уже на целых 80 кубиков больше, чем у самого крупного из австралопитеков. И это было так неожиданно и приятно, что цифра «680» в качестве реального объема обезьяньего мозга ОН 7 как-то сама собой закрепилась с тех пор в научной литературе.

Внезапно Луис Лики понял, что «продешевил»! Звание первого инструментальщика и статус первого настоящего предка человека он отдал – не тому!

Дело в том, что найденная его сыном Джонатаном челюсть ОН 7 хоть и принадлежала обезьяне, но при соответствующем волевом усилии могла бы вписаться во все параметры «гоминидной триады» –

прямохождение, инструментальная культура, развитый мозг! Прямохождение? Пожалуйста. Еще до находки Люси в эволюционных кругах уже было принято считать австралопитеков прямоходящими. Типа «мы же договорились». Инструментальная культура? Пожалуйста. Найденные годом ранее бесхозные каменные инструменты можно было отобрать у «Зинджи» и приписать «Ребенку Джонни» – как будто он ими и вправду владел. Развитый мозг? Пожалуйста. И «развитый мозг» новый индивид тоже демонстрировал – то есть, разумеется, не индивид, а огромная U-образная обезьянья челюсть с обезьяньими же зубами, но гипотетическими 680-ю кубиками, спроецированными на взрослое состояние не дожившей до него особи. Все признаки человека были налицо!

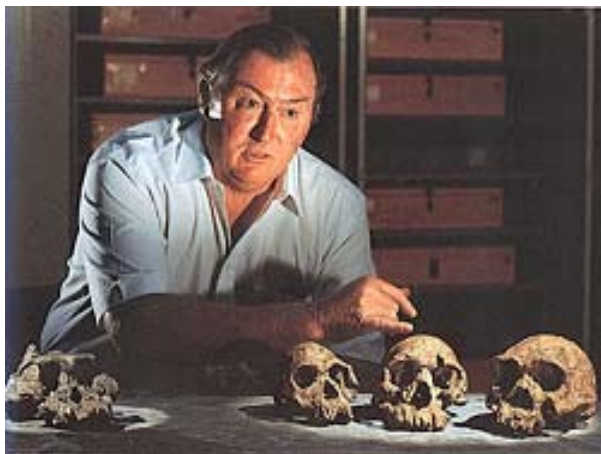
Кампания по раскрутке «Зинджи» была моментально свернута, а сам он низведен до статуса грубой формы массивного австралопитека (ныне *Paranthropus boisei*), считающейся тупиковой ветвью эволюции.

Четыре года Луис Лики потратил на обдумывание ситуации, но в 1964 году решительно объявил об открытии новой человеческой разновидности, бывшей первым и прямым предком современного человека – таксона по имени ***Homo habilis*** («человек умелый»). Основанием для изобретения нового таксона, как сказано, были гипотетическое прямохождение хабилиса, его более крупный по сравнению с австралопитеками мозг и гипотетическое умение изготавливать простейшие инструменты. При этом Лики постулировал идею так называемого «мозгового

рубикона», своеобразного фильтра для отделения «мух от котлет», точнее, обезьян от *Homo*, по которому человеком признавалось только то существо, у которого объем мозга составлял не менее 600 см³. Это была еще и своеобразная шпилька сторонникам австралопитекового сценария, по принципу «нас не догонят».

Любопытно, что при всей благосклонности эволюционизма к фантазиям изобретение нового таксона поначалу было одобрено не всеми. В частности, некоторое время сопротивлялись приверженцы «австралопитековой школы», для которых их предок-австралопитек был существом эволюционно самодостаточным. Ученым этого лагеря казалось, что концепция нового основателя человеческого рода в изложении Лики может поколебать предковый статус их австралопитека, так как *Australopithecus*, обитавшие на последнем отрезке своей истории одновременно с более развитым хабилисом и даже на одной территории с ним, с большой долей вероятности не могли считаться его предками. С другой стороны, сам хабилис по возрасту (1,9–1,8 млн. лет назад) приходился едва ли не современником людям *Homo erectus*, без очевидного временного запаса, необходимого для его превращения в эректуса (позже выяснилось, что хабилисы и люди были очевидными современниками^[11]). Впрочем, стоит заметить, что локальное сопротивление последнему изобретению Лики было вызвано исключительно противостоянием разных концепций антропогенеза и личными амбициями, но только не абсурдностью картины в

целом, когда по обломку челюсти крупного антропоидного примата, найденной в 200 метрах от человеческих каменных орудий, был сделан вывод о приобретении обезьяной неких сугубо человеческих качеств.



Ричард Лики в начале своей карьеры (слева) и сегодня (справа). На снимке 60-х годов прошлого века Р. Лики как бы пытается «вставить челюсть» ОН 7 между черепами Зинджи и человека. На современном снимке Р. Лики демонстрирует уже другой расклад. Череп KNM-ER 1470 находится между хабилисом ER 1813 и человеческим черепом ER 3733, а в левом углу снимка покоится череп кениантропа. Обратите внимание на то, что обе группы черепов находятся как бы в направленных лучах прожекторов – это означает двойственность нынешнего сценария антропогенеза. А жест, которым Лики постукивает по крышке черепа ER 1470, в нашей стране общественностью не одобряется... Фото: www.darwinismrefuted.com

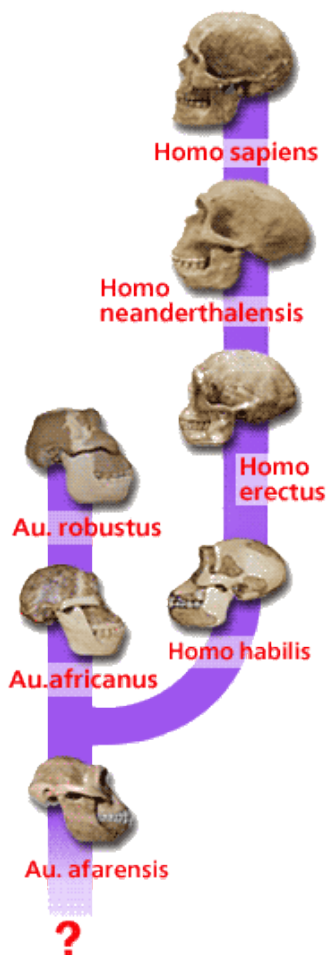
Как бы там ни было, принятию нового таксона даже скептики сопротивлялись относительно недолго. Подобное положение просуществовало лишь до начала 70-х годов, когда в истории с хабилисом в очередной раз случился новый крутой поворот. В 1972 году один из членов семьи, сын Луиса Лики Ричард сделал находку, благодаря которой признание таксона *Homo habilis* стало всеобщим. А история этой находки и ее влияние на палеоантропологию в целом оказались ничем не хуже знаменитой пилтдаунской.

Под туфом KBS, на участке Кооби Фора в районе озера Рудольф в Кении экспедиция Ричарда Лики обнаружила 250 мелких костных черепных фрагментов, из которых жена Ричарда, зоолог Мив Лики собрала нечто сенсационное. А именно – череп древнего существа, удивительно похожего на современного человека, с высоким куполообразным сводом, плоским лицом, слабо выраженными «человеческими» надбровными дугами и большим объемом мозга, в реконструкторской версии Мив Лики составляющим 800 см³. Череп получил индекс **ER 1470**.

[Игра с датировками черепа ER 1470](#) известна многим. Стоит вспомнить, что туф KBS, под которым был найден ER 1470, еще в 1969 году был датирован Ф. Фитчем и Д. Миллером возрастом 212–230 миллионов лет. Это было признано ошибкой, вызванной избытком аргона в породе^[12]. Концепция Лики состояла в том, что предком человека был не австралопитек, а гораздо более продвинутый гоминид, каковым можно было считать 1470-го. Своим возрастом этот «человек

Ричарда» должен был если не превосходить австралопитеков, то хотя бы быть сравнимым с ними. Сначала Фитч и Миллер «довели» возраст туфа KBS до 2,6 миллионов лет – того приемлемого возраста, когда формально уже могла идти речь о существовании гоминид. Сам окаменелый череп датировать радиометрией было невозможно, поэтому из туфа выбирались образцы породы, содержащие кристаллы минералов. В 1974 г. Брук и Айзек, используя 247 образцов, выборочно взятых ниже туфа, получили даты от 2,7 до 3,0 млн. лет. С такими датами череп ER 1470 все еще плохо вписывался в эволюционный сценарий, и в том же 1974 году Хэрфорд провел исследование, ставившее целью доказать более молодой возраст туфа KBS и, соответственно, черепа. Его исследование базировалось на абсолютно произвольных допущениях, но указывало конечную «цель» – дату в 1,8 млн. лет. Разброс датировок «следующего круга» у Фитча и Миллера был еще более неподходящим – до 2,64 млн. лет для одной группы образцов и до 17,5 млн. лет (!) для другой; однако они предпочли остановиться на уже ранее полученных 2,6 млн. лет. Исследование образцов в Университете Беркли дало верхний предел дат в 6,9 млн. лет. Но не беда, цель уже была поставлена, и образцы выбирались из разных мест участка по принципу «будем датировать, пока не получим нужный результат». Профессор Джин Септ на своем сайте пишет, что у одних только Фитча и Миллера насчитывался 41 вариант различных датировок, в пределах от 23 млн. до 0,91 млн. лет, из которых, как замечает Септ, только 7 были «близки к оригиналу», то есть, к требуемой и полученной в итоге

дате. В тот исторический момент, когда подоспело открытие Джохансоном австралопитека по имени Люси, противостояние двух кланов подошло к своему пику. Джохансону, разумеется, хотелось, чтобы Люси, жившая предположительно 3,2–3,4 миллиона лет назад, была матерью всего современного человечества. Ричарду Лики из всех сил хотелось хотя бы «не опуститься» ниже возраста Люси, чтобы в качестве предка выдвинуть свою находку.



*Филогенетическое
дерево
в 70-х годах прошлого
века*

Но, к сожалению для Ричарда, Люси Джохансона оказалась в тот момент существом, что называется, более отвечающим ожиданиям эволюционизма, поэтому аномально древний возраст находки Лики был обречен. Так сказать, образцов породы вокруг черепа было много, сторонников Джохансона было много, и радиометрические анализы можно было делать до бесконечности...

В конце концов, специалисты взяли себя в руки и применили к находке фаунистический метод. Учитывая, что на другом кенийском участке, но в аналогичном горизонте зоолог Бэйзил Кук нашел останки ископаемых свиней, живших предположительно в тех краях менее 2 миллионов лет назад, датировку черепа-1470 было решено привязать к этим свиньям. Когда принципиальное решение было принято, из всех образцов породы туфа KBS исследователи отобрали только те, что показывали радиометрический возраст 1,9 млн. лет, а остальные были выброшены вон. Таким образом, усилием эволюционной воли череп ER 1470 был все-таки вписан в эволюционный сценарий, в котором самым ранним предком оставалась Люси.

И то ведь. Сценарий Лики был слишком экстремален для эволюционизма, так как вообще исключал участие австралопитека афаренсиса из картины эвогенеза, и «всё брал на себя». Лики, скрепя сердце, вынужден был смириться со своим поражением. Но, потеряв в одном, он безусловно приобрел в другом. Как бы там ни было, но новый статус существа ER 1470, имеющего «правильный» эволюционный возраст 1,9 млн. лет, все равно позволял Лики убить сразу двух

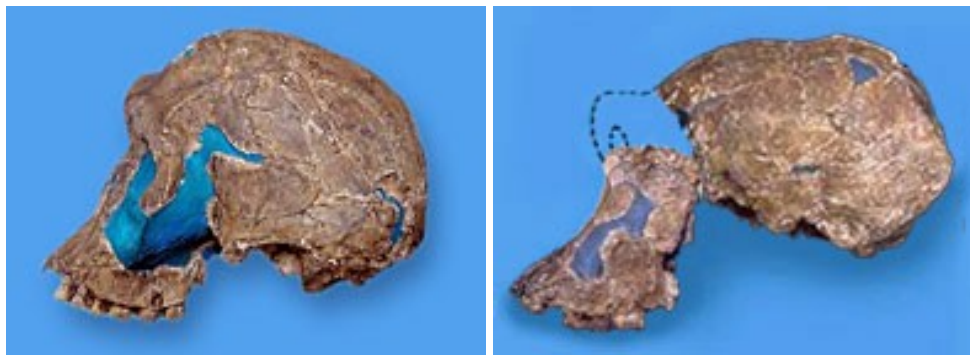
зайцев в собственных интересах. Во-первых, существу ER 1470 хоть и предлагалось происходить от *Australopithecus afarensis* (хотя сам Лики так не считал), зато афаренсис был только «гоминидом», а Ричард Лики мог смело ощущать себя отцом первого настоящего человека. Но второе – и главное – череп ER 1470 наконец-то **придавал законность всему хлипкому таксону *Homo habilis***, и только поэтому Ричард Лики прекратил войну. Здесь для полноты картины стоит заметить, что из-за всех перипетий, связанных с датировками черепа и войнами противников, череп ER 1470 так никогда и не получил своего неофициального шутивого имени наподобие тех, что до сих пор благодушно присваивались всем любимцам публики – Люси, Малыш Джонни, Синди, Щелкунчик, Зинджи и Твигги.

Своим новым «недостающим звеном» Лики не только затыкал дыру, нагло зияющую между австралопитеками и хомо эректусами. Нет, слава ER 1470 теперь озаряла собой и, так сказать, **возвышала и подтягивала до состояния *Homo*** все новые находки ископаемых человекообразных обезьян, гордо именуемых теперь *Homo habilis*. По сути, Лики проиграл войну за главного «предка», но спас целый таксон, изобретенный членами его династии. Теперь ничто не могло поколебать его эволюционное ноу-хау. Все неясные и плохо поддающиеся идентификации находки возрастом 1,5–1,9 млн. лет, принадлежащие хоть анатомически современному человеку, хоть просто «прогрессивным» гоминидам, теперь без лишних слов можно было зачислять в хабилисную

гвардию, так сказать, под авторитет и «прикрытие» черепа ER 1470.

Например, в том же геологическом горизонте, но в нескольких километрах от места находки ER 1470, археолог Дж. Харрис практически одновременно с находкой Лики нашел две бедренные кости от разных индивидов, анатомически почти неотличимые от *Homo sapiens* – **ER 1472** и **ER 1481**, а также анатомически современную тазовую кость **ER 3228**. Все они были не только на ура приписаны *Homo habilis*, но еще и послужили основанием для громких заявлений о том, что новый предок по строению своего скелета, и особенно двигательного аппарата, **практически ничем не отличался от современного человека**. В хабилисы был зачислен сильно деформированный загадочный череп человека современной анатомии возрастом более 1 млн. лет, известный первоначально как «*Tchadanthropus uxoris*»^[13]. В эту коллекцию попадали и останки явных австралопитеков (например, Чемерон BC 1, UR 501, ER 1500 и т.д.), и людей-эректусов – SK 847, OH 13, ER 731 и многие другие. С лёту, на волне эйфории от открытия нового таксона в хабилисы попала поначалу даже челюсть ER 992, ставшая впоследствии типовым образцом для человеческого таксона *Homo ergaster*. Бóльшую часть, разумеется, составляли разрозненные обломки неясного таксономического положения. Таким образом, за несколько последующих лет набралась целая коллекция, представляющая собой нечто удивительно пестрое и неупорядоченное, что дало основание эволюционным антропологам Таттерселу и Шварцу именовать таксон *Homo habilis* «мусорной

корзиной таксономии», в которую, по их словам, удобно скидывать всё гетерогенное разнообразие ископаемых останков. Разумеется, что такой фантомный таксон начал очень быстро вызывать законные сомнения в рядах добросовестных исследователей.



Череп KNM-ER 1813 (сверху) найден в 1973 году К. Кимеу в Кооби Фора, Кения. Череп KNM-ER 1805 (внизу) найден там же в 1973 г. П. Абелем. По целому ряду признаков они настолько близки к австралопитековым формам, что отнесение их к Homo habilis даже в лучшие для этого таксона времена ставилось под сомнение. (Источник: © Smithsonian Institute)

Еще в 1973 году, в том же горизонте и на том же участке, что и ER 1470 (по сути практически рядом с ним) был найден череп **ER 1813**, озадачивший сторонников хабилиса. Хотя по многим признакам он был представителем нового таксона и взрослым индивидом, но имел австралопитековый объем мозга

– всего лишь 510 см^3 , выводящий его по общепринятому критерию «мозгового рубикона» из категории *Homo*. Точно такое же замешательство вызвала и еще одна кенийская находка 1973 года, череп **ER 1805**, прозванный «Загадочным черепом». Этот череп, также современник и фактически соплеменник черепа 1470, имел вполне «прогрессивный» объем мозга около 600 см^3 и по набору принятых тогда маркирующих признаков был хабилисом, но вызывал крайнее замешательство своим анатомическим несхождением с общепринятым «человекообразием» *Homo habilis*. Так сказать, лучше бы ему этих 600 см^3 мозга не иметь! По своему внешнему виду это был чистой воды австралопитек, только крупноголовый (или просто крупный, так как один череп, без сопутствующих фрагментов скелета, не позволял судить о пропорциях этого примата).

Между нами говоря, чего уж там такого «загадочного» было в этом черепе? Сегодня даже любопытно – почему с находкой ER 1805 никому не пришло в голову, что так называемые хабилисы есть ничто иное, как просто крупные специализированные формы поздних австралопитеков, **живших в одно время и в одном районе** с настоящими людьми, хомо эректусами? И как можно было отстаивать тезис об инструментальной деятельности хабилиса?

3.

Ричард Лики говорил, что инструментальное искусство *Homo habilis* никогда не сможет быть доказано наверняка – разве что мы найдем засыпанное вулканическим пеплом существо, застигнутое,

подобно помпейской жертве, во время изготовления инструмента. Но Лики, разумеется, лукавил – в самом нижнем, I-м горизонте Олдувая (1,8–2 млн. лет по с.ш.) еще его отцом были найдены артефакты, которые принадлежать хабилису не могли по определению. Это были инструменты из кости, похожие на современные лощила для выделки кожаных шкур и охотничьи камни-боло, также используемые сегодняшними аборигенами – искусственно округленные камни для метания их из пращи или используемые в качестве инерционного груза на конце веревки, обвивающейся на охоте вокруг ног животного. Также в I горизонте, среди действительно примитивных инструментов, всегда находились такие, которые у нас обычно ассоциируются с более поздними временами палеолита – скребки, шила и резцы, а также первые образцы искусства – намеренно обработанные камни, самым известным из которых является так называемая «голова бабуина» с гравировкой по периметру. В Олдувайском ущелье был также обнаружен знаменитый «олдувайский круг» – выложенная из камня своеобразная круговая структура, представляющая собой нечто вроде цоколя для укрепления нижней части жилища, защиты его по всему периметру от хищников и сильного ветра.

Если бы подобные проблемы идентификации ставились в какой-либо идеологически нейтральной научной дисциплине, всё было бы по-другому. Но только не в этой. Обычный здравый смысл, законы логики и даже формальные «научные критерии», казалось бы, не только предписывали, но и остро звали к тому, чтобы любые найденные каменные

инструменты «отдать» его законному владельцу, человеку, пусть даже его останки поначалу и не были обнаружены в столь древних слоях. Ибо если самые первые известные нам люди уже делали один тип инструментов, то неисчислимо более вероятно, что именно они, а не какая-то современная им человекообразная обезьяна, изготовили инструменты и другого типа, более простого. Тем более, что неизвестно ни одного факта, чтобы какая-либо обезьяна, древняя или современная, даже из ныне интенсивно обучаемых, смогла бы приблизиться к уровню самой примитивной человеческой орудийной культуры. Ибо в отношении любой обезьяны вопрос использования стандартной инструментальной технологии является демаркационным и связан с невозможностью перешагнуть барьер символического мышления. Использовать подручный «мусор» в качестве орудия могут даже птицы, но планировать его изготовление и осознанно контролировать процесс по ходу работы – это для любого животного есть уже нечто «за гранью добра и зла».

Тем не менее видимая примитивность каменных орудий, найденных в Олдувайском ущелье (т.наз. олдувайская культура), стала служить свидетельством их принадлежности *Homo habilis*, а хомо эректусов условились считать создателями принципиально иных по качеству инструментов – так называемой ашельской культуры. Идея о том, что хабилис мог изготавливать орудия труда, никогда не опиралась на какие-либо факты, а основывалась исключительно на схематических представлениях о том, кто такой хомо

хабилис и «на что он способен». Такое фантастическое существо – еще волосатое, обезьяньи неловкое, но уже увлеченно лупящее камнем о камень – эволюционисты видели как бы живую, собственными глазами. Разве это было важно, есть тому доказательства или нет? – ведь согласно имеющейся концепции такой почти человек безусловно должен был существовать в реальности. Наши сегодняшние вопросы о том, кто в действительности изготавливал первые примитивные орудия, для эволюционистов той поры, обладавших линейным мышлением, показались бы бессмысленными. Между хомо хабилисом и хомо эректусом с точки зрения тогдашней схемы не существовало какой-либо разделительной черты; по сути это было одно и то же существо, только находящееся на разных стадиях развития и разных временных отрезках. Одно, развиваясь, просто «перетекло» в другое, более продвинутое анатомически и технологически. А взрослые люди, так сказать, уже не балуются изготовлением детских игрушек.

В реальности, позже, когда в научной среде *Homo erectus* был признан ровесником хабилиса и подтвердилось его владение технологиями разного уровня, включая олдувайскую, первоначальная схема чудесным образом выжила. Утверждения о хабилисе-инструментальщике, разумеется, в основном перекочевали из научной литературы в область «голословной» популяризации эволюции, но любое сегодняшнее упоминание об инструментальной деятельности хабилиса выявляет некую логическую

неадекватность – если исходить из нынешних схем эво-антропогенеза, то получается, что хабилис и эректус появились и жили одновременно, сотни тысяч лет, на одной территории, оба изготавливали каменные орудия, причем эректус – разного уровня сложности, от олдувайских до ашельских, а хабилис – только олдувайские (!).

Может возникнуть вопрос – почему же тогда истинные люди, *Homo erectus*, делали столь примитивные инструменты? Вероятно, потому, что примитивность этих инструментов была обусловлена не примитивностью их изготовителя, а лишь крайней простотой задачи, необходимостью быстро получить острый режущий край для разделки охотничьего трофея на подходящие для транспортировки куски. Изготавливались такие «fast-tools» быстро и только «по положительному результату» – в случае удачной охоты, прямо на месте разделки туши. И, похоже, тут же затем и выбрасывались. Сегодня уже признано, что между таксономической принадлежностью людей и уровнем инструментальной технологии жесткой связи не существует. Например, обнаруженные в 2004 году эректусы индонезийского острова Флорес (13–18 тыс. лет по с.ш.), будучи изолированными от материка, без всякого влияния чужих технологий делали весьма совершенные каменные орудия, почти такие же, как у европейских кроманьонцев. С другой стороны, наши фактические современники тасманийцы изготавливали примитивные орудия олдувайского типа – случалось, даже из керамических изоляторов первых электролиний. А современное африканское племя Ова Тжимба не только делает каменные инструменты

по якобы «хабилисной» технологии, но использует в качестве инструментов просто необработанные острые камни.

Таким образом, можно еще раз отметить, что игнорирование находок, сделанных в I-м горизонте еще Луисом Лики, равно как и утверждение в целом об инструментальных навыках хабилиса, были вызваны в эволюционных рядах отнюдь не желанием «найти истину». Я понимаю стремление любого исследователя интерпретировать факты в русле своей гипотезы. Я понимаю также, что от большинства эволюционистов нельзя требовать невозможного для них – истинно «любопытного» исследования, когда интереснее разобраться с трудными (опровергающими) фактами, нежели сгребать в кучу только то, что якобы подтверждает твою «правоту». Но когда есть факты, явно противоречащие твоим построениям, – факты, легко объясняемые «обычным» способом, без привлечения ненаблюдаемых спекуляций и легко высвечивающие ложность твоих предыдущих построений, то... Не знаю, как вам, читатель, но мне почему-то кажется, что замалчивание фактов в свою пользу и настойчивая пропаганда того, против чего эти факты вопиют, – не только недостойно искренне любопытного исследователя, но является банальным мошенничеством.

4.

К концу 70-х годов хабилисный таксон стал производить уже неприличное впечатление. Из **пяти** найденных относительно полных черепов *Homo habilis*

три черепа не прошли «таможню» общепринятого для *Ното* мозгового рубикона в 600 «кубиков» – череп **ОН 24** (590 см³), **Stw 53** (460 см³) и уже известный нам ER 1813 с его 510-ю «кубиками». Сегодня мы знаем, что интеллект связан не с объемом мозга, а с уровнем его организации, и что даже упомянутый выше флоресский эректус, найденный в 2004 году, с его крошечным объемом мозга 380 см³ был физически и интеллектуально полноценным человеком. Но куда было деваться эволюционизму в конце 70-х? Какие еще «человеческие» признаки вытрясать из невнятного хабилиса? Прямохождение и инструментальная деятельность *Ното habilis* хотя и преподносились в качестве научно доказанного факта, но, если вдуматься, **реальных** доказательств этому никогда не было и быть не могло.



*Череп Stw 53, найден А. Хьюзом
в 1976 году в Стеркфонтейне, Южная Африка*

Путаница с хабилисом продолжалась. Меньший по размерам череп ER 1813 относительно ER 1470 мог бы успешно сыграть роль женского (сценарий т.н. полового диморфизма, разницы в размерах, при котором самки обезьян гораздо мельче самцов), но ER 1813 был больше похож на череп самца, чем крупный ER 1470. Попахивало существованием двух разных видов, причем на одном и том же пятачке, в одно и то же время. Еще один сюрприз преподнес череп Stw 53. По некоторым маркирующим признакам он мог считаться хабилисом, но его обладатель в смысле инструментальной деятельности оказался настоящим лентяем и саботажником. На участке 53 Стеркфонтейна, в брекчии 5-го уровня, где был найден череп, не оказалось даже намека на какие-либо инструменты, хотя в олдувайской брекчии, содержащей останки более «молодых», но более примитивных массивных австралопитеков *Paranthropus robustus*, каменные орудия были обнаружены в достатке. Разумеется, что в первом случае на участке 53 просто не обитали люди, во втором – они присутствовали. Но для репутации хабилисов эта ситуация была весьма острой – так были хабилисы инструментальщиками или нет? Ситуация осложнялась еще тем, что в отношении самого Stw 53 кто-то все же применял инструменты – на его скуловом отростке остались следы зарубок, свидетельствующие о том, что этот «кто-то» целенаправленно перерезал жевательные мышцы, отделяя нижнюю челюсть от черепа. Кто же был этот «мимо проходящий»?

Череп ОН 24 также вызывал законные сомнения. Будучи найденным относительно целым (хоть «вмятку», но не в россыпь), он был реконструирован и идентифицирован поначалу как хабилис, хотя по многим признакам так же, как и Stw 53, больше походил на австралопитека африкануса.



Череп ОН 24, найден в 1968 г. П. Нжуби. Находка черепа даже в подобном состоянии (верхнее фото), а не в виде россыпи осколков, считается большой удачей. Нижнее фото - реконструкция ОН 24. Источник: Smithsonian Institute

Немало неприятностей доставила и стопа хабилиса **ОН 8**, найденная практически вслед за первой олдувайской находкой *Homo habilis* в Олдувае, челюстью ОН 7. Поначалу, в 1964 году (год изобретения проекта «хомо хабилис») стопа ОН 8 описывалась М. Дэйем и Дж. Нейпиром как почти человеческая, имеющая все признаки двуногой ходьбы. Разумеется, в те времена это был чистой воды политес. Однако позже английский анатом О. Льюис (не путать с Дж. Льюисом, обнаружившим рамапитека) показал, что стопа ОН 8 больше похожа на стопу шимпанзе или гориллы, чем даже на стопу австралопитека – не говоря уже о человеке. Свод стопы хабилиса (необходимый для амортизации при «полноценной» двуногой ходьбе, на самом деле оказался уплощенным, а большой палец сильно отведенным в сторону, как для захвата древесного ствола у современных приматов. Щекотливая ситуация заставила эволюциониста Льюиса заявить, что стопа ОН 8 принадлежит не хабилису, а австралопитеку – из двух зол ученый предпочел выбрать меньшее ^[14]. Но жареным пахло все отчетливей.

Казалось бы, поколебать предковый статус таксона *Homo habilis* после обладания такой драгоценной находкой как ER 1470, было непросто, однако накопившиеся противоречия привели к коллапсу хабилисной схемы. Собранный к этому времени материал не обладал каким-либо единым таксономическим «алгоритмом». Разброс в размерах и морфологии материалов выходил уже за все разумные рамки возможных объяснений, как то – половой диморфизм, внутривидовая вариабельность,

различные географические условия или эксклюзивные зигзаги эволюции вроде разных скоростей ее протекания. Например, череп ER 1813 был мало похож на «классического» австралопитека, но имел австралопитековый объем мозга, а череп ER 1805 по всем маркирующим признакам был «прогрессивен», но в целом по внешнему облику не проходил «фэйс-контроль» *Ното*, будучи вылитым крупноголовым массивным австралопитеком. Перебирая эту мусорную корзину антропологии, исследователи вставляли в тупик, будучи не в силах решить какие экземпляры находятся здесь законно, не говоря уже о том, какие являются типичными для *Homo habilis*. (Собственно, до сих пор никто в точности этого так и не знает). Например, череп ER 1470 по большинству показателей был значительно дифференцирован от условно ключевой группы ER 1813, OH 24, Stw 53 и SK 847, но при этом четыре сравнительных образца имели значительные отличия друг от друга (не говоря о том, что SK 847, как выяснилось позже, принадлежал хомо эректусу). Нетрудно догадаться, что все эти «условно назначенные», «назначенные до выяснения» и «назначенные как *H. habilis*, но, возможно, что *Australopithecus*», – разумеется, безумно раздражали даже самих авторов злосчастного таксона.

Поэтому когда в 1978 году советский антрополог Валерий Алексеев предложил разделить хабилисный таксон надвое, выделив из него группу во главе с почти аномальным ER 1470-м, международное научное сообщество, кажется, вздохнуло с облегчением. Предложение Алексеева отчасти было принято еще и потому, что этим достигалось не только кажущееся

(на самом деле мнимое) упорядочение самого таксона, но и спасение черепа ER 1470. Этот череп, надежда и опора эволюционного псевдогенеза, с частью «чужих» костных обломков, прилагаемых к нему в компанию для приличия, был выделен в отдельную разновидность по имени ***Homo rudolfensis***, то есть человек рудольфский. Чтобы не дискредитировать эвогенез слишком «мусорным» таксоном *Homo habilis*, часть ученых объявила, что нашим настоящим предком является именно *Homo rudolfensis*. Другая часть ученых, упрямо не желавших сдавать хабилиса, заняла нейтральную позицию по принципу – «неизвестно, кто именно, но точно один из них!»).

По сути это был первый серьезный шаг к отступлению на хабилисном фронте («мы теряем его!») – теперь существовали две линии гипотетических предков, с открытой вероятностью того, кто из них – *Homo habilis* или *Homo rudolfensis* – является настоящим, а кто «запасным» отцом современного человечества. На фальшивых схемах «эволюционных деревьев», там где обезьянья ветвь начинает устремлять свои схематические пунктиры к человеку, теперь вместо одного вопросительного знака стали ставить два. И так, действительно, стало лучше – поскольку красиво и симметрично. Все ждали новых находок.

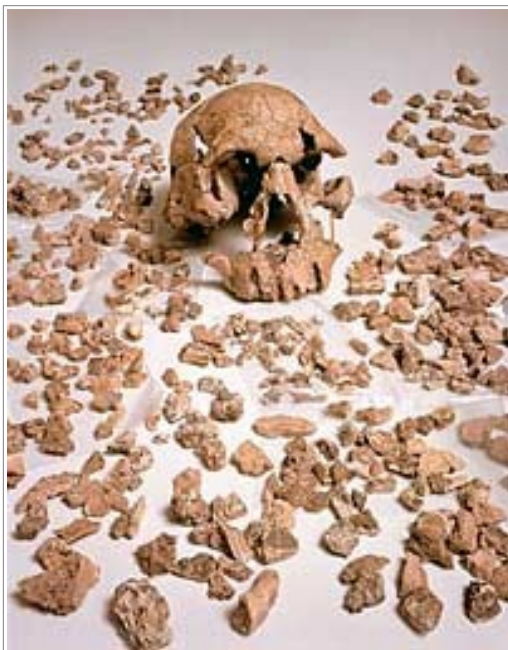
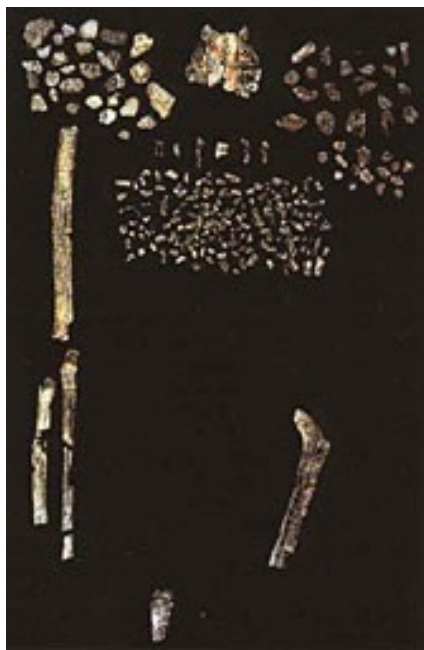
5.

И они не замедлили явиться. Да какие! Первая находка, как могло показаться поначалу, не имела прямого отношения к хабилису. Но это только поначалу. Итак, в 1984 году на западном берегу того

же озера Рудольф, именовавшегося теперь Туркана, археологи нашли первый в истории почти полный скелет человека-эректуса и были сражены наповал – существо, которое прежде расписывали как согбенного полуобезьяньего уродца, продвинутого в эволюционном плане всего чуть-чуть более хабилиса, оказалось по своей анатомии **практически не отличимым от современного человека**. Юноша 12 лет, прозванный «Турканским мальчиком» (**WT 15000**), живший по формальной шкале 1,6 миллиона лет назад, отличался от нас, пожалуй, только более массивным черепом с характерными эректусными признаками – выдающимися надглазничными валиками, сглаженным подбородком и более массивной челюстью. В остальном он был необычайно современен – в свои 11–12 лет имел рост 1 м 68 см и объем мозга 880 см³, что в проекции на взрослое состояние составило бы 1200 см³. Эволюционисты забеспокоились, и забеспокоились не напрасно – если современник их натужного «предка», хабилиса, был уже таким, совершенно развитым человеком, то это накладывало большие обязательства на самого хабилиса. Ему надлежало быть значительно «прогрессивнее» и «человечнее», чтобы не так резал глаза этот новый чудовищный разрыв между ним и человеком.

Но то, что нашли вскоре, оказалось громовым ударом для эволюционного антропогенеза. В 1986 году в Олдувайском ущелье, наконец, был найден первый, относительно полный скелет *Homo habilis*. Существо, обнаруженное в страте с датировкой 1,8 млн. лет, по маркирующим черепным и челюстно-зубным

признакам безусловно идентифицировалось как представитель хабилисного таксона. Эта находка, получившая индекс **ОН 62**, вызвала шок, от которого эволюционизм не может оправиться до сей поры.



*Слева: фрагменты скелета **H. habilis** ОН 62. Справа для сравнения: фото черепа **KNM-ER 1470**, демонстрирующее его первоначальное состояние в виде фрагментов и реконструкцию. Источники: Smithsonian Institute и MSN*

О, эволюционные боги! Предок человека, которому оставалось не более 200 тысяч лет (по эволюционным меркам – ничто) до превращения в фактически современного человека, оказался мелкой – другого слова не подберешь! – именно какой-то «бесчеловечно» мелкой обезьяной, ростом не более метра и анатомией тела, еще более примитивной, чем у его собственных предков – австралопитеков! И это при том, что хомо хабилис ОН 62 официально жил два миллиона лет спустя после Люси...

Было отчего придти в ужас – самым драматическим для эвогенеза признаком ОН 62 оказалось соотношение пропорций его конечностей. В анатомии существует такое понятие как гумерофеморальный индекс, определяемый как отношение длины плечевой кости к длине бедренной кости, умноженное на 100. У человека это соотношение составляет 70:100. «Прогрессивная» Люси имела индекс 85:100. Но несостоявшийся предок, оказавшийся к тому же самым маленьким из известных гоминид, имел эти пропорции еще более обезьяньи, чем даже у исторически самого раннего *Australopithecus afarensis*, а именно 95:100 – то есть, руки у хабилиса были практически такие же длинные, как у шимпанзе (97–101:100). Произошло еще раз то, что в истории эвогенеза уже случалось неоднократно – очередное «открытие», обернувшееся катастрофой, когда подобные результаты ожидались меньше всего. Рухнула вся стройная схема эстафетной эволюционной цепочки «австралопитек – хабилис – эректус». Теперь эта цепочка представлялась неким издевательством над высокими идеалами эволюционизма – около 4 миллионов лет назад на черном континенте существовал якобы прямоходящий *Australopithecus afarensis*, миллион лет спустя на этих же просторах обитал более примитивный *Australopithecus africanus*, а после него, еще через миллион лет, еще более примитивный *Homo habilis*...

Тут же случился и обвал прежних устоявшихся фактов и положений, связанных с легендой о хабилисе. Рухнуло основание – рухнули и стены, и крыша.

Древесный обитатель хабилис с подобными пропорциями тела, предназначенными для акробатических упражнений в ветвях, просто физически не мог быть ни полноценным двуногим ходоком, ни инструментальщиком. Стало понятно также, что многие костные останки «хабилиса» вроде бедренных костей ER 1472 и ER 1481 хабилису принадлежать не могли, то есть принадлежали настоящим людям.

Разумеется, ни о какой близости к человеку этой обезьяны речи идти уже не могло. Как не мог «идти» и сам хомо хабилис в прямом смысле – сопоставляя все анатомические параметры, специалисты сделали вывод о его гораздо большей близости к современным обезьянам, горилле и шимпанзе, нежели даже к австралопитеку.

Начиная с 1984 года антропологи Фред Спур, Бернард Вуд и Франс Зонневельд, как уже упоминалось, использовали для исследования ряда ископаемых черепов новый метод томографического сканирования. Известно, что внутри костного лабиринта черепа у человека и обезьян расположены органы так называемого внутреннего уха. Один из отделов внутреннего уха связан со слухом, другой, называемый вестибулярным аппаратом – с возможностью балансирования и поддержания равновесия. В строение вестибулярного аппарата входят так называемые полукружные каналы – три костные трубочки, расположенные полукругами примерно под углом 90° друг к другу. От их строения зависит, обобщенно говоря, характер перемещения субъекта в трехмерном пространстве. Специальные

клетки, выстилающие стенки этих каналов, реагируют на движение жидкости, содержащейся в замкнутом пространстве внутреннего уха и посылают информацию в мозг для координации всех мышц тела, включая глазные.

Новый метод позволил изучить структуру полукружных каналов даже у ископаемых черепов и разрешить прежние споры о степени прямохождения у тех или иных «предков». Надо сказать, что анализ сканирования черепов *Homo erectus* сенсации не вызвал – их полукружные каналы имели конфигурацию, аналогичную таковой у современного человека. С австралопитеками и хабилисами дело обстояло иначе. Череп Люси просканировать было невозможно по причине его «практически полного отсутствия» (как и любого черепа афаренсис до находки юной особи «Селам»), но Спур с командой тогда изучили черепа четырех *Australopithecus africanus*, три черепа массивных австралопитеков *Paranthropus robustus*, три черепа эректусов и два черепа *Homo habilis*. Вывод группы Спура был знаменательным – все австралопитеки имели полукружные каналы, аналогичные по своей конфигурации полукружным каналам современных больших человекообразных обезьян, а строение полукружных каналов хабилиса оказалось еще более обезьяньим и еще менее приспособленным для вертикального передвижения. Интересно, что фрагментированный череп SK 847, против отнесения которого к хабилисам ранее возражали многие ученые, при исследовании обнаружил сугубо человеческое строение внутреннего уха и после

дополнительного изучения был описан как *Homo erectus/ergaster*. По поводу же хабилиса Stw 53 Спур с соавторами писал в статье, опубликованной в «Nature»:

«Экземпляр Stw 53, который условно соотносили с *H. habilis*, имеет пропорции полукружных каналов, не обнаруженные ни у одного из живущих или ископаемых гоминид или больших обезьян. Функциональное объяснение подобной морфологии может быть только спекулятивным, однако сходство этих каналов с пропорциями каналов больших мартышек указывает на то, что Stw 53 пользовался двуногим способом передвижения еще в меньшей степени, чем австралопитеки».

6.

Наконец, наступила очередь и последнего хабилисного «кормильца», черепа ER 1470. Надо сказать, что некоторые исследователи изначально отказывали ему в праве именоваться *Homo*. Парадоксально, что одним из таких был антрополог Алан Уокер, помогавший Мив Лики в реконструкции. История их совместной работы в деталях мне неизвестна. Возможно, Мив в итоге собрала череп по-своему, вопреки советам Уокера. Возможно, напротив, что Уокер сыграл положительную роль для науки и не дал Мив собрать совсем уж современного хомо сапиенса...

Как бы там ни было, реконструкция 1972 года, выполненная Мив Лики, в полной мере отражала ожидания Ричарда Лики. Я не берусь утверждать, что Мив намеренно изготовила подделку. Нет, но как

человек, свято верящий в свою идею, она могла действовать по принципу «глаза страшатся, а руки (сами) делают». То есть, точно как в спилберговском фильме про контакты третьего рода – контактеры настолько оглушены и поглощены своими идеями, что в состоянии транса лепят свои видения из картофельного пюре. Мив Лики, скорее всего, просто «неосознанно» собрала из 250 мелких кусочков то существо, каким она себе его представляла.

Надо сказать, что череп-1470, как никакой другой запутавший всю филогению и все родственные связи меж обезьянами, за свое четвертьвековое победное шествие попортил крови не только эволюционистам. Но даже среди явных противников эволюционного антропогенеза он вызвал долгие и, как оказалось в итоге, бессмысленные разногласия. Креационисты раньше всегда жестко придерживались своего тезиса – «обезьяны отдельно, люди отдельно». Этот тезис носил не только принципиальный мировоззренческий характер, но и безупречно подтверждался каждой новой находкой. Но, как оказалось, только до находки ER 1470-го... Череп выглядел настолько «переходным», что, казалось, разом отправлял в нокаут прежнюю креационистскую идею об отсутствии переходных форм. С одной стороны он выглядел как едва ли не настоящий хомо сапиенс, с другой имел сугубо обезьяньи признаки, никогда и ни при каких условиях у людей не наблюдаемые. Например, при абсолютно человеческой лобной части черепа со слабо выраженными надбровными дугами он демонстрировал колоколообразную затылочную часть, типичную для австралопитеков. Или плоское

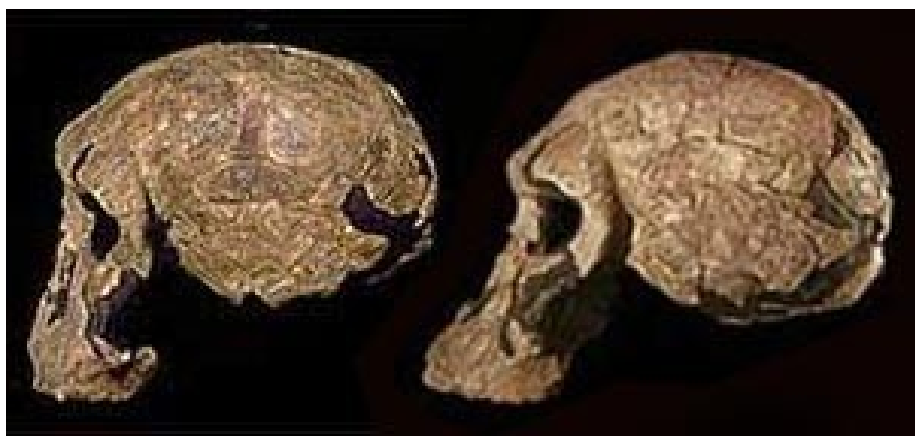
человеческое лицо совмещалось в нем с длинной, вытянутой вперед обезьяноподобной верхней губой. Что было креационистам делать с этим черепом? Для отнесения его к несомненной обезьяне он был слишком человечен, для человека – имел явные черты понгид. Даже такой негиббимый креационист, как Марвин Любен, «посыпал голову пеплом» и объявил, что признаёт обладателя ER 1470 настоящим человеком. Ему возражали креационисты Билл Меллерт и Кристофер Хаммер, утверждая, что ER 1470 является просто необычной формой австралопитека с большим мозгом. Ситуация необходимого выбора была настолько драматичной для креационистов, что выдвигались даже версии принадлежности лицевой и затылочной части к разным индивидуумам. Я не говорю уже о том, что этот череп позволил эволюционной стороне в течение многих лет играючи обвинять своих оппонентов в упрямстве, невежестве и серьезных разногласиях внутри своего лагеря.

Мало кто мог тогда подумать, что креационисты в итоге окажутся правы. Лично я считаю, что после проекта «Хомо хабилис», в котором обезьяны целенаправленно и «злонамеренно» награждались званием человека, – то есть проекта, заслуживающего звание **«хабилисного Пилтдауна № 8»**, – историю черепа 1470 можно выделить в отдельную номинацию – **«рудольфский Пилтдаун № 9»**. И я полагаю, что он этого вполне заслуживает. Череп ER 1470 в сборке Мив Лики более четверти века «научно доказывал» (а порой, в представлении самых упёртых эволюционистов, и ныне продолжает «доказывать») как минимум двум поколениям молодых, ищущих

людей абсолютную правоту эволюции и бесполезность иных поисков. Ведь – одно дело, когда мы, ознакомившись с картиной во всей ее полноте, вольны сделать собственные выводы. Другое дело, когда эти выводы делают за нас и навязывают со школьной скамьи как истину в последней инстанции. «Сахара моя, Сахара! Вот и тебя всю околдовала старая пряха!». Вот она, переходная форма, перед вами. Какие вам еще нужны доказательства?

Эх, Мив, Мив, что ты наделала!

В 1985 году антрополог-эволюционист Пеллегрини с учетом новых накопившихся знаний решил исправить ставшие уже очевидными ошибки Мив Лики и перереконструировал череп ER 1470, к тому времени уже выделенный в отдельную прохабилисскую линию *Homo rudolfensis*.



Реконструкция черепа KNM-ER 1470, сделанная Мив Лики в 70-е годы прошлого века (слева) и сегодняшнее представление о ER 1470 (справа). См. подробнее: Б. Меллерт [«Взлет и падение черепа KNM-ER 1470»](#).

И череп в прямом смысле «изменился в лице». Он во многом утратил прежние человеческие черты и, напротив, приобрел сугубо австралопитековые. Теперь стало ясно, что ER 1470, действительно, принадлежит не *Homo*, а некоей неизвестной разновидности австралопитеков с относительно большим объемом мозга. Приматолог Нейпир определил новый мозговой объем черепа в 750 см³. В 1995 году Ричард Лики, не желая оставаться в стороне от собственной находки, произвел новую реконструкцию ER 1470, которая, надо отдать должное Лики, практически до деталей оказалась схожей с вариантом Пеллегрино. Ричард Лики, придерживаясь прежней позиции, разумеется, не отказал черепу в статусе *Homo*. Он отказался признать его «рудольфензисом», продолжая считать хомо хабилисом и родоначальником человечества.

По мнению креациониста Билла Меллерта, существо ER 1470 ближе всего стоит к формам типа *Australopithecus africanus*. В 1992 году анатом Тим Бромейдж из университета Нью-Йорка с использованием собственного оригинального метода показал, что по ключевым параметрам череп принадлежит австралопитекам (хотя, как эволюционист, на основании большого мозга у ER 1470 не отрицал предковый статус этой формы). В 2007 году Бромейдж с командой провел новые исследования черепа. Он еще раз подтвердил, что первоначальная реконструкция Мив Лики была ошибочной, основанной на определенных ожиданиях и представлениях о том, что подобное существо должно выглядеть более человекообразно. Бромейдж

заявил также, что во времена первоначальной реконструкции ученые еще не знали многих известных ныне биологических принципов, в частности, что у любого млекопитающего глаза, уши, рот и пр. всегда находятся в точном пропорциональном соотношении. «Не имеет значения кто вы – крыса, кенгуру, слон, человек или собака, – пишет анатом, – их лицевые особенности организованы в соответствии с весьма определенным архитектурным планом». По расчетам Бромейджа, первоначально реконструированный лицевой угол ER 1470 в 60–70° оказался бы несовместимым с жизнью этого существа, так как намеренно смещенная назад челюсть не оставляла бы места для дыхательных путей и пищевода.

Очень показательны, что Дональд Джохансон проигнорировал новую реконструкцию Пеллегрино и Лики, продолжая высказываться о ER 1470 так, будто череп имеет прежний благообразный человеческий облик. Также **проигнорировали новую реконструкцию и практически все эволюционные палеоантропологи в России**. Слово «практически» я вставляю тут больше для приличия, из осторожности, на случай, если таковые *непроигнорировавшие* все-таки существуют. Невероятно, но ни в одной из отечественных работ по антропологии, даже у самого «либерального» палеоантрополога эволюциониста (Зубова, Дробышевского и др.) вы не найдете упоминания о новой реконструкции ER 1470, «рудольфензиса», а уж от консервативных отечественных «новаторов до Вержболóво» ожидать хоть звука по этому поводу даже не приходится – все они его обходят дружным, сплоченным, всепобеждающим молчанием. (А,

может, просто не знают? Ведь прошло всего-то чуть более 10 лет...).

Впрочем, ничего невероятного здесь нет. Агонизирующему эволюционизму гораздо удобнее жить по старинке и делать вид, будто никакого обвала не случилось. А между тем ключевым моментом этой истории является то, что новая реконструкция, демонстрирующая у ER 1470 черты австралопитека, сделана непосредственно самим автором находки, Ричардом Лики. Факт новой реконструкции «хабилиса-рудольфензиса» можно игнорировать, но он от этого фактом быть не перестанет. Равно как и этот крупноголовый австралопитек от дружного затишья эволюционного лагеря не станет переходной формой.

Сегодняшняя ситуация с черепом-1470 в исполнении отечественных палеоантропологов заставляет вспомнить старый диссидентский стишок периода СССР по поводу еще одной «ключевой фигуры», вождя мирового пролетариата:

«Дедушка умер, а дело живёт.

Лучше бы было – наоборот!».

7.

Несмотря на всеобщее понимание того, что *Homo habilis* не оправдал возложенных на него задач и полностью «завалил работу на порученном ему участке», в научной среде полемика по проблеме этого таксона осталась незавершенной. Сегодня, когда накал былых страстей поутих, существует как минимум четыре сценария, касающихся дальнейшей судьбы *Homo habilis*.

Первый, самый простой – сценарий «французской школы». Ведущие французские антропологи, в последнее время активно теснящие «стариков», вообще не признают ни Люси, ни хабилисов (включая ER 1470) предками человека. У них сегодня свой собственный «предок», о котором чуть ниже.



Гордость хабилисного таксона 70-х гг. прошлого века – челюсть крупного австралопитека ОН 7 (на переднем плане), анатомически современные бедренные кости ER 1472 и ER 1481 (с фрагментами a-d) (в центре) и череп ER 1470 в устаревшей реконструкции 1972 года. Источник: Visuals Unlimited

Второй сценарий является отражением ностальгических чувств консерваторов от антропологии. Я бы назвал его «ветераны не сдаются». Истекают кровью на последнем эволюционном рубеже, но – «своей земли не отдадут ни пяди». Этот сценарий – по мнению тех, кто задает тон в сегодняшней антропологии, – имеет наименьшую степень правдоподобия (и наименьшую ценность). Понятно, что такая позиция обусловлена желанием спасти прежнее генеалогическое древо с последовательной цепочкой форм «австралопитек – хабилис – эректус». Подоплека здесь не только идеологическая, но и, так сказать, социальная, статусная. Можно понять людей, положивших всю жизнь и все силы на подтверждение схемы, которая в конце их пути объявлена ложной (даже материальный интерес трогать не будем, ограничимся борьбой за идею). В кого в этом случае превращаются академики, почетные пенсионеры от палеоантропологии и авторы многочисленных томов сочинений на тему тех самых представлений, которые опровергнуты, условно говоря, научной молодежью? Но сегодня проблема для истинной антропологии как раз и состоит в том, что авторы «проваленной миссии» еще являются действующими игроками, и даже у более трезвой молодежи находятся в авторитете. Проще говоря, молодежь от них еще зависит. В дискуссиях на тему эволюции я часто сталкивался со стандартным аргументом подобных оппонентов – мол, зачем рассуждать о законности-незаконности хабилиса. Мол, нужно просто набрать словосочетание «*Homo habilis*» в поисковиках PNAS или PubMed, чтобы убедиться – хабилис жив! Тучи

ссылок говорят о том, что этот таксон по-прежнему востребован..., то есть, находится в научном обороте!

Да, формально «хабилис жив», это факт. Однако не менее очевидным фактом является и другое – что в «научном обороте» находится лишь мифологема, на которую удобно ссылаться и затыкать ею зияющие дыры в расползающейся теории. В научном обороте находится не реальный вид рода *Homo*, а отжившая легенда и светлые воспоминания о том, что когда-то эволюционный антропогенез был подтвержден железобетонными доказательствами – и казалось, что навсегда. Также в обороте находятся не только ностальгия ветеранов, но и желание молодого поколения оставаться в научной лодке, куда ветераны еще этой лодкой управляют. Как ни печально, но конец такому подходу с «научным оборотом» может положить только естественный ход времени. Как сказал Макс Планк, «Обычно новые научные истины побеждают не так, что их противников убеждают, но чаще так, что противники вымирают, а **новое поколение усваивает истину сразу**».

Примером того, как ветераны-консерваторы пытаются спасти хабилиса, может служить сегодняшняя позиция одного из хабилисных «отцов», анатома Филиппа Тобайеса. Признавая, что череп Stw 53, входящий в число ключевых находок, всегда вызывал горячие споры и подозревался в принадлежности *Australopithecus africanus* (его морфологические характеристики лежат вне условного хабилисного диапазона), Тобайес предложил разрешить эту проблему радикально. Ветеран эво-антропологии, ссылаясь на то, что многие части черепа утрачены,

просто предложил сделать новую реконструкцию Stw 53 – и именно таким образом, чтоб экземпляр стал... хабилисом! Как та пресловутая булгаковская справка – безусловным, окончательным хабилисом! Вдумайтесь, читатель, в этот абсурд – неважно кому в реальности принадлежал череп, важно то, каким его видим мы. «Но это еще не всё». Для придания бóльшего человекообразия австралопитековому черепу Тобайес предложил – ни больше ни меньше – в качестве сравнительного образца использовать человеческий череп SK 847 (*Homo erectus/ergaster*), назначив его на хабилиса! Подобные методы для ветеранов являются делом обычным и непредосудительным, хотя ничего, кроме удивления по-прежнему вызвать не могут. В молодости Тобайес был одним из верных и пламенных сподвижников Ричарда Лики, и в похожих пилтдаунских играх уже не раз принимал участие. Например, в 1963 году в Олдувае был найден череп ОН 13, и никто иной как Филипп Тобайес, опытный анатом, сразу увидел в находке человеческие черты, напоминающие эректусов Явы. Он без колебаний классифицировал тогда ОН 13 как *Homo erectus*. Однако в самое ближайшее время, создавая с Лики новый таксон, Тобайес отказался от своего мнения ради зачисления ОН 13 в хабилисы. Так сказать, прошло еще немало лет, прежде чем самого Тобайеса поправили...

Особую позицию в сценарии с хабилисом занимает Дональд Джохансон и его соратники Тим Уайт, Иен Таттерсел, Дж. Шварц и др. Разумеется, что Джохансон ни за что не хочет терять промежуточный таксон *Homo habilis*, который произошел от его предка

афаренсиса и хоть как-то связывает этого его афаренсиса с эректусами. В противном случае афаренсис опять остается один в чистом поле, открытый всем ветрам, без всякого связующего моста с *Ното*. При этом всегда любопытно наблюдать, что Джохансон, держа в уме противостояние с Лики, относится к хабилису как к чужому среди своих, этакому вынужденному злу. В целом же, по мнению Джохансона, Уайта и др., хомо хабилис является единым таксоном, а все кричащие нестыковки в размерах и морфологии составляющих его окаменелостей есть якобы нормальное следствие работы эволюции в течение длительного периода («ранние и поздние формы успели приобрести существенные различия»), половым диморфизмом («самцы крупнее, самки мельче») и географическими факторами («в разных регионах формируются свои специфические черты»). Разумеется, что в этот сценарий – «остаются все!» – вряд ли верят и сами авторы, так как он – чисто «политический».

Третий сценарий предложен Ричардом Лики и Аланом Уокером. Согласно ему, хомо хабилис состоит из двух разновидностей – настоящего *Ното habilis* и затесавшихся сюда австралопитеков. Лики с Уокером снимают только сливки – по их мнению, таксон «истинно арийского хабилиса» составляют лишь наиболее крупные и наиболее «человекообразные» формы – ER 1470, бедренные кости типа ER 1481 (напомню, принадлежащие настоящему человеку), ER 1390 и находки первого призыва типа ОН 7 и ОН 16. Все мелкие или спорные

формы вроде ER 1805, ER 1813 и ОН 24 считаются лишь вариантами австралопитека африкануса, дожившего до столь поздних времен, либо робустного парантропа. Одним словом, по мнению Лики-Уокера, нужно провести основательную чистку таксона. Однако, если такая трудность и существует, то она состоит в том, что авторы предложения сами не знают, кто такой хабилис. Ричард Лики определил эту проблему так: «По крайней мере, половина находок недействительна. Но не существует никакого единого мнения относительно того, какие пятьдесят процентов должны быть исключены».

Четвертый сценарий принадлежит также антропологам с мировым именем Бернарду Вуду и Майклу Колларду и в настоящее время имеет наибольшие перспективы «по Макс Планку» (здесь грустный, а затем веселый смайлики). Сценарий Вуда и Колларда исходит не из идеологических соображений, не из поисков какого-либо «пропуска» обезьян в гоминиды, а из совершенно объективного критерия определения рода – «*clade and grade*», который гласит, что род должен представлять собой группу близких видов, включенных в него по единым для всего рода признакам. Любой кладистический подход тем и хорош, что не чувствителен к идеологии, так как целью метода является не поиск каких-либо доказательств родства видов, а сухой, бухгалтерский учет сходств и различий объектов. Новая классификация Вуда-Колларда, выдвинутая ими в 1999 году применительно к внутривидовой классификации *Ното*, несмотря на всю простоту и очевидность, оказалась для эво-псевдогенеза столь же

революционной, сколь и драматичной для судьбы *Homo habilis*.

По мысли Вуда и Колларда, если вид должен быть включен в тот род, к которому он по набору ключевых признаков наиболее близок, то эталонным, базовым для рода *Homo* является вид *Homo sapiens*. Поэтому для любого кандидата в *Homo* именно ключевые признаки сапиенса, а не искусственно выдуманная под эволюционные нужды «гоминидная триада» (прямохождение, орудия труда, большой мозг) должны быть мерой сходства. Безусловно, к категории настоящих *Homo*, составляющих единую монофилетическую команду, по Вуду-Колларду относятся *H. erectus/ergaster*, *H. heidelbergensis* и *H. neanderthalensis*. Что же касается хабилиса, состоящего сегодня из *H. habilis* и *H. rudolfensis*, то исходя из того, что по ключевым признакам представители этого таксона несравненно ближе к австралопитекам, чем к современному человеку, Вуд и Коллард заявили, что ***Homo habilis* должен быть исключен из рода *Homo* и перемещен в род *Australopithecus***. Отныне сторонники этой точки зрения совершенно справедливо именуют двух бывших представителей хабилисной линии как ***Australopithecus habilis* и *Australopithecus rudolfensis***.

8.

Как мы помним, противники хабилиса (не только креационисты) буквально с первого дня утверждали, что палеоантропология имеет дело не с полноценным таксоном, а с мусорной корзиной, в которой было намешано всякое – останки *Homo erectus*, останки

Australopithecus africanus и *P. boisei*, просто плохо идентифицируемые останки и просто никогда однозначно не идентифицируемые, а также некие неизвестные разновидности ископаемых понгид. Возникает законный вопрос – так сказать, а ху из *Homo habilis* вообще? Что или кого мы принимаем за иную, отличную от австралопитеков, форму? Обитало ли такое существо, такой вид существ, в реальности? Или это – чистый фантом, дело рук хабилисмейкеров, а его представителем всякий раз прикидывается нечто, временно исполняющее обязанности? [\[15\]](#)

Разумеется, мы держим в уме, что о предковом статусе хомо хабилиса речи уже не идёт в принципе. В данном случае мы хотим лишь увидеть то материальное воплощение, ту реальную оболочку, которая именовалась, именуется или может еще именоваться *Homo habilis*. В наши дни известны окаменелые фрагменты от более 20 индивидов (согласно Bruce MacEvoy), формально относимых к этому таксону, включая пять относительно целых черепов, несколько черепных крышек, челюстные фрагменты и зубы, так называемые посткраниальные фрагменты и один относительно полный скелет.

На сайте Мичиганского Университета размещен сетевой каталог ископаемых окаменелостей Стивена Хеслипа, судя по всему, уже заброшенный, так как не обновлялся с 2001 года. Благодаря ему мы можем увидеть ситуацию с хабилисом как бы законсервированной по состоянию на 2001 год и в общих чертах проследить изменения, с тех пор произошедшие. При этом в каталоге Хеслипа отражены еще более ранние и более общие

представления о хабилисе, и именно этой архивностью он ценен. Это достаточно красноречивое наглядное пособие, помогающее понять, что имеют в виду консерваторы с мировым именем и молодые консерваторы-популяризаторы, когда произносят магическое для них словосочетание «*Homo habilis*», а также понять их аргументацию о некоем продолжающемся нахождении хабилиса в научном обороте.

В руках исследователей всегда находится большое количество абсолютно «глухих» костных образцов, в силу их фрагментарности или плохой сохранности не поддающихся идентификации, однако сам факт того, что Хеслип **в перечень самых важных экземпляров** хабилиса включил массу **изначально спорных находок**, само по себе говорит о многом. Может быть, как и в случае с пилтдаунским черепом, эволюционисты надеялись, что со временем откроются целые горы нового подтверждающего материала? И тогда спорные образцы можно будет убрать? Но произошло всё, как оно обычно в «рациональном» познании и происходит. Из 34-х образцов *Homo habilis*, указанных в каталоге Хеслипа, на сегодняшний день условно остались нетронутыми лишь восемь, да и те находятся под подозрением в принадлежности к другим таксонам. А из прочих 26-ти образцов, ранее зачисленных в хабилисы, семнадцать либо так и остались неопознанными, либо перекочевали в разряд парантропов (официально не имеющих отношения к человеческой линии), а девять – после изучения новыми методами и в силу потерявших свою актуальность некоторых

эволюционных схем – рассматриваются в наши дни как *Homo erectus/ergaster* (причем, это относится к ряду наиболее весомых находок, служивших ранее надежной опорой хабилисному таксону).

Сегодня иногда еще можно услышать, что метафору про мусорную хабилисную корзину придумали язвительные оппоненты, а в реальности, мол, ценный научный материал собран в достаточном количестве, изучается и уточняется. Да, мол, трудности и некоторые неясности всегда существуют, но это нормальный научный процесс. На подобную аргументацию, мне кажется, не нужно и трудиться возражать, достаточно взглянуть на хабилисный список 2001 года и сравнить его с тем, как он условно выглядит сегодня (см. [Приложение](#)). Есть, так сказать, ситуации в жизни, когда слова становятся лишними. Пусть читатель сам увидит и решит для себя, справедливо ли коллекция *Homo habilis* была названа мусорной корзиной таксономии, или же противники хабилиса, включая антропологов мирового уровня, что-то преувеличили. Любопытно, что даже в параллельный таксон, *Homo rudolfensis*, который задумывался в качестве «элитного», под череп ER 1470, также сумели затесаться диверсанты – два экземпляра *Homo ergaster*, один из которых уже переквалифицирован из хабилисов в эргастеры официально.

Но, может быть, не всё так драматично? Всё же есть восемь образцов, и там, у рудольфензисов, еще несколько – может, так сказать, еще повоюют остатки гвардии?

Ответ – нет, уже не повоюют. Дело даже не в том, что «воевать уже нечем». В палеоантропологии один обломок челюсти может перевернуть всю прежнюю устоявшуюся схему (а одна фальшивка десятки лет эту схему спасать). Но проблема в том, что остатки старой гвардии, это, образно выражаясь, маленькая группа, которая не воюет с врагом, а стреляет исключительно друг в друга. Я озвучу здесь мысль, которую эволюционизм не решается высказать открыто – свидетельства, подтверждающие эволюционный статус таксона *Homo habilis sensu lato* (s.l., в широком смысле, включая рудольфензиса) таковы, что лучше было бы их вообще не выкапывать из земли. И это не шутка – о таксоне, переходном к человеку, гораздо убедительнее было бы говорить вообще без единой находки, на пальцах, вдохновенно, или в крайнем случае рисуя палочкой схемы и стрелочки на песке. Но те находки хабилисов, которыми эволюционизм сегодня располагает, если на что и годны, то лишь ярко свидетельствовать против самого эволюционного псевдогенеза. Это действительно остатки армии, несколько солдат, кажущаяся цель которых – во что бы то ни стало проиграть сражение. Пять относительно полных черепов *Homo habilis* s.l. не знают, что называется, согласия ни в чём, вызывая у эволюционистов неосуществимые желания сродни гоголевским – «Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича.., да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась. А теперь – поди подумай!». Несколько обломков челюстей *Homo habilis* s.l. показывают сугубо обезьянью морфологию,

с тем отличием, что челюсти рудольфензисов наиболее массивны. Сегодня вряд ли кто сможет убедительно объяснить – что же во всех этих челюстях, собственно, такого человеческого. Дробышевский сообщает, что практически все челюсти из Кооби Форэ имеют по несколько таксономических определений и до сих пор вызывают большие разногласия в рядах ученых. Несмотря на искусственное разделение таксона, образцы хабилиса *sensu stricto* (в узком смысле, нерудольфензиса) по-прежнему показывают разброс признаков, слишком невероятный для одного вида. Ну, и одни только ключевые находки типа ОН 62, разумеется, чего стоят...

Хочу особо подчеркнуть, что при выяснении вопроса – является ли хабилис реальным таксоном – между противостоящими сторонами часто отсутствует даже терминологическое понимание проблемы. По большому счету большинство «нормальных» эволюционистов понимают, что таксон хабилис в том виде, в котором он презентуется сейчас – ни на что не годен и ни о какой эволюции не свидетельствует. Но эти люди, оставляя в стороне имеющиеся костяшки, **верят** (вспомним ранее упоминавшуюся веру в хабилиса-инструментальщика) в то же гипотетическое существо, еще похожее на обезьяну, но уже почти ставшее человеком – осознанно изготавливающее орудия, укрытия из веток, планирующее операцию по отъему падали у хищников... И это нельзя назвать даже верой в обычном понимании, мол, фактов нет, но я уверен, что без такой формы эволюция просто не смогла бы

обойтись. Нет, эта вера уже граничит с уходом в другую реальность и галлюцинациями. Они больше чем верят, они **«знают» это наверняка**; знают, как это существо выглядело, потому что **видят его как живого**. Этим людям, действительно, не нужно доказывать неадекватность построения мифа на имеющихся скурых свидетельствах костных останков; проблема – убедить их в том, что в реальности такого индивидуума никогда не существовало, и они пребывают в сказке. Важно понимать, что когда эволюционисты говорят, что «таксон хомо хабилис является объективной реальностью», они имеют в виду не свидетельство костей, а именно то самое свое ложное «знание» гипнотического свойства. Поэтому однозначно не существует ни этого мифического «раннего человека», ни таксона родового уровня ***Homo habilis***, хабилиса-человека; это, действительно, фантом, мираж и яркий пример лжепознания. В нашем же понимании существование хабилиса – это именно свидетельство костяшек. Вероятнее всего, тот имеющийся «склад-накопитель», материальная деревянная полка, на которой лежат реальные образцы, просто включает в себя огромное разнообразие древней африканской обезьяньей фауны. Ведь какие-то обезьяньи формы, отличные от стандартных австралопитековых, конечно же, существовали^[16].

Ровно то же можно сказать и о «научном обороте», в котором якобы находится хабилис. Чуть выше я заметил, что *H. habilis* сегодня еще «жив» не как рассматриваемый реальный биологический вид, а как миф конца прошлого века и ностальгия по нему.

Скажу чуть более приземленно – в научном обороте находится нерешенная **проблема хабилиса**, а кости этого условного существа служат источником разнообразных статистических данных для любой антропологической работы – причем, вне зависимости от того, что они представляют собой на самом деле. При посещении эволюционных интернет-ресурсов и знакомстве с работами антропологов мне отчего-то вспоминается советское выражение «собратся порешать проблемы», – так говорили о регулярных трудовых и комсомольских собраниях; на решении проблем, впрочем, никак не сказывавшихся. Как и всякая работа с проблемой, работа с хабилисом в палеоантропологии – целый ритуал, чайная церемония для посвященных, но сходство с советской присказкой здесь в стопроцентно одинаковом результате собраний. Использовать костные останки хабилиса можно бесконечно и... безрезультатно. Антрополога Икс, скажем, интересует конкретная кость неандертальца. Для этого он берет определенное количество имеющегося материала и начинает сравнивать с ним интересующую его кость. Он составляет графики, диаграммы и сравнительные таблицы, придя в итоге к заключению, что исследуемая кость ближе всего к группе сравнительных образцов А, хотя, скажем, по таким-то показателям находится на границе морфологических вариаций с В и С. При этом очевидно, что образцы, когда-то классифицированные как *Homo habilis*, также участвуют в этих сравнениях (да и сами порой являются объектами изучения), и, таким образом, не только сегодня, но еще и в обозримом будущем им

гарантировано участие в новых статистических исследованиях. При этом говорить о каком-то реальном результате исследований или «нахождении истины», разумеется, не приходится, так как эволюционная антропология в своей основе имеет системную ошибку – аксиому о происхождении человека от обезьяны. Там, где истинному антропологу пристало классифицировать и разделять, эволюционист занят исключительно поиском сходства костей человека и обезьяны. Никакое изучение морфологии не поможет прояснению истины и просто не имеет смысла, когда в набор хабилисных образцов, выступающих в качестве «сравнительной группы», всякий раз включаются человеческие, «условно назначенные на *H. habilis*» (ER 1481, ER 1590, SK 15, SK 847 и др.), а также образцы парантропа или просто неидентифицированные.

Поэтому в возгласе «хабилис жив!» нужно всегда различать эволюционистскую подмену. Ибо «живые» лишь конкретные костные образцы, какие-нибудь KNM-ER'ы под номерами такими-то, регулярно вносящие свой статистический вклад во всю эту палеоантропологическую бухгалтерию. Эти образцы, если их еще не приписали окончательно к другому роду, именуются пока *Homo habilis*. В этом смысле хабилис и находится в научном обороте и упоминается в статьях. Но «научно живой» *Homo habilis* – не как статистический материал, а как таксон, эволюционно переходный к человеку – это «оборот» не научный, а пропагандистский, более того – мошеннический, потому что нахождение в научном обороте теории, подтвержденной на таком уровне,

дискредитирует и теорию, и оборот, и саму науку. Равно как и нельзя назвать наукой ту, которая рассматривает вопрос происхождения человека, свергает Творца, дает в предки человека обезьяну, но для обоснования своих вселенских претензий потрясает перед носом у изумленной публики маленьким сафьяновым мешочком с несколькими костяшками непонятного роду-племени. Таким образом, те статьи о хабилисе, в которых еще поднимаются вопросы переходной формы и новых прогрессивных признаков – это не **работа над проблемой хабилиса**, а именно миф и ностальгия по мифу. Друзья мои, посмотрите на сегодняшний «список Хеслипа». Просто имейте в виду, на каком жалком материале держатся наглые утверждения об эволюции человека!^[17]

9.

Одна из последних попыток спасения *Homo habilis* была предпринята в 2004 году американским антропологом Мартином Хеслером и швейцарцем Генри Макгенри (Haeusler and McHenry, 2004) и запомнилась главным образом своей сюрреалистичностью. Вот уж, действительно, не говори никогда, что видел абсурд, абсурднее которого уже быть не может... Признаться честно, я ранее и предположить не мог, что чтение какой-либо научной статьи из серьезного реферируемого журнала может сопровождаться такой порцией здорового веселья.

Суть в том, что два упомянутых ученых мужа, как и прочие, прекрасно понимали, что скелет ОН 62

является главным субъектом, уничтожившим весь хабилисный фэнтези-мир, всю бывшую «творческую дармовщину» – и что именно этот скелет нужно каким-то образом эволюционно реанимировать. Вот только каким? Чтобы никого не обидеть кроме иезуитов, назовем все эти хитрые *штучки*, то есть, прошу прощения, методы, относительно нейтральным прилагательным «иезуитские».

Я в очередной раз повторяю свое утверждение, что многие эволюционистские методы были бы невозможны без пилтдаунских облегченных манер, унаследованных официальной антропологией с самого начала. Наверняка Хеслер и Макгенри не раз вспоминали ту же историю с черепной крышкой и бедренной костью яванского «питекантропа», соединенных в единое существо без всяких на то оснований. Однако, как и многие другие, они, видимо, считали истинным и оправданным всё, что работает на эволюцию. Если Дюбуа было позволительно комбинировать своего питекантропа из костей предположительно разных существ, то почему мы, Хеслер и Макгенри, не можем в существующем скелете «предка» по своему усмотрению заменять любые кости костями других существ?

Возможно, что сии ученые мужи были знакомы с анекдотом о претензии низкорослого человека стать артистом балета: «Я вовсе не маленький, просто у меня ноги короткие!». Возможно также, что одна из супругов или дочерей уважаемых антропологов познакомила своего близкого человека с современными косметическими изысками – возможностью наращивания всяческих волос и ногтей.

Тем не менее, в одно прекрасное утро Хеслера и Макгенри осенила гениальная догадка – а что если обезьяноподобному хабилису, имеющему руки почти до земли, не побояться и – **нарастить ноги?**

Сказано – сделано. Для начала Хеслер и Макгенри решили дискредитировать скелет Люси (AL 288-1), бывший сравнительным образцом для ОН 62. Ведь именно в сравнении с пропорциями конечностей афарского австралопитека хабилисный ОН 62 показал свое бóльшее обезьяноподобие. Спасители хабилиса аргументировали негодность такого сравнения тем, что кости AL 288-1 были несколько более массивны, а более грацильный хабилис мог быть выше ростом и иметь более длинные ноги. Любопытно, что уже в этом первом пункте исследователи вывернули логику наизнанку, превратив очевидное препятствие к пересмотру в его основание – ведь исследователи ОН 62 не просто «привязывали» его к Люси, но и рассчитывали пропорции, исходя из его собственной грацильности, то есть, определенной длины костей и их толщины в поперечном сечении. Проще говоря, при столь длинных руках с тонкими костями хабилис не мог иметь столь же пропорционально длинные ноги; это выводилось и без сравнения с Люси – и, напротив, именно бóльшая массивность Люси эту невозможность подтверждала [[фото 1](#)].

Но важно было лишь отделаться от скелета Люси с ее короткими бедренными костями. Следующим шагом следовало обосновать утверждение о длинных нижних конечностях хабилиса. Счастливым обстоятельством для ученых мужей была фрагментарность бедренной

кости ОН 62 – отсутствовала ее нижняя, дистальная часть. Плохим обстоятельством являлось то, что бедренная кость была все-таки чересчур тонка для предположения о высоком существе с длинными ногами. Хм, где же было взять *подходящую* тонкую и при этом длинную бедренную кость? Хеслер и Макгенри перерыли все сусеки и нашли-таки нужный образец. Это была бедренная кость с индексом ОН 34, **принадлежащая *Homo erectus* (!)**. Сказать больше – это была вообще весьма странная, аномальная по многим значениям кость, находившаяся у антропологов на особом счету. Она была чрезвычайно тонкостенной, имела широкое отверстие *foramen nutricium* и необычный профиль. Изучавшие ее антропологи Дей и Молессон так и не смогли прийти к однозначному выводу по поводу ее странностей. По одной версии ОН 34 приобрела свой нынешний вид в результате химической или водной эрозии (кстати, была найдена в русле древней реки и имеет также сточенную бедренную головку). По другой версии аномальность ОН 34 обусловлена патологией ее хозяина – атрофией в результате невралгического заболевания с параличом ноги. Но именно этой весьма «нетрадиционной» костью Хеслер и Макгенри **решили заменить** родную бедренную кость ОН 62 [[фото 2](#)]. Худого слова не говоря, они виртуально приладили ОН 34 к хабилисному скелету, получив в результате какого-то чудовищного, нелепого человека-аиста. Точнее, обезьяно-аиста [[фото 3](#)]. Говорят, что доказать можно любой бред, для этого нужно лишь ввести необходимое количество допущений. Реконструкторы самозабвенно насочиняли массу историй,

например, что у ОН 34 подверглась водной эрозии лишь шейка бедра, а сама кость при этом «была вмурована в песок или матрицу». Или ловко обыграли тот неудобный факт, что ОН 34 была найдена в III слое Олдувая и имела официальный возраст не более 0,65–0,9 млн. лет (когда хабилисы, согласно принятой схеме, уже давно вымерли) – фантазеры тут же предположили, что кость была переотложена в верхние молодые слои из более старых нижних. Еще одна неприятность, правда, состояла в том, что кость была также, как и ОН 62, сломана в дистальной части, хотя сохранился ее значительно бóльший фрагмент. Поэтому откровенный подлог продолжился. Была создана компьютерная графическая реконструкция «новой бедренной кости хабилиса», аналогом которой служили... человеческие бедренные кости, уже знакомые нам, ER 1472, ER 1481 и WT 15000, так сказать, *надежно засвидетельствовавшие*, что цельная кость ОН 34 (эректусная, но играющая роль хабилисной!) имела первоначальную длину 375–392 мм. Вся эта ситуация похожа на то, как чемпион мира бьет рекорды, а они приписываются какому-нибудь ленивому оболтусу. Читатель, как вы думаете, что использовалось для подтверждения этого *нового хабилисного диапазона*? Мне кажется, что вы и сами догадались. «Поскольку длина бедра ОН 34 является принципиальной для оценки пропорций конечностей ОН 62, точность метода графической реконструкции была проверена на 13 **современных человеческих бедренных костях**, которые находились в диапазоне 365–415 мм».

Вот поэтому я и не мог удержаться от смеха, читая эту серьезную, очень научную, очень реферируемую статью. Я опускаю такие мелочи, как манипулирование даже экспериментальными образцами^[18]. Сама «беспристрастность» выбранной аргументации и оригинальность методов вызывают изумление какой-то неизбывной «наглостью» и неуважением к здравому смыслу. Ученых не беспокоит, что их идея реабилитировать хабилиса уже изначально испорчена навязчивой, бросающейся в глаза заданностью результата. Это тот самый классический случай кругового доказательства (или «порочного круга»), когда вывод следует из положения, которое само доказывается с помощью этого вывода. Так как хабилис ОН 62 был, по нашему мнению, длинноногим, такая-то чужая кость подходит ему наилучшим образом. А раз кость подходит, из этого следует, что хабилис был именно длинноногим... Двоемыслие, двойные стандарты эволюционистов не менее впечатляют. В одном случае сторонникам эволюции одним лишь беспочвенным предположением о патологии достаточно закрыть или дискредитировать неудобную находку (Sale, LB-1 и др.), но в другом они не только сочиняют целую серию приключенческих историй, почему морфологически аномальная кость может считаться нормальной, но не видят ничего зазорного, чтобы для доказательства «человеческих пропорций» обезьяны приладить к ее скелету не просто чужую, а человеческую кость! В этом случае непонятно, почему они отказываются в качестве сравнительного образца только от скелета Люси. А почему уж тогда просто не отказаться от

компрометирующего скелета ОН 62 и не создать из человеческих костей новый скелет «правильного хабилиса»? Самый главный вопрос, который напрашивается при знакомстве с работой Хеслера и Макгенри – друзья мои, **а чем ваш метод принципиально отличается от классической пилтдаунской подделки?** Действительно, чем? Там лихие люди заменили человеку челюсть на обезьянью, дабы представить его более «диким». Здесь обезьяне заменяют конечности человеческими, чтобы представить ее более «человечной». Однако в первом случае фальсификаторы, как истинные джентльмены, осознающие порочность своего метода, действовали тайно, воровски. Здесь же ученые мужи Хеслер и Макгенри, как истинные сыны сего постмодернистского века, действуют нагло, в открытую, призывая столь же бесчувственных к этике соратников разделить с ними радость безнаказанности обмана. А уж подлоги с рисунками – это у них родовое, еще от Геккеля с его эмбрионами. Авторы как будто не видят, что подобный «журавль» с юмористически нарощенными ногами, вписанный в человеческие пропорции тела и скелета, просто не мог существовать в действительности – для этого его кости должны быть вдвое толще, предположительная мышечная масса вдвое больше, а суставы вдвое массивней.

Впрочем, как я сказал, уже нет смысла обсуждать адекватность хабилиса в качестве нашего предка. Подобный пример хорошо иллюстрирует не только варианты *пребывания хабилиса в научном обороте*, но, главное – демонстрирует тот уровень абсурда, на

котором могут находиться реферируемые журналы и солидные научные исследования. Мы лишний раз убеждаемся, что эволюционный «антропогенез» иначе как с помощью подлога и подтасовок сегодня уже существовать не может.

К 2007 году относится последняя на сегодняшний день находка образца, классифицируемого как хабилис. В Кении, в районе озера Туркана (бывш. Рудольф) Мив Лики нашла хабилисную челюсть (**ER 42703**), которая подвела черту под всеми претензиями на возвращение хабилиса. Согласно Мив Лики и Фреду Спуру, найденный индивид имел эволюционный возраст не более 1,44 млн. лет, проживал на одной территории с людьми более 500 тыс. лет, и если смог уцелеть, то только в случае, если имел другую экологическую нишу, другие маршруты передвижения и не конкурировал с людьми за ресурсы. Вывод Лики и Спура остается прежним – *Homo habilis* является тупиковой ветвью, не имеющей отношения к эволюции человека. Мы же подчеркнем другой момент. Нас не удивляет, что человек, *Homo erectus*, появляется в истории никак не позже хабилиса, а во многих регионах и вовсе без хабилисного присутствия. Но челюсть ER 42703 – еще один, последний штрих в закрытии легенды о некоем предке-предчеловеке. Образец ER 42703 свидетельствует, что со времени появления в истории *H. habilis*'а этот таксон так и не показал каких-либо «эволюционных изменений», – если, конечно, таковыми не считать его явную деградацию и последующее вымирание. Как оказалось, хабилис с первого дня и до того момента, когда человек уже

вовсю колонизировал планету, пользуясь огнем и «высокими ашельскими технологиями», так и остался «хабилисом»; той же самой обыкновенной африканской обезьяной, ныне ископаемой.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Перечень основных экземпляров таксона *H. habilis* (и *H. rudolfensis*)

на примере каталога окаменелостей Стивена Хеслипа (Мичиганский университет)

НОМО HABILIS, [страница каталога](#) ископаемых окаменелостей ~ Hominid Fossils by Steven Heslip ([Сохраненная страница](#) 2001 года)

(Мои условные обозначения:

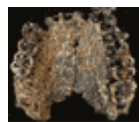
*** – образец достоверно не идентифицирован, либо сегодня назначен на *Australopithecus/Paranthropus*;

*** – образец на сегодняшний день перемещен в *Homo erectus/ergaster*.

Эта страница является комментариями к каталогу Стивена Хеслипа (размещенного на сайте Мичиганского университета), с использованием цитат автора каталога и известных палеоантропологов. Взгляните на каталожный список *H. habilis* (и *H. rudolfensis*) 2001 года и сравните его с тем, как он выглядит сегодня. Из 34-х образцов *Homo habilis*, указанных в каталоге Хеслипа, на сегодняшний день условно остались нетронутыми лишь восемь, да и те находятся под подозрением в принадлежности к

другим таксонам. А из прочих 26-ти образцов, ранее зачисленных в хабилисы, семнадцать либо так и остались неопознанными, либо переключались в разряд парантропов (официально не имеющих отношения к человеческой линии), а девять – после изучения новыми методами и в силу потерявших свою актуальность некоторых эволюционных схем – рассматриваются в наши дни как *Homo erectus/ergaster* (причем, это относится к ряду наиболее весомых находок, служивших ранее надежной опорой хабилисному таксону).

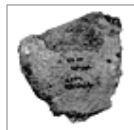
Каталожные индексы находок, по-прежнему приписываемых хабилису, оставлены без цветовых выделений, стандартным черным цветом, например, **ОН 7**. Основная часть фотографий образцов взята из того же каталога, часть фотографий, отсутствующих у Хеслипа, добавлена мной. Для увеличения любого изображения щелкните на его миниатюре.



***** AL 666-1**, фрагмент челюсти, 2,3 млн. лет.
Таксономический статус этого образца со времени находки продолжает оставаться

неопределенным. Челюсть непохожа ни на известные аналогичные образцы грацильных австралопитеков, ни на массивных, ни на человека (Дробышевский, 2002; «Предшественники...[I–II]»). Антрополог В. Кимбелл пишет: «Было предложено назначить образец на несколько таксонов: *H. habilis*, *H. rudolfensis*, ранний *H. erectus*, или *H. ergaster*. Характеристики новой челюсти представляются типичными для рода в целом, но нечеткими для видовой детализации» (Kimbel et al., 2002; «Late Pliocene Homo...»). Дэвид Крэггер в своем каталоге

окаменелостей так же относит находку к категории «*Homo indeterminate*» («Род *Homo*, вид не определен»).



*** **KNM-ER 164**, париетальный (теменной) фрагмент черепа. Примечание Стивена Хеслипа: «*Like belongs to H. habilis, possibly an Australopithecine though*» («помещен как принадлежащий *H. habilis*, хотя вероятно отнесение к роду австралопитековых»). **Сегодня образец классифицируется как *Paranthropus boisei*** (Дробышевский, 2002; «Предшественники...[I–II]»). Хеслип тоже помещает этот образец параллельно с хабилисом в соответствующий раздел каталога как *Paranthropus boisei*.



*** **KNM-ER 731**, фрагмент нижней челюсти, 1,5–1,8 млн. лет. Примечание С. Хеслипа: «*its classified here as habilis because of its gracile appearence is rather a shot in the dark*» («классифицирован здесь как хабилис из-за его очевидной грацильности – но это, скорее, предположение, сделанное наугад»; «*a shot in the dark*» – дословно «выстрел во тьму») – **сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster***.

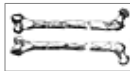
*** **KNM-ER 739**, правая плечевая кость. Из-за крупных размеров была причислена к хабилисам в период, когда те представлялись крупными существами с почти современной анатомией. Сегодня по поводу ER

739 единого мнения не существует. Джон Хоукс, например, [упоминает этот экземпляр](#) в числе других как несомненного эректуса, Энн-Мери Бэкон пишет, что «таксономическое положение ER 739 (*Homo* или *Paranthropus*?) точно еще не определено» (Bacon, 2000; «Principal components analysis...»), а Макгенри полагает, что находка принадлежит *Australopithecus boisei* и ссылается на то, что подобное мнение не раз высказывалось прежде: «Большая плечевая кость KNM-ER 739 часто расценивалась как робустный австралопитецин (например, Leakey, 1971; McHenry, 1973; Day, 1976; Howell, 1978). Ее размер соответствует человеку весом 72 кг» (McHenry, 1992; «Body Size and Proportions...»). Логично предположить, что поскольку «хабилисов» с такими пропорциями и весом не бывает, то экземпляр принадлежит другому таксону. Дробышевский также относит экземпляр к *P. boisei* (Дробышевский, 2002; «Предшественники... [I–II]»). Тем не менее, **точная таксономическая принадлежность находки неизвестна.**

*** **KNM-ER 817**, фрагмент нижней челюсти. Примечание С. Хеслипа: «*Epecially difficult to identify, this specimen has been placed under the general categorization of Homo*» («В силу затрудненной идентификации этот экземпляр был классифицирован **в целом как *Homo***» – **точная таксономическая принадлежность находки неизвестна.**



*** **KNM-ER 992** (a-d), нижняя челюсть, 1,5–1,6 млн. лет. **Сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster*** и считается голотипом этого таксона.

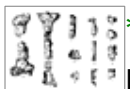


*** **KNM-ER 1472**, правая бедренная кость – **сейчас образец рассматривается как *Homo ergaster*** (Kennedy, 1983; «*A morphometric and taxonomic...*»; Дробышевский, 2004, «Предшественники... [III–IV]»).

*** **KNM-ER 1474**, фрагмент черепа. Примечание С. Хеслипа: «*Likely belongs to habilis, but also a less-likely candidate for Australopithecus*» («предположительно принадлежит хабилису, также, хотя и в меньшей степени, **вероятный кандидат на австралопитека**»), – **точная таксономическая принадлежность находки неизвестна.**



*** **KNM-ER 1481** (a-d), фрагменты нижних конечностей от одного индивида – сейчас эта находка, также как и ER 1472, **рассматривается как *Homo ergaster*.**



*** **KNM-ER 1500**, фрагменты скелета от одного взрослого индивидуума. Находка еще в 1988 году **была назначена на *Australopithecus* (ныне *Paranthropus*) boisei** (Grausz и др., 1988, «Associated

cranial...»; Walker и др., 1989, «*Evolution in the Australopithecus...*»), и сегодня в научных работах рассматривается в этом качестве.



KNM-ER 1501, фрагмент нижней челюсти, 1,75 млн. лет. Здесь я не отмечаю образец в качестве спорного, однако, стоит упомянуть замечание об этой группе из Кооби Фора, что «относительно видовой принадлежности конкретных находок существуют большие разногласия» (Дробышевский, 2002; «Предшественники...[I–II]»). По поводу сегодняшнего положения таксона Дэвид Крегер пишет: «*Homo habilis* - очень сложный для описания таксон. Не существует двух исследователей, которые нашли бы согласие по поводу всех известных экземпляров хабилиса, и немногие могут договориться, какие черты хабилиса определяют; законный ли это вообще таксон, а также действительно ли он принадлежит роду *Homo* или же *Australopithecus*. Хотелось бы надеяться, что будущие открытия и будущий кладистический анализ рассматриваемых экземпляров помогут прояснить эти проблемы, или, по крайней мере, лучше определить то, какой разновидности они принадлежат» (Web-каталог окаменелостей C. David Kreger).

KNM-ER 1502, фрагмент нижней челюсти, 1,65 млн. лет. См. замечание выше.



*** **KNM-ER 1503**, проксимальный фрагмент правого бедра. **Сейчас образец классифицируется как *Paranthropus boisei*** (Дробышевский, 2002, «Предшественники...[I–II]»). Хеслип помещает его также на соответствующей странице каталога как *P. boisei*.



*** **KNM-ER 1504**, дистальный фрагмент правой плечевой кости. **Сейчас образец классифицируется как *Paranthropus boisei*** (Дробышевский, 2002, «Предшественники...[I–II]»). Хеслип также параллельно каталогизирует его как *Paranthropus boisei*.

KNM-ER 1506, фрагмент нижней челюсти. См. замечание выше относительно ER 1501 и ER 1502.



*** **KNM-ER 1507**, фрагмент нижней челюсти. **Сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster*** (Wood, 1991: «*Hominid Cranial Remains...*»).



*** **KNM-ER 1805**, один из пяти относительно полных черепов, 1,75 млн. лет. Томсон пишет, что «Анализ основных компонентов (*principal components analysis*, PCA) базо-краниальных размеров выделяет KNM-ER 1805 из всех гоминидных окаменелостей как обладателя крайних значений. [...] Результаты этого сравнения показали, что у KNM-ER

1805 фораминный овал (foramina ovale) смещен вперед в большей степени, чем у любого из сравнительных экземпляров. KNM-ER 1805 обладает множеством других уникальных особенностей, которые дифференцируют его от других гоминидов, включая персистентный метопический шов, форму корней предкоренного зуба, и формы астерионной (asterionic) области. Эти очевидно уникальные особенности означают, что KNM-ER 1805 вряд ли представляет собой «среднего» входящего в *Homo habilis* индивидуума, и поэтому данный экземпляр не соответствует модели фенотипического образца, входящего в таксон» (Thompson, 1993; «The unusual cranial...»).

Вообще череп ER 1805 эво-антропологи всегда старались как бы обходить стороной. В свое время он попал в хабилисы лишь после того, как все попытки приписать его к какому-нибудь подходящему таксону оказались неудачными – он не подошел никому. Джим Фоули, автор базового информационного сетевого эво-ресурса «The Talk Origins» говорит о ER 1805 в своем каталоге окаменелостей: «Некоторые признаки, вроде стреловидного гребня, являются типичными для *A. boisei*, но для этого таксона зубы слишком малы. [...] Различные исследователи назначали этот образец практически на каждую мыслимую категорию, но большинство приписали его *Homo habilis* (например, Wood, 1991). Недавнее кладистическое исследование поместило образец вне рода *Homo* и в большем его подобии робустным австралопитекам, поскольку образец дифференцирован от любых известных видов *Homo*»

(Foley, сетевой каталог «*Prominent Hominid Fossils*» сайта «*The Talk Origins*»). Хеслип также параллельно помещает ER 1805 в соответствующем разделе своего каталога как *Paranthropus boisei*. **Таким образом, таксономический статус этой находки остается неопределенным; ряд исследователей выводят ее из категории *H. habilis* и помещают условно в *Paranthropus boisei*.**

***** KNM-ER 1808**, фрагменты скелета от одного индивидуума. **Сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster*.**



***** KNM-ER 1813**, череп, 1,65 млн. лет (новая датировка, Gathogo & Brown, 2008; «*Revised stratigraphy of Area 123...*»). Как уже говорилось выше, фактически с первого дня своей находки ER 1813 вызывал несмолкающие споры и сомнения относительно своего таксономического статуса. Этот череп всегда являлся своеобразным палеоантропологическим парадоксом. При том что экземпляр принадлежит существу с явными чертами понгид, он казуально имеет ряд так называемых «прогрессивных» признаков – округлый затылок, отсутствие сагиттального гребня, небольшие надбровные дуги и узкое носовое отверстие. По поводу проблемы идентификации ER 1813 антропологи всегда делились на три группы. Одни все-таки предлагали усилием воли разглядеть в этом существе женскую особь хабилиса и объяснить столь

малые размеры черепа чрезвычайно высоким половым диморфизмом (по имеющимся признакам череп принадлежит мужской особи (Зубов, 2004)). Другие настаивали, что на основании уникальной черепной морфологии, не встречаемой у других гоминид, ER 1813 должен считаться новым видом *Homo* (например, был описан как *Homo microcranous* (Ferguson, 1995)). Третьи относили образец к австралопитекам. В связи с этим эво-антрополог Виллис говорил, что проблема ER 1813, равно как и «Загадочного черепа» ER 1805, находится в стадии «отложенного решения». **Таксономический статус ER 1813 до сих пор не определен.**



***** KNM-ER 3228**, фрагмент человеческого таза современной анатомии, относится к группе находок того же возраста, что и ER 1470, т.е. 1,9 млн. лет (согласно Дробышевскому, 2004) – 1,89–1,95 млн. лет, до 3,18 млн. лет). **Сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster*.** Сегодня, когда находка ER 3228 признана истинно человеческой, нет необходимости сравнивать, скажем, хабилиса ОН 62 и более позднего «Турканского мальчика» WT 15000 в пользу последнего, так как эргастерные находки вроде ER 3228 синхронны или превышают по возрасту хабилисную группу 1,8–1,9 млн. лет, имея при этом уже современную анатомию.

KNM-ER 3735, посткраниальные фрагменты от взрослого индивидуума. Несмотря на чрезвычайно

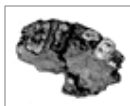
малое количество материала, ER 3735 имеет статус «второго хабилисного скелета», так как отчасти позволяет рассчитать некоторые пропорции тела этого индивида.

*** **KNM-ER 3950**, фрагмент нижней челюсти. Примечание С. Хеслипа: «*Wavering as to place with Homo or A. Boisei*» («существует неопределенность относительно того – помещать ли экземпляр в род *Homo* или *A[ustralopithecus]. Boisei*»). **Точной таксономической классификации находка не имеет.**

*** **KNM-ER 3954**, фрагмент нижней челюсти. Этот экземпляр, наряду с ER 5429 и ER 5877 **рассматривается сегодня как *Paranthropus boisei*** (Wood, 1992, «*Early hominid species...*»; Wood and Lieberman, 2001, «*Craniodental Variation in Paranthropus...*»).

*** **KNM-ER 5429**, фрагмент нижней челюсти. **Рассматривается сегодня как *Paranthropus boisei*.**

*** **KNM-ER 5877**, фрагмент нижней челюсти. **Рассматривается сегодня как *Paranthropus boisei*.**



*** **KNM-ER 7330**, фрагмент верхней челюсти и фрагмент черепа. Примечание С. Хеслипа: «Some also consider placement amongst *Australopithecus*» («Некоторыми [исследователями] также рассматривается отнесение находки к австралопитеку») – **Точной таксономической классификации находка не имеет.**



ОН 7, фрагменты черепа, кисти руки и нижней челюсти молодого индивидуума, голотип таксона *Homo habilis*. «*Homo habilis* изначально считался родоначальником всех поздних *Homo*, которые в стройной линейной прогрессии привели к тому, что мы называем современными людьми. Это, как сейчас известно, не имело места» (Web-каталог окаменелостей Смитсоновского института).



*** **ОН 8**, фрагмент стопы. Рэндал Сасмэн обобщает в 2008 году мнение о находке: «Последние обзоры по ранним *Homo* содержат мнение, что стопа ОН 8 может быть типичным *Paranthropus*, в то время как фрагменты черепа, челюсть и фрагменты руки ОН 7 – типичный *H. habilis*» (Susman, 2008; «*Brief communication...*»). При этом Сасмэн только озвучивает позицию других антропологов, но сам утверждает в статье, что ОН 7 и ОН 8 принадлежат одному индивиду, из чего можно сделать вывод, что типовый образец *H. habilis* (ОН 7), может относиться к линии парантропов. См. также

примечание 5 в конце II части 4 главы. **Точной таксономической классификации находка не имеет.**



***** ОН 13** «Cindy» или «Cinderella» («Золушка»), фрагменты черепа, а также верхняя и нижняя челюсти, 1,7 млн. лет. В 1964 году Лики классифицировал находку как *H. habilis*, **сейчас образец классифицируется как *Homo ergaster*** (Stringer, 1986, цит по: Дробышевский, 2004; «Предшественники...[III–IV]»), есть предположение, что фрагменты черепа и челюсти принадлежат двум индивидам разного возраста.



ОН 16 «George» («Джордж»), фрагменты черепа и несколько зубов, 1,7 млн. лет. (С этой находкой 1963 года связана история просто сюрреалистическая. По сути, это был первый череп хабилиса, найденный после фрагментов ОН 7 и ОН 8 в Олдувайском ущелье. Обнаружив его на поверхности под вечер, Луис Лики с Ф. Тобайесом отметили место находки, планируя вернуться к ней наутро. Однако после их ухода пастухи из племени масаев прогнали стадо коров прямо через этот участок, превративших череп в грудку мелких осколков, часть которых впоследствии даже не была найдена. От подобных историй любого исследователя должно просто бросать в жар и философские раздумья о времени и природе случайности. Представьте себе объект, просуществовавший невообразимую уйму времён, почти два миллиона лет, скрытый от глаз

эволюционирующего человечества, переживший смены эпох, оледенения, неандертальцев и рассвет первых цивилизаций... И вот впервые почти за два миллиона лет находка открывается глазу восхищенного исследователя... М-да. Чтобы в течение следующего получаса быть растоптанной «в хлам» каким-то «современным» коровьим стадом, не пережившим даже жалкое время египетских фараонов! В голову лезет какая-то глупость с подсчетами вероятностей и живо представляется восклицание шокированных археологов в адрес масаев – что же вы, ~~идиоты~~, здесь до этого два миллиона лет коров не гоняли? Мы бы хоть подготовились!).

Объем черепа этого индивида принят как 638 см^3 , однако, судя по чрезмерной фрагментарности, невольно возникают предположения, что реконструкторам просто хотелось перешагнуть гоминидный «мозговой рубикон» в 600 см^3 .



ОН 24 («Twiggy») («Твигги»), череп, 1,85 млн. лет. Большинство исследователей сегодня отмечают сходство этой восточноафриканской находки с обитателями Южной Африки *Australopithecus africanus*, однако ОН 24 по некоторым признакам отличается как от *A. africanus*, так и от своих ближайших собратьев по таксону (Дробышевский, 2002; «Предшественники... [I–II]»).



ОН 62 «Lusy's Child» («Ребенок Люси») или «Dik Dik Hill Hominid» («Гоминид из Дик Дик Хилл») – коллекция из 302 фрагментов костей, 1,8 млн. лет – та самая «находка-убийца», показавшая, что по пропорциям тела хабилис является более обезьяноподобным существом, чем *Australopithecus afarensis*. В этом свете даже два разных имени находки представляются отражением первоначального и последующего к ней отношения со стороны эволюционных искателей... «...*Homo habilis* имел структуру тела намного более подобную обезьяне или *Australopithecus afarensis*, чем современному человеку. [...] ОН 62 поставил больше вопросов, чем дал ответов. [...] ...Это запутывает эволюцию ранних людей на уровне *Australopithecus afarensis* и *A. africanus*. Какая из этих линий дала впоследствии линию *Homo*? Пропорции тела *A. africanus* были более обезьяньими, чем у более раннего *A. afarensis*. Парадоксально, но это может поместить *A. africanus* в качестве предка *Homo* – если, фактически, ранние представители нашего рода имели обезьяньи пропорции тела, как у ОН 62» («ОН 62 - More Questions...»).



***** SK 847**, фрагменты черепа, 1,5–2,0 млн. лет. **Сейчас образец классифицирован как *Homo ergaster*** (Johanson, Blake, 1996; цит. по: Зубов, 2004, «Палеоантропологическая родословная...»). Хотя есть предположение, что классификация черепа затруднена именно из-за принадлежности составляющих череп фрагментов разным таксонам.



*** **Stw 53**, фрагментарный череп, 1,5–2,0 млн. лет – «Плио-плейстоценовый череп Stw 53 из Стеркфонтейна, Южная Африка, был отнесен к *Homo habilis* Лики, Найпира и Тобайеса, 1964. Уточнение его предполагаемого гоминидного положения показало более близкое подобие *Australopithecus africanus* Дарта, 1925. Череп – в том виде как он восстановлен, – слишком мал для *H. habilis*; не имеет признаков мозгового развития большего чем у *A. africanus*; его лицевой угол лежит вне гоминидного диапазона, но идентичен таковым у *A. africanus*; его зубы не продолговаты, но показывают buccolingual (щечно-язычное) расхождение. Несмотря на последнюю датировку, Stw 53 не показывает никаких характерных признаков, которые могли бы определить его как *H. habilis*, либо *A. robustus* Брума, 1938. Возможно, это связано с тем, что образец представляет реликтовую популяцию *A. Africanus*». (Ferguson, 1989; «Reappraisal of the taxonomic...»). Таким образом, **точной таксономической классификации находка не имеет.**

НОМО RUDOLFENSIS, [страница каталога](#) ископаемых окаменелостей ~ ([Сохраненная страница](#) 2001 года).



*** **KNM-ER 819**, фрагмент нижней челюсти. Сейчас образец классифицирован как ***Homo ergaster***.



*** **KNM-ER 1470**, череп, 1,89–1,95 млн.л., новая датировка – 2,03 млн.л. (Leakey et al., 2012).

Несмотря на то, что ER 1470 выделен в отдельный вид и является голотипом для *Homo rudolfensis*, его **таксономический ранг остается неясным**. Существуют четыре основные версии в отношении ER 1470, что он: 1). действительно, новый, неизвестный ранее, вид рода *Homo*, получивший законное имя *Homo rudolfensis*; 2). «истинный» *Homo habilis*; 3). представитель одного из родов австралопитецин – либо крупный *Australopithecus africanus*, либо *Paranthropus*; 4). представитель нового рода – *Kenyanthropus rudolfensis* (так считает автор находки, Мив Лики).

«В 1960-х годах многие исследователи утверждали, что *Homo habilis* не является законным таксоном и что окаменелости свидетельствуют о том, что *H. habilis* был представителем других видов. Но с открытием KNM ER 1470, признание *Homo habilis* стало всеобщим. Сейчас, спустя время, это кажется странным, поскольку ER 1470 сегодня, как считается, принадлежит к виду, отличному от *H. habilis*» (Web-каталог окаменелостей Смитсоновского института). Крегер пишет: «Как сказано, применение термина *rudolfensis* к любому экземпляру является спорным, поскольку многие палеоантропологи не признают *rudolfensis* в качестве законного таксона. Его датировки (более ранние, предложенные некоторыми, или одновременные с *habilis*) делают объем его мозга предметом спора и вызывают вопросы о текущей стандартной филогении человеческой линии. *Homo rudolfensis* может быть первым членом рода *Homo* на линии к современным

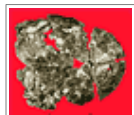
людям, либо он может быть более homo-подобным представителем австралопитецин, не имеющим прямого отношения к эволюции *H. sapiens*. **Нельзя ничего утверждать наверняка в этом вопросе, за исключением того, что количество дебатов по этой проблеме будет только увеличиваться»** (Web-каталог окаменелостей C. David Kreger)



KNM-ER 1482, нижняя челюсть.



KNM-ER 1483 (a-e), фрагменты нижней челюсти.



KNM-ER 1590 (a-q), фрагменты черепа пятилетнего ребенка. находка приписана *H. rudolfensis*, однако креационисты относят ее к истинному человеку, так как ER 1590 показывает т.наз. «прогрессивную» анатомию и пропорции; например, этот пятилетний ребенок обладает объемом мозга, превышающим любые взрослые значения даже для *H. rudolfensis* – 870 см³.



KNM-ER 1801, фрагмент нижней челюсти.



KNM-ER 1802, нижняя челюсть.



KNM-ER 3732, верхняя часть черепной коробки.

Иен Теттерселл считает, что череп не принадлежит хабилисам/рудольфензисам, а вместе с черепом эргастера ER 3833 относит его к некоему третьему виду людей, отличному от *H. erectus* и *H. ergaster* (Tattersall and Schwartz, 2000).



KNM-ER 3891, фрагменты черепа.

Материалы, используемые для комментариев приведенного каталога С. Хеслипа

Kimbel W.H. et al., *Late Pliocene Homo and Oldowan Tools from the Hadar Formation (Kada Hadar Member), Ethiopia*, *Journal of Human Evolution*, 31 (1996), 549–561.

Bacon, Anne-Marie, *Principal components analysis of distal humeral shape in Pliocene to recent African hominids: the contribution of geometric morphometrics*. *American Journal of Physical Anthropology*, Volume 111 Issue 4 (2000), Pages 479–487.

McHenry H.M., *Body Size and Proportions in Early Hominids*, *American Journal of Physical Anthropology*, 87:407–431 (1992).

Kennedy, G.E., A morphometric and taxonomic assessment of a hominine femur from the lower member, Koobi Fora, Lake Turkana, American J. Physical Anthropology 61:433, 1983.

Grausz, H.M., Leaky, R.E., Walker, A.C., Ward, C.V., 1988. Associated cranial and postcranial bones of *Australopithecus boisei*. In: Grine, F.E. (Ed.), *The Evolutionary History of the «Robust» Australopithecines*. Gruyter, New York, pp. 127–132.

Walker A., Ward C.V., Leakey R.E.F., and Grausz H.M. (1989) *Evolution in the Australopithecus boisei* lineage. По: McHenry H.M., *Body Size and Proportions in Early Hominids*, American Journal of Physical Anthropology, 87:407–431 (1992).

Wood, B. A. (1991) *Hominid Cranial Remains*. Koobi Fora Research Project (Oxford Univ. Press, New York), Vol. 4.

Thompson J. L., *The unusual cranial attributes of KNM-ER 1805 and their implication for studies of sexual dimorphism in-Homo habilis*, Human Evolution, Volume 8, Number 4 / 10 (1993).

Randall L. Susman, *Brief communication: Evidence bearing on the status of Homo habilis at Olduvai Gorge*. American Journal of Physical Anthropology, Volume 137 Issue 3, (2008) Pages 356–361.

Gathogo PN, Brown FH. (2006). *Revised stratigraphy of Area 123, Koobi Fora, Kenya, and new age estimates of its fossil mammals, including hominins*. Journal of Human Evolution 51,5:471–479.

Ferguson, W.W., *Reappraisal of the taxonomic status of the cranium Stw 53 from the Plio/Pleistocene of*

Sterkfontein, in South Africa. Primates, Volume 30, Number 1 / 01.1989.

Leakey M.G. et al., New fossils from Koobi Fora in northern Kenya confirm taxonomic diversity in early Homo. Nature 488, 201–204 (2012).

Wood, Bernard and Lieberman, Daniel E., Craniodental Variation in *Paranthropus boisei*: A Developmental and Functional Perspective. American Journal of Physical Anthropology, 116:18–25 (2001).

Wood, Bernard, Early hominid species and speciation. Journal of Human Evolution (1992) 22, 351–365.

McHenry H.M., Body proportions of *Homo habilis* reviewed. Journal of Human Evolution 46 (2004) 433–465.

Дробышевский С.В., Предшественники. Предки? Часть I: Австралопитеки. Часть II: Ранние Homo. Изд. Читинского государственного технического института, Москва-Чита, 2002.

Дробышевский С.В., Предшественники. Предки? Часть III: Архантропы. Часть IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам. Едиториал УРСС, М., 2004.

Зубов А.А., Палеоантропологическая родословная человека. Институт этнологии и антропологии РАН, М., 2004.

Web-каталог окаменелостей Смитсоновского института: *Homo habilis* [[ссылка 1](#)]; «OH 62 – "More Questions than Answers"» [[ссылка 2](#)].

Web-каталог окаменелостей С. David Kreger, Center for Human Evolutionary Studies, Department of

Anthropology, Rutgers University, *Homo/Australopithecus habilis* [[ссылка 1](#)]; *Homo/Australopithecus rudolfensis* [[ссылка 2](#)].

Web-каталог «*Prominent Hominid Fossils*» сайта «*The Talk Origins*».

Ian Tattersall and Jeffrey H. Schwartz. *Extinct Humans*, Westview Press 2000.

Примечания

¹⁰ «Ложки не существует...». – Сентенция из популярного кинофильма «Матрица». В широком смысле означает следующее – не стоит удивляться даже самым фантастическим трансформациям, происходящим с предметом, если самого этого предмета не существует в реальности.

¹¹ «...хабилисы и люди были очевидными современниками». – Сегодня принятые цифры периода существования разных гоминид таковы: *Australopithecus afarensis* обитал в период 3,9–2,5 млн. лет назад по с.ш., *Australopithecus africanus* – 3,3–2,3 млн. лет, *Paranthropus (Australopithecus) robustus* – 2,5–0,9 млн. лет. *Homo habilis*, классифицируемые сегодня также как *Australopithecus habilis* (Вуд, Коллард, 2000), обитали в период 1,9–1,44 млн. лет назад по с.ш. Некоторые авторы часто относят появление хабилиса к периоду 2,3–2,4 млн. лет назад, основываясь на косвенных свидетельствах (каменных инструментах с неустановленным авторством), либо на неидентифицированных костных останках. В то же время следы первых *Homo erectus/ergaster* могут иметь датировки с верхней границей 3,18–2,25 млн.

лет, и нижней – 50–27 тыс. лет назад (Дробышевский 2004, Зубов, 2004), а для *Homo floresiensis*, если считать эту форму разновидностью эректуса, 13–18 тыс. лет.

¹²«...датирован Ф. Фитчем и Д. Миллером возрастом 219–228 миллионов лет». – В эволюционной литературе, посвященной проблеме черепа ER 1470, факт первоначальной датировки туфа KBS в целом единодушно обходится скромным молчанием. Это вполне объяснимо и не стоило бы упоминания, однако пропагандистами эволюционизма сей казус в ряде случаев объявляется выдумкой оппонентов. Тогда как это реальный факт – результаты датирования туфа KBS за два года до находки под ним черепа-1470, хотя и с указанием ошибочности таких цифр, были опубликованы Фитчем и Миллером в журнале «Nature» (Fitch F.J. and Miller J.A., *Radioisotopic Age Determinations of Lake Rudolf Artifact Site*, Nature 226, April 18, 1970, p. 226–228).

¹³«...известный первоначально как "Tchadanthropus uxoris"». – В 1961 году в республике Чад француз Ив Коппенс нашел, как ему показалось, череп хабилиса возрастом 1 млн. лет. При более тщательном изучении выяснилось, что это череп современного хомо сапиенса, который в результате эрозии песком и ветром приобрел сходство с хабилисом (Wood, 2002, по: Дробышевский, 2004). Находка относится к разряду аномальных и сегодня практически не упоминается. В интернете [изображение уксориса](#) можно найти на старой марке, победно выпущенной в Чаде в честь находки, когда еще не было известно о ее аномальности.



Стопа ОН 8

¹⁴ «...из двух зол ученый предпочел выбрать меньшее». – Вот что пишет по поводу ОН 8 С.В. Дробышевский:

«Стопа *H. habilis* ОН 8 множество раз описывалась и изучалась с различных точек зрения (Данилова, 1989; Day et Napier, 1964, 1966; Day et Wood, 1968, 1969; Oxnard, 1972; Oxnard et Lisowski, 1980; Kidd et al, 1996 и другие). ОН 8 представляет собой предплюсневый отдел без задней части пяточной кости и основания плюсневых костей. В целом, стопа маленькая,

относительно широкая. Относительно ее пропорций, строения суставов, а также выраженности поперечного и продольного сводов существует несколько мнений. Наиболее морфологически и метрически обоснованным является заключение о большой специфике строения стопы ОН 8, равно отличающейся как от понгид, так и от современного человека (Kidd et al., 1996). Таранная кость своеобразна; ее строение по измерительным данным ближе к орангутану, чем к африканским понгидам и современному человеку (Oxnard et Lisowski, 1980; Kidd et al., 1996). Широтно-длиннотные пропорции кости ОН 8 похожи на таковые современного человека. Головка таранной кости сильно отклонена медиально, как у человекообразных обезьян, больше, чем у массивного австралопитека, угол шейки соответствует углу у палеоантропов, но больше современной человеческой средней. Таранно-ладьевидный сустав сильно изогнутый, как у человекообразных обезьян. Пяточная кость также своеобразна, ее строение ближе к африканским понгидам, чем к орангутану и современному человеку (Kidd et al., 1996). Апофиз пяточной кости почти горизонтален, как у современного человека; строение пяточно-кубовидного сустава также прогрессивно.

Ладьевидная кость по измерительным признакам больше похожа на таковую африканских человекообразных обезьян, чем орангутана или современного человека. Кубовидная кость своеобразна настолько, что комплекс ее размеров и

пропорций равно отличается от понгид и современного человека (Kidd et al., 1996). **Дистальная сочленовная площадка внутренней клиновидной кости выпукло-вогнутая, что может рассматриваться как признак более сильного отведения I пальца ОН 8 по сравнению с человеком (Lewis, 1972),** однако форма сочленовных поверхностей сильно варьирует у человека и антропоидов. Клиновидные и кубовидная кости расположены по дуге, но уплощения клино-ладьевидного и предплюсне-плюсневых суставов, всегда выраженного у человека, у ОН 8 не наблюдается; изогнутая линия этих суставов характерна для человекообразных обезьян. **Возможно, продольный и поперечный своды стопы были хорошо выражены (Данилова, 1989; Day et Napier, 1964, 1966), однако, согласно исследованию суставов плюсны, свод был уплощен, подобно тому, как это наблюдается у гориллы и шимпанзе (Oxnard et Lisowski, 1980).**

Плюсневые кости, в том числе латеральные, очень толстые; отсутствие редукции II–V плюсневых является примитивным признаком. I плюсневая очень крупная и массивная. **Согласно разным данным, отведение I луча могло быть как слабым (Данилова, 1989; Day et Napier, 1964, 1966), так и значительным (Kidd et al., 1996).**

Реконструкция возможной локомоции олдувайского гоминида ОН 8 приводит к выводу, что она была как наземной, так и древесной, но в любом случае отличной от человеческой (Oxnard et Lisowski, 1980; Kidd et al., 1996). Таким образом, большая близость Н.

habilis к человеку по сравнению с австралопитеками в отношении способа передвижения оказывается под большим вопросом. Как можно видеть, большое количество признаков, из которых важнейшими являются строение кисти и пропорции конечностей, у олдувайских *H. habilis* чрезвычайно примитивны или специализированы. Трудно сравнивать в этом отношении гоминид Олдувая и Кооби Фора, поскольку в разных местонахождениях обнаружены остатки разных частей скелета; однако, судя по краниальной морфологии, не исключена большая примитивность или специализация южных популяций *H. habilis*».

15 «...его представителем всякий раз прикидывается нечто, временно исполняющее обязанности?». – Несмотря на тяжелую утрату – потерю хабилиса – эволюционизм до сих пор продолжает не очень чистые игры с этим фантомным таксоном. При этом череп ER 1470 у недобросовестных специалистов (или упертых догматиков-дарвинистов, особенно в нашей стране) – часто продолжает оставаться «крышей» для всего хабилисного таксона. Напомню, что при первой реконструкции ER 1470 Мив Лики неверно определила объем его черепной коробки – в 800 см^3 . Сколько воды утекло с тех пор – и череп потерял свое прежнее «предковое» значение, и объем его мозга давно был уточнен как максимум 752 см^3 . Не беда! Обычный, проверенный трюк – говорим «Ленин», подразумеваем «партия». То есть, говоря о замечательном промежуточном таксоне хабилис, подставляем данные давно дезавуированного черепа ER 1470. При этом весь сомнительный мусор,

накопившийся в хабилисной трэш-корзине, не упоминаем. Многие эволюционные «бумажные» и электронные источники (включая, например, сайт А. Маркова) сообщают, что хомо хабилис (именно хабилис, а не рудольфензис, который обычно рассматривается отдельно) жил в период 2,4–1,5 млн. лет назад, а объем его мозга колебался между 500 и 800 см³. Уверяю читателя, что ни одних останков хабилиса возрастом 2,4 млн. лет по с.ш. в природе не существует, как не существует ни одного черепа хабилиса с объемом мозга 800 см³ – всё это вариации на тему домыслов о некоем призрачном, тканом из воздуха таксоне *Homo rudolfensis*, специально созданном в свое время под череп ER 1470. Средний объем мозга хабилиса (именно ортодоксального хабилиса), если на то пошло, по сохранившимся черепам и реконструкции челюсти ОН 7 составляет **572 см³** [(674 см³ (ОН 7) + 509 см³ (ER 1813) + 582 см³ (ER 1805) + 594 см³ (ОН 24) + 500 см³ (Stw 53)], то есть чуть больше верхних значений австралопитека и ниже «мозгового рубикона» для *Homo*. Это называется – объем мозга колебался между 500 и 800 см³? Откуда же такие «дровишки»? И откуда верхний возраст хабилиса – 2,4 млн. лет? Существует челюсть массивного австралопитека под индексом UR 501, которая датируется возрастом от 2 до 2,4 млн. лет и которая приписана **рудольфензису**, но в силу недостоверности датировки (Зубов, 2004) и неясности таксономического положения многие авторы обходят ее молчанием. Существует также челюсть AL 666–1 возрастом 2,33 млн. лет по с.ш., но и ее таксономический статус неясен. Причем, не по

причине какой-либо ее гипотетической переходности, а по причине фрагментарности. Одни относят ее к австралопитекам, другие к хабилисам, креационисты к хомо эректусам, а часть ученых к разряду *Homo indeterminate* (хомо неопределенный – см., например, каталог www.modernhumanorigins.net Kreger'a). Но такие спорные находки некорректно использовать для обозначения верхнего возрастного предела таксона. Еще одна уловка, позволяющая говорить о хабилесе как о 2,4-миллионолетнем таксоне, связана с находками каменных инструментов в соответствующих горизонтах в отсутствие костных останков. По сути, это чистая спекуляция – мол, 2,4 млн. лет назад эти инструменты мог изготовить только хабилис, следовательно, хабилисы и жили 2,4 млн. лет назад (напомню, однако, еще раз, что Л. Лики находил в «хабилисном» I-ом горизонте Олдувая и камни-боло, и костяные инструменты, похожие на лошिला для выделки кожи, которыми хабилисы пользоваться не могли. Не говоря уже о том, что существуют даже официально признанные находки людей, для которых цифра 2,4 млн. лет составляет верхнюю границу предполагаемого возрастного диапазона. Вероятно, с помощью подобных манипуляций и берется цифра 2,4 млн. лет для хабилисов. Также и легендарные 800 см³ мозга – это старая ошибка Мив Лики с тем же черепом ER 1470, кочующая по эво-источникам уже более 30 лет – ошибка, которую ни один эволюционист не простил бы своим противникам-креационистам.

¹⁶ «Ведь какие-то обезьяньи формы, отличные от стандартных австралопитековых, конечно же, существовали». – С допущением также, на всякий случай, трех моментов: а). что в прошлом имели место процессы гено- и фенотипических вариаций, неизвестные и ненаблюдаемые сегодня, например, дивергентный раскол бараминов на многочисленные, но вымершие вскоре формы; б). что в наше время черепа реконструировались с определенной долей тенденциозности, и многие из признаков могут быть «артефактами» (примеры тому существуют); в). что в некоторых случаях речь может идти о патологических или пограничных для вида экземплярах.

Вообще, одна из уловок эволюционистов в вопросе, является ли хабилис законным или фантомным таксоном – приписать своим оппонентам утверждение, будто весь без исключения таксон собран из обломков костей австралопитеков и истинных людей, и «такого вида не существует» (например, эту подмену использует Джим Фоули). Понятно, что подобные утверждения, высказанные за оппонентов, всегда легко опровергнуть, выставив их невеждами. Ведь являются же реальностью такие экземпляры как ER 1470, ER 1813, ER 1805, пусть они и непохожи – ни друг на друга, и ни на один из существующих видов. Что ж, можно вполне согласиться, что видов было несколько, но вот выяснение вопроса, сколько их было в действительности – два или пять, или десять, представляется уже несущественным, более того – это уже некая подмена вопроса главного. Ведь дело не в количестве видов обезьян, обитавших в древней

Африке, а в том, что в принципе никакое количество само по себе не дарует им статуса наших эволюционных предков. Какой из реальных черепов какому виду принадлежит – вообще «не тот» вопрос. Главное – в этой коллекции нет и не было той самой, желанной для эволюционизма, «переходной» формы к человеку (если конечно, не подводить под это понятие временное ошибочное пребывание здесь настоящих людей!).

¹⁷ «Просто имейте в виду, на каком жалком материале держатся наглые утверждения об эволюции человека». – С позиций классического рационального подхода вопрос о хабилисе как эволюционном звене представляется закрытым. Можно было бы построить самые простые цепочки рассуждений против этого «звена». Например, не существует эволюционной преемственности ни между тремя формами (*rudolfensis*, *habilis*, *ergaster*), ни между любыми двумя из них. Рудольфензис (если так называть приписанные к этому таксону кости) не был предком человека потому, что в его экземплярах отчетливо просматривается робустная специализация по типу *Paranthropus boisei*; важно и то, что линия рудольфензиса обрывается довольно рано, он вымирает. Считать хабилиса преемником рудольфензиса вряд ли согласятся сами эволюционисты – это будет означать измельчание и деградацию хабилиса в сравнении с предковой формой, что с точки зрения эволюции недопустимо. Не говоря уже о том, что морфологически эти две формы не совпадают по ключевым параметрам, за что и были, собственно, разделены. Рудольфензис –

явно боковая вымершая ветвь, но и у хабилиса нет никаких шансов. Можно указать на то, что вопрос о каком-либо эволюционном родстве хабилиса и эректуса снимается наличием «скачущих признаков» или инверсий – превращения признаков в свою противоположность у якобы эволюционно близких форм. Например, представляется совершенно невероятным, что преемником тонкостенного и высокого куполообразного черепа *Homo habilis* стал массивный и имеющий низкий свод черепа хомо эректус, а затем у преемника *Homo erectus*, современного человека, череп снова стал грацильным – тонкостенным и высоким куполообразным. Такие инверсии запрещены законом Долло, ибо противоречат важнейшему постулату эволюционизма о невозможности возврата к предыдущему «примитивному» состоянию и ставят под сомнение святая святых эволюции – ее прогрессивный характер. При этом интуитивно понятно, что некоторое визуальное сходство хабилисного черепа с эректусным связано не с его «гоминидностью», а восходит к более раннему австралопитеку африканусу, имевшему округлые формы черепного свода и затылочного отдела. Во всем остальном хабилисы и эректусы разделены морфологической пропастью.

Однако ситуация с критикой хабилиса еще более проста, чем рассуждения на уровне морфологических аргументов. Сегодня идею хабилиса-«предка» полностью уничтожают всего два пункта – аргумент времени и аргумент места. В тот период, когда был обнаружен «Турканский мальчик»

(WT 15000; 1,6 млн. лет по с.ш.), обезьяноподобному хабилису ОН 62 (1,8 млн. лет по с.ш.), как мы помним, с точки зрения официальной антропологии «оставалось» всего 200 тыс. лет, чтобы догнать его в развитии – и это уже тогда было сочтено невероятным. Но сегодня эволюционисты, как это и водится, в очередной раз стали заложниками собственных схем. Группа образцов (ER 1481, ER 1472, ER 3228, ER 3734 и др.), имеющих современную анатомию, была найдена примерно на том же стратиграфическом уровне, что и череп 1470 (1,85–1,9 млн. лет по с.ш.) и, разумеется, первоначально приписана хабилису. Теперь же, когда эти находки классифицированы как *Homo erectus/ergaster* (хотя анатомически близки к *Homo sapiens*), любые, даже теоретические рассуждения о предковости хабилиса, можно считать законченными. С. Дробышевский пишет, что «старая датировка этой группы находок: 2,7–3 млн., новая 1,6–3,18 млн., наиболее вероятно 1,89–1,95 млн.» (Дробышевский, 2004). Последние «наиболее вероятные» цифры имеют явно политический характер, так как привязаны к «волютаристски назначенному» возрасту черепа ER 1470 и туфа KBS, которые очевидно занижены (в терминах условного возраста, относительно других находок). Тем не менее, один факт того, что в эволюционной схеме 1,9 млн. назад уже существовал человек с практически современной анатомией, делает обезьяньи образцы хабилиса того же возраста просто «ненужными». Излишними даже для эволюционного антропогенеза и для понимания им «эволюции» человека... А аргумент места еще более прост – сегодня во многих местах мира обнаружены останки *Homo erectus* возрастом

до 2 млн. лет по с.ш. или каменные инструменты возрастом от 1,9 до более чем 2,8 млн. лет (Лаухин, 2000). И при этом – без всякой связи с какими-либо предшествующими формами человекообразных существ. Сама концепция «африканской прародины» изначально строилась на том, что в Африке водилось «много диких обезьян», которых можно было усилием воли записать в человеческие предки. Но сегодня самые первые известные *Homo erectus* появляются в истории «ниоткуда» и «ни от кого». Даже согласно принятым критериям научного исследования (несмотря на мою личную приверженность позиции Мейера и Дембски) хабилис, как недоказуемая сущность, должен быть безусловно отсечен «бритвой Оккама». То же и согласно принципу парсимонии (экономии сущностей), вытекающей из критерия Оккама. Зачем эволюционному антропогенезу этот «кузнец», если он не присутствовал на главном празднике – ни во время, ни в местах самого раннего появления *Homo erectus*? [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁸«Я опускаю такие мелочи, как манипулирование даже экспериментальными образцами». – Например, находка ОН 34 включает в себя не только бедренную кость, но также фрагмент большой берцовой кости, принадлежащий тому же индивиду. Однако этот фрагмент по каким-то причинам в «реконструкции» Хеслера и Макгенри **просто проигнорирован** (!), а взамен ему (!) подобраны «более подходящие» берцовые кости ОН 35, **неопределенной видовой принадлежности** (!).



Часть IV. Рамидус? Оrrorин? Кениантроп?

Кто больше?

1.

Сегодняшняя ситуация в палеоантропологии носит парадоксальный, если не сказать комичный, характер. Конец прошлого и начало этого века принесли, казалось бы, такое количество находок, что и не снилось палеоантропологам за последние четверть века. По крайней мере, об этом можно судить даже по периодическим обострениям у журналистской братии – мажорным новостям, доходящим до высшего градуса накала: «Найден новый предок человека!». «Найдено еще одно недостающее звено между обезьянами и человеком!». «Найден предок, стоявший у истоков

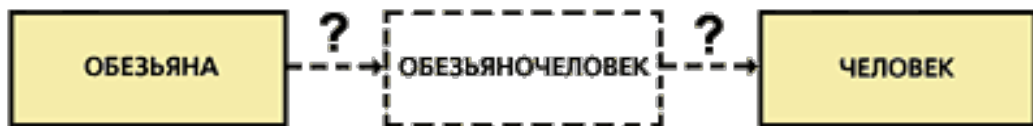
эволюции человека!)). Иных журналистов иногда совсем переключивает, и они в соревновательно-гонимом порыве выдают уже нечто совсем убийное типа «Найден новый предок человека! Теория Дарвина окончательно опровергнута!)).

Потерпев сокрушительное поражение в деле, завещанном еще стариком Дарвином, а именно – в поиске «недостающего звена» между обезьяноподобным предком и современным человеком, эволюционизм, что называется, крепко призадумался. Как можно выйти из положения, если, скажем, громко объявленное «недостающее звено» в течение 150 лет так миру и не предъявлено? Правильно. Нужно изменить сам смысл понятия «недостающее звено», наполнить его новым содержанием. Максимально «размыть» определение до невозможности узнать определяемое. А лучше всего перенести его поиски в «другое место», то есть, в другую точку филогенетического ряда.

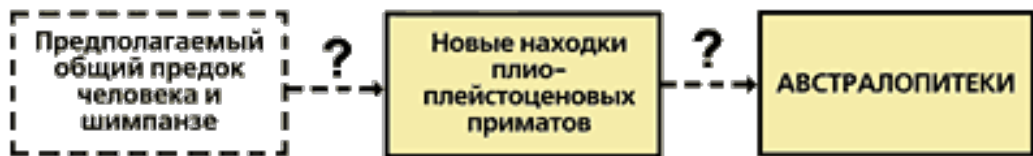
Так и поступили. На пороге XXI века философия эвогеноза совершила очередную ловкую подмену. Суть ее вот в чем. Согласно старой эволюционной легенде, примерно 5–6 миллионов лет назад некое обезьяноподобное существо дало начало двум независимым эволюционным линиям, одна из которых привела в итоге к современному шимпанзе (*Pan troglodytes*), другая – к современному человеку (*Homo sapiens*). В эволюционной антропологии это фантастическое существо принято именовать неизвестным общим предком человека и шимпанзе.

Подмена же, о которой идет речь, состояла в том, что теперь эволюционисты стали называть «переходными формами» и «недостающими звеньями» не прежних гипотетических «обезьянолюдей», якобы стоявших между обезьянами и первыми настоящими людьми, а именно останки всех плио-плейстоценовых обезьян, якобы занимавших промежуточное положение между упомянутым выше гипотетическим общим предком и австралопитеками, которые хоть и условно, но продолжали считаться человеческими предками. Схематически это можно изобразить так:

Было:



Стало:



С изобретением такого подхода в эту точку ушла вся новая интеллектуальная энергия эволюционизма. Именно эти новые, до-австралопитековые находки и служили теперь спасительными «переходными формами» и «связующими звеньями». Теперь стрелки были переведены так, что будто уже не люди, а австралопитеки нуждались в предшественниках-предках и всяческих уточнениях-выяснениях тонкостей их происхождения. Вопрос: «А были ли в действительности нашими предками сами австралопитеки?» – теперь не ставился вообще, так как в этой схеме они ими считались по умолчанию.

Ведь от кого-то мы должны были происходить! Именно под изучением австралопитековых предков и подразумевалось обогащение и уточнение общей картины человеческой эволюции!

Сегодня человек, не знакомый с истинным положением дел в палеоантропологии, незнакомый с научным жаргоном или не умеющий распутать весь этот клубок реальных и мифологических положений, может легко спастись перед задорным напором эволюционных пропагандистов. Например:

«...Но с каждым годом антропология, и главным образом палеоантропология, предоставляет **все больше научных доказательств** последовательной, длящейся миллионы лет, эволюции человеческого рода» (Бутовская, 1998).

«...Факт эволюции – изменений во времени живых организмов, населяющих Землю – **подтвержден таким количеством палеонтологических находок**, что, казалось бы, всерьез оспаривать его попросту невозможно» (Шабанов, 2004).

«...Сейчас, можно сказать, уже не существует некогда столь волновавшей эволюционистов и их оппонентов проблемы «недостающего звена» между обезьяной и человеком, ибо **«палеонтологическая летопись» слишком красноречива**» (Вишняцкий, 1999).

В западной полемике подобный прием называется – «бросаться слонами» и там, в отличие от нас с нашим «патетическим» менталитетом, такие психические атаки, как правило, не проходят. Разумеется, подобные приемы призваны лишь прикрыть отсутствие аргументов. Но грустно осознавать, сколь много

людей уже попало на подобный демагогический крючок и сколь много еще попадет. Уточняется ли палеоантропологическая картина с новыми находками, как объявлено авторами этих (и подобных им) лозунгов? Да ничуть не бывало. Те находки, что сегодня громко именуются «нашими предками» и «связующими звеньями» – в лучшем случае, как я уже сказал, представляют собой некие до-австралопитековые формы, пусть даже **реальных** ископаемых предков австралопитеков. Но именно австралопитеков, а не людей. Хитрая подмена эволюционизма здесь именно в том и состоит, чтобы заставить нас поверить, будто эволюция человека – доказанный факт, а речь идет лишь о дальнейшем последовательном уточнении истоков человеческого рода. Эти «уточнения» сами по себе имеют огромный потенциал в виде возможности проведения новых объемных исследований, получения субсидий, организации экспедиций, занятости огромного числа новых работников и перспектив личного карьерного роста. Так они и «уточняют», не принимая во внимание, что все найденные останки плио-плейстоценового периода **заканчиваются австралопитековым туфиком**. И что столь скрупулезно изучаемая линия австралопитеков к человеку никакого отношения не имеет.

Можно ли сказать, что эволюционисты, произнося мантры, подобные процитированному выше, нас откровенно обманывают? Вероятно, нет, когда речь идет об общении с единомышленниками. Уж в своем-то кругу они наверняка горячо верят в адекватность эволюции и справедливость творимого

ради нее дела. В окружении единомышленников об «уточнении эволюционной картины» они могут говорить совершенно искренне, так как даже откровенные фантазии являются их честным убеждением, уверенностью, проще говоря – их верой (чего они сами не всегда понимают). Но когда они в массовом порядке в печатных изданиях и на телевидении **излагают свою веру в качестве научно установленных фактов**, то я не особо погрешу против истины, если скажу, что все эти ученые – законные наследники пилтауна, и по отношению к людям несведущим поступают крайне недобросовестно. Они рисуют фальшивую (чтобы не сказать лживую), не существующую в реальности картину эвогenezа. Вопреки истине, они уполовинивают или просто скрывают противоречащие этой картине факты, то есть, воруют часть правды у людей непосвященных. Эволюционные пропагандисты подобного толка никогда вам не расскажут правдиво и непредвзято, как в действительности «уточняется» эволюционная картина. В любом случае они **должны** были бы сказать своим читателям следующее: «Не понимайте наши слова буквально. Наша фраза о том, что «с каждой новой находкой картина эволюции уточняется» – справедлива только в том случае, если вы, читатель, вместе с нами **принимаете на веру** происхождение человека от австралопитеков. Признаемся честно – поскольку связь между австралопитеками и людьми не имеет фактического подтверждения, то принятие этого тезиса является, так сказать, делом вашего личного вкуса. Нам очень приятно, если вы все-таки принимаете гипотезу о связи австралопитеков с людьми. Ведь в этом случае вы – наши

единомышленники, единоверцы, и вас не должно смущать, что изучение истории вымерших обезьяньих форм мы проецируем на историю человека. Для всех же прочих сообщаем, что в строгом смысле мы лишь **пытаемся выяснить родственные связи ископаемых приматов**, то есть, изучаем филогенетическую линию, существовавшую с неопределенного времени и с неизвестным предком **вплоть до вымирания последних австралопитеков»**.

Вот так было бы «по-честному».

2.

Однако, мечты мечтами, но давайте посмотрим, как новая уловка эволюционизма осуществляется на практике.

...В 1994 году международная экспедиция, возглавляемая Тимом Уайтом, обнаружила в Эфиопии, неподалеку от селения Арамис, наиболее древнего из известных австралопитеков возрастом 4,4 млн. лет. Точнее, были найдены 17 мелких костных фрагментов от разных индивидов – отдельные зубы и фрагменты челюсти взрослого существа, фрагмент челюсти ребенка, два фрагмента основания черепа и семь разрозненных фрагментов костей руки. Исходя из наибольшей для всех австралопитеков древности эта группа получила новое видовое название *Australopithecus ramidus*. Тим Уайт, как соратник Джохансона и сторонник австралопитекового сценария антропогенеза, казалось бы, этой находкой лишь укреплял позиции той группы, к которой сам принадлежал – в виде

продления австралопитековой цепочки, так сказать, еще далее в глубь веков.



Тим Уайт на раскопках в Арамисе в 1994 году (слева) и один из фрагментов ардипитека рамидуса с молочным моляром (справа)

Но Тим Уайт знал, что подобная археологическая удача – найти нечто самое древнее – выпадает конкретному археологу только раз в жизни и, вероятно, поэтому он решил рискнуть. Гулять, так гулять – новая находка могла сыграть роль не только какого-то там первого австралопитека, но – берите выше! – самого общего предка человека и шимпанзе! Несмотря на то, что ключевая фигура эвогенеза была представлена лишь небольшой россыпью осколков, от перспективы быть открывателем именно неизвестного общего предка у любого исследователя могло бы захватить дух. В самые сжатые сроки Тим Уайт сделал новое описание своей находки, убрав

прочь «австралопитека» и дав предку новое имя на уровне рода – ***Ardipithecus ramidus***.

Надо ли говорить, что новый предок был принят в эволюционном лагере поначалу едва ли не на ура? Авторитетный эволюционист Колин Гроувс из Национального университета Австралии заявил: «Отсутствующее звено больше не отсутствует!» («*The Canberra Times*», 11.04.1995). Радостную весть подхватили и ведущие новостные издания – «Кости из эфиопской пустыни **доказывают**, что человеческие предки ходили по земле 4,4 миллиона лет назад» («*Time*», 03.10.1994), «Рамидус **подтверждает раз и навсегда**, что общий предок жил всего лишь чуть более 4,4 миллиона лет назад» («*Newsweek*», 03.10.1994).

Претензии Уайта и целого ряда поддерживавших его антропологов на то, что ардипитек рамидус является общим предком людей и шимпанзе, строилось на пяти основных утверждениях, которые эволюционисты априори считали «доказательствами».

Первое «доказательство» – это «правильное» присутствие *Ardipithecus ramidus* в контексте всех ранее сделанных находок. Колин Гроувс заявил, например, что креационисты никогда не смогут сказать, что рамидус – всего лишь обезьяна, потому что в комплексе с другими находками он является, так сказать, частью единого градуируемого ряда; отлично вписывается на роль зачинателя общей прогрессии от более примитивных существ к более сложным. В качестве самого убойного аргумента Гроувс еще раз продемонстрировал эту старую добрую прогрессию

(в обратном порядке) – *Homo sapiens*, *Homo neanderthalensis*, *Homo erectus*, *Homo ergaster*, *Homo rudolfensis*, *Homo habilis*, *Australopithecus africanus*, *Australopithecus afarensis*. Кого же поставить во главу этого ряда? Конечно, *Ardipithecus ramidus*! Это же так естественно.

Однако в случае с первым доказательством Гроувс и все прочие лоббисты *Ardipithecus ramidus* упустили один существенный момент. А именно – то, что внушает священный трепет лично им, не кажется столь же внушительным всем остальным исследователям. Приведенный Гроувсом ряд даже в те годы (1994–1995) признавался уже далеко не всеми эволюционистами. Мы помним, что сам по себе этот ряд весьма искусственен, а его «жизнеспособность» зависит от умения исследователя не замечать лакуны и уничтожающие его факты. Этот ряд имеет **мифический характер** и, как всякий миф, комфортно существует только при самом благодушном к нему отношении и самом поверхностном его рассмотрении. Он внушителен, пока вы не знаете всей правды – в случае пристального его рассмотрения он моментально уничтожается «живыми» подробностями.

Вторым «доказательством» того, что рамидус – «отец» всех людей и шимпанзе, служил его возраст 4,4 миллиона лет. Здесь сказалась характерная для эволюционизма «наградная» безапелляционность (или, как сказал классик, «легкость мысли необыкновенная») – если самым ранним гоминидом является *Australopithecus afarensis*, а рамидус оказался

старше его, то кому же еще хороводить? Конечно, рамидусу.

Обратимся еще раз к упомянутым новостным статьям в изданиях «*Time*» и «*Newsweek*». В них сообщалось, что окаменелости рамидуса «...были найдены в осадочной скале, зажатой между слоями вулканического пепла» («*Time*») и «...запечатаны в осадке возрастом 4,4 миллиона лет» («*Newsweek*»). Однако сам автор находки Тим Уайт сообщал в отчетной статье в «*Nature*» (371:306–312, 1994), что все останки рамидуса **были найдены на поверхности**. Это означает, что точная их датировка по определению невозможна – они могли принадлежать тому пласту, на поверхности которого были найдены, но могли быть и вымыты сезонными дождями из других, более молодых вышележащих пластов и принесены сюда водными потоками. В 1995 году Дж. Каппелман из Техасского университета и Дж. Флигл из Государственного университета Нью-Йорка опубликовали в «*Nature*» письмо (376:558–559, 1995), в котором приводили серьезные аргументы в пользу того, что возраст *Ardipithecus ramidus* необоснованно завышен. По мнению ученых, рамидусу было не более 3,9 млн. лет, и он был практически современником Люси.

Третье «доказательство» того, что рамидус является «общим предком», заключалось в привлечении такого диагностического признака как толщина зубной эмали. Мудро подняв палец к небу (мне отчего-то представляется именно такая мизансцена), Тим Уайт объявил, что сравнение толщины зубной эмали показывает, что *Ardipithecus ramidus* может

рассматриваться как промежуточное звено между шимпанзе и гоминидами. Так называемые гоминиды имеют относительно толстую зубную эмаль, рамидус же имеет эмаль тонкую, примерно такую же, как и шимпанзе. По мнению Уайта это являлось свидетельством того, что от рамидуса произошли и шимпанзе (с тонкой эмалью) и гоминиды, толщина эмали у которых со временем увеличилась.

Четвертое «доказательство» касалось морфологического анализа найденных фрагментов. Например, Тим Уайт изучил первый молочный моляр (dm1) в найденном фрагменте челюсти молодого индивидуума и пришел к следующему выводу – поскольку зуб практически не отличался от зуба шимпанзе, он может служить доказательством общей предковости рамидуса для человеческой и шимпанзоидной линии. То же касалось и найденных фрагментов черепа. Уайт объявил, что «...эти окаменелости показывают поразительно подобную шимпанзе морфологию».

Пятое «доказательство» особого статуса рамидуса Уайт пытался построить на возможном бипедализме нового «предка». Никаких фрагментов скелета, связанных с опорным аппаратом, найдено не было, но фрагменты черепа имели нечто похожее на следы *foramen magnum* – затылочного отверстия в месте крепления черепа к позвоночнику. По расположению этого отверстия в эволюционизме принято определять степень прямохождения приматов. Разумеется, имеющейся информации было недостаточно для каких-либо определенных выводов. После долгих попыток хоть что-то выудить из имеющихся осколков,

Уайт согласился, что отверстие на черепе «может коррелировать с бипедализмом», но по имеющимся фрагментам судить об этом невозможно.

...В самом скором времени последовал холодный душ на голову Уайта и его сторонников. Питер Эндрюс из лондонского Музея естествознания, изучив доводы Уайта, обрушился на предковый статус рамидуса с серьезной критикой. Его рассуждения были весьма резонны. Если морфологией зубов и костных фрагментов рамидус так похож на шимпанзе, то почему он, собственно, должен считаться нашим общим с шимпанзе предком, а не просто ископаемым шимпанзе? С каких это пор недостающее звено – это нечто, очень похожее на шимпанзе, но при этом... не шимпанзе!?



Чтобы понять тонкость проблемы, следует сказать, что одной весьма любопытной чертой эвогенеза является полное отсутствие каких-либо ископаемых останков шимпанзе в летописи окаменелостей. На самом

деле эти останки «не находятся» только по одной причине – все ископаемые фрагменты предков шимпанзе автоматически идут в копилку эволюции человека и записываются на счет «человеческих предков». Любые найденные останки эволюционисты первым делом как бы примеряют на глазок – а кем бы мог быть найденный индивид в картине человеческой эволюции?^[19] Разумеется, останки австралопитеков – это не останки шимпанзе в чистом виде или их прямых предков. Австралопитеки – уникальная древняя форма, однако их сходство по многим признакам с современными шимпанзе говорит о несомненном родстве двух этих линий. Сегодняшние два известных вида шимпанзе почти наверняка являются потомками известных нам австралопитеков. Сам же *Ardipithecus ramidus* мог быть древней формой существа, очень близкого по анатомии к сегодняшнему карликовому шимпанзе (бонобо, или *Pan paniscus*). В отношении рамидуса Питер Эндрюс придерживался именно такого мнения.

Известный ученый и в то время старший редактор журнала «Nature» Генри Джи на страницах своего издания заявил, что *Ardipithecus ramidus* является существом, испытывающим серьезные проблемы с идентификацией. Мы не знаем, сказал он, находится ли рамидус на человеческой линии, на линии шимпанзе или вообще на какой-либо тупиковой линии.

Но черту в истории с рамидусом подвела находка в 1995 году в Кении новой формы австралопитека. Мив Лики в каком-то смысле «отомстила» Джохансону и Уайту за «поруганную честь своей семьи» в виде их

поражения с древней датировкой черепа ER 1470. Она сделала находку в той области эвогенеза, где безраздельно господствовал Джохансон – с точки зрения эволюционной схемы она нашла предка для всех австралопитеков. Эта форма, названная ***Australopithecus anamensis***, была более древней, чем Люси (3,9–4,2 млн. лет по с.ш.). Таким образом, Мив Лики и в «соревновании по австралопитекам» оказалась первой^[20].

Анамский австралопитек, будучи, так сказать, по всем признакам настоящим австралопитеком, но при этом по возрасту сравнимым с рамидусом, закрыл вопрос об особом статусе рамидуса. *Ardipithecus ramidus* Тима Уайта с его «козырными» прежде шимпанзоидными чертами был тихо списан в возможные предки современных шимпанзе.

omechanics of loco-
anges may have im-
as well.
habitu-
do so in
“If the
cles are
ds to in-
u'd be

crucial
o Love-
e spine.
n chest
in hu-
llowing
curve,
upper
is for balance. The
meanwhile, and hu-



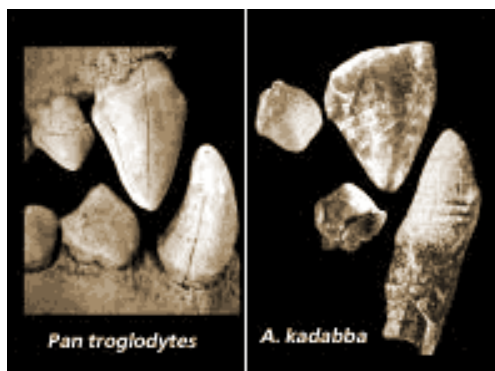
**THIS TOE BONE
PROVES THE
CREATURE
WALKED ON
TWO LEGS**

armed with knowle
tors' physical attribu
ment
them,
up wi
Anthro
McHe
of Cali
ample,
that c
part of
When
McHe
Peter
left pa
spaced
vannal
lived r
refuges but couldn't
any one place. Lear

Заголовок одной из множества статей об *Ar. kadabba*: «Эта кость пальца ноги доказывает, что существо ходило на двух ногах» («было прямоходящим»)

У истории ардипитека было еще свое «аппендиксное» продолжение. Позже, в 2001 году более древняя разновидность ардипитека – *Ardipithecus kadabba* была обнаружена И. Хайле-Селассие (Университет Беркли, США) в местонахождении Алайла и датирована возрастом около 5,5 млн. лет. На этот раз набралось более 20 костных фрагментов от разных индивидуумов. Надо сказать, что в это время война между американской и французской школами (об этом чуть ниже) была уже в самом разгаре, и американская группа, обнаружившая *Ardipithecus kadabba*, в фантазиях себя не ограничивала. Так, на основании лишь одной формы сустава пальца ноги (найденного в 15 километрах от основного участка) Селассие пытался объявить о прямохождении кадаббы. Утолщение сустава, по его мнению, было свидетельством того, что палец ноги часто сгибался в то время, когда существо отрывало пятку от земли. Но Хайле-Селассие попал в общую для открывателей «ранних» форм ловушку неопределенностей. Во-первых, этот палец мог и не принадлежать найденному существу. Во-вторых, он мог быть пальцем его передних конечностей – «рук», которые у шимпанзе мало отличаются от пальцев «ног». В-третьих, если даже этот палец был пальцем «ноги» кадаббы, то его подвижность могла объясняться не прямохождением, а лишь тем, что «ноги» у шимпанзоидных форм выполняли одинаковые функции с «руками» – то есть использовались для постоянного захвата ветвей. В конце концов, можно ли подобные признаки использовать для какой-либо достоверной диагностики вообще? В 2004 году американско-

эфиопская экспедиция под руководством американца Брюса Латимера нашла в Эфиопии новую группу костей возрастом порядка 4 миллионов лет, которую отнесли к первому подвиду ардипитека, открытого за десять лет до этого Тимом Уайтом. Разумеется, что и на этот раз авторы открытия не упустили возможности указать на признаки прямохождения своих подопечных (чем меньше исходного материала, тем выше полет фантазии), однако главная проблема с ардипитеком со дня его открытия в 1994 году остается прежней – он слишком обезьяноподобен, чтобы считать его гоминидом. Рекорд Мив Лики остался непобитым – находка самого раннего признанного гоминида, анамского австралопитека, принадлежит ей. Большинство ученых сегодня принята точка зрения о принадлежности обоих подвидов ардипитеков к предкам шимпанзе. Хочу здесь напомнить еще раз – все эти игры с «предками» и датировками имеют своей целью борьбу за овладение началом гоминидной цепочки, которая с точки зрения здравого смысла **ведёт в никуда**.



Сравнение зубов современного шимпанзе и ардипитека кадаббы. Идентичность почти полная. © BBC News

...Интересная деталь – об открытии какого-нибудь очередного «предка» нас всегда извещают громко, даже громогласно, с литаврами и торжественными речами о («уточнении картины эволюции»), а также окончательном поражении тех, кто не верил в обезьяногенез. Однако «закрытие» этих сенсаций всегда происходит тихо – даже не тихо, а без малейшего шороха! И происходит это закрытие неизменно, неотменимо, как прилив и отлив, без исключений. И если вы слышите вдали новые звуки литавр и барабанов, то знайте, что предыдущий предок уже сдан в утиль и на какое-то время его место идет занимать новый. У обывателя же в голове откладывается, что «предки» отыскиваются с неизменной регулярностью, а все противники научного знания посрамлены.

3.

В 2000-м году в Кении, в районе Тугенских холмов, в слоях, которые датировались шестью миллионами лет, французская экспедиция Мартина Пикфорда и Брижит Сеню обнаружила нового «предка». Его назвали ***Orrorin tugenensis***, или «Миллениум Мэн». Фактически то, что они собрали с 1974 года (тогда нашли один зуб неизвестного примата и отложили до лучших времен), составляло теперь 13 мелких окаменелых фрагментов, собранных в разных местах от 6 (шести!) индивидуумов. Французская школа до этого не играла какой-либо заметной роли в палеоантропологии. Но на этот раз французы, что называется, переглянулись, приободрились и расправили плечи – такой шанс (самый древний

предок!) нельзя было упускать ни при каких обстоятельствах.



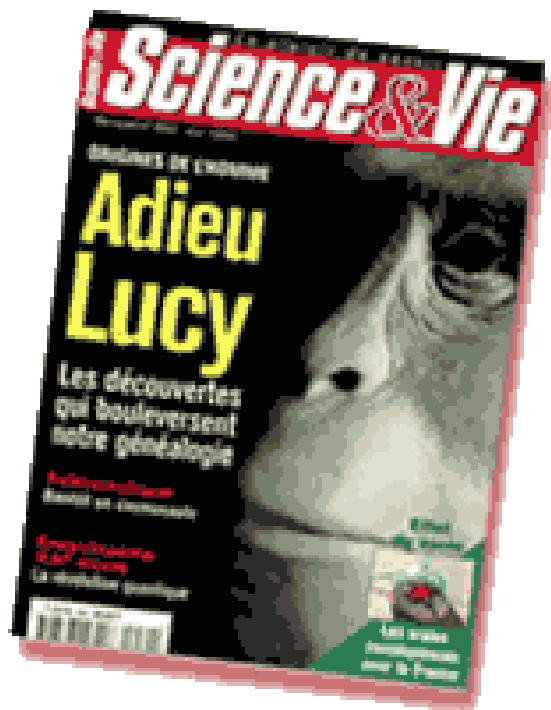
Тугенский оррорин - новый род, описанный на основании 13 фрагментов (на фото), собранных на шести разных участках в Кении

Самым ценным экспонатом коллекции был фрагмент бедренной кости с частично сохранившейся головкой бедренного сустава. Разумеется, ни пол, ни возраст, ни объем мозга, ни какие-либо иные данные о новом существе получить было неоткуда. Но, пользуясь критериями, которые американцы Джохансон и Лавджой применяли в свое время к тазобедренным фрагментам Люси, французы заключили, что по обломку бедренной кости их предок – более гоминиден, чем *Australopithecus afarensis*. На эволюционном жаргоне

это означало, что их кандидат, будучи на 2,5 миллиона лет старше Люси, является в большей степени человеком, чем она.

На поверхности обломка бедренной кости, в местах крепления головки мышц, французы обнаружили нечто вроде небольших рубцов. Такие следы могут указывать на крепление только достаточно сильных мышц, – решил лидер «французской школы» Ив Коппенс. – А сильные мышцы говорят о сильных ногах. А сильные ноги говорят о прямохождении!

Кроме того, французы сыграли в уже известную американскую игру «найди родственника по толщине зубной эмали». Зубная эмаль оррорина была довольно густой, что, согласно прежним стандартам, также говорило о гоминидности нового предка.



Выход в свет французского «предка» был ошеломляющим – прямоходящий гоминид возрастом 6 миллионов лет! Но это была только половина сенсации. Французы заявили, что все семейство австралопитеков (считавшееся хоть и «несколько проблемным»), но в парадигме эволюционизма всё же несомненным прародителем современного человека) они отправляют на свалку истории. Мол, находясь в здравом уме и твердой памяти, французская школа открыто заявляет, что все прежние участники антропогенеза, включая Люси, объявляются боковой, тупиковой ветвью эволюции, а истинным прародителем человечества является их *Ororin tugenensis*. С этой минуты французская школа фактически объявила войну американской (да и прочей мировой) концепции антропогенеза.

От такой наглости американцы, что называется, просто задохнулись. Журналисты донесли первые комментарии Джохансона: «Свидетельства гоминидности слабоваты». Я думаю, в действительности Джохансон, запершись у себя в кабинете, как минимум метал дротики в портрет Коппенса (смайлик). Однако эти французы обнаглели вчистую! Авторитетный французский журнал «*Science & Vie*» (французский аналог «*Nature*») позволил себе поместить на обложке огромный коллаж с надписью «Прощай, Люси»! Ив Коппенс, внезапно перехвативший инициативу у прежних мэтров антропологии, делал с точки зрения Джохансона возмутительные заявления. «Я ждал этого открытия двадцать пять лет!», – восхищенно делился Коппенс с человечеством, произошедшим от его

«предка». – «Было бы достаточно одного зуба, чтобы знать, что это – гоминид!», – сыпал он соль на раны Джохансону и всему своему оппозиционному американо-европейскому сообществу. Креационисты по поводу последней фразы шутили, что остальные 12 костей оррорина можно было и не трудиться искать. Еще они шутили по поводу того, что на каждого из шести индивидов то ли в среднем приходится по две кости, то ли на одного – восемь, а на остальных – по одной (действительно, официальная информация о шести индивидах означает, что коллекция из 13 фрагментов, вероятнее всего, была собрана на шести разных участках).



Ив Коппенс задумался, сравнивая тазобедренный сустав оррорина с суставом Люси, но в этот момент появился Мартин Пикфорд с целой бедренной костью человека – а не замахнуться ли на нам на Вильяма, понимаешь, нашего Шекспира?....

Американская школа, как ей показалось, дала достойный отпор новым претензиям французов на «мировое господство». Джохансон (у которого, как у пушкинского Руслана, ненавистный французский колдун внезапно украл Людмилу) заявил, что поскольку он и его коллеги очень сомневаются в том, что найденные кости принадлежат гоминиду, то и о прямохождении речи быть не может. Суть всех рассуждений Джохансона сводилась к одному – гоминидами могут быть только австралопитеки, поскольку это твердый, научно установленный факт. Канадец Дэвид Биган из Университета Торонто поддержал своих американских коллег, сказав, что по столь малому количеству найденных фрагментов невозможно сказать, находился ли французский оррорин на линии, ведущей к человеку, на линии ли шимпанзе, был ли общим предком человека и шимпанзе или вообще находился на тупиковой вымершей ветви.

Кроме того, как я уже упоминал выше, в период 2001–2004 годов американцы интенсифицировали историю с двумя подвидами ардипитеков, пытаясь отыскать в них черты гоминидности и прямохождения по тем же признакам, которые они высмеивали у французских оппонентов.



Брижит Сеню и Мартин Пикфорд демонстрируют нового «предка человека» (см. на ладони у Б. Сеню)

Но главный удар по французам американцы нанесли на другом направлении. Антрополог Эндрю Хилл из Йельского университета во главе группы единомышленников обвинил М. Пикфорда и Б. Сеню, имевших законное право на раскопки в кенийском районе Туген, в том, что французы вторглись на территорию, которую команда Хилла изучала с 1980 года. Разумеется, «ничего она не изучала». То есть, Эндрю Хилл просто не считал перспективными для поисков те места, где все-таки решили попытать счастья французы. Травля научных оппонентов была открыта едва ли не в лучших традициях

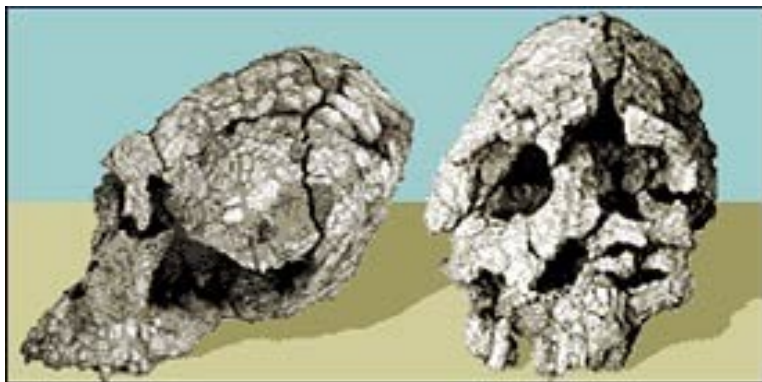
коммунистической пропаганды, замешанной, правда, на сугубо американском мироощущении «правоты по праву первых». Хилл и его соратники состряпали целое дело против французов, утверждая, что Пикфорд и Сеню нарушали при раскопках не только принятые археологические правила, но и законы Кении. Французские археологи, ошалеv от такой «встречи на Эльбе», отбивались как могли, уверяя, что никаких правил они не нарушали, а действовали согласно всем установленным юридическим и профессиональным процедурам. Дело зашло настолько далеко, что Пикфорду пришлось даже некоторое время провести в кенийской тюрьме. В конце концов, французская сторона поняла, что доминирующим мотивом тут служит лишь профессиональная зависть и желание «утопить» конкурента. Пикфорд и Сеню сделали заявление, что кампания их травли была организована группой Ричарда Лики. Лики свое участие в травле отрицал. Джохансон во всей этой весьма некрасивой истории не участвовал, но во всех своих схемах и построениях оррорина начисто игнорировал (равно как и авторскую перереконструкцию черепа-1470).

Казалось бы, открытие каждой новой окаменелости могло свести ученых разных стран, что называется, под одной лампой за одним столом. Казалось бы – новая находка, новые «уточнения» эволюционной схемы... Так нет. Журнал «*Nature*» в своих статьях о находке *Orrorin tugenensis* гораздо больше времени и места уделил выяснению подробностей юридического скандала, связанного с оррорином, чем самому оррорину.

4.

Однако французы тоже были хороши. Очень похоже, что обвинение в организации травли пало на Ричарда Лики только потому, что его знаменитое семейство не дало французам и месяца насладиться своей мировой славой. Профессиональные охотники за окаменелостями Лики «ноздря в ноздю» вслед за французами сделали заявление о собственном открытии, по шуму в СМИ затмившим французского оррорина и отобравшим у того львиную долю общественного внимания Америки и Европы.

Ричард Лики, после травмы в автокатастрофе оставивший свои полевые вылазки, тем не менее заочно руководил раскопками, проводимыми в районе Ломекви в северной Кении. Непосредственно за ходом раскопок наблюдала его жена Мив. На западной стороне озера Туркана, противоположной той, где когда-то был найден череп-1470, Мив Лики повторила знаменитую удачную вылазку своего мужа тридцатилетней давности, на этот раз в сакральном плане как бы доделав то, что тридцать лет назад не удалось Ричарду. Как и Ричард в 1972-ом, она нашла россыпь окаменелых осколков, и вновь сама собрала из них череп нового «предка», теперь уже безусловного ровесника Люси, обитавшего с афарскими австралопитеками в одно время (3,5 млн. лет назад по с.ш.) и на одном участке, но при этом более гоминидного, чем афарские австралопитеки! Таким образом, семейство Лики «показало фигу» и французам, и еще раз (после находки анаменсиса) австралопитековому королю Джохансону.



Кениантроп платиопс, 2000 г.

Сенсационность находки заключалась в том, что новый индивид не был австралопитеком, хотя невероятным для всех эво-антропологов образом имел черты, по которым принято было детектировать гоминидов. Если человеческими признаками в эволюции считались мелкие зубы и плоское лицо, то в этом смысле загадочный незнакомец был более «человеком», чем Люси. Кроме того, внешне он чем-то напоминал череп ER 1470, причем, в его новом, реконструированном виде. Новое существо было описано на уровне отдельного рода и получило имя ***Kenyanthropus platyops***. Недолго думая, Мив Лики, выражая, впрочем, мнение всей семьи, объявила о радикально новом раскладе в антропологической картине.

В этом новом раскладе австралопитеки, как и прежде, были отстранены от человеческой «пайки». Согласно давней семейной традиции Лики, они и тут считались боковой, слепой веткой эволюции. Человеческий род произошел не от австралопитеков Джохансона и не от французского оррорина, но от

открытого Мив Лики в 1995 году анамского австралопитека (*Australopithecus anamensis*), как раз и породившего нового, только что найденного кениантропа платиопса (*Kenyanthropus platyops*), который в свою очередь породил кениантропа рудольфензиса (*Kenyanthropus rudolfensis*, новое имя многострадального черепа ER 1470). А уж далее, так сказать, пусть наши внуки разбираются^[21].



Мив Лики, 2000 г.

Вспомним, что Тим Уайт претендовал на то, что его ардипитек рамидус как минимум является первым гоминидом, родоначальником линии человека, на которой позже появились австралопитеки, а уж как там складывалось дальше – не суть важно.

Дональду Джохансону было уже всё равно, кто там стоял за спиной у его Люси – ардипитеки или

анамские австралопитеки, главное, что его *афарские австралопитеки* прочно обосновались на человеческом магистральном направлении, породив затем хабилисов и ER 1470 (в устаревшей версии), а уж далее – по старой, доброй, пронафталиненной схеме.

Французы, злобно надругавшись над светлыми чувствами американцев и англичан, отправляли на свалку и ардипитеков, и австралопитеков, а заодно и нового кениантропа с его похожестью на ER 1470, так сказать, без *разницы в какой версии*. Ив Коппенс, Мартин Пикфорд и железная леди антропологии Брижит Сеню настаивали, что первым на человеческой линии был их тугенский оррорин, породивший некую группу абстрактных *преантропов*, которая в свою очередь привела к каким-то не менее абстрактным *Ното*. Что за преантропы, что за *Ното* – особого значения не имело. Главной точкой французской схемы являлась, разумеется, фигура оррорина, в остальном же провалы и абстракции французов были уж совсем чудовищны, едва ли не на уровне «питекантропа» Дюбуа и Геккеля.

И вот теперь семейство Лики вдобавок к имеющимся двум альтернативным линиям происхождения добавляла третью. Научная общественность была в шоке. Кто же из них главный виновник торжества – австралопитеки? Оррорин? Или кениантроп? Говорят, что Тим Уайт после сообщения о находке кениантропа Лики воскликнул: «Теперь руки спорщиков будут махать быстрее, чем лопасти вертолета!».

5.

Но Тим Уайт, как и весь прочий эволюционный люд, не подозревал, что французские сюрпризы на одном оррорине не закончились. В 2002 году франко-чадская экспедиция, возглавляемая Мишелем Брюне из Французского университета Пуатье, нашла нечто такое, что Бернард Вуд позже назвал «маленькой атомной бомбой». В пустыне Чад, на северо-западе одноименного государства, вдали от всех прежних «эволюционных точек», Брюне извлек на свет фрагменты, составлявшие почти полный череп одного индивида, два фрагмента нижних челюстей от двух других индивидов и по одному зубу от еще трех индивидов.

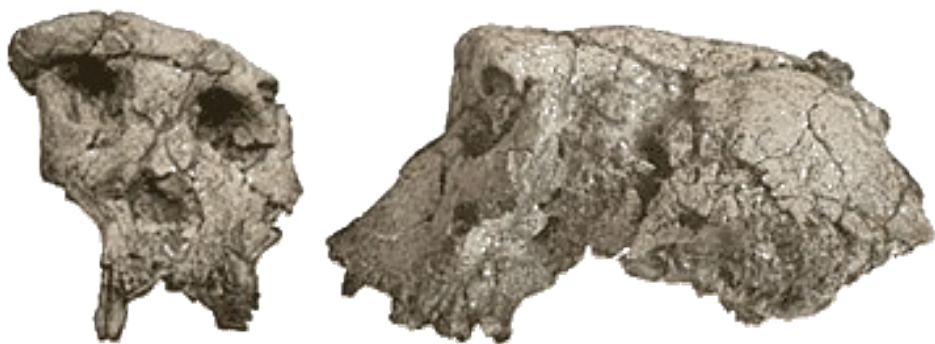


Мишель Брюне

11 июля 2002 года мировая научная общественность была взорвана новой сенсацией, опубликованной в «Nature». В отличие от разрозненных костных фрагментов других «предков», Мишель Брюне (с поддержкой американцев Бернарда Вуда и Майкла Колларда) представлял череп нового, на этот раз истинного «предка» человека, стоявшего у самого основания гоминидной линии и имевшего рекордный возраст 6–7 миллионов лет. Это был не австралопитек, не ардипитек, не оррорин, ни кто-либо другой до сей поры известный. Уникальное существо получило родовое имя ***Sahelanthropus tchadensis***, а также неофициальное имя «Тумай». В очередной раз оказалось, что до сей поры палеоантропологи напрасно ели свой хлеб, так как редакция «Nature» заявила, что недостающее звено наконец-то найдено и отныне само это понятие – «недостающее звено» – принадлежит истории!

Впрочем, на этот раз причина придти в изумление была. Существо, жившее на 2,5 миллиона лет ранее всех известных гоминид, по некоторым признакам было значительно прогрессивней всех своих поздних австралопитековых потомков! Брюне заявил даже, что некоторые черты сахелантропа – человеческие, а сам он, судя по положению затылочного отверстия, был прямоходящим. Уже 13 июля в «Science News» Бернард Вуд писал, что никто не ожидал находки существа, у которого мозг объемом шимпанзе совмещался с чертами, свойственными «ранним Ното» – плоским «человеческим» лицом, мелкими «человеческими» зубами и массивными надбровными дугами, напоминающими Ното

erectus. Череп чадского сахелантропа выбивался из всех ожиданий эволюционизма – был найден «не с теми признаками», не в то время (ранее гипотетической точки раскола гоминид и шимпанзе) и не в том месте (вдалеке от принятых центров гоминизации, да еще в местах, покрытых когда-то лесами, а не в открытой саванне). Прямоходящий гоминид 7 миллионов лет назад, в лесах, имеющий черты *Homo* – эту новость эволюционное сообщество сразу не переварило. Оно еще не понимало, что *Sahelanthropus tchadensis* зарезал весь эволюционный антропогенез на корню.



Чадский сахелантроп (Тумай), 2002 г.

Бурная радость по поводу находки, на короткое время заставившей забыть о распрях между представителями разных «школ», сменилась откровенным недоумением. Позвольте, если гоминидные черты 7 миллионов лет назад имелись у только что «отколовшегося» от общепредковой ветки прямоходящего (!) сахелантропа, то почему они потерялись у всех более поздних форм, скажем

афарских австралопитеков или, пусть альтернативно, анамских, давших линию кениантропов? Кого бы мы ни выдвигали в человеческие предки вслед за сахелантропом, тот по неведомой причине уже не имел его гоминидных признаков. Выходит, что они могут появляться в эволюционной истории не один раз, независимо? А если сахелантроп – боковая ветвь? А почему сходные гоминидные признаки имеют и австралопитеки, и кениантропы, если к человеку привела только одна из них? Тогда почему этими признаками, возникающими «бессистемно», в разное время, в разных сочетаниях и на разных линиях, мы пытаемся детектировать принадлежность ранних приматов к человеку?

А может быть, эти так называемые «гоминидные» признаки вовсе и не имеют эволюционного характера, который мы им приписываем? – наконец, обожгло самых догадливых. «Прогрессивность» кениантропа за два года до этого позволила Мив Лики сочинить новую альтернативную линию «предков». Но дублирование гоминидных черт в кениантропе могло быть – хоть и почти невероятной, но – случайностью, совпадением. Теперь же, когда «человеческие» признаки обнаружились в чадском сахелантропе 7-ми миллионов лет от роду, ни о каких совпадениях речи быть не могло. Сахелантроп явно не был гоминидом. Скорее, это была горилла, парадоксальным образом имеющая те черты, которые прежде принято было описывать как «человеческие». В хоре одобрения начали раздаваться отдельные выкрики, свист – и вскоре почтенное собрание превратилось в негодующие и

сражающиеся меж собой разрозненные группы. Общественное падение нового предка было стремительным. Уже через три месяца по интонации в журнале «Nature» (419:581–582, 2002) можно было понять, что эволюционизм очнулся от приятного сладостно-розового обморока, вызванного появлением на этот раз уже точно нашего предка и теперь должен нанести уничтожающие удары по «неправильному» сахелантропу. Журнал «Nature» опубликовал статью «Сахелантроп или сахелпитек?», где в стиле, хорошо известном советскому человеку («вот тут некоторые товарищи заявляют...»), написал:

«*Sahelanthropus tchadensis* – новая загадочная миоценовая разновидность, характерная тем, что соединяет черты обезьян и *Homo erectus* и, как это было объявлено Брюне и другими, является самым ранним гоминидом. Однако мы полагаем, что особенности строения зубов, лица и основания черепа, которые, как считается, определяют уникальные связи между экземпляром по имени Тумай и представителями гоминид, являются или **не диагностическими** или – **последствиями биомеханической адаптации**. Чтобы представлять из себя законного члена семьи гоминидов, он должен разделять с ним определенные уникальные особенности, а *Sahelanthropus*, кажется, не был даже полностью прямоходящим».

Эти слова стоят того, чтобы перечитать их еще раз. Над подобными образцами двойных стандартов и скользкой логики когда-нибудь еще будут грустно усмехаться наши потомки. Действительно, чтобы считаться промежуточной формой, найденная

ископаемая обезьяна должна иметь промежуточные черты. Но в отношении Тумая эволюционисты быстро *пересдали карты*, заявив, что именно его гоминидные черты либо не могут считаться доказательством гоминидности (не являются диагностическими), либо не имеют отношения собственно к эволюции (просто механические приспособления к среде).

У кого-то были еще сомнения? Авторы «*Nature*» спешили их развеять. Оказывается, сахелантроп оттого так похож на гоминида, что жил в той же окружающей среде, в которой позже появились австралопитеки. То есть, в лесу. Ранее эволюционисты настаивали на проживании гоминид в открытой местности, саванне, но оказалось весьма удачным, что с недавних пор они поменяли эту точку зрения. А раз так, то объяснение готово. Если все гоминиды жили в лесистой местности примерно с одинаковым пищевым рационом, а также одинаковыми формой и фактурой растений, то пользование этим схожим контентом и развило у обеих форм – сахелантропа и, позже, австралопитеков – сходные анатомические черты. Иными словами, сахелантроп Тумай был всего лишь обезьяной с *приспособленным по аналогии* аппаратом для жевания, и потому лишь чисто внешне, без эволюционной одухотворенности и богатого внутреннего эволюционного содержания, походил на гоминида. Если для австралопитеков эти черты считались ноу-хау, то Тумай «отрастил» себе всё то же совершенно пиратским, нелицензионным образом, без всякого, так сказать, эволюционного копирайта.

Прежняя война школ разразилась с новой силой. Но теперь начались еще и войны гражданские – внутри

себя раскололись и французская, и американская школы. Милфорд Волпофф из Мичиганского университета решительно заявил, что черты Тумая характерны не для гоминидов, а обычных горилл. Никаких горилл! – возражал ему Бернард Вуд, поддержавший Мишеля Брюне и парадоксальную гоминидность его Тумая. Но Вуд решил, что за «гориллу» Волпофф должен ответить. Он обвинил Волпоффа (в свое время примкнувшего к французам в скандале с оррорином) в том, что тот просто «топит» чужую находку из конъюнктурных соображений. Казалось, Мишель Брюне мог бы ожидать солидарности со стороны соотечественников, но Брижит Сенью, которая не собиралась ставить своего оррорина вторым после Тумая, самым «троцкистским» образом примкнула к американцам и стала «топить» французского же Тумая, заявляя, что его череп принадлежит самке доисторической гориллы и никаких признаков гоминида она в сахелантропе вообще не видит. То же подтвердил и Мартин Пикфорд, назвав Тумая «самкой протогориллы». Часть американцев напала на прямохождение Тумая, утверждая, что отверстие в основании его черепа характерно для горилл и не может свидетельствовать о прямохождении. Брюне горячо отбивался самым надежным и проверенным старым приемом спорщиков-эволюционистов под названием «я говорю, а ты поди проверь» – мол, череп за миллионы лет подвергся искажению, и, если от искажения избавиться, то отверстие для крепления позвоночника сдвинется к центру и встанет как надо.

Всё не просто смешалось в доме Облонских – какой-то смерч завертел и разрушил всю прежнюю железобетонную стройность эволюционных рядов, всё это прежнее согласие фантазеров. По-русски говоря, все переругались. Наступило короткое замыкание в эволюционной сети. Раньше эволюционизму «можно было» практически всё – можно было не трудиться отделять факты от их интерпретации. Если явлению придумывалось объяснение, пусть даже самое нелепое, то это объяснение могло считаться уже и не гипотезой – доказательством! Если возникало затруднение, то достаточно было показать на пальцах любой, самый невероятный сценарий его преодоления – и это затруднение навсегда вычеркивалось из перечня эволюционных проблем; в крайнем случае – всплывало с последующими ссылками на прозвучавшую фантазию: «Как уже было показано, этот факт не является проблемой для эволюции...».

Но если раньше эволюционизм держал круговую оборону, то теперь прежняя демагогия и обманные приемы были направлены уже на своих товарищей, внутрь своего сообщества. Наступил момент истины – может быть, первый такой момент в ряду тех, которые еще последуют в будущем. Эволюционизм вдруг нашел себя в полной растерянности, без руля и без ветрил, без каких-либо точек согласия даже внутри собственного лагеря.

Весь этот странный разброд, непонимание друг друга и отсутствие общих критериев выразил после долгих споров с Брюне М. Волпофф. После того, как Брюне указал на гоминидные зубы Тумая, а Вольпофф

поразился тому, что коллега в упор не видит зубы гориллы, американский ученый сделал весьма показательное для эволюционизма замечание: «Одни и те же черты мы рассматриваем по-разному и по-разному оцениваем их [эволюционное] значение»!

В конце концов, споры вокруг статуса Тумая зашли в тупик. Американо-европейская антропология отказала сахелантропу в статусе «предка», зачислив то ли в протогориллы, то ли в представители вымершей линии. Мишель Брюне продолжает стоять на своём. Пикфорд и Сеню тоже продолжают стоять на своём. На своём стоит семейство Лики – Луиза, дочь Ричарда и Мив, нынче взяла из их рук эстафетную палочку. На своём стоит Джохансон, вспоминая те славные дни, когда в их полевом лагере играла песня Битлз «Люси на небе в алмазах», в честь которой была названа его Люси... Все, буквально все – стоят на своём. Итогом этой войны стал неутешительный вывод – а что есть эволюционные признаки гоминид вообще? И каким анатомическим признакам можно после этого доверять? Так окончательно рухнули и старая добрая «гоминидная триада», и прочая «диагностика по морфологии». Бернард Вуд по поводу событий последних лет заметил, что «...если новые находки нам и преподали какой-либо урок, то только в виде парадокса – **чем больше мы узнаём о нашем происхождении, тем меньше мы знаем...**».

Эту часть записок мне хочется закончить в каком-то былинном стиле. «И до сей поры идет жестокая битва за место на линии, которая не привела к человеку!»).

Часть V. Где будем делать талию?

1.

Итак, подведем некоторые итоги. В этой главе я по мере сил пытался показать читателю, насколько обоснованы утверждения эволюционистов о том, что происхождение человека от обезьяны доказано огромным количеством палеонтологического материала. Ретроспективно я отметил все основные, узловые точки так называемого эволюционного антропогенеза, образно выражаясь, лежащие на той стороне пропасти, где в безусловном родстве между собой находятся многочисленные линии ископаемых приматов. Какие бы тонкие родственные связи и хитросплетения линий мы там ни обнаруживали и ни «уточняли», факт остается фактом – **ни одной достоверной «переходной формы» от обезьяноподобных существ к человеку не существует.**

Еще раз хочу напомнить читателю о том, что эволюционизм, прикрываясь словесным наукообразием, пытается внушить обществу ложную схему, по сути, мифологему – будто происхождение человека от обезьяны выяснено в результате накопления знаний и является едва ли не научным открытием в деле познании мира. Нет, напротив – безуспешные поиски эволюционизмом «недостающего звена» в течение 150 лет есть «спланированная попытка» (выражаясь языком политиков) любой ценой доказать философскую атеистическую доктрину дарвинизма (сегодня

модернизированного и известного как «синтетическая теория эволюции»).

Парадоксальная, но вполне ожидаемая для квазинаучной дисциплины ситуация состоит в том, что с накоплением все большего количества фактов, запутывающих или прямо опровергающих ее схемы, эволюционная палеоантропология становится все более пластичной. Эволюционистов теперь все труднее заставить врасплох. У этих провидцев, как выясняется, схвачено всё: «Раньше мы пытались искать простоту, потому что стремились к упорядоченной картине. Теперь мы ищем сложность **и находим её**» (Д. Либерман, цит. по: М. Вартбург, 2001).

Ищем и находим! Когда теория не подтвердилась фактами, когда дело – труба, и корабль тонет, то ничего не остается, как рвать на груди тельняшку, изображать хорошую мину при плохой игре и выкрикивать лозунги, желательно как можно более всеохватные: «Но с каждым годом палеоантропология приносит всё больше и больше научных доказательств!...». «Мы сами ищем сложность и находим ее!».

PERIODIC TABLE OF THE ELEMENTS

1s	2s	3s	4s	5s	6s	7s	8	9	10	11s	12s	13s	14s	15s	16s	17s	18s	19s	20s
1 H 1.00794																		2 He 4.0026	
3 Li 6.941	4 Be 9.012	Atomic Number → 59 ± 3 Symbol → Sm Atomic Weight → 116.91 ← Electronic Configuration KEY TO CHART ← Oxidation States ← Transition Elements ← Group I										5 B 10.811	6 C 12.0115	7 N 14.007	8 O 15.9994	9 F 18.9984	10 Ne 20.180		
11 Na 22.990	12 Mg 24.312	Transition Elements										13 Al 26.9815	14 Si 28.0855	15 P 30.9738	16 S 32.06	17 Cl 35.453	18 Ar 39.948		
Group I																			
19 K 39.098	20 Ca 40.078	21 Sc 44.956	22 Ti 47.88	23 V 50.942	24 Cr 51.996	25 Mn 54.938	26 Fe 55.845	27 Co 58.933	28 Ni 58.693	29 Cu 63.546	30 Zn 65.38	31 Ga 69.723	32 Ge 72.64	33 As 74.922	34 Se 78.96	35 Br 79.904	36 Kr 83.80		
37 Rb 85.468	38 Sr 87.62	39 Y 88.906	40 Zr 91.224	41 Nb 92.906	42 Mo 95.94	43 Tc 98.906	44 Ru 101.07	45 Rh 102.906	46 Pd 106.367	47 Ag 107.868	48 Cd 112.411	49 In 114.818	50 Sn 118.710	51 Sb 121.757	52 Te 127.60	53 I 126.905	54 Xe 131.29		
55 Cs 132.905	56 Ba 137.327	57 La 138.905	58 Ce 140.12	59 Pr 140.908	60 Nd 144.24	61 Pm 144.913	62 Sm 150.36	63 Eu 151.96	64 Gd 157.25	65 Tb 158.925	66 Dy 162.50	67 Ho 164.93	68 Er 167.26	69 Tm 168.93	70 Yb 173.05	71 Lu 174.967	72 Hf 178.49		
87 Fr 223.019	88 Ra 226.025	89 Ac 227.033											101 Md 288.103	102 No 289.102	103 Lr 260.106	104 Rf 261.102	105 Db 262.103		

5 under in parentheses are mass numbers of most stable isotope of that element.

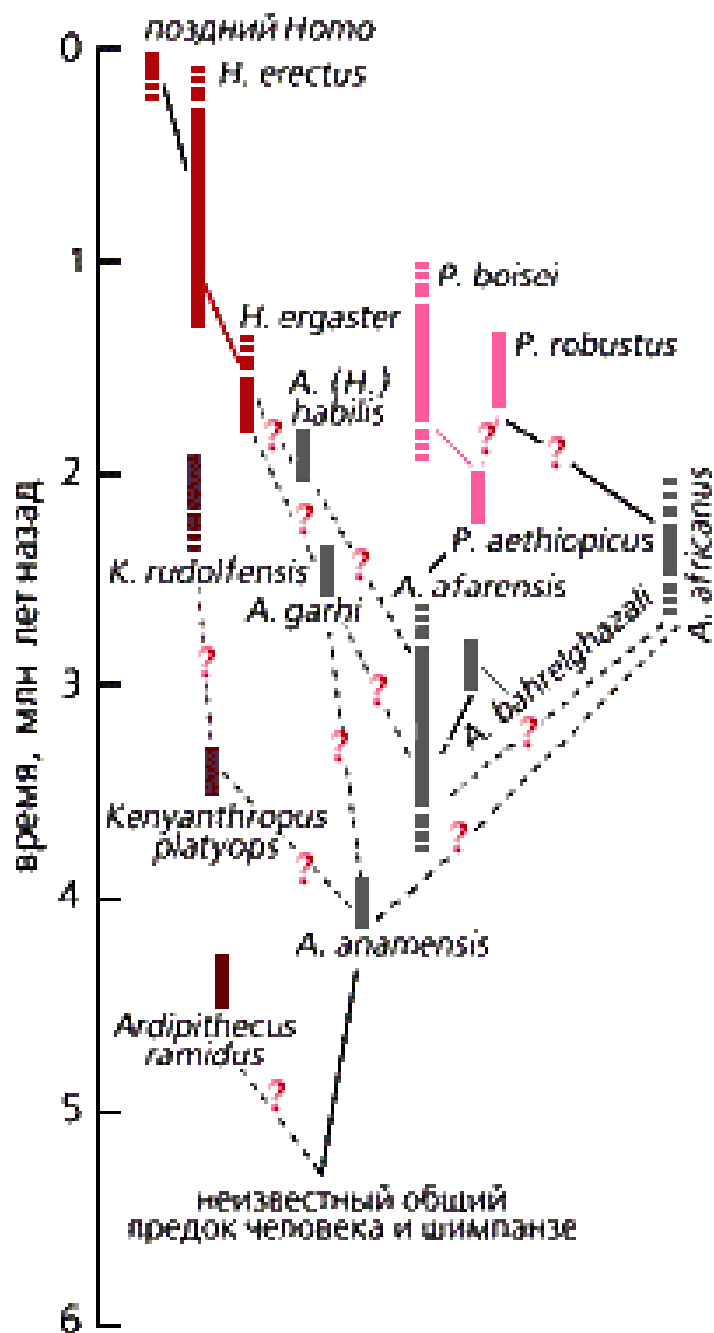
Периодическая таблица Менделеева из тетради Д. Джонса, 1967 года. См. [современную периодическую таблицу](#).

Автор интернет-ресурса «Наука против эволюции» («Science Against Evolution») Дувайл Джонс приводит хороший пример со своей школьной тетрадью по химии, 1967 года, на обратной стороне которой изображена периодическая таблица элементов. Единственным отличие этой таблицы от современных заключается в том, что она заканчивается элементом 103. Современные же таблицы содержат еще несколько новых элементов. За исключением этих дополнений в таблице ничего не изменялось с тех пор,

как Д. И. Менделеев разработал ее в 1869 году. Это потому, что периодическая таблица элементов объективна, рациональна и научна. На нее не влияют ни философия материализма, ни линия партии, ни постмодернистские веянья общества.

С другой стороны, филогенетическая классификация пересматривается едва ли не ежегодно, а в *горячие периоды*, как мы убедились – и по два раза в год. Филогенетическая картина, которую эволюционисты выдают за научную, в отличие от таблицы Менделеева, не то что субъективна, а как-то даже *неприлично, безвольно субъективна* – на нее разве что только прогноз погоды не влияет. А так на нее влияет всё что угодно – господствующая в науке парадигма, идеологические соображения, корпоративная договоренность, эмоции, амбиции и, как это наблюдается с недавних пор, еще и политика. Научная классификация Менделеева за последние рассматриваемые нами 30 лет не только не была пересмотрена или как-то исправлена с учетом ошибок, но воистину только уточнялась и пополнялась, будучи дописана с учетом новых знаний. Картина же филогенеза за те же 30 лет прошла путь от стройной линейной схемы до катастрофического развала всего филогенетического дерева, напоминая сегодня то ли вокзал, то ли оптовый рынок, где все находятся в близком контакте, толкаются, наступают друг другу на ноги, но при этом заняты только собой и знать друг о друге не желают. Пунктирная линия между двумя формами и знак вопроса в этой толкучке означают для эволюциониста нечто вроде: «не знакомы ли мы? Не родственники ли?». Для креационистов же – «чего

надо? Ищи своих родственников в зоопарке!». Можно ли назвать уточнением схемы постоянные попытки предотвратить ее развал? Каждая новая находка – будь то даже обломок челюсти какого-нибудь ***Australopithecus garhi*** – заставляет говорить о кардинальном пересмотре взглядов на человеческое развитие (читай – на филогенез обезьян), ломает все прежние «расклады» и еще больше запутывает общую схему, не принося ответов, но лишь плодя новые вопросы – кто такие *A. garhi*? С кем связаны ***A. bahrelghazali***? Обломок челюсти по имени *Australopithecus garhi* нагло тянет свои пунктирные линии к человеку только по той причине, что считается близким к афаренсису, а выделен в отдельный вид только потому, что на его моляре (коренном зубе), в отличие от афаренсиса, не два корня, а три! И что это за научная картина, которую способен всякий раз претрясти заново какой-нибудь обломок обезьяньей челюсти?



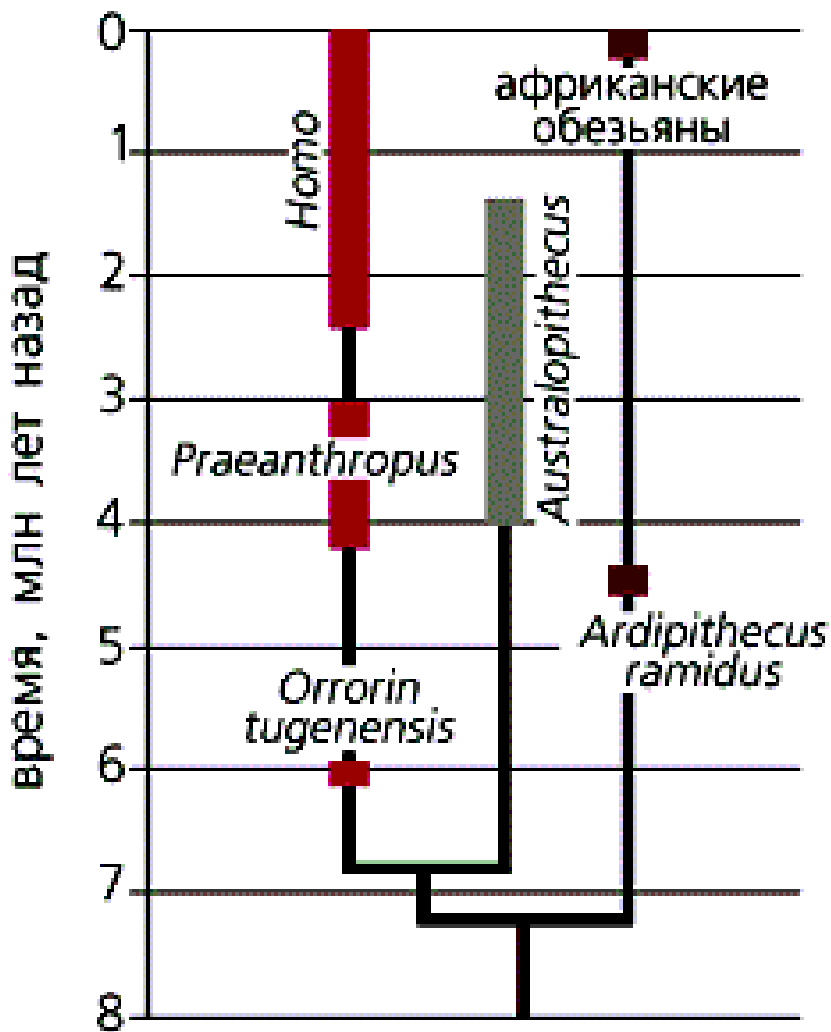
«Теперь мы ищем сложность и находим её!»! Ура! По-русски это означает следующее. Мы уже таких сюрпризов от этих новых находок навидались, в таких безднах разочарования побывали, что теперь готовы – ко всему. Теперь нам хоть чёрта лысого принесите, хоть его бабушку – мы и их легко встроим в наши филогенетические схемы! Ведь мы ищем сложность! Мы ее себе предсказываем и в будущем! Давайте, несите, чего там у вас еще есть новенького?! Проглотим и это!

Такие «уточнения» филогении, в отличие от таблицы Менделеева, могут продолжаться до бесконечности, потому что в основе их лежит не научный, а сугубо философский, идеологический тезис, к тому же ложный.

В конце концов, после того, как в результате 150-летних поисков не нашлось ни одной убедительной связи между ископаемыми обезьянами и людьми, все разговоры и предположения по типу «произошли от Люси», «произошли от хабилиса» – похожи на некую форму паранойи. Если параноику кажется, что жена изменяет ему с любовником, то переубедить его невозможно. Любые доказательства и даже очевидное отсутствие контактов жены с кем-либо посторонним муж воспринимает по-своему – «любовник затаился». То же и с переходными формами. Можно, конечно, вообразить, что настоящие переходные формы «затаились», но такой довод ничем не лучше довода параноика. Нет фактов? Ну и что? А может быть, афарские австралопитеки вымерли, но оставили некую тайную, «масонскую» линию, которая привела к человеку? Не

линию робустных австралопитеков (которые тоже вымерли), а именно свое тайное, невидимое продолжение? А что? Тоже красиво. Впрочем, я не уверен, что тут же не появятся претенденты на тайную масонскую линию от пингвинов (прямоходящие!), от свиней (по некоторым биохимическим параметрам очень близки к человеку), от дельфинов (Атлантида утонула, а с ней и «переходные формы») и т.д. и т.п. «Любовник затаился»... Как говорится, «даже если у вас нет паранойи, то это еще не значит, что они за вами не следят»...

Эволюционисты Найлс Эдридж и Иен Таттерсел в своей книге «Мифы человеческой эволюции» («*The myths of human evolution*») говорят о крахе эволюционного дерева и бесполезности всяких попыток выяснить наше происхождение: «Можно было бы с уверенностью ожидать, что по мере умножения находок ископаемых остатков гоминид история развития человека становилась бы все более и более понятной. Однако если что-либо и происходит, то только обратное».



Филогенетическая схема французской школы. Род преантропов и род Ното здесь крайне абстрактны; узловой точкой схемы является оррорин и демонстрация его предкового статуса. Австралопитеки считаются туниковой ветвью. (По В. Senut, 2002)

2.

Представьте себе, читатель, что завтра вдруг появляется какой-нибудь новый Джохансон, уверяющий нас, что в антропогенезе существовала линия, скажем, кентавров, впоследствии вымерших, но в виде легенд и мифов сохранившихся в памяти людей Древнего мира. Какие факты могли бы нас убедить в существовании кентавров? Предположим, «новый Джохансон» предъявил бы десять полных скелетов кентавров. Это был бы впечатляющий факт. Но он был бы не менее впечатляющим, если бы нашему взору предстал и один-единственный скелет человеко-лошади. Разумеется, при условии того, что у нас не будет явных сомнений в его подлинности. Снижая планку, можно утверждать, что наше изумление в существовании кентавров не поколебал бы и скелет, у которого отсутствовали бы несколько ребер, одна нога, части позвоночника и т.д.

Но что бы вы сказали, читатель, если бы «новый Джохансон», громко объявив о существовании кентавров, предъявил в качестве доказательства нижнюю челюсть человека и лошадиное копыто, найденное в 15 километрах от челюсти, зато в том же геологическом горизонте?

Наши глаза замылились, уши стали хуже различать интонацию – но ведь концепция происхождения человека от обезьяны, если посмотреть на нее в целом, построена именно на подобных фактах и с применением подобных методов! Наши дети в школах фактически учат тому, что кентавры существовали! Им промывают мозги, а мы платим

налоги на подобное «образование», то есть содержим огромную армию исследователей, пропагандистов и педагогов, занимающихся – не наукой, нет – а именно «кентаврами».

Посмотрите на современную филогенетическую схему, усыпанную вопросительными знаками и исчерченную пунктирными линиями, которые должны показать предположительное родство отдельных видов. Как я уже упоминал, прежняя эволюционная последовательность типа «австралопитеки – хабилисы – эректусы – сапиенсы» существует только в воображении эволюционистов или на бумаге, поскольку фактического подтверждения не имеет. Но что делать с новой схемой филогении, которая не отвечает на вопросы, а сама их ставит? Несмотря на то, что эта схема в таком «вопрошающем» и альтернативно-параллельном виде на многое, казалось бы, не претендует, но и она по сути своей является системно неадекватной, бессмысленной. Потому что в основе своей имеет ложнофилософское стремление доказать существование «кентавров».

Схема вводит в заблуждение, если вы не знаете всю ее историю в целом. Даже в таком виде эта схема – весьма искусственное построение, крайне причёсанное, предмет корпоративных соглашений и цензуры. Часть окаменелостей, так называемые аномальные, взрывающие принятые эволюционные взгляды, из нее просто исключены. Часть окаменелостей, принадлежащих людям, брошена на затыкание эволюционных дыр в других таксонах. Всё человеческое семейство плейстоцена-голоцена

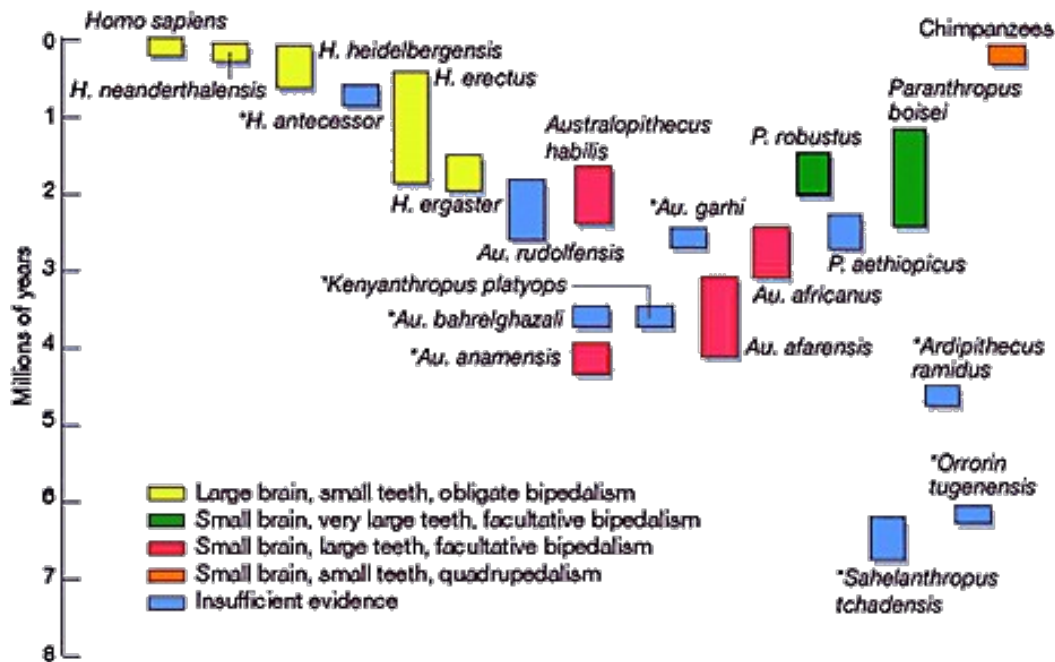
искусственно поделено на эволюционных предков или потомков друг друга, тогда как эректусы, неандертальцы и сапиенсы были современниками и представляли собой лишь расовые или региональные разновидности человека. Особо нелеп вопросительный знак между обезьянами хабилисами и первыми людьми эректусами. Он до сих пор выставляется здесь, видимо, на всякий случай, как нераспроданный товар – а вдруг еще кто-нибудь заинтересуется и купит? Или в качестве ностальгического памятника – эх, были ведь времена...

3.

Находки *Kenyanthropus platyops* и особенно Тумая показали, что отныне поиск «переходных форм» – занятие довольно бессмысленное. Генетических же критериев эволюционного родства, строго говоря, просто не существует – проблема соответствия морфологии (фенотипа) генетическим структурам (генотипу) не решена, и, не исключено, что не решаема в принципе^[22]. Собственно, на Тумая закончилась вся «палеоморфология». Исследователи оказались перед странным фактом – у них сегодня нет критериев, по которым они могли бы определять эволюционный статус того или иного существа.

Говоря проще, никто сегодня не знает, что такое гоминид. Критерий гоминида, то есть, существа, входящего в цепочку непосредственных предков современного человека, сегодня отсутствует. Этот ужас метафизической пустоты эволюционная

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ, ВИДИМО, ДО КОНЦА ЕЩЕ И НЕ ОСОЗНАЛА.



Кладограмма Вуда и Колларда 2000–2002 года. **Желтый цвет** – крупный мозг, маленькие зубы, облигатное (постоянное) прямохождение; **зеленый цвет** – маленький мозг, очень большие зубы, эпизодическое прямохождение; **красный цвет** – маленький мозг, большие зубы, эпизодическое прямохождение; **оранжевый цвет** – маленький мозг, маленькие зубы, четвероногость; **голубой цвет** – недостаточно данных. В этой схеме австралопитеки и хабилисы объединены в один род – *Australopithecus* (красный цвет), массивные австралопитеки выделены в род *Paranthropus* (зеленый цвет), люди обозначены желтым, а современный шимпанзе оранжевым. Общая черта всех эволюционных схем – разные условия оценки для обезьян и для людей. Для австралопитеков временные отрезки указаны с учетом даже спорных находок, для людей же как

будто существует запрет на пересечение границы в 2 млн. лет. Если не применять двойные стандарты и учитывать такие находки людей, как ER 3734 и ER 1593, то «желтая полоса» должна пересекать трехмиллионную отметку. Неучтенные же «аномальные» находки людей и следы их деятельности простираются даже за 11-млн.-летнюю отметку (Кремо, Томпсон, 1994, Pouliaños, 2004 и др.)

Действительно, какие характеристики могла бы иметь найденная сегодня окаменелость, чтобы рассматриваться в качестве промежуточного звена? По каким критериям можно узнать своего эволюционного родственника-предка?

а). Морфологический критерий. Можно ли определить промежуточную форму путем визуального сравнения некоей анатомической или структурной похожести одних рассматриваемых форм с другими? Нет, вся эта «похожесть», как оказалось, негодна для диагностики, так как в принципе может носить не эволюционный, а «бытовой» характер, то есть, может являться следствием лишь определенного образа жизни и сугубо механических приспособлений к окружающей среде (так называемые параллелизмы). Проблема в том, что мы всякий раз будем упираться в невозможность объективной оценки – является ли некий рассматриваемый признак диагностическим. Опыт показывает, что при желании всегда можно разглядеть то, чего нет. А при особом желании можно и в упор не увидеть очевидного (ситуация типа «человек, похожий на генерального прокурора»).

Возьмем как пример строение зубов и челюстной дуги, одни из ключевых прежде признаков для определения «гоминидности» ископаемых форм. Прежде считалось, что если у рассматриваемого существа челюстная дуга имеет промежуточную форму между U-образной обезьяньей и параболической человеческой, то такое ее строение есть свидетельство гоминидности. Однако такой «промежуточной» формой зубной дуги обладает живущий сегодня павиан *Theoropithecus galada*. Зубы карликового шимпанзе также имеют сходство с человеческими. Напомню, что согласно эволюционному сценарию ни павиан, ни карликовый шимпанзе к гоминидам и человеческому происхождению, так сказать, и близко не стояли. С другой стороны, известный криминалист-дентолог Джек Куоззо свидетельствует, что среди современных людей довольно часто встречаются люди с «обезьяньими» признаками – формой зубной дуги и крупными обезьяноподобными зубами. А казус с зубом «гесперопитека» отчасти стал возможен еще и потому, что зубы свиньи во многом напоминают человеческие. Точно так же таз австралопитеков похож на человеческий, будучи, вероятно, его биомеханическим аналогом. Анатом Джеффри Шварц выделяет 26 уникальных морфологических черт, которые люди разделяют с современными обезьянами. Все 26 черт они разделяют с орангутаном, всего лишь 9 – с шимпанзе и гориллой и только 5 – с гиббоном.

Почему обезьяны имеют анатомическое и физиологическое сходство с человеком – отдельная

тема, но любой разговор об «эволюционной» промежуточности форм бессмысленен уже в том случае, если мы не принимаем саму концепцию эволюционизма. То есть идея какого бы то ни было сходства форм – всегда будет сугубо философской. Чисто гипотетически, в качестве фантазии – если бы эволюционизм постулировал, скажем, происхождение млекопитающих от птиц, то он наверняка в качестве промежуточной формы между ними выбрал бы летучую мышь. Летучая мышь была бы их сильнейшим «доказательством» и любимым примером – она млекопитающее, но внешне похожа на птицу. Однако лучше всего диагностическую «подвешенность» и неадекватность морфологического критерия демонстрируют так называемые мозаичные формы, обладающие признаками сразу нескольких таксонов. Самый известный пример – утконос, обладающий парадоксальной комбинацией признаков рептилии и млекопитающего. Таким образом, никогда нет гарантии, что какие-либо найденные формы, имеющие «желанные» для эволюционизма признаки, являются именно промежуточными, а не мозаичными.

Проблема морфологического анализа часто неразрешима даже на логическом уровне. Например, если свидетельством эволюционного статуса афарских австралопитеков является промежуточное положение некоторых их признаков между таковыми у человека и современных понгид, официально не участвовавших в эволюции человека, то почему не предположить, что австралопитеки составляют собственную, уникальную вымершую

линию? (к чему, собственно, сейчас эволюционизм и приходит). Или, скажем, не лежат на линии понгид? Почему именно на человеческой? Ведь все три варианта вроде бы равновероятны?

В целом же анализ по морфологии сходен с ситуацией, когда бы мы взяли, скажем, оценивать родственные отношения людей по их фамилиям. Мы никогда бы не знали наверняка – родственники ли, скажем, некие Кузнецовы, или их фамилии возникли независимо, «внеродственным» путем, лишь из-за одинаковой профессии их предков-кузнецов. Особо тяжелый случай выглядел бы так. Исследователь, объявивший родственниками, скажем, актера Чарли Чаплина и нашего современника, священника Всеволода Чаплина, оказался бы в абсолютной «ситуации Тумая» – ибо английская фамилия Чаплин образована от «капеллана», а русская – от «цапли».

Когда ученый, сторонник эволюционного антропогенеза, добросовестно указывает на промежуточность какой-нибудь обезьяньей косточки, сравнивая линию ее изгиба или какое-нибудь утолщение с человеческой, сторонний наблюдатель, не знакомый с тонкостями «морфологического анализа», действительно может подумать, что подобные вещи есть нечто из разряда строгого научного знания и доказательств «переходности» форм. В реальности же все гораздо проще. Читатель должен понимать, что любая подобная «детекция» – условность. Исследователь пользуется тем, что есть в его распоряжении, и только. Если бы в распоряжении эволюционистов были лишь одни кусочки древней зубной эмали, то и это не остановило бы их от

написания многочисленных трудов, с графиками, с распределениями групп образцов по плотности, структуре и цвету, и с неизменным выводом – такие-то фрагменты зубной эмали, находящиеся меж двумя самыми несхожими образцами, принадлежат их промежуточной эволюционной форме! Которая, как мы понимаем, и в этом случае будет промежуточной не объективно, а лишь в результате предпочтений исследователя при отборе определенных образцов. Применительно к филогенезу всё это – игры в ничто, в пустоту. Такие штуки можно проделывать с пляжной галькой, снежинками, облаками и пр. – и какие-то из них обязательно будут «переходными». Но при том, что сам метод подобной классификации в определенных рамках адекватен (вспомним, например, кладистику), быть свидетельством эволюционного родства он не может.

Да и в вышеприведенных примерах мы взяли еще «идеальную» ситуацию. В реальности же эволюционная антропология безапелляционно нарушает все нормы, входящие в понятие «морфологический анализ». Мы говорили о стандартном приеме эво-антропологов – включить человеческую кость в группу изучаемых обезьяньих, рассматривать ее как обезьянью, и реконструировать по ней, с учетом ее характеристик, какой-нибудь обезьяний образец в качестве «прогрессивного». В этом случае любые выводы эволюционистов, основанные на морфологическом критерии, совершенно бесполезны и для науки, и для тех, кто хотел бы получить ответ на вопрос – действительно ли человек происходил от обезьяноподобного предка.

б). Критерий «прогрессивности» признака. Итак, любой морфологический анализ субъективен и ненадежен. Может быть, для определения статуса промежуточного звена нам поможет что-то более конкретное? Скажем, некий анализ «прогрессивности» признака, то есть наша попытка проследить на ряде образцов изменение того или иного обезьяньего признака по времени в сторону человеческой анатомии?

Но если признаки, «подсмотренные у человека», которые всегда считались прогрессивными – плоское лицо, мелкие зубы и специфическая форма черепа – способны несколько раз в течение эволюционной истории появляться и исчезать на разных обезьяньих линиях и в разные эпохи, то этот критерий диагностики также негоден.

Изготовление обезьяной орудий – без всякого сомнения, откровенно пилтдаунский признак «прогресса», который, кроме всего прочего, еще и невозможно ни подтвердить, ни опровергнуть. Вообще прогрессивность признака – понятие столь же субъективное, что и морфологическое сходство, и **зависит главным образом от того, кто эту прогрессивность ищет.** Например, известный наш ученый, доктор исторических наук А. Зубов из Института этнологии и антропологии РАН, отстаивающий законность хабилисов, говорит, что крупные зубы хабилиса оттого такие «нечеловеческие», что отставали в развитии от зубов Ното (Зубов, 2004). А Л. Вишняцкий, удивляясь слишком современной анатомии нижних конечностей хабилиса (между нами говоря потому,

что рассматривал он настоящие человеческие бедренные кости ER 1472 и 1481), утверждает, что ноги хабилиса опережали развитие остальных частей его тела (Вишняцкий, 1999). «Опережать» время могут не только живые существа, но и... технологии. Когда в 1987 году исследователи захотели по аналогии с Родезийским человеком удревнить возраст танзанийского черепа Easy-1 до «нужных» им 300 тыс. лет (а этому мешали найденные в ассоциации с ним слишком «современные» орудия), то было заявлено, что в данном случае эволюция инструментальных технологий опережала эволюцию анатомии! Когда череп Sale из Марокко с предполагаемым возрастом 500 тыс. оказался чересчур современным, эволюционисты быстро сориентировались и заявили, что его сапиентные черты были сформированы патологией (Дробышевский, 2004).

Можно ли, еще раз возвращаясь назад, рассматривать в качестве прогрессивного признака увеличение объема мозга? Ведь те же хабилисы были записаны в наши родственники потому, что объем их мозга был якобы больше, чем у австралопитеков – казалось бы, явный эволюционный прогресс! Однако в 2004 году на индонезийском острове Флорес были найдены останки *Homo floresiensis*, о которых я уже упоминал, с объемом мозга 380 см^3 – меньше, чем у австралопитека и шимпанзе! При таком эволюционно мизерном объеме мозга эти существа были полноценными людьми – изготавливали орудия почти на уровне кроманьонцев, имели налаженный быт и коллективную систему охоты, свойственную «нормальным» людям – с планированием и

определенной стратегией. Мозг флоресиенса долго исследовали в надежде отыскать какую-нибудь патологию и объявить это существо еще одним исключением из эволюционных правил. В итоге никакой патологии обнаружено не было (Falk et al., 2007; Baab and McNulty, 2008). Сегодня общепризнано, что интеллект зависит не столько от объема мозга, сколько от его организации. С другой стороны, в эволюционизме не понята одна из «загадок» неандертальца, заключающаяся в том, что объем его мозга был наибольшим из всего человеческого семейства. Выходит, что неандерталец был прогрессивнее сапиенса? И тогда много ли стоит этот признак – объем мозга – чтобы на него опираться в реконструкции эволюционных отношений?

в). Критерий временного периода. Что еще можно придумать для детекции промежуточной формы? Может быть, эволюционисты могли бы использовать фактор времени, то есть соответствие найденной формы какому-то определенному периоду? Например, если в периоде времени А находят только останки обезьян, а в периоде Б явных людей, то нельзя ли отнести формы между этими периодами к промежуточным? Вспомним стандартную практику 60–70-х годов прошлого века, когда именно так и поступали. Буквально все найденные останки – и людей, и массивных австралопитеков – автоматически записывались в хабилисы, если имели возраст около 2 млн. лет. В итоге всё это лишь привело к обрушению хабилисной схемы и таксономической неразберихе, существующей доныне. Если в случае морфологического анализа

еще можно опираться на что-то более-менее «конкретное», по крайней мере, физическое, то в эволюционизме само время – понятие крайне растяжимое. Парадокс в том, что возраст для найденных останков эволюционисты в каждом случае **по сути подбирают сами**, исходя из принятого эволюционного сценария – опираясь или на «морфологию» находки, или на глубину залегания, или на предполагаемую историю данного района – а, по сути, «в глубине души» ориентируясь на тот статус, который автор находки хотел бы ей присвоить.

Эволюционисты сами слишком «не в ладах со временем», чтобы по возрасту находки определять ее статус. Например, они не могут объяснить тотальное отсутствие ископаемых находок «гоминоидов» (предшественников гоминидов), скажем, в период последних 15 млн. лет по с.ш., когда по их представлениям разворачивался гоминидный сценарий. Гипотеза расхождения двух линий человека и шимпанзе от общего предка и их дальнейшей независимой эволюции не поддержана никакими ископаемыми находками, за исключением буквально единичных, да и то только принадлежащих к «гоминидной» линии, включая условные даты «точечных» фрагментарных находок 7,6 и 4,5 млн. лет назад. Где все останки существ, живших в геологически активных районах, благоприятных для сохранения этих останков? Объяснения вроде того, что они не сохранились по причине своей чрезмерной древности или «кислых почв», достаточно наивны – ведь сохранились даже отпечатки медуз кембрия возрастом 600 млн. лет по с.ш. В конце

концов, почти на всех континентах сохранились останки тысяч особей динозавров, живших якобы на десятки миллионов лет раньше наших искомым протогоминид. Но в геологической колонке так называемые гоминиды (на нормальном языке – древние антропоидные приматы) появляются внезапно и в массовом порядке только менее 4 млн. лет назад, в виде австралопитеков. А может быть, не останки протогоминид «исчезли» и «растворились в кислых почвах», а декларируемый временной период был на порядки короче и существ в нем было на порядки меньше?

Совершенно неясен в эволюции вопрос о времени расхождения двух линий от общего предка. Генетики готовы сойтись в рукопашной с палеонтологами – называют им одни цифры, а те, желая поразить мир самой древней находкой, неустанно отодвигают эту точку расхождения всё дальше и дальше вглубь по времени. Впрочем, никто не знает ответа на вопрос – как должен выглядеть этот общий предок, на кого он должен быть похожим?

Детали эволюционного сценария то и дело не стыкуются по времени. Например, находки каменных инструментов олдувайского типа из Када Гона, сделанные в слоях возрастом 2,6 млн. лет, а также израильские или пакистанские артефакты аналогичного возраста по стандартной схеме должны принадлежать еще австралопитекам, хотя это явный абсурд. Если бы критерий временного периода работал, проблема подобных артефактов не была бы столь «зависшей», а, напротив, официальной антропологии следовало бы безусловно признать

существование некоей развитой эволюционной формы, проживавшей в разных уголках мира в гораздо более ранний период, чем это принято ныне. Но факты есть, а далее – в эволюционном стане тишина. Таким образом, критерий временного периода для поиска «гоминид» и «переходных форм» также негоден, поскольку, как показывает практика, эволюционный сценарий сам часто не в ладах с этими («своими» же!) периодами. Его спасает лишь то, что он, эволюционный сценарий, – «вещь в себе», то есть самодостаточен, и реальность, в том числе пространственно-временная, его по большому счету не интересует.

г). Региональный критерий. Тогда, может быть, для определения промежуточной формы можно использовать региональный (географический) критерий, то есть предположить привязку таких форм к определенному месту существования? (Как оно, собственно, изначально и было с Африкой, где «водится много диких обезьян»). Ответ – тоже нет. «Аргумент места» для эволюции также опровергается упоминавшимися выше находками следов деятельности, а также костными останками *Homo erectus* в других частях света. Если гипотетические человеческие предки хабилисы никогда не покидали Африку, то почему, скажем, в Китае и Индонезии в это же время (а то и раньше африканских «предков») жили эректусы? Как уже было сказано ранее, именно эти находки навсегда закрывают тему всяческих хабилисов и прочих африканских кандидатов в человеческие предки.

Вообще, проблемы места-времени-морфологии всегда сплетены в единый клубок. Например, у палеоантропологов никогда нет гарантии, что какой-нибудь найденный при раскопках индивид проживал по месту своего обнаружения, а не мигрировал сюда из других регионов или даже с других континентов. Никогда нет гарантии, что его морфологические отличия от местных форм имеют эволюционный, а не механико-адаптивный, временной или, опять же, инако-региональный характер. Эти отличия могут оказаться и следствием изоляции какой-нибудь местной локальной группы, а могут объясняться и значительной внутривидовой вариабельностью таксона – свойством, которое в наибольшей степени присуще именно приматам. Не говоря уже о частных патологиях. При этом реальная ценность каждого из факторов, оказавших влияние на «необычность» найденных останков, всегда остается для нас неизвестной.

д). Критерий прямохождения. Не оправдалась надежда эволюционизма и на этот критерий определения гоминида. Я сознательно выделяю прямохождение в особую статью (а не включаю в критерий «прогрессивных» признаков) – по тому, какое огромное, «всеподавляющее» значение оно имело ранее в эволюционных построениях. Первый уговор эволюционистов (прямохождение появляется только у первых гоминид типа Люси и приводит к появлению рода *Ното*), что и говорить, был по-своему «интересен». Но в соревновании за первенство, надеяя каждый своего «предка» этим гоминидным якобы признаком, амбициозные эвословы и эводелы

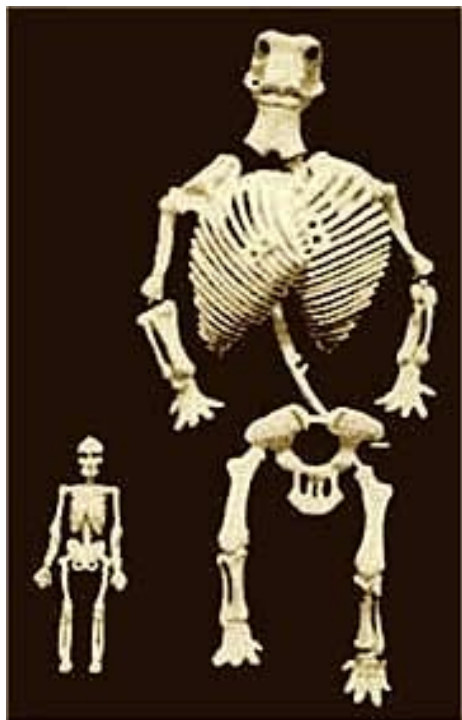
девальвировали его. В погоне за личной научной славой они совершили довольно глупую, с точки зрения их сценария, ошибку – они «сдали» первенство австралопитеков в этой области. И только у ленивой обезьяны, так сказать, не обнаружилось прямохождение. Если самые ранние гоминиды были уже прямоходящими, то почему неизвестному общему предку человека и шимпанзе самому не быть прямоходящим? (с точки зрения эво-сценария, разумеется). Если на разных линиях у разных существ мы наблюдаем независимое возникновение бипедализма (и даже не относящегося к гоминидам *Oreopithecus bamboli* возрастом 7–9 млн. л. по с.ш., см. Gee, 2001; Leakey et al., 2001), то этот искомый бипедализм навсегда уходит из списка эволюционных признаков и гоминидных критериев.

Более того, у так называемых гоминид мы наблюдаем парадоксальную для эволюционного сценария вещь – нечто вроде деградации прямохождения. Первые, «ранние гоминиды» (6–4 млн. лет назад по с.ш.), согласно заявлениям открывателей, как будто полностью прямоходящие, зато афарские австралопитеки (3,9–2,5) уже частично прямоходящие, частично древесные. Затем еще более молодые *Australopithecus africanus* (3,3–2,3 млн. лет) – еще хуже приспособлены к прямохождению. А самые поздние «Номо»/*Au. habilis* (1,9–1,44), ровесники и бывшие «предки» людей – еще менее прямоходящие, чем даже африканусы. И, не будем забывать, что наши обезьяны современники, шимпанзе, орангутаны и гориллы – четвероногие существа с эпизодическим прямохождением. Если уважаемый читатель заметил

эту закономерность с убыванием прямохождения, то, спросим себя, не напрашивается ли здесь какой-нибудь вывод, по возможности неожиданный?

4.

...Таким образом, находки последних лет окончательно закрыли вопрос о промежуточных формах между обезьяноподобными предками и людьми. Форма, на поиски которой в течение 150 лет были брошены все силы эволюционизма, отныне не может быть обнаружена в принципе. Эволюционизму следует признать этот факт как неизбежность – у него нет инструментов и методов для определения такой формы, даже если бы она в реальности – чисто гипотетически – существовала.



Пример того, как ложные представления могут влиять на реконструкцию. По мнению Дэвида Пратта, исполины в мифологии древних греков появились в результате подобной интерпретации находок костей неизвестных для них мамонтов (D. Pratt, 2004)

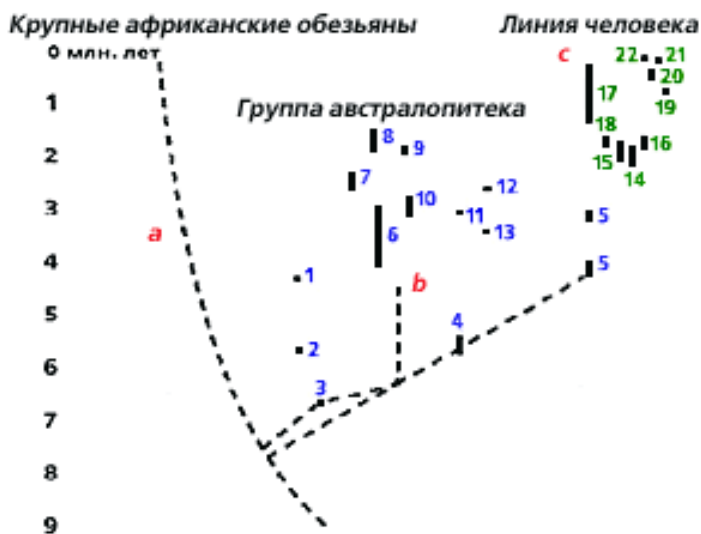
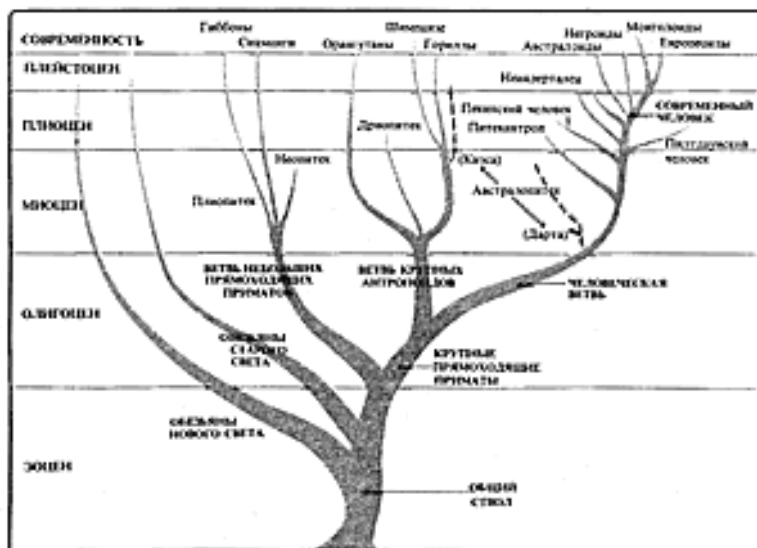
Но эволюционизм при этом продолжает широко пользоваться тем, что его фантазии трудно проверить. Чего стоят одни только знаменитые эволюционные реконструкции – будь то восстановление частей скелета или полного внешнего облика какого-нибудь «предка». Не секрет, что всю информацию о «предке» эволюционист палеореконструктор часто извлекает даже не из нескольких костных фрагментов, а из своей головы, точнее, из принятых в эво-сценарии на данный момент представлений. Кто из нас не помнит всех этих всплесков художественной фантазии, маячивших перед глазами еще со времен школьных учебников и музейных залов, куда нас водили учителя? Одним словом, никогда не следует забывать, что любая реконструкция (особенно касающаяся ключевых фигур эволюционного псевдогенеза), это в огромной степени – художественное творчество. В прямом смысле – искусство скульптуры и живописи. Нечто вроде иллюстрации к литературному произведению – а как мог бы выглядеть литературный герой? И даже не герой-человек (о человеке мы имеем внятное представление), а какой-нибудь герой-марсианин? Как мог бы выглядеть таз обезьяны, если бы эволюция была правдой, а обезьяна эволюционировала в человека? В этом смысле любая эволюционная «реконструкция» является чистым волюнтаризмом. Всякий раз, когда специалисты собираются что-либо реконструировать, это напоминает ситуацию из старого еврейского анекдота: «Мадам, где будем делать талию?».

Ошибки, которые случаются по причине недостаточности палеонтологической информации,

очень часты. Но смешными и нелепыми казусами они оборачиваются только потому, что идейно подкованные эво-реконструкторы желают в них видеть нечто непременно эволюционное. Например, известен случай, когда антрополог Ноэл Боаз принял ребро дельфина за лопаточную кость «предка» шимпанзе и настаивал на том, что форма кости свидетельствует о прямохождении! (Знакомо, не правда ли? Но Тим Уайт не замедлил окоротить выскочку, назвав его находку *Flipperpithecus* – «дельфинопитеком»!) Фрагмент черепа, найденный в Испании в 1984 году и описанный как древняя человеческая окаменелость, оказался фрагментом черепа 4-месячного осла (Pratt, 2004). Но подобные ошибки, разумеется, ничто перед главной, «системной» ошибкой эволюционизма, осложненного пилтдаунской родовой травмой – этой удивительной способностью видеть мир не таким, каков он есть, а каким должен быть согласно догме! Вот уж, действительно, счастливый случай, когда недостаток информации можно обратить себе на пользу...

Это не говоря уже о явных подделках. Я, кажется, сказал ранее, что для доказательства существования кентавра достаточно было бы одного скелета? Так вот, не всегда. Я имею в виду, что даже целый скелет не может быть гарантией того, что мы не имеем дело с творчеством пилтдаунских наследников. Немного подзабросив к концу главы счет «пилтдаунским» объектам и событиям, я хочу довести этот счет до юбилейной цифры. **Пилтдауном № 10** может по праву считаться находка скелета «птицезавра» по имени

Археораптор, сделанная в 1999 году в Китае и оказавшаяся позже подделкой. Это бутафорское чудо было грубо склеено из скелетов динозавра и птицы, но «паленую» форму, разумеется, на первых порах приняли вполне восторженно. «Ах, обмануть меня нетрудно, я сам обманываться рад...». Журнал «National Geographic» (№ 12, 1999) объявил о находке долгожданного промежуточного звена между птицами и динозаврами – *Archaeoraptor liaoningensis*. Можно было рассказать и о [пилтдаунском творчестве](#) современных деятелей – [подделках](#) древних артефактов японским археологом Шиничи Феджимурой и разоблачению в 2005 году авторитетного прежде в научном сообществе немецкого археолога Райнера Протча (известного тем, что в свое время сфальсифицировал малый углеродный возраст аномальной находке – так называемому «скелету Ганса Река») и [других](#). Впрочем, пилтдаунским черепом мы начали этот обзор и «птичьим пилтдауном», пожалуй, закончим. Для критиков напомню, что моей целью не является обвинение кого-либо из ученых. Я лишь хочу показать читателю, каким образом выпекаются и какую истинную цену имеют те «доказанные факты» и философские построения о нашем происхождении от обезьяны. По большому счёту этой темы можно было и не касаться – но если есть откровенная ложь, выдаваемая за правду, значит, будут и диссиденты. Я не оттого уделяю так много внимания всем этим «промежуточным формам», что хочу лишь «опустить» обезьяньи фантазии пилтдаунских наследников (не путать с настоящими учеными!), – нет, я хочу **реабилитировать человека**.



Родословная человека: эволюционное дерево по А. Кийту, **1931** (вверху). На нижнем рисунке – то, что осталось от него к нашему времени (Чайковский, **2003**, с учетом представлений французской школы).

- 1 – *Ar. ramidus*;
- 2 – *Ar. cadabba*;
- 3 – *Sahelanthropus tchadensis*;
- 4 – *Orrorin tugenensis*;

5 – *Praeanthropus africanus* (в представлении французской школы = *Au. anamensis* + *Au. afarensis pro parte*);

6 – *Au. antiquus* (в представлении французской школы = *Au. afarensis pro parte*);

7 – *Au. aethiopicus*;

8 – *Au. boisei*;

9 – *Au. robustus*;

10 – *Au. africanus*;

11 – *Au. bahrelghazali*;

12 – *Au. garhi*;

13 – *Kenyanthropus platyops*;

14 – *H/Au. rudolfensis*;

15 – *H/Au. habilis*;

16 – *H. ergaster*;

17 – *H. erectus*;

18 – *H. georgicus* (эректусы из Дманиси);

19 – *H. antecessor*; 20 – *H. heidelbergensis*;

21 – неандертальцы;

22 – современные люди. Обращаю внимание читателя, что сторонник эволюции Ю.В.Чайковский не учитывает новые данные о хабилисе и новую классификацию Вуда-Колларда 2000 года, и всё еще относит 14 и 15 к линии человека

Лично я не скрываю, что из всех версий антропогенеза принимаю версию Разумного Творения на веру. Хотя подспорьем этой веры являются интуиция, художественно-творческая оценка и некоторое, позволю себе нескромность, умение чувствовать причинно-следственные связи и «логику этого мира» (не говоря уже о наследстве в виде опыта гениев человечества) – все те вещи «призрачного происхождения», которые собирают разрозненные и по отдельности малопонятные осколки в одну цельную

картину и замыкают все разорванные звенья в единую цепь. Но это вовсе не означает, что построения оппонентов отрицаются мною с тех же позиций веры и их нельзя проверить с помощью научных методов. Доказать отсутствие чего-либо, как известно, невозможно. Но можно доказать, что те факты, которые предъявляют в подтверждение своей концепции сторонники происхождения от обезьяны, вовсе не являются тем, за что их выдают эволюционисты в своих интерпретациях.

Некоторое время назад, участвуя в сетевой дискуссии со сторонниками обезьяногенеза, я столкнулся с уже набившим оскомину приемом «бросания слонами». Некий эволюционист, биолог по образованию, сказал фразу примерно следующего содержания – изобилие найденных к сегодняшнему дню переходных форм окончательно доказывает правоту нашей теории, но противникам эво-антропогенеза все эти находки хоть грузовиками подвози – они всё равно будут недовольны.

Меня это «насторожило» отчасти и потому, что ситуация с определением количества сделанных антропо-находок в лагере эволюционистов совершенно противоречивая. По утверждениям одних, находок столь много, что они уже давно доказывают всё, что нужно. По другой версии – проблемы с «недостающим звеном» остры потому, что материала крайне недостаточно, найдено еще слишком мало, зато вот в будущем... Третья версия гласит, что проблема эво-антропогенеза состоит в многообразии вариантов и невозможности по этой причине выбрать что-то одно – но «картина эволюции

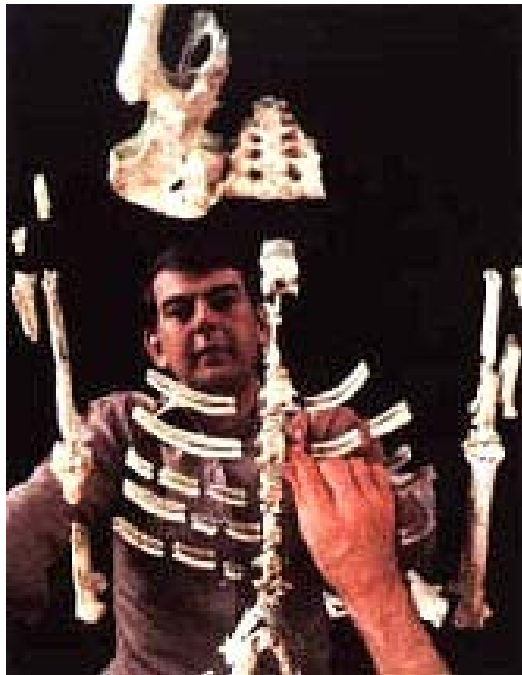
постепенно уточняется». В дебатах, касающихся переходных форм, точек согласия почти нет. Противники теории эволюции считают, что эволюционисты в этом вопросе слишком нетребовательны и готовы записать в «переходную форму» кого угодно. Поэтому бесполезно сосредотачиваться на критике «переходных форм» – как только рухнет один кандидат в предки, его место тут же займет другой. В этом смысле «недостающее звено» всегда будет ускользающей мишенью, как жестяная фигурка в тире – как только собьешь одну, тут же в другом месте выскочит новая. И так будет продолжаться **всегда**, до скончания века. Напротив, эволюционисты считают, что их противники слишком капризны – любая находка «предка» им будет нехороша, и они объявят ее либо мозаичной формой, либо подделкой.

Я вежливо поинтересовался у моего оппонента, не затруднит ли его привести пример хотя бы одной настоящей «переходной формы». После чего все его грузовики с переходными формами то ли сломались, то ли наглухо застряли в пробках и снежных заносах. После многократных попыток предъявить мне какие-то абстракции оппонент все же с явной неохотой признался, что эта форма относится к роду австралопитеков, но конкретный вид (*species*) пока неясен. Я поздравил моего собеседника со столь успешным итогом 150-летних поисков, однако он на этом не успокоился. Он решил задать мне симметричный, аналогично «неразрешимый» для меня вопрос – так сказать, «какие ваши доказательства», что австралопитек в плане анатомии

не мог стать человеком? Или, конкретнее, почему та или иная кость австралопитека, имеющая прогрессивные признаки, принципиально не может превратиться в человеческую?

Я ответил – потому не может, что австралопитеки уже вымерли. И одним этим, так сказать, подтвердили свою профнепригодность. Но сам вопрос меня поначалу отчего-то воодушевил. Действительно, можно ли объективно показать, почему австралопитеки принципиально, по выражению моего оппонента-биолога, не могли превратиться в современного человека? Первым моим естественным движением было перечислить препятствия; именно тот целый ряд особенностей, которые у австралопитеков и человека принципиально нестыкуемы. Например, у австралопитека 6 поясничных позвонков, у шимпанзе – 3, а у человека – 5. Это говорит о трех независимых линиях и об отсутствии у них общего предка – невероятно, чтобы человек после стадии австралопитека «потерял» один позвонок, а шимпанзе пришел к концу забега от «общего предка» всего с тремя. Коленный мениск австралопитека, обладавшего якобы «полноценным» прямохождением, крепился к большой берцовой кости только в одном месте, в то время как у современного человека он крепится в двух местах – коленные суставы человека явно не происходили от коленного сустава *Australopithecus afarensis*. Верхняя суставная часть бедра афаренсиса имеет особое строение и непохожа на таковые у человека, а также древних вымерших и современных обезьян. Если бы это существо было нашим предком, пришлось бы

допустить нелепость, что примерно на миллион лет форма типа Люси приобрела собственное строение бедренного сустава, а затем этот сустав снова вернулся к «общепринятому». Анализ черепа, грудной клетки, ключиц, ребер, таза, локтевого сустава, кистей рук, ступней ног и мышц человека показывает, что мы никогда не были четвероногими существами. Например, третий малоберцовый мускул ноги человека – один из конструктивно важных элементов, позволяющий держать вертикальное положение при ходьбе, является уникальным и отсутствует у любого другого млекопитающего. Если бы человек был когда-то четвероногим существом, то этот мускул, с точки зрения эволюционных представлений, не закладывался бы в человеческом эмбрионе на самом раннем этапе развития.



На этом снимке фотограф добился вполне сюрреалистического эффекта - скелет Люси предстает здесь не в обычной анатомической последовательности, а уже как будто по принципу эпического, легендарного его значения для дела эволюции. Знаменитый фрагмент обезьяньего таза и обезьяний копчик воспаряют над головой Джохансона... Копчик обезьяны выше головы человека - это не только сюрреалистично, но и вполне символично. www.mnhsu.edu

Еще в начале XX столетия анатом Фредерик Вуд Джонс приводил примеры того, что современный человек не развивался от предшествующих ему гоминид. Он утверждал, что многие узкоспециализированные черты гоминид не совпадают с аналогичными у человека, «заточенными» под другие функции и не могут быть получены одно из другого эволюционным путем. Говоря на эволюционном жаргоне, где «примитивный» означает «предшествующий в развитии», стопа человека более «примитивна», чем стопа австралопитека. Если австралопитек обладал специализированной стопой с отведенным большим пальцем, приспособленным для захвата веток, то согласно эволюционизму, наша стопа не могла быть получена из австралопитековой, так как приспособлена для выполнения совсем другой функции. При этом стопа современной обезьяны больше походит на руку современного человека (с удлиненным третьим пальцем), чем ее собственные кисти рук – с точки зрения эво-сценария это говорит о том, что «хватательная» стопа задолго до человека была уже высокоспециализированным, «прогрессивным» по сравнению с другими млекопитающими признаком, сохраненным на всех линиях приматов, кроме человека. Человек после такого прогресса опять вернулся к примитивной стадии опорной стопы млекопитающего? Зачем, если его предки уже были якобы прямоходящими? С конструктивной же, биомеханической точки зрения устройство человеческой стопы оптимально соответствует выполняемой ею функции – быть достаточно широкой (для устойчивости) и в то же время пружинящей опорой для вертикальной ходьбы и

бега. И ступня человека также закладывается в эмбриогенезе с самого начала как человеческая, без всяких намеков на предыдущие стадии.

В целом же – мы рассматриваем двух существ, австралопитека и человека, которые даже в биомеханическом плане – существа разные. Все разговоры о похожести какой-либо кости австралопитека на человеческую бессмысленны по определению. Между австралопитеком и человеком трудно «вставить» нечто третье, сочетающее в себе анатомию и механику обоих. Нельзя руку австралопитека сделать более короткой или лишить его хватательного пальца на стопе – каждое из существ обладает целостностью, где любой элемент «конструкции» не только идеален для выполнения своей функции, но и неотделим от всего биомеханического «комплекса».

* * *

...Я мог бы привести моему оппоненту (как и прочим оппонентам в подобной ситуации) эти и другие доводы, но вдруг поймал себя на том, что нарушаю не только логический порядок дискуссии, но искажаю какой-то важный смысл происходящего в целом, позволяя ситуации быть абсурдной. Я подумал – а не слишком ли уютно вы устроились, господа эволюционисты? Есть одна характерная и неизменная особенность в наших антропологических дискуссиях – в силу господства эволюционной парадигмы мы как будто вынуждены играть по правилам противника. Мы вынуждены аргументировано возражать против того, что в других дисциплинах ученые постеснялись бы

назвать доказательствами; мы боремся не с их стройной логикой и убедительными моделями, а с их идеологическим, почти религиозным, гипертрофированным пониманием «факта эволюции» и «железной доказательности» ее ничтожных свидетельств. Действительно, в каких еще дисциплинах, кроме эволюционной палеоантропологии, возможен такой произвол? Если в науке не пройден промежуточный этап решения задачи, то никакая дальнейшая работа не имеет смысла, поскольку невозможно двигаться вперед, опираясь на нечто недоказанное или неопределенное. Если аргументы обладают только вероятностью, то с их помощью невозможно обосновать достоверный вывод. Эта ошибка называется ложным основанием, и из этой ошибки выведен, и на этом ложном основании утверждён – весь комплекс эволюционных построений: не только о каких-нибудь вещах вроде стратегии, питания и размножении «предков», но и о принципиальных особенностях самого человека. Но мы **позволяем нашим противникам воспринимать их всерьёз!** Даже опровергая их измышления, мы уже де факто признаём, что все эти игры с костями могут в принципе что-то доказать или прояснить в человеческом происхождении. Они берут в руки кость, указывают на ней некие нетипичные, «архаичные» или «прогрессивные признаки» – некие изгибы и бороздки – и считают, что этого достаточно для доказательства эволюции. Но можно довести ситуацию до абсурда и представить себе фантастическую ситуацию, когда обезьяна путем всяческих параллелизмов за тысячелетия приобрела

внешний вид, практически неотличимый от человека. Как результат – перед нами бежит такое ловкое двуногое существо, анатомически настоящий человек, и что-то там сбивает палкой с ветки дерева. **Ну и что, собственно, из этого следует?** Прояснилось ли хоть что-нибудь в нашем, так сказать, вечном споре о человеке? Ответ определенный – нет. **Мы никогда не решим вопросы эволюционного антропогенеза, основываясь лишь на морфологии и свидетельствах костей.** Эволюционизм здесь, действительно, одной «проблемой» лишь подменяет другую, главную, которой страшится и бежит, как черт лаdana. В эволюционном антропогенезе просто отсутствуют понятия, составляющие всю полноту слова «человек». И все «проклятые» вопросы остаются без ответа – а каким образом наш обезьяний предок смог приобрести сугубо человеческие качества: рациональное и образно-художественное мышление, этическое, эстетическое и религиозное чувство, любовь, сострадание, самопожертвование, чувство справедливости, интуицию, творческую неуспокоенность, лингвистический, художественный, математический и музыкальный гений – **ибо человек начинается там, где кончается биология.**

При чтении эволюционных трудов меня еще с юности не покидало какое-то странное, трудно объяснимое чувство неловкости за автора и едва ли не желание помочь ему – как будто он все время говорит не о том, не может сформулировать и выразить нечто главное, что составляет смысл и интерес его занятий. Мне казалось, что мой собственный интерес к выяснению вопроса – «что есть человек?» – совершенно

естественен. Напротив, совершенно неестественной и непонятной для меня была концентрация всех сил автора-эволюциониста на какой-нибудь проблеме пищевого рациона наших предков, как будто в разгадывании этого секрета и содержались ответы на все вопросы. Сегодня я понимаю нехитрую вещь, что сама тема человечности в эволюционизме обходится молчанием, будто табуирована. Такой проблемы – человечность наших древних предков, по большому счету просто не существует. Откройте любой труд эволюциониста. Всё, что вы узнаете, будет связано с физиологией, с пищевыми цепочками, с поеданием и пережевыванием, с предпочтением брачных партнеров и размножением. Часто я просто недоумеваю – почему антропологией занимаются антропологи, а не диетологи и не учителя физкультуры?

Разумеется, что у материалистов «мясо» первично. Но в эволюционизме «человечность» не выводится даже из физиологии – вечная карусель эвословия всякий раз будет возвращать вас к пищевой стратегии падальщиков, активному питанию белковой пищей и соответствующему росту мозговой и мышечной массы. Вы никогда не узнаете, почему предок стал думать о будущем, вспоминать прошлое и рисовать фантастические картины на стенах пещеры. Зато вы узнаете точно, от каких продуктов увеличилась масса его мозга и стала толще зубная эмаль ^[23].

Эволюционная антропология – странная наука. Ученые-эволюционисты говорят, что изучают происхождение человека. Как они могут изучать его происхождение, если не имеют ни малейшего

представления о том, что такое человек? Мой формальный ответ интернет-оппоненту, который продолжал требовать доказательств невозможности эволюции, в итоге был такой – у нас нет каких-либо оснований говорить об австралопитеке или любом другом антропоидном примате как о нашем предке. Просто нет оснований.

5.

Проблема родственных отношений внутри таксона *Номо* – отдельная тема, о которой мы поговорим в последней главе. Но *Номо* – это «настоящие» люди, находящиеся на этой стороне условной эволюционной пропасти. Подчеркиваю – пропасти не временной (ведь люди и их гипотетические обезьяны «предки» по большей части были современниками), но пропасти качественной, где человек отделен не только от обезьян, но и всего животного мира **особой человеческой сущностью**.

И когда вы слышите, что наше происхождение от обезьяны доказано многочисленными палеоантропологическими находками, знайте, что цена этим словам – ноль. Это почти ничего не значит. Перед вами либо человек, беззаветно верящий в эволюцию, либо человек, плохо знакомый с предметом (комбинация этих качеств тоже встречается часто). Удивительно, что эти люди могут быть весьма образованы в других областях, однако – парадокс! – как только они переходят к теме эволюции, с их повседневным критическим мышлением что-то происходит – с твердой почвы

логики и здравого смысла они сходят на зыбкую, будто в аттракционе, качающуюся платформу фантазий, способных существовать только в некоторой дымке, легкой полутени, на некотором отдалении от глаз или в стороне от прямого света – любой миф эволюционизма, повторяю еще раз, **убивается подробностями**, и любая «промежуточная форма» промежуточна только до той поры, пока мы ее не тщательнее не изучим.

Когда вы слышите бодрые реляции, что найдена новая переходная форма между обезьянами и человеком, то знайте, что вас пытаются ввести в заблуждение, играя на подмене терминов. Не верьте эволюционисту, говорящему, что вся цепочка от обезьян к человеку «хорошо прослежена» или «продолжает уточняться» – имейте в виду, что **под «человеком» здесь подразумевается не человек, а именно обезьяна** – какой-нибудь очередной дежурный австралопитек, оррорин или кениантроп, которых эволюционизм «самовольно» наградил таковым званием. И именно к ним, а не к человеку, эволюционный антропогенез пытается выстраивать свои маловразумительные цепочки из еще более ранних форм ископаемых обезьян. Всякий раз, уважаемый читатель, когда вы общаетесь с ортодоксальным эволюционистом, помните, что «человек» в его лексиконе и в вашем лексиконе – это два разных «человека», и что уже сама по себе тяжкая необходимость обращаться за помощью к австралопитекам есть лучшее свидетельство несостоятельности эвогенеза...

Настоящих же переходных форм между обезьянами и людьми не существует. Не потому, что их трудно детектировать. И не потому, что они не найдены, или найденные кости несут слишком мало информации. Но переходных форм не существует по объективной причине – потому что их не было. А те существа, чьи останки найдены и предъявлены нам в качестве таковых, никогда не были нашими предками. И как, скажите мне, мы можем считать теорию эволюции научной или истинной, если она сама не знает – от кого мы произошли?

* * *

Примечания

¹⁹ «...кем бы мог быть найденный индивид в картине человеческой эволюции?». – Правда, совсем недавно в СМИ появилась новость, именно в силу отсутствия ископаемых останков шимпанзе считающаяся сенсационной – в районе Восточноафриканского рифта найдены три зуба шимпанзе возрастом... 550 тыс. лет (Robin Orwant, *First convincing chimp fossil discovered*. NewScientist.com, 31.08.2005). То есть, это период, когда уже в Европе жили гейдельбержцы, люди не очень сильно отличающиеся от сапиенсов. М-да, редкая, надо сказать, удача... Хотя можно себя поздравить с первым «торжеством справедливости» – отрадно, что впервые хотя бы эти три зуба не приписаны «гоминиду». С другой стороны – тот факт, что в среднем плейстоцене люди и шимпанзе жили в сходных климатических и ландшафтных условиях (и при этом шимпанзе уже 0,5 млн. лет назад были

«готовыми шимпанзе»), заставляет еще раз усомниться в эволюционных построениях. [\[Вернуться к тексту\]](#)

20 «...Мив Лики и в «соревновании по австралопитекам» оказалась первой». – Не стоит забывать, что в коллекции останков австралопитека анаменсиса среди прочих находится фрагмент плечевой кости КР 271, принадлежащей, судя по всему, анатомически современному человеку *Homo sapiens* или *Homo erectus*. [\[Вернуться к тексту\]](#)

21 «А уж далее ... пусть наши внуки разбираются». – Потому что между «грацильным» обезьяноподобным ER 1470 и его «массивным» современником, человеком *Homo erectus* все равно нет ни анатомической связи, ни временного зазора для эволюции. [\[Вернуться к тексту\]](#)

22 «...проблема ... не решена, и, не исключено, что не решается в принципе». – Современная генетика тоже вряд ли способна помочь нам в детекции «промежуточного звена» – именно в силу того, что от тех времен до нас доходят лишь окаменелые костные фрагменты, негодные для генетического анализа. Да и анализ живых форм подчиняется общему эволюционному правилу – бал тут правит, опять же, «философия». Например, эволюционисты без малейших сомнений установили родство человека и шимпанзе по близкому генетическому сходству их геномов. Но более серьезную проблему – кричащее морфологическое несходство при заявленной генетической «близости», они объяснить не могут и поэтому не замечают его в упор. (По анатомии

человек даже ближе к орангутану, с которым, согласно эволюционизму, в близком родстве не состоит). При той скорости, с которой эволюционисты установили эволюционную связь представителей двух разных родов (*Homo* и *Pan*) и при той уверенности, с которой они говорят о связях вымерших ископаемых форм, эти ученые не могут установить эволюционную связь между представителями двух видов шимпанзе – обычного (*Pan troglodytes*) и карликового (*Pan paniscus*). Которые, надо заметить, «находятся» не в виде окаменелых осколков, собранных на десятках квадратных километров, а так сказать, среди нас, в живом виде, в наших зоопарках. (Я слышал, что некое несходство в серологической картине (биохимии крови) бросает тень на их близкое родство). Кроме того, эволюционисты, радуясь секвенированию генома шимпанзе в 2005 году, опять же, до сих пор еще не осознали всего того «ужаса», который несет им эта радость. Дело заключается в том, что при существующем генетическом сходстве *Homo* и *Pan* каждый из геномов не показывает никаких переходов от одного вида к другому, но при этом каждый геном уникален и стабилен. Что весьма похоже не на «печать эволюции», а, скорее, на две сходные «матрицы», созданные одним Программистом...

²³ «...от каких продуктов увеличилась масса его мозга и стала толще зубная эмаль». – Например, вот как А. Марков делает обзор новых фактов по эволюции человека:

«Состав жирных кислот в пище [древних гоминид] очень близок к таковому в мозге человека. Предполагается, что увеличение такой пищи в

рационе способствовало развитию мозга. У «ранних современных людей» установлена более разнообразная диета, чем у живших одновременно с ними неандертальцев. Последние ели практически только одно мясо, тогда как в рацион первых входили также моллюски и рыба. При помощи нового метода – «топографического анализа» зубов – показано, что ранние *Homo (habilis* и др.) значительно отличались по своей диете от *Australopithecus afarensis*. Первые предпочитали «прочную и эластичную» пищу, вторые – «твердую и хрупкую». <...> В целом на основе большого комплекса данных делается вывод о том, что роль животной пищи (в первую очередь – мяса травоядных животных – обитателей травяных биомов) в диете гоминид неуклонно росла, по крайней мере, начиная с *A.afarensis*. <...> Делается вывод о том, что переход к сельскому хозяйству (неолитическая революция) привел к коренному изменению питания, т.е. мы стали питаться совсем не той пищей, к которой были приспособлены наши предки в течение миллионов лет» (А. Марков, сайт «Проблемы эволюции», раздел «Интересные факты по эволюции гоминид, установленные в последние годы (1997–2004).

Или еще более животрепещущая тема (К. Попадьин): «Гены, вовлеченные в сперматогенез и влияющие на семенную жидкость, участвуют в конкуренции с семенной жидкостью других самцов и защищают сперматозоиды от патогенов; гены, участвующие в узнавании гамет, претерпевают постоянную эволюционную гонку вооружений, появляющуюся из-за неравноправия полов: самцу выгодно, чтобы самка

вложила как можно больше энергии в их потомка, тогда как самка должна регулировать и сдерживать эти эгоистичные желания, заботясь о своем здоровье и силах, необходимых для выращивания следующих потомков (самцу об этом думать не надо – он вкладывает в потомство мало энергии). Все эти аргументы говорят о том, что скорость эволюции генов, участвующих в сперматогенезе, должна быть высокой у всех половых видов, и человек в этом отношении не уникален. <...>

...И вот наконец-то (!) оказалось, что точка общего предка на дендрограмме генов, экспрессирующихся в ткани мозга, лежит ближе к шимпанзе – в линии, ведущей к человеку, было накоплено в 1,4 раза больше аминокислотных замещений. Теперь можно было надеяться, что именно эти аминокислотные замены сделали человека Человеком и что найдено рациональное зерно его эволюции».

Впрочем, как и ожидалось, далее в статье последовало сакраментальное:

«Однако радость ученых была недолгой...» (К. Попадьин, Люди отличаются от шимпанзе не тем, чем хотели / Элементы, 30.11.06).

Примеры такого подхода характерны для эвогенеза и хорошо иллюстрируют его представление о человеке всего лишь как об одном из животных, разговор о котором может идти лишь на уровне физиологии.



ГЛАВА 5. «ПОВЕСТЬ О НАСТОЯЩЕМ ЧЕЛОВЕКЕ»

Часть I. Предок почти не виден

1.

Далее речь пойдет об «истинном» антропогенезе, поскольку термин «антропогенез» в строгом смысле может быть применен лишь к истории происхождения и развития человека как такового.

То, о чем шла речь в главе предыдущей, вероятно, еще можно было бы назвать обезьяногенезом, когда бы этот обезьяногенез реально занимался лишь выяснением отношений внутри обезьяньего

сообщества, без всякого «наглого» прицела на родственные связи с человеком. Но термин «антрополог» для современного ученого, пишущего книги о происхождение человека от обезьяны^[1] – это не просто стилистический нонсенс или проявление смысловой глухоты. Нет, это, по сути, явление из ряда откровенной лженауки, каковое явление рано или поздно именно лженаукой и будет названо. Теперь же поговорим о том, что имеет отношение собственно к человеку – тому человеку, каким мы его знаем с первых дней его появления в истории.

Что есть антропогенез в строгом смысле? Большинство людей, знакомых с этой проблемой лишь по школьным учебникам и популярным изданиям, тем не менее интуитивно чувствует уникальную роль человека и явную притянутость за уши идеи о происхождении человека от обезьяны. Может возникнуть вопрос: а почему нельзя говорить об антропогенезе на примере, скажем, не обезьяньих предков, а хотя бы реальных предков современного человека? Оставить обезьяногенез за скобками, сделаться в отношении его агностиком и рассматривать нашу историю, начиная лишь с первых представителей человеческого рода? Ведь никто не станет отрицать, кажется, очевидного и общепринятого – что анатомически современный человек произошел от более примитивных древних форм *Номо*; всех этих хомо эректусов, неандертальцев и кроманьонцев? Нас со школьной скамьи учат, что история рода *Номо* насчитывает сотни тысяч лет; так называемые примитивные формы людей сменялись более прогрессивными – до тех

пор, пока не появился венец эволюции, *Homo sapiens sapiens*. То есть, мы, любимые, дважды разумные. Ведь эту картину отрицать никто не будет?

Однако всё не так просто. Мало того, что выведение за скобки происхождения самых первых людей не решает проблему, а только «подвешивает» ее. Но такой подход создает очевидные трудности для библейского антропогенеза. Сегодняшняя наука говорит нам об африканских истоках человеческого рода, и как прикажете понимать в этом свете первых библейских персонажей? Кого Господь создавал по Своему образу и подобию? Хомо эректуса, который затем доэволюционировал до хомо сапиенса? (То есть, Адам был создан в облике хомо эректуса?). Тогда с какой временной точки нужно начинать отсчет истории «настоящего», современного человека? Агностиком тут быть никак не получится, поскольку любое «примирительное» с эволюционизмом предположение делает библейскую антропологию противоречивой, если не сказать – бессмысленной. Адам в облике эректуса – это насмешка над образом и подобием Божиим в человеке. Вариант Адама, созданного «сапиенсом», но получившего дикий облик хомо эректуса в результате грехопадения – тоже не проходит. Кем в таком случае были столь же падшие дети Адама и Евы, первые люди и первые патриархи? Эректусами и «примитивными сапиенсами»? Всё родословие Библии тогда приходится шизофренически встраивать в миллионнолетнюю эволюцию (вроде того, что Адам был эректусом, а Ной уже неандертальцем), но, самое главное, нужно отвечать на вопрос – если

первые люди были лишены своего первоначального облика за грехопадение, то за какие такие заслуги мы, падшее человечество, получили его вновь, причем задолго до прихода Искупителя?

Таким образом, сказавшему «А» («Адам произошел от более примитивного пещерного человека») приходится говорить и «Б» – искать эволюционного предка уже и этому примитивному человеку, либо объяснять и его происхождение. Потому что суть и смысл эволюции – это не происхождение *Homo sapiens* от более «примитивного» человека, но лишь, как клятва, как заклинание – происхождение человека из животного мира, от древней обезьяны. На этой ущербной ступеньке спотыкаются и падают все так называемые теологические эволюционисты. Действительно, при допущении, что Адам произошел от более «примитивного» человека – стороннику библейского антропогенеза уже нет никакого смысла отрешиваться и от обезьяны, ибо при таком карикатурном раскладе Адаму уже безразлично, от кого в ожидании «получения души», точнее, ее «вдохновения», эволюционировать – от австралопитека или от дикого пещерного человека.

С другой стороны, у рядового христианина, решительно отрицающего официальную концепцию обезьяногенеза, нет четкого ответа на вопрос – кто такие эти *Homo erectus*, неандертальцы и К°, какое отношение они имеют к происхождению современного человека и как вписываются в картину, нарисованную Библией? Этих звероподобных существ никуда не спрячешь и так просто от них не отмахнешься – их черепа и грубые каменные орудия

мы видим в витринах музеев и при желании можем пощупать собственными руками. И это часто порождает еще более неадекватную реакцию, чем даже инсинуации христиан-модернистов о «вдохновении человеческой души в тело обезьяны» или «эволюции Адама из неандертальца». Официальная картина человеческого развития своим расхождением с Библией вызывает затруднения среди обычных христиан до такой степени, что многие предпочитают занимать либо маргинальную позицию голословного неприятия найденных «костей», либо просто делать вид, что проблемы не существует. Любые попытки «примирительного» с Библией объяснения выглядят комично – то неандертальцы объявляются допотопными потомками Каина, получившими свой звериный облик в наказание за преступление предка (хотя каиниты по определению уничтожены потопом), то современниками первых цивилизаций, едва ли не буквально наблюдавшими из своих пещер за сельхозработами жителей Иерихона и Чатал-Гююка... Вот уж, действительно, неандертальцу такие толкователи не дают «побыть самим собой», вплоть до полных инверсий – если у одних он «стопроцентно обычный человек», то у других – «просто еще одна обезьяна». А уж с эректусами – надо ли говорить – история еще более темная (хотя по мне куда более увлекательная).

Согласно Библии, все люди произошли от одной пары, от одной крови. В религиозной картине мира не остается места двусмысленностям; наши пещерные предшественники могли быть либо людьми, либо обезьянами. Если они были обезьянами, нужно

объяснить их многие человеческие проявления. А если они были людьми, нужно признать их безусловное происхождение от Адама. Таким образом, человеку, разделяющему христианское мировоззрение, просто необходимо выяснить – **кто такие, откуда взялись, в каких родственных отношениях состояли** друг с другом и с людьми «адамова облика» (и, соответственно, через последних – с нами) все эти неандертальцы и эректусы, так разительно отличающиеся обликом и культурой от *Homo sapiens*. А также – как они **хронологически соотносятся** с людьми «адамова облика», если согласно исторической науке, появились на земле значительно раньше вида *Homo sapiens* (тогда как библейская антропология утверждает, что человек современного анатомического типа существовал на земле изначально).

Итак, читатель, «истинным» антропогенезом давайте назовём процессы, относящиеся исключительно к человеку, а истинной антропологией – объективное изучение существующей «проблемы человека» во всей ее полноте, то есть выяснение родственных отношений внутри человеческого сообщества, от самых ранних его представителей до наших современников, а также причины и пути возникновения человеческой культуры и цивилизации. Этому и будут посвящены дальнейшие страницы.

В предыдущей главе я попытался показать, что миф о нашем происхождении от обезьяноподобного предка, укоренившийся в науке и обществе, не имеет под собой никаких фактических оснований. Далее я попытаюсь ознакомить читателя с выводами, к

которым пришел в процессе изучения материала и показать, что цепочка так называемых предков и предшественников современного человека, а именно: эректус→неандерталец→архаичный сапиенс→сапиенс современный – является не эволюционной, а отражает совсем иную последовательность отношений, событий и сопровождавших их процессов. В предыдущей главе я высказал утверждение со знаком минус – обезьяньих предков человека и так называемых переходных форм (в классическом эволюционном смысле) не существовало. Теперь же, после необходимого экскурса в историю вопроса, я попытаюсь в конце этой книги нарисовать картину не просто негативную к сценарию эволюционного антропогенеза, а именно картину со знаком плюс, которая могла бы гораздо лучше объяснить наблюдаемые исторические и палеоантропологические факты; особенно с учетом тех якобы «лишних сущностей», от которых официальный антропогенез всегда испытывает метафизическую изжогу.

Интересно, знает ли читатель, каким количеством палеоантропологических находок располагают сегодня исследователи? Очень часто в среде маргинальных «защитников Библии» можно встретить добросовестно списываемое друг у друга утверждение, будто эволюционизм лишь потому так широко и беззастенчиво измышляет свои схемы антропогенеза, что коллекция найденных «предков» крайне мала – причем, настолько, что ее можно всю уместить якобы на одном столе. Понятно, что ключевым словом этой легенды служат «предки», а

ключевым утверждением – реальное отсутствие этих предков. Однако сама метафора о столе, верно передающая отсутствие настоящих «переходных форм», все же неудачна, так как создает ложное представление об истинном количестве антропонаходок. Правда состоит не в том, что эволюционизм располагает малым количеством свидетельств своей гипотезы, а в том, что **любое** имеющееся у эво-антропологов количество скелетных материалов **никак не подтверждает** их ожидания.

Впрочем, сказанное, относится, скорее, к обезьяньей части этого сюрреалистического «антропогенеза», не имеющего никакого отношения к реальности. Мы же посмотрим для начала, как в количественном выражении обстоят дела с нашими непосредственными

предшественниками-«предками». Будем иметь в виду, что **вся** мировая коллекция истинно «человеческих» костных образцов по состоянию на сегодняшний день выглядит приблизительно так (согласно каталогам Смитсоновского института, института Беркли, Дробышевскому 2004, 2006 и др.):

- ***Homo erectus/ergaster*** (безусловно признанный всеми антропологами первый «настоящий» *Homo*) – по всему миру (более чем в 80 местах) обнаружены останки порядка **350–400** индивидов, в зависимости от того, относим ли мы сюда находки, обладающие признаками других таксонов;

- ***Homo neanderthalensis*** (неандертальцы) – обнаружены останки примерно **430** индивидов, преимущественно в Европе (сюда не включены 42

«странных» ближневосточных индивида группы Схул-Табун-Кавзех, именовавшиеся ранее «палестинскими неандертальцами», но сегодня относимые к *Homo sapiens*;

- ***Homo sapiens* «архаичный»** (именуемый сегодня также ***Homo heidelbergensis*** – человек, обладающий смешанными чертами разных таксонов) – по всему миру обнаружены останки более **300** индивидов.

В этот список не включены ископаемые *Homo sapiens* современного анатомического типа, которых называют кроманьонцами (для Европы) или более широко – первыми неантропами, жившими в конце палеолита – начале неолита. От них до нас дошли известные образцы позднепалеолитической культуры, включая наскальную живопись и скульптурных «венер». Их внезапное появление на исторической сцене до сих пор удовлетворительно не объяснено, и картина продолжает запутываться, так как обязанность следования официальной концепции вступает в противоречие с прежними и новыми открывающимися фактами. Количество останков этих людей, хорошо сохранившихся в захоронениях неолита, не превышает **нескольких тысяч**, что также создает проблему для эволюционного антропогенеза, и о чем мы в дальнейшем еще поговорим. Массовые же захоронения *Homo sapiens* начинают появляться по всему миру только с возникновением первых цивилизаций – в виде домашних родовых захоронений (Чатал-Гюк), курганов и городских кладбищ-могильников. Считается, что история человечества, начиная с периода неолита, достаточно хорошо изучена и относительно понятна. Ниже я попробую

показать, что эти представления чересчур оптимистичны, а иллюзия «понимания» достигнута лишь игнорированием множества имеющихся проблем, однако сейчас нас в первую очередь интересует всё, что связано именно с «темным» палеолитическим периодом человечества – в данном случае костные останки и артефакты палеолита.

Стоит заметить особо, что в приведенном выше списке так называемых предшественников современного человека (эректусов-эргастеров, неандертальцев и архаичных сапиенсов) речь идет не о полных скелетах и даже не всегда о полных черепных экземплярах. Если закрыть глаза на существенную фрагментарность найденных образцов, обычно именуемых «целыми черепами» и «скелетами», то даже такие находки имеют характер исключения и в антропологической коллекции представлены от силы лишь несколькими десятками экземпляров, да и то наиболее поздними, в основном неандертальскими. Подавляющее же большинство коллекции составляют даже не отдельные кости скелета, а фрагменты этих костей, вплоть до единственного зуба. При этом подсчет количества индивидов в приводимом списке сделан по «неэкономному» принципу. Например, если не удастся надежно установить принадлежность одному индивиду трех костных фрагментов, найденных, скажем, в определенной пещере, то считается, что найдены останки трех человек. Таким образом, приведенные мной цифры носят достаточно приблизительный характер^[2], так как в силу фрагментарности останков по определению

содержат как ошибки таксономической классификации, так и ошибки точного подсчета числа найденных людей. И, вместе с тем, имеющаяся коллекция найденных фрагментов позволяет построить ряд, дающий абсолютно адекватное, объемное представление о различных представителях нашего рода *Ното*, известных науке с самого раннего периода так называемого палеолита.

2.

Для начала поговорим о **неандертальце** и о том, какую роль он играет в официальной схеме антропогенеза. Напоминаю, что пока мы рассматриваем, анализируем и критикуем официальную версию.

Из всех человеческих «предков» (назовем это пока так) больше всего, наверное, не повезло именно неандертальцу. В истории антропогенеза из него делали то обезьяну, то отца родного, то родного брата, то дальнего родственника, прогибая под каждую новую эволюционную «линию партии» и практически никогда не позволяя оставаться самим собой.

Подавляющее большинство информационных источников, будто сговорившись, выдают о неандертальце одну и ту же надоевшую до чертиков словесную конструкцию – «...найденный в 1856 году и названный так по месту находки Неандерталь возле Дюссельдорфа...». В этом нет никакой тайны или интриги, однако первые останки неандертальца все же были обнаружены еще в 1829 году в Бельгии, но не принимались к научному рассмотрению до 1936

года. То есть, неандертальцу стало не везти с самого начала. Второй неандерталец был найден в 1848 году в Испании и признан только через восемь лет после – наконец-то – третьей находки, черепной крышки и частей скелета Неандерталь-1, собственно и ставшей началом и лицом нового таксона ***Homo neanderthalensis***, того самого, «названного так по месту находки...».

Что делать с неандертальцем, никто не знал до выхода в свет второй книги Дарвина «Происхождение человека» (1871 г.), а в более широком смысле – до распространения идей Дарвина и принятия их научным сообществом в качестве парадигмы. Оказалось, однако, что найденное существо на роль утраченного звена между человеком и обезьяной (а нужно было именно такое) не годится. В историческом плане неандерталец непосредственно предшествовал современному человеку, да и слишком походил анатомией черепа и костей скелета на самого человека, чтобы считаться желанным утраченным звеном эволюции. Поэтому можно было и не гадать – особого восторга среди сторонников нового антропогенеза он не вызовет.



*Череп
неандертальца Ля-
Шапель-о-Сен-1*

В 1908 году во Франции был обнаружен полный неандертальский скелет (Ля-Шаппель-о-Сен), находка которого продолжила драматическую историю нелепостей и несправедливостей в отношении неандертальца. Отличие неандертальца от анатомически современного человека заключалось в бóльшей массивности скелета и отдельных черепных особенностях – у него был низкий покатый лоб и сильно выраженный надглазничный рельеф, крупные зубы и челюсть, лишенная подбородка. Затылочный отдел в профиль был как будто сплюснен сверху вниз, имел так называемую «форму булочки». В сравнении с современным человеком неандерталец был ниже ростом, более коренаст и отличался значительной физической силой. Совокупность этих особенностей (включая бóльший, чем у современного человека объем мозга) оказалась впоследствии характерной для всех неандертальцев.

Французский антрополог, профессор Марселль Буль на основании экземпляра из Ля-Шаппель-о-Сен «воссоздал» образ неандертальца как звероподобного существа, мало отличавшегося от обычной обезьяны. Буль был опытным анатомом, но даже кости неандертальской стопы намеренно разложил так, чтобы большой палец ноги был по-обезьянски противопоставленным, а сама стопа имела хватательную функцию. Человеческий S-образный изгиб позвоночника Буль не задумываясь «распрямил» а ля шимпанзе, а суставы ног, напротив, сделал распрямляющимися не полностью – согласно Булю неандерталец мог ходить только переваливаясь с ноги на ногу, опираясь на внешние края стоп и в

полусогнутом положении. Буль не только игнорировал большой объем неандертальского мозга, но, напротив, именно на основании необычной формы черепа объявил неандертальцев существами умственно неполноценными. В антропологических кругах тех времен было решено считать неандертальцев эволюционным тупиком, одной из боковых вымерших линий обезьяночеловека.



Марселль Буль и Рудольф Вирхов

А что же так называемые объективные ученые? Рудольф Вирхов, не принимавший, как мы помним, даже питекантропа Дюбуа, не принял и трактовку Буля. Но если Буль хотел во временном и физическом плане отодвинуть ближайшего соседа человека как можно дальше от нас, на противоположную,

обезьянную сторону, то Вирхов попытался разрешить неандертальскую проблему просто путем ее непризнания. То есть, он объявил, что неандерталец – это обычный человек, кости которого в сумеречных и холодных условиях древней Европы были до неузнаваемости искажены рахитом – болезнью, связанной с недостатком витамина D. На этой волне выдвигались и не менее экзотические версии, вроде той, что неандерталец, это, якобы, казак русской армии, отставший от своей части во время наполеоновских войн.

Ряд новых скелетных находок неандертальцев последовал в ближайшие годы (Ля Ферраси, Ле Мустье и др.). Эти находки не просто добавили новых сведений о неандертальцах, но и преподнесли исследователям ряд сюрпризов. Например, стало очевидным, что в среднем объем мозга у неандертальцев был больше нашего, а сами они обладали развитой культурой, включающей религиозные представления и сложные обряды. Учитывая, что процесс эволюции понимался ее адептами в том числе и как последовательное увеличение обезьяньего мозга (400 см^3) до объема человеческого (1350 см^3), то неандертальцу с его 1485 «кубиками» (все значения средние) полагалось быть даже более прогрессивной формой, чем *Homo sapiens*. Или этот факт должен был иметь четкое объяснение в рамках эволюционизма.



Неандерталец. Слева: Реконструкция Марселля Буля в «L'Illustration & Illustrated London News», 1909; справа: реконструкция Зденека Буриана

Но дело уже было сделано – образ неандертальца как волосатой полуобезьяны вполне устраивал исследователей, и **новую информацию в расчет принимать не стали**. Реконструкция Марселля Буля стала общепринятой и несколько десятилетий формировала ложное представление о неандертальцах в научной и образовательной среде. В течение пятидесяти с лишним лет в музеях всего мира можно было видеть портреты и скульптуры неандертальца во всей его измышлённой красе –

согбенного и волосатого. Не говоря уже о школьных и студенческих учебниках.

Сегодня защитники эволюционизма в качестве оправдания приводят примеры многочисленного противостояния и неприятия «диссидентами от эволюционизма» ошибочных представлений того времени. Мол, всегда существовали ученые, которые не принимали ни пилдаунскую подделку, ни фальшивую реконструкцию Буля, ни другие «курьёзы» (так некоторые адепты называют подделки и подыгрывания собственной идее). Но в эволюционизме как будто всякий раз срабатывал некий закон, не знавший исключений – у явных проходимцев от науки могла быть масса противников и критиков, а побеждали всё равно идеи и взгляды «проходимцев».

Ирония заключается и в том, что не только трактовка Буля, но и трактовка Вирхова нанесли так называемому научному познанию значительный урон – неправы оказались оба. Неандерталец не был ни полуобезьяной, ни рахитным хомо сапиенсом. Трактовка Буля на многие десятилетия пустила антропологию по ложному следу, а трактовка Вирхова еще и сослужила недобрую службу некоторым протестантским «научным» креационистам, ухватившимся за версию об «обыкновенном человеке» в качестве одного из самых своих весомых аргументов. Такой поверхностный подход давал видимое разрешение проблемы существования «дочеловеческих» пещерных предков, неудобных для библейской истории – **питекантропы** (в современных терминах хомо эректусы) **объявлялись в**

креационистской схеме обыкновенными обезьянами, а неандертальцы – обычными, но якобы «искаженными» болезнью, рахитными людьми.

Продолжая держаться за это упрощение и ссылаясь на мнение Вирхова, что называется, до последнего, западные креационисты только собрали на свою голову горячих угольев, но проблему неандертальцев этим не решили.

Итак, несколько десятилетий образ неандертальца, созданный профессором Булем, не просто имел законную силу в науке, а стал именем нарицательным в обществе. Если требовалось указать на чье-то невежество, то обычным сравнением был неандерталец.

В 1868 году в местечке Кро-Маньон во Франции был найден первый «настоящий» человек современного облика, которого гордо называли «Аполлоном каменного века» и восхищались его изящными обсидиановыми орудиями, костяными статуэтками и бусами из ракушек. Восхищались тем, что родиной кроманьонского Аполлона была Европа. Но образ тупого пещерного предка, грязного, нечесаного, в меховой шкуре, в одной руке сжимающего дубину, а другой волочащего по земле за волосы свою подругу жизни – на десятилетия приклеился именно к неандертальцу.

Разумеется, положение стало меняться после Второй мировой войны и особенно после разоблачения пилтаунской подделки – которая, сдаётся мне, до скончания времен обречена так или иначе сопутствовать всем ключевым и поворотным событиям

в антропологии XX века, а также «встречать радостно у входа» (Пушкин) всякого молодого исследователя, желающего приобщиться к таинствам этой науки.

После выноса из «мавзолея эволюции» пилтдаунского предка неандерталец не претендовал, конечно, на роль недостающего звена, но его можно было теперь хотя бы вставить в родословную человека в качестве непосредственного предшественника, а не вымершей боковой линии. К этому времени в палеоантропологии сложилась так называемая стадиальная теория, согласно которой в каждый исторический отрезок времени существовал только один определенный вид гоминидов, предковый для последующих форм. Представьте себе растущий бамбуковый ствол, где каждое новое звено соответствует появлению нового вида. Стадиальная эволюция представляла собой как бы передачу эволюционной эстафетной палочки от одной формы человека к другой и не допускала никаких пересечений участников во времени и пространстве. Это было даже не «условие» схемы, а сама схема исходила из тогдашних прямолинейных и материалистических представлений о жизни, то есть, в марксистско-дарвиновских категориях конкуренции и борьбы – считалось, что один из стадиальных предшественников человека постепенно выносил из своих рядов некое новое, более продвинутое существо. Это существо либо побеждало (читай, уничтожало) менее продвинутых предшественников в конкурентной борьбе, либо предшественники сами вымирали в силу своего недостаточного эволюционного совершенства. Новая, более

прогрессивная форма выходила на историческую арену и, время спустя, точно так же сменялась новым победителем, еще более совершенным.

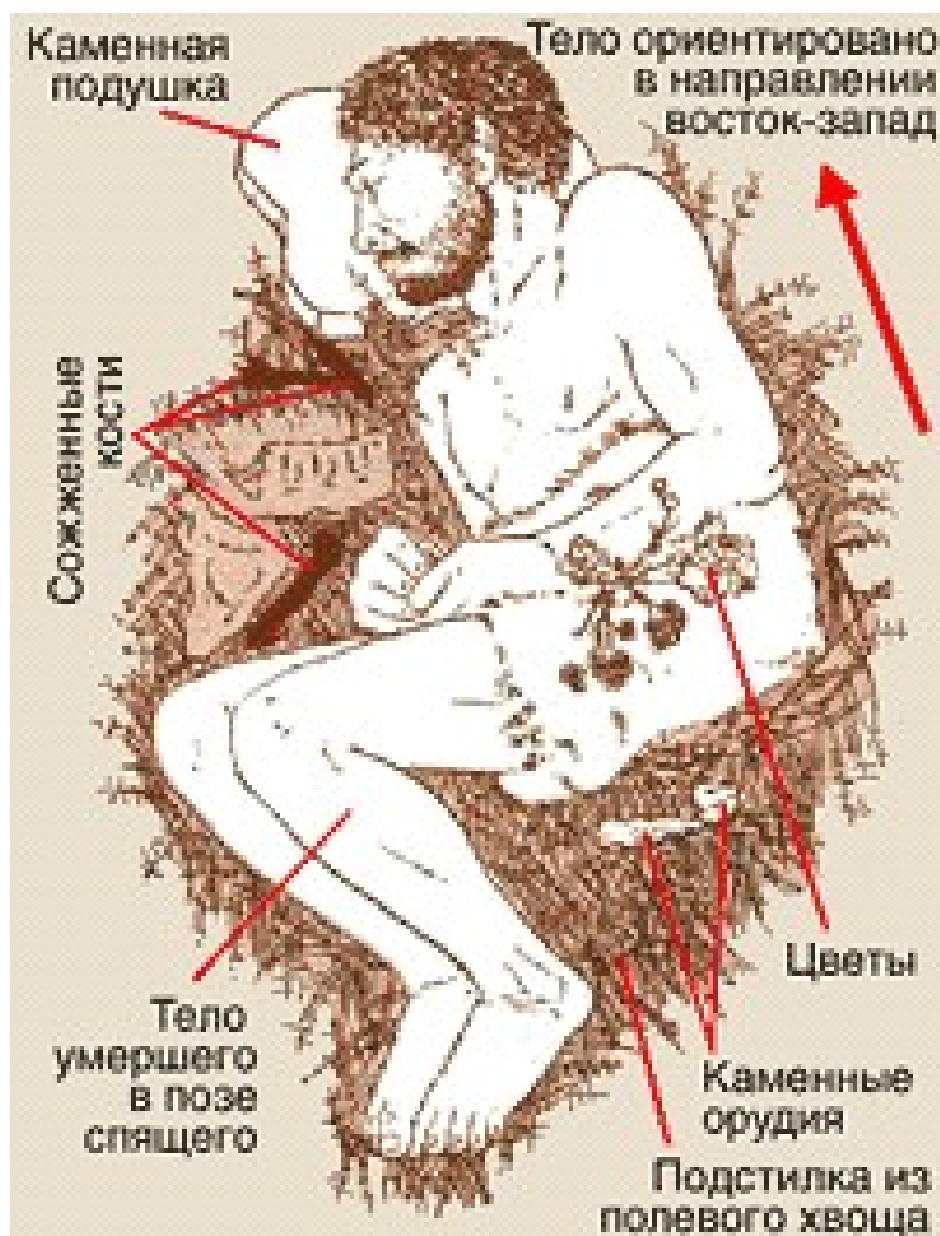
Авторитетный антрополог Алеш Хрдличка, выдвинувший стадияльную теорию в 1927 году, предлагал в качестве одного из «звеньев бамбука» (в нашей терминологии, разумеется) ввести в свои построения и неандертальца. Но тогда эта идея вызвала массовый скепсис, и только в послевоенной антропологии отношение к неандертальцу стало меняться.



Череп неандертальца Шанидар-1

3.

Образ *Homo neanderthalensis* сначала был частично реабилитирован довоенными находками в израильских пещерах Схул и Табун, а также послевоенными находками на иракских стоянках Амуд и Шанидар. Ученые выяснили, что неандертальцы не только хоронили своих мертвых и имели религиозные представления о загробной жизни, но несомненно обладали теми качествами, которое именуется милосердием или альтруизмом. В пещере Шанидар среди девяти преднамеренных захоронений обнаружили останки инвалида (Шанидар-1), умершего в очень пожилом, по неандертальским меркам, возрасте. Этот человек при жизни имел атрофированную правую руку (вероятно, от рождения), атрофированную правую ногу, перелом левой глазной орбиты (излеченный, но стоивший глаза) и еще целый набор физических травм – то есть, этот полуслепой и практически обездвиженный человек не мог самостоятельно поддерживать свое существование. Еще один неандерталец, обнаруженный в захоронении той же пещеры (Шанидар-3), имел сильное проникающее ранение легкого, видимо, и ставшее в итоге причиной смерти, однако, судя по тому, что поврежденное при ранении ребро начало заживать, за неандертальцем до последней минуты ухаживали соплеменники. Выживание этих людей в подобных обстоятельствах – прямое свидетельство того, что неандертальцы были не тупыми животными, а заботились о членах своего сообщества.



Реконструкция захоронения неандертальца Шанидар-1. Иллюстр. из книги Д. Ламберта "Доисторический человек"

Еще одного неандертальца, найденного в пещере Шанидар, назвали «Цветочным человеком» (Шанидар-4). Во время захоронения близкие усыпали его тело цветами. Французский палеоботаник А. Леруа-Гуран, изучая образцы почвы из могилы, заключил, что количество цветочной пыльцы «превосходило всякое вероятие». В почве сохранилось не только огромное количество пыльцы, скатавшейся в комочки, но и остатки частей цветов. «Труп был положен на подстилку из сосновых веток и цветов, – пишет проф. Г. Матюшин, – и сверху засыпан цветами (василек, алтей розовый, крестовник и лук кистистый). Некоторые из этих цветов и сейчас используются в Ираке как лекарственные».

В 1938 году советский археолог А. Окладников в гроте Тешик-Таш на территории бывшего советского Узбекистана обнаружил одно из самых известных неандертальских погребений. Девятилетний мальчик был захоронен в углублении на полу грота, ногами к выходу из пещеры, на запад, головой на восток. Голова ребенка, будто оградой, была окружена шестью парами рогов сибирского козла. Рядом с могилой обнаружили следы костра, горевшего непродолжительное время и, вероятно, имевшего отношение к ритуалу погребения. Авторитетный советский археолог проф. Л. Монгайт писал в 1973 году в своем фундаментальном труде «Археология Западной Европы» о неандертальских захоронениях:

«Всего известно около 50 захоронений. Почти все они обнаружены на краю пещерных жилищ, в неглубоких ямах, вырытых в культурном слое или выдолбленных в каменном полу пещеры и засыпанных землей.

Захороненные лежат на боку, в положении спящих. Встречаются захоронения черепов без каких-либо других частей скелета, например в Эрингсдорфе, Ла-Ферраси и Монте-Чирчео. В последнем случае череп окружен выкладкой из камней и костей животных».

Историки, археологи и антропологи, особенно представители советской школы (которая в ту пору была насквозь идеологизированной), поначалу мощной заградительной стеной вставали против самой идеи о религиозности неандертальцев. Выдвигались «гипотезы» о санитарном характере захоронений, то есть, простом желании избавиться от мертвого тела, однако А. Окладников одним из первых выступил именно с «религиозной» концепцией. Он обратил внимание коллег на то, что особенностью захоронений неандертальцев является расположение тел с ориентацией по линии восток-запад (запомним это на будущее), и никогда иначе. Причем, везде – в Западной Европе, Крыму, Узбекистане, на Ближнем Востоке. Ученый заявил, что это не могло быть случайностью, и в сочетании с другими свидетельствами являет собой явное указание на зарождение первых религиозных культов у древнего человека.

«Неандерталец уже убедился, – писал Окладников, – что мертвец – не просто «спящий», что по отношению к нему нужны особые заботы, качественно иные, чем касательно живого человека. Он не просто оставлял мертвеца на поверхности земли в той позе, в какой его застала смерть, а придавал ему, пока еще не окоченело тело, определенную, строго выдержанную

позу; клал его не как пришлось, а в определенном направлении – головой на восток или запад, наконец, помещал его в яму и засыпал землей. Отсюда следует, что у неандертальцев уже возникли какие-то идеи о качественно иной форме существования умерших после смерти, т. е. путем идеи о «жизни за гробом» (Окладников, 1952).

Не будем сейчас заострять внимание на традиционном материалистическом подходе советских ученых с их «зарождениями» и «постепенными развитиями». Фактом является то, что неандертальцы уже более ста тысяч лет назад, если придерживаться официальной хронологии, хоронили своих близких согласно определенной религиозной традиции – так, будто собирали их в дальнейшее путешествие. Определенный ритуал включал снабжение покойника каменными или костяными орудиями, едой и украшениями. Цветы и охра в неандертальских захоронениях говорят о том, что смерть воспринималась ими как праздник – переход человека в другой, лучший мир, а традиционное расположение погребенного, именуемое «позой эмбриона» или «ребенка в утробе», вероятнее всего, отражало веру неандертальцев в продолжение существования после смерти – «второе рождение» в новую жизнь. А если учесть, что упомянутое выше Монгайтом захоронение отдельного черепа из немецкого Эрингсдорфа относится ко времени самых ранних неандертальцев (230 тыс. лет назад по Дробышевскому, 2004), то **сложные философские представления о мире за неандертальцами следует**

признать фактически с первого дня их появления в истории.

В «Археологии Западной Европы» Л. Монгайт также писал:

«Другим доказательством возникновения религиозных представлений – культа животных – считают такие находки, как, например, в пещере Драхенлох (Швейцарские Альпы, к югу от Боденского озера), где в «ящиках» из известняковых плит были найдены уложенные в определенном порядке медвежьих черепа (по три-четыре и более в «ящике») и кости конечностей медведей. Эта находка не представляет исключения. В пещере Петерсгёле (в средней части Франконской Юры у Вельдена) в нишах были положены черепа и кости конечностей медведя, а в одном из боковых помещений пещеры – прикрытые камнями кости животных. В пещере Регурду (близ Монтиньяка, Дордонь) найдено неандертальское погребение, прикрытое насыпью из камней, и рядом с ним в яме – череп и разбитые кости медведя. На яму положена каменная плита размерами 2×2 м и весом 400 кг».

...Впрочем, подобные признания за неандертальцами их реальных возможностей пробили себе дорогу не сразу. Как и в аналогичных случаях с «ошибками» эволюционизма, до пересмотра ситуации дело дошло только в последний момент, когда положение с «неандертальцем-животным» сделалось уже неприличным. Нельзя было продолжать игнорировать его человечность и упорствовать в версии Буля, которая **вся** держалась лишь на описании одного

скелета. Наконец, только в 1957 году два английских анатома, У. Страус и А.Дж. Кейв, повторно изучили злополучный скелет и обнаружили, что старик из Ля-Шаппель-о-Сен, послуживший в свое время Булю прообразом пещерного животного, в реальности страдал серьезной формой артрита, изменившей форму его костей и суставов. Вывод анатомов настолько расходился с реконструкцией Буля, что они выдали свою знаменитую фразу – если бы этого человека побрить и переодеть в современную одежду, то в нью-йоркской подземке он не привлек бы к себе особого внимания.

В 1961 году в истории неандертальца наступил светлый для него период, казалось бы, полной реабилитации, когда человечность его была признана, а сам он награжден почетным таксономическим именем *Homo sapiens neanderthalensis*. Он стал полноправным членом человеческой семьи. Новая схема антропогенеза была проста и незатейлива – согласно ей предок человека **питекантроп** возникал на Яве (700–500 тыс. л.н.), заселял Китай (**пекинские питекантропы-синантропы**, 500–400 тыс. л.н.), затем приходил в Европу (**гейдельбержский питекантроп**, представленный в то время одной-единственной челюстью, 400–200 тыс. л.н.), в Европе от него происходил собственно **неандерталец** (100–50 тыс. л.н.), который там же, в Европе, давал начало людям современного типа, **кроманьонцам** (40–30 тыс. л.н.), в итоге расселявшимся по всей планете, включая Африку, Азию, Австралию и Америку.

Но праздник неандертальских именин продолжался недолго. В это же время умами палеоантропологов

начала овладевать идея африканского происхождения человека, и неандерталец опять, буквально на глазах стал превращаться в существо, неудобное для новой схемы. Как упоминалось ранее, тема австралопитеков стала насущной после Второй мировой войны, вследствие чего в поле зрения эволюционизма попала Африка. Ряд находок, сделанных в конце 50-х-начале 60-х годов Луисом Лики, показал, что время простых схем закончилось. Стадиальная схема рассыпалась фактически в одночасье, когда Лики нашел в одной страте, во II горизонте Олдувая, в непосредственной близости друг от друга, трех представителей разных таксонов – массивного австралопитека, хабилиса и эректуса. На смену стадиальной «бамбуковой удочке» снова, как и в начале века, пришло развесистое генеалогическое древо со множеством боковых ответвлений.

Почему же стал неудобен неандерталец? Во-первых, он решительно не устраивал эволюционных антропологов в качестве непосредственного **европейского** предка человека, поскольку в новой схеме современный человек, ведя непрерывную родословную от австралопитеков, сформировался в Африке, а не в Европе, и только 30–40 тыс. лет назад (по старым представлениям) в Европу мигрировал. С некоторых пор неандерталец в Европе стал мозолить глаза африканоцентристам.

Во-вторых, теперь уже чрезмерная **человечность неандертальца** стала ему препятствием к званию непосредственного предка человека. Чем больше антропологи узнавали о неандертальце и его образе

жизни, тем более нелепой становилась его «дикость». Проще говоря, неандерталец не устраивал эволюционизм в качестве кроманьонского предка еще и потому, что по своему социальному и культурному уровню сам от кроманьонца мало чем отличался.

При этом, в-третьих, встала проблема, так сказать, вытекающая из предыдущей – морфологического несходства неандертальца и человека при **отсутствии временного зазора** для того, чтобы один успел эволюционировать в другого. То есть, эти близкие нам по разуму существа физически всё-таки в определенной степени от нас отличались. С находками в Европе и Африке более древних, чем неандерталец, людей сапиентного архаичного облика эта проблема стала еще острее – сапиентные потомки никак не могли быть старше неандертальских предков. До того, как идея «африканской колыбели человечества» приобрела статус почти непререкаемой истины, ситуация разрешалась просто – в Европе архаичные находки большого возраста типа гейдельбержской челюсти (Мауэр-1) записывались в питекантропы, а архаичные формы Африки типа уже упоминавшегося в предыдущей главе родезийца (Брокен-Хилл-1) – в *африканские неандертальцы*. Но теперь, с новыми находками, стало ясно, что неандертальцы – это обособленный от кроманьонцев таксон, обладающий рядом специализированных черт.

К этому нужно добавить, что масла в огонь подливал отчетливо обозначившийся в середине 60-х годов так называемый **неандертальский парадокс** или, более

популярно, «загадка неандертальцев». Уже с первых дней реабилитации неандертальца в антропологических «кулуарах» началось брожение и разногласия, стоит ли считать неандертальца нашим прямым предком. И было отчего, потому что с увеличением количества находок оказалось, что ранние неандертальские формы морфологически были более близки к современному человеку, чем поздние, представляющие явно специализированную и уклонившуюся от развития *Homo sapiens sapiens* линию. Из-за этого раннюю группу неандертальских находок (190–70 тыс. лет) называли «атипичными» неандертальцами (Крапина, Гибралтар, Саккопасторе, Эрингсдорф и др.), а позднюю, более «нечеловеческую» группу (70–40 тыс. лет) – «классическими» неандертальцами (Неандерталь, Ля Шапель-о-Сен, Шанидар, Феррасси, Спи, Ля Кина и др.) Недавно выделили группу самых поздних, так называемых «пережиточных неандертальцев», живших менее 40 тыс. лет назад, многие из которых были неким конгломератом старых «классических» и инновационных сапиентных черт (Виндижа, Сен-Сезер, Ле Мустье, Зафарайя, Лагар Вельо, Пестера Муэри и др.), что объяснялось, скажем по секрету, их метисацией с внезапно появившимися в Европе сапиенсами (и этот период контактов в реальности занимал не тысячелетия, а был сверхкратким, в прямом смысле «проходным», но об этом чуть позже). В сценарии, где неандертальцы были бы нашими предками, невозможным казалось объяснить и множество других вещей, например, большой объем неандертальского мозга – получалось, что вопреки эволюционным постулатам *Homo sapiens sapiens* по

сравнению со своим предком в этом плане стал регрессировать.

...В конце концов, антропологи отмотали ситуацию назад и вновь объявили неандертальца боковой вымершей ветвью, а всю силу творческой энергии бросили на подтверждение эволюционной роли африканской колыбели человечества. В антропологических схемах 1960–70-х годов линия неандертальца уже вновь стояла в стороне от победного магистрального пути современного человечества.

В очередной раз неандертальцу досталось на орехи в самое недавнее время. Он стал еще более неудобен, когда выяснилось, что человек современного типа появился в Европе гораздо раньше, чем считалось прежде, а неандертальцы Европы, соответственно, вымерли гораздо позже. Нынешние адепты афрозволюции наморщили лбы – если люди современного типа пересекались с неандертальцами в едином историческом и географическом пространстве не менее десяти тысяч лет^[3], то почему за столь длительное время совместного проживания они не только не слились в единый таксономический континуум, но даже сколь-нибудь заметно не размыли границу между двумя столь четко дифференцированными таксонами? Как стало возможным сохранение своей таксономической целостности каждым из сообществ, если они имели счастливую возможность совместного размножения? Тем более что у археологов и антропологов не было **ни одного** убедительного свидетельства каких-либо конфликтов

между двумя сообществами, а, напротив, масса свидетельств мирного сосуществования – например, когда неандертальцы и кроманьонцы поочередно использовали для проживания одну и ту же пещеру, не говоря уже о свидетельствах обмена культурными достижениями.

Впрочем, эволюционизм тем и силен, что может придумать объяснение для любого затруднительного факта. Было решено закрыть этот вопрос, обратившись к генетике, чтобы на основании сравнений участков ДНК обоих испытуемых доказать – современные люди и неандертальцы являются **разными видами**, и поэтому они не могли скрещиваться по определению. То есть, все вместе жили мирно, на одной территории, многие тысячи лет, не конфликтовали, занимались собирательством, охотой и рыбной ловлей, – но «сватов друг другу не засылали» по причине генетического межвидового барьера и неспособности давать потомство. Генетики свою работу выполнили на совесть и даже, кажется, перестарались – генетическое различие меж современными людьми и одним из тестируемых неандертальцев (ребенок из северокавказской пещеры Межмайская) оказалось вполне «подходящим», только сам испытуемый, как выяснилось чуть позже, с большой долей вероятности оказался архаичным сапиенсом (Hawks & Wolpoff, 2001), что было уже почти открытой насмешкой над экспериментаторами. Разумеется, очевидные черты межвидового скрещивания, которыми обладает целый ряд поздних неандертальских экземпляров (Лагар Вельо, Пестера Муэри и др.), сторонники

ГИПОТЕЗЫ ОТДЕЛЬНОГО ВИДА по обыкновению проигнорировали.

Неандерталец, ранее с треском вылетевший из наших предков, с треском вылетел даже из наших ближайших родственников, фактически из старших братьев. В начале нового века было решено считать *Homo sapiens* и *Homo neanderthalensis* двумя разными видами, произошедшими от разных ветвей древних гоминид, как минимум последние 600–700 тыс. лет развивавшимися независимо. Несколько лет назад практически все СМИ, взяхлѐб озвучивавшие новую радостную научную сенсацию, пестрели заголовками – «Неандерталец нам не родственник!».



Сегодняшние представления о неандертальце. **Рис. 1** – реконструкция John Gurche (общая); **рис. 2** – E.Daunès (Гибралтар-2 или «Ребенок из Гибралтара»); **рис. 3** – John Hawks (старик из Ля-Шапель); **рис. 4** – Mauro Cutrona

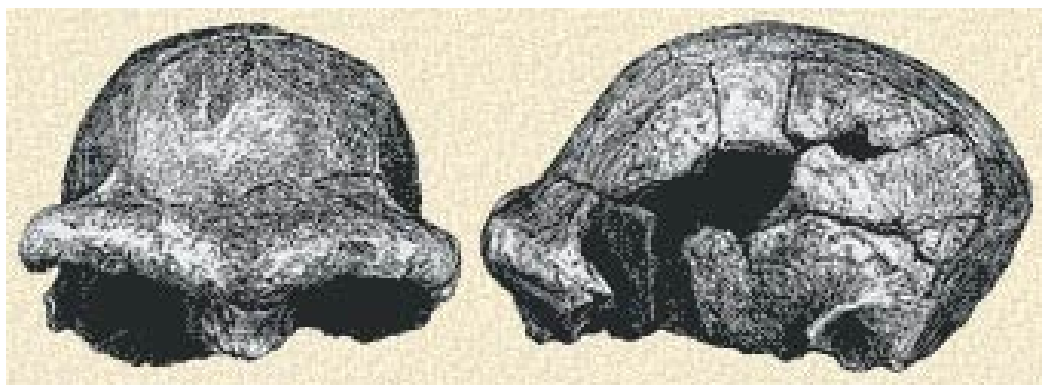
Однако в 2010 году, в результате исследований группы Сванте Паабо выяснилось, что генетическая дистанция между сапиенсами и неандертальцами составляла всего... **0,16%** (Pääbo et al., 2010), на уровне современной человеческой расы. То есть, ни о каких разных видах речи идти уже не может. Сравнение

неандертальцев с современными группами людей показало их наибольшую близость к европейцам (от себя добавим с легким сарказмом – а разве по жителям северных районов Европы этого раньше не было видно?). «Представления о неандертальцах претерпели, пожалуй, наиболее радикальные изменения, – говорит сегодня антрополог профессор В.Ю. Бахолдина. – Главное из них состоит в перемещении неандертальцев от одного эволюционного уровня к другому – от уровня пусть спорной, но все же предковой формы, к уровню, занимаемому современным *Homo sapiens*. ... Сейчас неандертальцы и ископаемые сапиенсы рассматриваются как полиморфное человечество эпохи позднего плейстоцена» (Бахолдина, 2011).

Сегодня каждая новая находка делает все более очевидными те невероятные ранее предположения, что неандертальцы выделяли кожу, плели веревки, изготавливали и пользовались украшениями и косметикой, создавали наскальные рисунки и антропоморфные фигуры.

Вопрос происхождения самих неандертальцев, впрочем, остается открытым. То есть, конечно, множество схем и предположений существует, и в предки ему регулярно и аккуратно записывают тот или иной более древний экземпляр, но от какой именно формы произошел неандерталец, как появился в Европе и, главное, почему при столь длительном сосуществовании с сапиенсами и возможности иметь общее потомство, не слился с ними хотя бы в генетически ощутимых пропорциях – палеоантропологи сказать не могут. Существующие

гипотезы разнятся лишь размерами существующих в них дыр. Общим выводом можно считать то, что **для эволюционизма неандертальская проблема сегодня является нерешенной**. (Креационная модель, напомним еще раз, утверждает, что массовые сапиентные миграции в Европе были по хронологическим меркам практически моментальными, успевшими оставить лишь *точечные следы контакта* двух народов – в виде метисов, а также свидетельств некоторого обмена технологиями). При этом, к счастью, можно констатировать, что главная многолетняя пилтдаунская интрига в отношении неандертальца в сегодняшней официальной схеме счастливо разрешена – *Homo neanderthalensis* больше не считается ни полуобезьяной, ни диким согбенным пещерным предком. **Его человечность, интеллект, религиозность и высокая социальность признаны, кажется, окончательно**^[4].



*Черепная крышка ОН 9, ставшая голотипом для таксона *Homo erectus*. Найдена Луисом Лики в 1960 г.*

4.

Теперь самое время поговорить о месте и роли **в официальной схеме** еще одной человеческой разновидности – **хомо эректуса**.

В 1960 году в Олдувайском ущелье Африки Луис Лики раскопал не только челюсть первого хабилуса (хотя, если быть точным, «физически» челюсть ОН 7 нашел его сын Джонатан). Глава антропологической династии выкопал также черепную крышку существа, немало его изумившую – она была очень похожа на известные останки питекантропов Явы и синантропов Китая. Этот экземпляр (**ОН 9**), первый африканский питекантроп, превосходивший по возрасту (900 тыс. лет) яванских и китайских предков человека, показался научному сообществу лучшим доказательством того, что центром эволюции человека была именно Африка, а яванские и китайские питекантропы (на тот момент датируемые возрастом 700 и 500 тыс. лет соответственно) сами являлись потомками питекантропов африканских.

Поэтому в самое ближайшее время **из обобщения многолетних находок так называемых питекантропов Явы** (вспомним историю питекантропа Дюбуа), **синантропов Китая** (вспомним историю Блэка и пропавших черепов) **и нового экземпляра ОН 9 из Африки – родился новый таксон под названием Homo erectus**. Этот таксон, несмотря на его последующие дробления-слияния, в отличие от фантомного хабилуса всегда, с первых дней – представлял собой объективную антропологическую реальность, так как по ряду морфологических

признаков был безусловно и зримо отделен как от неандертальцев, так и от архаичных сапиенсов. Для эво-антропогенеза с находкой ОН 9 и описанием нового таксона яванские и китайские предшественники-предки сапиенса в одночасье становились второстепенными, а на первый план выходил африканский «прародитель человечества».

Надо отдать должное Луису Лики и антропологу Кемпбеллу, описавшим *Homo erectus* в 1962 году, – бывший обезьяночеловек-питекантроп Дюбуа-Кенигсвальда-Блэка-Вейденрейха в новой таксономической классификации сразу радикально подтянулся до представителя человеческого рода. Хотя видовое имя его, конечно, до сих пор оставляет желать лучшего во всех возможных смыслах (человек «выпрямленный»), так как было получено из «обезьяночеловека выпрямленного» путем простой механической замены родового имени (*Pithecanthropus erectus* стал *Homo erectus*'ом).

Находка ОН 9, ставшая в 1962 году голотипом (типовым образцом) для описания нового таксона *Homo erectus*, содержала черты, характерные для всей группы *Homo erectus* – массивный череп, уплощенный в продольном и поперечном направлении свод, наклонные верхние стенки свода в виде «крыши» при взгляде спереди, покатая лобная кость, надглазничный валик в виде единой прямой полки, сильное заглазничное сужение, приплюснутая теменная часть без теменных бугров и резкое преломление нижней части затылка. По некоторым признакам коробка ОН 9 оказалась впоследствии даже чемпионом – череп был необычайно сильно

пневматизирован, то есть, имел множество воздушных полостей в костях, а по развитию надглазничного валика (практически пустого внутри) и толщине свода он превосходил все найденные в дальнейшем эректусные экземпляры.

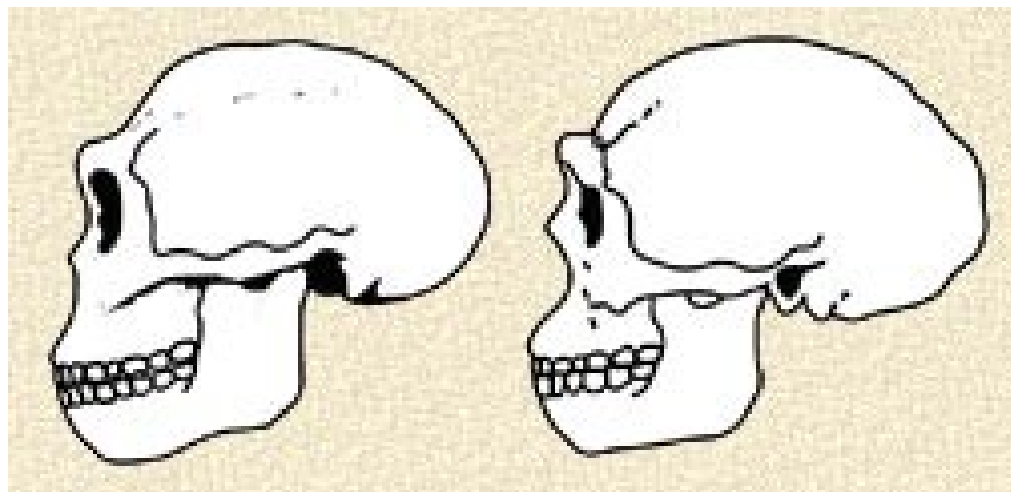


Челюсть **ER 992**, голотип для таксона *Homo ergaster*. Найдена Бернардом Нженео в 1972 г.

Однако последующие находки в Кооби Фора (**ER 992, ER 3733, ER 3883** и др.) показали Лики и его коллегам, что в Африке они имеют дело еще с одним неизвестным таксоном – какой-то особой разновидностью эректусов – мало того, что более древних, чем китайские и яванские, так еще и по некоторым признакам стоящих ближе к современному человеку (!), чем более «примитивные» и массивные собратья-эректусы из восточной и юго-восточной частей света.

«Классический» поздний *Homo erectus* типа ОН 9 вполне устраивал бы тех антропологов, которые видели в нем предка еще более поздних форм – неандертальцев и архаичных сапиенсов. Но как было объяснить, что новые эректусные находки были гораздо более древними, но при этом более сапиентными? В отличие от «классических» эректусов они были более грацильны, имели более округлый свод черепа, без резкого рельефа. Челюсть ER 730 еще «на заре» человеческого развития, задолго до «классических» эректусов, неандертальцев и архаичных сапиенсов уже демонстрировала некую структуру, напоминающую подбородочный выступ современного человека. А челюсть ER 992 вообще имела явно выраженные маркировки так называемой двубрюшной мышцы (*digastric muscle*) необходимой для отдельного глотания и вокализации – сугубо человеческий признак, который некоторые антропологи интерпретировали как доказательство существования развитой речи уже в те времена (Kreger, «*Homo ergaster*»).

Бернард Вуд и Питер Эндрюс описали семь диагностических особенностей, связывающих новую группу находок непосредственно с *Homo sapiens*, но отсутствующих при этом у *Homo erectus* (см., напр., Wood, 1993). Те, кто возражал против дробления эректусного таксона, пытались показать, что эти семь признаков иногда встречаются и у «классических» *Homo erectus*, однако это не отменяло самого факта бóльшей анатомической близости новой группы к современному человеку. Казалось, было понятно, что поздние эректусы были весьма специализированными потомками этих ранних форм.



Различия в морфологии *Homo ergaster* (слева, ER 3733, 1,8 млн.л. по с.ш.) и *Homo erectus* (обобщенный экземпляр из Чжоукоудяня, 500-250 тыс.л. по с.ш.). Wikimedia Foundation, inc.

Но подобное открытие не насторожило, не заставило задуматься о том, почему эти ранние люди не просто более «человечны», чем поздние эректусы, а **столь рано человечны**. Из этого факта просто сделали незатейливый вывод в пользу африканской гипотезы, точнее, к тому времени уже догмы – в новых африканских находках увидели прямых предков современных людей, а в «классических», специализированных, съехавших в сторону от прогрессивной линии поздних хомо эректусах – эволюционный тупик.

Таким образом, в 1975 году, после ряда новых африканских находок, таксон *Homo erectus* был раздроблен антропологом К. Гроувсом на две части. Было предложено считать, что самой ранней формой, произошедшей в Африке около 2 млн. лет назад, являлись представители этой новой прогрессивной группы, ***Homo ergaster*** («человек работающий»). А его более поздние африканские потомки (1,0–0,5 млн. л.н.), а также выходцы из Африки, обосновавшиеся в Китае и Индонезии (в ту пору яванцам давали всего 700, а китайским синантропам-эректусам 500–250 тыс. лет) – именовались уже собственно ***Homo erectus***'ами. Не могу не отметить попутно очередное сюрреалистическое положение, столь свойственное эволюционизму – непоследовательность в именах ранней и поздней форм. То есть, более ранний *Homo* был работающим («*ergaster*»), но работал он, видимо, согнутый пополам, поскольку, судя по следующему шагу, распрямился лишь время спустя («*erectus*»).

Не все ученые после 1975 года (и до сего дня) согласились с дроблением таксона *Homo erectus*. Особенно сторонники так называемой мультирегиональной гипотезы, утверждающие, что этот единый таксон имел лишь региональные вариации, но, в конце концов, каждая из региональных форм *Homo erectus* эволюционировала в современного человека по всему миру. Напротив, африканоцентристы, принимающие законность таксона *H. ergaster*, считают *H. erectus* эволюционным тупиком, особенно (и безусловно) его азиатские формы. Однако какого бы сценария антропогенеза не придерживались специалисты, сама номенклатура понятна всем – под хомо эргастером подразумевается регионально-временная (африканская и более ранняя) форма хомо эректуса. Чтобы не вносить терминологической путаницы, я буду далее пользоваться понятием «*Homo erectus*» в широком смысле, а к эргастерам применять принцип «акцентирования по необходимости», называя так лишь те экземпляры, которые нужно по тем или иным причинам специально выделить из основного таксономического ряда.

5.

Можно ли сказать, что хомо эректус в какой-то степени повторил печальную историю неандертальца? Разумеется. Ведь из него, подобно неандертальцу, до самого конца XX века эво-антропологи старательно лепили столь же неразумную полуобезьяну, если не сказать – лепили еще в большей степени. (И даже креационисты не

остались в стороне, отрекаясь от этого неудобного существа, противоречащего библейскому появлению современных людей в готовом виде, без всяких диких предшественников). И если неандерталец был харизматичен и раскручен в «народе» (а битва за его статус всегда проходила на виду обывателя, в виде журналистских «сенсаций» и «открытий века»), то эректус в этом смысле оставался полубезвестным затворником. Неандерталец в глазах обывателя был неким ярким символом первобытности, жутковатой экзотической картинкой – с пещерами, шкурами, кострами и мамонтами, и обывателю – для удовлетворения любопытства и осознания собственной цивилизованности на контрасте с пещерным «быдлом» – вполне хватало одного неандертальца. Хомо эректус же оставался объектом сугубо научного, сухого, кабинетно-занудного внимания ученых. Любопытный психологический момент заключается в том, что публика и ученые одинаково искренно любили и намеренно очеловеченную обезьяну Люси (задумчивую, с букетиком цветов в руках), и бессовестно «олохмаченного» неандертальца. Но вся любовь (и у публики, и у ученых) пропала, когда выяснилось, что Люси была просто обезьяной, а неандерталец – человеком с высоким интеллектом. Публика не любит сюжета без интриги, и ангажированные биологи-философы, называющие себя учеными – не любят, когда их миф перестает впечатлять публику. Эректус же во всех этих играх-интригах всегда оставался в тени главных сценических персонажей.

Однако ранее я заметил, что история эректуса – по крайней мере, мне лично – гораздо более интересна, чем даже неандертальца. Почтенная публика немало бы удивилась, если бы узнала, что история эта куда более загадочна, интригующа и достойна ее, публики, внимания уж никак не менее неандертальской. Тем более что история эректуса и сегодня еще по бóльшей части находится «под сукном» эволюционизма, многие моменты еще не прояснены, а некоторые в современной палеоантропологии вообще до сей поры едва ли не табуированы.

Например, даже при самом поверхностном знакомстве с материалами по хомо эректусу видно, что эво-антропологи с нескрываемым раздражением относятся как минимум к двум вещам.

Во-первых, они активно **противодействуют древности любых эректусных находок**, возраст которых переваливает за отметку в 2 миллиона лет. Уже давно многие находки пересекли этот временной рубеж (точнее, пересекли бы), однако сегодня вы лишь в редчайших случаях встретите схему, где эректусная хронологическая линейка двинулась в прошлое глубже 1,9 млн. лет. Причем, здесь явным образом действует принцип двойных стандартов.



Челюсть UR 501

Например, самыми древними костными останками хомо хабилиса иногда считается фрагмент нижней челюсти UR 501 из Малави, имеющий оценочный возраст в диапазоне 2,3–2,45 млн. лет. Таксономическая принадлежность этой челюсти является объектом разногласий, и многие профильные каталоги, например, тот же каталог Хеслипа, ее даже не упоминают. Скорее всего, эта гипермассивная челюсть хабилису (или рудольфензису) не принадлежала – названные формы по своей конституции грацильны, а UR 501 имеет явные признаки массивного парантропа, однако все же по одному признаку – толщине зубной эмали (!) – зубы этой челюсти схожи с хабилисными. Тем не менее, на основании этой находки сегодня все эволюционные схемы и построения обозначают возраст хабилисного таксона по верхней границе оценочного диапазона этой челюсти – 2,45 млн. лет

(при том, что сама эта расплывчатая дата 2,3–2,45 млн. лет была получена на глазок, по стратиграфической и фаунистической оценке места находки). «Но это еще не всё». В силу того, что таксономический статус челюсти UR 501 крайне расплывчат, ее предполагаемый возраст во многих схемах «на всякий случай» принят в качестве максимального для обоих таксонов – хабилиса и рудольфензиса (!). Здесь мы в очередной раз сталкиваемся с одним из самых эффективных приемов эволюционизма, когда любая неопределенность (как в бюрократической юриспруденции), лишь играет на руку «заказчику музыки».

С другой стороны, бесспорно человеческие останки из Кооби Фора, найденные между маркирующими туфами KBS (1,9 млн. лет) и Тулу Бор (3,18 млн. лет) – ER 1472, ER 2598, ER 3228 и некоторые другие – имеют верхнюю оценочную границу в те самые 3,18 млн. лет, однако максимальный возраст эректусного подтаксона *Homo ergaster* меряется сегодня исключительно по нижней оценочной границе этой группы находок – 1,9 млн. лет! (При этом еще сама цифра 1,9 млн. лет, якобы отражающая возраст туфа KBS, была в свое время, как мы помним, «волевым решением» занижена под череп австралопитека 1470, выдаваемого тогда за *Homo*). Человеческие останки старше 2 млн. лет, как это и принято в господствующей и «уверенной в себе теории», сегодня либо всеми силами «омолаживаются», либо приписываются некоей эвфемистически размытой форме «раннего *Homo*», не говоря уже о

миллионнолетних останках *Homo sapiens* – те просто автоматически записываются в аномальные и в научной литературе никогда не упоминаются. Взгляните на **любую** эволюционную схему антропогенеза и убедитесь сами – эректусу-эргастеру как будто повелели не перешагивать некий положенный ему предел; хомо эргастеры фактически **всегда** (за редчайшими и единичными исключениями, как я упоминал выше), «остановлены» у черты – 1,9 млн. лет, в то время как хабилисы (часто в реинкарнации выступающие как «рудольфензисы») совершенно незаконно **всегда** углубляются в прошлое на 2,45 млн. И, как сказал поэт, никаких гвоздей.

Во-вторых, эво-антропологи, оказывая сопротивление, сравнимое с обороной на последнем рубеже, **не хотят сдавать «дикость» хомо эректуса**. Они в упор не желают видеть накопившихся новых фактов, чтобы признать в эректусе полноценного человека, сравнимого по интеллекту и образу жизни, скажем, с современными африканскими или австралийскими аборигенами. Таковое признание, разумеется, оставило бы человеческий род вообще без какого-либо – даже интуитивно, фантазийно предполагаемого – эволюционного предка. Пока хомо эректус – не вполне человек, разговоры о его предковости, постепенном эволюционировании и о том, как его «лохматость понизилась» – еще будут иметь какой-никакой смысл, вводя в заблуждение последних наивных. Но с полной реабилитацией хомо эректуса всё это фантазийное эволюционное добро превращается в пустой звук.

6.

Действительно, если с человечностью неандертальца сегодня всё уже достаточно ясно, то в отношении *Homo erectus* (не без помощи эволюционной пропаганды) у многих читателей наверняка до сих пор возникает вопрос – а, вообще, человек ли он? Человек ли он в том смысле, который в это понятие вкладывают не идеологизированные ученые (которым и хабилис был «человеком»), а мы сами?

Давайте посмотрим.

Вспомним эволюционный сценарий постепенного превращения обезьяноподобного существа в человека. С кого и с какого момента ученые именовали некое существо человеком? Так называемая *гоминидная триада*, выдвинутая в 60-х годах Луисом Лики (и восходящая еще к энгельсовской *трудовой теории*), как мы помним, отвечала на этот вопрос четко: увеличенный по сравнению с обезьянами объем мозга, прямохождение и орудийная деятельность. Однако совсем недавно, на границе прошлого и нынешнего веков новые находки и открытия привели к пониманию практической ничтожности этих критериев. Образцы позднего палеолитического искусства кроманьонцев и сложные погребальные обряды неандертальцев подсказывали, что существуют более надежные, даже безусловные критерии человеческого, но подобная роскошь была позволительна только кроманьонцам, и лишь с недавнего времени – неандертальцам.

Давайте, читатель, обострим вопрос и спросим себя прямо – какие **критерии человека** мы бы согласились признать без всяких споров и оговорок? Окончательными и безусловными, как та пресловутая булгаковская справка? Мы уже убедились, что эволюционная антропология использует критерии лишь анатомические, где даже понятие «*Ното*» не тождественно понятию «человек», так как подразумевает сугубо биологическую, а не философскую сущность. Однако если мы заведем речь об интеллекте, разумности и прочих плохо определенных или запутанных эволюционной философией категориях, то наши возможные оппоненты опять начнут подсовывать нам дрессированных обезьян с их карточными комбинациями из двух-трех слов (хотя, если выбросить из головы эволюционную ангажированность экспериментаторов, множество других животных продемонстрировало бы нам «разумность» гораздо убедительнее всяческих обезьян). Еще более размытыми оказываются понятия, производные от эволюционных «разумностей» человека, например, «культура». Если в сугубо человеческих категориях «культура» означает сохранение и преемственность в первую очередь духовного опыта, то в терминах эво-палеоантропологии «культура» – это любые материальные следы, оставленные человеком, чуть ли не копролиты. А после того как эволюционисты сделали всё, чтобы размыть границу между животными и человеком, «культурой» может именоваться и обезьянье раскалывание ореха камнем. Поэтому давайте в качестве критерия человека назовем именно то, чего не может ни одно

животное, ни одна, так сказать, обезьяна. Нам же нужны именно те критерии, которые наглядно продемонстрируют, что ***Homo erectus* является таким же полноценным и безусловным человеком, что и мы с вами.**

Очевидно, что проблемы, неведомые эволюционной антропологии (и сознательно ею запутываемые), можно было бы рассмотреть в рамках антропологии библейской, которая вместе с нравственными категориями называет ключевыми критериями человека его **способность к символическому** (абстрактно-образному) **мышлению**, наличие **языка** (речи) и **религиозность**. Несмотря на то, что такие критерии, казалось бы, связаны с религиозной аксиоматикой, для стороннего независимого наблюдателя они являются объективными, поскольку ставят целью не генезис какого-либо из качеств («человек получил это от Бога»), а простую констатацию – присутствует ли то или иное качество, отсутствующее у животных, в наблюдаемом субъекте или нет. Действительно, в светском варианте эта триада выглядит аналогично, лишь с заменой «религиозности» на агностические «философские или космологические представления о мире». В любой системе миропознания человек есть существо мыслящее, словесное и задумывающееся о смысле своего бытия.

При этом нужно сделать одну оговорку, необходимую в нашем случае. Мы называем не критерии, в полном объеме определяющие человека как человека «в наших обстоятельствах» (с нашим опытом цивилизации, религией, культурой, технологиями и пр.)

– но, разумеется, именно те критерии, которые позволили бы говорить о *Homo erectus* как о полноценном человеке именно **в его обстоятельствах** (по аналогии, например, с современными аборигенами Африки). Это необходимо потому, что напрямую наши критерии к объекту рассмотрения неприменимы – ведь мы исследуем его не просто на основании сохранившихся материальных следов, а еще и крайне плохо сохранившихся. В отличие, например, от тех же неандертальцев, картина сохранности самых ранних эректусовых останков и артефактов принципиально иная. Эту утраченную повесть мы восстанавливаем не по страницам и даже не по предложениям, но зачастую лишь по отдельным словам, а то и буквам.

Зададим себе вопрос – а в чём бы таком материальном, в каких археологических следах или антропологических признаках мы в принципе способны углядеть названную человеческую триаду? Ведь у нас практически нет ничего, кроме отдельных костей, каменных рубил и обугленных головешек. Посему, если уж мы выступаем не как свидетели, а как криминалисты, имеющие дело лишь со следами (даже, точнее, с остатками следов), то можно ожидать, что наша философская триада «человечности» (символическое мышление, язык, религиозность) в качестве **абсолютных критериев человека** применительно к самому древнему существу могла бы детектироваться («ухватываться») наличием следующих его признаков или способностей:

1. Пользование огнем;
2. Постройка жилищ по индивидуальному плану;
3. Владение языком (речью);
4. Создание образцов искусства;
5. Обладание религиозными (философскими, космологическими и др.) представлениями о мире.

Я сознательно взял именно те критерии человека для *Homo erectus*, которые многие адепты эволюционизма могут счесть для него невероятными (возможно, в силу того, что отечественные научные издания не спешат замечать факты, нарушающие удобную картину и просто не информируют о них). Но именно это нам и нужно. Все эти составляющие, разумеется, должны прослеживаться с самых ранних находок, чтобы исключить возражения об их постепенном эволюционном происхождении (ибо такие факты, даже несмотря на упомянутые затруднения с их сохранностью, будут наиболее убедительным свидетельством в нашу пользу). Поэтому мы будем тестировать *Homo erectus* именно по этим признакам – чтобы в дальнейшем у нас уже не возникало никаких вопросов или сомнений в отношении его человеческого или животного статуса.

Часть 2. Целыми до нас дошли только камни

1.

Умел ли *Homo erectus* пользоваться огнем?

В детстве мы все читали про первобытных людей-питекантропов, у которых огонь в пещерах горел тысячами. Из века в век, поколениями, мужчины ходили на охоту, а женщины в пещере шили одежды из шкур, воспитывали детей и поддерживали неугасаемый огонь. В этой красивой картинке, весьма полезной также для эволюционной пропаганды, отразился реальный антропологический факт – находка многометровых слоев золы в пещерах китайского **Чжоукоудяня**. «Ранняя» эволюционная антропология вполне благодушно лепила образы чрезмерно очеловеченных обезьяноподобных существ, каковым тогда считались китайские эректусы (синантропы), поэтому до середины прошлого века охотно принимала не только огонь Чжоукоудяня, но и орудийную деятельность австралопитеков. На картинах-«реконструкциях» академика живописи Зденека Буриана австралопитеки, питекантропы и даже неандертальцы друг от друга отличались, кажется, лишь длиной шерсти, зато такие шалости как дубина в руках австралопитека или горящий факел в руках питекантропа – легко позволялись этим животным, вставшим на путь очеловечивания.

Если антропологи и археологи (включая самых авторитетных советских – П. Ефименко, С. Замятина, А. Монгайт и др.) в 50–60-х годах прошлого века еще

признавали появление огня в эректусовый (среднеплейстоценовый) период истории, то времена «реакции» для *Homo erectus* наступили, вероятно, именно с признанием человечности неандертальца. Постепенно сдавая позиции и признавая за неандертальцем его настоящие качества, эволюционизм из доктринальных соображений соответственно приносил эректуса – неандертальского предка в тогдашней схеме. Новые открытия, однако, вскоре последовали одно за другим. Продолжилось, в частности, послевоенное изучение пещер Чжоукоудяня.

Специалисты выяснили, что костры в Чжоукоудяне, вопреки красивой легенде, не горели тысячелетиями без перерыва. Стоянка была сезонной, и охотники-эректусы, возвращаясь сюда в холодное время года, регулярно разводили здесь новые костры. То есть, получили огонь не однажды, не от гипотетического лесного пожара (такое огнепользование называется пассивным), а сами умели разжигать костры по необходимости, в любой момент, чтобы обогреть пещеру, готовить пищу и раскалывать камни для изготовления орудий.

Эволюционизм быстро осознал эту проблему для себя – как совместить развитую хозяйственную деятельность хомо эректуса и его активное огнепользование – с его декларируемой примитивностью? И почему человек, освоивший огонь еще около 500 тыс. лет назад, все эти последующие 500 тыс. лет оставался практически на том же уровне развития – не перешел к обжигу глиняной посуды на этом огне, добыче руды и плавке металлов? Чуть

позже сыграла свою роль и набиравшая обороты африканомания эволюционизма, из которой следовало, что всё самое прогрессивное, включая огонь, было открыто и освоено поздними выходцами из Африки, но уж никак не возникло автономно на другом конце света, да еще в незапамятные времена.

Когда эволюционизм понял опасность очеловечивания столь древних предков, ситуация с эректусами-прометеями Китая стала упорно отматываться назад. Несколько последних десятилетий прошлого века безусловное владение огнем «разрешалось» лишь людям мустьерской эпохи, неандертальцам, и с накоплением новых данных о реальных возможностях homo эректуса – в пику этим данным – росла и мощная эволюционистская волна противодействия.

Многие противники столь ранней разумности эректусов стали предлагать альтернативные объяснения присутствию слоев золы в пещерах Чжоукоудяня, называемых эвфемистически «темными прослоями» – длительное естественное тление (!), скопление помета живших в пещере летучих мышей, отложения ила, принесенного в пещеру дождевыми потоками и пр.



Экспозиция Лондонского музея: муляж, изображающий слои золы Чжоукоудяня
© NHML Image Resources

Надо заметить, что история Чжоукоудяня даже в этом «огненном» ряду стоит особняком. Так как первые атаки против огнепользования эректусов пришлись именно на него, – до сих пор находятся ученые, как будто по укоренившейся привычке отрицающие это огнепользование Чжоукоудяня. Однако сегодня подобная позиция объясняется уже не столько «реакционным» взглядом на возможности *Homo erectus*, сколько радикальной приверженностью модели африканского происхождения человека (ставящей «умных» эректусов Китая в положение лишних или даже «неудобных» для схемы игроков) или же приверженностью какой-либо собственной концепции, – например, происхождению современного человека от европейских или ближневосточных предков. Этим и объясняется известный сегодняшней антропологический парадокс, удивляющий непосвященных – почему интеллекту исторически более поздних эректусов Китая

оказывается более упорное противодействие, чем самым ранним африканским.

Впрочем, давайте здесь не будем залезать в дебри эволюционного политеса. Тем более, что нынешние отрицатели огня в Чжоукоудяне находятся в стратегически выгодном положении – сегодня можно выдвигать любые фантазии по поводу «не-огневого» происхождения «тёмных прослоев», так как пещера Чжоукоудянь давно вскрыта (после обрушения свода), расчищена, а самих загадочных слоев больше не существует. Правда заключается в том, что многочисленные исследователи, **непосредственно** изучавшие в свое время эти «темные прослои», описывали их именно как зольные отложения. Они описывали не только само кострище, но и многочисленные обожженные кости, закопченные камни и расколотые от воздействия огня обломки кварца, – поэтому все сегодняшние схематические упражнения постмодернистов от антропологии являются обычными спекуляциями.

Послевоенные находки стали приносить сведения об использовании огня эректусами уже в порядке закономерности. В 1960 г. два самых что ни на есть настоящих очага, по времени синхронные с Чжоукоудянем, были обнаружены во Франции, в гроте **Эскаль**.

В том же году археолог А. Пулянос, один из первых исследователей знаменитой пещеры **Петралона** в Греции, обнаружил следы использования огня в ее нижних слоях, датируемых сегодня возрастом от 700 тыс. до более 1 млн. лет.

С 1969 года начались раскопки стоянки **Пржезлетице** в нынешней Чехии, недалеко от Праги, погребенной в отложениях древнего озера и датируемой 750–890 тыс. лет. Здесь были найдены несколько каменных чопперов, остатки жилища с каменным основанием овальной формы 3×4 метра, ножи, изготовленные из расколотых костей, а также обожженные кости животных и уголь из древних очагов (В.С. Титов, «История Европы...»). Хотя из всех человеческих останков археологи вынуждены были довольствоваться единственным зубом.

Прекрасным примером раннего интеллектуального огнепользования стало открытое и изученное в 60–70-х годах прошлого века охотничье поселение **Торральба** в Испании. Свидетельства Торральбы были настолько несомненны, что даже крупнейшие советские историки А. Монгайт и В. Титов, во многом идя против общепринятых тогда взглядов, говорили в своих академических работах о находках в Торральбе костров и огненной загонной охоте эректусов. Первые исследователи датировали этот археологический участок по фаунистическому методу «более чем 300 тыс. лет» (Howell, 1965), но в последней сессии исследований 1990-х годов речь идет о датировке Торральбы до 700 тыс. лет (Klein, 1998 по: Fong, 1998).

С 60-х годов прошлого века археолог М. Гусейнов проводил раскопки в знаменитой карабахской пещере **Азых** в Азербайджане, тогда еще территории СССР, а сегодня конфликтной зоне Азербайджана и Армении. Пещера имеет 10 культурных слоев, относящихся к разным стадиям нижнего и среднего палеолита. В нижних слоях, возрастом порядка 1–1,5

млн. лет была обнаружена галечная культура, напоминающая олдувайскую – более 300 каменных изделий, в том числе чопперы, чоппинги, скребла и гигантолиты – грубые орудия весом в 3–5 кг. Начиная с 7-го слоя и выше были обнаружены остатки сложенных из камня очагов возрастом не менее 700 тыс. лет, однако, следы использования огня, по некоторым сообщениям, обнаруживаются даже в самом нижнем, 10-м слое, чей возраст приближается к 2 млн. лет. Создается впечатление, что пещера эта была заселена всегда – в среднеашельском слое обнаружен фрагмент челюсти архаичного сапиенса (так называемый «азыхантроп», 350–400 тыс. лет), а в мустьерском – тайник неандертальцев с четырьмя черепами пещерных медведей, имевший, как предполагается, культовое значение.

В 60-х годах прошлого века была открыта пещерная стоянка **Шандалья** в нынешней Хорватии, на полуострове Истрия. В пещере были найдены два односторонних галечных рубила и множество остатков пиршества древних людей – кости носорогов, кабанов, бизонов, лошади Стенона. Многие кости были обожжены, а также обнаружен древесный уголь, но сенсация заключалась не в этом. Шандалья стала неким неожиданным скачком в резком удревнении возраста существования человека в Европе, не говоря уже о бесспорных свидетельствах «одомашнивания» огня. Сегодня она датируется возрастом до 1,6 млн. лет.

...Итак, к 70-м годам прошлого века было известно уже множество стоянок *Homo erectus* с бесспорными следами использования огня, чей возраст был равен

или превышал чжоукоудяньский. Однако неприятие высокого интеллекта *Homo erectus* носило в эволюционизме какой-то принципиальный, порой фанатичный характер, тем более в советском научном сообществе, где эволюционизм был отягощен еще и марксистскими установками «трудовой теории». Уже после открытий огня в Эскаль, Петралоне, Азых и Шандалье и др. – советские ученые продолжали научное познание по принципу «ничего не слышу, ничего не вижу». Так, авторитетнейший советский палеоантрополог Б. Поршнев отказывал в человечности не только эректусу, но и неандертальцу, фактически относя всех людей докроманьонского периода к животному миру. А не менее авторитетный ученый, академик В. Бунак даже в конце 70-х заявлял в своей итоговой монографии со всей принципиальной прямоотой: «В нижнем плейстоцене – в местах находок следов ископаемого человека – обугленных костей, слоев, содержащих уголь, золу, обожженных камней – **до настоящего времени не найдено**» (В. Бунак, «Род *Homo*, его возникновение и последующая эволюция», изд. 1980). Западные коллеги, разумеется, тоже не отставали. Например, Э. Уайт и Д. Браун пытались доказать, что даже в Африке использование огня человеком началось не ранее 50 тыс. лет назад, не говоря уже о других континентах – эволюционных «аутсайдерах».

Мне всегда было любопытно – почему явная, очевидная нелогичность эволюционных схем почти никогда не видна самим эволюционистам? Разум ли их так устроен, или, действительно, их странная принципиальность дороже правды? Например, еще в

1964 году была открыта и описана упоминавшимся выше А. Окладниковым стоянка **Улалинка** в Сибири. Стоянка датируется сегодня возрастом не менее 700 тыс. лет и обнаруживает следы длительного присутствия людей – найдено множество образцов орудий, в частности кварцитовые чопперы, острия и скребла из гальки. Сибирское присутствие людей по умолчанию не могло обойтись без использования огня – однако даже такая очевидная логика все равно перешибается эволюционистской «принципиальностью».

Следы использования огня на стоянках, связанных с деятельностью *Homo erectus*, археологи в течение 60–70-х годов прошлого века находили неоднократно. (Первые следы в виде почерневшей кости и остатков угля были найдены среди окаменелостей эректусов еще в **Триниле** на Яве, в конце позапрошлого века). Были сообщения о следах костров даже в самом нижнем, I-м горизонте **Олдувая** (Perles, 1997; McCrone, «*The discovery of fire*»), который датируется 1,7–2,0 млн. лет, не говоря уже о подтвержденных позже следах огня из Мелка Контуре, Кооби Фора, Стеркфонтейна и Сварткранса. Разумеется, что до поры до времени на подобные свидетельства огнепользования просто не обращали внимания – не говоря уже о том, чтобы целенаправленно их искать. Так как они выпадали из парадигмы, то списывались на последствия естественных пожаров (например, от удара молнии), хотя любопытно, что находки углей и золы в пещерах Африки и Европы, где огонь не мог гореть без участия человека, никак на самоощущении эволюционизма в ту пору не отразились.

Однако с недавних пор позиция скептиков, отрицавших раннее использование людьми огня, была основательно поколеблена исследованиями и открытиями «сторонников раннего огня» (если не сказать подвижников) – Дж. Гоуллетта, Б. Людвига, Р. Роуллетта, «а также примкнувшего к ним» и сумевшего, кажется, окончательно переломить консервативную «огненную» ситуацию в научном сообществе, Боба Брейна. Все эти ученые работают в рамках официального научного направления, однако в отличие от «убежденных» коллег, им эволюционная догма глаза не застит. В последние десятилетия были получены новые, теперь уже признанные научным сообществом, свидетельства использования огня самыми древними известными людьми.



*Раскопки на участке Чесованджа.
© Image by University of Liverpool*

В 1981 году Джон Гоуллетт, ныне профессор археологии и антропологии из Университета Ливерпуля, Англия, на стоянке **Чесованджа** в Кении наряду с огромным количеством каменных орудий нашел множество кусков глины, спекшейся от высокой температуры вместе с перемешанными в ней костями животных. Гоуллетт в соавторстве с известным нам Бернардом Вудом констатировали в журнале «*Nature*» (Gowlett et al., 1981), что найдено самое раннее достоверное свидетельство использования огня. Сообщалось, что возраст находки составляет более 1,42 млн. лет. В одном случае были обнаружены не просто остатки костра, а настоящий очаг – круговая выкладка из камней, с бортами из обожженной глины – впоследствии разрушенный и размытый дождями.

В том же году на стоянке **Кооби Фора** в Кении, на участке *Chari-Karari* (известном как 20-й главный), датированном 1,5 млн. лет, антрополог Лоренс Кили обнаружил настоящую древнюю мастерскую по производству каменных орудий, производимых фактически по единому стандарту. Кили исследовал использованные орудия со всей тщательностью и обнаружил, что многие носили следы разделки мягких тканей животных, растений, а также очистки древесной коры, пилки и рубки стволов деревьев. Для чего эректусам понадобилось рубить деревья в больших количествах, можно только догадываться, но немаловажно, что на этом же участке были найдены и остатки кострищ.

На соседнем участке в Кооби Фора (20-й восточный) в 1985 году Джеком Харрисом были обнаружены по

меньшей мере десять «линз» из спекшейся и изменившейся до оранжевого цвета глины. Четыре из них были впоследствии тщательно изучены и признаны следами костров, горевших 1,6 млн. лет назад. По некоторым сообщениям (Siegel, 2003), в Кооби Фора были найдены и остатки очага того же возраста.

В Эритрее была открыта и обследована древняя стоянка **Мелка Контуре**, в частности ее локальный участок *Гомборе I*, датируемый 1,6–1,7 млн. лет. Этот участок более всего известен находкой [фрагмента плечевой кости](#) (IB-7594), анатомически неотличимой от современной. В свое время на основании большого возраста ее пытались приписать хабилису (что для обезьяны метрового роста было чрезмерно щедрым комплиментом), но сегодня находку «согласились» относить к *Homo erectus*. Здесь же обнаружилась еще одна весьма интересная находка – участок был усыпан галечными орудиями олдувайского типа, но в одном месте над уровнем земли возвышалась плоская земляная площадка диаметром два с половиной метра, вероятно, бывшая основанием жилища. Несколько каменных насыпей вокруг предназначались, скорее всего, для крепления деревянных опор у их основания. На участке *Гомборе* также найдены следы использования огня, сегодня официально признанные большинством научного сообщества.



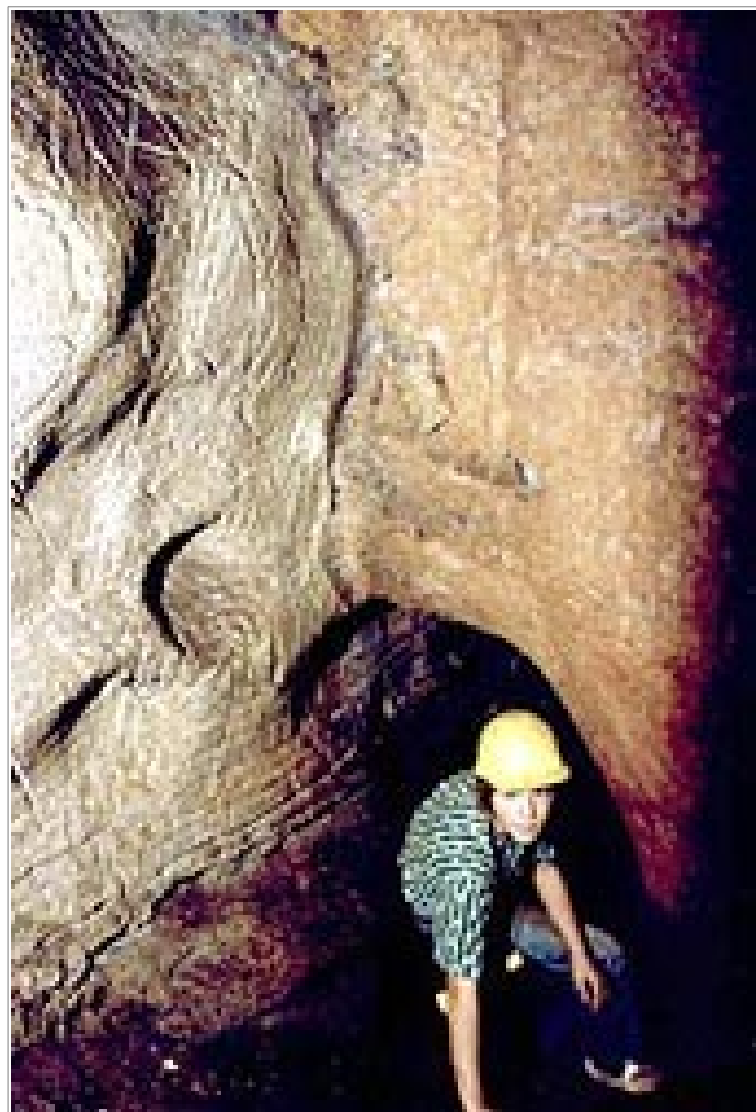
Пещера Стеркфонтейн

На участке **Стеркфонтейн**, в нынешней ЮАР, следы огня были найдены в слоях, датированных 1,7–2,0 млн. лет. Здесь археологи обнаружили также многочисленные каменные орудия, обработанные кости животных, инструменты из рогов животных для раскапывания термитников; череп парантропа со следами повреждений от каменного инструмента, а

также останки двух человек, представленные двумя нижними челюстями. Причем, челюсть **Stw 80**, найденная в слое № 5, принадлежит *Homo ergaster*'у, а челюсть **Stw 84** из более древнего слоя № 6, как сообщает в своем каталоге С. Дробышевский, по определяемым признакам может быть отнесена даже к *Homo sapiens* (Дробышевский, 2004, с. 53).

Дж. Гоуллетт, написавший обширный исследовательский труд «Восхождение к цивилизации» («*Ascent to civilization*»), приводит примеры использования огня и на других стоянках – **Гадеб** (1,1–1,2 млн. лет) и **Средний Аваш** (0,5–2,0 млн. лет) в Эфиопии, **Сварткранс** (1,6 млн. лет) в ЮАР, **Гунвалнин** (0,5–1,0 млн. лет), **Юаньмоу** (1,2–1,3 млн. лет) и **Сихудю** (1–1,8 млн. лет) в Китае.

С. Дробышевский наряду с Сихудю (1,6–1,8 млн. лет у автора) упоминает еще одну «огневую» китайскую стоянку – **Сяочаньянь** с датировкой до 1,87 млн. лет. На обеих стоянках «обнаружены камни со следами обработки, разрубленные кости и **даже следы использования огня**». Любопытно, что использование огня противник «огневого» Чжоукоудяня в данном случае под сомнение не ставит, хотя оговаривается, что указанные датировки не являются общепризнанными, – что в логике эволюционизма вполне понятно, ибо *Homo erectus*, греющийся у костра в Китае 1,9 млн. лет назад – это конец всем разговорам об эволюционном «предке» человека, равно как и конец гипотезе африканской эволюционной колыбели. Сроки исхода из Африки невозможно отодвигать в прошлое до бесконечности, ибо это неизбежно приведет к коллапсу всей схемы.



В пещере Стеркфонтейн. Следы огня, найденные в пещерах, исключают естественный характер его происхождения.

Разумеется, что по этой причине столь ранние прометеевы способности человека всегда в той или иной мере встречали противодействие консерваторов.

Одна из главных трудностей «оптимистов» всегда заключалась в том, что невозможно с абсолютной достоверностью определить, искусственный или естественный характер имеет горевший тут в древности костёр. Не принимаем ли мы за следы кострищ остатки естественного пожара? И если это реальные следы использования огня человеком, то – действительно ли огня «прирученного», разжигаемого по собственному хотению, – или же это огонь «пассивный», лишь поддерживаемый человеком остаток природного пожара? Именно эти два пункта – утверждение о природном происхождении кострищ, либо, в крайнем случае, «пассивном» огнепользовании у эректусов, стали направлением главного удара скептиков.

Здесь мы, как с чем-то уже привычным, сталкиваемся с двойными стандартами эволюционизма. Так, например, один из скептиков, Стивен Джеймс, решил окончательно «разобраться» с проблемой раннего огня. Для начала в своих выкладках он постулировал как аксиому появление «прирученного» огня у древнего человека между 300 и 250 тысячами лет назад. Далее он скомпилировал данные по 34 археологическим стоянкам в Африке, Европе и Азии, и в качестве эталона взял ту, где свидетельства использования огня присутствовали в наибольшем количестве. Разумеется, такой «надежной» стоянкой стала одна из поздних европейских – французская

Сент Эстев Жансон. На основании ее «огненных» артефактов Джеймс выдвинул пять критериев, лишь по совокупности которых любые следы древнего огня могли быть признаны в качестве интеллектуального огнепользования. Это: 1). Наличие в пещере или на стояке несомненного очага; 2). Наличие древесного угля; 3). Расколотые от воздействия высокой температуры камни; 4). Запекшаяся до красно-оранжевого цвета глина – подобно той, что нашли в Чесовандже; и 5). Зола вокруг очагов. Всё остальное, согласно Джеймсу, должно считаться следами естественных природных процессов – от пожара до химических реакций в почве, создающих иллюзию горевшего здесь в древности огня.

Ребенку, что называется, понятно – по таким критериям не прошли бы и многие поздние, совершенно несомненные стоянки. А уж «прохождение» самым древним, нижнепалеолитическим, было закрыто и подавно. В своей работе Джеймс привел также критерии несомненного обустройства стоянки человеком. Любопытно, что многострадальная стоянка Джоукоудьянь у Джеймса прошла по всем критериям обитания, но по огнепользованию была поставлена под вопрос, так как в Джоукоудьяне нашлось всё, кроме очага. Честно говоря, трудно не увидеть сугубо идеологическую подоплеку подобных критериев. На «загадочной» древней стоянке **Олоргезайли** в Южной Кении (около 1 млн. лет по с.ш.), где были найдены насыпи камней, напоминающие культовые объекты, а также многочисленные следы охоты, – очага, например, найдено не было. Было найдено некое

очагоподобное углубление в земле, но без следов угля в нем (сезонные дожди, конечно, за прошедшее время постарались на славу). После тщательного исследования в углублении все-таки обнаружились остаточные следы древесного угля, но Джеймс быстро сориентировался и объявил, что этот уголь мог быть занесен сюда ветром от горевшего в стороне природного лесного пожара (James, 1989).

Для безусловного определения «прирученного огня», сопутствовавшего самым ранним людям, помимо установления его искусственности и подчиненности воле человека существуют и другие трудности. Это, например, особенности стратегии поведения хомо эректусов и фактор времени, так сказать, безжалостно стирающего все следы, особенно самые ранние.

С ашельскими очагами Европы всё достаточно понятно. Мы знаем, что европейские эректусы раннего и среднего ашеля вели относительно оседлый образ жизни. К этой оседлости их принуждали прохладный климат Европы и привязка к более-менее стабильным местам добывания пищи. (Ни первой, ни второй проблемы в экваториальных районах земли не существовало). Эректусы поселялись в пещерах или искусственных жилищах – как правило, на возвышениях по берегам рек или озер. У них, что называется, был прямой резон «благоустраиваться», и они благоустраивались – поэтому «стационарные» очаги так часто являются неотъемлемой частью ашельского жилого интерьера. Самые ранние же эректусы – Восточной Азии, Индонезии и особенно африканские (как более

изученные, ака эргастеры), вели фактически бродячий образ жизни подобно нынешним кочевым племенам, и в своих перемещениях-переходах вполне могли разводить костер не более одного-двух раз на одном месте, да еще, разумеется, под открытым небом. Даже на так называемых базовых стоянках эректусов следы огня порой обнаруживаются совершенно случайно – как, скажем, было с участком Чесованджа, где слой почвы со следами костра оказался на поверхности лишь вследствие водной эрозии перекрывающего верхнего слоя.

Что касается фактора времени, то сухая, каменистая, песчаная или глинистая почва сохраняли остатки такого костра недолго, а сезонные дожди и ливневые потоки размывали – не то что за тысячелетия, – а в тот же год; и не только открытые небу остатки любого костра, но и смывали целые поверхностные пласты почвы. Учитывая, что самые ранние известные эректусы Африки (эргастеры) предпочитали устраивать базовые стоянки по берегам сезонно разливающихся рек и озер, и жгли свои костры на прибрежных (в основном песчаных) отмелях, то шансы найти уголь и золу именно таких костров вообще равны нулю. В этом смысле находки типа «линз» из Кооби Фора или Чесованджа, возможно, являются как раз счастливым исключением – костер или очаг нужно было жечь на одном месте неоднократно или столь продолжительно, чтобы глинистая почва основательно пропеклась вглубь до состояния керамики. И если каменные инструменты дошли до нас фактически в неизменном виде, то

сколько «линз» спекшейся земли за целую пропасть времен было вымыто дождями и разрушено в труху – узнать не представляется возможным.

Прошу обратить внимание читателя, что сейчас я отчетливо разделяю меж собой два возражения скептиков – реальные **трудности идентификации** следов намеренного использования огня и те **«философские» возражения**, связанные исключительно с защитой положений теории эволюции – вроде того, что «огонь не мог быть освоен так рано» и пр. В качестве примера такого «философского» возражения можно привести мнение одного из современных исследователей огневой проблемы, историка Джона Маккрона:

«В палеоантропологических кругах многие будут держать «кукиш в кармане» в надежде, что самые последние находки отнюдь не достоверны. Это потому, что приручение гоминидами огня 1,6 млн. лет назад ставит огромные проблемы перед нынешними представлениями о человеческой эволюции. Речь идет о том, что технологически продвинутые люди появились в период «большого скачка» лишь около 40 тыс. лет назад, с развитием грамматической речи. Кажется, что признание самой ранней даты приручения огня возможно лишь при буквальном допущении, что разжигание бушующего пламени – это какое-то неосознанное, инстинктивное действие, вроде вредной привычки. В противном случае мы должны значительно повысить интеллектуальные способности наших предков» (McCrone, «The discovery of fire»).

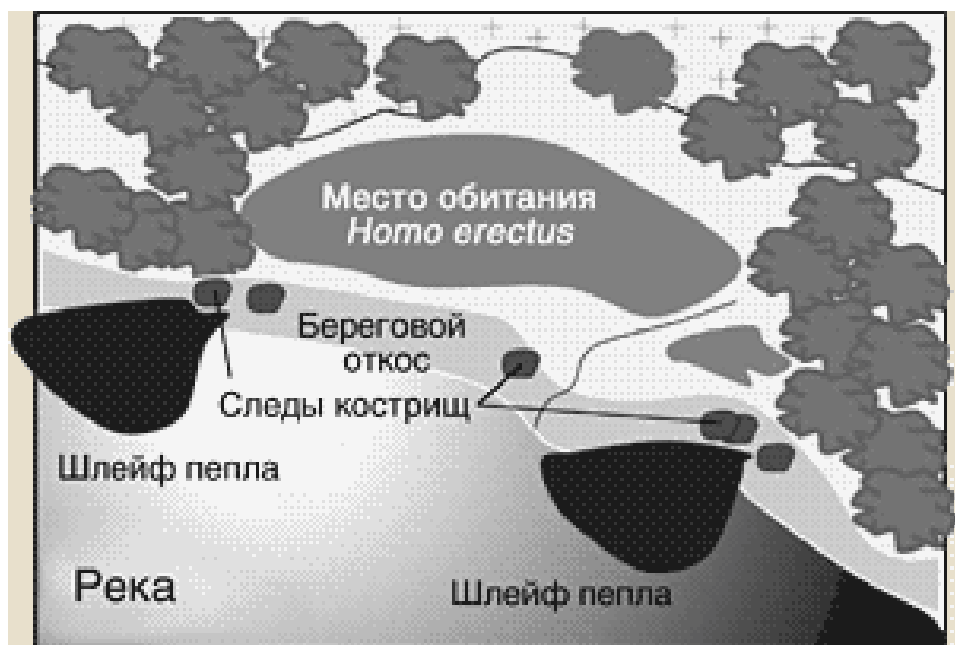


Схема среднеллейстоценовой стоянки H. erectus (идентифицируется по ашельской технологии) Бичес Пит, Англия, 420 тыс.л. по суш. шкале, на примере которой можно понять защитную огневую стратегию африканских эргастеров. Стоянка освещается ночью одним или сразу двумя кострами у кромки воды. (По: Gowlett, 2005)

Действительно, эволюционные скептики, обычно сгребавшие в свою копилку любой «мусор», кажущийся им доказательным, именно для признания раннего огня возвели, казалось бы, непреодолимые препятствия. Археолог Джек Харрис, тот самый, что обнаружил «линзы» в Кооби Фора, полемизируя со скептиками, выстроил свои доказательства от противного. Дело в том, что в официальной антропологии существует некая негласная загадка,

парадокс – первые эректусы предпочитали разбивать свои стоянки непосредственно на берегах рек и озер, что с точки зрения безопасности, в частности – защиты от хищников, является самоубийством, так как именно мест, «пересекающихся с интересами хищников» (путь к воде), казалось бы, следует избегать в первую очередь. Однако люди ведут себя так, будто этой проблемы для них не существует. Дж. Харрис приводит в своих рассуждениях целый перечень преимуществ, которые мог бы дать эректусам огонь, в частности – заставить хищников держаться от людей на расстоянии. Переформулируем это наблюдение несколько иначе – древние люди, ночевавшие на открытых пространствах древней Африки, просто **не могли не иметь** такого эффективного оружия против ночных хищников, как огонь. В противном случае мы бы в больших количествах находили останки их растерзанных тел, как находим в массовом порядке останки растерзанных хищниками австралопитеков – с недвусмысленными следами клыков. А такой огонь не принесешь с собой с какого-нибудь ближайшего «лесного пожара». Такой огонь нужно уметь добывать на месте при первой же необходимости.

Надо отметить, что отрицатели раннего огня, как правило, сильны своей безапелляционностью, но их общее слабое место – кабинетность рассуждений и выводов. Так, Гленн Айзек из Кембриджского университета Беркли пытался оспорить открытие огня в Чесованджа, утверждая, что имеющихся доказательств намеренного разведения огня недостаточно, а спекшаяся земля возникла в результате естественного сгорания сухого куста. Он

заявил, что случайные возгорания сухих кустов оставляют именно такие следы. Сторонник же раннего огня Ральф Роулэт из Университета Миссури-Колумбия в Миссури, что называется, не поленился и с группой коллег провел тщательные исследования образцов глины из Чесованджа, в результате которых выяснилось, что температура горения на ее поверхности была не менее 400° С, что соответствует температуре походного костра с достаточно большим количеством дров, но никак не пламени куста, опаляющему при сгорании почву сверху с интенсивностью немногим более 100° С и почти не оставляющему следов на ее поверхности.

Тогда скептики выдвинули другие кабинетные версии. По их мнению, причиной появления спекшейся земли на участках вроде Чесованджа и Кооби Фора могли быть удар молнии, смещения залежей железа (*«puddled iron deposits»*) и даже неизвестный науке грибок, доводящий родную африканскую мать-землю до такого ужасного состояния.

Ральф Роулэт сделал детальный анализ четырех из десяти «линз», найденных в Кооби Фора. Используя самые современные методы, Роулэт для начала исключил из списка «претендентов» минеральное окрашивание почвы (*«mineral staining»*), грибок и любую возможную не-тепловую причину спекания земли. Роулэт специально выезжал «в поле», где исследовал участки земли с подлинными ударами молний. Версия с молниями в итоге тоже была исключена, так как ученый установил закономерность – следы от удара молний в землю имеют размеры не больше мелкой монеты, а в местах удара всегда

имеется характерное образование в виде шариков оплавленного грунта, именуемых фульгеритами, которые в Кооби Фора отсутствовали.

Роулетт исключил из списка возможных причин и горение сухих пней крупных деревьев при пожаре, проведя соответствующие опыты на практике, на ферме своего друга в прерии Миссури. Коллега Роулетта – Ренди Белломо из Университета Южной Флориды использовал в применении к «линзам» из Кооби Фора метод, именуемый археомагнетическим (построенный на изменениях магнитного полюса Земли) и показал, что каждая из «линз» была следствием горения не одного, а множества костров, которые периодически разжигались эректусами при посещении одного и того же места, иногда – с интервалом в несколько лет.



На среднелейстоценовых стоянках северной Европы следы огня уже имеют хорошую сохранность. Иллюстрации на примере стоянки Бичес Пит (Англия, 420 тыс. л. по эво-шкале; слева: остатки одного из кострищ; справа: так

выглядит вскрытая «линза» глинистой почвы, запекшейся до оранжевого «керамического» цвета при длительном прокаливании. © Image by J. Gowlett & University of Liverpool

Группа Роуллетта настолько вдумчиво подошла к исследованию материала, что по присутствию микроскопических частиц кварца, остающихся в почве от сгоревших растений, даже установила состав сжигаемого материала – соединение травы и дерева, с преобладанием пальмы. В связи с этим Маккрон замечает, что в Африке даже сегодня древесина пальмы является наиболее предпочтительным горючим материалом, так как быстро разжигается и ярко горит.

Дальше – больше. Молодой исследователь Б. Людвиг (ученик упоминавшегося выше Дж. Харриса) на ежегодном собрании американского Палеоантропологического общества в Филадельфии (2000 г.) представил результаты своих исследований, ставшие сенсацией встречи. Людвиг убедительно показал, что вопреки царившим ранее представлениям об огнепользовании эректусов и даже явному скептицизму, использование эректусами огня было широко распространено. Людвиг исследовал 40 000 каменных инструментов, собранных более чем на 50 стоянках Африки и охватывающих возрастной период от 1 до 2,5 миллионов лет назад. Изначально Людвиг преследовал иную цель (изучал остаточную статику на камнях) и следов огня специально не искал. Но неожиданно для себя исследователь обнаружил (точнее сказать – сделал настоящее открытие), что

значительная часть артефактов в свое время подвергалась высокотемпературному воздействию, причем, одни инструменты находились в огне непосредственно, а другие некоторое время лежали вблизи огня. Б. Людвиг заявил, что его исследование подтверждает факты использования огня эректусами на «подозреваемых» ранее стоянках Африки и даже обнаруживается на каменных инструментах Олдувая и бассейна озера Туркана – по крайней мере, начиная с возраста не менее 1,6 млн. лет назад.



Фрагменты обожженных костей из Сварткранса. © scienceinafrica.co.za

Если какие-либо сомнения в раннем огнепользовании эректусов еще оставались, то последняя брешь в бастионе скептиков была пробита в 2002 году исследованиями совместной американо-

южноафриканской группы ученых под руководством доктора Боба Брейна из Кейптаунского университета. Изучив 270 обгорелых костей животных, найденных в южноафриканской пещере **Сварткранс**, ученые с помощью новейших методов (электронного парамагнитного резонанса) установили, что кости подверглись воздействию температуры до 600° С, которая обычно достигается только в очаге или печи. Версия о лесном пожаре, которой обычно скептики отгораживались от новых фактов, на этот раз не сработала – температура лесного пожара была бы вдвое ниже, а кости были обожжены в пещере – месте, недоступном никакому внешнему пожару.

В Сварткрансе были раскопаны 3 археологических уровня, датируемых в диапазоне 1,2–2,0 млн. лет. В них найдено множество орудий из камня, а также специфические орудия, сделанные из костей и рогов животных – со следами обработки. В пещере, на двух нижних уровнях, найдены останки нескольких индивидуумов *Homo ergaster*. Обожженные кости (270 из общего числа 59 000 фрагментов) найдены в верхнем слое с официально принятым возрастом 1,5 млн. лет. Ученым удалось установить, что кости были сожжены с применением древесины деревьев, до сих пор произрастающих в районе Сварткранса (*Ocotea Bullata*).

Отчет об исследованиях был представлен Брейном на ежегодной конференции Палеоантропологического общества в Монреале в 2004 году. На этот раз сторонникам раннего человеческого огня удалось сломить сопротивление скептиков – научное сообщество официально признало использование

огня в Сварткрансе 1,5 млн. лет назад. Сегодня у пещеры Сваткранс поставлена памятная стела в честь первого использования огня человеком, а сама пещера находится под опекой ЮНЕСКО. Можно сказать, что скептики, отрицающие ныне факт изначальной интеллектуальной полноценности эректусов, умеющих в числе прочего управляться с огнем, высказывают лишь своё частное мнение, не совпадающее с реальными и уже признанными фактами. Логика эволюционизма продолжает оставаться сюрреалистической. Странно звучат сегодня голоса некоторых «принципиальных» отрицателей огня, скажем в Чжоукоудяне или Чесовандже, когда огонь в более раннем Сварткрансе признан официально.

Стоит отметить, что максимальная дата в 1,5 млн. лет для огня Сварткранса в разных источниках варьируется. Профессор Дж. Гоуллетт в упоминавшемся исследовании приводит единственную дату – 1,6 млн. лет, а на сайте ЮНЕСКО, в каталоге мировых достояний человечества максимальный возраст «одомашнивания огня» (*«domestication of fire»*) в Сварткрансе указан как 1,8 млн. лет.

Трудно завершить тему огня, не упомянув о том, что еще остается за кадром – о неких «полутонах и полутенях», недомолвках и недоговоренностях по этому вопросу.

Практически все исследователи и обозреватели, занимающиеся проблемой раннего огня, упоминают, если так можно выразиться, о «казусе Раймонда

Дарта» – того самого отца австралопитеков, чью наживку в виде Бэби из Таунга эволюционизм легко и с удовольствием проглотил после разоблачения Пилтдауна. В истории палеоантропологии памятен эпизод, когда Дарт, исследуя в 1925 году горную выработку в **Макапансгате** (всё в той же Южной Африке, неподалеку от Сварткранса), обнаружил потемневшие, как будто обожженные огнем кости животных. К 1936 году горные разработки в Макапансгате прекратились, а пещеру объявили историческим памятником (в честь недавних событий, связанных с борьбой против белых колонизаторов). Дарт к тому времени ушел в затворничество за непризнание его Бэби-Таунга, но в 1945 году произошло нечто выдающееся. Филипп Тобайес, студент Дарта и один из будущих отцов «хомо» хабилиса, нашел в одном из древних слоев пещеры, в слое золы, череп вымершего павиана, с каковым известием и примчался к Дарту. Невероятно, но именно после этого визита ученика многолетнее затворничество учителя закончилось – Дарт снова вернулся к раскопкам.

Почему же прервал свое затворничество ученый? – спросим мы. Потому, что он связал воедино обгоревшие кости 1925 года, слой золы, череп павиана и понял, что сенсация уже витает в воздухе. В 1947 году в пещере археолог нашел остатки древних костров в виде слоев золы, галечные орудия, многочисленные разрозненные кости *Australopithecus africanus* и 42 черепа бабуинов, у 27 из которых была проломлена **левая** сторона лица, что не могло быть простым совпадением. И Дарт выдал научному миру

свою сенсацию – австралопитеки (которых он назвал «прометеями») владели огнем и оружием, охотились на бабуинов; кроме того, были праворукими как современные люди, убивая бабуинов ударами дубины – **справа**. Но научный мир в ту пору поднял Дарта насмех с его *Australopithecus prometheus*. Сенсация не удалась. Историю эту забыли, Дарт снова ушел в подполье, а костям найденных австралопитеков вернули их настоящее имя – *Australopithecus africanus*.

Итак, австралопитеков-прометеев забыли. Однако отчего забыли про огонь? Если его хозяевами были не «брутальные» австралопитеки, то кто? В пещере не было обнаружено каких-либо останков людей, но в отложениях позже были найдены настоящие галечные орудия. Собственно, их изготовители, эргастеры, видимо, и убивали с правой руки бабуинов – этими самыми каменными орудиями или дубинами. «Как современные люди». Отложения Макапансгата, о которых идет речь (т.н. «розовая брекчия»), датируются сегодня 2,6–3,3 млн. лет – согласимся, возраст не совсем подходящий для того, чтобы эволюционизм признал в такую пору чье-либо осмысленное огнетворчество. Тем более что случайные лесные или степные пожары в подобном месте исключены. Лично мне неизвестно, существуют ли следы золы сегодня, но, думается, если бы существовали, вопрос об их происхождении не был бы столь дискуссионным, точнее, просто «зависшим». Вместо этого мы наблюдаем обратное. При том, что ученый мир сегодня категорически настроен против любого упоминания каких-либо древних костров в

Макапансгате, единого мнения о происхождении «черных прослоев» не существует – одни называют их окислами марганца, другие – следами тления сухой травы (?), третьи – пометом летучих мышей.

Интересно, что «отец Люси», Дональд Джохансон, в отличие от кабинетных теоретиков, в аутентичности следов огня не сомневается:

«В 1936 году южноафриканское правительство объявило Макапансгат историческим памятником. В то время один посетитель, рассматривая места недавних взрывов, заметил, что здесь **обнажился слой золы и саж**, лежавший ранее под твердым пластом сталагмитоподобной породы. Эта порода образовалась на дне пещеры и скрывала **следы огня** от посторонних глаз. При дальнейшем исследовании **в золе** был найден череп вымершего павиана» (Джохансон и Иди, 1984).

Почему-то Джохансона, всегда педантично-внимательного к мелочам, 3-миллионнолетние «зола и сажа» во время написания книги не смущали. Таким образом, если в южноафриканской пещере Макапансгат когда-то горели настоящие человеческие костры, то граница огнепользования эректусов-эргастеров отодвигается еще к более ранним временам (2,6–3,3 млн. лет по с.ш.).

Существуют и другие, «аномальные» для эволюционного антропогенеза свидетельства раннего владения огнем. Так, например, еще в 1927 году английский археолог Дж. Р. Мойр открыл древнюю палеолитическую стоянку в **Фоксхолле**, Англия. В отложениях, возраст которых оценивается сегодня как

2–2,5 млн. лет, Мойр нашел множество каменных инструментов, некоторые из которых, по свидетельству ученого, были прокалены на огне в найденной тут же специальной яме. Это свидетельство, возможно, и не стало бы до такой степени «запретным» и «аномальным», когда бы ранее в пласте той же формации не обнаружилась ставшая скандально известной человеческая челюсть современной анатомии того же возраста – 2,5 млн. лет (так называемая «Челюсть из Фоксхолла»).

Здесь же, наверное, можно вспомнить и о сообщении вполне официального (и даже весьма надежного) источника. В издании Кембриджского университета 1991 года «*The Cambridge Guide to Prehistoric Man*» двенадцати авторов под редакцией Дэвида Ламберта (известном в русском переводе как «Доисторический человек. Кембриджский путеводитель»), сообщается, что в Кении, около **озера Туркана**, обнаружен участок обожженного грунта возрастом 2,5 млн. лет. Справочник сообщает, что «огонь, по-видимому, был знаком людям еще до появления *Homo erectus*», подразумевая под доэректусными людьми, судя по всему, хабилисов. Однако сегодня, когда надежды на хабилиса не оправдались, а его способности пересмотрены (по крайней мере, всеми объективными исследователями), права на использование огня около озера Туркана с официальным возрастом 2,5 млн. лет можно, не боясь ошибиться, передать настоящему человеку, хомо эректусу. Хотя факт, сообщенный в 1991 году в надежде на способности хабилиса, сегодня в отношении эректуса – с точки

зрения официальной схемы – очевидно находится в разряде неудобных. Таковы двойные стандарты эволюционизма. Тем не менее, это еще одно серьезное свидетельство в нашу пользу.

Чуть выше я заметил, что намеренно разделяю между собой два основных возражения скептиков – реальные **трудности идентификации** следов огня и те их сугубо **«философские» претензии** о несоответствии идеи раннего огня эволюционным схемам и принципам. Напомню, что к философским возражениям скептиков относятся контраргументы типа – если огонь был известен людям с такой древности, почему эти интеллектуалы миллионы лет не переходили на следующий уровень, и почему мы не находим в массовом порядке ни очагов, ни печей, ни более совершенных приспособлений для плавки металлов, ни даже простых атрибутов кухни? Действительно, с точки зрения теории эволюции такие интервалы могут показаться невероятными – появление огня в самом начале человеческого пути и только через два миллиона лет «внезапная» неолитическая революция. Из более-менее объективных возражений скептиков можно выделить такое – свидетельства использования огня всё-таки довольно редки, количество обнаруженных стоянок весьма непропорционально количеству обнаруженных костров.



Попробуем себе это представить...
© 2009 Ulysses Ronquillo

Не означает ли это, что у нашего тезиса «человек появляется в истории вместе с умением владеть огнём» – существуют серьезные трудности? Да ничуть не бывало. В принципе, объяснений факта «непропорциональности огня и стоянок» может быть множество. Например, трудности идентификации огня, приведенные мною выше, вполне могут включать в себя и объяснение «малого количества костров», ибо следы огня по определению более эфемерны, чем каменные орудия. Однако здесь мы не будем рассматривать подобные «проблемы» по двум причинам. Первая заключается в том, что проблемы эти существуют только в рамках эволюционной модели, постулирующей проживание эректусов на

африканском континенте в течение миллионов лет. Для эволюционизма тут существует множество и других трудностей, самая неприятная из которых – отсутствие следов пресловутой африканской эволюции, в частности, не только переходных форм, но и останков всего бездонно-многочисленного африканского «контингента». Для модели же творения и послепотопного расселения – подобные проблемы просто не ставятся. Напротив, модель творения, постулирующая короткие сроки и быстрые миграционные процессы, как раз находит замечательное объяснение всем эволюционным пробуксовкам, и уж, пожалуй, самое лучшее – любой фрагментарности следов, столь необъяснимой с точки зрения миллионнолетних сроков.

В этом смысле мы не будем занимать ни сторону «скептиков раннего огня» (это понятно), ни сторону «оптимистов». В этом просто нет нужды. Их проблемы и их полемика – это их проблемы и их полемика. Наша картина не включает в себя в качестве обязательной нагрузки чудовищные сроки и чудовищные представления о возникновении чего-либо человеческого «с нуля», а посему более адекватна.

А вторая причина «отказа рассматривать трудности» – та, что наша цель пока принципиально достигнута. Нам достаточно было получить хотя бы один пример того, что около двух миллионов лет назад человек пользовался огнем, и вопрос – «пропорционально» или «непропорционально» – уже не имеет смысла (напомню, что таких примеров между тем мы получили множество). Скажу больше и «наглей» – мы

могли бы не только «гордо наплевать с высоты» на памятную стелу, установленную сегодня эволюционистами (!) у пещеры Сварткранс в честь «первого» одомашнивания огня 1,5 миллиона лет назад... Именно по той причине, что мы получили фактическое подтверждение тому, что и без всяких стел и Сварткрансов выводится даже косвенно, логически, на уровне пресловутого «здравого смысла» – и при этом бесспорно и безусловно. Как известно, *Homo erectus* – чемпион по колонизации планеты и проникновению в ее самые отдаленные уголки. Эволюционные философы, может, потому и решились на признание огня в Сварткрансе, что не хотят доводить дело до гомерического хохота публики. Тот сценарий, в котором *Homo erectus* во время плейстоценового похолодания около 2 миллионов лет назад решительно направил стопы в холодную Европу или Китай, не имея ни огня, ни одежды – можно представить себе, обладая лишь нездоровым воображением или сугубо эволюционной «нетребовательностью к мелочам»...

Итак, первый вывод, который можно сделать, изучив приведенные выше примеры – тот *Homo erectus* (*ergaster*), каким его знает официальная палеоантропология, появился на земле около или более 2 млн. лет назад без какой-либо предшествующей филогенетической или технологической эволюционной истории; при этом такой сугубо человеческий навык как умение управляться с огнем, уже сопутствовал ему фактически с первого дня его появления на исторической арене.

2.

Мог ли *Homo erectus* строить жилища?

Постройка жилья по индивидуальному плану – то есть, в зависимости от желаний субъекта, с учетом требуемого комфорта, степени защиты, оптимальности проекта и пр., – может также служить абсолютным критерием человека. Причем, это касается не только постройки жилища как защиты от непогоды и хищников, но и всего окружающего его контекста, например, «чувства дома» как мироощущения – восприятие дома как центра мира и обязательной точки возврата из любого, самого дальнего и длительного путешествия.

Постройка жилья – это для человека, в первую очередь, своеобразная форма освоения, познания и подчинения окружающего пространства. Существует множество животных, насекомых и птиц, строящих жилище инстинктивно, по «прошитой» в них программе, но только человек способен подойти к обустройству своего дома творчески, индивидуально. В качестве архитектурных талантов животного мира эволюционисты приводят в пример строительство плотин у бобров, постройку сот у пчёл или, скажем, ночлежных гнёзд у шимпанзе. В своем популярном «Археологическом словаре» проф. Матюшин начинает статью о доисторических жилищах с того, что «уже высшие человекообразные обезьяны устраивают себе гнезда-укрытия, где можно переночевать и переждать непогоду». Слово «уже», полагаю, здесь употреблено в некоем «стартово-эволюционном» смысле. Однако, бобры, пчелы,

шимпанзе, равно как и многие другие живые существа, тысячелетиями подчиняясь инстинкту как неизменному проводнику своих действий, – никогда не выйдут за рамки предписанного «проекта». Если животные, строя своё «жильё», лишь скромно занимают отведенный им в природе собственный угол (или, по выражению А. Флиера, «периметр безопасности»), то человеческая форма освоения пространства – если можно так выразиться, **творчески агрессивна**. Шимпанзе, обустривая себе гнездо для ночлега на дереве, оборачивает ветви вокруг своего тела, то есть, по сути, укрывается, прячется. Позиция же человека в отношении природы всегда намеренно, бескомпромиссно активна и направлена на то, чтобы не прятаться, а **завоевывать**. Причем, жилище человека служит той же цели – организовать оккупируемое пространство исключительно «под себя» или создать своеобразную перевалочную базу для дальнейшей оккупации. (Вспомним, что библейская антропология в качестве одного из критериев человека – как Богоподобного творения – называет его *привилегию власти* над природой и животными).

Чуть ниже мы рассмотрим «жилищный вопрос» древнего человека через его мировоззренческую составляющую; здесь же проиллюстрируем тезис, подобный предыдущему тезису с огнепользованием – что способность активно осваивать окружающее пространство и вмешиваться в него по своему усмотрению – в частности, постройкой архитектурных объектов – была присуща *Homo erectus* изначально,

по крайней мере, с тех пор, как сами эректусы появляются в истории.

Разумеется, при рассмотрении таких примеров вспомним еще раз прописную истину – чем глубже во тьму веков уходят какие-либо следы деятельности человека, тем с большими трудностями касательно их сохранности и идентификации мы сталкиваемся. Исследуя стоянку так называемого раннего палеолита, археологи никогда не смогут со всей определенностью восстановить ее первоначальный облик. Однако на самых ранних палеолитических стоянках мы уже с удивлением обнаруживаем безусловные свидетельства рационального планирования.

До недавнего времени считалось, что древнейшими следами пребывания человека является комплекс стоянок в бассейне реки **Када Гона** в Эфиопии, оцененный как 2,4–2,6 млн. лет по с.ш. Здесь археологи нашли в общей сложности несколько тысяч каменных орудий олдувайского типа и многочисленные скопления костей животных – остатков охотничьей добычи с отметинами на костях, хотя останков самих хозяев не было обнаружено. Неизвестно, был ли это временный лагерь древних охотников или «стационарные» мастерские по производству орудий, но концепция «дома» в это время уже присутствует – люди «уходят на работу», и в определенный срок возвращаются домой. Исследователи отмечают чрезвычайную разборчивость обитателей Када Гона в выборе каменного сырья и умение распознавать его свойства; как уже упоминалось выше, некоторые

камни принесены на стоянку с расстояний от трех до десяти километров. И готовыми орудиями хозяева, видимо, дорожили – многие из них несут следы более поздней «заточки», в археологических терминах – вторичной обработки: подтески и ретуширования.

Открытия последних лет создают впечатление, что Африка, так называемая колыбель человечества, окончательно проигрывает чемпионат по древности своих стоянок, и статус самых древних продолжает «расползаться» по всему свету. Сегодня в научном мире, кажется, уже не существует сомнений по поводу аутентичности израильской стоянки **Иирон**, где слои, находящиеся *выше* скопления каменных орудий (т.е. более молодые), датируются возрастом 2,1–2,8 млн. лет. Стоянка **PS-55** на севере Пакистана датирована около 2,5 млн. лет. А на известной стоянке **Юаньмоу** в Китае, каменные орудия найдены в слоях, датированных вообще тремя миллионами лет (Лаухин, 2005).

Впрочем, вопрос древности стоянок интересует нас сейчас только в одном контексте – на этих самых ранних известных человеческих «жилищных площадках» или «обитаемых горизонтах» (в терминах проф. Матюшина) уже присутствуют явные свидетельства разделения территории на промысловую и домашнюю зоны. Однако за пропастью лет, в силу практически невероятной возможности сохранности предполагаемых жилых построек, отсутствию человеческих останков и общей, скажем так, недостаточности материала для анализа – какие-либо более подробные детали утопают в темноте истории. Тогда как при исследовании более

поздней археологической картины многие неопределенности проясняются. И я хочу этот момент подчеркнуть особо – в более поздних человеческих культурных проявлениях мы наблюдаем не эволюционное усложнение, не переход от менее развитой стратегии к более развитой и пр., а именно более полную в плане информации картину, недоступную в такой же мере на ранних стоянках. Но даже по отдельным сохранившимся «реперным точкам» мы можем судить, что между ранними и поздними проявлениями творческой активности *Homo erectus* – принципиальной разницы не было.

Уже в так называемом раннепалеолитическом периоде у *Homo erectus*'овых общин четко обозначено то, что в официальной терминологии именуется **пространственным разделением труда**. Говоря проще, уже с самого начала эректусные группы используют окружающее пространство так, как это может делать только человек – реализуя свои потребности в жилье, еде и пр. посредством рационального планирования. Местообитания *Homo erectus* можно назвать принципиально человеческими поселениями в том же смысле, что и современные города – так как базовые принципы этой «гармонизации пространства» являются универсальными для любого человеческого сообщества.

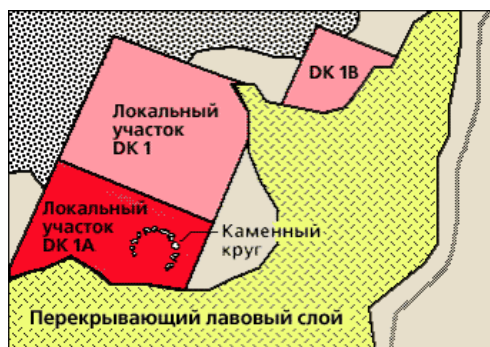
Если человекообразные обезьяны обитают лишь на ограниченной территории и не имеют постоянного «места жительства», то в сферу интересов каждой общины *Homo erectus* входит всё максимально доступное окружающее пространство, но при этом

всякий раз промысловая группа возвращается домой, на место основного проживания, принося сюда добычу и каменные заготовки для новых орудий. Здесь кипит общинная жизнь, бегают дети, женщины занимаются хозяйством. Можно легко представить, что каждый член общины привязан сердцем к этому месту. Как в старом шлягере: «Хорошо, что есть на свете / это счастье – путь домой». Такие долговременные стоянки в официальной терминологии именуются **базовыми стоянками** или **стойбищами**. На их территории отдельно присутствуют площадки для ночлега, места для разделки охотничьей добычи и мастерские для изготовления охотничьего инвентаря. При определенно широком охотничьем ареале у эректусов также существовали **временные стоянки**, полный аналог современных перевалочных охотничьих баз, а также, вероятно, временные мастерские и перевалочные «мясобойни». Матюшин пишет, что в одном только Олдуvae, на 20-километровом отрезке ущелья, из 70 мест, где были обнаружены какие-либо «окаменелости и орудия», 10 оказались «обитаемыми горизонтами».

Примером ранней специализации мест обитания может служить и известный африканский участок **KBS** в Кооби Фора, Кения. Здесь, помимо основных, самых древних находок эргастеровых останков, обнаружена и одна из самых ранних **мастерских**. На участке площадью 15×15 метров археологи обнаружили более 500 каменных осколков, отходов производства каменного инструмента, именуемых дебитажем. Официальный возраст мастерской – 1,8 млн. лет.

Однако наш разговор – именно о жилье. Наиболее древней известной жилищной постройкой *Homo erectus* является объект, известный как **олдувайский каменный круг** («oldovan stone circle») на границе Кении и Танзании в Восточной Африке. Он находится на локальном археологическом участке **ДК 1А**, который является частью археологического комплекса DK (Douglas Korongo), относящемся к самому нижнему, I-му горизонту олдувайской формации. Здесь находилась, судя по всему, долговременная стоянка самых ранних олдувайских *Homo erectus* (*ergaster*). Как полагают исследователи, группа насчитывала порядка 50 человек, что соответствует современной численности групп африканских племен охотников и собирателей. Найденный Луисом Лики в течение полевого сезона 1961–62 годов объект представлял собой искусственное сооружение – круговую каменную структуру в виде бортика, чуть неправильной, овальной формы, размерами 4,6×4 м. В свое время, до разрушения, круг был тщательно выложен из кусков вулканического базальта диаметром 15–20 см, при этом часть камней была не местного происхождения – их принесли сюда с расстояния порядка нескольких километров. По первому впечатлению эта постройка являлась каменным ограждением жилища, своеобразным цоколем, укрепляющим его основание. Внутри круга через одинаковые интервалы располагались более высокие кучи камней, служившие, скорее всего, для укрепления несущих частей конструкции. Скелетных останков человека на стоянке DK не обнаружилось;

вероятно, она была покинута людьми еще до того, как ее «запечатал» сверху толстым слоем пепла соседний вулкан Олмоти, поймав в своеобразную ловушку, и тем сохранив для будущих археологов. Какое-то время участок периодически затапливался водами соседнего озера, а затем весь этот слоеный пирог вулканических и озерных отложений был перекрыт сверху еще одним, самым мощным слоем вулканического пепла (в нынешней стратиграфии это туф «1B»). Его возраст по радиометрическому анализу оценивается 1,85 млн. лет (Egeland, 2008) или выше. Отметим, что возраст самого участка DK с каменным кругом больше возраста перекрывающего его туфа.



План археологического участка DK и его фрагмент с локальным участком DK 1A (по: M.D. Leakey, 1971)

Напомню, что в 1961–62 годах ни о каких африканских людях-эректусах возрастом около 2 млн. лет речи еще не шло (самые старые питекантропы и синантропы по представлениям ученых жили на Яве и в Китае, были до неприличия дики, да и возраст имели в 2–2,5 раза меньший). Предположение о каком-либо высокоразвитом существе подобного возраста,

строителе жилища, было бы в ту пору для эволюционизма дичайшей ересью. И даже такой эксцентричный археолог как Луис Лики, автор множества «ересей», еще два года (до 1964-го) будет отвлечен совершенно на другое – обдумывание новейшего расклада в эволюционной родословной человека, концепцию своего хабилиса-инструментальщика.

Поэтому в 1964 году, то есть, именно в то время, когда стартовала масштабная кампания Лики по раскрутке и продвижению его тогдашнего протеже, ученый заявил, что каменный круг построили, разумеется, «хомо» хабилисы. В целом это заявление не было в то время противоречивым. Найденная несколькими годами ранее черепная крышка эректуса ОН 9, разумеется, в расчет даже не бралась, так как была вдвое моложе олдувайской постройки. Поэтому понять мотивы Луиса Лики, заявившего, что его новоиспеченный «человек», хомо хабилис, мог быть изготовителем примитивной хижины, понять несложно. На том тогда и порешили. Однако четверть века спустя, в 1989 году, когда концепция «прогрессивного предка» хабилиса в связи с находкой ОН 62 уже получила нокаут, всегдашний оппонент Лики Дональд Джохансон высказал идею, что каменный круг – природное образование. То есть, эта структура лишь внешне похожа на круг и могла быть сформирована водными потоками во время сезонов дождей и паводков. В силу своей очевидной абсурдности эта идея не получила широкой поддержки в научных кругах (если не считать отдельные тяжелые случаи типа интернет-ресурса Джима Фоули «*The Talk*

Origins», собирающего любой без разбору антикреационный мусор). В том же году была предпринята еще одна попытка не отдать каменный круг эректусу, также не вызвавшая в научных кругах особого восторга. Один из сторонников Джохансона, Ричард Клайн, тот самый, что занимался «правильной» передатировкой брокен-хилльского черепа, в своей книге «*The Human Career*» («Успех человечества») опять ни с того ни с сего, как символ вечной эволюционной негибкости, заговорил на «мертвых языках» – о возможном естественном происхождении каменного круга, «...когда расходящиеся в стороны корни дерева сломали лавовый слой, находящийся непосредственно под ними».

Впрочем, выражаясь точнее, о какой-либо активной поддержке или отрицании речи не идет; научный мир четверть века спустя уже ожидаемо охладел к этой находке, и общей реакцией было, скорее, пассивное принятие к сведению. Между тем, профессор Дж. Гоуллетт, упоминавшийся выше в связи с исследованием раннего огня, в 1996 году, в известном сборнике, отражающем точку зрения эволюционной науки, «*The Archaeology of Human Ancestry*» («Археология родословной человечества»), выступил с критикой тех, кто не способен был разглядеть в олдувайском сооружении явного артефакта. Как бы ни хотелось исключить этот археологический феномен из рассмотрения, говорит Гоуллетт, это невозможно, поскольку

«...каменный круг является объективно существующей реальностью. Никакого геологического объяснения этому кругу не предложено, и критические обзоры не

предлагают детального археологического анализа. Гипотеза «корней дерева» не объясняет ни масштабов образования, ни плотности скопления камней, ни происхождения малых каменных груд, которые Мэри Лики задокументировала по периметру круга. Круг возвышается приблизительно на 0,5 метра выше лавового основания. Зачастую базальт разрушается до состояния большого количества обломков, которые могут перемещаться и перегруппировываться естественными природными силами. Но возможно ли, чтобы подобные силы создали то особое расположение камней, обнаруженное Мэри Лики?».

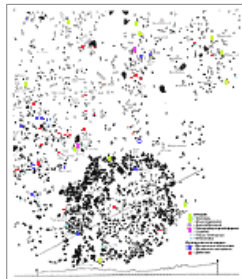
В принципе, версию естественного происхождения олдувайского круга можно было бы на этих страницах не рассматривать. Ибо невероятно, оставаясь в здравом уме и твердой памяти, не увидеть искусственность, рукотворность этого археологического памятника. Другие камни на DK 1A редки и беспорядочны, а эти отсортированы по размерам, собраны в одном месте (частично, напоминая, принесены с больших расстояний) и уложены друг на друга в виде геометрически правильной кольцевой структуры, с ритмическим рисунком выступов под опоры. Круг очевидно не образован ни водными потоками, ни обломками базальтового основания, разрушенного непосредственно «на месте» корнями дерева. Характер кладки, ее геометрия и весь окружающий археологический контекст исключают любую версию природного происхождения. Культурные остатки на

участке располагаются так, что их связь с кругом как жилищем очевидна.

* * *

Впрочем, оппонировать идее природного круга далее, наверное, не стоит. Со стороны ее адептов дело, похоже, заключается не в установлении истинной картины, а в политике служения догме. В реальности история с олдувайским строением имеет совсем иное звучание и иной контекст. Да, в 1964 году Луис Лики высказывался за хабилисную версию его постройки, что по тем временам, повторюсь, было отчасти даже логично. Однако уже к 1971 году, еще при жизни Луиса (он умер в 1972-ом), Мэри Лики тщательно изучила участок DK (включающий несколько локальных зон), который стараниями ее команды был перелопачен и запротоколирован до сантиметра – и уже тогда пришла к пониманию того, что реальная картина не столь поверхностна и однозначна. Нет сомнения, что каменный круг – это остатки жилища на месте базовой стоянки древних охотников. Но вот только о каких охотниках идет речь? На участке DK, непосредственно в районе местообитания, исследователь обнаружила более тысячи каменных инструментов, которые имели совершенно очевидную ассоциацию с кольцевой структурой. Если древнейшие орудия африканского континента были найдены в Када Гона, в Хадаре, то древнейшие орудия восточноафриканского Олдувая были найдены именно на стоянке DK. Здесь Мэри Лики сделала неожиданное открытие, ломавшее прежние эволюционные представления. Несмотря на то, что предполагаемые обитатели участка DK около 2

млн. лет назад должны были стоять на самом низком интеллектуальном и технологическом уровнях, неожиданная сложность и функциональное разнообразие инструментов свидетельствовали не только о разумности, но и необычайной изощренности занятий их изготовителей.



*Две редкие фотографии (1969 г. и 90-х (?) гг. н.в.), изображающие фрагменты каменного круга. Часть круга была разобрана еще во время раскопок – однако положение каждого извлекаемого камня *in situ* было строго задокументировано. На рисунке справа – археологический план участка, с изображением и указанием точного положения всех находок (щелкните на миниатюре для увеличения изображения). Источники: www.sfu.ca, www.visualsunlimited.com (V:U), M.D. Leakey, 1971.*

В этом смысле в общую картину совершенно естественно вписывались и строительство жилища, и выбор места для его постройки. Во время проживания здесь людей уровень соседних озер был выше нынешнего и еще периодически повышался во время сезонов дождей, заболачивая окружающую ДК местность. Судя по всему, люди именно потому и выбрали этот участок, что удачно использовали его

болотистые окрестности для загонной охоты на средних и крупных рогатых животных (их кости найдены на стоянке в изобилии, со следами отметин от инструментов). Обитатели окончательно покинули DK, когда паводки стали настоящим бедствием – впрочем, возможно, что и вследствие угрозы очередного извержения вулкана.

Ричард Паттс в своей книге 1988 года «*Early Hominid Activities at Olduvai*» («Деятельность ранних гоминид в Олдувае») педантично ведет учет всему, что было найдено Мэри Лики на участке DK, включающем три локальных подразделения. Любопытно, что [в этом списке](#) присутствует орудие, идентифицированное как протобифас (близкое к ашельской технологии), – факт, однозначно указывающий на то, что жителями стоянки были хомо эргастеры. Сама Мэри Лики попала в несколько затруднительное положение с классификацией инструментальной технологии обитателей DK I. В результате некоторых раздумий она была вынуждена ввести для культуры DK некий нейтральный термин – «развитый олдувай», утверждая, однако, что эта технология носит самостоятельный характер. В любом случае можно констатировать, что самые ранние примеры человеческой деятельности классифицируются их первооткрывателями как нечто уже состоявшееся и развитое, в силу чего синхронная по времени (и якобы менее развитая) олдувайская культура по определению теряет свое «эволюционно-стартовое» значение.

Джим Фоули на своем «научном» (на самом деле мало объективном и выраженно антикреационном) сайте «*The Talk Origins*» приводит лишь две ранние

версии появления круга – хабилисную и природную – и на этом делает «окончательную остановку». Почему-то он не счел нужным сообщить то, что стало известно о стоянке DK далее. После слов Лики 1964 года в утиль была сдана и гипотеза строителя-хабилиса, и гипотезы творческих водяных потоков и творческих корневых систем, образующих структуры, неотличимые от искусственных. В частности, можно было бы рассказать о той же инструментальной технологии обитателей стоянки, близкой к ашельской. Не говоря уже о самом простом и банальном – что возраст таксона *Homo erectus* уже без всякого былого напряжения позволяет эректусу самому быть автором постройки. Даже в 1971 году члены семьи Лики, хотя и не высказывались явно против хабилисной версии, но уже в своих выводах об авторстве круга проводили явные параллели с людьми интеллектуально современными. В третьей части книги «*Olduvai Gorge: Excavations in Beds I and II*» («Олдувайское ущелье: раскопки в горизонтах I и II») Мэри Лики говорит о находке так:

«На первый взгляд круг напоминает временные сооружения, часто встречающиеся и сегодня у кочевых племен, которые вокруг своих стоянок обычно возводят небольшого размера каменные стены, служащие им либо ветровым заслоном, либо фундаментом временных построек. На этот фундамент кладутся ветви деревьев, а на них, в свою очередь, шкуры животных или трава, в качестве крыши».

В подтверждение этих слов Мэри Лики привела в своей работе фотографию подобного строения,

традиционно возводимого сегодняшним племенем Окомбамби в Намибии, Юго-Западной Африке. Не посещала ли тогда Мэри Лики мысль, что здешний уровень инструментальной и строительной технологии уже выходит за рамки приписываемых хабилису умений? Стоит посмотреть на инструменты, найденные Мэри Лики, чтобы убедиться – жители DK 1 имели очевидное представление о геометрических формах, различных функциях орудия, умели планировать и стандартизировать процесс их изготовления. Ричард Лики в 1989 году, через три года после смерти матери, высказывался о стоянке так:

«Одна из самых интересных, но **редко упоминаемых** археологических находок – каменная структура на участке DK I в самой нижней страте Олдувая. Эта структура интерпретировалась моей матерью как ветрозащитное укрытие или несложная хижина, где камни предположительно использовались для укрепления основания из ветвей. Есть камни, сложенные искусственно один на другой небольшими грудками, и они были найдены в виде относительно круглой структуры диаметром приблизительно 12 футов (3,6 м). На мой взгляд, это **безусловно рукотворная** структура, имеющая весьма важное значение для понимания наших предков, живших 1,8 млн. лет назад» (Leakey, «Recent Fossil finds...», 1989).



Возможно, именно так выглядело жилище Homo erectus на участке DK 1A. © 2009 Golden Time

К этому времени в человеческой родословной *Homo erectus* (эргастер) уже занимал прочное положение в качестве непосредственного предка архаичных сапиенсов, и Лики был автором самых известных эргастеровых находок столь солидного возраста. В сегодняшней литературе, как и 20 лет назад (Лики подметил это еще в 89-м), вокруг находки самого раннего жилища разговоров почти не ведется. Надо признаться, сам я потратил довольно-таки много времени на выяснения деталей, связанных с историей открытия и изучения этого уникального в своем роде археологического памятника. Нельзя сказать, что хижина на DK намеренно окружена какой-то стеной молчания, нет, – но ситуация, как мне кажется,

слишком характерна для психологии, точнее, даже – методологии пропагандистов эволюционизма. Когда какая-либо находка, по их мнению, подтверждает их схемы, они хватаются за нее радостно и кричат о ней громко как об очередном триумфе эволюционизма. Соответственно, о находках, которые не вписываются в схему или под эту схему не прогибаются, они предпочитают молчать. Каменный же круг на участке ДК относится к третьему типу поведенческой стратегии эволюционизма. Хижина возрастом около двух миллионов лет всем была хороша, пока «подтверждала» поступь эволюции в виде картинки со вчерашней обезьяной, получающей право именоваться первым человеком. Но как только пал «прогрессивный» хабилис, схема с настоящим человеком, *Homo erectus*, не только имеющим запредельный возраст почти в два миллиона, но и с первого дня своего существования уже строившим себе жилища, оказалась неприемлемой – отсюда и появились отчаянные объяснения каменному кругу в виде творческих водных потоков и корневых систем деревьев, произрастающих на многометровом базальте. Когда же возраст эректуса стал сравнимым с возрастaми и хабилиса, и каменного круга, эволюционисты как-то внезапно – то ли успокоились, то ли разочаровались, то ли обиделись за свои несбывшиеся надежды. «Ты ж мене пидманула!». Найдка Лики не является фигурой умолчания, но о ней говорят крайне редко и даже не столько неохотно, сколько **равнодушно**. Сама находка Мэри Лики уже стала музейной историей. «Вообще-то считалось, что этот круг построили хабилисы, ну, не хабилисы, так эректусы, в чем проблема?» – именно это вы

услышите сегодня в девяти случаях из десяти, опрашивая специалистов. Так в быту обычно говорят о человеке или событии из прошлого, с которым наши сегодняшние интересы никак не связаны.

В целом реконструкция каменного круга в качестве древнего жилища и авторство «настоящих» людей сегодня, кажется, уже не оспариваются. Если еще какая-нибудь проблема и осталась, то она – в межведомственных, точнее междисциплинарных отношениях самих ученых. Дело в том, что олдувайское жилище проходит по ведомству не антропологов, а археологов палеолита, которые изучают и реконструируют быт древнего человека, но которым совершенно безразлично, к какому таксономическому рангу относятся жившие здесь люди с точки зрения антропологических классификаций. Аналогично отбивают мяч и палеоантропологи. С одной стороны костных останков, подтверждающих таксономический ранг жителей стоянки, не найдено. С другой стороны, если хомо эректусы синхронного с жилищем возраста (около 2 млн. лет по с.ш.) уже засветились во многих уголках света, то продолжать отрицать их умение возводить себе жильё дома, в Африке, выглядит не очень умно, да и сам этот факт, как мы отметили, прежнего антидогматического криминала уже не составляет. «С третьей стороны», даже логически исключив хабилисов из претендентов на строительство круга, палеоантропологам всё равно до ломоты в зубах хочется соблюсти хоть какую-нибудь видимость сценария антропогенеза, то есть постепенного развития человеческого разума и технологий. Именно

поэтому, скажем, на ваше предложение признать строителями хижины на стоянке ДК хомо эректусов (эргастеров) они возражать не станут – однако, пока у них в руках не окажется хотя бы одного эректусного зуба со стоянки, они будут уклоняться от точной и окончательной таксономической оценки. Напомню также, что переступать двухмиллионнолетнюю черту эректусу пока, как правило, не дозволено. Между тем археологи о каменном круге давно говорят и пишут в тонах, характерных для сегодняшнего уровня представлений об этой находке и знаний о «настоящих» людях. Например, профессор Матюшин в своем знаменитом «Археологическом словаре» называет цифру 2 миллиона лет и каким-либо сомнениям происхождение или авторство каменного круга не подвергает:

«... В другом месте обнаружено кольцо из камней с поперечником ок. 4,5 м. На этом обитаемом горизонте очень мало других камней, и они лежат далеко от друга, без всякого порядка. Кольцо же состоит из нескольких сотен камней, тщательно кем-то уложенных. Кроме того, через каждые 0,5–1 м по периметру кольца были сложены более высокие кучи камней. <...> Хотя внутри кольца найдено достаточное количество осколков, показывающих, что там велась какая-то деятельность, гораздо более интенсивной и разнообразной, насколько мы можем судить, она была за его пределами. Да это и естественно. Площадь этого довольно неправильного круга составляет ок. 7 м², и обитатели подобного жилища, если их там сидело несколько, несомненно, страдали от тесноты».



Остатки жилищ кочевников-пастухов, Намибия, Африка. Подобные структуры быстро разрушаются, однако каменный круг на участке ДК сохранился в результате погребения под вулканическим пеплом.
© 2009 Klaus Dierks

Позволю себе сделать некоторые минимальные уточнения. Уровень пола жилища был чуть заглублен относительно наружного уровня и предположительно вымощен мелкими камнями, на которые сверху укладывались шкуры или охапки травы. Территория вблизи хижины усеяна мелкими осколками костей животных, а также мелкими камнями и каменными

инструментами, однако, на расстоянии метра вокруг жилища и внутри его – относительный порядок. Любопытно, что несколько каменных инструментов находятся в пределах границ кольца и могли попасть сюда во время разрушения «цоколя». Инструментов и дебитажа непосредственно около хижины относительно немного, гораздо больше осколков костей. Вероятно, это был действительно жилой участок, – судя по археологической схеме Мэри Лики и сравнивая с общей статистикой находок, сюда, возможно, люди в основном лишь приносили приготовленную еду, здесь питались и здесь ночевали. Мелкий инструмент и осколки, возможно, служили «столовыми приборами», которые вместе с костями выбрасывались подальше за пределы жилища. По поводу «довольно неправильного» круга нужно подчеркнуть, что таковым он выглядит в нынешнем, развалившемся виде, но в целом, если на схеме провести более-менее «среднюю» линию по периметру кладки, то окружность представляется достаточно правильной, чуть сплюснутой в овал. Что же касается тесноты жилища, то специфика участка и количество проведенных здесь работ не дают никакой гарантии, что обнаруженное жилище – единственное в округе. Насколько позволяет судить [спутниковая съемка](#), со времен Мэри Лики здесь мало что изменилось. Расчищено лишь несколько незначительных площадей, а основная часть этого района, как и прежде, пребывает в состоянии «глубокой нетронутости».

...И всё же – возможно ли такое: жилье, сделанное руками человека в те чудовищно далекие времена, который официальная наука соотносит с возрастом около двух миллионов лет? Не ошибаемся ли мы? Не ошибаются ли многочисленные ученые, принимая желаемое за действительное? У кого из современников есть стопроцентная гарантия правоты, и кто из нас был свидетелем постройки каменного круга? Ведь это не какие-нибудь «жалкие» 5000 лет, скажем, от начала наших первых цивилизаций; это, если опираться на официоз, в 400 раз «глубже» упрятано в непроглядной тьме веков?

Ответ – нет, ошибки здесь быть не может. Потому что каменный круг Олдувая – «архитектурный факт» не единственный. Здесь же, в Олдувайском ущелье, на участке **FLK** (FLK Zinj, в трёх километрах от участка DK) семейством Лики была сделана еще одна находка, по возрасту сопоставимая с каменным кругом и, главное, также позволяющая говорить об архитектурных возможностях *Homo erectus*. Приблизительно прямоугольный по форме участок размерами порядка 10×5 метров оказался густо усыпан каменными осколками – отходами инструментального производства, перемешанными с фрагментами костей животных. Этот резко очерченный прямоугольник окружен по периметру полосой шириной примерно в метр, абсолютно «чистой», не содержащей никаких культурных остатков. Однако сразу за ней, с внешней стороны, вновь начинает попадаться многочисленный культурный мусор, каменные осколки и кости. Ни Лики, ни поздние исследователи не сомневались в

том, что обнаружены остатки искусственного жилища на месте длительного обитания олдувайских охотников. Вывод сегодняшних авторов, описывающих находку, также единоклюшен – основная прямоугольная площадка представляла собой внутренность помещения, окруженного своеобразными стенами – наиболее вероятно, что оградой, сооруженной из сплетенных ветвей колючего кустарника. Здесь, судя по всему, находилась мастерская. Здесь же эректусы устраивали себе «обеденные перерывы», а скопившийся мусор периодически выбрасывали наружу, за эту стену-ограду.



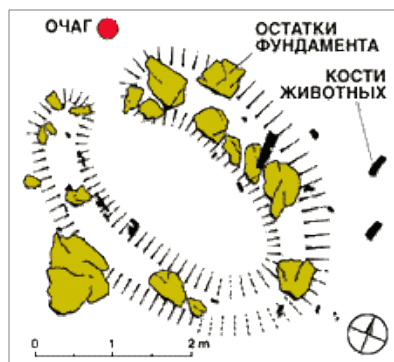
Участок FLK-Zinj, где были найдены остатки прямоугольного строения. Фотография 1969 г. Источник: www.sfu.ca

Конечно, у всякого нормального человека при знакомстве с подобными вещами возникает желание додумать детали. От хрупкого плетеного жилища эректусов, этого карточного домика перед лицом тысячелетий, не осталось и следа, но «вечные» камни сохранили его очертанья. Имела ли эта мастерская крышу, перебрасывали ли эректусы мусор через ограду или выносили через «дверь»? Наверняка какая-то условная крыша в виде плетеной циновки здесь все же присутствовала – как необходимая защита от палящих солнечных лучей. Но для чего – стены? Только ли для защиты от хищников? Не связано ли это с идеей намеренно отделить мастерскую от жилого комплекса, причем, в качестве именно его защиты от последствий производства? В целях безопасности (разлетающиеся осколки), снижения шума (вроде того, что дети и старики спят, а «грохот стоит на всё ущелье»), комфортных условий для работы и пр. – гораздо разумней отгородить «производственные цеха» от места отдыха. («Дорогой, это – наш дом, а не завод. Тут дети спят, еда готовится, иди к себе в цех, греми и пыли там!»). Но не исключено, что мастерская, как часть базовой стоянки, была ее отдаленной периферийной частью, и тогда ее защита потребовалась именно в силу этой отдаленности; в отличие, скажем, от круглосуточно и надежно охраняемого центрального жилого участка. Как бы там ни было, сам факт существования подобного сооружения демонстрирует нам рациональный подход в организации труда у самых древних из известных нам людей. Еще раз напомним – все это по официальным меркам соответствует времени 1,8 млн. лет назад.

Чуть более поздние жилища *Homo erectus* «читаются» более отчетливо. Стоянка **Мелка Контуре** в африканской Эритрее, которую мы уже упоминали (1,6–1,7 млн. лет по с.ш.), также содержит явные следы жилища – археологами обнаружена круглая площадка диаметром около 2,5 м, находящаяся на возвышении относительно уровня земли и служившая основанием хижины. На равном расстоянии друг от друга по кругу просматриваются следы крепления опор жилища, сохранились также следы использования огня на стоянке.

Еще недавно считалось, что *Homo erectus* не был жителем Европы, а человек пришел сюда из Африки гораздо позже и, так сказать, в виде гейдельбержца (архаичного сапиенса). Однако сегодня известны следы европейского пребывания *Homo erectus* с официальными датировками, уже не уступающими африканским (Сан Валье во Франции – 2,3–2,5 млн. лет, Улалинка в России – 1,8–2,3 млн. лет, Барранко Леон и Орсе в Испании – 1,8 млн. лет, Шандалья I в Хорватии – 1,6 млн. лет и др. – см. Лаухин, 2005; Титов, 1988; Клягин, 1996). Напоминаю читателю, что в данном случае речь идет лишь о европейских стоянках *Homo erectus*. Если же говорить о рукотворных жилищах, то одно из самых ранних сохранившихся жилищ в Европе находится в Чехии. Оно расположено на стоянке **Пржезлетице** неподалеку от Праги, официально датируемой 750–890 тыс. лет. Здесь найдены остатки хижины овальной формы с каменным основанием, размерами 3×4 метра. Рядом с жилищем обнаружены остатки очага, уголь, обожженные кости животных. На этом же участке

найлены каменные чопперы и артефакты, которые интерпретируются как ножи, изготовленные из расколотых костей.



Слева: фрагмент плана участка с остатками жилища, справа: реконструкция. По: Obec Přezletice

Судя по всему, чешской стоянке с обнаруженным на ней жилищем не уступает по возрасту российская стоянка **Мысовая** (Урта-Тубе) под Магнитогорском, обнаруженная упоминавшимся выше профессором Г. Матюшиным. Однажды (еще в середине прошлого века) заметив, что местные пастухи и рыбаки облюбовали для шалашей и палаток одно из мест на берегу озера, а именно – защищенную от непогоды ложбину в окружении скал, Матюшин, как истинный археолог, сразу подумал о пастухах и рыбаках древних. Самые первые раскопки этого участка принесли следы жилищ возрастом 5 тыс. лет. Матюшин продолжил копать и копал – ни много, ни мало – еще десять лет, пока не добрался до слоев, официально датированных возрастом 700 тыс. лет (или более) и синхронных слою II Олдувая. Здесь в двухметровой расщелине одной из скал профессор

нашел следы палеолитического жилища и каменные инструменты олдувайского и ашельского типа, часть которых была сделана из яшмы.

На уровне официальных полумиллиона лет назад мы знаем о европейских жилищах в сравнении с ранними африканскими уже практически всё. Российско-австралийский историк В. Кабо пишет об одной из самых известных европейских стоянок, по технологической культуре соотносимой с *Homo erectus*:

«Возраст поселений в **Терра Амата** – 420–380 тыс. лет. Это были временные стойбища бродячих охотников и собирателей, которые приходили на побережье Средиземного моря, возводили на дюне жилище, охотились на слонов, оленей и других животных, били рыбу, собирали на скалах моллюсков, обрабатывали каменные орудия и вскоре уходили, чтобы через год вернуться. Прежнюю хижину заносило песком, и на ее месте сооружалась новая. Одни стойбища периодически сменялись другими, большая их часть свидетельствует о кратковременном пребывании здесь людей в конце весны или начале лета. Хижины поддерживались столбами или кольями, следы которых обнаружены во время раскопок. Стены хижин укрепляли глыбы камня. Эти хижины, всегда овальные в плане, имели от 7 до 15 м в длину и от 4 до 6 м в ширину. Внутри хижин были очаги. <...>

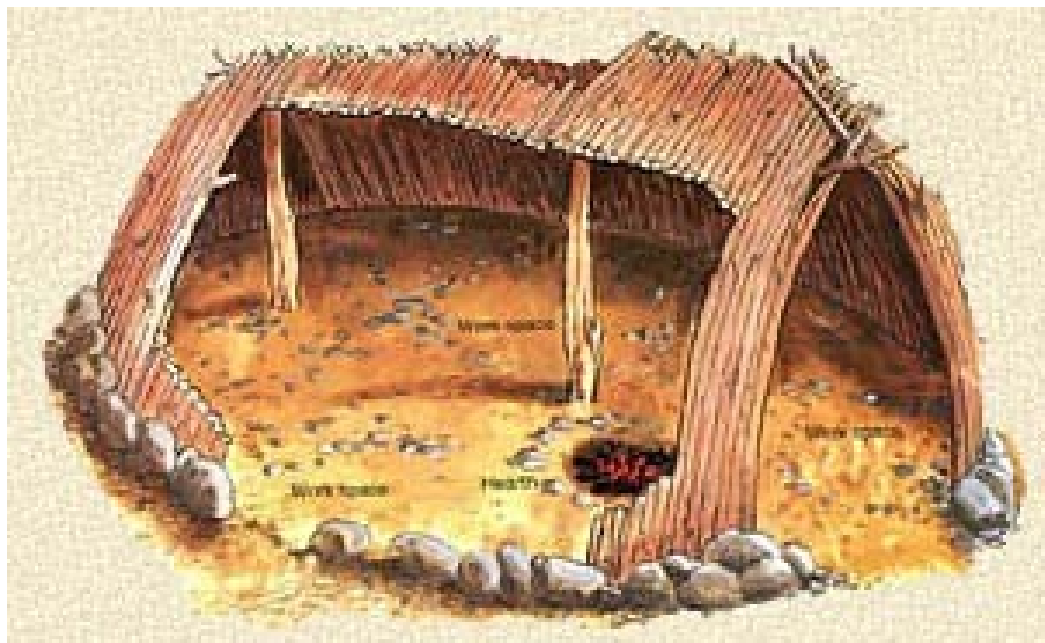
Остатки небольших мастерских внутри хижин Терра Амата точно указывают, где изготавливались орудия. Пробыв несколько дней или недель в стойбище, люди уходили охотиться в другое место. <...> Их регулярное

возвращение в одно и то же время года, почти полное сходство ежегодно сооружавшихся хижин, остатки которых обнаружены в перекрывающих друг друга слоях, – все это говорит о том, что люди, приходившие в Терра Амата, принадлежали к одной и той же группе, или протообщине.

Материалы раскопок свидетельствуют о том, что хозяйственная жизнь группы строилась в соответствии с сезонным циклом, что группе принадлежала определенная территория, которую она экономически осваивала, переходя с одного места на другое, что освоение территории имело не беспорядочный, а ритмический характер, строго обусловленный сменой времен года. Возможно, что в Терра Амата приходила не вся община, а лишь часть ее, скорее всего группа охотников, и в таком случае можно говорить о внутриобщинном разделении труда, видимо половом. Вероятнее, однако, что небольшая группа, приходившая сюда, включала также женщин и детей. Внутри этой группы, возможно, существовали и специалисты по изготовлению и обработке каменных орудий, подтверждением чему служит локализация этой деятельности внутри жилища. Конечно, эти люди могли сочетать изготовление каменных орудий с охотой. Очаг согревал и освещал жилище.

Уровень развития людей из Терра Амата был сравнительно высоким, о чем свидетельствуют разнообразие каменных орудий, повторяемая из года в год конструкция жилищ, организованное освоение общиной обитаемого пространства и охотничье-собирательской территории. Одиннадцать

расположенных одна над другой хижин – это одиннадцать ежегодных возвращений одной и той же группы, что свидетельствует об устойчивости социальной структуры и культурных традиций. <...> Протообщина из Терра Амата не была стадом, в ней уже видны черты будущего человеческого общества, будущей общины» (Кабо, 1986).



*Реконструкция хижины в Терра-Амата.
© 1969 Image by Eric Mose*

Оставим без комментариев роковую привязанность эволюциониста к идее постепенного развития всего, что шевелится. Просто обратим внимание, что автор описывает полноценную человеческую общину, но «идея» не позволяет ему называть вещи своими

именами; единственное, что остается автору для соблюдения эво-приличий, это «повышать лохматость» древним людям исключительно лингвистическими средствами – «протообщина», «видны черты будущего человеческого общества»... Да уж.

Можно было бы чуть подробнее рассказать и о других известных жилищах на европейских стоянках раннего и среднего палеолита: **Торральба** и **Амброн** в Испании – до 700 и 350 тыс. лет соответственно, **Азых** в Азербайджане (каменная кладка внутри пещеры и пять очагов – до 700 тыс. лет), **грот Лазаре** во Франции – от 200 до 400 тыс. лет, стоянке **Бильцингслебен** в Германии – 400 тыс. лет и др., – но мы, пожалуй, на этом остановимся. Разумеется, что в прояснении картины нам могли бы помочь любые свидетельства о древнем человеке, в том числе и среднеплейстоценовые. Однако наш тезис о том, что уже самые ранние из известных людей обладали способностью **строить жилища в качестве «реализации индивидуального плана»**, проиллюстрирован тремя гораздо более ранними примерами – каменным кругом на олдувайской стоянке DK (ок. 2 млн. лет), помещением орудийной мастерской (или ее прямоугольной оградой наподобие «крепости») на олдувайской стоянке FLK (1,8 млн. лет), а также примером жилища со следами костра на эритрейской стоянке Мелка Контуре (1,6–1,7 млн. лет).

3.

Мог ли Homo erectus говорить?

Предположение Дарвина о том, что человеческая речь развилась эволюционным путем из крика животного – уже давно утратило свою популярность, оказавшись чересчур поверхностным и наивным. Между криком животного и человеческой речью, как сегодня это представляется, лежит непреодолимая пропасть. Крики, издаваемые животным, не имеют отношения к языку, поскольку непроизвольны, непреднамеренны и имеют под собой не осмысленные мотивы, а поведенческие тенденции – то есть, определяются исключительно внешними стимулами. Сигнал, подаваемый животным (например, крик боли или страха), не имеет отношение к коммуникации, поскольку, согласно Смиту, смысл его обобщен настолько, что он вряд ли может считаться даже сигналом. Человеческий же язык является инструментом мышления (А. Эйнштейн). По словам Дж. Оллера, «сказать, что примитивный крик некоего животного был первым шагом к зарождению языка – все равно, что сказать: первое животное, вскарабкавшееся на дерево, сделало решающий шаг к освоению космоса». Если бы язык был лишь приобретенной реакцией, количественной сущностью, приходящей с опытом, то любое животное могло бы теоретически заговорить, однако этого не происходит^[5].

Что нужно человеку для полноценной речи? Во-первых, анатомически специализированные речевые органы, упрощенно говоря, **голосовой аппарат**. Вещь,

конечно, нужная, однако пример попугаев и некоторых других птиц, способных воспроизводить человеческую речь, свидетельствует, что одного голосового аппарата недостаточно.

Очевидно, что для полноценной речи нужен еще **развитый мозг** со всеми его структурами управления речью. Однако и этого недостаточно.

Психологам и лингвистам известен такой феномен как «дети-маугли». «Дети-маугли» – это человеческие дети, в первые годы жизни по драматическим обстоятельствам попавшие в стаю к животным и ими «воспитанные». При возвращении в человеческое общество реабилитация таких людей фактически невозможна – дети усваивают и используют «язык», точнее, имитацию звуков того животного сообщества, в котором они находились. В ключе нашего разговора акцентируем – эти люди имеют полноценный голосовой аппарат, полноценный человеческий мозг, но обучить их человеческому языку (за исключением нескольких простейших слов в единичных случаях) – задача мало реальная. Следовательно, дело не только в наличии органов речи и развитии мозга, но и в факторе **социальности**. То есть, принципиальное значение имеет то, в каком обществе ребенок с первых дней растет и развивается, а именно – в окружении себе подобных, разумных и использующих язык символов (а не сигналов животных) людей.

Таким образом, мы получаем ситуацию, где для приобретения речи каждым пришедшим в этот мир человеком **должны выполняться все три условия одновременно**. Это даже не дилемма «курица-яйцо»,

а триада, не оставляющая места «постепенному» эволюционному сценарию, ибо из нее следует невозможность переходных состояний, а, напротив, следует, что *Homo sapiens* должен был обладать речью изначально. Эта триада жестко взаимосвязана и работает лишь по принципу «всё, или ничего».

Здесь следует заметить, что понятия «язык» и «речь» в целом тождественны. Язык – это знаковая, абстрактная система выражения понятий, где устная речь – лишь одна из форм языка. Кроме устной речи, существуют такие формы языка как письменная речь, жесты глухонемых, пантомима, балет и пр. С языком в целом, как и речью в частности, связаны все высшие способности человеческого разума.

Итак, гипотеза о развитии человеческого языка из сигнальных систем приматов оказалась несостоятельной. Но что если человеческий язык развился не из обезьяньего крика, а уже – на поздней стадии – из человеческих осмысленных жестов, постепенно, шаг за шагом, вместе с развитием разума?

Однако и такое объяснение неприемлемо. Дело в том, что между чувственным опытом человека и его выражением с помощью абстрактных символов существует непреодолимая пропасть, о которой Эйнштейн писал:

«Мы имеем привычку связывать конкретные понятия и отношения между ними (умозаключения) с конкретными чувственными ощущениями, и происходит это настолько отработанно, что мы даже и не замечаем пропасти, разделяющей мир

чувственных ощущений и мир абстрактный понятий, хотя по логике эта пропасть непреодолима» (Einstein, «Remarks on Russel's Theory of Knowledge», 1944)^[6].

Самый элементарный жест – например, прикладывание указательного пальца к губам – это уже сугубо человеческий прыжок через «пропасть Эйнштейна» (термин У. Оллера), от эмоции к символу. Самый известный лингвист XX века Ноам Хомски, эволюционист, в 1972 году был озадачен проблемой «пропасти Эйнштейна»:

«Эволюция языка прошла несколько этапов, в частности, «низшую стадию», когда для выражения эмоций используются озвученные жесты, и «высшую стадию», когда произносимый звук используется для выражения мысли ... но на самом деле он не определяет отношения между низшей и высшей стадиями и не предлагает механизма перехода от одной стадии к другой. ...Нет смысла считать, что через эти пропасти можно перебросить мосты. Предполагать, что имело место эволюционное развитие от «низших» стадий к «высшим» все равно, что предполагать, будто дыхание эволюционировало в ходьбу; между этими стадиями нет ничего общего» (Chomsky, «Language and Mind», 1972)

Но это, что называется, было только началом драмы. Многие лингвисты давно заметили, что в развитии ребенка присутствует некий качественный этап, связанный с усвоением языка. Лингвистические навыки, необходимые ребенку для передачи абстрактных понятий, не зависят от «количественного» накопления им знаний и как будто предшествуют

опыту общения. Система понятий, связанная с языком, как будто знакома ребенку еще до того, как он начнет ее использовать. Исходя из этого, Ноам Хомски в 70-х годах прошлого века разработал современную концепцию языка. Согласно Хомски, пропасть между чувственным опытом и абстрактным его выражением может быть преодолена лишь при одном условии – если способность мыслить абстрактно «встроена» в человека изначально.

«Скорость, – пишет Хомски, – с которой на определенных этапах жизни увеличивается запас слов, столь велика, а точность и сложность усваиваемых понятий столь замечательна, что следует заключить: система понятий, с которыми связывают основы лексики, каким-то образом изначально присуща человеку» (Chomsky, «Rules and Representations», 1978).

Любопытно, что именно «на определенных этапах» – то есть, эта «встроенная» система понятий должна быть «включена» с первых дней жизни ребенка, так как с усвоением и запоминанием первых же слов фактически моментально «распаковывает» некий универсальный свод грамматических правил (для любого языка). Этот период называется «грамматическим взрывом». И «дети-маугли» в этом контексте являются драматическим примером того, что эта встроенная система оказалась в критический период «сбитой с толку», потчующая лишь сигналами животных, а не абстрактными понятиями человека. Невозможность дальнейшего обучения «детей-маугли» в силу отсутствия у них абстрактного, символического восприятия – еще одно свидетельство того, что

человеческий язык не происходил «количественно» ни из сигналов животных, ни из жестикуляции гипотетических «перволюдей», ни из некоей примитивной речи. В противном случае, не существуя пропасти между эмоцией и символом, «детей-маугли» – хотя б в единичных случаях – можно было бы «подтянуть» до нормального интеллектуального человеческого уровня.

Надо сказать, что научный мир, поначалу испытавший шок от идей Хомски (последовали даже обвинения его в креационистском взгляде на мир), в целом, под давлением эмпирических свидетельств, все-таки принял новую концепцию. Хомски был эволюционистом и не пошел дальше, к признанию того, что человек есть готовый продукт разумного дизайна. Однако если для постижения языка необходима не только триада «аппарат речи, мозг, социальность», но и встроенный готовый «конвертер», позволяющий с постижением языка «просыпаться разуму» ребенка – это сильное свидетельство того, что человек с его разумом и речью не является продуктом эволюционных процессов, но был таковым задуман и создан изначально.

* * *

Разумеется, сказанное выше само по себе не может служить доказательством «человечности» хомо эректуса. Напротив, нам как раз и нужно показать, что хомо эректус подпадает под звание человека, того самого, по Хомски, с изначально запрограммированным в нем аппаратом мышления и речи.

В силу существования концепции Хомски, точнее, в силу внутреннего осознания ее эмпирической правоты, эволюционисты понимают, что их теория не объясняет происхождение языка, однако и позволить эректусу иметь полноценные язык и речь, сравнимые с современными, они в целом тоже не могут. Эволюция так эволюция. И ложность схем порождает ложные «оргвыводы». Если эректусы уже около двух миллионов лет назад владели языком, то почему не развивались, стояли на месте; где их достижения – города, цивилизации, культура, письменность, сельское хозяйство? (Хотя позиция вопрошающих понятна; если отрицать простые истины, что исторические сроки были на порядки короче и что *Homo erectus* все-таки не был нашим эволюционным предком, то принципиальная упёртость эволюционизма становится жесткой схематической необходимостью).

После долгих лет утверждений о «зверином мычании» и «зачатках языка» эволюционизм все же признал за эректусами способность к высоким формам коммуникации и даже устную речь, хотя и «примитивную» (Хомски и эмпирика в виде «пропасти Эйнштейна», повторяю еще раз, эволюционистам не указ). Действительно, трудно отрицать очевидное. Например, в Торральбе, Испания (от более 300 до 700 тыс. лет по с.ш.) для охоты на слонов и других крупных животных *Homo erectus* использовал загонные методы с применением огня. Свою стоянку охотники располагали на пути сезонной миграции животных. Окружив добычу, эректусы с помощью огня загоняли животное на болотистый участок и, когда слон или

носорог увязал в трясине, убивали его деревянными копьями. Предположить, что для организации такой охоты и координации действий эректусы не обладали языком, а еще точнее – достаточно развитой речью, – было бы просто нелепым.

Хороший пример из наших дней – так называемые «дети Ортеги». В Никарагуа до 1979 года глухонемые дети были выключены, что называется, из социума и никак не обучались. Однако после Сандинистской революции в стране была создана система интернатов, где глухонемых детей пытались обучать языку жестов. Детям преподавали стандартный, уже хорошо зарекомендовавший себя язык глухонемых, но те его не воспринимали. Однако вскоре произошло неожиданное. Дети находились вместе, в коллективе, им нужно было играть, общаться. И, к удивлению педагогов, они практически моментально создали свой собственный язык жестов, позволивший им понимать друг друга без каких-либо ограничений. Педагоги поначалу пытались препятствовать новациям, но быстро сдались – язык, созданный детьми, к восторгу исследовавших феномен лингвистов, оказался эффективней всего того, что можно было им предложить. В отличие от «детей-маугли» дети из Никарагуа не утратили восприимчивость к абстракциям, ибо даже будучи глухонемыми, выросли в «символическом» человеческом, а не «сигнальном» животном мире. Дети второго интернатовского набора уже создали устойчивую грамматику нового языка, а через десять лет для него была разработана и письменность. Сегодня в

Манагуа существует община, где на «детский» язык переведены даже книги в библиотеке.

Этот пример подтверждает не только правоту Хомски о врожденном языковом инстинкте, но и является лучшим свидетельством того, что у *Homo erectus* был развитый символический язык. Язык не является производной от сложной (эволюционирующей) совместной деятельности типа загонной огневой охоты, изготовления инструментов и строительства жилищ, но напротив – как раз наличие столь сложной деятельности *Homo erectus* есть свидетельство наличия у них языка.

Однако язык жестов, пусть и полноценный – это одно, а развитая устная речь – другое. В середине 80-х (а также в начале 90-х) годов прошлого века некоторые исследователи утверждали, что *Homo erectus* вообще не имел речи (Д. Либерман, а также его последователи Корбеллис, Дональд и пр.). Другие ученые, будучи не в силах игнорировать такие качества эректусов как изготовление орудий и координированная охота, признавали за *Homo erectus* ограниченный уровень лингвистических способностей, именуемый «протоязыком» (Паркер, Гибсон, Бикертон и пр.). По их мнению, хомо эректус имел лингвистические способности двухлетнего ребенка, то есть, мог высказываться одним или комбинацией из двух слов в сочетании с осмысленным языком жестов, но, разумеется, при полном отсутствии грамматики. Те же выводы относились и к неандертальцу.

Впервые лёд тронулся после открытия и описания в 1991 году в Израиле скелета неандертальца **Кебара 2** (50–64 тыс. лет по с.ш.) с хорошо сохранившейся подъязычной костью, которая по морфологии не отличалась от современной, то есть, ее обладатель был способен к членораздельной речи в той же степени, что и современный человек. Кроме того, Р. Холлоуей заключил, что мозг неандертальцев был вполне человеческим, без каких-либо существенных отличий в своей организации от нашего собственного мозга. Благодаря новым методам были исследованы также знакомый нам уже череп Брокен-Хилл (архаичный сапиенс с неопределенным возрастом), череп из **Петралоны**, Греция (*Homo erectus* или *H. heidelbergensis*, 200–400 (до 700) тыс. лет по с.ш.) и позже – череп и подъязычная кость пяти экземпляров из **Атапуэрка**, Испания (*H. heidelbergensis*, 300–400 тыс. лет по с.ш.).

С этого момента в палеоантропологии возобладала традиция к пересмотру прежних взглядов на предшественников хомо сапиенс. Позиция Либермана подверглась серьезной критике со стороны оппонентов, хотя на его старые выводы о бедности фонетического репертуара у неандертальцев и эректусов до сих пор ссылаются некоторые эво-консерваторы. Однако Либерман в итоге занял необычную позицию – он не признал возможности полноценной речи у позднего «классического» неандертальца типа Кебара, но предположил наличие «аспектов современной человеческой речи» для более ранних форм типа Брокен-Хилл и Петралона. По поводу возможности

речи у экземпляров из Атапуэрка палеоантрополог А.А. Зубов (не путать с историком А.Б. Зубовым) хоть и осторожно, но высказался так:

«Очень сложен вопрос о наличии у гейдельбергского человека членораздельной речи. Считается, что речь возникла у человека в процессе эволюции гортани (*larynx*), занимающей у современного человека более низкое положение в горле, чем у предков, что и обеспечивает возможность произнесения широкого спектра звуков. На скелетном материале анатомическая адаптация к речевой функции отражается на строении основания черепа (угол перегиба основания) и форме подъязычной кости (*hyoid*). Если принять эти критерии, то следует сделать вывод, что речь у гейдельбергского человека была развита не хуже, а скорее даже лучше, чем у неандертальца, так как, во-первых перегиб основания выражен лучше у первого, чем у второго, а подъязычная кость имела столь же совершенное строение, как у современного человека и у неандертальца. Эта кость была обнаружена при раскопках в Атапуэрка (*hyoid* неандертальца был найден при раскопках в Кебара, Израиль»). (Зубов А.А., 2004)

Не будем отвлекаться на полемику с верующим в эволюцию профессором по поводу того, что речь возникла в процессе эволюции гортани (как мало нужно эволюционистам для счастья!). Стоит лишь на всякий случай пояснить, что под «предками» с более высоким положением гортани А.А. Зубов имеет в виду всё тех же обезьян (так искажена по смыслу речь почти каждого эволюциониста). Однако обратим

внимание на будущее – и Зубов, и Либерман едины в том мнении, что речь эректусных форм была развита даже лучше, чем неандертальская.

В человеческом мозгу имеются определенные участки в височной и лобной долях, которые, как считают ученые, отвечают за воспроизведение и понимание речи, так называемые речевые зоны Брока и Вернике^[7]. Эти структуры, а также область сильвиевой борозды у *Homo erectus* достигают размеров, сравнимых с размерами современных сапиентных (Барулин, 2008). При удачном для исследователя стечении обстоятельств (в первую очередь достаточной целостности образца) на внутренней полости черепной коробки сохраняются отпечатки борозд и извилин, а их гипсовый слепок (эндокран) используется для реконструкции самого мозга и его функций.

Исследования черепов эректусов по эндокранным слепкам проводились неоднократно. Еще в 1973 году, в своей работе «Палеоневрология», не утратившей актуальности и сегодня, В. Кочеткова писала, что исследование мозга эректусов Чжоукоудяня и европейских эректоидных форм свидетельствует о том, что:

«...Тормозные функции, очень сильно развивавшиеся у ашельских людей, имели прямое отношение не только к процессу изготовления орудий, но и к функциям звукопроизношения. Сопровождалось ли это формированием речи или нет – об этом достоверных свидетельств не осталось, но косвенные материалы говорят в пользу положительного ответа.

Одно из таких косвенных доказательств ... – это абстрактное представление о форме, базирующееся на функциях третичных полей теменно-височной коры, составляющих специфически человеческую зону. Выработка абстрактных представлений о форме, протекавшая на базе обобщения чувственных восприятий, была, видимо, неразрывно связана и с формированием звукового выражения этих абстракций».

В своей книге 2003 года «*The Human Fossil Record*» («Ископаемые окаменелости человека») Шварц и Таттерсэлл (как мы помним, достаточно консервативные соратники Д. Джохансона) пишут о результатах исследования группы черепов из Сангирана (о. Ява, Индонезия). Учитывая, что их датировка не так давно значительно удревнилась, сангиранцы сегодня – одни из самых ранних известных эректусов. Сейчас им назначен возраст до 1,6–1,8 млн. лет (Larick & Ciochon, 1996). Авторы в своей книге констатируют, что экземпляр Сангиран 2 по развитию лобных долей, увеличенным размерам коры больших полушарий, их асимметрии, присутствию речевых зон – может сравниваться с современными людьми. «В то время, – пишут авторы, – как само по себе это не является доказательством наличия символического языка или свидетельством культурного развития, трудно представить, что с подобным качеством структур мозга этот гоминид не имел когнитивных возможностей, подобных нашим». Об экземпляре Сангиран 4: «Объем мозга явно больше, чем постулируемый минимум для этого таксона 750 см^3 ... Имеющаяся левая затылочная доля

свидетельствует, что этот экземпляр был, вероятно, весьма подобен другим сохранившимся индонезийским находкам, и в целом подобен современным людям». О Сангиран 10 говорится, что экземпляр свидетельствует об устойчивой морфологии мозга эректусов Сангирана, имеющих лишь небольшие значения вариабельности. О Сангиран 17: «Этот экземпляр особенно важен, поскольку хорошо сохранился, и в нем присутствует почти полная лицевая часть. Объем мозга лежит в пределах нижнего диапазона современных людей, и эндокран показывает значительную асимметрию, особенно левого полушария с зоной Брока, так же как конфигурация полушария показывает праворукость. Такая совокупность современных человеческих признаков позволяет нам чувствовать себя вполне уверенно в нашем предположении, что этот гоминид обладал элементарной речью^[8] и был праворуким». Кстати, нелишним будет вспомнить, что чуть ранее для нескольких экземпляров из Сангирана (включая также ОН 9 из Олдувая) были сделаны компьютерные томограммы костного лабиринта внутреннего уха, которые также показали современную человеческую морфологию (Spoor et al., 1994).

В современном человеческом обществе примерно 90% (или более) людей – правши, а левши составляют, скорее, исключение. Такое распределение уникально и наблюдается лишь у людей. Все представители животного мира, включая приматов, какого-либо предпочтения в использовании конечностями не демонстрируют, то есть,

распределение право-лево у них примерно 50:50. Среди некоторых приматов встречаются, правда, небольшие популяционные асимметрии, связанные с механикой движения, но они никогда не приближаются к таким человеческим соотношениям как 9:1. Вспомним историю, когда Р. Дарт нашел в Макапансгате в отложениях 2,6–3,3 млн. лет 42 черепа бабуина, у 27-ми из которых лицевая часть была проломлена ударом с правой руки. В те времена Дарт «повесил» убийство этих бабуинов на австралопитеков, но сегодня мы знаем, что австралопитеки не были праворукими (не говоря уже о том, что вообще пользовались орудиями). Таким образом, лишь по одному факту праворукости можно заключить, что охотниками на бабуинов были именно люди.

Почему только человек преимущественно правша – точного ответа нет. Но у человека левое полушарие мозга, ответственное за праворукость, связано также с речью и восприятием времени, а правое – с пространственным восприятием. Праворукость никогда не развивалась эволюционным путем и, судя по имеющимся находкам, свойственна *Homo erectus* с самого начала их существования. Один из лидеров современной экспериментальной археологии Николас Тот из Университета Индианы, исследуя проблему представления доисторических людей о симметрии на примере палеоартефактов (орудия, статуэтки «венер», хижины, в том числе и каменный круг на участке DK), обратил внимание, что уже в самых ранних каменных инструментах присутствует некая нарочитая ассиметрия. «Это небольшое, но

статистически значимое копирование асимметрии и возможность преимущественного использования [орудий] правой рукой между 1,9 и 1,5 миллионами лет назад – может указывать на более глубокую специализацию (латерализацию) левого и правого полушарий мозга гоминида раннего каменного века», – пишет ученый (Toth, 1990).

Как мы выяснили чуть выше, особенности **строения гортани** позволяли архантропам владеть развитой устной речью на уровне условных 0,5 или более млн. лет назад. Кроме того, на примере черепов из Атапуэрка ученые выяснили, что их обладатели имели среднее ухо, приспособленное для восприятия звуков частотой в 3–5 кГц. У современного человека эти значения составляют 2–4 кГц, то есть, слуховой аппарат архантропов был как минимум приспособлен для восприятия речи в том же диапазоне частот, что и у современного человека.

Однако, полмиллиона условных лет назад – это уже средний плейстоцен. И, если говорить именно о строении гортани, нет ли у нас более ранних примеров? Такие примеры есть. О несомненном признаке развитого речевого аппарата архантропов сообщает Дэвид Креггер из Рутгерского университета. Как мы помним, в 1972 г. в Кооби Фора, Африка, группа Лики нашла нижнюю челюсть ER 992, датированную 1,5 млн. лет и ставшую голотипом таксона *Homo ergaster*. Креггер пишет по поводу ER 992:

«Нижнечелюстной симфиз также показывает четкие маркировки для двубрюшной мышцы **digastric muscle**

(важной для глотания и вокализации), которые некоторые люди интерпретировали как доказательство [существования] языка в это время» (Kreger, «Homo ergaster»).

То есть, это означает, что 1,5 млн. лет назад по с.ш. *Homo erectus (ergaster)* имели **гортань современного строения и в анатомически современном положении**.

Конечно, если вы заявите в компании эволюционистов, что *Homo ergaster* 1,5 миллиона лет назад по их исчислению уже имел готовый речевой аппарат современного типа, с вами, скорее всего, эти люди активно не согласятся (модель не позволяет). Однако, уже и официальная палеоантропология – неохотно, «ползучим образом», вынужденно – но «подтягивается» к самым древним срокам. Л. Вишняцкий, в частности, пишет:

«Последнюю точку зрения (Либермана о наличии «аспектов современной человеческой речи» у эректоидных форм. – А.М.) разделяют и авторы новейших исследований по эволюции голосовых органов гоминид, утверждая, что эти органы приобрели свое нынешнее (или очень близкое к нему) строение уже по меньшей мере 300–400 тысяч лет назад (Laitman & Reidenberg 1988: 107), **а то и раньше, между 1 000 000 и 500 000 лет назад** (Crelin 1987: 253–254), что создало возможность **членораздельного произнесения всех звуков**. Примерно в это же время, как полагают некоторые нейроанатомы, завершается в основном и формирование связанных с речью участков мозга (Deacon 1989)». (Вишняцкий, 1997).

Разумеется, фраза о «завершении формирования» – это эволюционный книксен. Когда будет признана полноценная человеческая речь на уровне 2,5 млн. лет, временем «завершения формирования участков мозга, связанных с речью» назовут, конечно же, цифру 2,5 миллиона (ведь быть присущим человеку изначально – язык никак не мог!). Проблема лишь в том, что некоторое время придется подождать.

Признаком, по которому определяется наличие человеческой речи, эволюционисты одно время называли подбородочный выступ. К подбородку, как известно, прикрепляются мышцы, участвующие в артикуляции. Соответственно, отсутствие подбородочного выступа, заявляли эволюционисты, является свидетельством отсутствия членораздельной речи. Причем сказано это было давно и в отношении даже не эректуса, а неандертальца. Но сегодня ясно, что такой признак с вокализацией не связан. В противном случае пришлось бы столкнуться с комичной ситуацией – речевой аппарат неандертальцев и эректусов был способен для полноценной речи, но форма подбородка этому препятствовала. Сегодня аргумент подбородка считается устаревшим – членораздельной артикуляции «архаичный» подбородок нимало не препятствует.

Еще одним признаком, якобы коррелирующим с речью, называлась толщина подъязычного нерва (или, применительно к ископаемым останкам, толщина подъязычного канала в черепе). Однако этот признак, безусловно связанный с подвижностью языка, вряд ли может быть надежным маркером речи, поскольку

присутствует у всех человекообразных обезьян, включая ископаемых австралопитеков. Последние данные показывают, что «с учетом различий в размере языка, толщина канала подъязычного нерва варьирует практически в одних и тех же пределах даже у человека и шимпанзе [Fitch, 2000, p. 262; Lieberman, 2002, p. 177]; кроме того, отсутствует корреляция между толщиной канала подъязычного нерва и числом аксонов, из которых этот нерв состоит [DeGusta et al., 1999]» (Бурлак, 2007).

* * *

Завершая эту часть, можно утверждать, что хомо эректус обладал сочетанием анатомических признаков, вполне позволяющих ему иметь членораздельную речь. Самые ранние сохранившиеся мозговые коробки и челюсти свидетельствуют, что *Homo erectus* (ergaster) имел: а) развитый мозг с асимметрией больших полушарий; б) специализированные речевые зоны; в) анатомически современную гортань, занимающую современное низкое положение в горле^[9], способную к раздельным глотанию и вокализации.

Существует еще один важный и крайне информативный признак, который долгое время оставался козырным аргументом скептиков, отказывавших эректусу в «чуде осознанной речи». Этот признак – **толщина спинного канала в грудном отделе позвоночника**. Проблема для сторонников «говорящего эректуса» заключалась в том, что единственный полный скелет *Homo ergaster* (WT 15000, официальная датировка 1,6 млн. лет)

демонстрировал несколько зауженный нейроканал по сравнению с современным человеком. Даже несмотря на то, что эндокран WT 15000 демонстрировал четкие следы речевой зоны, сам факт узости спинного канала породил достаточно обоснованные утверждения скептиков, что с такой анатомией Турканскому мальчику не хватало бы дыхания для произнесения звуков во всей их артикуляционной полноте. Сторонники наличия речи у WT 15000 возражали, что имеющийся экземпляр был подростком, страдал заболеванием позвоночника, но даже с учетом этого: а) ширина его канала так или иначе находится в границах современного человеческого диапазона (хотя и в самом основании); б) поскольку мы имеем дело с 10–12-летним подростком, ширина его канала могла бы увеличиться по достижению зрелости еще на величину до 30%.

Между тем, до самого последнего времени, аргумент «пригодного для речи позвоночного канала» *Homo erectus (ergaster)* оставался в подвешенном состоянии. В книге 2007 года «Происхождение языка» С.А. Бурлак пишет о принципиальной важности ширины спинного канала для полноценной речи:

«Не менее важен для использования звучащей речи тонкий контроль дыхания: дело в том, что «речевой режим дыхания управляется довольно сложными операциями по модулированию подачи воздуха к голосовым связкам, для этого требуется достаточно сложная система управления легкими, что сказывается на диаметре позвоночного канала и конфигурации позвонков» [Барулин, 2002, с. 132]. То,

что воздух подается на голосовые связки не сразу, а небольшими порциями, позволяет строить длинные, многосложные высказывания: каждый слог – это один «квант» выдоха. Более того, поскольку «каждый элемент, входящий в слог и слово, обладает разной громкостью или, лучше сказать, разной акустической мощностью» [Жинкин, 1998, с. 83], «задача речевого дыхания состоит в том, чтобы компрессировать слоговую динамику в обозримые для слуха рамки, ослабить большие мощности и усилить малые. Это... делается при участии парадоксальных движений диафрагмы» [там же], состоящих в том, что «дыхательный аппарат на выдохе производит выдыхательные движения, разные в разных случаях» [там же, с. 82]».

Таким образом, ширина позвоночного канала может свидетельствовать о том, была ли у рассматриваемого вида способность произносить длинные высказывания, – без этой способности невозможен, например, синтаксис. По имеющимся данным, у неандертальца этот канал был примерно таким же широким, как у неантропа, тогда как, например, у архантропа – значительно уже [MacLarnon, Hewitt, 1999; Walker, Shipman, 1996]».

Последняя фраза, относящаяся к единственной известной находке WT 15000, казалось, была если не приговором «длинным высказываниям» архантропа, то, по крайней мере, хорошим поводом для скептиков говорить об отсутствии надежных свидетельств в этой доказательной части и продолжать повторять свои байки о постепенном формировании человеческих органов речи. Но таковое мнение, как

видно из ссылок, высказывалось в работах конца 1990-х. А в 2006 году произошла археологическая сенсация.

В Грузии, во время продолжения раскопок известного археологического участка Дманиси, были обнаружены новые посткраниальные останки дманисских людей, среди которых был фрагмент скелета из пяти позвонков. Авторы находки Марк Мейер из Университета Пенсильвании и грузинские археологи Д. Лордкипанидзе и А. Векуа сравнили найденные позвонки более чем с двумя тысячами аналогичных образцов современных людей, шимпанзе и горилл. И пришли к выводу, что позвоночник дманисских людей по всем параметрам, включая ширину нервного канала, **был аналогичен современному**. «Позвоночник Дманиси находится в пределах человеческого диапазона и мог быть подходящим (*comfortably*) для современного человеческого спинного мозга», – заявил Мейер. Кроме того, морфология найденных позвонков безусловно обеспечивала их древнему обладателю полноценную возможность для контроля дыхания и ясной членораздельной речи. находка стала самым ранним известным на сегодня фрагментом человеческого позвоночника (официально будучи более чем на 150 тыс. лет старше Турканского мальчика) и показала, что около 1,8 млн. официальных лет *Homo erectus* (*ergaster*) **не стоял ни перед какими дыхательными ограничениями и мог свободно изъясняться** подобно современным людям (Bower, 2006).



*Позвонки *H. ergaster* из Дманиси (слева) и WT 15000 (справа). Фото: © Marc R. Meyer*

...Разумеется, что строгих доказательств всему сказанному выше быть не может. Наш с вами, современники, удел – остатки, обломки, косвенные свидетельства. Однако, главное, что нам приходится констатировать – *Homo erectus (ergaster)* имел все возможности – анатомические и интеллектуальные – для полноценной человеческой речи. Пусть мы никогда не получим прямых подтверждений этому, но отныне эволюционисты уже не смогут сказать, что тот или иной признак накладывает запрет на речевые возможности архантропа.

Нет, товарищи, «путь свободен»! И в очередной раз подтверждается наше «титульное» предположение – если доверять имеющимся свидетельствам, то самый древний известный нам человек появляется на

историческом горизонте уже социально, интеллектуально и анатомически «готовым человеком». Более того. Нам, в принципе, было бы достаточным признать за эректусом наличие любого символического языка – пусть того же обмена информацией с помощью жестов на охоте. (Спецназ во время выполнения задания тоже молчит, информируя друг друга лишь жестами). Присутствие такого языка у эректусов уже безусловно определяется по уровню их деятельности – и само по себе вполне может служить критерием их истинной человечности. Но, учитывая образ жизни, стратегию, интеллект, символическое мышление и прочие качества эректусов, и при этом зная, что их анатомия полностью отвечает возможностям владения членораздельной речью, трудно представить, что коммуникативный язык *Homo erectus* не простирался дальше жестов или отдельных «информативных» выкриков. Вспомним еще раз глухонемых детей из Никарагуа; природа не терпит пустоты. И потому, если *Homo erectus* имел дар мыслить символами (а мы знаем это наверняка) и при этом имел дар в виде анатомической готовности всех речевых систем и потенциальную возможность «выражаться устно», то можно не сомневаться в том, что он этими дарами воспользовался.

Примечания:

¹ «...о происхождении человека от обезьяны...». – Здесь будем иметь в виду, что выражение «человек произошел от обезьяны» является упрощением, разговорным штампом. Оговорка связана с тем, что в полемической среде использование этой фразы является одной из излюбленных уловок эволюционистов, которые быстро, язвительно и с явным удовольствием «поправят» вас, что «человек произошел не от обезьяны, а от общего для современных обезьян и современных людей обезьяноподобного предка». То есть, такая подмена имеет целью приписать отрицателю эволюции ложное утверждение, будто человек произошел от обезьян современного типа – и тем самым выставить вас в виде невежды.

Одной из вариаций этой уловки является также утверждение эволюционистов, будто Дарвин никогда и нигде не говорил, что человек произошел от обезьяны, а эту фразу придумали религиозные невежды, никогда Дарвина не читавшие. Например:

«...Ни Дарвин, ни его последователи никогда не утверждали, что человек произошел от обезьяны. Утверждалось лишь, что у обезьяны и человека были общие предки. Да и не только с дарвинизмом у церкви проблемы» ([Открытое письмо В.В. Путину](#). Академики Российской Академии наук: Е. Александров, Ж. Алфёров, Г. Абелев, Л. Барков, А. Воробьёв, В. Гинзбург, С. Инге-Вечтомов, Э. Кругляков, М. Садовский, А. Черепашук).

Между тем как Дарвин в 6-й главе своего «Происхождения человека» говорит совершенно недвусмысленно:

«Обезьяны затем разветвились на два больших ствола, обезьян Нового и Старого света, а от последнего, в отдаленную эпоху, произошел человек, чудо и слава вселенной».

Таким образом, либо оппоненты сами не читали Дарвина, либо морочат голову общественности и адресату. Впрочем, как мы видим из сегодняшнего дня, обращение (с привкусом доноса) к адресату академикам на пользу не пошло. И это уже, скорее, к сожалению. [\[Вернуться к тексту\]](#)

²«...приведенные мной цифры носят достаточно приблизительный характер...». – Оценки количества найденных индивидов этой группы у других исследователей более консервативны. Например, антрополог Bruce MacEvoy на своем сайте «Human Evolution» (<http://www.handprint.com/LS/ANC/evol.html>) приводит такие цифры. Останков представителей таксона *Homo erectus* по состоянию на конец 2007 года найдено 170 индивидов (включая 20 *H. ergaster*); 60 индивидов *Homo heidelbergensis* (включая 10 недавно «изобретенных» *H. antecessor*) и 500 индивидов *Homo neanderthalensis* (включая 42 индивидов ближневосточной группы Схул-Табун-Кафзех). [\[Вернуться к тексту\]](#)

³«...если люди современного типа пересекались с неандертальцами в едином историческом и географическом пространстве не менее десяти тысяч лет...». – Дробышевский пишет:

«Наиболее поздние датировки слоев с орудиями мустье сделаны для стоянок Грута до Кальдерао (Gruta do Caldeirao) из Португалии 18–27 тыс.л., Салемас (Salemas) в Португалии – 25 тыс.л., Кова Бенейто (Cova Beneito) из южной Испании – 26–34 тыс.л. (d'Errico et al., 1998) и Виндижа (Vindija) в Хорватии – 28–33 тыс.л. (Smith et al., 1999). <...> Наиболее молодые местонахождения, в которых найдены бесспорные останки неандертальцев – Виндижа, Колумберия, Салемас, Фигуэйра Брера, Зафаррайя, Арси-сюр-Кюр и Гротта Брейль» (Дробышевский, 2006).

Проникновение людей современного типа в Европу Дробышевский относит ко времени 45 тыс. л.н., однако сейчас называются цифры 50 и даже 70 тыс. лет (ребенок-сапиенс из Староселья). Если даже цифру 50 тыс. лет принять как максимальную, то время совместного проживания неандертальцев и кроманьонцев Европы составляет (по с.ш.) порядка 30 тыс. лет, что еще более усугубляет главную проблему для эво-сценария. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁴«Его человечность, интеллект, религиозность и высокая социальность признаны, кажется, окончательно». – В любопытную ловушку с проблемой существования неандертальцев попадают теологические эволюционисты. Если обычным материалистам, сторонникам африканского происхождения, достаточно лишь неучастия неандертальца в эволюции *Homo sapiens sapiens*, то их теозволюционные коллеги просто не знают, что делать с этим существом, с христианской точки зрения имевшим все качества настоящего человека –

обладавшим религиозностью и проявлявшим милосердие к ближним. Так, например, небезызвестная Г. Муравник, не скрывающая своего раздражения по поводу религиозности неандертальца, просто вычеркивает его из человеческой истории, объявляя неким третьим представителем Божьего мира (если воспринимать этот мир в терминах безусловной разделённости на людей и животных), – то есть, не обезьяной, не человеком, а именно какой-то отдельной биологической разумной формой, не совсем понятно для чего созданной Творцом (Муравник Г.Л., *Тайна шестого дня творения и проблемы современного антропогенеза: научный анализ и богословский комментарий*). Наука тут, конечно, как и у материалистов, стоит на первом месте, а «прозрение» (т.е. объективный подход к реальным фактам о неандертальце) для Г. Муравник и ее тео-эво-коллег невозможны по принципиальным соображениям. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁵ «...то любое животное могло бы теоретически заговорить, однако этого не происходит». – С обезьянами тут картина, кажется, более менее ясна – все современные опыты по обучению обезьян человеческому языку по сути сводятся к дрессировке – у животного вырабатывается лишь «реакция узнавания» на то или иное слово; обезьяны способны «узнавать отдельные слова или звуки и ассоциировать их с определенными поощрениями, но при этом они не понимают истинного смысла слов и не способны складывать их в значащие предложения» (Дж. Мерфи, [публикация на этом сайте](#)). С другой стороны, в

природе существует сложный язык сигналов у некоторых птиц и насекомых, запрограммированный в них на уровне инстинкта. Из этого по мнению Мерфи следует, что птицы и насекомые либо гораздо умней так называемых «высших животных», либо это – доказательство Творения и в них запрограммировано большое количество информации. Для приверженцев теории эволюции здесь возникает проблема. Они должны либо пересмотреть иерархию интеллекта животных на шкале эволюции, либо опровергнуть доводы оппонентов (Мерфи, 1996). См. также [мнение Дж. У. Клотца](#) и [мнение Дж.У. Оллера и Дж.Л. Омдала](#) [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁶Цитаты из Эйнштейна и Хомски в этом разделе приведены по: Дж. У. Оллер, Дж. Л. Омдал. *Способность человека к речи: по чьему образу?* Пер. с англ. [Сетевая публикация](#). [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁷«В человеческом мозгу имеются ... так называемые речевые зоны Брока и Вернике». – Наличие этих зон у хомо эректус не вызывает сомнения, однако эволюционисты часто заявляют, что эти структуры начали развиваться уже у хабилисов. Это утверждение основано на единственном примере черепа ER 1470, у которого якобы присутствует развитое поле Брока (см., напр., Клягин, 1996). Между тем сам автор находки, Р. Лики отмечает, что этот факт ни в коем случае нельзя рассматривать как очевидный, так как маркировки на слепке мозга весьма нечетки и недостаточны для однозначных выводов (в книге: Leakey, R. and Lewin, R., *Origins Reconsidered*, Little,

Brown and Co., London, p. 260, 1993). [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁸ «...что этот гоминид обладал элементарной речью». – Здесь, как обычно, нужно делать поправку на эволюционную интерпретацию фактов. Казалось бы, исследователи выяснили, что мозг у сангиранских эректусов, включая речевые центры, не отличается от современного, но речь, ясен перец, в свете учения теории эволюции, могла быть только «элементарной». [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁹ «...гортань, занимающую современное низкое положение в гортани». – Стоит заметить, что некоторые авторы (напр., Д. Либерман) оспаривают зависимость положения гортани от степени изогнутости основания черепа.

«Следует уточнить, – пишет С. Бурлак, – что для членораздельной речи важно не положение гортани само по себе, а соотношение длины ротовой полости и длины глотки: то, что у современного человека эти длины приблизительно одинаковы, так что части языка, расположенные во рту и в глотке, примерно уравниваются, дает возможность четко различать в произношении все звуки, включая «крайние» гласные – [i], [u] и [a] [Lieberman, 2002, 139–140]. У других видов гоминид таких возможностей, видимо, не было, поскольку они, как видно по сохранившимся черепам, обладали сильно выступавшими вперед челюстями и, соответственно, длинной ротовой полостью. Чтобы уравновесить такую длину рта соответствующей длиной глотки, гортань должна была бы располагаться где-то в груди, что

крайне маловероятно (ср. [там же]). Впрочем, невозможность произнесения «крайних» гласных сама по себе не может свидетельствовать ни об отсутствии языка (язык мог в принципе быть и жестовым), ни даже об отсутствии членораздельной звучащей речи – просто, если таковая была, она должна была в бóльшей степени полагаться на различия согласных [Deacon, 1997, p. 253, 358]» (Бурлак, 2007).

С другой стороны, сказанное представляется достаточно умозрительным. Степень челюстного прогнатизма некоторых сегодняшних жителей Африки и Юго-Восточной Азии сопоставима с таковой у архантропов, однако к современным людям, вполне себе хорошо произносящим крайние гласные, подобные выводы почему-то не относятся. [\[Вернуться к тексту\]](#)



4.

Мог ли *Homo erectus* создавать образцы искусства?

Напомню, что весь комплекс признаков, помогающих «отыскать» в *Homo erectus* «настоящего человека», в принципе сводится к триаде: **символическое мышление, язык, религия** (мы конвертировали эти критерии в те археологические и антропологические следы, которые доступны нашему изучению). Однако

при малейшем углублении в проблему, малейшем отклонении от простого перечисления примеров к их анализу – мы всякий раз обречены вступать в область взаимозависимостей. Действительно, что здесь выделять как первичное или главное – огонь, жилища, искусство, религиозное чувство, речь? Одно связано с другим, немислимо без него и существует с ним только в комплексе. По большому счету нам неважно, с какого критерия и начинать, но мы начали с огня – и уже огонь «тянет за собой» все остальные умения человека. Например, возможна ли огневая загонная охота большой группой людей без их речевого общения? А передача опыта при изготовлении инструментов, планирование хозяйства, постройка хижин – возможны ли без использования речи? Или, говоря о доме, о «чувстве дома», равно как и о геометрической организации и целенаправленном освоении окружающего пространства, – разве мы заодно не говорим о философии и космогонии древнего человека? А где грань между созданием произведения искусства и религиозным чувством, которое его на это создание подвигло?

Со стороны этот причинно-следственный клубок может показаться запутанным, однако запутанность его мнимая. Ситуация непонятна только с точки зрения эволюционной парадигмы.

Профессор Я.А. Шер, археолог и ведущий специалист по компьютерному моделированию в археологии, признает, что проблема происхождения искусства по своей сложности сравнима с проблемой происхождения жизни. А. Вишняцкий вслед ему уточняет, что «в известном отношении она

даже сложнее». Подобные высказывания можно услышать и относительно других признаков, например, языка, – что проблема происхождения языка сродни проблеме происхождения самой жизни (В. Брэдли и Ч. Тэкстон). Надо сказать, что сравнения эволюционных авторов вполне правомерны, ибо они сравнивают нечто неизвестное с тем, что неизвестно в абсолютной степени. Но главное, в чем они «невольно правы» – это в косвенной констатации того факта, что искусство, язык, равно как и сама жизнь, являются понятиями одного порядка, проистекающими из той области, феномены которой находятся **вне компетенции теории эволюции**. Аналогия здесь самая бесхитростная – поскольку гипотеза абиогенеза (происхождения жизни из мертвой материи) выведена за рамки теории эволюции, и все представленные на сегодня модели абиогенеза научно опровергнуты, – то и происхождение того же искусства при любой попытке подойти к нему с эволюционной «научной» моделью или гипотезой, по умолчанию «испытывает те же трудности» (как живое не может родиться от мёртвого, так искусство не может родиться из физиологии). Главная из которых – эволюционизм не знает даже, с какой стороны к этой проблеме подступить...

Что такое искусство? Старые советские и нынешние «материалистические» словари на этот счет говорят много и расплывчато, определяя искусство то как форму общественного сознания, то как культурную деятельность, удовлетворяющую эстетические чувства, но мы не будем особо мудрить или «оспаривать термины». Подойдем к проблеме максимально

упрощенно. Согласимся, что искусство – это **отражение** (и, если сразу идти дальше, материальный способ выражения) **представлений человека о мире в эстетических категориях**. Представлений любых – от бытовых до религиозных, философских, космологических. Ключевая фраза здесь – «в эстетических категориях», ибо ученый тоже познает и выражает свои «представления о мире», но язык и цели его несложны и вполне понятны – с минимальными затратами и максимальной эффективностью «познать» окружающий материальный мир ради «поставления» его себе на службу (в идеале, в декларациях – на службу людям). А что же такое эти «эстетические категории»? Не вдаваясь в детали, скажем, что эстетика, это своеобразный «язык» искусства – которое само (как и наука) есть некое особое средство, инструмент, орудие познания мира. Однако если ученый занимается освоением и покорением материального мира, то – что или кого осваивает или покоряет искусство? У рационала на этот вопрос ответа нет, – в отличие от языка и задач науки, язык, цель и задачи искусства рациональный метод познания «не отслеживает», не ухватывает их; для рационального ума они, как «Стэлс» для радаров, невидимы.

Но я рискну сформулировать цель искусства, хотя и самым поверхностным образом; да не побьют меня эстеты, пижоны от искусства и прочая гламурная сволочь. В основании всякого искреннего эстетического восприятия, внутреннего самоощущения художника – лежит понимание **трагического и неизменного, уже никакими силами**

не поправимого несовершенства нашего мира (о чем мы говорили в первой главе). Я убежден, что творчество не равно искусству. Творчество есть создание нового «из ничего» или создание качественно нового на основе уже имеющегося. В полной мере Творец – это Бог, из числа всех живых существ подаривший лишь сотворенному человеку подобную возможность. Если бы, скажем, Адаму довелось сделать правильный выбор и остаться в раю, он наверняка бы занимался творчеством, то есть возможностью творить подобно Богу, преобразовывать данную ему в виде некоего загрунтованного холста землю в собственный живописный шедевр и уметь извлекать новое из ничего. Но Адам не знал бы в Раю искусства. Ибо сущность искусства – это, собственно, и есть *искушенность* страданием, **плач о потерянном Рае**, непрерывающаяся в поколениях (хотя и «бесполезная», всегда осознанно безрезультатная!) попытка вернуть утраченные человеком чистоту и совершенство этого мира, а также полноту изначальных чувств и знаний. В этом смысле искусство – действительно, орудие, только, если читатель простит мне еще одно уточнение, орудие не познания, не завоевания мира, как в науке, а его **исцеления**; некий инструмент для сшивания его расползающихся лоскутов. Ученый смотрит «рациональным» взглядом и видит перед собой человека, траву, птицу. Из травы он сделает человеку лекарство от простуды, от птицы возьмет идею самолета. Художник же смотрит – и с волнением видит, что между человеком, травой и птицей навсегда разорвана связь; они прекрасны, но порознь, без прежней связи, бессмысленны и смертны. Таким образом, искусство, это своего рода

потерянная возможность былого творчества, – того **настоящего** творчества, о котором богословы говорят как о сотворчестве с Богом. А искусство – это лишь нынешние «остатки былых возможностей», воспоминание, плач о том, какими чувствами, знаниями и умениями мы когда-то обладали. Поэтому настоящее искусство всегда **трагично**. Трагично своей тоской по идеалу и его недостижимости – это касается и рисунков первобытных художников, и скульптур античности, и поэзии серебряного века. Льюис говорит:

«Ничто живое не рождается на свет с такими желаниями, которые невозможно удовлетворить. Ребенок испытывает голод, но на то и пища, чтобы насытить его. Утенок хочет плавать: что ж, в его распоряжении вода. Люди испытывают влечение к противоположному полу; для этого существует половая близость. И если я нахожу в себе такое желание, которое ничто в мире не способно удовлетворить, это, вероятнее всего, можно объяснить тем, что я **был создан для другого мира**».

И задача художника – это вечная **попытка не только приблизиться к тем началам**, к чистоте тех чувств и смыслов, но и в нынешнем мире восстановить утраченную гармонию, вернуть жизнь всем ушедшим и живущим людям, зверям, деревьям, предметам. **«И все распавшиеся связи сцепить хотя бы на мгновение»**.

...Не нужно возражать мне, что понятия «искусство», «творчество», также как и «мастерство», «ремесло» и др. – в быту употребляются более широко и часто

«взаимозаменяемы»); я говорю об искусстве в самом его сущностном смысле. Творчество – это, скорее, метод и приём; искусство – глобальная «компенсационная» реакция. Творчество – созидание, нападение на врага, покорение мира; искусство – глухая оборона, попытка защитить последнюю пядь своей территории. Читатель вполне волен не соглашаться с моим личным пониманием искусства, однако сейчас на суть рассматриваемой нами проблемы это никак не влияет. Никто, кроме богословов, до сих пор не ответил на вопрос – почему древний человек изменял окружающую его среду с помощью узоров, рисунков, украшений. Для животного, себя не осознающего, эстетизация окружающей среды – нонсенс. Но если человек, даже самый что ни на есть дикий, пещерный, да при этом еще находящийся на грани выживания, украшает себя, свое жилище и свои инструменты узорами и символами, то это как минимум говорит о его понимании, что **окружающий мир недостаточно хорош и должен быть «улучшен»** с помощью внесения в него «дополнительного» изящества и совершенства.

Но если это так, то мы приходим к неизбежному выводу, что искусство и религия не только неразделимы, но и синхронны в историческом времени, – и что искусство есть прямое выражение человеком своих религиозных чувств.

«Разумность палеоантропа, – пишет историк, профессор А.Б. Зубов, – не могла ограничиться лишь приспособлением среды для лучшего добывания пищи и продолжения рода. Разум с неизбежностью

ставит вопрос – для чего продолжать род и длить собственную жизнь. Животные перед собой этих вопросов не ставят, но человек обладает сознанием себя, которым животные не обладают, человек живет не рефлексивно и инстинктивно, но сознательно и потому вопрос: «зачем быть» – это только человеческий и обязательный человеческий вопрос. Вопрос этот связан с проблемой смерти, конечности личного бытия. **Тот, кто сознательно покоряет себе природу, не может не сознавать и своей конечности и не может не страдать от перспективы утраты своего бытия**». (Зубов А.Б., 1997)

Собственно, в этом и заключается вся «загадка» происхождении искусства. Но ограничимся пока только примерами, до поры условно отделив искусство от религиозной составляющей. Просто всё сказанное выше необходимо, чтобы понять – с какими материями мы имеем дело, когда говорим об искусстве. Конечно, костры и жилища эректусов – замечательное свидетельство их «человечности», ибо превращение естественной природной среды в искусственную напрямую вытекает из самой сути человека – не только как существа, обладающего возможностью действовать по собственному, осознанному выбору, но и существа, в определенном смысле **надприродного** (в природе более являющегося «пришельцем», чем ее частью); то есть, по сути, стоящего вне рамок и законов окружающей среды. Однако умение древних людей изменять среду «в эстетических категориях», согласимся, не идет ни в какое сравнение даже с их умением построить жилище и разжечь огонь, хотя два

последних качества столь же безусловно кладут пропасть между животным миром и человеком.

Но читатель, надеюсь, не забыл, что основным модельным принципом эво-антропологии является развитие от простого к сложному; от отсутствия некоего признака к якобы появлению его сначала в примитивной форме, а затем эволюционному усложнению. То есть, если между биологической эволюцией гоминид и развитием их культуры существует жесткая связь, то применительно к искусству мы должны ожидать появления его первых форм не ранее верхнего палеолита и уж никак не ранее появления сапиентного ориньякского комплекса. «По-эволюционному» примерно так оно и есть – археологическая периодизация палеолита в целом до сих пор жестко привязана к антропологической. Согласно бытующему до сих пор эво-мнению, искусство могло возникнуть только вместе с «готовым» человеком, каковым является лишь верхнепалеолитический *Homo sapiens* (не ранее 30–40 тыс. лет назад). Например, даже вполне «прогрессивный» эволюционист Л. Вишняцкий, придерживающийся гипотезы о высоких, но неиспользуемых за ненужностью потенциях ранних *Homo sapiens*, тем не менее, выражает мнение эволюционного большинства:

«...Наличие биологических предпосылок, будучи необходимым условием происхождения искусства, не являлось одновременно и условием достаточным. Это, однако, еще не означает, что предшественники и соседи *Homo sapiens sapiens* на «эволюционной лестнице» такими предпосылками действительно

обладали. Чтобы доказать последнее, нужны гораздо более весомые аргументы – лучше всего в виде несомненных свидетельств фигуративной изобразительной деятельности доверхнепалеолитического возраста, – **а их пока нет и, может быть, никогда не будет**» (Вишняцкий, 1997).

Но это не соответствует действительности! Понятно, что эволюционисты из всех сил, всеми фибрами души желают, чтобы одомашнивание огня, постройка жилищ, речь и – в том числе – искусство обнаруживались на гораздо более поздних стадиях «человеческого развития». Но как быть, если карточные домики разваливаются под собственным весом?

В принципе, под понятие «искусство *Homo erectus*» можно было бы подвести изготовление ими каменных инструментов, в которых наряду с утилитарными, технологическими элементами (вроде режущего края) просматриваются и эстетические представления – кроме практических качеств орудия в совершенстве линий явно угадывается еще и стремление «сделать красиво». Это уже по сути – произведения искусства, с их лаконичностью и красотой. Мне кажется, что один лишь аргумент бифасов должен был, по идее, снять все сомнения в истинной человечности «первых людей», в их способности мыслить символами, общаться с соплеменниками, строить жильё, иметь религиозный взгляд на мир и создавать образцы искусства. Как ни странно это для кого-то прозвучит, но то же касается и более примитивных инструментов, например, ранее упомянутых, с участка ДК. Я иногда как бы спохватываюсь, поймав себя на том, что делаю что-то

лишнее – и тут же это чувство сменяется недоумением; отчего столь многие вещи подлежат обсуждению, когда они **очевидны**? Зачем, думается мне, нужно доказывать умение эректусов строить хижины, говорить, разводить огонь, шить одежду и т.д. – если они уже умели **такое**? А уж многие бифасы, особенно позднеашельские – шедевры художественного мастерства, чья изящная форма и тщательность обработки выходят далеко за рамки практической необходимости. Кстати, на это обращали и обращают внимание многие исследователи-эволюционисты – и в их числе Кеннет Окли (тот самый, который разоблачил пилтдаунскую подделку).



Орудие, вырубленное вокруг окаменелости.

© NHM Image Resources

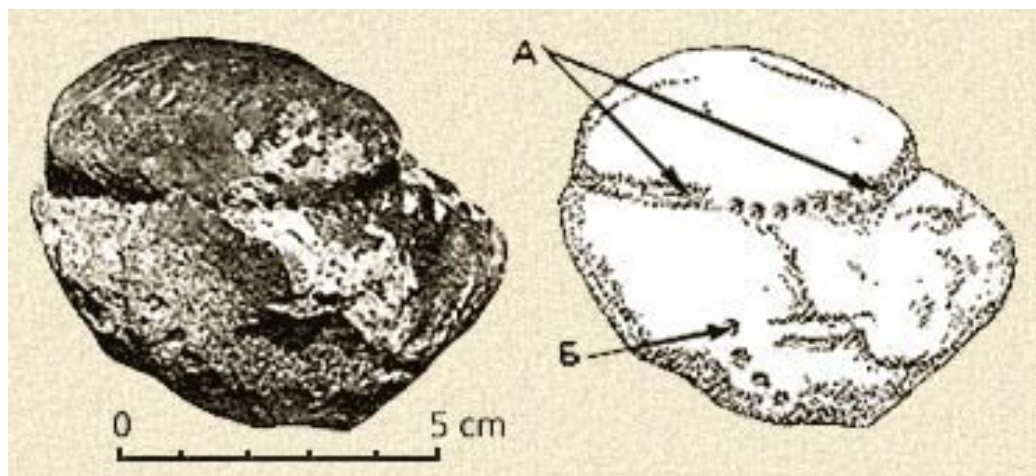
Есть много свидетельств, что сами древние часто воспринимали свои орудия как произведения искусства. Порядка 400 тыс. лет назад по с.ш. в **Сванскомбе**, Англия, «пещерный» человек нашел кусок кремня с вмурованной в него окаменелостью *Conulus* (морского ежа мелового периода) и превратил находку в ашельское рубило с «эмблемой» в центре! Необычность находки состояла еще в том, что самый близкий источник, откуда был принесен этот камень, находился в 193 км от стоянки, где в 1981 году был обнаружен Кеннетом Окли. Древний художник, даже из расчета пути 30 км в день, должен был более шести дней держать этот предмет при себе – он с камнем своим засыпал и просыпался, и в какие бы передрыги по дороге ни попадал, донес-таки свою находку до дома. Не говоря уже о том, что подобная обработка требовала величайшей осторожности. Это орудие не единственное, и подобные артефакты совершенно недвусмысленны. Понятно, что ни один инструментальщик не стал бы использовать каменный материал и аккуратно обтесывать его вокруг окаменелости, если бы не воспринимал эту окаменелость именно как элемент дизайна – в противном случае он сталкивается с существенным недостатком, ослабляющим прочность орудия и мешающим обработке режущего края.

Но был ли *Homo erectus* способен к самостоятельному творчеству? Нет сомнения, что эректусы имели современные геометрические представления – об этом свидетельствует не только форма их бифасов, жилища и организация стоянок,

но и каменные пирамидки-тетраэдры, сфероиды, ромбоиды, а также многочисленные неутилитарные поделки из камня. Сегодня некоторые исследователи-эволюционисты (Т. Винн, А. Белфер-Коэн, О. Горен-Инбар и др.) говорят, что для создания бифасов позднего ашеля требуется интеллект, аналогичный современному. В частности, эволюционист Т. Винн называет это стадией «операционного мышления», которая в онтогенезе современных людей характерна для взрослого состояния. Проведя анализ ашельских рубил Восточной Африки, уже известный нам Дж. Гоуллетт утверждает, что хотя *Homo erectus* не занимались математикой и искусством (в нашем понимании), основные предпосылки этого уже выражены в их деятельности. Однако даже Гоуллетт слишком, кажется, осторожничает. Если мы посмотрим на [серию ашельских рубил](#) из доклада Мэри Лики 1994 года (Leakey and Roe, 1994), то увидим пример абсолютно математически стандартизированного производства орудий с тремя осями симметрии; орудий, получаемых примерно за 60 ударов каждое, что свидетельствует не только о намерении достичь строго определенной формы, но и, так сказать, о математической, «числово-программной» составляющей производства. В 1970-х годах радикальный эволюционист Гленн Айзек, понимая надвигающуюся проблему, утверждал, что ашельская инструментальная культура «не должна стать предметом изучения искусствоведов». Однако последующие находки инструментов, а также изделий из камня и кости, в том числе с выгравированными или вырезанными орнаментами и символами – позволяют сегодня говорить о таком

явлении как «**палеоарт**» (Р. Беднэрик, Дж. Харрод, С. Эванс и др.). Сторонники палеoarта считают, что искусство насчитывает более (или гораздо более) миллиона лет. Свидетельства, собранные этими учеными, уже невозможно игнорировать, однако большая часть научного сообщества пока еще хранит благопристойное молчание. Лично я думаю, что здесь сказывается некая парадоксальность современного постмодернистского мышления. Эволюционисты не могут не знать о существующих примерах нижнепалеолитического искусства, но по предписанию своих схем видят лишь в светлом и праздничном периоде верхнего палеолита время возникновения какого-нибудь «правильного», истинно арийского, эволюционного искусства – с яркими пещерными росписями и реалистичными фигурками «венер». Это такой же нонсенс, как если б, скажем, любитель рок-музыки заявил, что до Чака Берри и Элвиса никакой музыки не было (для него это само собой разумеющаяся истина). Зная о проблеме палеoarта, адепты эволюционизма, видимо, чисто по-модернистски «выбирают» более приятный, подходящий им вариант реальности – той, где никакого палеoarта не существует.

Однако «вернемся к истокам». Давайте посмотрим, работает ли в контексте разговора об искусстве *Homo erectus* наша формула – «некое качество или умение было присуще человеку изначально».



Образец палеоискусства, который Мэри Лики определила как изображение головы бабуина. А - гравировка верхней части головы; Б - гравировка нижней части. Image: Leakey M.D, 1971.

Мы не будем спорить, являются ли культурные процессы эволюционными и связаны ли они с биологическими. Также не станем более обсуждать, почему даже самые прогрессивные эволюционисты почти уверены, что образцов искусства ранее верхнего палеолита найдено никогда не будет. А посмотрим, как обстоят дела не в теории, а в реальности. Приведем в качестве примера находку, сделанную Мэри Лики в период 1960–63 г. в Олдувайском ущелье, в Танзании, на участке **северный FLK** (FLK North), в нижнем, I-м горизонте, с официальной датировкой 1,8 млн. лет (фактически рядом с тем местом, где была найдена мастерская). Мэри Лики в следах обработки этого образца усматривает намерение «скульптора» придать заготовке сходство с головой бабуина. Действительно, булыжник не просто обтесан по всей поверхности

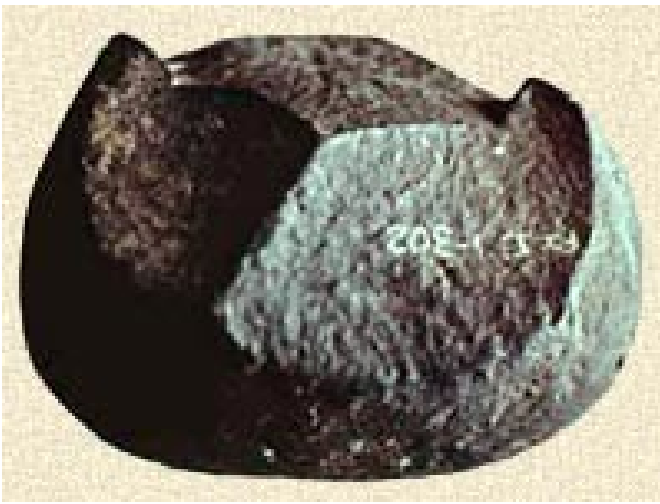
ради придания ему желаемой формы, но еще и гравирован двумя цепочками симметричных углублений диаметром 3 мм, верхняя из которых окружает приподнятую овальную область «головы» по всему периметру. Художник также прорезал «бабуину» рот и ноздри. «...Во-первых, – пишет Мэри Лики (в упоминавшемся выше докладе 1971 года), – этому образцу, безусловно, была придана определенная форма, и, во-вторых, ничуть не похоже, чтобы он служил орудием или выполнял какие бы то ни было практические функции». Антрополог Дж. Харрод, автор ресурса OriginsNet.org, впрочем, делает еще более любопытное заключение. Дело в том, что из северной Европы происходит целый ряд сходных артефактов возрастом порядка 400–500 тыс. лет – каменных «наковален», напоминающих голову бабуина, хотя останки бабуинов в северной Европе никогда не были обнаружены. Харрод предполагает, что танзанийской «голове бабуина» также изначально отводилась роль «наковальни», а сама подобная форма могла быть родоначальником культурной инструментальной традиции, дожившей в Европе до среднего палеолита. В создании же танзанийской «головы бабуина» проявилось не только художественно-метафорическое мышление его автора, но, кажется, даже определенное чувство юмора.

Еще одним примером артефакта, имеющего не утилитарный, а символический характер, является находка с официальным возрастом около 1,9 млн. лет – каменный ромбоид в форме кристалла.

«В музее Кооби-Фора в Кении, – пишет Дж. Харрод, – я изучал предоставленные двухмиллионнолетние каменные инструменты с Восточного участка оз. Туркана. Среди некоторого количества грубоватых ядрищ и отщепов меня поразило одно необычное, своеобразное ядрище. Найденное на стоянке, названное и каталогизированное как FxJl #302, оно представляло собой овальную базальтовую гальку приблизительно три дюйма длиной, с пятью сколотыми гранями.

Археологи именуют это орудие по-разному – как двусторонний чоппер, или чоппинг; или просто – обтесанное ядрище. По два парных скола было сделано с каждой стороны, а пятый срезал верхнюю часть. Этот пятый скол, возможно, был случайным, но, также вероятно, что и сделанным намеренно. В любом случае результатом явилась замечательная ромбоидная форма, потрясающе симметричная и центрированная по четырем сколотым плоскостям. <...>

Артефакты типа пирамид, ромбоидов, и FxJl #302 – не функциональные, а сакральные каменные изделия. То, что в них воплощено, не является средством для получения какой-то выгоды, и это также не побочный продукт и не отходы, сопутствующие изготовлению ядрища. <...> Более вероятным представляется, что это – нечто, сделанное «ради него самого», то есть, может быть, созданное в качестве произведения искусства («из любви к искусству», for its own sake)» (J. Harrod, «Two million years ago...»).



Один из самых ранних образцов палеоарта – ромбоид из Кооби Форэ. Image © James Harrod

Что же хотел выразить *Homo ergaster*, создавая этот предмет? В трактовке ромбоида из Кооби Форэ Дж. Харрод идёт дальше всех, утверждая, что древний мастер создал некий абстрактный символ в форме кристалла, являющийся квинтэссенцией его философско-религиозных представлений о мире. Харрод говорит, что эта находка может быть ключом к пониманию мышления и духовности древних олдувайских жителей. Свое утверждение ученый обосновывает тем, что ромбоид содержит в себе основные сакральные символы и числа (выраженные через количество имеющихся элементов), являющиеся базовыми «метафорами» человечества. Впрочем, я считаю, что изображение может быть и реалистичным – например, художник мог изобразить свое жилище; аналогичное тому, что находилось на участке DK. В любом случае – создавая этот предмет,

его автор не преследовал какой-либо утилитарной цели, ромбоид не походит ни на один из известных инструментов, и ему трудно отыскать какое-либо практическое применение. Исключено, что он был получен случайно, в результате «тупого» обтесывания камня – невероятная симметрия и повторяемость деталей говорят об определенном замысле, а его какая-то общая цельность и при этом крайняя лаконичность форм почти не оставляют сомнений, что ромбоид имел культовое, сакральное значение. На мой взгляд, достаточно убедительное предположение высказывает кандидат исторических наук В. Косарев:

«...Если этот ромбоид невозможно объяснить никакой практической нуждой, значит, это – плод «духовного производства», который обслуживал не практику, а, так сказать, донаучную теорию освоения мира и мог быть атрибутом культа. Перед нами – символ, хранящий информацию о сложном и таинственном биении первобытной мысли, трепете человеческой души, который требовался в мистической практике, например, в передаче традиции, демонстрации мифа, исполнении ритуала, одним словом, – в социально-духовном, идеологическом общении. <...>

Есть лишь одно более или менее обоснованное соображение, и я дерзну его высказать: это может быть **стилизованным, символическим изображением огня в очаге**. Таково впечатление от общего вида. Прежде всего обращаю внимание на непонятно как полученные древнейшим мастером крутые, точно загиб волны, «язычки», которыми заканчиваются на краях предмета грани, разделяющие ромбовидные сколы. Снизу объект плоский, что подсказывает

положение, в котором его хотели видеть древние гоминиды. Если глядеть под углом с боков, бросается в глаза, что грани, разделяющие сколы, образуют трехлучевые радиальные пересечения. Если же взглянуть на артефакт сверху, то прежде всего увидим почти правильную окружность, отвечающую форме очага. И наконец, сверху вся форма сопряжения граней являет подобие креста, – одного из самых ранних мистических символов первобытной культуры; если бы не было верхнего скола, аналогия была бы полной. Но верхний скол превратил центр креста (точку пересечения двух перпендикуляров) в пятый ромб, такой же, что и четыре боковых. За всей этой парадоксально сложной для столь древнего изделия формой должна стоять какая-то конструктивная, эстетическая или мистическая идея, словом, идеология» (Косарев, 2004).

В Европе, подобно тому, как мы встречаем аналоги каменных наковален в форме приведенной выше «головой бабуина» (500 тыс. лет назад по с.ш.), существуют и аналоги нашему «кристаллу»-ромбоиду. Из Нидерландов известны так называемые полиэдры 800 тысяч лет по с.ш., сделанные из кварцитовой гальки и по форме очень напоминающие кенийский артефакт. Нечто похожее мы встречаем и в Германии, в Гросс-Пампау, с официальным возрастом порядка 400 тысяч лет. Как и кенийскому ромбоиду, этим предметам трудно подыскать какое-либо практическое применение; они явно носят символический, эстетический или ритуальный характер. Весьма вероятно, что более поздние по времени артефакты из Нидерландов и

Германии также связаны с кенийским ромбоидом («очагом?» «домом?» «символом мироздания?») какой-то специфической традицией, уходящей в самую тьму веков.



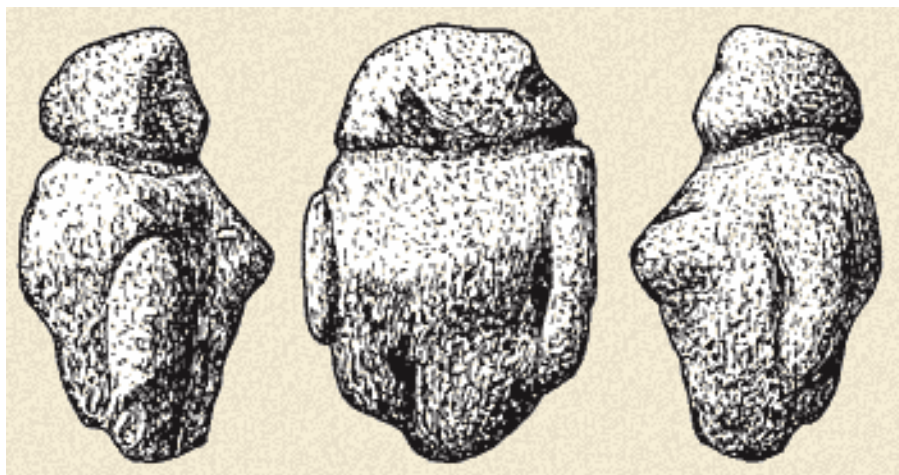
*«Венера» из Тан Тан. Марокко. ©
R. Bednarik*

Самыми ранними изображениями человеческих фигур можно считать две находки, относимые к среднему ашелю. Обе они стали в свое время археологической сенсацией – это «венеры каменного века», изготовленные задолго до появления женских статуэток у «готовых к возникновению искусства» кроманьонцев. Первая из них была найдена на географической границе ближнего Востока и Северной Африки, близ города **Тан Тан**, Марокко, в 2001 году немецким археологом Лютцем Фидлером. Она сделана из розового кварцита и датируется возрастом порядка 400 тыс. лет. Археолог Роберт Беднэрик, исследовавший статуэтку, пришел к выводу,

что в целом камень имеет природную форму, но, вероятно, именно эта форма навеяла древнему художнику мысль о человеческой фигуре, поскольку кварцитовая природная заготовка была искусственно (и, как замечает Беднэрик, искусно) доработана до нынешнего сходства с человеческой фигурой. Разумеется, что существуют скептики, пытающиеся представить фигурку из Тан-Тан, так сказать, всецело «игрой природы», однако два фактора не оставляют этой классической спасительной «эво-дурилке» никаких шансов. Во-первых, «Венера» носит явные следы искусственной орудийной обработки, а во-вторых, она была окрашена красной охрой – явное свидетельство ее символической роли (эстетической, но, скорее, религиозной). Ашельские каменные инструменты были обнаружены, по словам Беднэрика, буквально в сантиметрах от фигурки, но из всех артефактов окрашена охрой была только она.

Аналогичная находка, известная как «Венера из **Берехат-Рам**», происходит с одноименной ашельской стоянки в районе Голанских высот, Израиль. Этот экспонат был найден между двумя слоями застывшего вулканического базальта, верхний из которых датировался возрастом 233 тыс. лет, а возраст нижнего имел неопределенные значения в интервале от 290 до 800 тыс. лет. Возраст нижнего базальта отчего-то усреднили как 470 тыс. лет, и фигурке был присвоен возраст в интервале этих двух базальтов, от 233 до 470 тыс. лет. Детальный анализ этой находки проводился американским антропологом с мировым именем, Александром Маршаком, в 1997 году. Маршак пришел к

однозначному выводу о рукотворном происхождении экспоната, указав на следы инструментальной обработки. Углубление вокруг шеи было вырезано, округлена голова и детализировано лицо, мастер симметрично вырезал руки (причем, одна висит свободно, а вторая немного согнута в локте). Еще один анализ фигурки проводился в 2000 году д'Эррико и Ноуэллом, которые подтвердили искусственное происхождение артефакта. Они также обратили внимание, что нижняя торцевая часть фигурки сохранила следы выравнивания, вероятно, чтобы фигурка могла стоять. Как и находка из Тан Тан, «Венера из Берехат-Рам» носит следы окраски охрой, что также почти несомненно свидетельствует о религиозном назначении этого произведения искусства.



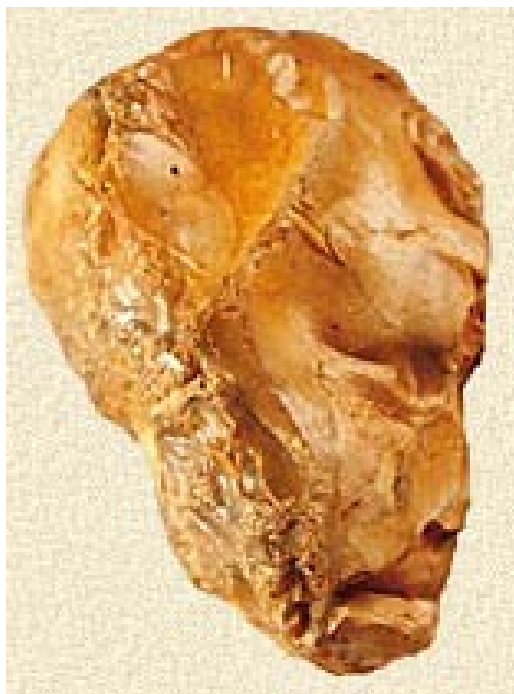
«Венера из Берехат-Рам», Израиль. Image © R. Bednarik

Нельзя не упомянуть и многочисленные свидетельства палеоискусства из **Гросс-Пампау**, около города Шварценбек в северном Шлёзвиг-Гольштейне, Германия. Есть такая шутка, почти неотличимая от

правды, гласящая, что человек вышел не из Африки, а оттуда, где больше копают. В XIX веке в связи с промышленным подъемом Европы не было сомнений, что Европа – родина человечества, так как именно здесь были найдены все «предки человека». Сейчас совершенно справедливо занервничали африканоцентристы, ибо в связи с экономическим развитием Китая и сопутствующими ему грандиозными археологическими изысканиями «родина человечества», как золотая рыбка, грозит уплыть из их рук в Поднебесную. При этом совершенно очаровательно, что «правильная эволюция» всегда наблюдается (точнее, получается) лишь при организованных археологических раскопках, но «археологически непреднамеренные» копания, вроде тех, что массовы при горных разработках, рытье котлованов и прокладках дорог, дают неожиданные и самые зубодробительные для теории эволюции результаты. Нечто подобное произошло и близ немецкой деревни Гросс-Пампау. Во время разработки гравийного карьера здесь неожиданно для всех были открыты целые залежи артефактов среднего палеолита – не только орудия клектонской культуры (европейский аналог африканского ашеля), но и масса каменных изделий так называемого неутилитарного назначения. С 1979 года карьер является уникальным поставщиком артефактов, относимых многими исследователями к палеолитическому искусству. Основная часть находок гравийного карьера происходит из слоев так называемой миндельской ледниковой морены с официальным возрастом 500 тыс. лет. Геологи допускают переотложение камней морены в

последующий теплый период 400 тыс. лет назад по с.ш. и даже частичное смешивание с мореной периода Рисса III (200 тыс. лет). С другой стороны, в коллекции Гросс-Пампау встречаются фигуративные изображения таких животных, которые вымерли здесь гораздо раньше полумиллиона лет назад. В целом исследователи согласны, что большинство артефактов имеют возраст 400–500 тыс. лет.

*«Печальный человек» из
Гросс-Пампау, Германия.
Фото © U. Benekendorf*



С 1973 года немецкая исследовательница Урсель Бенекендорф собрала в Гросс-Пампау огромную коллекцию каменных предметов природного и искусственного происхождения. Первые именуются манупортами и представляют собой природные образования, по тем или иным соображениям приглянувшиеся древнему человеку (кристаллы, галька с необычными узорами, камни,

напоминающие своей формой животных и пр.). Но существует и масса намеренно обработанных человеком камней, которые трудно трактовать иначе как попытку выразить себя творчески. Это изделия, в которых без труда угадываются человеческие лица, изображения животных, птиц, рыб, и даже, возможно, жилищ с вертикальными стенами и покатыми крышами. Пожалуй, самым знаменитым произведением из Гросс-Пампау является реалистичное изображение человеческой головы из молочного кварцита, так называемый «Печальный человек». Дж. Харрод замечает, что этот экспонат мог бы считаться шедевром искусства в любой период времени^[10].

По известным причинам моренные отложения исключают возможность реконструировать первоначальный облик какой-либо стоянки, также здесь не найдены костные останки людей, позволяющие установить их таксономический ранг. Читатель, считающий условные таксономические деления чем-то незыблемым, может задать вопрос – а действительно ли авторами изделий Пампау были хомо эректусы? Можно было бы ответить, что таксономическая классификация есть формальность, и нам важны лишь сами по себе столь ранние примеры человеческого творчества. Можно было бы также заметить, что если уж мы ведем речь об архантропах; людях нижнего палеолита, то в строгом смысле даже «полузаконный» *Homo heidelbergensis* есть сугубо эректоидная форма – это, собственно, европейский *Homo erectus* с непонятно откуда вдруг выпрыгнувшими у него сапиентными

чертами. Однако в немецком же **Бильцингслебене**, отстоящем от здешних мест примерно на 200 км, в это же время жили именно *Homo erectus*, известные не только аналогичными Пампау образцами палеоарта (в частности, орнаментами по кости и камню), но и строительством жилищ, очагами, микролитами и деревянными копьями. Они были носителями так называемой клектонской инструментальной культуры. И если клектонская культура в Европе ассоциируется с хомо эректусом, то применительно к тем же Пампау и Бильцингслебену можно констатировать, что в период нижнего палеолита, официально датируемый 400–500 тыс. лет назад, **искусство было присуще эректусам как органическая часть их существования.**

Изучение нижнепалеолитического знакового искусства Европы связано с именами А. Леруа-Гурана, А. Маршака и Б. Фролова, последовательно выступавших с идеей взаимосвязанности и неразрывности искусства, языка и «мифологических представлений» древних людей. Поскольку в Европе самый древний известный образец мобильного искусства, орнамент на позвонке слона, датировался до недавнего времени 730 тыс. лет. (сейчас известны и более ранние европейские находки), то этот возраст авторы считают маркирующим и для наличия устной речи, и мифологии, и даже календаря и арифметического счета^[11]. Прочитую известную монографию Н. Клягина «Происхождение цивилизации» (1996):

«Причины и время перехода к **устной речи** у человека прямоходящего (*Homo erectus*. – А.М.) не ясны,

однако, процесс завершился уже 0,73 млн. лет назад, о чем свидетельствует появление **знакового творчества**, датированное этим временем. <...>

Мы показали, ... что между франко-кантабрийским искусством верхнего палеолита и мобильным искусством среднего и нижнего палеолита существует глубокое генетическое родство. Это позволяет датировать возникновение открытой А. Леруа-Гураном **мифологии** временем появления первых доверхнепалеолитических памятников **мобильного искусства**, древнейший из которых – Странска скала (Брно, Южная Моравия, Чехия, преашель, Гюнц/Миндель II, меньше или равно 0,73 млн.). <...>

Родство франко-кантабрийской мифологии, существование которой предполагает язык, с мифологией среднего-нижнего палеолита дает основание предполагать, что древность вербального языка не уступает возрасту нижнепалеолитического искусства – 0,73 млн. лет.

Более того, как показали А.Маршак и Б.А.Фролов [Marshack A., «The roots of civilization», 1972; Фролов Б.А., «Числа в графике палеолита», 1974. – А.М.], верхнепалеолитическое знаковое творчество, в том числе и франко-кантабрийское, отражает существование **лунного календаря** (А.Маршак) и **арифметического счета** (Б.А.Фролов). На наш взгляд, характерные для франко-кантабрийского искусства парные знаки (например, прямоугольник + ряд параллельных черт, и т.п., ...) выражали календарные пометки (лунный месяц + количественное пояснение

к нему). Парные знаки франко-кантабрийского типа известны уже в нижнем палеолите, что позволяет **датировать возникновение лунного календаря и арифметического счета возрастом мобильного искусства – 0,73 млн.** Связь мифологии с календарем не может удивлять, поскольку, например, у австралийских аборигенов мифологические ритуалы имеют календарную привязку [Берндт Р., Берндт К., «Мир первых австралийцев», 1981. – А.М.].».

Хочу лишний раз обратить внимание читателя, что, рассуждая о тех или иных артефактах палеолита, мы в подавляющем большинстве случаев имеем дело с официальными источниками и оценками, выдержанными в строгих рамках эволюционных схем. Пусть эволюционисты умолкли по поводу авторства каменного круга на олдувайском участке ДК, пусть делают вид, что не существует «головой бабуина», пусть спорят о статуэтках из Тан Тан и Берехат-Рам. Но несомненно одно – все эти экспонаты найдены сегодняшними авторитетными учеными-эволюционистами, описаны в научной литературе и вполне себе находятся на так называемом официальном научном поле. Однако для получения объемной картины совершенно необходимо учитывать и те находки, которые не могут быть признаны эволюционным сообществом ни при каких условиях – причем, не в силу какой-либо недостоверности, а именно по эволюционно-религиозным соображениям. Многие из таких находок еще в XIX веке, до тотального господства дарвинизма, были сделаны профессионалами, по всем правилам задокументированы, описаны в

отчетах и представлены на научный суд, но сегодняшний эволюционный истеблишмент – не то что хранит по их поводу молчание, а гордо не желает с ними даже ознакомиться. Эти находки пребывают как бы в других эмпириях; они есть – и их нет; они находятся в положении именно тех фактов, о которых сказано сакраментальное – «...тем хуже для фактов».



«Человеческое лицо» на раковине из Красной Скалы. © Кremo и Томпсон, 1999.

Так, например, в 1881 году член Британского Геологического общества Г. Стоуп представил на одном из заседаний Британской ассоциации содействия развитию науки свой доклад («*Traces of man in the Crag*», «Следы человека в [Красной] Скале»), в котором описывал необычную находку – древнюю раковину, на поверхности которой просматривалось вырезанное стилизованное человеческое лицо. Необычность состояла в том, что

раковина была найдена в отложениях **Красной Скалы** в Англии, с нынешней геологической датировкой 2–2,5 млн. лет. Любопытно, что сообщение Стоупа было не единственным – девятью годами ранее геолог Э. Чарльзворс на заседании Королевского антропологического института предоставил многочисленные образцы акулиных зубов, в центре каждого из которых было просверлено аккуратное отверстие, как будто предназначавшееся под нитку для ожерелья. Эти зубы были найдены в той же формации Красной Скалы, с нынешним официальным возрастом 2–2,5 млн. лет. На заседании состоялась дискуссия, и выступивший в поддержку Чарльзворса доктор Коллиер сообщил о результатах изучения, согласно которым отверстия в акулиных зубах могли быть сделаны только человеком. Об этом свидетельствовали характерный угол наклона стенок отверстий, расположение каждого из отверстий строго по центру зуба и следы применения инструментов для проделывания отверстий. Таким образом, два снаряда, попавших в одну воронку (я имею в виду раковину и акулиные зубы) – это уже серьезное свидетельство того, что люди, обитавшие в самом начале плейстоцена в районе Красной Скалы, умели мыслить в эстетических категориях и создавать образцы палеоарта. Любопытно, что в свете сегодняшних африканских находок (той же «головы бабуина» или ромбоида) – и раковина, и акулиные зубы из Красной скалы могли бы уже не казаться такими криминальными, как еще совсем недавно, а, напротив, составить вкупе с африканскими находками некую диатропическую группу для осмысления ситуации и выдвижения новых гипотез

(так, говорят, и положено в науке). Однако эволюционизму наука не указ – он предпочитает не замечать не только находки из Красной скалы, но и не афишировать находки Лики.

Свидетельств палеолитического искусства, относимых к нижнему и среднему плейстоцену, известно огромное множество. Можно было бы назвать украшенный параллельными насечками костяной нож из болгарской **Козарники** (найденный в 2004 году, уже после выводов Маршака и Фролова о возрасте европейского искусства 0,73 млн. лет. Возраст находки из Козарники – 1,2–1,4 млн. лет – здесь и до конца абзаца – условных лет). Можно назвать и каменных «протовенер» из кенийского **Олоргежайли** (1 млн. лет), орнамент в виде более 500 чашевидных углублений в индийском **Дараки-Чаттан** (200–500 тыс. л.), изделия из камня, в которых легко угадываются профили человеческих лиц («*Homo sapiens*» и «*Homo erectus*» из **Коквиля**, Франция, возрастом 180–250 тыс. лет), а также многочисленные маркировки, орнаменты, петроглифы и графемы нижнего и среднего палеолита в Европе и Азии. Но даже две приведенные выше африканские находки – «голова бабуина» и ромбоид с официальными датировками около двух миллионов лет, – являются весьма серьезным свидетельством, что в самые отдаленные от нас времена человек не только воспринимал окружающий мир в эстетических категориях, но и **выступал в качестве художника**, воплощая свое мироощущение в образцах из камня, кости и дерева – то есть, он был безусловно *Homo artifex* (человеком искусства).

5.

Имел ли *Homo erectus* религиозные представления о мире?

Совершенно условным, незаконным, волюнтаристским образом разъяв искусство и религию в предыдущем разделе, я, тем не менее, в последний раз вернусь к уже звучавшему утверждению об их неразрывности. Сегодня, кажется, общепризнано, что религиозное чувство было присуще человеку изначально, и уже первые человеческие сообщества были религиозными. Мы не будем рассматривать здесь более детальные концепции, согласно которым первой религией было единобожие, распавшееся позже, вследствие деградации, на многочисленные «пещерные» культы. Уточним лишь, что когда речь идет о «человеке» и «человеческом сообществе», то под этими терминами почти всегда подразумеваются люди верхнего палеолита. Здесь ни у кого сомнений и вопросов, как правило, не возникает (оговорки «почти всегда» и «как правило» всё же необходимы с учетом клинических атеистов и эво-пропагандистов).

А что же с *хomo эректусом*? Его дискриминация, напомним, связана с идеологическими установками нынешней антропологической концепции, согласно которой *эректус* не может быть полноценно приравнен к современным людям, ибо просто обязан являться более примитивной предшествующей стадией – анатомической, интеллектуальной, технологической.

Между тем, ответ на вопрос, распространяются ли мерки, прикладываемые нами к «готовому» человеку, хомо сапиенсу – также и на хомо эректуса, лежит в плоскости обычной логики. Звучит немного парадоксально, навыворот, но – чтобы отказать эректусу в религиозности, мы должны отказать ему в праве именоваться человеком и причислить к миру животных. Действительно, та же взаимосвязь «искусство – религия» есть взаимосвязь из парадокса о курице и яйце. Символ есть синоним упорядоченности. Наличие символа, символическое мышление *Homo erectus* – это первый признак стремления человека упорядочить окружающий мир, а желание что-то упорядочить не существует без осознания отсутствия порядка, то есть, несовершенства этого «чего-то». Религия и искусство как единый символический образ «целостного мира» отражают чисто человеческую идею противостояния времени и тем утратам, которое оно с собой несет. «...Относясь к высочайшим уровням духа, религия очень мало обусловлена окружающей человека средой и степенью его адаптации к ней, но в колоссальной степени – теми духовными задачами, которые ставит перед собой человек, сознавая свою смертность и чужеродность миру», – пишет историк А.Б. Зубов (Зубов А.Б., 1997).

Там, где есть логика, идеологии делать нечего. Неудивительно, что сами эволюционисты признают рождение культуры (в их понимании) из ритуала. «Скрытой величиной в построении символического мира является время», – говорит антрополог Уолтер Голдшмидт (Goldschmidt, 1992). Если «саму природу

культуры составляет манипуляция символами» (Foster, 1990), то «нет никаких сомнений в том, что различные формы светского искусства изначально происходят из ритуала» (Gans, 1985). Сегодня вряд ли кто будет спорить, что «просто искусство», искусство как «просто эстетическая категория» выродилось в такое только в новой истории, а изначально, от рождения, оно существовало как способ выражения религиозно-философского мироощущения и было от религии неотделимо. «Искусство **просто так** появилось в XIX, может, в XVIII веке в Европе. Ранее никто **просто так** ничего не рисовал и не лепил: все имело смысл, было семантически значимым и имело сакральный смысл» (Деопик, 1998; выделено автором цитаты).

Разумеется – если исходить из логики и известных фактов о неразделимости и взаимозависимости искусства и религии, то о религиозно-философских представлениях *Homo erectus* как таковых будет свидетельствовать вся сумма известных археологических находок палеолита – от предметов неутилитарного назначения и орудий с вложенным в них «компонентом фундаментальной гармонии» (выражение Ж.-М. Ле Тензоре) до явных проявлений художественного творчества, включающего изображения людей, животных и графических символов.

Но нас интересует именно **нижний палеолит**, самое «дно» известной науке истории человечества. И здесь в очередной раз уместно напомнить об основной проблеме любого исследования, когда, выражаясь сухим языком, исследуемый предмет (в данном

случае религиозность) не относится к вещам материальным, а количество материальных свидетельств уменьшается обратно пропорционально датировкам и нашему углублению в историческую тьму.

«Если освоение природы по необходимости оставляет материальные следы, – пишет А.Б. Зубов, – <...> то вера главным образом принадлежит сфере ума и лишь внешне проявляется в материальных формах и символах. <...> Нам приходится довольствоваться материальными тенями принципиально нематериальных сущностей. А это часто вводит в заблуждение. Кроме того, находки древнейших гоминид столь случайны и представлены в большинстве случаев такими небольшими фрагментами, что ожидать найти еще и следы их религиозной жизни, имея подчас лишь несколько костей скелета, несколько рубил да золу от костра, почти бессмысленно» (Зубов А.Б., там же).

Тем не менее, хотя и редкие, но кое-какие свидетельства у нас есть. Мы знаем, что *Homo erectus* со времени своего первого (известного нам) появления в истории уже пользовался огнем, строил жилища, обладал абстрактным мышлением и не имел препятствий к полноценному языковому общению, а также изготавливал предметы и орудия, имевшие не просто практическое, но с большой долей вероятности сакральное значение. Разумеется, все возможные свидетельства религиозности *Homo erectus* могут быть только косвенными, выводимыми логическим путем, вероятностными – однако,

переиначивая писателя, некоторые из них всё-таки вероятнее других.

Сильным свидетельством религиозности эректусов могли бы служить их погребения, где, подобно неандертальцам, внятно читались бы следы проводов покойника в другой мир. Цветы в могиле свидетельствовали бы о торжественности и праздничности перехода, еда и орудия – как подспорье в дорогу, поза эмбриона – как символ рождения в новую жизнь. Однако ни одно достоверное захоронение *Homo erectus* по типу неандертальского нам сегодня неизвестно, и причина тому самая простая – статистическая. Точнее, неумолимо-статистическая.

Отрицатели религии нижнего палеолита, как правило, приводят аргумент, основанный на равенстве условий – мол, останков эректусов и неандертальцев предостаточно, но у неандертальцев явно читаются и похоронный обряд, и его атрибуты, а у эректусов всё это отсутствует. Следовательно, делают вывод отрицатели, религиозные представления у людей **появляются** только в относительно поздний исторический период.

Но вот уж чего точно нет при сопоставлении находок нижнего палеолита со всеми остальными, так это равенства условий! Известный латинский принцип гласит, что отсутствие свидетельств нельзя рассматривать как свидетельство отсутствия. Есть факторы неизбежные, фатальные и не обходимые никакими научными уловками. Например, хронологическая удалённость от нас объекта

исследования, не сравнимая с той же неандертальской. Или обилие природных катастроф, за тысячелетия (или десятки тысячелетий) уничтоживших все палеоантропологические свидетельства до состояния, когда уже невозможно отследить артефакт захоронения. Археологам и палеоантропологам, можно сказать, повезло, что неандертальцы хоронили своих сородичей в пещерах, защищенных от природных катастроф – отчасти и поэтому их останки сохранились до наших дней в относительной целостности. Но существует некая критическая черта, за которой, как за линией горизонта, изучаемый «корабль» становится невидим. Когда на протяжении всей истории, условно говоря, «от начала времен», самые ранние останки людей вымывались, переотлагались и разрушались в бесчисленной череде африканских или азиатских сезонов дождей и наводнений – сама возможность опознать намеренное захоронение фактически невероятна. Это можно сравнить с сегодняшней практической задачей – выяснить, было ли из карточек с буквами сложено определенное слово – после того как эти карточки вместе с другими, беспорядочными, перемешали в барабане.

На сегодняшний день известны всего два скелета *Homo erectus*, относимых на правах самых древних африканских форм к *ergaster*. Это знаменитый достаточно полный WT 15000 («Турканский мальчик», 1,6 млн. лет) и «очень относительно полный» скелет женщины ER 1808 (1,7–1,8 млн. лет). Есть также несколько фрагментов, принадлежащих одному индивиду, ER 803 (1,53 млн. лет), или «набор»

нескольких костей из Грузии или Китая – всё это трудно назвать уже и фрагментарными скелетами. Тем не менее, каждый из упомянутых индивидов был обнаружен в пределах ограниченного участка. Например, скелет WT 15000 был собран на площади всего семь квадратных метров. С очень и очень большой натяжкой можно предположить, что мы имеем дело с тремя свидетельствами намеренных похорон, где могилы хоть и были со временем разрушены эрозией, но не столь радикально, чтобы «пронести клочки по закоулочкам». Тому есть два косвенных подтверждения. Первое – все три индивида, находясь они по смерти на поверхности, почти наверняка были бы растащены по частям падальщиками (известно множество костей австралопитеков и других животных, накопленных хищниками и падальщиками в местах своего обитания), либо смыты ливневыми потоками и озерными разливами. И, второе, что более важно – женщина, ныне именуемая ER 1808, как полагают специалисты, страдала и умерла от гипервитаминоза А – тяжелой болезни, предполагающей достаточно продолжительный уход за больным, учитывая стадию, в которой ER 1808 находилась к моменту смерти (Walker *et al.*, 1982). Трудно представить, что человек, которому уделялось внимание столь продолжительное время, который снабжался пищей и водой, был брошен после смерти без проявления какой-либо последней заботы об умершем (к этому примеру мы еще вернемся).

Однако, всё это пока лишь предположения; мы не знаем, хоронили ли вообще самые древние эректусы

своих умерших сородичей. И даже если ритуал прощания и погребения наличествовал, он **не обязательно мог быть связан с закапыванием тела в землю**. По крайней мере, зафиксируем, что каких-либо явных свидетельств эректусовых погребений, аналогичных тем же неандертальским, у нас нет. Что же делать? В этом случае применительно к найденным останкам и артефактам можно воспользоваться методами, известными в исторических науках как археологические и этнографические аналогии. Призрачные вещи вроде религии и «духовной жизни» древних мы можем реконструировать через сравнение с известными аналогами как менее древних, так и современных охотников и собирателей, живущих в аналогичных с древними условиях.

У нас нет прямых свидетельств религиозности *Homo erectus*, однако, если воспользоваться методом сравнений, отчетливым маркером ее могут служить находки **красной охры**, употреблявшиеся в ритуальной практике многих народов. При этом древнейшие находки красной охры сделаны на эректусовой стоянке **БК II** в Олдувайском ущелье. Эти два куска охры с официальным возрастом 1,2 млн. лет, равно как и ромбоид, и голову «бабуина» – невозможно объяснить, исходя из представлений о хомо эректусе исключительно как о «материалисте». Историк религий, профессор Чикагского университета Мирча Элиаде пишет:

«Можно предположить, что вера в загробную жизнь демонстрируется с древнейших времен употреблением красной охры как ритуального

субститута крови, т.е. символа жизни. Обычай посыпать трупы охрой **распространен универсально, во времени и в пространстве** – от Чжоу-Коу-Тяня до западных берегов Европы, по всей Африке до мыса Доброй Надежды, в Австралии и на Тасмании, по всей Америке до Огненной Земли» (Элиаде, 2002).

Действительно, даже беглый взгляд на предмет показывает, что использование красной охры для ритуальных целей – одна из самых устойчивых традиций всех времен и народов. В отличие от красителей животного и растительного происхождения, краски, получаемые из железной руды, никогда не тускнеют. Вероятно, повсеместное использование красной охры как раз прообразно и связано с ее собственной «вечностью». Красная охра использовалась обитателями французской стоянки Терра-Амата (400 тыс.л., здесь и далее – возраст по с.ш., найдено 73 куска красной охры со следами использования), на испанской стоянке Амброн (350 тыс.л., плитка охры, «заточенная» для использования), индийской стоянке Хангси (200–300 или более 350 тыс.л., охра принесена с расстояния 25 км), в кенийском Каптурине (280 тыс. л., 75 кусков красной охры), замбийских Твин Риверз (170–300 тыс. л.) и Каламбо Фэллз (180 тыс. лет), израильской Кафзех (90–120 тыс. л.), австралийской Лэйк Мунго (40–62 тыс. л.) и прочая, и прочая. Европейские неандертальцы превращали гематит (красный оксид железа) в охру, пользуясь ею в ритуальных целях. На протяжении всей истории разные народы раскрашивали охрой покойников или посыпали ею могилы, раскрашивали кости предков и фигурки, изображающие людей.

Исходя из представления всех древних народов о том, что кровь является синонимом жизни, смысл этих раскрашиваний можно понять как сакральный обряд будущего воскрешения или нынешнего возрождения для жизни в потустороннем мире. Здесь можно еще раз вспомнить фигурки каменных «венер» из Марокко (400 или более тыс. л.) и Берехат-Рам (230–500 или более тыс. л.). Обе они были раскрашены красной охрой, что также с большой долей вероятности указывает на религиозно-мистическое действо своеобразного «наделения» их жизнью. Таким образом, если культурная традиция использования красной охры хронологически, пространственно и, выражаясь в терминах эволюционистов, таксономически универсальна, то наличие таких же обрядов и ритуалов у олдувайских *Homo erectus* уже 1,2 млн. лет назад практически не вызывает сомнения. Но, кажется, и эта цифра не предельна. «Имеются определенные данные, что сообщества *Homo erectus* в Африке могли собирать красные минералы для подобных целей уже 1,6 миллиона лет назад» (Палмер и Палмер, 2006).

Метод этнографического (кросс-культурного) сопоставления представляется тем более надежным в свете нашей модели, в качестве реальных сроков истории использующей тысячи или десятки тысяч лет, но – не миллионы и не десятки миллионов.

Есть в русском языке фразы или обороты, которые невольно содержат в себе как бы ключ к событиям и свойствам мира. Выражение **«до недавнего времени...»**, постоянно встречаемое сегодня в описании традиций у разных народов, вызывает у

меня чувство какой-то близко лежащей отгадки – едва ли не о свойствах самого времени. При изучении событий, отдаленных от нас всего лишь десятилетиями (пусть даже одним-полтора столетиями), создается ощущение, что бесконечное предыдущее существование этих событий в истории закончилось едва ли не перед нами, едва ли не на нашей памяти. Изучая сегодня, например, аборигенные народы Африки или Океании, одной из первых фраз, на которую мы наткнемся, будет фраза «ещё до недавнего времени...». До недавнего времени! До недавнего времени, точнее, до эпохи промышленной революции, еще были возможны вещи, нереальные ныне. Были живы древние традиции, языки и те самые аборигенные народы вроде тасманийцев; до недавнего времени можно было поймать сома весом в два центнера и не сомневаться, что у сказанной фразы существует одно определенное значение. Что же это за недавнее время такое, которое, куда ни кинь, буквально вчера закончилось? Наверное, в любой русской деревне сегодня вы еще обнаружите железные засовы в избе, скобы и крючья, выкованные кузнецом вручную – люди буквально еще вчера рубили топорами эти избы, возили из колодцев воду, из леса – дрова, ковали железо, обжигали глиняную посуду... И вот сейчас, отпирая одной рукой кованый железный засов, а пальцем другой прогоняя новостную ленту на айфоне, мы еще в прямом смысле держим в руках железный век, даже пересекаемся по времени с его окончанием, остатком – уж коли в быту, а не в музее, пользуемся его «содержимым».

Парадоксально, но мне видится, что именно поэтому метод этнографического сопоставления можно признать достаточно эффективным. Конечно, виной всему новая история, промышленная революция и научный скачок – это именно они отделили нас не только от понимания, но и **физически** – от всей предыдущей истории. Времена от начала истории были хоть и неохватны по объему и числу дней, но **как будто относительно неизменны** буквально «до последнего часа»; события хоть и исчезают своими началами в пропасти хронологической темноты, но заканчиваются едва ли не перед самым нашим носом. По сути, логика промышленной революции – это уже наша сегодняшняя логика, логика нашего секулярного мира, а загляни чуть вперед – и ты своими глазами увидишь весь этот уходящий поезд предыдущей истории. И оттого все те события и традиции не столько научно, сколько – **интуитивно понятны**. Разумеется, любые наши выводы по прослеживаемым цепочкам этих традиций будут предположительными, однако порой эти аналогии весьма и весьма похожи на красноречивые факты.

Возьмем, к примеру, известный языческий медвежий культ, до недавнего времени сохранявшийся в виде так называемых «медвежьих праздников» у многих народов, Сибири, Дальнего Востока и Северной Америки, и к сегодняшнему дню ставших абсолютной этнографической экзотикой. В основе праздника лежит обряд охотничьей магии. Действо, на котором умерщвляется и коллективно съедается специально выращенный в неволе медведь, заканчивается обрядом его ритуального возрождения –

своеобразным возвратом природе того, что у нее было взято и ради неиссякаемости охотничьего источника в целом.

Но вот что при этом любопытно – у всех «первобытных», охотничьих народов, практиковавших медвежий культ, универсальным правилом был и остается **запрет на употребление в пищу лап** (сиречь передних и задних конечностей) и **головы медведя**. Это табу не имеет исключений. Нивхи, ульчи, гиляки, айны, ороки, обские угры и прочие – все они после обряда «возрождения» медведя складывали лапы и голову зверя в специальное святилище, представляющее собой небольшой сруб в стороне от поселения, в иных случаях помещали на особый помост, либо вешали на «священное» дерево. Советские богоборцы в свое время объявили даже, что обнаружили в подобных обрядах истоки зарождения «культа умирающего и воскресающего бога», однако, по своему обыкновению, перепутали причины и следствия. Ибо, если приглядеться внимательней, мы увидим, что весь этот поздний «охотничий оккультизм» есть лишь крайняя степень разложения каких-то более ранних и более цельных верований.

Впрочем, не будем пока заниматься интерпретациями. Представим на минуту, что мы ничего не знаем ни о тотемизме, ни о медвежьем культе сибирских и дальневосточных народов, ни об этнографическом методе реконструкции. У нас есть факт – культовое почитание головы и лап медведя в ближайшем прошлом и настоящем. Только факт, никаких интерпретаций. О чем бы мы подумали в первую очередь, когда б нам впервые открылись,

скажем, материальные следы культуры неандертальцев?

Мы бы увидели совершенно определенную закономерность уровня статистической, с возможностью предсказаний – от испанских Пиринеев до Средней Азии неандертальские пещеры открывают нашему взору следы медвежьего культа; какое-то невероятное количество захоронений или инсталляций, большинство из которых того же набора – черепа и кости конечностей медведя. Пещеры Драхенлох (о которой мы наряду с двумя другими уже упоминали), Вильдкирхли и Вильденмалисloch в Швейцарии, Регурду, Гаргас, Истюриц, Ля Ферраси, Ключни и Ле Фюртен во Франции, База и Гримальди в Италии, Петерсгеле в Германии, Зальцхофен в Австрии, Ветерника в Югославии, Цуцхвати в Грузии, Ильинка на Украине – вот далеко не полный список. Черепа и кости захоронены в специально приготовленных для них местах – нишах или коробах, накрытых плитами, или выставлены на специальных постаментах. Швейцарская пещера Драхенлох является в наилучшей степени сохранившимся и поэтому наиболее полным, эталонным свидетельством медвежьего культа у неандертальцев.

«...Действия людей, выразившиеся в появлении памятников типа Драхенлох, – пишет историк Ю. Семенов, – нельзя расценить иначе, как магические, ритуальные, обрядовые. Обычай собирать и хранить головы или черепа, а также кости убитых животных имел в недалеком прошлом универсальное распространение. Он существовал практически у всех народов, находившихся на стадии доклассового

общества, а его пережитки отмечены у огромного числа народов, живших в классовом обществе» (Семенов, 1997).

Рассуждая о медвежьем культе у нынешних охотничьих народов и неандертальцев («особенно часто объектом такого отношения были головы и кости медведя») и способах «священного» захоронения медвежьих останков, Семенов констатирует, что сегодняшняя аналогия с находкой в Драхенлохе «просто поразительна». Это так, и А.Д. Столяр в своем классическом труде «Происхождении искусства» описывает любопытную мизансцену, когда местный крестьянин, сопровождавший первооткрывателей пещеры Драхенлох и увидевший неандертальские каменные короба с медвежьими черепами и костями лап, воскликнул: «Да это же алтарь жертв!» (Столяр, 1985) ^[12].

...Таким образом, располагая только этими свидетельствами, легко увидеть сходство двух разновременных традиций у древних народов Европы и современных народов Севера и Дальнего Востока. Собственно, это и не является предметом, требующим каких-то особых доказательств и сегодня мало кем отрицается. Нет ничего странного и в преемственности медвежьего культа в географическом плане, ибо его реликтовые следы нынешняя европейская культура также хранит в избытке ^[13]. Не будем здесь рассматривать «странный» аспект времени – каким образом культовая традиция, включающая почитание головы и лап медведя, смогла просуществовать так долго;

десятки тысяч лет, и действительно ли со времен верхнего палеолита и последних неандертальцев прошли именно эти десятки тысяч, а не «просто» тысячи лет? Напротив, можно задать встречный вопрос – а только ли верхним палеолитом и только ли неандертальской культурой маркируется самый древний медвежий культ и «понятие священного» в виде табу на голову и лапы медведя?

Мы еще раз удивимся, увидев, что традиция эта гораздо древнее. И идет она – еще от эректусов, со времен среднего палеолита. Лев Шильник пишет:

«В Бильцингслебене нашли много медвежьих костей, но весьма примечательно, что это были исключительно **череп и кости конечностей**. Очевидно, тушу оставляли гнить в лесу, а домой тащили только **головы и лапы** убитых зверей. Возможно, медвежьи черепа использовались в магических обрядах; во всяком случае, раскопанная археологами загадочная овальная площадь изобилует символикой, позволяющей заподозрить церемонии ритуального характера» (Шильник, 2007).

Но это, казалось бы, уже ни в какие ворота не лезет – традиция возрастом полмиллиона лет? Да еще – церемонии ритуального характера у *Homo erectus*?

Стоянка **Бильцингслебен** в восточногерманской Тюрингии, датированная 400 тыс. лет – это счастливая случайность археологии и палеоантропологии, подарившая нам, так сказать, «больше, чем искали». Расположенная на берегу древнего озера с постоянно повышающимся уровнем, она была с течением времени целиком, «как есть», в идеальной

неприкосновенности запечатана сверху слоями травертиновых наносов. Именно такие открытия склоняют критиков эволюционизма к однозначному выводу, что только плохая сохранность или полное «размывание» картины на древних стоянках палеолита позволяют эволюционистам строить свои фантазии на тему «эволюции» человеческой культуры и интеллекта. Стоянка была открыта еще в 1818 году, но по настоящему переоткрыта и исследована только начиная с 1969-го. Счастливая сохранность свидетельств так называемой доисторической человеческой культуры поразила ученых, заставив в корне пересмотреть существовавшие на тот момент представления о *Homo erectus*.

Наверное, именно в связи с этой стоянкой впервые столь явно обозначилось, что эректус был не полуобезьяной («питекантропом»), как удобно мыслилось раньше, не «диким» падальщиком, а умным охотником и талантливым изобретателем. Обитатели Бильцингслебена редко довольствовались охотничьей мелочью вроде косули, бобра и куницы; их охотничий репертуар составляли в основном самые крупные и опасные звери. Наибольшую часть всех охотничьих трофеев (не менее 270 экземпляров), судя по костям, составлял лесной и степной носорог (*Stephanorhinus kirchbergensis*) – исполин весом до двух тонн. Охотники промышляли также лесного слона, бизона, дикую лошадь, гигантского оленя (*Megaloceros* sp.), кабана, волка и даже пантеру. Поначалу ученые не могли понять, каким образом эректусам Бильцингслебена удавалось справляться с носорогами и слонами, пока не обнаружили

неподалеку в районе Шонингена восемь деревянных копий синхронного возраста. Уже в то время каждое копье было оснащено острым как бритва каменным наконечником, крепящемся к древку с помощью древесной смолы. Длина копья составляла 2,5 метра, центр тяжести лежал в передней трети древка, как у современных копий, а эксперименты с моделями показали их замечательную аэродинамику, позволяющую бросать копье на 64 метра. Обитатели стоянки Бильцингслебен наряду с разнообразной каменной индустрией использовали для охоты подобные копья (найдено одно целое копье и несколько фрагментов), а также деревянные пики и костяные ножи. Они были и опытными рыболовами, поскольку на стоянке в больших количествах обнаружены остатки трапезы не только из рыб карповых пород, но даже сома (кто ловил сома, тот оценит).

Дальнейшее отвисание челюстей у ученых вызвали находки в Бильцингслебене костяных пластин с орнаментами, о которых мы уже упоминали. Некоторые склонны видеть в этих символах и параллельных линиях элементы счета, но такой мейнстрим пока еще шокирует большинство эволюционных традиционалистов, несмотря на ряд схожих находок^[14]. Обитатели стоянки строили жилища, которые обогревали очагом, расположенным у входа и, если судить по набору инструментов, шили одежду из шкур. И тот факт, что европейские эректусы оказались не просто знакомы с тотемным культом медведя, а, возможно, являлись его родоначальниками, до сих пор является

обстоятельством столь же вызывающим, сколь и очевидным. На стоянке найдены **черепа и кости конечностей** как минимум от 90 экземпляров ныне вымершего пещерного медведя (*Ursus deningeri/spelaeus*).

Однако это еще не всё. Как упомянуто в приведенной выше цитате Шильника, сквозь тьму времен у *Homo erectus* просматривается не только несомненный медвежий культ, но и возможные **культовые святилища**. А наличие святилищ – это не просто почитание, уважение или страх перед тотемом, а свидетельство полноценного религиозного обряда, представления о «священном» и глубокой духовной жизни. Но насколько оправданы наши предположения?

Итак, нам хорошо известны святилища неандертальцев, связанные, как ныне принято считать, с медвежьим культом. Если хранилища костей представляют собой по форме ямы, накрытые плитами, ниши, заложенные камнями и каменные короба (дожившие в виде деревянных коробов-срубов в традиции северных и дальневосточных народов), то «выставленные» медвежьи черепа, как правило, находятся на горизонтальных вымостках из камня, на своеобразных плитах-постаментх, часто утвержденных на искусственных холмиках. Так, например, в пещере Фюрти восемь медвежьих черепов были размещены по кругу, при этом шесть из них стояли на плитках, помещенных на кучах из щебня. В пещере Регурду встречаются холмики, содержащие черепа и кости медведя – как из камня, так и из обычного грунта с включением песка и

очажной золы. Все они так или иначе связаны с «символически сохраненными остеологическими остатками животных» (А. Столяр). Что же мы увидим, мысленно перенесшись из неандертальских пещер в еще более глубокую древность, самое сердце среднего палеолита, во времена эректусов Бильцингслебена?

А увидим мы картину весьма примечательную. Стоянка Бильцингслебен, имеющая раскопанную площадь 1,5 км², подразделяется археологами на шесть условных зон. Если пять из них связаны с проживанием, разделкой туш и изготовлением инструментов, то зона VI резко отличается от всех прочих. Она представляет собой круглую площадку диаметром 9 метров, тщательно вымощенную камнями ракушечника. Если прочая территория стоянки усеяна костями и инструментальными отходами (включая даже дно водоема), а очаги у каменных оснований жилищ имеют характер их «технологического» использования вроде обжига камня, то на каменной «мостовой» картина совсем иная. Вся площадка, как отмечают археологи, производит впечатление «убранности», то есть, участка, за чистотой которого специально следили. В центре площадки располагался большой костер, без каких-либо признаков «неаккуратного» приготовления пищи или обжига камня, как это наблюдается на стоянке в целом, а в северо-западной части – «постамент», сооруженный из нескольких крупных блоков песчаника. У его основания лежал череп бизона, как бы упершийся в постамент рогами. Что располагалось на искусственном постаменте и для

чего он служил, можно только гадать. В стыках его блоков сохранились мелкие осколки костей, которые в виду костра по соседству можно трактовать как остатки жертвоприношений, чьи крупные части с площадки затем удалялись. В любом случае трудно объяснить особый статус этой зоны кроме как места, служившего культовым целям. Для чего нужно было мостить и содержать в чистоте площадку, с огромным костровищем в центре и искусственным постаментом? С большой долей вероятности перед нами – алтарь *Homo erectus* с официальным возрастом 400 тыс. лет.

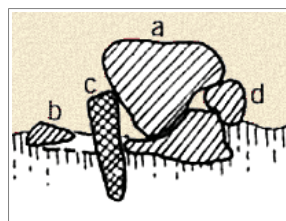
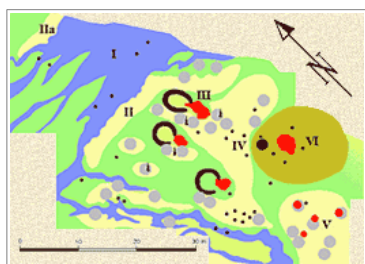


Рисунок 1: план стоянки Бильцингслебен. Коричневым цветом обозначены остатки трех хижин, красным – очаги, черный кружок в зоне VI – «постамент», черные точки – фрагменты двух черепов, нижней челюсти и несколько зубов, разнесенные разливом реки по всей стоянке. **Фото 2:** фрагмент «сакральной» площадки (зона VI), вымощенной ракушечником. **Рисунок 3:** «постамент», сооруженный эректусами, в разрезе. *Источники: <http://home.arcor.de>; Mania and Mania, «The natural and sociocultural environment...» 2005.*

Казалось бы, весьма впечатляющий объект. Но, чтобы поискать аналогичные возможные «алтари» эректусов, может, имеет смысл нам заглянуть глубже, в еще

более отдаленные времена? В связи с необходимостью всего лишь проиллюстрировать имеющиеся находки мы не будем сейчас выстраивать всю цепочку последовательных замен одних культов другими – то, что в эволюционном лексиконе именуется «эволюцией религии», а в лексике библейской антропологии «распадом первичной религии». Нас интересует – есть ли еще какие-либо «подозрительные» свидетельства, хотя бы предположительно указывающие на религиозную практику эректусов до существования так называемого медвежьего культа, либо в географических регионах, где медведи, что называется, отсутствовали по определению?

И – о, удача. Кенийская стоянка **Олоргезайли**, располагавшаяся когда-то на берегу озера у подножия одноименного вулкана, со времени своего открытия удивляла исследователей неоднократно. Начиная с 1942 года здесь, на площади несколько квадратных километров, раскопано 14 слоев осадочных отложений в интервале от самого молодого 200–500 тыс. лет (14-й) до 1,2 млн. (1-й). Огромное количество орудий ашельского типа было изготовлено из обсидиана и кварца, принесенных сюда, в древнюю озерную долину, с расстояния от 10 до 40 километров, да еще из горной местности. «Зачем древние обитатели Олоргезайли брали на себя такой труд, – пишет Боб Брайсон, – разумеется, можно только догадываться. Они не только таскали здоровенные камни на значительное расстояние к берегу озера, но и, что, пожалуй, еще более удивительно, создали эту площадку. При раскопках

Лики обнаружили участки, где топорам придавали форму, и другие участки, куда тупые топоры доставляли, чтобы затачивать. Короче говоря, Олоргезайли был своего рода промышленным производством, действовавшим миллион лет» (Брайсон, 2007). Действительно, на стоянке есть и инструментальные участки и участки для разделки охотничьих трофеев, например, известные как «участок гиппопотама» или «участок слона». Однако нас интересует участок DE89/E из седьмого археологического слоя, датируемый возрастом около 0,8 млн. лет.

Любопытно вот что – если в целом на стоянке набор охотничьих трофеев *Homo erectus* типичен для фауны середины плейстоцена (антилопы, свиньи, бегемоты и пр.), то на участке DE89/E картина иная. На площадке размерами 15×12 метров ученые нашли скопление костей более 100 особей ископаемых гигантских павианов (*Theropithecus oswaldi*), а также 550 ашельских рубил и 7500 других каменных артефактов.

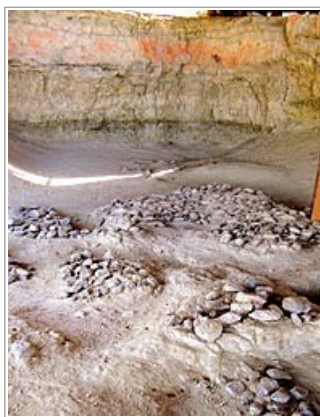
Здесь удивительны и выбор объекта охоты, и предполагаемый уровень мастерства группы охотников, и, самое главное – столь высокая концентрация в одном месте костей павианов. Вопрос – почему именно павианы в качестве добычи, что за странные вкусы были у обитателей стоянки? Сегодня некоторые племена употребляют в пищу мясо шимпанзе, но в целом люди обезьянье мясо не жалуют. Тем более что у охотников Олоргезайли были не только более аппетитные гастрономические альтернативы, но и гораздо более безопасные. Ведь вымерший ныне гигантский павиан, о котором идет

речь – это массивное существо весом до 100 кг, с мощными челюстями и острыми клыками; агрессивное, бившееся за жизнь, полагаю, отчаянно. Современный взрослый павиан весит не более 35 кг, но и он способен иногда схватиться даже с леопардом. Первая мысль, которая приходит в голову – а нет ли в предпочтениях охотников Олоргежайли аналогии с неандертальцами и эректусами Европы, ходившими на самого опасного зверя по причинам, далеким от гастрономических? Что же касается избыточного скопления животных одного типа на небольшой площадке, то Дробышевский пишет еще об одной загадке участка:

«Своеобразным явлением являются значительные скопления мелких лавовых валунов, в которых обильно встречаются кости животных и каменные орудия. Назначение их неизвестно» (Дробышевский, 2004).

Любопытно, что ученый не хочет даже предположить назначение этих насыпей. Вообще захоронение орудий вместе с черепами и костями жертвенных животных – широко распространенная практика у древних народов. Например, святилище древних обитателей Северного Урала в Канинской пещере наряду с двадцатью сложенными вместе медвежьими черепами содержит огромное количество «священных» наконечников стрел. Выше я упоминал о неандертальских искусственных выкладках из камня и насыпных холмиках, служащих «могилой» костям или подножием медвежьим черепам. Сочетание костей и орудий известно по Эль-Геттаре, признанному культовому сооружению (по В. Кабо) африканской «атерийской» культуры, хронологически соотносимой

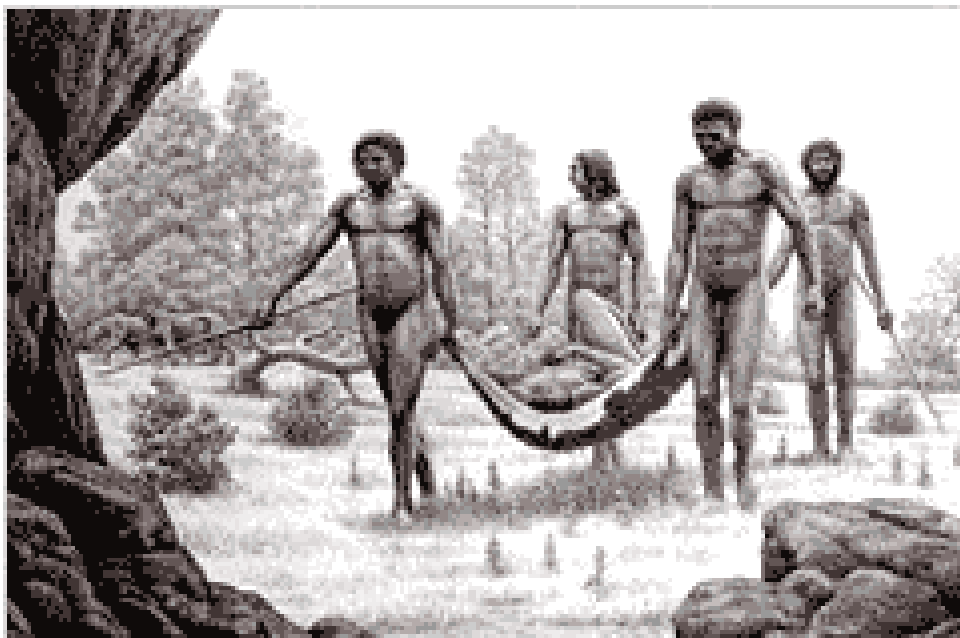
с европейским мустье. «Это – конусовидное нагромождение каменных шаров либо естественной формы, либо частично обработанных. Лучшие шары были положены на вершину сооружения, а под ним скрывались кости животных и до двух тысяч каменных орудий» (Кабо, 2007). Аналогия между Эль-Геттаре и Олоргежайли кажется не такой уж фантастической. Зачем эректусы, обычно с прохладцей относящиеся к беспорядку на своих инструментальных или мясоразделочных участках, сложили из лавовых обломков эти «курганы», включающие орудия и кости животных? Объяснить их какой-нибудь «расчисткой территории» невозможно – места вокруг достаточно, а эти горки собраны по какому-то одному стандарту и с какой-то определенной целью. Более того, некоторые из орудий выглядят как некие «муляжи», лишь внешне напоминающие рабочие инструменты, но для практического использования не предназначенные.



Участок DE89/E в Олоргежайли. Фото 1 и 2: Скопления лавовых валунов, содержавшие орудия и кости ископаемых

гигантских павианов Theropithecus oswaldi. Фото 3: Фрагмент экспозиции музея Олоргежайли, изображающий череп одного из павианов в процессе раскопок. Источник: www.ballofdirt.com

Может быть, эти сооружения имеют культовое значение, как некие алтари или постаменты под инсталляции черепов тотемных животных для проведения магических охотничьих обрядов? Как говорят в таких случаях, трудно поверить, но и нельзя исключить, что перед нами, действительно – материальные следы древнего культа, совмещающего анимализм (или зоолатрию, поклонение одному или нескольким животным) с фетишизмом в отношении орудия его убийства.



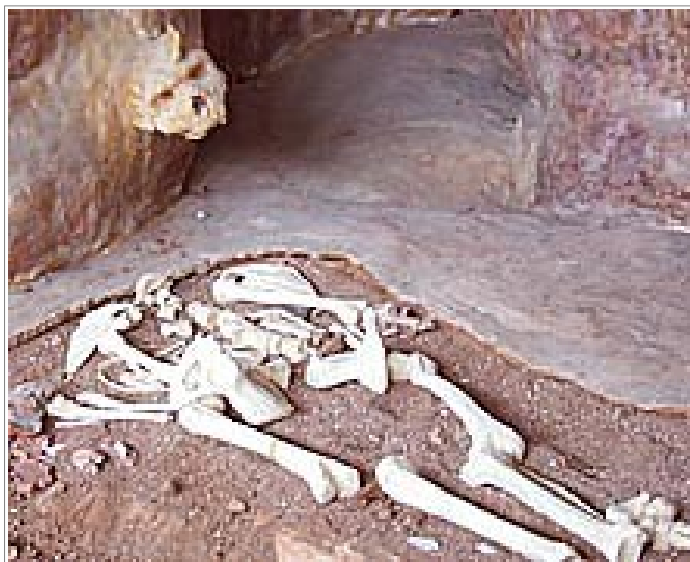
Свидетельство похорон в Атануэрка? Рисунок: Mauricio Antón

Самый древний пример намеренных человеческих захоронений можно предположить у группы обитателей испанского местонахождения Атапуэрка и греческой Петралоны, проживавших, согласно официальной хронологии, 530 или более тыс. лет назад. Стоит сразу оговориться, что люди, о которых идет речь, таксономически относятся не к эректусам, а к *Homo heidelbergensis*, хотя многие ученые сам вид *heidelbergensis* считают условностью, лишь неким рабочим термином ввиду неопределенности таксона. Более широкая классификация дает право относить подобные формы к «прогрессивным» архантропам или поздним эректусам. Их следует упомянуть еще и потому, что хронологически они синхронны эректусам Бильцингслебена и могут служить дополнительным подтверждением наших предположений.

*Бифас из Атапуэрка.
Фото: BBC News*



На дне одной из пещер, представляющей собой, скорее, вертикальную 14-метровую шахту в сети известняковых пещер Атапуэрка, испанские археологи в 1997 году обнаружили вероятное захоронение 28 человек, более половины которых были молодыми людьми в возрасте от 11 до 20 лет. Автор находки Бермудес де Кастро установил, что гибель всей группы наступила примерно одновременно. Он полагает, что люди погибли либо в результате боевой стычки, либо от эпидемии. Между тем они определенно умерли не здесь, но сюда были доставлены именно их трупы. Пещера, ставшая их последним домом, до и после этого никогда не была обитаема, в ней не обнаружено никаких следов огня или следов внутренних работ. Разумеется, по факту мы можем говорить лишь о месте складирования трупов, возможно, санитарном, всё остальное – косвенности. Однако есть и одна очень примечательная косвенность. Среди тел умерших кто-то оставил ашельский ручной топор из розового кварцита. Автор находки археолог Ю. Карбонелл отмечает резкое отличие этого артефакта от обычных производственных орудий и настаивает, что ведущим мотивом для его появления были эстетические, а не практические критерии. Действительно, ситуация нестандартная – инструмент был изготовлен весьма тщательно, но ни разу не использовался, а был положен с умершим – не в качестве ли ритуального снаряжения покойника в потусторонний мир? С большой долей вероятности перед нами – одно из свидетельств религиозного сознания древних жителей Атапуэрка.



*Экспозиция музея Петралоны.
Фото: www.macedonian-heritage.gr*

Еще более очевидный пример раннего намеренного захоронения можно увидеть в греческой пещере Петралона, которую мы уже упоминали как одну из первых «огненных» стоянок Европы. В сводчатом гроте внутри пещеры, прозванном сегодня «мавзолеем», в 1960 году археологи нашли череп человека ([Петралона 1](#)), вмурованный в стенку и покрытый сверху сталактитовыми наплывами. Посткраниальный скелет этого же индивида обнаружился здесь же, на небольшом возвышении у пола, под сталагмитовой коркой; он находился в положении лежа на спине и чуть с разворотом на плечо. Скелет окружали каменные клинья, видимо, прижимавшие в свое время укрывавший покойника саван к полу, а также пепел или зола из костей животных («*burnt animal bones*») и каменные орудия. Само расположение захоронения была таково, что череп находился выше

скелета на 24 сантиметра (Poulianos, 1981). Эволюционный возраст этой находки является предметом дебатов и колеблется в интервале от 200–400 до 700 тыс. лет. Как бы мы ни классифицировали людей из Атапуэрка и Петралоны, обе находки хронологически сопоставимы с эректусами Европы и по меркам эволюционной схемы экстраординарны.

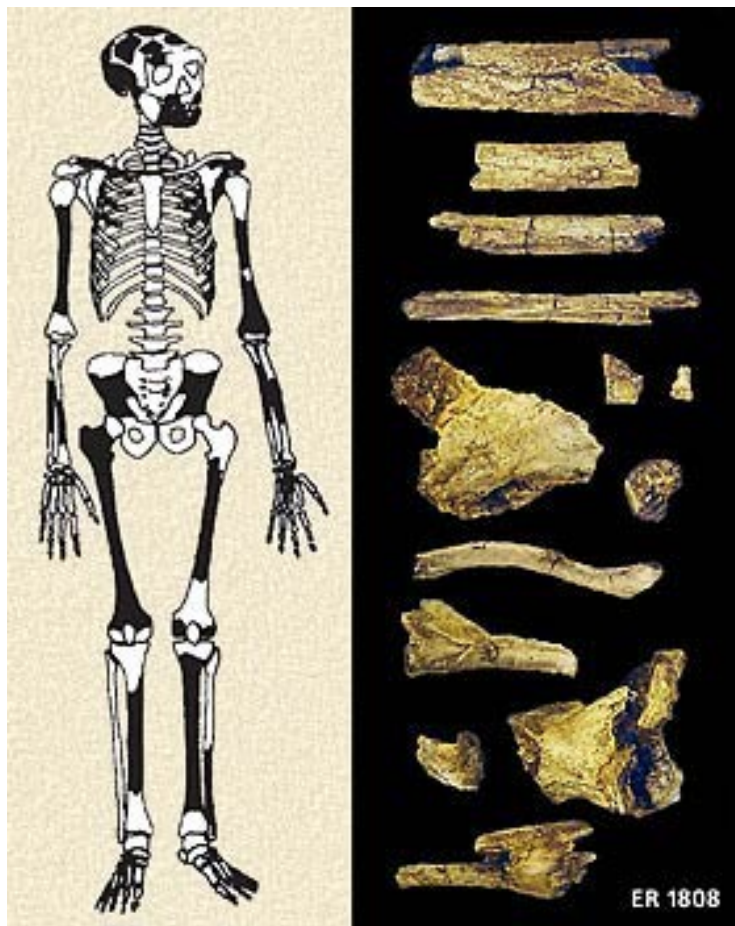
* * *

И все-таки вернемся к началу нижнего палеолита, началу известной нам истории, через непроглядную тьму эпох, оставившую нам лишь камни и обломки костей. Может ли забота о соплеменниках свидетельствовать в пользу высокого духовного развития «первых» людей? Нравственное чувство и религиозное мировосприятие неразрывны, как бы с этим ни спорили атеисты. Совершая нравственный поступок, атеист любой части мира не отдает себе отчета, что та система ценностей, в которой он существует и с которой согласует поведение, целиком и полностью выросла из религиозных норм. Известный аргумент – что можно быть атеистом и поступать нравственно – способен продержаться в нашем горемычном отечестве только до той поры, пока не уйдут матери и бабки нынешних атеистов, воспитавшие их в прежних культурных традициях, а потом атеисты быстро перейдут к инцесту и каннибализму. Национальная и культурная идентификация есть идентификация религиозная. Безрелигиозных обществ в истории не было, они появились только в последние столетия – и индикаторами этих новых упадочных времен, будто мухами, ползающими на загноившейся ране, стали

ярые атеисты Марксы, Ницше, Дарвины и прочие Фрейды. Любое государство, уцелевшее до сих пор от распада, уцелело лишь потому, что веками держалось нравственных норм, положенных религией в качестве непреложных и не изменяемых волей никакого правителя стандартов. Когда нравственные основания искажались или были изначально искусственными, государство – будь то царство Урарту или СССР, неизменно терпело крах, какие бы экономические, политические и даже конспирологические причины тому позже ни приводились. Европейцу это тяжело осознавать, но постхристианская Европа, когда-то отважно громившая в религиозных войнах полчища мусульман, со всеми своими нынешними высокими технологиями летит в пропасть быстрее, чем «дикие» страны традиционных религиозных сообществ.

Адепты эволюционной психологии говорят нам, что нравственное чувство возникло путем долгого эволюционного развития. Однако мы видим, что уже самые ранние из известных нам людей были способны к сочувствию и состраданию. Упоминавшаяся выше женщина, останки которой ныне каталогизированы как ER 1808 (1,7–1,8 млн. лет), умерла от тяжелой болезни. Когда К. Кимеу в 1973 году нашел этот первый фрагментарный скелет эректуса, он был и обрадован, и разочарован – болезнь настолько деформировала кости, что они не позволяли получить объективное представление об анатомии этого таксона. Алан Уокер консультировался со специалистами из клиники Джона Хопкинса, которые диагностировали у ER 1808

последствия болезни, вызванной переизбытком в организме витамина А – женщина в свое время могла его получить в случае употребления в пищу печени плотоядных животных. Например, у собак, леопардов, медведей и дельфинов-касаток печень является настоящим складом, накапливающим витамин А без снижения его уровня.



*Фрагменты
скелета ER
1808.*

*Изображения:
Hawks et al.,
2000;*

Примером подобного заболевания может служить история с антарктической экспедицией Дугласа Моусона. В середине ноября 1912 года Моусон с двумя членами экспедиции оставили базовый лагерь, чтобы обследовать отдаленный участок. Они двигались на трех собачьих упряжках, с запасом еды и научными приборами, но на 504-м километре маршрута один из компаньонов Моусона погиб, провалившись с санями и запасом всей еды в ледяную расщелину. Полярникам ничего не оставалось, как убивать собак из упряжки и питаться их мясом. Собачье мясо показалось слишком жестким, и путешественники перешли на собачью печень, что было фатальной ошибкой. Вскоре у них начались тошнота, судороги и нарушение координации. Затем стали выпадать волосы на голове и коже, надкостница – отслаиваться от кости буквально с каждым напряжением мышц, кровеносные сосуды меж костью и надкостницей стали разрываться, вызывая дальнейшее расслоение тканей. Напарник Моусона умер в двухстах километрах от базового лагеря. Чудом вернувшегося на базу Моусона один из его друзей встретил словами: «Боже мой! Кто вы?».

Об этом пишут Уокер и Шипман в своей книге (Walker and Shipman, 1996). Моусон получил отравление с превышением нормы в 60 раз и выжил, в случае же с ER 1808 ситуация была более драматичной. «Кровь образовала огромные сгустки, которые оксифицировались – превратились в кость до того, как она умерла». Авторы считают, что от того момента, когда женщина лишилась возможности

самостоятельно добывать себе пропитание и до смерти, судя по значительным костным изменениям, прошло «множество недель или, вероятно, даже месяцев».

«Первое, что приходит в голову – кто-то заботился о ней. Находясь в одиночестве, неспособная пошевелиться от безумной боли, ER 1808 не продержалась бы и двух дней в африканской саванне – отрезок времени гораздо меньший, чем тот реальный, о котором нам рассказали ее кости. Кто-то другой приносил ей воду и, вероятно, пищу; поскольку ER 1808 находилась не так уж близко к источнику воды, это означает, что у ее помощника был какой-то сосуд, чтобы носить в нем воду. И кто-то защищал ее от гиен, львов и шакалов, быстро отыскавших бы столь лакомую жертву, которая не может убежать. Этот кто-то, как я понимаю, не имел никаких причин просиживать с нею в течение долгих темных африканских ночей кроме как по причине человеческой заботы. Так «бесполезная» ER 1808 – поскольку она немного могла сказать нам о нормальной морфологии *Homo erectus*, рассказала нам кое-что весьма более неожиданное» (Walker and Shipman, там же).

Сходная картина альтруизма древних прослеживается на всем протяжении доисторического пещерного быта, но важно, что человечество было милосердным уже изначально. Известен, например, череп D3444 из Дманиси аналогичного с ER 1808 возраста (1,77 млн. лет). Его обладатель был немощным стариком, к тому же по болезни лишился всех зубов как минимум за

несколько лет до смерти. Соплеменники, по мнению профессора Рея Ферринга, не только поддерживали старика пропитанием, но еще должны были готовить или подбирать ему соответствующий «стол» – измельченное мясо, костный мозг, ягоды. Подобную заботу о соплеменниках мы видим и в случае еще более тяжелых физических патологий или увечий – например, ребенка 8–10 лет (Атапуэрка 14), страдавшего краниосиностомозом (редкое, 1 на 200 тыс. детей, заболевание, связанное с дефектом развития мозга и ведущее к умственной и физической неполноценности) или «Элвиса» – взрослого мужчину с заболеванием позвоночника, не позволявшим ему самостоятельно добывать пищу (обе находки из Атапуэрка, Испания), взрослого мужчину Сале-1 из Марокко с родовой травмой, ограничивавшей подвижность головы, неандертальцев I и III из Шанидара и др. Даже классический, навязший в зубах яванский «питекантроп» Дюбуа, представленный бедренной костью Тринил 1, судя по тяжелой патологии, не мог сам добывать себе пищу и нуждался в постороннем уходе. Это как насмешка над эволюционизмом – первый же «обезьяночеловек» демонстрирует нечто сугубо антиэволюционное. Так сказать, как новый таксон встретишь, так его и проведёшь.

Странно полагать, что человек, проявлявший заботу о другом человеке, не обладал религиозным сознанием. Если он боялся потерять ближнего и, видя его немощь и угасание, тем не менее, старался удержать его по эту сторону жизни, то – симметрично – не мог не задумываться и о той области, в которую

не хотел своего ближнего отпускать. Не мог не размышлять о пребывании в той неведомой области, равно как и о способах «наладить отношения» с теми силами или тем существом, в чьей власти находится эта потусторонняя область бытия. И это мы еще – заметьте, читатель, – рассуждаем как завзятые эволюционисты, в их логике. Целью является – лишь показать невозможность существования человеческого сознания, взаимодействующего с миром, без религиозных воззрений. С точки же зрения библейской антропологии религия так называемого пещерного человека – это искаженные формы изначально целостного, незамутненного религиозного знания; проще выражаясь, *Homo erectus* доходил до мистических представлений о мире и посмертном существовании умерших предков не своим умом, не «эволюционно», а имел какие-то обрывочные остатки изначальных общих знаний и воззрений. Тем не менее, мы пытаемся исследовать не путь и не генезис религиозности, а сам факт ее наличия или отсутствия.

* * *

Хотя у нас и нет прямых доказательств, подтверждающих религиозность «самых древних», существует одно, хотя и косвенное, но достаточно серьезное свидетельство, которому невозможно найти более разумное объяснение, чем в рамках «религиозной» гипотезы. Удивительно, что, будучи замеченным эволюционистами еще в период первых открытий, это явление сегодня никак ими не комментируется и не толкуется.

Если мы заглянем в любой палеоантропологический каталог и посмотрим на соотношение найденных костных фрагментов эректусного скелета – хотя бы до времени первых предполагаемых намеренных захоронений *Homo heidelbergensis* и достоверных захоронений неандертальцев, то один-единственный факт нас одновременно и поразит, и свяжет в единый узел все наши прежние догадки «о медведях и павианах». Этот факт – **значительное преобладание среди находок *Homo erectus (ergaster)* определенных частей скелета**. Полагаю, что читатель сам догадался, каких. Это – череп с нижней челюстью и кости ног.

Давайте опять, через кросс-культурный метод, «зайдем на проблему» из сегодняшнего дня. Современные охотничьи народы, как мы помним, надеяют черепа и длинные кости животных мистическим смыслом, и именно они являются символами «воскрешения» зверя. Действительно, деградировавшее религиозное знание направляет логику по самому простому, лежащему на поверхности, пути – человек или зверь умирают и истлевают, но кости переживают их, продолжая существовать в нашем мире. Кости – это всё, что остается от священного животного или почитаемого предка племени, следовательно, если где и продолжает сохраняться их «душа» или «жизнь», то в этих костях. Только через кости можно воскресить тотемное животное или родового предка, когда некое высшее существо «нарастит» на эти кости новую плоть (Элиаде, 2002). Разумеется, в этом смысле главными костями являются череп, какместилище «жизни» у животного или «мудрости», «ума» и «воли» у

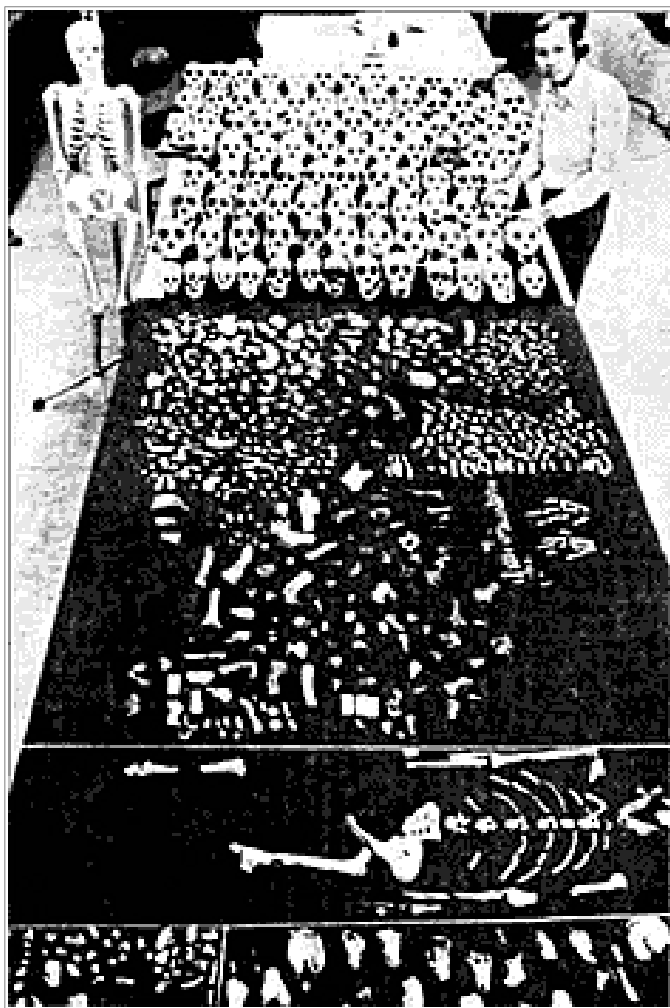
племенного предка, и длинные кости конечностей, особенно ног, которые есть мистические хранители «силы», «устойчивости», «надежности опоры». Многие человеческие сообщества, от современности до глубокой древности, именно на этих основаниях практиковали культ человеческих черепов и костей, который варьировал от почитания останков предка до овладения черепом врага как источника его мистической силы.

Мы упоминали выше о самом раннем возможном почитании костей тотемного животного (медведя и гигантского павиана) у эректусов среднего палеолита. Однако признать наличие подобных представлений уже у самых ранних эректусов – это признать не только наличие традиции, существовавшей на протяжении **всей** известной нам истории человечества, но признать и более сложные верования «первых» людей, чем поздних. В терминах библейской антропологии почитание предков – это культ, более сложный и близкий к основам перворелигии, чем охотничья магия или анимализм (почитание животных), поскольку именно почитаемый предок выступает в роли защитника и посредника между неким высшим существом и человеком. Собственно, культ почитаемого предка, посредника и защитника, напрямую происходит, хоть и в терминах деградации, от почитания самого «высшего существа».

Диспропорция в находках костных останков людей была замечена еще в середине прошлого века Анри Брейлем и Вильгельмом Шмидтом – учеными, имевшими сан католического священника. На

примере стоянки Чжоукоудянь, где отсутствовали могильники, но в пещере обнаружилось большое количество эректусовых черепов и нижних челюстей, они предположили сохранение этих черепов по религиозным причинам. Ученые провели параллель с обычаем современных первобытных народов, в частности, австралийцев, сохранять черепа умерших сородичей и носить их с собой во время кочевья племени. Вопрос о религиозности эректусов после тщательного изучения китайской стоянки с самыми серьезными обоснованиями ставили такие знаменитости как Харр и Марингер (выдающаяся работа последнего – «*The God of Prehistoric Man*»; «Бог доисторического человека»). Однако при всем правдоподобии «религиозной» гипотезы, говорит Мирча Элиаде, она не нашла поддержки в научных кругах.

Зато в наши дни, полагаю я, эта гипотеза имеет право на новое рассмотрение уже не в свете одного только Чжоукоудяня, а с учетом всех известных находок *Homo erectus (ergaster)*, значительно пополнившихся с 70-х годов прошлого века.



Полная австралопитековая коллекция, добытая экспедицией Д.К. Джохансона в «золотое десятилетие» 1967–1977 гг. в Хадаре и Лаэтоли (занимает первые две трети стола). На заднем плане – черепа современных шимпанзе, к этой коллекции отношения не имеющие, а также скелет современного человека (слева), и Тим Уайт (справа). Фото из книги: Джохансон и Иди, «Люси: истоки рода человеческого», 1984

Возьмем, как пример, «палеоантропологические» коллекции двух самых распространенных в прошлом видов австралопитеков, *Au. afarensis* и *Au. africanus*. Общее количество находок достаточно велико и, несмотря на более древний возраст, чем эректусовый, они представлены как несколькими фрагментарными скелетами, так и практически всеми разрозненными фрагментами скелета. Сам по себе набор австралопитековых костей дает представление об **«устойчиво случайной»**, если можно так выразиться, тенденции их сохранения – разумеется, с поправкой на то, что некоторые более массивные части скелета уцелеют и дойдут до нас с большей вероятностью. Из имеющегося обезьяньего набора мы можем собрать практически полного австралопитека обоих видов. Ученым известно строение австралопитековых кистей и стоп, таза, лопаток и ключиц, позвоночника и ребер, ибо все это примерно в равных пропорциях рассыпано по древним просторам Африки. Разумеется, всё это перемешано с еще более обильными остатками фауны соответствующих периодов и регионов.

А какова же картина с костными останками *Homo erectus*, которые, согласно официальной хронологии, появились на 1,5–2 млн. лет позже тех же афаренсисов? Давайте посмотрим. Прежде всего, давайте условимся, что не будем учитывать зубы и фрагментированные скелеты; надеюсь, читатель понимает, почему. На некоторых стоянках исследователи довольствуются одним-единственным зубом *Homo erectus*, по которому засчитывается еще один найденный индивид этого таксона. Но в плане

«подозрения на ритуал» зубы совсем неинформативны, поскольку ими в свое время мог «сорить» как живой эректус, так и, пардон, ритуальный череп предка, из которого они могли выпасть. По той же причине для нас неинформативны и фрагментированные скелеты или наборы костей, если они подозреваются в принадлежности одному конкретному индивиду. Находя такой набор, мы справедливо полагаем, что это не случайное собрание костей, а именно то, что осталось от одного определенного человека. Нам неизвестны и неважны условия его захоронения – теоретически он мог быть похоронен соплеменниками, ритуально съеден, ритуально оставлен на съедение птицам, мог случайно утонуть во время паводка, попасть под береговой оползень во время ливня и так далее. Но, каковы бы ни были условия и обстоятельства захоронения, мы должны считать не соотношение различных костей в оставшемся скелете (которое нам ничего не скажет, ибо изначально скелет все равно был, извините за очевидность, полным), а именно **соотношение случайных разрозненных фрагментов** скелета по принципу «один фрагмент = один человек». Мы проверяем гипотезу, что такие части скелета как череп, нижняя челюсть и кости ног намеренно сохранялись эректусами в ритуальных целях и анализируем именно разрозненные случайные останки.

По поводу костей ног нужно сказать отдельно. Немаловажно, что отмеченные выше сторонники «религиозной» гипотезы сохранения останков – в качестве выделяемых предполагаемых реликвий

отмечали лишь черепа и нижние челюсти, а главным и зачастую единственным примером приводили лишь картину на китайской стоянке Чжоукоудянь (плюс «немножко» Африки и Явы). Между тем, сегодня мы находимся в более выгодном положении, чем первопроходцы. Во-первых, проводя параллели между эректусами и современными аборигенами в виде практикуемого теми и другими культа черепа, авторы религиозной гипотезы не увидели явного дополнительного звена в виде связи с «медвежьей» традицией неандертальцев и современных дальневосточных народов, когда сохранялись не только черепа, но еще и длинные кости конечностей медведя. А, во-вторых, сегодня, обладая полной картиной палеоантропологических находок, сделанных за последние десятилетия во всех регионах мира, мы можем сказать, что заметили еще одну тенденцию – кости конечностей, вероятно, также входят в «кластер», утверждаемый так называемой религиозной гипотезой Брейля-Шмидта-Марингера.

Итак, попробуем проверить наши догадки на уровне сегодняшних знаний. Австралопитековая (или обычная фаунистическая) картина мозаичного, стохастического распределения разрозненных фрагментов скелета в отношении эректусовых образцов – нашу гипотезу опровергнет не просто с большим треском, но даже и со свистом. Более того. Допуская, что эректусы могли сохранять для почитания любые фрагменты конечностей предков, давайте усложним себе задачу и наряду с черепом и нижней челюстью из всех длинных костей конечностей предположим преимущественное сохранение

эректусами только больших бедренных костей^[15] – как самых предпочтительных на роль мистической «несокрушимой опоры», «устояния» и «силы» предка (вспомните самый предпочтительный символический набор а ля «Веселый Роджер» на предупредительных знаках «не влезай – убьёт» и устрашающих «крутых» символах типа нацистской или пиратской символики).

...В наши дни, копая огород в какой-нибудь многолюдной прежде деревне, можно наткнуться на всякую мелочовку – старую монету, стеклянную крышку от флакона духов, пуговицу, гнутую вилку. Все эти находки укладываются в случайные мелкие потери бывших жителей этой местности, но если бы копающий, скажем, находил одни только вилки, то разве не задался бы вопросом – почему люди теряли здесь только вилки и с чем такая избирательность связана?

К чему это я? А к тому, что при внимательном рассмотрении общая картина эректусовых находок как будто, действительно, напоминает намеренную, кем-то сознательно оставленную в древних отложениях стоянок «выборку», некий артефакт, выбивающейся из принципа случайностей. Согласно достаточно въедливому каталогу Дробышевского – с дополнениями и уточнениями из сетевых каталогов Смитсоновского института, института Беркли и др., а также с учетом самых последних известных находок, картина вырисовывается такая ([детальный список см. здесь](#)):

- **Северная, Восточная и Южная Африка.** Не считая зубов и фрагментированных скелетов ER 803, ER 1808 и WT 15000, принадлежащих конкретным индивидам, из 118 одиночных разрозненных находок *Homo erectus/ergaster* 90 находок составляют целые или фрагментированные **череп, нижние челюсти и бедренные кости.**

- **Ближний Восток и Кавказ.** Как ни соблазнительно посчитать материал из Дманиси, но, игнорируя его ^[16], из 14 ближневосточных находок – имеем 12 «кластерных».

- **Восточная Азия.** Не считая трех фрагментированных скелетов (Яйюан, Сельунгур и Чинньюшан) – череп, нижняя челюсть и бедренная кость составляют 75 находок из 84.

- **Европа.** Из 34 находок – 29 «кластерных».

- **Юго-Восточная Азия** дает самую невероятную картину. Здесь из 66 находок – череп, нижние челюсти и бедренные кости составляют 62 находки!

Таким образом, без учета фрагментированных скелетов от определенных индивидов, а также изолированных зубов, из всех **316** мировых находок *Homo erectus/ergaster* (напоминаю, что 1 находка = 1 человек) – на **череп, нижнюю челюсть и бедренную кость** приходится **268 экземпляров!** То есть, определенный нами для проверки «кластер» составляет порядка **85%!**

Разумеется, говорить о какой-либо математической точности здесь невозможно – мы держим в уме, что и сама таксономическая классификация, и

абсолютная полнота подсчитанных находок являются условностью^[17]. Тем не менее, в общем и целом картина хорошо отражает имеющуюся тенденцию.

Что это? Как это понимать? Подобное соотношение одних костей относительно других представляет собой аномальную диспропорцию. Почему на эректусовых стоянках в подавляющем большинстве случаев мы находим их черепа, нижние челюсти и бедренные кости, и лишь единицы – остальных скелетных фрагментов? Где все позвонки, тазы, кости рук, фаланги пальцев, лопатки, ключицы, ребра эректусов? Ученые располагают огромным набором костей австралопитеков, включая кисть и стопу даже «неуловимого» хабилиса, но в их распоряжении до сих пор нет кисти или стопы эректуса. Если бы не уникальная находка «почти полного» скелета WT 15000 (правда, без кистей и стоп), мы бы до сих пор наши представления об эректусе строили преимущественно лишь по их черепам, нижним челюстям и бедренным костям!

Отметим сразу предположение, что подобная диспропорция является артефактом в том смысле, что она есть выборка, искусственно сделанная современными учеными. Вроде того, что одни кости палеоантропологи брали охотно, а к другим отнеслись с прохладцей. Да, наверняка где-нибудь в подвалах музеев лежат какие-нибудь забытые или до сих пор не описанные костяшки. Однако в ситуации, когда идет битва за каждый человеческий зуб и сочтены даже останки животных на стоянках, трудно представить, что исследователи с самого момента находки не вцепились бы в такой дефицит, как любые

посткраниальные останки *Homo erectus*. Особенно с учетом известных амбиций ученых в поисках всего «недостающего».

Одним из естественных объяснений «перекоса» может служить бóльшая вероятность сохранности одних костей перед другими. Впрочем, подобная версия поднималась сторонниками «религиозной» гипотезы лишь для того, чтоб показать ее несостоятельность. «Череп и нижняя челюсть, – пишет Иоган Марингер, – это, конечно, очень прочные кости, но все же сомнительно, что они настолько прочнее всех иных частей скелета, что лишь они могли сохраниться до настоящего времени» (Maringer, 2003). Казалось бы, о бедренной кости еще можно говорить как о наиболее прочной, однако и с нею не все так просто – из найденных к сегодняшнему дню 33 бедренных костей хомо эректус, тогда еще неизвестных упомянутым выше исследователям, не менее половины составляют лишь их диафизы, то есть, срединная, трубчатая часть без суставов (эпифизов). Почему, спрашивается, тогда не сохранились более прочные суставные части? И чем кости черепа, нижней челюсти и срединная часть бедра прочнее, чем, скажем, кости таза или суставные части плечевых костей? В любом случае при «естественном отборе» останков мы находили бы в большей или меньшей степени разрушенные **разные** части скелета, но не явное преобладание одних и полное (или почти полное) отсутствие других. Например, в хронологически более древней астралопитековой коллекции мы наблюдаем, условно говоря, хуже сохранившиеся ребра и ключицы и

лучше сохранившиеся австралопитековые челюсти (в силу их явной массивности), но в эректусной коллекции диспропорция носит абсолютный характер – одни кости встречаются регулярно, другие просто отсутствуют.

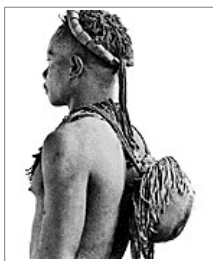
Напротив, сильный аргумент в пользу «искусственного отбора» костей самими древними людьми – это тот факт, что выделенные нами «кластерные» кости эректусов находят **на стоянках**. Невероятно представить, чтобы эректусы, сознательно разделявшие свою территорию на жилые, орудийные и «мясоразделочные» зоны, не знали о свойствах мертвого тела разлагаться, быть источником нечистот и заражений, а также привлекать к стоянке падальщиков – зверей и птиц. То есть, при эректусовом сознательном планировании и разграничении пространства менее всего можно представить, что тело родственника или соплеменника просто так бросали посреди жилого участка. Скорее всего, сохранение черепов и бедренных костей предков было намеренным, в качестве почитаемых реликвий и появлялось на стоянках «со стороны».

Стоит ли доказывать, что древней религиозной практикой, связанной с тем же культом черепов, до сих пор в качестве отголоска пронизана даже нынешняя секулярная культура? Размышления о смысле бытия приходят к Гамлету, держащему в руках череп; современный «эстет» предпочитает иметь человеческий череп или его муляж в интерьере «рабочего» кабинета, а экзальтированный поэт восклицает: «Я пил из черепа отца за правду на

земле!)). Между тем, наблюдая обрядовую практику различных народов от верхнего палеолита до современности, мы можем в наибольшей степени приблизиться к пониманию того, чем руководствовались *Homo erectus*, сохраняя костные останки своих предков.

«Дело в том, – пишет историк Зубов, – что и сейчас у самых примитивных народов – анадаманцев, негритосов, австралийцев существует обычай так называемых вторичных погребений. Е.Г. Мэн и сэр Рэдклифф-Броун описали обряд погребения на Андаманских островах:

„Вначале тело предается земле, в общине объявляется пост. Через несколько месяцев могила разрывается, кости собираются, промываются в море или в ручье и их вновь везут в поселение. Там их встречают плакальщицы. Череп и нижняя челюсть обмазываются белой и красной глиной и затем подвешиваются на плетеной веревке. На этой веревке они и носят на груди или спине. Родители носят черепа детей, матери – детей и мужей, часто – братьев и сестер. Поскольку любая собственность у андаманцев ценится мало, то и черепа запросто отдают на память. Часто в поселении уже никто не знает, кому принадлежала ставшая черепом голова. Другие кости тоже хранят, но не так тщательно. Они часто теряются. Поэтому в деревне всегда можно найти много черепов, но другие части скелета редки“» (Зубов А.Б., там же).



Андаманцы, использующие черепа родственников в качестве амулетов и сами эти амулеты.

Фото 1: Radcliffe-Brown, 1906; **фото 2:** wellcome.ac.uk; **фото 3:** The Pitt Rivers Museum, Oxford; **фото 4:** www.superstock.com

Возможно, мы не наблюдаем массовых захоронений ранних африканских эректусов не только в силу особой древности «материала», но и по причинам малочисленности первых популяций этих людей, их склонности к периодическим миграциям и, что самое главное – **хронологически достаточно короткому периоду**, отнюдь не соответствующему официальным миллионам лет. (Иначе, действительно, где кости всех этих миллионов и миллиардов людей, якобы два миллиона лет упорно эволюционировавших ради нашего нынешнего благообразного облика?). Но в среднем и верхнем палеолите Европы костные останки становится относительно массовым явлением, и поэтому общая картина статистически как бы более приближена к «нормальной», точнее, более объективной для отделения случайности от «ручного» артефакта. Здесь уже наблюдаются не только очевидные захоронения неандертальцев и кроманьонцев, но и более полные «скелетные наборы» гейдельбержцев – со всеми их разрозненными костями, крупными и мелкими, отсутствующими у эректусных находок. Именно так

выглядит множество поздних стоянок *Homo heidelbergensis*, *H. neanderthalensis* и *H. sapiens*, где разные части скелета встречаются, так сказать, уже без прежнего впечатления определенной «выборки». При этом всё-таки стоит отметить столь же «необъяснимое» преобладание находок **ОДИНОЧНЫХ** человеческих черепов, особенно гейдельбержских и неандертальских – традиция явно продолжала сохраняться.



*Скелет
неандертальца
Кебара 2*

Владимир Кабо отмечает как закономерность, что многие черепа детских захоронений палеолита лишены нижних челюстей (Кабо, 2007). Не означает ли это, что мы наблюдаем определенный принцип – если семья перебиралась в другие края, то из всех останков забирала с собой нижнюю челюсть? Как объяснить, например, феномен черепа, отделенного от скелета в Петралоне (о котором упоминалось выше) – не похоже ли это на ситуацию, когда группа или семья вернулись на прежнее место обитания и возвратили череп владельцу, водрузив на могилу или

встроив в стену над изголовьем? ^[18] Я уверен, что если бы эволюционные пропагандисты не отрицали на корню саму возможность религиозности «ранних» людей, то получили бы ответы на многие свои вопросы. Почему, например, у неандертальца, похороненного в израильской пещере Кебара, от скелета отделена голова без нижней челюсти, а сама челюсть осталась «при скелете»? Можно гадать сколько угодно, но наиболее вероятно, что при переходе на новое место череп предка родственники просто забрали с собой из могилы. Почему в известном кроманьонском захоронении [Сунгирь](#) под Владимиром, с предполагаемым возрастом порядка 25–30 тыс. лет, на могилу к взрослому мужчине (Сунгирь 1) положен сверху одиночный череп взрослой женщины (Сунгирь 5)? Рядом с этой могилой расположено двойное – голова к голове – захоронение мальчика 12–14 лет (Сунгирь 2) и девочки 9–10 лет (Сунгирь 3). ДНК-анализ сунгирцев с большой долей вероятности показывает их биологическое родство. Таксономически все сунгирцы – сапиенсы-кроманьонцы, имеющие некоторые неандерталоидные черты. При этом одна из «загадок» – под левую руку мальчика положена усеченная с обеих сторон бедренная кость мужчины (Сунгирь 4), полость которой заполнена красной охрой. Этот мужчина, согласно ДНК-тесту, также приходился родственником всей группе, но кость имеет еще бóльшие так называемые архаичные признаки. Что бы эта «загадочная» кость значила? «Какой-то сложный погребальный обряд», – отмахиваются исследователи. Разумеется, сложный, скажем мы. Но в свете наших

предположений сам собой напрашивается ответ о традиции, дошедшей даже до кроманьонцев. А также, похоже, проясняется, почему в половине случаев находки эректусовых бедренных костей представлены именно диафизами, а более прочные суставные части (эпифизы) отсутствуют.

Современные историки религий перечисляют несколько практик, связанных с культом черепа у древних людей и нынешних аборигенов. Кроме культа предка, выразившегося в почитании его костей, это и ритуальный каннибализм, когда поедался мозг или даже всё тело умершего предка^[19], использование черепа врага в качестве охранного амулета своей территории и пр. Здесь не будем подробно на этом останавливаться, напомним только о весьма давней попытке эволюционистов дать объяснение костям Джоукоудяня как остаткам обычного каннибальского пира. Еще во время первых раскопок стоянки эту мысль высказал шведский археолог Биргер Болен, впрочем, кажется, безотносительно к самой проблеме диспропорции в соотношениях сохранившихся костей – на мысль о людоедстве Болен натолкнуло наблюдение, что у большинства сохранившихся черепов было разрушено основание; как предположил ученый, намеренно, для извлечения мозга. Так до недавнего времени поступали, например, аборигены Новой Гвинеи, практикующие ритуальный каннибализм, но у синантропов, как утверждалось Боленом, каннибализм был именно бытовой. Надо заметить, что в целом отсутствие основания черепа у многих отдельных краниальных палеоантропологических находок – это ситуация, не

имеющая решения в терминах «археологической криминалистики», поскольку участок вокруг затылочного отверстия – самая хрупкая часть черепа, и он даже естественным образом разрушается в первую очередь. Так, среди неандертальских находок есть одиночные черепа с отсутствующим основанием, по многим признакам экспонируемые, «выставленные» в пещере с магической или ритуальной целью (Эрингсдорф, Монте-Чирчео и др.), но мы никогда не узнаем, естественными ли причинами вызвано это разрушение, или мозг извлекался из них намеренно.

Между тем местный специалист, работавший в Чжоукоудяне, профессор Пэй Вэньчжун тогда же и закрыл тему «просто» каннибализма обитателей пещеры, показав, что если каннибализм и имел место, то он был ритуальным. Аргументы эти таковы. Во-первых, «большая часть человеческих останков – это **черепа и нижние челюсти** и лишь немного **длинных костей конечностей**. Мелкие же кости скелета практически отсутствовали в очагах Чжоукоудяна. Напротив, среди костей животных большей частью были обнаружены не черепа, а иные кости скелета, в том числе множество мелких» (Зубов А.Б., там же). Во-вторых, в пещере Чжоукоудянь найдены кости более 50 видов разных животных, промысел которых, судя по размаху, не представлял для эректусов особого труда; одним словом, от голода китайские эректусы не страдали. В-третьих, мозг, это не самая «вкусная» часть человеческого тела, если уж говорить о возможности людоеда выбирать себе еду. В-четвертых, в пещере при самых

тщательных поисках не найдены первый и второй шейные позвонки, что при наличии тридцати-сорока индивидов свидетельствует не об отсечении головы от тела жертвы для доставки ее в пещеру, а, скорее, об извлечении черепа из какого-то более раннего захоронения. Кроме того, добавим от себя – что же тогда, в свете «просто еды», означают отдельные, не связанные с черепами нижние челюсти, которых в пещере обнаружено 16 штук на 32 (максимум 44) индивида? А.Б. Зубов на основании имеющихся аргументов Вэньчжуна заключает:

«Что же касается синантропа (то есть, китайского *Homo erectus*. – прим. А.М.), то его погребальный обряд может быть реконструируем следующим образом: тело после разложения мягких тканей или один череп приносился в пещеру, где жили сородичи умершего. Мозг или изымался сразу же после смерти и вкушался, или же уже после эксгумации тела изымался и сжигался на огне. Откуда-то зная, что мозг – этоместилище ума, личности, его возвращали в огне костра Солнцу. Череп же хранился как объект поклонения, как место, где пребывает какая-то часть личности умершего. Возможно, его закапывали в золу под очаг, где готовилась пища. Так мертвый мог участвовать в трапезах живых, продолжать жить не только небесной, но и земной, родовой жизнью».

Впрочем, приведенные аргументы и высказывания ученых относятся лишь к определенной стоянке Чжоукоудянь. Но, обобщая всю известную нам сегодня информацию по теме, можно с полным основанием заявить, что существующая общая, то есть, цельная, в полном объеме ситуация с находкой останков *Homo*

erectus на их стоянках, носит статистически совершенно неестественный характер. Подобную картину можно наблюдать только в случае намеренного выбора и сохранения эректусами наиболее значимых костей человеческого скелета, причем костей, с точки зрения общемировой мифологии важных именно в сакральном, мистическом плане. Какой бы ни был мотив сохранения одних элементов скелета перед другими – ритуальный ли каннибализм, эксгумация и почитание после захоронения, инсталляция или даже водворение черепа на кол в качестве оберега своего участка, «взятие в плен» головы врага – в любом случае можно не сомневаться, что причина сохранения связана с мистическими и религиозными представлениями эректусов. Иначе невозможно понять, почему на эректусовых стоянках в огромных количествах и, так сказать, во всей анатомической полноте присутствуют кости промысловых животных, а кости эректусовых скелетов, кроме сакральных (по общекультурной мифологии), «ускользают» от нас.

Ни случайностью, ни «простым» гастрономическим интересом не объяснить нахождение в Юго-Восточной Азии 43 эректусных черепов, 11-ти нижних челюстей и 7-ми бедренных костей – это **61** из **65** всех региональных находок! Например, 12 яванских черепов и две кости ног (раскопки у реки Соло 1931–1933 гг.) были найдены на участке 50×100 метров вместе с разрозненными останками более чем 25 000 позвоночных животных. Позже на соседнем участке 25×16 метров нашлись еще два эректусовых черепа среди останков 1200 животных! (Любенов,

1999). «Где деньги, Зин?», то есть, где же все остальные кости яванцев? Руководитель первых раскопок Густав фон Кёнигсвальд обратил внимание, что «от костяков людей сохранился очень странный подбор фрагментов, явно не естественного происхождения». Основываясь на отсутствии оснований у большинства черепов, звезда мировой палеоантропологии полагал, что здесь можно говорить о каннибализме, но каннибализме ритуальном. Кёнигсвальд считал эти черепа «трофейными» и проводил аналогию с современными охотниками за головами, которые съедают мозг побежденного противника, чтобы овладеть его умом и храбростью. Эти черепа, считал ученый, отмечали границы территории племени. «Даже в наше время некоторые племена Новой Гвинеи отмечают подобным образом границы своих охотничьих угодий. Видимо, они считают, что дух, обитавший в черепе, помогает охранять их территорию от врагов» (Koenigswald, 1956 в: Любенов, 1999).

Остатки же «просто» каннибальских пиршеств без лишних загадок предстают нашему взору на примере более поздних стоянок гейдельбержцев (Гран Долина) и неандертальцев (Крапина, Эль Сидрон и др.) – это всегда произвольный набор костей жертв со следами надрезов в местах прикрепления мышц. Такой бытовой каннибализм легко распознается по отношению к съедаемому – картина расположения костей людей и животных в «культурных» слоях всегда одинаковая, то есть, произвольная, стохастическая.

Рискуя утомить читателя, выскажу еще одно предположение. Ученые, в свое время активно

пиарившие хабилиса, всю его сомнительную репутацию «предка» повесили на один-единственный ржавый гвоздь – ассоциацию хабилисных костей с инструментами олдувайской технологии. Все прекрасно понимали, что будь однажды внятно показана непричастность хабилиса к этим орудиям, от него, как от «предка» не останется и следа. Теперь, в свете нашего предположения, стоит взглянуть на проблему хабилиса и под этим углом. Я не утверждаю, что обезьяна хабилис мог быть тотемом у олдувайских и южноафриканских эргастеров, но нет ничего фантастического в мысли, что черепа этих обезьян приносились людьми на стоянку в качестве каких-нибудь мистических «охранников». Есть ли у нас какие-нибудь свидетельства в пользу этого? Кое-какие есть. Например, у найденного в Сварткрансе хабилисного черепа Sts 53 какой-то умелец ловко отделил острым орудием нижнюю челюсть (на скулах хабилисного черепа остались следы надрезов). Кому-то из субъектов, владеющих орудиями, этот череп понадобился. Почему тогда не предположить, что все пять известных нам хабилисных черепов – это некие амулеты, трофеи, собранные людьми для мистических целей – охраны территории своей стоянки и отпугивания злых духов врагов или хищников?

* * *

Рассмотрение генезиса (или, точнее, деградации) религиозных представлений доисторического человека не является целью нашей работы, между тем, общая картина, представляющая собой этапы духовного упадка, в самых общих чертах реконструируется следующим образом.

Когда мы говорим об эректусе как о самом раннем человеке, то постоянно делаем оговорку или держим в уме, что о самом раннем – **достоверно известном** нам – человеке. В схеме истинного, то есть, человеческого, а не эволюционно-обезьяньего антропогенеза, *Homo erectus (ergaster)* не является первым человеком по факту – он не Адам, созданный Творцом и не эволюционная форма, происходящая от обезьяны и предшествовавшая людям современной анатомии. Чуть ниже я попробую показать, что так называемый *Homo erectus (ergaster)* есть специфическая производная от обособленных групп людей современного облика, выпавших (точнее, выброшенных) из рассмотрения современной наукой, но существовавших еще до эректуса, а также одновременно с ним и, разумеется, после него. Поэтому хомо эректус по определению не мог быть носителем какой-то истинной перворелигии, а лишь обладать ранним, пусть и относительно близким к оригиналу, но уже искаженным представлением о ней.

В том, что самые ранние из известных нам людей, *Homo erectus (ergaster)* в раннем палеолите сохраняли черепа и бедренные кости своих предков, можно предположить культ неких племенных лидеров, своего рода «пещерных патриархов», выступавших посредниками между мистическим **ВЫСШИМ СУЩЕСТВОМ** (здесь с маленькой буквы) и общиной, а затем людей, бывших их преемниками и ретрансляторами древних знаний. Снижаясь далее, религия почитания посредников, общавшихся с богами, выродилась до почитания собственных

родовых предков. Такой «испорченный телефон» и продолжающийся духовный упадок привели в период среднего палеолита к замещению культа предка **анимализмом.** Интересы выживания, сведение всей космогонии к добыче пищи заставили этих людей почитать самых сильных и опасных своих соперников – животных. Хотя это и может считаться своеобразным комплиментом первым пещерным «патриархам», но их слава отошла медведям и павианам, а также волкам, леопардам, змеям и прочим тотемным животным. В Европе именно медведь оказался наиболее обобщенным и популярным тотемным образом животного-прародителя.

Разумеется, период замещения человека-предка предком-зверем дифференцирован, несколько «размазан» во времени и пространстве. На немецкой стоянке Бильцингслебен (о которой мы говорили выше в связи с культом медведя и одним из первых известных «алтарей») из всех человеческих останков были найдены только два черепа и нижняя челюсть, обломки которых рассыпаны по всей территории. Похоже, тут постарались разливы реки, однако часть фрагментов черепов связана с «алтарем» и «священной» площадкой. Можно предположить, что культ конечностей и головы медведя здесь еще совмещался с культом предков, а человеческие черепа были либо «экспонированы» для обрядовых действий на каменном постаменте, либо «охраняли» территорию святилища. На других поздних эректусовых стоянках вроде Олоргезайли или Торральба и Амброна мы не обнаруживаем

человеческих останков^[20], но видим явные признаки анималистического культа.

Разумеется, вся эта картина замен одних культов другими гораздо более сложна и запутана, я здесь пытаюсь лишь прочертить ее самыми поверхностными штрихами. Оседлые европейские «таксоны» – неандертальцы и неизвестно откуда вынырнувшие сапиенсы (а также отчасти гейдельбержцы) – именно в силу оседлости и необходимости хоронить умерших вернулись или стали вновь совмещать анималистические культы с «человеческими». Например, в многослойном комплексе захоронений пещеры Регурду погребению неандертальца хронологически предшествуют «медвежьи композиции» и захоронения костей медведя в «курганах» из камней, напоминающих эректусовые горки камней из Олоргежайли. Впрочем, всё это предмет отдельного анализа и разговора. В целом же, искаженные представления эректусов о перворелигии, пройдя через почитание «посредника, общавшегося с богами», затем родового предка, затем тотемного предка-животного, в конце концов (когда история мира уже была написана в другом месте и другими людьми), выродились у современных аборигенных народов в **охотничью магию**, почитание черепов и конечностей медведя; даже не религиозную обрядность, а уже в некое охотничье промышленно-производственное колдовство. Начавшись, по сути, с монотеизма, культа высшего существа, по словам Шмидта, «еще не оскверненного тотемизмом и магией», этот культ пришел к своему «логическому разложению».

Судя по всему, исторический век самих эректусов, несмотря на официальные научные заявления о миллионах лет, в реальности был относительно недолгим. Будучи по сути своей кочевниками и завоевателями новых пространств, эректусы не оставили долговременных поселений и кладбищ. Кроме камней, от них остались разрозненные кости, да и то в подавляющем большинстве сохранившиеся потому, что их сохраняли намеренно – как останки предков, «проживавшие» вместе с живыми на стоянках и в пещерах, сопровождавшие их, и поэтому хоть в какой-то мере этой заботой живых уцелевшие.

* * *

Итак, мне представляется вполне обоснованным утверждать, что тот субъект, которого принято именовать хомо эректус, отличаясь от нас морфологически и отчасти психически и интеллектуально, тем не менее, в плане приведенных нами критериев, **обладал всеми возможностями и потенциями современного человека**. Можно сколько угодно, даже с поправкой на нашу недостижимость в виде социальности и интеллектуально накопленного опыта рассуждать о младенчески низком умственном уровне эректуса, об анатомической недоделанности или физической деградации, но факт остается фактом – мы имеем дело с человеком, который, даже если и уступает нам по любому произвольно взятому параметру, то уступает лишь **количественно**, но при этом принципиально ни по одному критерию от нас не отличается.

Этого не хотят видеть обезьянолюбы, измеряя и сравнивая всяческие углы, синусы и радиусы на костях, как бы «сближающие эректуса с понгидным вариантом по этому признаку», но никогда не осмеливающиеся сказать вслух: вот, мол, слева – это обезьяна, а этот, справа – деградант, идиот, тупица, физический урод, но – человек. Задача данной части моей работы – не толерантно возвысить хомо эректуса, показав его белым и пушистым (он, надо сказать, не белый и пушистый, а тот еще скотина), а продемонстрировать имеющийся палеоантропологический парадокс. Если исходить из официальной хронологии, то уже на уровне двух миллионов лет назад, когда по ветвям еще лазили наши будущие «предки» австралопитеки и хабилисы, на земле уже существовал субъект, обладающий настоящей, полноценной человеческой сущностью, а именно – **говорящий, творческий, религиозный**. Вся совокупность имеющихся свидетельств не просто говорит об этом, а – вопиет. Что и огонь, и жилища, и каменные орудия, и образцы искусства эректусов были соединены воедино определенной космогонией и философско-религиозными представлениями о мире и своем месте в нём. Об этом же свидетельствуют и высокий организационный уровень жизни и охоты эректусов, и стандартизация производства орудий, и умение ставить себя на место другого через оказание ему помощи... Собственно, любое, произвольно взятое «умение» эректуса, повторимся еще раз, указывает на всю совокупность его «человеческой сущности».

«Немыслимо, – пишет Элиаде, – чтобы орудия не наделялись сакральными свойствами и не вдохновляли на мифологические сюжеты. Первые технологические открытия: превращение камня в орудие нападения и защиты, овладение огнем, – не только обеспечили выживание и развитие человека как вида, но и создали мир мифо-религиозных ценностей, пробудили креативное воображение и дали для него пищу. Достаточно изучить роль орудий в религиозной жизни и мифологии первобытных народов, которые до сих пор остаются на стадии охоты и рыболовства» (Элиаде, там же).

Сегодня это кажется невероятным, но еще в 1992 году некто Патрик Флеминг из Кембриджского университета мог писать: «*Homo erectus* не обладал культурой. Его способность к производству орудий была инстинктивной. Другие элементы, свидетельствующие о его мнимой культуре (организованная охота, лагерные стоянки, управление огнем, речь и сознание), – видимо, ошибочны» (Fleming, 1992). Если бы фраза «Эректус изготавливал орудия инстинктивно!» вышла бы в финал конкурса идиотизмов даже с классикой всех времен и народов – «В СССР секса нет!», – я бы все равно, честное слово, первое место отдал бы Патрику Флемингу. Есть заявления просто глупые, а есть определенный тип «несгибаемых» ученых и политиков, по поводу которых придумана поговорка про божью росу.

«***Homo faber***, – говорит Мирча Элиаде, – был в то же самое время ***homo ludens***, ***sapiens*** и ***religiosus***». То есть, человек, производящий орудия (*homo faber*,

«человек орудийный») уже тем самым есть и *homo ludens* – человек играющий (то есть, творческий, создающий другую реальность; в широком смысле своим творением выделяющий себя из основной реальности), и он также человек разумный (*sapiens*) и религиозный (*religiosus*).

...Всё тут завязано в единый узел.

Примечания:

¹⁰ «...этот экспонат мог бы считаться шедевром искусства в любой период времени». – Разумеется, в отношении находок, аналогичных Гросс-Пампау, в первую очередь самой коллекции Урсель Бенекендорф, следует всегда сохранять разумную критичность. Дело в том, что все «узко жанровые» коллекционеры имеют общую особенность – наряду с «сильным» экспонатом коллекционер скорее всего не откажется и от «слабого», менее убедительного, но потенциально «своего». Природные процессы могут создавать самые необычные формы, поэтому всегда существует вероятность принять игру природы за дело человеческих рук.

Однако, и скептицизм должен быть разумным. Когда геометрические фигуры, антропо- и зооморфные находки встречаются устойчивыми сериями и при этом носят следы инструментальной обработки, трудно объяснить их форму одной лишь игрой природы [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹¹ «...то этот возраст считается маркирующим и для наличия устной речи, и мифологии, и даже календаря

и арифметического счета». – Работа Н. Клягина относится к 1996 году, а сегодня, если исходить из подобной посылки, этот возраст может считаться еще более древним. В 2004 году в пещере Козарника, Болгария, найдена кость возрастом 1,2–1,4 млн. лет по с.ш. с выгравированными на ней символами, которые, по мнению антропологов из Института доисторической эпохи и геологии четвертичного периода при университете Бордо, не могут быть простыми следами от разделки туши животного, а являются именно примером знакового творчества *Homo erectus*. Консерваторы, разумеется, возражают, что способность человека к творчеству прошла долгую эволюцию и не может быть столь ранней. Но если принимать концепцию Леруа-Гурана, Маршака и Фролова, то присутствие устной речи, знакового творчества и мифологии у европейских эректусов уже можно маркировать условными 1,2–1,4 млн. лет. Разумеется, без учета так называемых аномальных, непризнанных официальной наукой находок.

[\[Вернуться к тексту\]](#)

¹²«...воскликнул: «Да это же алтарь жертв!)). – В период отрицания у неандертальца религиозных представлений скептики пытались трактовать культовые пещеры и сооружения в них как «хранилища мяса», однако сейчас такая точка зрения рассматривается больше как курьез, специфика определенного этапа познания, отягощенной идеологией. Несмотря на отчаянное сопротивление, неандерталец все-таки «вырвал» у скептиков право на свою религиозность. «Активная дискуссия вокруг проблемы неандертальских погребений, в конце

концов, закончилась их признанием, так как факты, свидетельствующие об этом, слишком демонстративны» (В.П. Алексеев. Возникновение человека и общества // Первобытное общество. М., 1975. С. 28).[\[Вернуться к тексту\]](#)

¹³ «...ибо его реликтовые следы нынешняя европейская культура также хранит в избытке». – Надо заметить, что медвежий культ не является ноу-хау лишь сибирских и дальневосточных народностей – каждый из нас интуитивно, на генетическом уровне чувствует ту роль, которую играл медведь в жизни наших древних предков. У народов Европы, в частности, славянских, медведь олицетворяет наивысшую физическую силу, но при этом является фольклорным персонажем, вызывающим по большей части симпатию. До недавнего времени плюшевый мишка был спутником каждого европейского ребенка, изображение медведя входило и входит в огромное количество гербов европейских городов, не говоря уже о том, что «в общем и целом» сам медведь является неофициальным символом России. Б.А. Рыбаков отмечает культ медвежьих лап и когтей в раскопках фатьяновской культуры и в славянских курганах эпохи язычества. При этом отголоски священного отношения к лапам и голове медведя можно найти в нашем фольклоре. Одна из самых ранних русских сказок (№ 57 в сборнике Афанасьева) «Медведь на деревянной ноге» повествует о мужике, который на предложение медведя сразиться не убивает его, а отрубает ему топором лапу. Эту лапу они довольно цинично (ощипывая с шутками-прибаутками) – варят и

съедают со старухой, но медведь, как внезапно явившийся рок, съедает за это их обоих. С точки зрения канона жанра, то есть, назидания, сказка оставляет довольно странное впечатление своей жестокостью с необычным отсутствием хэппи-энда, если не увидеть единственного ее притчевого смысла, пришедшего из древности – медведя не запрещено убивать, но его лапу «осквернять» нельзя (старуха поплатилась даже за то, что ее варила).

О почитании медведя говорит и то, что его имя было табуировано во многих языках индоевропейской семьи и заменено эвфемизмами вроде «коричневый» («*bear*» в английском, «*brun*» во французском, «*beer*» в голландском, «*baer/bän*» в немецком, «*bjorn*» в старонорвежском и его потомках, датском и шведском). В балтийских языках медведь значился как «косматый», «лохматый» («*lokys*» в литовском, «*lasis*» в латышском и «*clokis*» в старопрусском). В славянских языках, в том числе русском, имя этого животного также было табуировано и заменено собственно известным нам эвфемизмом «медведь» («**мё**дв[яное] **ед**[ящий]»; другой вариант «мёд ведающий»), не говоря уже об иносказаниях вроде «хозяин», «батя», «лихой» и т.д.

[\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁴ «...но такой мейнстрим пока еще шокирует большинство эволюционных традиционалистов, несмотря на ряд схожих находок». – В коллективном труде ученых Азербайджанской АН под ред. членкора И. Алиева, говорится:

«О том, что такой счет и число были известны азыхантропу более чем 300 тысяч лет назад, свидетельствует один из черепов пещерных медведей, хранившихся в специально сделанном в ту отдаленную эпоху тайнике в Азыхской пещере. На этом черепе каменным пилообразным предметом сделано **в ряд параллельно семь нарезок и одна поперек сверху. И это, конечно, единицы счета.**

Кстати, известные нам из других областей ойкумены знаковые построения, зафиксированные в графике, относятся именно ко второй половине ашеля, приблизительно за 300 тыс. лет до наших дней. Это фрагмент бычьего ребра из стоянки Пеш де Лазе II (Дордонь) на юге Франции и две небольшие кости из Бильцингслебена в Тюрингии (ФРГ)». (История Азербайджана с древнейших времен до начала XX в. – Баку: Элм, 1995). [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁵«...предположим преимущественное сохранение эректусами только больших бедренных костей...». – Надеюсь, читатель понимает, что это не есть предсказание задним числом (цифры-то нам уже известны, чего тут предсказывать), а лишь сужение «кластера» во избежание размывания картины – отказ считать все без исключения кости конечностей, с предположением о сохранении лишь самой «статусной» из них. То есть, мы предполагаем у эректусов лишь более узкий отбор, поэтому длинные кости рук и берцовые кости – считаем сохранившимися случайно. [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁶«Как ни соблазнительно посчитать материал из Дманиси, но, игнорируя его...». – Ситуация с

дманиссскими находками весьма запутана. На двух ограниченных участках 6 м^2 и 15 м^2 найдены два крайне фрагментированных скелета, две пястных кости от третьего индивида и плюсна от четвертого, а также четыре черепа и четыре нижних челюсти (пятый череп D4500, презентованный общественности в 2013 году, скорее всего, человеку не принадлежит). Авторы дманиссских находок испытывают вполне естественное желание связать челюсти, черепа и посткраниальные останки вместе (Lordkipanidze *et al.*, 2007), но насколько эта связь надежна, определить, понятно, невозможно. Тем не менее, мы идем на поводу у Давида Лордкипанидзе и щедро соглашаемся на признание (вне наших подсчетов) по посткраниальным останкам четырех индивидов, каждому из которых в трех случаях соответствует свой череп и нижняя челюсть (хотя сохранение от одного индивида плюсны при полном черепе с нижней челюстью представляется лично мне маловероятным).

[\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁷ «...и абсолютная полнота подсчитанных находок являются условностью». – Необходимо отметить, что в Африке процент «кластерных» находок нам частично занижают такие многослойные, хронологически и «таксономически» объемные стоянки, как Сварткранс и Баринго, демонстрирующие ту же тенденцию случайного сохранения фрагментов, что и у австралопитеков. Опираясь только на пример этих двух стоянок, можно было бы сказать, что именно такую мозаичную картину мы должны наблюдать и на всех остальных, если человеческие захоронения в течение длительного времени были спонтанны, а

останки размывались, переотлагались и по закону случайных чисел от скелетов сохранялись лишь разрозненные части. На стоянке в Баринго (510–540 тыс. лет) сохранились фрагменты теменной кости, трех нижних челюстей, плюсневой кости, две фаланги кисти и правая локтевая кость. Стоянка Сварткранс преподносит нам такой же разномастный набор костей – две фаланги кисти и фрагмент плечевой кости из третьего слоя (1,2 млн. лет), два фрагмента лучевых костей, нижняя челюсть и шейный позвонок из второго слоя, череп SK 80/846/847 из нескольких фрагментов (часть которых может не принадлежать *Homo*), две нижних челюсти, пястная кость и фрагмент бедренной кости – из первого слоя (2 млн. лет). Та же пещера Сварткранс изобилует и остатками охотничьей добычи людей, и орудиями, и следами использования огня. Собственно, и в первом, и во втором случаях такая картина вполне ожидаема и объяснима долгим проживанием людей в одном месте, хотя стоит отметить весьма важный момент – в силу плохой сохранности останков весьма затруднена их идентификация. Дробышевский пишет о Баринго:

«Находки фрагментарны, а потому их таксономическое положение неясно. Их определяли как *Australopithecus*, *Homo habilis*, *Homo ergaster*, *Homo erectus* и *Homo sapiens rhodesiensis*».

О Сварткранс:

«Таксономическая принадлежность останков Сварткранса, с наибольшей вероятностью не относящихся к *Paranthropus robustus*, всегда вызывала

бурные споры (например: Robinson, 1953b). Главными проблемами оказывается разнородность находок и их неясная датировка» (Дробышевский, 2004).

Тем не менее, если находка по ряду признаков может быть определена как эректус, мы ее учитываем, хоть она нам и портит статистику (смайлик). [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁸ «...возвратили череп владельцу, водрузив на могилу или встроив в стену над изголовьем?». – Это звучит невероятно, но материал Петралоны, кроме самого черепа Петралона 1, еще до конца не изучен (Дробышевский, 2004). Между тем, судя по многим снимкам муляжа, изображающего скелет в музее Петралоны в Салониках, у индивида отсутствует нижняя челюсть. [\[Вернуться к тексту\]](#)

¹⁹ «...когда поедался мозг или даже всё тело умершего предка». – А.Б. Зубов пишет:

«Например, Геродот так рассказывает о погребальных обычаях племени исседонов, обитавших к востоку от Каспийского моря:

“Когда умирает чей-нибудь отец, все родственники пригоняют скот, закалывают его и мясо разрубаят на куски. Затем разрезают на части и тело покойного отца того, к кому они пришли. Потом все мясо смешивают и устраивают пиршество. С черепа покойника снимают кожу, вычищают его изнутри, затем покрывают позолотой и хранят как священный кумир. Этому кумиру ежегодно приносят обильные жертвы”. [Геродот. 4, 26].

Нет ли между этой традицией и причинами, вызвавшими появление черепов в Чжоукоудяньских пещерах, некоторого сходства?

Надо при этом помнить, что каннибализм характерен не для самых примитивных, но как раз для достаточно развитых племен, где он служит многообразным магическим целям, но почти никогда – простому удовлетворению чувства голода» (Зубов, 1997).

[\[Вернуться к тексту\]](#)

²⁰ «...стоянках вроде Олоргезайли или Торральба мы не обнаруживаем человеческих останков» – не обнаруживаем в широком смысле. В Олоргезайли, после 60-ти лет безуспешных поисков (с 1942 года) в 2002 году, наконец, был найден фрагмент свода черепа *Homo erectus* (KNM-OL 45500). [\[Вернуться к тексту\]](#)



ГЛАВА 6. ПРЫЖОК В ТЕМНОТУ

Часть 1. Чувствительность к начальным условиям

1.

Итак, долгое время эволюционная палеоантропология играла по сценарию под названием «от простого к сложному». Согласно этому сценарию всё шло постепенно – у обезьяны постепенно увеличивался мозг, постепенно совершенствовались походка и «трудовая» кисть, инструменты постепенно становились все сложнее, от примитивных животных аналогов у человека постепенно развились речь, психика, искусство, религия. Все эти усложнения демонстрировались «последовательными» рядами в

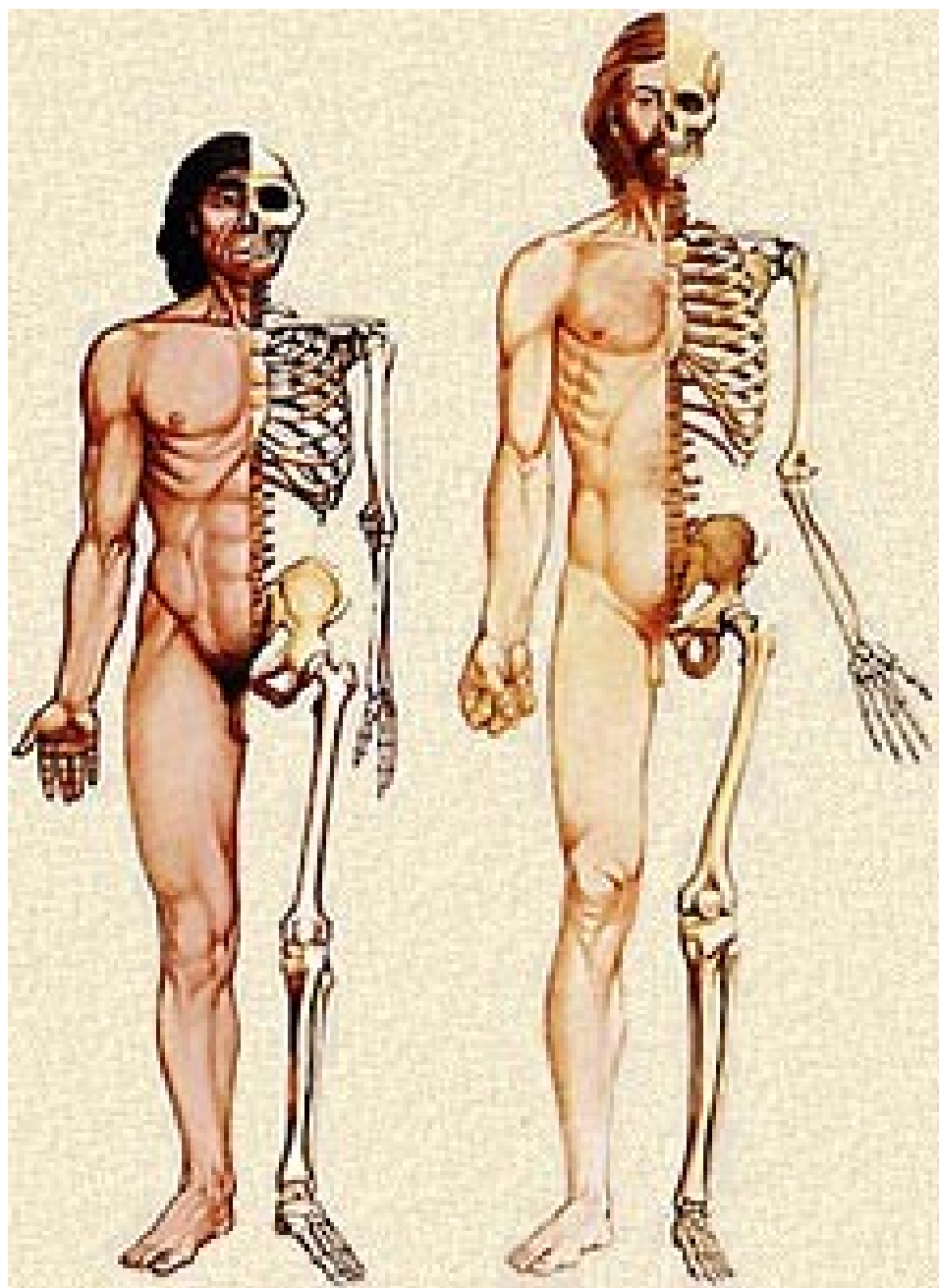
учебниках и музеях. Отрицать эту картину казалось невозможным, ибо она была уж слишком наглядной.

Однако, как говорится, шли годы. Как мы показали выше, засевший в голове со школьной скамьи штамп – развитие от простого к сложному, – мягко говоря, не соответствует действительности. И если раньше находки, выбивавшиеся из стройного «постепенно усложняющегося ряда» эво-адепты игнорировали, дискредитировали или ломали через колено, пытаясь загнать в подходящее место схемы, то сегодня наступили другие времена. Сегодня мы знаем, что все так называемые человеческие качества были присущи первому достоверно известному науке человеку по имени *Homo erectus* изначально. К удивлению или к неудовольствию многих адептов эволюции оказалось, что с того момента, когда хомо эректуса стало возможным разглядеть во тьме времен, он уже обладал всеми современными умениями и качествами.

(Читатель помнит, что хронологически наиболее ранняя форма хомо эректуса в современной таксономической номенклатуре часто выделяется как *Homo ergaster*. Хотя эргастеры считаются также и региональной формой хомо эректусов (поскольку самые древние эргастерные находки происходят из Африки), но факт пребывания людей синхронно с африканскими *Homo ergaster* в других частях света позволяет, следуя логике, хотя бы условно отнести их также к эргастерам; тем более, что *Homo erectus* в узком смысле – это их поздняя специализированная форма. Далее я буду использовать именно термин

Homo ergaster, подразумевая под ним, что речь идет о наиболее ранних эректусовых формах).

Сделанные в последние годы открытия и находки, если не принимать в расчет радость первооткрывателей, наверняка должны озадачивать весь прочий эволюционный люд. Уже не становятся сенсациями заявления ученых о том, что, глядите-ка, *Homo ergaster* мог владеть речью (Bower, 2006), имел походку и рост, как у современного человека (Matthew et al., 2009), найденная пястная кость эргастера свидетельствует о современном развитии его руки (Ward et al., 2013), таз женщины древностью до 1,4 млн. лет имеет современное строение (Simpson et al., 2008), в Триниле нашли ракушку с еще одним эректусовым орнаментом (Joordens et al., 2014), а в России под Ростовом-на-Дону кость верблюда с искусственными насечками, вероятно, отражающими арифметический счет, с рекордной датировкой 2 млн. лет (Саблин, Гиря, 2010).



Идентичность скелетов архантропа и современного человека. © Giovanni Caselli

Все эти находки последних лет, подаваемые в виде локальных сенсаций, разумеется, уже давным-давно сенсациями не являются. Еще со времени находки «Турканского мальчика» WT 15000 (1,6 млн.л.) и бедренных костей из Кооби Фора (от 1,9 до более 2 млн.л.) было известно, что эргастер имел фактически современный постчерепной скелет. Оговорка «фактически» – это поправка на особые условия жизни, однако, все параметры эргастерова скелета находились в пределах вариаций современного человека.

«Бедренные кости архантропов, – говорит С. Дробышевский, – вообще от современных костей принципиально не отличаются. Ещё с эргастеров строение костей ног становится практически современным, так что можно говорить лишь о статистических тенденциях: у архантропов обычно толще кортикальный слой и иногда иное (диффузное, а не в виде треугольника Варда) распределение трабекулярной структуры шейки бедренной кости. Но эти варианты встречаются и у современных людей. Так что отнесение костей ног к архантропам производится на основании датировки» (Дробышевский, «Где же взять...»).

Иными словами, если бы не залегание постчерепных костей *Homo ergaster* в древних слоях, то их трудно было бы отличить от анатомически современного человека. Кстати, любопытно, что до сих пор некоторые оппоненты ставят в упрек противникам эволюции их старые утверждения о якобы найденных за пределами древних костях *Homo sapiens*, в итоге оказавшихся эргастерными. Например, за кости

анатомически современного человека антиэволюционистами принимались те же бедренные ER 1481 и 1472, плечевая Гомборе-1, да и сам «премьер» эректусового таксона, самая первая находка – тринильская бедренная кость «питекантропа». Но у этого упрека есть и обратная сторона. Эти кости принимали за анатомически современные именно потому, что они – анатомически современны! И можно вернуть оппонентам их мяч – а как вы объясните, что два миллиона лет назад (по вашим меркам) хомо эргастер возник внезапно с уже «готовым» постчерепным скелетом современной анатомии?^[1] Скелетом, принципиально отличающим его от всех возможных «предков» – более ранних австралопитеков и тем более хронологически синхронных хабилисов. А явившись, потом почти два миллиона лет (опять же, по вашим меркам) уже принципиально не менялся? То есть, фактически можно говорить о возникновении нашего с вами сегодняшнего скелета уже в те времена, причем, повторяюсь, внезапно, «вдруг, откуда ни возьмись...» Где тут, извините, эволюция?

Первооткрыватели эргастерного скелета WT 15000 Алан Уокер и Ричард Лики подчеркивают его полное подобие современным. Известны слова Уокера, выразившего сомнение в том, что обычный патолог сможет увидеть отличие найденного скелета от скелета современного человека (Rensberger, 1984). «Высокий и современный!» – кратко охарактеризовал его Лики. С авторами находки (точнее, многих еще эргастерных находок) согласны и наши специалисты.



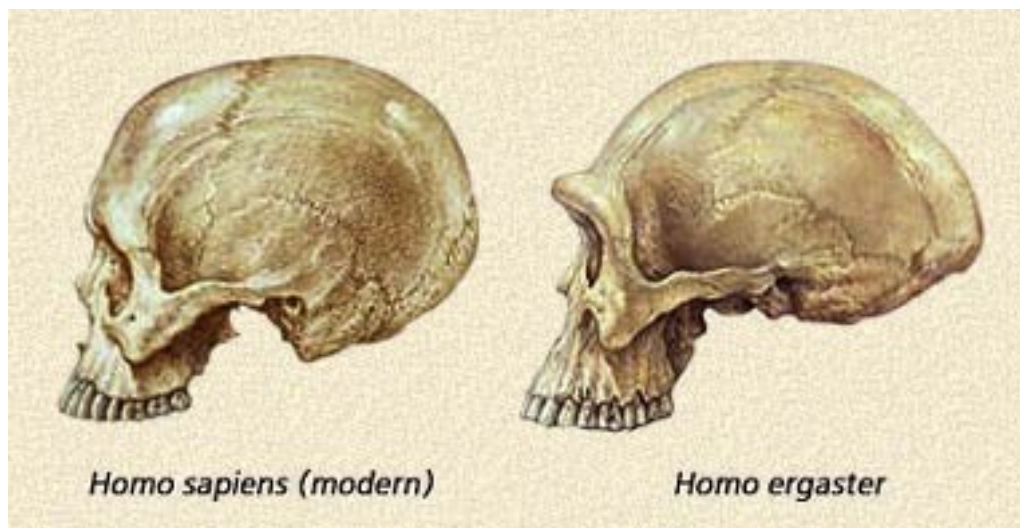
Скелет Homo ergaster WT 15000

«После находки в Нариокотоме, – пишет А.А. Зубов, – стало ясно, что по строению скелета и пропорциям конечностей эти древние гоминиды мало отличались от современных людей, в частности – от нынешнего африканского населения» (Зубов, 2004).

«Посткраниальный скелет KNM-WT 15000 в целом очень близок к таковому современного человека. Отличия касаются лишь мелких деталей» (Дробышевский, 2004).

Тут следует отметить, что поначалу некоторые особенности WT 15000 были описаны как архаичные, но дальнейшее изучение скелета показало, что они вызваны индивидуальной патологией развития (Latimer et Ohman, 2001). Можно было к гадалке не ходить, что активные приверженцы «постепенного» эво-сценария попытаются хоть как-нибудь дискредитировать столь современно выглядящую находку. Патологически суженный спинно-мозговой канал «Мальчика из Турканы» одно время объявили свидетельством неспособности эргастеров к речи. Но были найдены дманисцы с каналом современного типа. Затем «прицепились» к росту. Собрав данные по ростовому скачку у людей и шимпанзе, предположили, что, если рост шел по шимпанзоидному типу, то 11–12-летний WT 15000 во взрослом состоянии к своим 160 см прибавил бы лишь несколько сантиметров, а не дорос до 185 (назывались даже максимальные цифры 195 см), как если бы эргастеры развивались по-человечески. Однако никуда не делись кости других, и уже взрослых, эргастеров, по которым был определен их рост: 180 см у ER 736, те же 180 см у ER 1808, и 171 см у OH 28 (Hawks, 2010; McHenry, 1991).

За всеми этими игрищами, конечно, просматривается неприкрытое желание вернуть наших древних предшественников в русло «постепенного» сценария, в родную эволюционную гавань. Однако факт остается фактом – *Homo ergaster* появляется в истории ниоткуда, внезапно, и при этом уже «готовым», полноценным человеком; не только с современным посткраниальным скелетом, но и всеми качествами, принципиально присущими современному человеку – абстрактным мышлением, высокой коммуникативностью и социальностью, способностью к творчеству, милосердию, религиозному осмыслению мира.



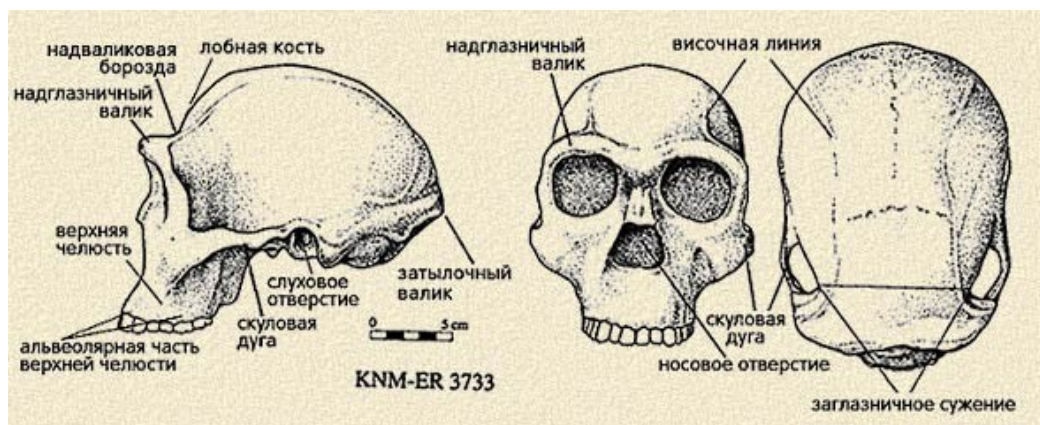
Сравнение черепов H. sapiens и H. ergaster (ER 3733) © NHML

...А между тем не стоило б заводить обо всем вышесказанном разговора, когда бы не одно существенное «но». Это «но» – весьма архаичный,

«примитивный» и даже, по выражению некоторых эволюционистов, «обезьяноподобный», делающий отличие существа по имени *Homo ergaster* от нас наглядным, значительным и несомненным, его – **череп**. Именно этот «анатомический объект», этот феномен не позволяет многим из нас вытряхнуть из собственной головы засевший со школьных времен штамп «постепенного эволюционного развития». Да и как его вытрянешь с таким мощным аргументом эволюции? Вот, смотрите, у эргастера относительно небольшой мозг, а у последующих *Номо* он становится крупнее. У эргастера примитивная, «обезьянья» форма черепа с мощными надбровными дугами, а у кроманьонцев уже человеческие черты без «обезьяньих» надбровий. У эргастера еще нет выступающего подбородка, а у первых сапиенсов он уже появляется. Разве не очевидна тут работа эволюции? Разве не очевидно, что тут – изначальная архаика, которая постепенно превращается в современность? Какие еще нужны доказательства? – вот они, все перед вами, смотрите собственными глазами и оставьте сомнения.

Главные особенности черепа *Homo ergaster* – это уменьшенный по сравнению с нами объем черепной коробки, массивный череп с толстыми костями свода, низкий покатый лоб с мощными надглазничными дугами. Заглазничное сужение сильно выражено, затылочная кость имеет сильно выраженный рельеф (резко преломлена), присутствует мощный округлый затылочный валик. Лицо крупное и prognathic. Нижняя челюсть очень крупная и тяжелая, со скошенным подбородком. Зубы относительно крупные.

И еще раз, но с другого берега – чем мы отличаемся от них. Мозговой отдел черепа современного человека крупнее, он более округлый, практически шарообразный. Лоб выпуклый и вертикальный, затылок округлый. Кости черепа тонкие, надбровные дуги практически отсутствуют, челюсть небольшая, с подбородочным выступом. Скуловые дуги не выступают в стороны, как у эргастеров, зубы меньше.



Череп ER 3733, принятый в качестве морфологического эталона Homo ergaster

Казалось бы, спорить тут не о чем. По первому же ощущению череп эргастера грубый, архаичный и, как само просится сказать, недосапиентный. Очевидно, что нас связуют такие сущности как человеческое родство и некий протяженный во времени процесс превращения одного существа в другое. И общее представление сегодня именно таково – раз *Homo ergaster* архаичней хомо сапиенса (смотрим на его череп) и жил раньше сапиенса (смотрим на хронологические периоды существования обоих

таксонов), то, следовательно, *Homo ergaster* есть не кто иной, как наш прямой эволюционный предок (разумеется, связанный с нами через цепочку других эволюционировавших форм *Homo*), а мы, *Homo sapiens*, включая всяческих кроманьонцев и создателей первых цивилизаций, – его эволюционировавшие потомки.

Однако человека, взявшегося изучить проблему чуть поглубже штампованных эволюционистских схем и школьных учебников, наверняка удивят несколько вещей.

Первое. Эргастерный хаос. То, что мы наблюдаем внезапно появившегося из темноты веков человека с современным скелетом, но «архаичным» черепом – это еще полбеды. Если собрать все черепа эргастеров и эректусов, то мы увидим, что наибольшее разнообразие приходится на самый ранний период, то есть, на время неожиданного появления *Homo ergaster* в летописи окаменелостей. Интуитивно мы всегда отличим эргастера от, скажем, его более позднего собрата, эректуса, не говоря уже о гейдельбержцах. Но при этом практически **ни один эргастерный череп не похож на другой**, даже с учетом синхронной хронологии и относительно близкого соседства. Если мы возьмем сто современных сапиентных черепов и всего несколько эргастерных, то можно не сомневаться, что эргастерные покажут между собой гораздо большее разнообразие. Так, относительно синхронные эргастерные черепа из Кооби Фора не похожи друг на друга, черепа из грузинского Дманиси не похожи на африканские и еще менее друг на друга, также

разнятся черепа ранних эректусов из Китая и Явы. Таксон *Homo erectus*, более поздняя (и более «архаичная») форма, продолжающая линию эргастеров, показывает снижение этого разнообразия где то на уровне официального одного миллиона лет (и позже) – и «устаканивается» за счет специализации и, так сказать, максимального уклонения от сапиентных черт. (Кстати, тут стоит напомнить, что нынешняя палеоантропология постулирует наше происхождение именно от линии эргастеров в Африке, а все поздние формы эректусов Африки, Европы и Азии считает тупиковыми – вымершими и не оставившими потомства).



Самые ранние из известных черепов Homo ergaster (исключая крайне фрагментированные ER 2598, ER 1593, ER 1466 и др.) и условно относимых к ним ранних людей с других континентов: А – Сангиран-17 (Индонезия, 0,8–1,8 млн.л.); Б – ER 3733 (Кения, 1,78 млн.л.); В – ER-3883 (Кения, 1,5–1,6 млн.л.); Г – WT 15000 (Кения, 1,6 млн.л.); Д – ER 42700 (Кения, 1,55 млн.л.); Е – Моджокерто-1 (Индонезия, 1,6–1,8 млн.л. или более), Ж – D2282 (Грузия, 1,7 млн.л.); З – D3444

(Грузия, 1,7–1,8 млн.л.); И – D2700 (Грузия, 1,7 млн.л.); К – РА 1051–6 (Китай, 1,22–1,63 млн.л.). Коллаж: Golden Time

Но при взгляде на черепа самых древних из известных нам людей, трудно отделаться от ощущения, что присутствуешь при развитии или даже финале некоего события, начало которого ты пропустил, а теперь действие уже катится полным ходом. Как будто нечто более раннее, предшествовавшее эргастеру, но более упорядоченное – теперь пошло вразнос, и мы наблюдаем этот странный динамический хаос, широчайший разброс – по форме черепов, объему мозга, росту индивидов – и все это на фоне многочисленных эргастеровых патологий. Не будем спорить, что *Homo erectus* есть поздняя, крайне специализированная форма *Homo ergaster*, и что эректусы действительно вымерли, не оставив потомства. Но легко ли поверить в то, что от этого эргастерного разнообразия отошла какая-то продуктивная линия, которая в итоге упорядочилась в классическую форму *Homo sapiens*? Согласно эволюционной логике, мы могли бы наблюдать у какой-нибудь из эргастеровых групп появление и стабилизацию некоего «прогрессивного» признака, в развитии которого и шло бы дальнейшее движение к сапиенсу; но эргастерные черепа, оставаясь на протяжении всей своей истории в целом неизменными, показывают лишь калейдоскоп, смешение, хаос одних и тех же признаков, в разной мере выраженных. Логичнее предположить, что не хаос рождает порядок, а наоборот. Взрыв не созидает, а разрушает уже существовавшее. Эргастерный хаос, скорее,

родился из какого-то первоначального порядка, и речь может идти не о начале становления сапиенсов, а о наблюдаемом морфологическом распаде какой-то более ранней и более упорядоченной формы.

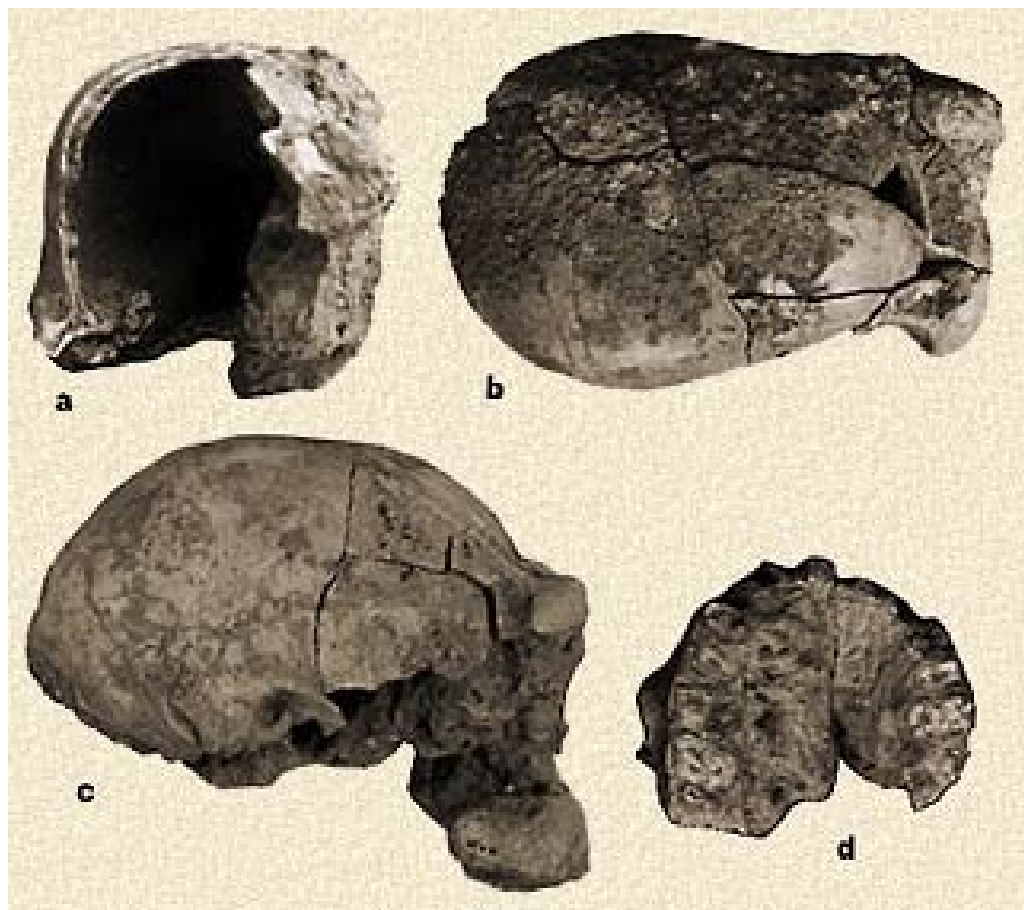
Подтверждением этому может служить и пример других родственных нам человеческих линий. Проследивая по известным нам костным образцам историю неандертальцев, гейдельбержцев или как бы «автохтонных» ранних сапиенсов Африки, несложно заметить, что среди самых ранних находок того или иного таксона *Ното* как правило наблюдаются более «прогрессивные» формы, а заканчивается каждый или развалом, или тупиком специализации, то есть тем или иным удалением от первоначальных «прогрессивных» черт. Таким образом, плохо систематизируемый разброс признаков и то, что некоторые ранние представители каждого из таксонов *Ното* «прогрессивнее» поздних – свидетельствует, скорее, не о зарождении нового кластера, а о **распаде уже существовавшего**, изначально морфологически более однородного.

Второе. Отсутствие наблюдаемой последовательности эволюции. Что еще могло бы удивить пытливого исследователя, копнувшего стандартную схему антропогенеза чуть глубже – это бесполезность хомо эргастера в качестве эволюционного свидетельства как такового. Суть в следующем. Если бы так называемый эволюционный антропогенез был реальностью, то есть человек с течением времени «происходил» бы от более примитивного предка, мы наблюдали бы картину этого постепенного происхождения в ее

последовательности. Мы бы увидели скелет предка в промежуточном положении между, скажем, австралопитеком и эргастером; мы бы наблюдали промежуточный по своему строению мозг; мы бы видели явную связь какого-либо развитого человеческого признака с таким же, но менее развитым у «предка». Но опять же – парадоксальность ситуации даже не в том, что внезапно появившийся *Homo ergaster* имеет уже современный скелет и принципиально современный мозг. Удивительно то, что на примере самого хомо эргастера (не говоря уже о более специализированном и «диком» эректусе) **мы не видим ожидаемой «творческой» эволюции**. Если не учитывать уклониста эректуса, вымершего в итоге по всему миру, то *Homo ergaster*, появившись по эво-шкале два миллиона лет назад – за отпущенный ему постулируемый миллион лет не сделал ни одного шага к сапиентации. То есть на его примере **мы не наблюдаем постепенного накопления сапиентных признаков** и движения в направлении современного человека. Мы видим его либо в относительно неизменном состоянии, либо где-то с середины плейстоцена окукливающимся в версию еще более несапиентного *Homo erectus*.

Но ситуация еще любопытней. С «сапиентацией», то есть с «эволюцией» эргастера мы, напротив, если что и наблюдаем, то лишь тот же динамический хаос, ибо у разных экземпляров *Homo ergaster* вдруг неожиданно рано обнаруживаются признаки, которые, согласно эво-сценарию, должны были появиться гораздо позже. Иными словами, сапиентность в образцах эргастерных черепов не

накапливается, а буквально выскакивает, где ей заблагорассудится – и столь же неожиданно исчезает, не оставляя после этого на других, более поздних экземплярах, никаких следов.

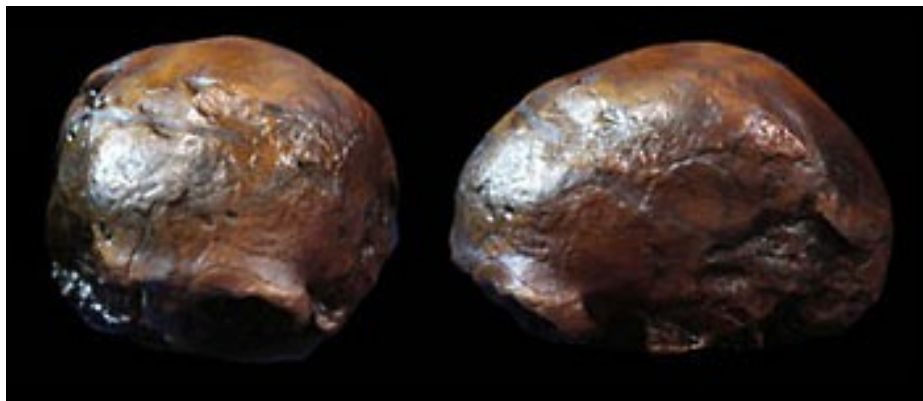


Череп UA 31 (1 млн. л.) демонстрирует смесь признаков *Homo erectus* и *Homo sapiens*. Сипиентный комплекс включает вытянутую овальную форму черепной коробки (b), высокий широкий свод, плоское лицо (c) и современную форму зубной дуги (d). *Nature* Vol. 393, 04 June 1998

Так, например (уже упоминавшиеся в этом контексте), челюсть ER 992 (1,5–1,6 млн. лет) имеет маркировки двубрюшной мышцы – абсолютно современный признак, связанный с речью, челюсти ER 730 (1,5–1,6 млн. л.) и АТЕ9-1 (1,2–1,3 млн. л.) демонстрируют нечто вроде выступающего подбородка, череп ER 42700 (1,55 млн. л.) по результатам многомерного анализа ближе к сапиенсам, чем даже к гейдельбержцам и неандертальцам, фрагмент черепа KNM-ER 1466 (1,8 млн. л.) может быть отнесен к «массивному» *Homo sapiens*, череп UA 31 (1 млн. л.) демонстрирует смесь признаков *Homo erectus* и *Homo sapiens*, череп ребенка из Моджокерто (1,6–1,8 млн. л. или более) также очень современен. Одна из самых ранних эргастеровых находок (1,5–2 млн. л.), челюсть Stw 84 «по определяемым признакам может быть отнесена даже к таким поздним видам, как *Homo heidelbergensis*, *Homo neanderthalensis* и *Homo sapiens*» (Дробышевский, 2004). То же можно сказать и об упоминавшемся выше фрагменте черепа ATD6–69 (0,93 млн. лет), имеющем невнятное название *Homo antecessor* (в привязке к общепринятой таксономии его можно рассматривать как раннего гейдельбержца или как региональный вариант эргастера), который демонстрирует тот же феномен якобы ранней прогрессивности – лицевая морфология этого фрагмента по словам автора находки полностью современна и предшествует появлению подобных черт примерно на 650 тыс. лет (Bermúdez de Castro et al, 1997).

Как говорится – извините, так не бывает. «Эволюция» (или «мать-природа») словно уже знает о сапиентности, награждая ею отдельные эргастерные образцы по непонятному принципу, но гораздо ранее положенного срока. При этом в дальнейшем об этих современных признаках опять забывая.

В целом такая картина гораздо лучше согласуется с идеей, что «мать-природа» уже эту историю с сапиентными признаками проходила. То есть дело тут не в раннем выпрыгивании будущих совершенств, а в том, что сапиентность уже была присуща некоему предшественнику и прародителю эргастеров, а сами эргастеры – это его поздняя «архаизированная» версия, гены которой изредка «вспоминают» о былом совершенстве. Еще раз добавим в эту копилку и скелет эргастеров, унаследованный им от неизвестного предшественника уже в столь современном виде. По крайней мере, гипотеза таких «возвратов» объясняет это явление исчерпывающе, эволюционный же антропогенез тут впадает в ступор.



Черепная коробка Моджокерто-1 (1,6–1,8 млн.л. или более) выглядит очень современно. Фото: Litos.net

И, наконец, самое важное, что могло бы удивить нашего пытливого исследователя – это **третье**. Это третье я оформил бы в виде вопроса, который исследователь может задать себе после более детального изучения материала – а можно ли быть уверенным, что все эти признаки *Homo ergaster*, отличающие его от анатомически современных людей, есть признаки эволюционные? Или, иначе, **эволюционный характер этих изменений сомнителен**. Массивный череп, меньший в сравнении с нами мозг, выступающие надбровные дуги и отсутствие подбородка – это именно тот объем и то поле работы, на котором потрудились ее величество прогрессивная эволюция в течение двух миллионов лет, чтобы превратить эргастеров в дорогих нас? Можно понять эволюционистов, когда они выставляют выступающие надбровья или скошенный подбородок древних людей в виде весомых аргументов в пользу эволюции. Но зададимся вопросом и мы – можно ли на примере перечисленных «архаичных» признаков эргастера говорить не о банальных адаптивных изменениях (не очень удачно называемых «микроэволюцией»), а именно о каких-то принципиальных эволюционных изменениях, неких творческих «мазках» эволюционной кисти, создающих признаки и объекты совершенно на новом уровне (то, что именуется «макроэволюцией»? Или эво-пропагандисты забирают слишком круто, ибо что это за «принципиально новый уровень» – два миллиона лет «эволюции» таксона *H. erectus/ergaster* только на то,

чтобы подкорректировать объем мозга и некоторые костные элементы черепа?

Итак, допустим, наш пыливый исследователь удивился и почесал в затылке. И не напрасно, поэтому далее я постараюсь показать, что все так называемые эволюционные отличия эректусного кластера, включая эргастеров, от анатомически современного человека (от нас и от вероятного эргастерного предшественника-прародителя) носят совершенно «естественный» характер на уровне биомеханических адаптаций к окружающей среде, и ни о какой эволюции в ее «созидательном» значении говорить не приходится.

Но это не главная цель данной главы. Библейская антропология, в отличие от эволюционной, постулирует, что человек жил на земле изначально. Библия говорит, что после всемирного потопа на земле осталась одна небольшая, но быстро увеличивающаяся группа людей. (Собственно, эво-антропология утверждает то же, стараясь объяснить генетическое единство современного человечества и вводя для этого гипотезу «бутылочного горлышка»). Мы постараемся рассмотреть гипотезу, что тип человека, называемого «анатомически современный», был старше эректусного кластера и существует на земле с первых дней до современности в относительно неизменном виде. Именно так – не современный *Homo sapiens* произошел от эректусных предшественников-предков, а эректус – это морфологически «искаженный» сапиенс, его редуцированная форма, которой удалось приспособиться к тяжелым природным условиям

после катастрофы. При этом популяция анатомически современных людей, наших настоящих предков, никогда не порывала с цивилизованным существованием, сохраняя культурные и технологические навыки. Время в этом сценарии носит относительный характер, на уровне последовательности – что происходило раньше, а что позже.

2.

Рассмотрев выше несколько «странностей», которые могут свидетельствовать о том, что эргастер произошел от более раннего и анатомически более «продвинутого» человека, попробуем показать возможность такой трансформации. В случае подобного сценария почитание в эволюционной среде хомо эргастера в качестве нашего предка оказывается ложным. Рассмотрим подробнее то, что отличает череп эректуса (эректуса в широком смысле) от современного *Homo sapiens*. В целом это:

- 1) Небольшой объем мозга;
- 2) Массивный череп;
- 3) Форма и строение деталей черепа.

Небольшой объем мозга

Первый признак, называемый эволюционистами – это меньший, по сравнению с нами, объем мозга. Средний показатель этот у современного взрослого человека, как мы помним, 1350 см^3 , у эргастеров же

800–900 см³. Эво-адепты не жалеют времени и сил, строя графики «постепенного увеличения мозга гоминид», полагая, что таким образом они наглядно демонстрируют некую проделанную эволюцией работу. При этом графики строятся не только буквально «по одной точке», но и без малейшего учета разницы в возрасте, поле, диете, условий обитания и пр. То, что эргастерный объем мозга в среднем несколько меньше сапиентного, это факт. В своих верхних границах он входит в диапазон современных значений, но можно ли считать примитивным признаком то, что минимальные объемы эргастерных черепов в современном человечестве практически не встречаются? Разумеется, нет. Как мы уже говорили, в прошлом изменчивость *Homo* была на порядок выше и у эргастеров возможности генетических вариаций были гораздо шире. Если имеющиеся у нас черепа эргастеров репрезентативны (что далеко не факт), то эта относительная мелкоголовость, вероятно, была наилучшей реакцией на требования среды. Впрочем, все споры о «примитивности» мозга или эволюционном значении его объема практически сошли на нет после находки в 2004 году на острове Флорес в Юго-Восточной Азии группы ископаемых людей *Homo floresiensis* – некоей своеобразной миниатюрной формы *Homo erectus*. Как пишет С. Бурлак:

«...Последнее из перечисленных открытий (*Homo floresiensis*, – прим. А.М.) окончательно ставит крест на гипотезе «мозгового рубикона», согласно которой достижение «подлинно человеческого» культурного уровня вида и даже, возможно, появление речи (см.,

например [Яблоков, Юсуфов, 1998, с. 266]) определяется тем, достиг ли объем мозга цифры 750 см³: по уровню культуры, как и по анатомическим характеристикам, *Homo floresiensis* – типичные архантропы, тогда как их мозг уменьшен пропорционально уменьшению тела (ростом эти гоминиды были около метра) и составляет менее 400 см³. Впрочем, обоснованная критика этой гипотезы («мозгового рубикона», – прим. А.М.) высказывалась и ранее» (Бурлак, 2011).



Сравнение черепов современного человека и *Homo floresiensis*. Фото: Yousuke Kaifu

«Кто бы мог предположить, – пишет один из ведущих палеоантропологов Кейт Вонг, – что создание с

черепом размером с грейпфрут, возможно, обладало познавательными способностями, сопоставимыми с таковыми у анатомически современных людей?» – И в подтверждение своих слов Вонг в этой же статье цитирует не менее известного специалиста, Филиппа Райтмайера: «Если *Homo floresiensis* был способен к созданию сложных инструментальных орудий, то мы должны сказать, что размер мозга не является решающим [фактором]» (Wong, 2005).

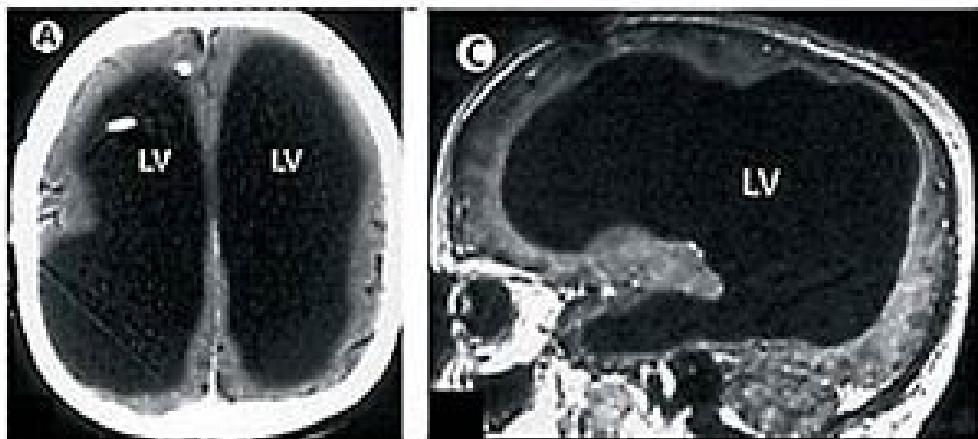
Ранее размер мозга гоминид был одной из самых почитаемых эволюционных святынь. Считалось, что его увеличение было напрямую связано с усложнением поведения гоминид, с их «разумностью». Сегодня известно, что для полноценного интеллекта важен не размер мозга, а его нейронная организация. Не «план по валу», а сложная, принципиально человеческая структура. В качестве еще одного подтверждения вышесказанного можно привести пример Дэниэла Лайона, современного человека с объемом мозга 624 см^3 (что меньше даже эргастерного минимума для взрослого), жившего в конце XIX – начале XX века. При росте 1,55 м Лайон весил 65,8 кг. В течение 20 лет он работал сторожем в железнодорожном терминале в Пенсильвании. Он был обычным человеком и, согласно официальному заключению юридических представителей компании, нанявшей его, не имел каких-либо физических патологий, умственных или психических отклонений. В 1907 году в возрасте 46 лет он умер от бронхита. Патологоанатом Вилдер, исследовавший мозг

Лайона, не смог обнаружить в нем каких-либо признаков патологии или атрофии (Skoyles, 1999).

Сюда же можно отнести и пример (хотя, наверное, уже и навязший в зубах) Анатоля Франса (1844–1924), имевшего эректусный объем мозга 933 см^3 , но при этом ставшего обладателем Нобелевской премии по литературе (Там же).

О том, что не объем, а именно нейронная организация мозга имеют решающее значение для интеллекта, свидетельствуют современные случаи травм и патологий. Так, 26-летний Карлос Родригес из Майями после аварии лишился едва ли не половины головы. Гражданин этот неаконопослушен, и говорить о том, что он сохранил интеллект, будет, скорее всего, неверным – есть предположение, что особым интеллект он не обладал и до аварии. Но этот субъект ведет активный образ жизни, продолжает нарушать закон, то есть в строгом смысле из социальной среды не выпал. Впечатляет и недавний пример больного гидроцефалией некоего 44-летнего пациента, у которого, по словам доктора Лионеля Фёйе, «мозг практически отсутствует». Подобная стадия заболевания привела врачей в изумление – вместо ожидаемых серьезных расстройств умственных способностей и моторики пациент пришел к врачу лишь с жалобой на слабость конечностей. При этом заболевание никак не сказалось на социальном положении этого человека – он имеет семью, детей и работу. «Этот эпизод уникален для науки, – пишет Фёйе. – Нам никогда не приходилось сталкиваться со столь тяжелым случаем гидроцефалии» (Feuillet et al, 2007). Эти примеры

лишний раз подтверждают, что на интеллект не оказывает влияния не только размер мозга, но порой даже его частичная потеря или болезнь; судя по всему, сохранившиеся области мозга берут на себя функции отсутствующих или поврежденных. Воистину, человеческий мозг – это чудо из чудес.



Редкий случай гидроцефалии. Тёмные области на снимке – это полости, заполненные жидкостью; по сути, пустота в мозге. Фото из упомянутой в тексте статьи Feuillet, 2007.

Впрочем, моя задача не только показать интеллектуальную полноценность мозга, уменьшенного по сравнению с нынешней сапиентной нормой (эта полноценность сегодня мало у кого вызывает сомнение), но и аргументировать утверждение, что увеличение или уменьшение человеческого мозга имеют не эволюционный (в категории «макро»), а естественный адаптивный характер. Казалось бы – если мы видим принципиально современный по строению

человеческий мозг, размеры которого меняются, то какие могут быть сомнения? – ведь не меняется его сложность. Если обезьяний мозг, это, условно говоря, простейшее счетное устройство, а человеческий – компьютерный процессор, то какая разница в том, каковы размеры этого процессора?

Тем не менее, вернемся к упомянутому выше *Homo floresiensis*, своеобразной карликовой эректусной форме, жившей на индонезийском острове Флорес по разным данным от 13-ти до нескольких десятков тыс. лет назад (а по местным легендам дожившей и до времен первых европейских колонизаторов острова). До сих пор, со времени его находки в 2004 году в научном сообществе идет оживленная дискуссия. Часть ученых, «охранителей» эволюции, продолжает настаивать, что найденный образец (скелет LB 1) – современный сапиенс-микроцефал, хотя все анализы, сравнения, статистика, а также здравый смысл показывают, что перед нами карликовая форма *Homo erectus*. Найдена уже целая группа идентичных по пропорциям флоресиенсов (хотя полный скелет только один), найдены следы их, так сказать, культуры и быта. Простейшие доводы, что группа взрослых микроцефалов, занимающихся изготовлением сложных инструментов, групповой охотой и владеющая огнем, это некий нонсенс, – на упертых эволюционистов не действуют. Однако для нас важно, что эндокран флоресиенсиса показывает его полное подобие эректусному мозгу в его уменьшенной версии. «Морфометрические, аллометрические данные и форма указывают на то, что LB1 не является микроцефалом или пигмеем, –

заклучает Дин Фальк, – <...> мы сравнивали трехмерные компьютерные томографические (3DCT) реконструкции внутренней части черепной коробки (виртуальные слепки), воспроизводящие детали внешней морфологии мозга, включая борозды, сосуды, пазухи, ёмкость и форму черепа. Форма LB1 более всего подобна ZKD XI (черепа из Чжоукоудяня, – прим. А.М.) – типичному для классического *H. erectus* из Китая и Явы» (Falk et al., 2005).

При разумном состоянии умов всем спорам о флоресских людях, возможно, могло бы положить конец исследование 2009 года англичан Вестона и Листера. Дело в том, что давно было замечено явление, называемое правилом островной карликовости. В условиях островной изоляции под влиянием экологических факторов рептилии и птицы имеют тенденцию к укрупнению, а млекопитающие к миниатюризации. При этом у млекопитающих объем мозга уменьшается в гораздо меньшей степени, чем размеры тела. Тот факт, что у флоресских людей обнаружился особый тип миниатюризации – с сохранением всех анатомических пропорций (пропорционально уменьшились и объем мозга, и тело), поначалу страшно удивило исследователей, вроде того, что «так не бывает». Однако Вестон и Листер показали на примере вымерших карликовых бегемотов Мадагаскара, что их мозг был до 30% меньше, чем у их предков с африканского континента. Ученые пришли к выводу, что давление отбора на размер мозга может идти независимо от такового на размер тела, но самое главное в том, что эффект миниатюризации, включающий уменьшение

мозга, возможен только при аномально высокой скорости процесса. Ученые подчеркивают, что именно этим можно объяснить феномен уменьшения размеров головы *Homo floresiensis* (Weston & Lister, 2009)



Челюсть SOA-MM4 из Мата Менге в сравнении с челюстями LB1 и LB6 Homo floresiensis. Коллаж по матер. Nature, 2016, V.534, №7606

Еще одним подтверждением выводов ученых, а также весьма сильным свидетельством в пользу происхождения «странных» *Homo floresiensis* от ранее прибывших на Флорес эректусов, стала находка в 2014 году в местонахождении Мата Менге новых человеческих останков – на этот раз гораздо более древних обитателей Флореса с заявленным возрастом 650–800 тыс. лет. Найденные фрагмент нижней челюсти SOA-MM4, фрагмент черепа и несколько зубов от разных индивидов примечательны тем, что имеют признаки как *Homo erectus*, так и *Homo floresiensis*, но челюсть и зубы (и, как следует ожидать, весь череп) по пропорциям еще на четверть меньше, чем аналогичные находки *Homo floresiensis*. Челюсть, судя по прорезавшемуся третьему моляру (т.наз. зубу мудрости), принадлежит взрослому человеку. А это может означать, что здесь мы, о ужас, имеем дело с некоей адаптивной «многоходовкой». «Нормальные» эректусы, прибывшие на Флорес порядка 1 млн. лет назад по принятой хронологии (о чем свидетельствуют многочисленные находки каменных орудий в Воло Сеге, Танги Тало, Боа Леза и в той же Мата Менге), подверглись островной миниатюризации, но сумев в итоге приспособиться к местным условиям, не только перешли к использованию более сложной инструментальной технологии, но и отчасти опять встали на путь «возврата прогрессивности», что выразилось в очередном увеличении пропорций их тела. (Отметим, что если не брать во внимание нашу гипотезу превращения анатомически современного человека в эректуса, то даже тот отрезок, когда «нормальный» эректус становится пигмеем, а пигмей-эректус вновь начинает

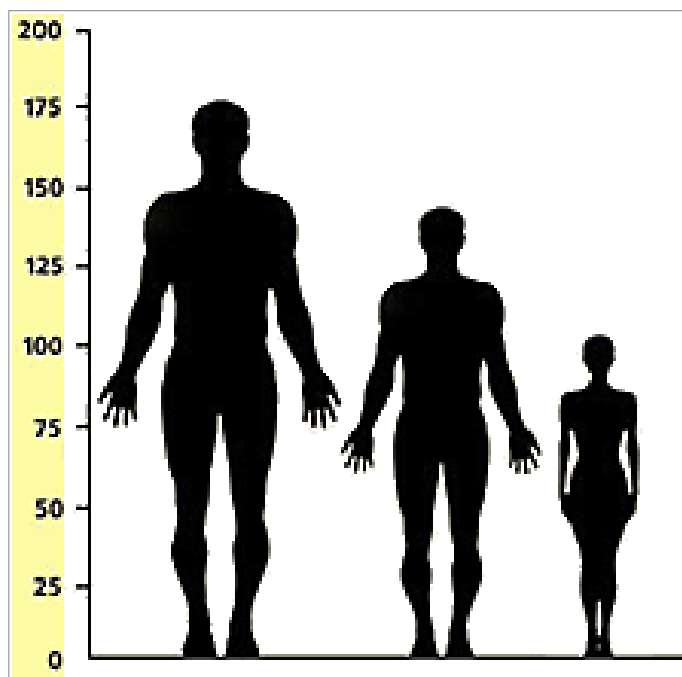
возвращаться то ли к эректусу, то ли к сапиенсу, делает попытки его классификации и описания признаков в рамках *Ното* сходными с попытками описать турбулентность).

С. Дробышевский на вопрос «А может в разреженных, изолированных, отдалённых популяциях естественный отбор гоминидов поворачивает в другую сторону? То есть черепа становятся не тонкими, а толстыми. Размер мозга, и особенно лобные доли не увеличиваются, а уменьшаются?» – отвечает воодушевленно:

«Именно! Именно так дело и обстоит! В изолированных малочисленных группах, живущих к тому же в каких-то эксклюзивных условиях, часто со значительной спецификой питания, запросто возникают всяческие удивительные отклонения. В сторону увеличения размеров отклонениям в таких условиях идти трудно, ибо пищи на острове не так много, как хочется, а теплокровность берёт своё. <...> Примеров тьма: всякие карликовые мамонты с островов Калифорнии и острова Врангеля, куча карликовых слонов Средиземноморья и [гигантские] стегодоны Флореса, карликовые бегемоты Мадагаскара да и Центральной Африки (не остров географически, но остров экологически), карликовые буйволы Филиппин и Тимора, карликовые оленьки Индонезии, яванские и суматранские носороги и прочие экзотические слонопотамы – несть им числа. И размер у них мельчает, и мозги. <...>

Так что человеческие популяции вполне вписываются в общую картину млекопитающих» (Дробышевский, «Неандертальскую рожу просто так не спрячешь»).

Дробышевский перечисляет исключения и особо подчеркивает, что островное измельчение млекопитающих есть лишь закономерность, а не закон. Но при этом разрушает и «правило островной изоляции», приводя в пример карликовых бегемотов Центральной Африки – «не остров географически, но остров экологически».



*Сравнение размеров тела современного европейца (рост 1,78 м), современного африканского пигмея (рост 1,47 м) и *Homo floresiensis* (рост 1–1,1 м)*

Тогда, согласно бритве Оккама, зачем нам какая-то «эволюция» для объяснения уменьшенного относительно сапиенсов объема мозга эректусов? Если достаточно лишь естественных экологических причин – изолированности небольших популяций на некоем экологически условном «острове» с соответствующей средой, питанием и образом жизни? Действительно, почему эргастеры Грузии и Африки, как и ранние эректусы Азии, жившие небольшими группами в условиях условно «островной» изоляции, должны иметь современные сапиентные соотношения пропорций и объема мозга? Открытые в 2015 году в южноафриканских пещерах Диналеди и Леседи формы, близкие к эректусным, приобрели миниатюрные пропорции не в условиях островной изоляции. Да и пигмеи Африки также прошли процесс миниатюризации не на острове. За счет того, что в последнем случае процесс был относительно длительным, мозг пигмеев по объему уменьшился лишь незначительно, в сравнении, например, с европейцами. Но у отдельных групп эргастеров в их среде подобный процесс мог протекать гораздо быстрее, «сократив» их объем мозга до нижних границ сапиентных значений.

Подтверждением сверхбыстрой скорости уменьшения размеров тела и мозга может служить вымершее племя аборигенов одного из островов (Оррак, пещеры Учелиунгс и Омедокел) индонезийского архипелага Палау. Предки этих людей прибыли сюда с Филиппин порядка 4 тыс. лет назад, а самому раннему карликовому пигмею

Палау около 3 тыс. лет, то есть процесс миниатюризации занял всего лишь тысячу лет! (а по словам автора этого открытия Ли Бергера, возможно, и всего лишь несколько сотен лет). Рост взрослых составлял немногим более метра, максимальный объем мозга был на четверть меньше среднего современного. Огромные зубы ископаемых аборигенов лишней раз свидетельствуют о стремительной скорости миниатюризации – они просто не успели уменьшиться пропорционально другим частям скелета (Berger et al., 2008).

Само наличие феноменов людей Флореса и Палау, включая сюда и феномен карликового бегемота Мадагаскара, уже демонстрирует принципиальную возможность естественного экологически-адаптивного характера таких процессов. А также с огромной вероятностью указывает на особые средовые («эксклюзивные» по Дробышевскому) условия или обстоятельства, очень быстро изменившие в нижнем плейстоцене анатомию и морфологию отдельных популяции людей так, что мы до сих пор не можем систематизировать всё это буйство эргастеровых вариаций, если не сказать «отклонений от нормы».

Впрочем, объяснение уменьшения эректусного мозга условиями, аналогичными островной изоляции, возможно, даже избыточно. Потому что существующего простого правила – «на объем мозга влияет количество и качество пищи» – тоже пока никто не отменял. Диетическое объяснение эректусова «феномена» лежит на поверхности, но эволюционистами не рассматривается

принципиально. А между тем наименьшие значения размеров черепа в мировом масштабе сегодня имеют именно охотники-собиратели – австралийские аборигены, бушмены, пигмеи, ведды, андаманцы, семанги и пр. Они также всегда имеют очень малые размеры тела и субтильное телосложение. Связь тут прямая; плохая диета – это низкие шансы на поддержание большого мозга (Дробышевский, «Глупеем ли мы? О причинах...»). В условиях естественной, а особенно стрессовой среды при плохом питании люди с большим мозгом первыми попадают под «естественный отмор», и в перспективе – идет уменьшение мозга в популяции. Самые ранние эректусы в результате давления «диетического отбора» вполне могли просто «докормиться» до известных размеров мозга в пределах нижних современных значений. При этом характерно, что поздние эректусы, ведшие оседлый образ жизни в более благоприятных условиях, не говоря уже о гейдельбержцах, значительно прибавляют в размерах и объеме черепа, хотя многие из них на вид даже менее сапиентны, чем эргастеры. Любопытно, что сами эво-антропологи, как я уже упоминал выше, считают увеличившийся мозг поздних эректусов (куда на правах региональной формы можно отнести и гейдельбержцев) не результатом процесса энцефализации, а сопутствующим следствием увеличившегося размера тела (Holloway, 1995,1996; Tobias, 1995; Ruff et al., 1997).

Понятно, что обе версии, объясняющие уменьшение мозга и размеров тела эргастеров – изоляционная и диетическая – могут не только дополнять друг друга, но

являются и равновесными вариантами того предположения, что свой небольшой мозг эргастеры получили от какого-то более крупного предшественника, и что этот процесс проходил в рамках не так называемой макроэволюции, а процессов адаптации человеческого тела к внешней среде, в рамках возможностей, уже информационно заложенных в человеческом организме (того, что не очень удачно именуется «микроэволюцией»). При этом не с приобретением новой генетической информации, а с ее перераспределением или даже утратой. Я придерживаюсь именно этой версии – *Homo ergaster* произошел от предшествовавшей ему формы, называемой анатомически современным человеком, и является ее редуцированным вариантом.

Массивный череп

Рассмотрим далее такой признак, как массивность эргастерного черепа.

Сразу надо сказать, что этот признак скорее подтверждает идею о происхождении эргастера от более грацильной («изящной») формы человека. *Homo ergaster* в сравнении со своим потомком *Homo erectus* и даже многими экземплярами *Homo heidelbergensis* имеет более грацильный скелет и череп – у черепа более высокий свод, более тонкие кости и более округлый затылок, в отличие от крышеобразного свода и резко переломленного затылка эректусов. Напротив, поздние *Homo erectus* и некоторые гейдельбержцы – это наиболее

специализированные и «уклоненные» от эргастеров формы. Речь не может идти о какой-то «эволюции», но только о движении в сторону тупика. Тем более что возникает достаточно достоверная последовательность – предположительно грацильный череп современной анатомии у предшественников эргастера частично редуцировался до несколько более массивного черепа эргастера, а череп самого эргастера – до еще более массивного черепа эректуса. Ибо иная цепочка в отношении этого признака выглядит, мягко говоря, странно. Согласно эволюционной схеме считается, что хомо эргастер разделился на две ветви – все потомковые формы одной линии (*Homo erectus* Азии и Юго-Восточной Азии) оказались тупиком и вымерли, а африканская линия эргастеров привела к возникновению *Homo heidelbergensis*, и далее – *Homo sapiens* в Африке. Но многие потомки постулируемого африканского эргастера в самой Африке, в Европе, а также в Восточной и Южной Азии – имеют более массивные и рельефные черепа. Постулируемые африканские предки сапиентной линии, черепа Бодо и Кабве по массивности надбровья и лицевого отдела значительно превосходят эргастерные. Иногда в Африке, Европе или Китае «вспыхивают» парадоксы в виде вполне современных грацильных сапиентных черепов (уже упоминавшиеся Омо-1, 200 тыс. лет; Людзянь, 80–110 или 153 тыс.л.; Ереванский череп), более 0,5 млн. лет и др.), но они оказываются именно одиночными вспышками, как будто намекая на параллельное, скрытое от нас существование никогда не прерывавшейся сапиентной линии, а «разгул» массивности черепов

мы наблюдаем и гораздо позже этих вспышек, до самого гипотетического выхода человека из Африки. При этом из Африки выходить в прямом смысле некому (к моменту «исхода» там нет ни одной находки, которую можно было бы назвать анатомически современным человеком), а *Homo sapiens sapiens* внезапно появляется по всему миру – свежий, румяный и современный. Таким образом, массивность черепа является условно архаичным признаком, но в картине эволюционного антропогенеза мы не наблюдаем его эволюции, то есть, постепенного исчезновения и полной замены на грацильность. Вместо этого «откуда-то сбоку» 45–40 тыс. лет назад по всему миру появляются современные грацильные люди, а все эти поздние гейдельбержцы, разной степени архаичные сапиенсы и хельмеи остаются несолоно хлебавши со своей неизменной и уже «просроченной» массивностью.

То есть мы имеем по факту, что череп *Homo ergaster* более сапиентен, чем многие его потомки, но более массивен, чем у сапиенса; при этом очевидно, что сама по себе массивность, это признак не «эволюционный» (поскольку макроэволюция к нему никаким боком не приложена), а адаптивный, как и прочие «архаичные» признаки эргастера. Тонкостенный череп присущ человеку цивилизации, но человеку, проводящему жизнь в борьбе за существование, так сказать, подобает нечто более прочное. Первое, что лежит на поверхности – основная функция черепа заключается в защите мозга и органов чувств от внешних повреждений (механических и температурных), и отбор на

массивность или грацильность идет по этому критерию. А уж механизмы, точнее, двигатели этого процесса, да еще при высокой морфологической пластичности, стандартные – климат, питание, образ жизни, изоляция, отбор. Есть ли у нас какие-либо примеры, подтверждающие сказанное? Да, есть.



Черепные коробки WLH-50 (Homo sapiens, сверху) и Solo 9 (=Ng 10, Homo erectus, внизу). Фото: Arthur Durband и Franz Weidenreich

Череп австралийских аборигенов – одни из самых массивных среди современных. Хотя комплекс их черт нельзя назвать эректусным, но описательно они имеют аналогичные признаки – массивный и низкий череп с относительно небольшим объемом мозга, покатый лоб, мощные надбровные дуги, прогнатная челюсть с крупными зубами – все то, что называется «архаичным австралийским комплексом». При этом аборигены Австралии, как и другие ныне живущие аборигены – безоговорочно относятся антропологами к современному виду *Homo sapiens sapiens*.

Рекордсменом массивности черепа *Homo sapiens* является субсовременный образец австралийца WLN-50 с официальным возрастом 12–18 тыс. лет. При значительном объеме мозга 1540 см³ формой свода он напоминает эректуса, а его толщина достигает 19 мм (тогда как обычный сапиентный череп в разных частях имеет толщину от 2 до 5 мм). Он настолько массивен, что, как замечено, группа субсовременных австралийских черепов Kay Свомп (Kow Swamp) на его фоне кажется грацильной – и это при том, что самые «экстремальные» черепа Kay Свомп более массивны, чем *Homo erectus* (Monroe, «Australia: The Land Where...»). При взгляде на череп австралийского аборигена племени Пинтуби, жившего в начале XX века, в нем вообще трудно признать сапиенса, настолько он массивен и «архаичен». Столь же «архаичны» и черепа уничтоженных в прошлом веке тасманийцев.

Ко всему прочему, существует мнение, что сама по себе массивность черепа как признак, отличающий эректуса от сапиенса, есть некий утвердившийся в

головах штамп, не имеющий того веса и достоверности, которые ему приписывают. Известный австралийский палеоантрополог Питер Браун в своем исследовании пролил холодный душ на голову тех, кто считает, будто упомянутый дифференцирующий эректусов и сапиенсов признак является некоей объективной реальностью, установленной в результате научных изысканий.

«Почти каждый вступительный или поясняющий текст статей, описывающих эволюцию человека, в течение последних сорока лет упоминает утолщение кости черепа как одну из особенностей, отличающих *Homo erectus* от *H. sapiens* и других гоминидов. Однако в поддержку этого утверждения данные предоставляются редко, и остается неясным, является ли это приводимое вне контекста отличие относительным, абсолютным или присуще лишь какой-то определенной части черепов. Прежде вывода, что относительная толщина стенок черепа является уникальной чертой *H. erectus* <...>, кажется разумным исследовать характеристики черепов в диапазоне гоминид и гоминоидных приматов» (Brown, 1994).

Браун измерил черепные коробки четырех современных и субсовременных популяций *Homo sapiens* (современные китайцы, субсовременные романо-британцы, современные аборигены Австралии и черепа австралийских аборигенов, живших, как считается, от 10 до 30 тыс. лет назад, включая упомянутые выше образцы Кау Свомп), сопоставив их с известными образцами азиатских *Homo erectus* и китайских архаичных *Homo sapiens*. У

каждой из этих шести групп современных и древних людей измерения проводились по семи диагностическим точкам на черепе. Разумеется, что современные и исторически недавно жившие европейцы, равно как и современные китайцы, расходились с эректусами в пяти пунктах из семи – только два значения толщины черепа были сопоставимы у них с хомо эректус. Современные аборигены Австралии расходились с эректусами меньше – уже в четырех пунктах из семи, совпадая, соответственно, уже в трех. Между тем самые интересные результаты показали так называемые архаичные *Homo sapiens* Китая и исторически недавно жившие аборигены Австралии. Архаичные сапиенсы не отличались от *Homo erectus* ни по одному из шести анатомических пунктов (данные по одному параметру были недоступны). Значения толщин черепа австралийцев, живших 10–30 тыс. л. назад, также совпадали с эректусными в шести пунктах из семи (отличие было лишь в толщине теменной области, более тонкой у субсовременных австралийцев, чем у эректусов). То, что архаичные *Homo sapiens* оказываются по толщине черепа практически сопоставимыми с *Homo erectus*, уже есть некий бодрящий сюрпрайз для эволюционизма, разрушающий миф о толщине черепа как признаке, разводящем эректусов и сапиенсов по разные стороны. Это прямое свидетельство того, что толщина черепа сама по себе никаким диагностическим признаком для того или иного вида не является, ибо по этому признаку между эректусом и архаичным сапиенсом фактически стоит знак равенства. Такой же знак равенства стоит между эректусами и

практически современными сапиенсами Австралии, жившими всего 10–30 тыс. л. назад.

Еще один момент – массивность черепа не может быть признаком, унаследованным эргастерами от предков (таких массивных предков у него нет; ни человеческих, ни гипотетических обезьяньих), но ларчик открывается просто, поскольку в антропологии известна масса случаев так называемой приобретенной, или вторичной, массивности. Так, например, по словам Дробышевского, гипермассивность древних австралийских черепов вторична, а не архаична изначально (об этом чуть ниже).

Интересно, что с изменением массивности черепа связана и степень его пневматизации – наличия в костях заполненных воздухом полостей. Современный череп пневматизирован незначительно, но эректусные черепа – очень сильно. Считается, что смысл пневматизации черепа связан со снижением его веса при сохранении прочности, а также в качестве температурной защиты мозга. Таким образом, можно предположить, что массивный череп наших предшественников имел целью не только защитить мозг от механических повреждений, но и выполнял роль «температурного» экрана, с полостями, аналогичными полостям термоса. С другой стороны, не исключая перечисленного, наиболее вероятным объяснением массивности эргастерного черепа является, скажем так, объяснение комплексное, где массивность есть не самостоятельный признак, а лишь одна из взаимосвязанных компенсационных реакций

грацильного черепа при его редукции.

Прочие архаичные признаки черепа

Как же объяснить наличие у эргастерных черепов комплекса всех прочих «архаичных» черт, которые пропагандисты эволюции так любят сравнивать с обезьяньими – **скошенный покатый лоб, надбровные дуги, мощная нижняя челюсть с массивным сглаженным подбородком, рельефный затылок?** Если с объемом мозга и массивностью черепа *Homo ergaster* вопрос достаточно ясен, то эта часть заслуживает более пристального рассмотрения.

Часть 2. Форма следует за функцией

1.

Средний палеоантрополог или палеонтолог, как правило, с легкой иронией относится к представителям других исторических дисциплин. Вон, археологи, мол, возятся с какими-то глиняными черепками, а мы имеем дело с самым значительным в истории – эволюцией животного мира и – берите выше! – самого человека. Но нелепо, когда подобные гуманитарии, вооруженные линейкой, убеждены, что постигли весь объем знаний о своем предмете. Однажды мне довелось присутствовать при обсуждении двумя архитекторами их нового проекта театра. Архитектурная часть проекта была, на мой дилетантский взгляд, замечательной. Но я указал на ошибку – чтобы полотно декорации могло полностью уйти вверх и не быть видимым никому из зрителей,

высота сцены до колосников должна хоть немного превышать сумму высоты зрительного зала и высоты портала. А эти замечательные специалисты спроектировали сценическую коробку как обычное помещение, с потолком чуть выше зеркала (проема) сцены. Понятно, что в знак благодарности я был награжден такими презрительными взглядами (типа что ты, неуч, понимаешь в архитектуре), каковые по силе могут сравниться только с реакцией наших известных пропагандистов эволюции, при заходе, как они считают, на их территорию. Разумеется, с последними я согласен полностью – чтобы «понимать» эволюцию в их смысле, ее нужно хотя бы любить, как они.

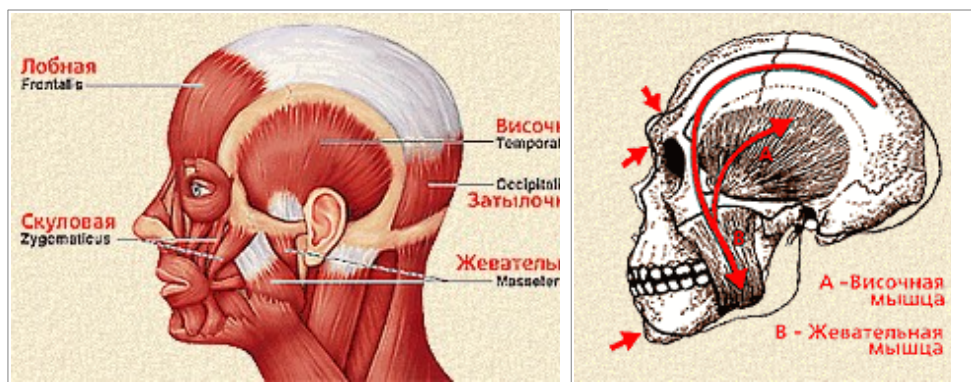
Но у всех этих «новаторов до Вержболово», просветителей, скрывающих правду, есть один недостаток – они, может быть, и неплохие биологи, но они – не инженеры. Потому что если посмотреть на хомо эргастера с этой точки зрения, то мы увидим, что его череп есть идеальное **инженерное** решение (хоть «матери-природы», хоть некой специально заложенной в него программы трансформации).

Давайте с этой точки зрения и посмотрим. Поскольку предназначение физического объекта в природе и его форма взаимосвязаны, общим правилом биологии, а также важнейшей подсказкой для наблюдателя и изобретателя является принцип – «форма следует за функцией». К этому принципу нечувствительны представители математических дисциплин, но ему также не следуют или с ним диссонируют архитекторы, дизайнеры и эволюционные биологи, ибо так называемые

естественные и рукотворные объекты имеют принципиально разную природу. В архитектуре и техническом дизайне, если не брать в расчет уж совсем нелепую парадигму отдельных субъектов типа «что красиво, то и функционально», форма следует не столько за функцией, сколько за доступными технологиями и возможностями материала, а в живой природе этот принцип уже реализован (или программно реализуется во время роста живого существа) на сто процентов. Биологи-эволюционисты в целом как бы принимают этот принцип по умолчанию – да, движение условного шарообразного существа в воде или на большой скорости в воздухе придаст шару каплеобразную или определенную обтекаемую аэродинамическую форму, кто ж с этим спорит, но «новаторы до Вержболово», рассуждая о формировании облика живых существ, никогда не рассматривают ничего, что выходит за рамки голый биологии. Говоря о человеке, они берут исходной моделью для понимания человека во всех смыслах – и физическим, и психическом – только горячо любимых ими обезьян, как живых, так и вымерших, самочинно назначенных ими на роль человеческих предков. Других «научных» моделей и методов у эволюционной антропологии просто не существует. Разумеется, человека как такового можно понять и изучать, исходя лишь из **его собственной, человеческой сущности**, не привлекая в качестве модели обезьяну с подбором и сравнением якобы переходных косточек. Но при рассмотрении сугубо физических адаптивных изменений тела человека, в данном случае формы и деталей его черепа, можно использовать не

зооморфную, а некую условную «техноморфную» модель, работающую по определенным физическим законам.

Итак, посмотрим на череп хомо эргастера именно с инженерной точки зрения. В основании всей конструкции находится нижняя челюсть – самая пластичная часть черепного скелета. У сапиенса она меняет свою форму в течение жизни каждого индивида, не говоря уже о поколениях. Отмечу сразу, что ниже речь пойдет о гипотетических предшественниках эргастеров, условно анатомически современных, а не о нас с вами, поскольку мы лишь генетический «осколок», часть бывшего разнообразия. Так вот, если в течение ряда поколений этому условному анатомически современному человеку, точнее, целой популяции подобных людей, по какой-то причине попавшей в «дикие» природные условия, питаться исключительно грубой жесткой пищей, а также использовать челюсти в качестве инструмента (очищать кору с веток, разгрызать хрящи и кости, захватывать обрабатываемые предметы и пр.), то челюсти индивидов этой популяции будут относительно быстро редуцироваться – превращаться в более тяжелые и массивные.



Слева – основные лицевые мышцы современного человека. © 2009 Pearson Education, Inc. Справа – череп *Homo sapiens* (коричневый цвет), испытывающий деформацию в результате действия жевательной и височной мышц. Череп *Homo ergaster* показан черной контурной линией. Коллаж Golden Time

В этой ситуации, конечно, существует взаимозависимость между усилением массы нижней челюсти и изменением силы ее мышц. У современного человека сила сжатия жевательных мышц обеих челюстей составляет 10–15 кг при обычном пережевывании пищи, но для разгрызания грецких орехов требуется уровень 100 кг, на что мы теоретически способны, но отваживаемся крайне редко. А что, если бы речь шла о постоянном использовании челюстей с напряжением, которое для нас считается стрессовым – от 80 до 400 кг? Чтобы соответствовать бóльшим нагрузкам и массе самой челюсти, сила жевательных мышц и их собственная масса должны быть также значительно увеличены. Но еще более мощным и более объемным жевательным мышцам (главным образом височной и собственно

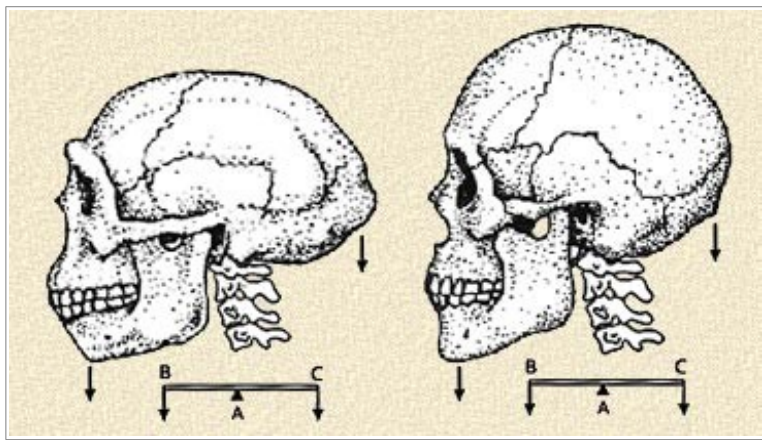
жевательной) требуется и более основательное крепление на поверхности костей черепа, то есть большая площадь крепления, равно как и большой «рельеф местности» для размещения большей мышечной массы. В местах их прикрепления на костях образуются рельефные выступы, посему такой череп по определению не может быть изящным, но станет более массивным в качестве некоей усиленной «станины» для привязки мышц, постоянно работающих в «сверхштатном» режиме. Сильные же мышцы, охватывая голову и стягивая череп в направлениях прилагаемых усилий, не могут его не деформировать, поскольку череп человека тоже достаточно пластичен, особенно в детстве. Мышцы сдавливают череп с двух сторон в височной области, и сильное заглазничное сужение (или посторбитальное сжатие) homo эргастера – это как раз и есть инженерное решение проблемы размещения более мощных и объемных височных мышц. Сами височные мышцы, противодействуя мощной челюсти и «цепляясь» за череп, стягивают назад лобную часть и сжимают череп вдоль и с боков в височной части, придавая своду при взгляде спереди форму «крыши». Вероятно, «убеганию» назад эргастерного лба помогли и затылочные мышцы, которые у *Homo ergaster*, судя по затылочному рельефу, были несравненно сильнее наших. Надбровье эргастера испытывало воздействие не менее чем с двух противоположных направлений, и поэтому образовало своеобразную «волну».



Вынесенное вперед тяжелое орудие на танковой башне требует противовеса сзади.

Почему череп эргастера становится низким, как бы уплощенным сверху и преломленным в затылке? Посмотрим, например, с инженерной точки зрения на «эволюцию» танковых башен. Чем более тяжелое орудие устанавливается в башне, тем больше ей требуется противовес сзади в виде удлиненного выступа. Столь же простое инженерное решение применила «мать-природа» (или искусственно заложенная в человеке программа) – при доминировании мощной, выступающей вперед челюсти тут реализована идея противовеса в виде более рельефной и отступающей назад затылочной части. При этом череп, стремясь к равновесию, становится более вытянутым и приплюснутым, чем сапиентный. Разумеется, что о «балансировке» мы говорим в самом общем, схематическом смысле, не учитывая воздействие шейных и спинных мышц, поддерживающих череп у основания, но в целом

верен и работает сам биомеханический принцип сохранения пропорций, где с изменением одной части конструкции пропорционально ей изменяется другая. Стоит отметить также, что мы говорим о трансформации черепа *Homo ergaster*, предполагая в нем первого и прямого потомка более анатомически современной формы, но при этом рассматриваемые изменения касаются его в меньшей степени, чем тех же поздних азиатских *Homo erectus* или неандертальцев, среди которых есть настоящие рекордсмены в номинации «массивная челюсть – удлинненный затылок» (например, череп [Ля Кина 5 \(La Quina 5\)](#)).



Череп *H. erectus* и *H. sapiens* сбалансированы на точке их крепления к позвоночнику. В первом случае для наглядности приведен череп именно азиатского *Homo erectus* как наиболее специализированной поздней формы, имеющей в сравнении с *сapiенсом* и *эргастером* более выраженную тяжелую челюсть, низкий вытянутый свод и удлинненный затылок. Коллаж Golden Time

У человекообразных обезьян, включая ископаемых австралопитеков, череп имеет выступающую вперед удлиненную лицевую часть с мощной челюстью и при этом слабый «противовес» со стороны затылка. Но у них, как существ не- или не вполне прямоходящих, реализован совсем иной, сугубо обезьяний принцип расположения черепа относительно позвоночника. Отверстие для позвоночного нерва в основании черепа у них смещено назад, то есть череп расположен не сверху, как у нас, а спереди спинного хребта и удерживается за счет удлиненных остистых отростков позвоночника и мощной спинной мускулатуры, крепящейся непосредственно к затылочной части. Посему то, что самый ранний известный науке человек *Homo ergaster* имеет «сбалансированный» череп – может служить еще одним свидетельством его происхождения от более современной формы. Нет сомнений, что эргастер ни из каких более примитивных форм не эволюционировал, а получил этот признак от предшественника уже в готовом виде, вместе с современным типом передвижения – череп эргастера трансформировался (челюсть утяжелилась, затылок «в ответ» удлинился и тоже стал более массивным), но на базе уже готового, неизменного и анатомически современного принципа «сбалансированности» черепа при вертикальном передвижении. Отсюда и неудивительно, что весь постчерепной скелет эргастера фактически современен, но «архаичен» только череп. В свете этого также неудивителен и обратный процесс, ошибочно принимаемый эволюционистами за победное шествие

обезьяногенеза – когда у какого-нибудь гейдельбержца, живущего в более цивилизованных условиях и питающегося вареной пищей, челюсть становится более легкой и изящной, а лицо соответственно более плоским, то форма его черепной коробки стремится к более шарообразной, как бы более сапиентной (но мы уточним – снова сапиентной, вторично сапиентной). Тут обычная биомеханика, использование человеческим организмом уже заложенных в него возможностей, в том числе к трансформации черепа.

Отсутствие на нижней челюсти эргастера (имеющей вполне современную форму дуги) подбородочного выступа – тоже не архаичный признак, а, скорее, утраченный сапиентный, как бы растворенный в массивной подбородочной части (симфизе) за ненадобностью. Недавно считалось, что наш выступающий подбородок связан с речью, однако ныне это уже устаревший взгляд. У сапиентного подбородка совсем другая функция. Если о нижнюю челюсть эргастера, образно выражаясь, можно было бить трехмесячных поросят, то для хрупкой сапиентной челюсти выступающий подбородок необходим для ее усиления и предотвращения переломов в качестве своеобразного **поперечного ребра жесткости**.



Образец АТЕ9-1. Nature, 2008, №7186

«Инженерное» проявление зависимости «хрупкая челюсть – выступающий подбородок» демонстрирует, например, нижнечелюстной фрагмент АТЕ9-1 из Испании, официально датируемый до 1,3 млн. лет. Челюсть, как уже было замечено выше, достаточно современна и грацильна. И заметно, что по нижней части симфиза проходит некий укрепляющий челюсть валик, а в центре имеется небольшой подбородочный выступ. Что это? Грацилизация эректусной челюсти, начавшаяся миллион лет назад? Прошитая в генах эректуса память о бывшем подбородочном выступе? Гибрид эректуса с сапиенсом? Сапиенс в процессе «огрубения», редукции? Как бы там ни было, мы видим, что конструктивно «облегчение» нижней

челюсти человека в любом случае сопровождается усилением ее симфиза «ребром жесткости»; появляющимся ли, исчезающим – как угодно. Лицевой прогнатизм, как правило, напрямую связан с размерами челюсти. Это можно наблюдать сегодня – чем менее выражен у человека прогнатизм и чем менее выступает вперед челюстной отдел (что наиболее характерно, например, для европейцев), тем более грацильна, «хрупка» нижняя челюсть – и, соответственно, тем более выдается вперед подбородок.

Также у эргастерных черепов существует зависимость – чем сглаженной лобная кость, тем более выражены надбровные дуги. Это логично и вполне «механистично» – укрупнение надбровья есть компенсационная реакция; дуги тем более выступают вперед, чем более проявляется «стягивающее» лобную кость назад мышечное усилие. Даже Дробышевский, объясняющий наличие мощных надбровных дуг у предков результатом полового отбора, тем не менее, не отвергает и биомеханическую версию: «Надбровье, скорее всего – это биомеханическая реакция кости на жевательную мускулатуру. Хотя сама жевательная мускулатура к надбровью не крепится, но общий биомеханический стресс на череп дает усиление [надглазничных] гребней». И: «... Размер надбровья в целом коррелирует с массивностью жевательного аппарата и биомеханическим стрессом» (Дробышевский, «Из древних африканских сапиенсов...» и «Об эволюционных корнях антисексуалов...»).

Глядя на череп эргастера, видно, что весь «инженерный проект» составлен из двух доминант, подчинен двум анатомическим акцентам – мощной нижней челюсти и мощным жевательным мышцам; в первую очередь собственно жевательным и височным. Сапиентный череп при взгляде спереди напоминает куриное яйцо, направленное острым концом вниз. Эргастерный – острым концом вверх. Из-за мощной челюсти у эргастера череп наиболее широк как раз в области скуловых костей и сужен в районе свода.

Тому, что череп *Homo ergaster*'а есть лишь плод биомеханической трансформации, редукции более сапиентной формы, являются свидетельства вторичного образования у современных людей буквально всех «архаичных» признаков черепа, свойственных якобы нашим недоэволюционировавшим предкам. Но об этом поговорим чуть позже. Пока – о самой трансформации, имеющей сочетание биологических и механических факторов.

2.

Парадигма эволюционистской антропологии, как мы уже говорили, с самого рождения испорчена декларируемым происхождением человека от некоего животного предка. Один из ее отцов-основателей, Франц Вейденрейх, еще в 1943 году сказал, как припечатал, что при определении статуса найденной окаменелости и ее места в картине человеческой эволюции – только морфологические

критерии должны стать основанием для такого вывода; при этом ни местоположение участка находки, ни геологические характеристики слоя, в котором находка была сделана, не важны (Weidenreich, 1943). Это чем-то напоминает агонию нынешних законодателей, чувствующих уплывающую из-под ног землю; они штампуют все более суровые запретительные законы, но при этом все более и более бессмысленные. Неужели сами отцы-основатели обезьяногенеза не знали о существовании к тому времени массы находок, ломающих в хлам их построения? Да нет, напротив – как будто знали, что этот принцип нарушается и будет в дальнейшем еще нарушаться, и посему «уж подстраховались, так подстраховались». Хотя задекларированный на уровне религиозной догмы принцип не оставляет место ни какому-либо развитию дисциплины, ни поиску, он стал пусть и досадной, но необходимостью, ибо если принимать в расчет иные критерии, то окаменелости никогда не сложатся в стройный эволюционный ряд, а сам этот ряд просто вмиг развалится. Поэтому, возвращаясь к древним людям – их черты, их грубая лицевая морфология – не просто должны, а обязаны объясняться только в рамках эволюционной связи с предшествующими животными предками.

Между тем еще во времена Вейденрейха существовала достаточно серьезная оппозиция его взглядам. Известны слова немецкого биолога А. Портманна, который говорил, что одни и те же палеоантропологические находки будут объясняться абсолютно противоположными аспектами в

зависимости от нашей точки зрения. В окаменелости можно увидеть либо какую-то форму эволюционного ряда, которую палеоантрополог заинтересован отыскать («seeks to establish»), либо некое следствие отдаленных исторических культурных процессов. «У меня нет ни малейшего сомнения, – говорит профессор, – что останки раннего человека, известные нам, должны быть оценены в историческом аспекте» (Portmann, 1947).



Артур Кастенс

Среди русскоязычной публики совершенно незаслуженно обойден вниманием (по сути так и не открыт, не переведен на русский язык) Артур Кастенс (Arthur C. Custance, 1910–1985), ученый и писатель, ставивший своей целью преодолеть разрыв между научным и религиозным мировоззрением. Это еще один замечательный пример того, что человек, работающий на стыке не просто научных дисциплин, а самих методов миропознания, в отличие от узкого специалиста, видит проблему незамутненным взором и во всем ее объеме. В данном случае нас интересуют аргументы Кастенса, приведенные в его книге «*Genesis and Early Man*» («Бытие и ранний человек»).

«Давно замечено, – пишет Кастенс, – что пища и окружающая среда могут иметь серьезное влияние на изменения костной структуры. Недавно было признано, что человеческий череп особенно чувствителен в этом отношении. Многие морфологические особенности известных человеческих окаменелостей могут, действительно, быть следствием подобных факторов – так, что любой ряд, адекватный морфологически, но выстроенный без учета возраста слоев, в реальности бессмысленен. В свете сказанного можно рассматривать специфические особенности черепа не в терминах генетических отношений с более примитивными человекообразными формами, но как принадлежность к сообществу, где культурные привычки и окружающая среда вызывают конвергенцию («схождение», появление похожих признаков в разных таксонах, – прим. А.М.), не

имеющую абсолютно никакой связи с происхождением одних видов от других. Форма [человеческого черепа] может быть результатом исторических процессов и не иметь никакого палеонтологического значения вообще. <...>

Даже состав почвы может оказывать влияние на изменение костной структуры. Кун отмечает: «В серии изучаемых мной северных албанцев я удостоверился, что племена, питающиеся пищей, выросшей на гранитных почвах, были значительно меньше, чем те, кто жил на известняковых почвах» (Custance, 1975).

В качестве примера того, насколько некоторые из подобных изменений могут быть стремительными, Кастенс приводит так называемых детей-маугли, воспитанных в животных стаях и с малых лет употреблявших в пищу сырое мясо, разумеется, без использовании каких-либо режущих предметов. Ребенок по имени Клемент из голландского местечка Овердайк имел аномально выступающие вперед зубы – после возвращения к людям он питался сырыми птичьими яйцами, птенцами и пойманными им взрослыми птицами. Еще один ребенок, Виктор из французского Аверона, примерно 12 лет, был воспитан волками. Вследствие сырой диеты у него сформировались необычайно острые клыки конической формы – при этом длиннее, чем в норме. (Не говоря уже о способности Виктора, для нас невероятной, переживать морозные зимы абсолютно голым). Двое диких детей, найденных в Индии и также воспитанных волками, подобно Виктору, имели более длинные и более острые клыки. Может показаться, что эти изменения не столь значительны? Но на них ушли

не поколения, а всего менее десяти лет жизни одного человека.

Кастенс цитирует Уилсона Уоллиса (Wilson D. Wallis):

«Наличие останков доисторического человека само по себе не является достаточным основанием для вывода об общей родословной с обезьянами. Мы выводим это из того факта, что даже если таковое родство имело бы место, все изменения в нынешних структурах [черепа] человека, прослеживаемые от доисторических, все равно являются результатом изменений в диете и поведении. <...>

Вкратце история произошедших изменений такова: [у современного человека] более высокий и вертикальный лоб, увеличенная высота теменной области, меньшие надбровные дуги, шире череп, меньшая лицевая область, уменьшенная высота глазных орбит, ставших более квадратными, более овальное небо, меньший размер зубов, меньший относительный размер третьего коренного зуба, более короткая, широкая и подковообразная нижняя челюсть, уменьшенные в размере мышелки нижней челюсти, уменьшенное расстояние между мышелковым и венечным отростками – и в целом общая сглаженность черепного профиля, менее выраженные костные выступы, меньшие угловатость и «дикость» («savageness»), внешне характерные для обезьяны. Это – эволюция формы, но «эволюция» здесь скорее результат, а не причина.

Фактически все эти особенности черепа глубоко связаны так, что **едва ли могло произойти хотя бы одно изменение без изменения других.** Самые

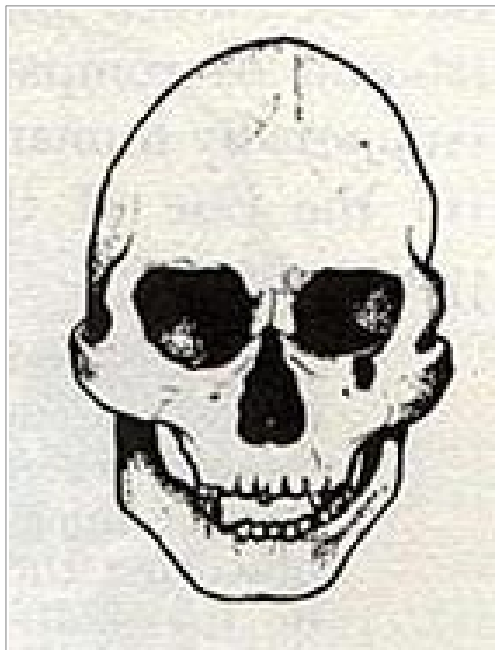
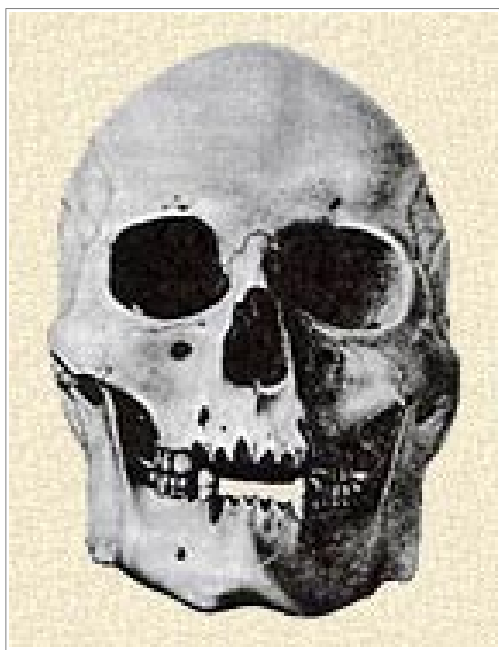
большие изменения связаны с областью, где задействованы функции жевательных мускулов. Симметричные стенки черепа сдавливаются с боков и вытягиваются назад и вниз, создавая тем самым удлинение черепа. Височные мышцы располагаются на черепе, значительно охватывая его и давая начало височной борозде <...>. Надбровные дуги связаны с мощными височными и жевательными мышцами, а также крупными резцами. Таким образом, внешнее сжатие краев орбит приводит к их увеличению, что мы наблюдаем в человекообразных обезьянах и до некоторой степени – в доисторических человеческих останках» (Wallis, 1932, в: Custance, 1975).



Черепы гориллы (слева) и Paranthropus robustus

В 1948 году проходил очередной симпозиум международной медицинской организации CIBA,

посвященный аспектам жизни эскимосов. Эрвин Акеркнехт, один из организаторов мероприятия, в своем докладе (Ackerknecht, 1948) подчеркнул, что известная массивность эскимосских челюстей связана с интенсивным использованием этим народом жевательных мышц. На ряде эскимосских черепов недавнего прошлого (до контакта с европейцами) имеется сагиттальный валик, аналогичный таковому у древних эректусных форм и при взгляде спереди напоминающий угловатую крышу. Как и у эректусов, подобный валик является результатом сдавливания черепа с боков жевательными мышцами. Действительно, способность эскимосов экстремально использовать свои челюсти хорошо известна. Мало того, что они жуют замороженную рыбу и мясо, но традиционно пользуются челюстью в качестве инструмента. Например, обрабатывая предмет, эскимос, не раздумывая, зажмет его в зубах. Эскимосские женщины жеванием смягчают кожу, идущую на пошив одежды. Вспомним строчки из знаменитой книги Дона Джохансона: «...они использовали челюсти как тиски, зажимая предметы при плетении корзин, разрезании шкур, завязывании узлов, обработке кусков дерева или кости. Сегодня эскимосы пользуются своими зубами так, что это может повергнуть в ужас любого дантиста, – открывают ими канистры с бензином и закручивают болты» (Джохансон, Иди, 1984).



Слева: Эскимосский череп. Иллюстрация из *Quatrefages and Hamy*, «*Crania Ethnica*», 1882. Обращают на себя внимание очень массивная нижняя челюсть и крышеобразный свод черепа. Справа: Эскимосский череп с необычным костным образованием. Иллюстрация из материалов симпозиума CIBA 1948 г., приводимая в книге Кастенса «*Genesis and Early Man*»

Среди ископаемых и живых человекообразных приматов наиболее мощные челюсти имели парантропы и имеют ныне здравствующие гориллы. Жевательные мышцы их настолько мощны, что охватывают всю голову и крепятся к продольному вертикальному костному выступу – сагиттальному гребню в верхней части черепа (а у гориллы есть еще и поперечный гребень). Однако любопытно, что, согласно Акеркнехту, на некоторых эскимосских черепах недавнего прошлого присутствует также

образование, напоминающее зачаточный сагиттальный гребень, имеющийся у человекообразных обезьян. Между тем сагиттальный гребень обезьян и костный выступ на эскимосских черепах морфологически и функционально никак не связаны, имеют разный генезис и соответственно не являются каким-либо признаком их генетических отношений. У обезьян к сагиттальному гребню крепятся жевательные мышцы, каковые мышцы у человека крепятся вдоль височных линий, намного ниже условной верхней границы черепа. У эскимосов упомянутое костное образование появилось при срастании парной теменной кости в результате сдавливания черепа с боков, что можно уподобить наезду друг на друга двух литосферных плит, когда образуется не только крышеобразный «горный хребет», но и узкая вертикальная «гряда» в месте столкновения двух плит. Таким образом, говорит Кастенс, в черепах эскимоса и гориллы присутствует определенный параллелизм, связанный со сходной биомеханической функцией челюсти, но происхождение эскимосского «гребня» – сугубо культурное, то есть связанное с традициями и образом жизни одной из народностей *Homo sapiens sapiens*. Любопытно, что этот «гребень» исчез у эскимосов после контакта с европейцами, то есть последовавшего относительного смягчения их рациона и ослабления экстремальных «челюстных» традиций (хотя, как показывает Джохансон, традиций до конца не изжитых).

Для нас пример с эскимосами достаточно важен, поскольку свидетельствует о принципиальной

возможности образования у анатомически современного человека «архаичных» признаков – в данном случае эректусной формы черепного свода, не говоря уже о параллелизмах в морфологии, которые можно ошибочно принять за свидетельства эволюционных связей. Кратко говоря – если такие признаки способны вновь образовываться у *Homo sapiens*, то это может подтверждать происхождение в древности *Homo ergaster* от кластера людей, идентичных анатомически современным людям. Кроме того, если трансформация подобного уровня в рамках кластера *Homo* может проходить в результате неэволюционных процессов, это может привести к обрушению всей схемы происхождения человека от животного предка.

3.

А что по поводу возможностей трансформации формы черепа говорят современные научные данные? Сегодняшнее изучение строения костей нашего черепа и их функций может существенно дополнить приведенные выше свидетельства о превращении анатомически современного черепа в «архаичный».

В основании человеческого черепа находится костная структура, именуемая **КЛИНОВИДНОЙ КОСТЬЮ**, или **сфеноидом**. Это первая кость, которая формируется у эмбриона, и затем «всё вертится вокруг нее». В первые дни жизни эмбриона сфеноид плоский, как у всех млекопитающих. Далее же, когда начинается формирование головного мозга и нервной системы

человека, происходит выгибание этой кости, и именно ее развитие определяет форму черепа, конфигурацию черепных костей, размер челюстей, фронтальное смещение глаз и пр.



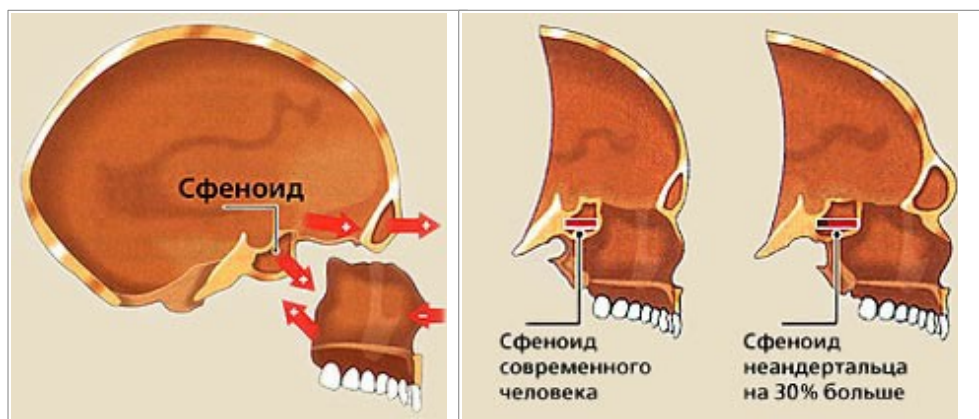
*Череп плода с остановившимся в развитии сфеноидом.
Кадр из фильма «Номо futurus...» Т. Джонсона*

Если сфеноид эмбриона по каким-то причинам не развивается, череп ребенка выглядит крайне специфично (при этом плод, конечно, нежизнеспособен). Лобная и теменная кости «провалены», мозг едва сформирован, обе челюсти, верхняя и нижняя, имеют огромный размер, преломление затылочной кости отсутствует – по этим признакам и пропорциям череп плода крайне напоминает черепа так называемых архаичных людей. Описывая подобный скелет, французские

палеоантропологи Дидье Маршан (Didier Marchand) и Жан Шалин (Jean Chaline) называют признаки такого черепа «примитивными», а сам череп «занятым конспектом эволюции человека» («*Homo futurus: the inside story*» by T. Johnson, 2005). Не будем сейчас спорить с оценкой французских ученых, в которой слышатся отголоски давно, казалось бы, ушедших в небытие геккелевских «прохождений в эмбриогенезе стадий эволюционных предков», тем не менее зафиксируем, что сбой программы развития черепа, вызванный остановкой развития сфеноида, порождает морфологию, сходную с так называемой архаичной.

Некоторое время назад получила известность оригинальная гипотеза французской исследовательницы Анны Дамбрикур (Anne Dambricourt), построенная на факте взаимосвязи формы клиновидной кости человека с формой его черепа и претендующая перевернуть весь так называемый эволюционный антропогенез вверх ногами. Изучая многочисленные черепа древних предшественников современного человека (к таковым, как эволюционистка, она относит и австралопитеков), Анна обратила внимание, что кривизна основания черепа у разных форм резко отличается, а степень «прогрессивности» черепа зависит от формы и степени изгиба клиновидной кости. Анна пошла поперек всего научного сообщества и объявила, что движущая сила эволюции заключена не во внешней среде, а изначально запрограммирована в самом человеке. По ее версии, на протяжении миллионов лет в результате

запрограммированных мутаций форма сфеноида внезапно и быстро менялась, придавая черепу все более современный вид, и таких скачков, по мнению исследовательницы, было несколько. Гипотеза Анны была принята в штыки эволюционистским сообществом, усмотревшим здесь почти неприкрытый Разумный Дизайн. Выходит так, что некий Программист изначально прописал в геноме предка человека периодические скачкообразные изменения формы сфеноида, превратившего сначала череп австралопитека в череп эректуса, а череп эректуса в череп *Homo sapiens*.



Слева – векторы изменения формы черепа в зависимости от изменения формы сфеноида. Справа - череп современного человека имеет округлую форму и плоское лицо. Основание черепа неандертальца такой же длины, как у современного человека, но более крупный сфеноид (на 30 %) увеличивает надбровные дуги и делает лицо скошенным. Рис.: Rutgers University, в: Итоги, 4.11.2003

Здесь не будем также подробно рассматривать гипотезу Анны Дамбрикур, которая оставляет больше вопросов, чем ответов – сугубо спекулятивна сама идея эволюции человека от обезьяноподобного предка, даже запрограммированная; не имеет подтверждения намеренная заданность скачков; нет объяснения стартовым причинам этих внезапных сальтаций. Утверждение о внезапных скачках уже вторично и внутренне противоречиво, так как родилось из факта дискретности, то есть отличия сфеноидов разных видов друг от друга (как и явной дискретности форм) – факта, как раз опровергающего эволюцию и эволюционную преемственность обезьян и людей. Поиск механизма превращения лягушки в принцессу избыточен уже в силу самой недостоверности этого превращения. Для нас же ценно то, что Анна обратила внимание на прямую связь между изменением формы сфеноида с изменением формы черепа в разных кластерах *Ното* – эректусов, неандертальцев, сапиенсов. Что более «вытянутый» сфеноид придает черепу *Ното* так называемый архаичный вид – увеличивает надбровные дуги, делает лоб более покатым, а лицо прогнатным, скошенным; наиболее же изогнутый и «короткий» сфеноид связан с современным сапиентным черепом. Таким образом, «внутренняя движущая сила», которую постулировала Анна, является теоретической абстракцией, но скорее справедливо обратное, и сфеноид – это, условно говоря, некий джойстик, воздействуя на который, можно изменять форму черепа, делая его более вытянутым и приплюснутым, либо коротким и вертикальным, с сапиентным «раздутым» куполом.

Но не является ли наше предположение о «джойстике» такой же теоретической абстракцией? Может быть, права Анна Дамбрикур? Или мы вообще ничего об этом механизме не знаем? Нет. Современные исследования показывают, что именно внешнее воздействие на сфеноид может заставить его «работать» в плане изменения формы черепа.

Доктор Мари-Жозеф Дейе (Marie-Joséphé Deshayes) из французского научно-исследовательского антропологического центра CNRS, получившая международное признание за исследования и практику в области челюстно-лицевой ортопедии, пришла к заключению, связанному непосредственно с «регулирующей» ролью сфеноида. В свое время Мари-Жозеф, пытаясь выяснить, почему большинство современных детей из так называемых благополучных стран имеют дефект несмыкания зубов (или, иначе, открытый прикус), пришла к выводу, что это явление связано с процессом формирования всего черепа. Мари-Жозеф констатирует, что это не является генетической патологией, но, как эволюционный антрополог, объясняет это продолжающейся эволюцией черепа; мы же отметим, что под таковой «эволюцией» нужно понимать стремительные адаптационные процессы типа так называемой акселерации, связанные с хорошим питанием и комфортной средой. (Так, например, исследования группы Питера Рока из Бирменгемского университета показывают, что со времен Средневековья черепной свод современного *Homo sapiens* увеличился примерно на 20%, а форма черепа стала более шарообразной). Безотносительно к причинам этого

явления Мари-Жозеф разработала методику исправления челюстного дефекта детей. Поскольку перпендикулярная пластинка небной кости всем своим задним краем и двумя смежными отростками соединяется со сфеноидом, Мари-Жозеф устанавливает в область неба специальные скобы, которые оказывают давление на основание черепа, тем самым «заставляя» сфеноид корректировать рост костей в сторону естественной, непатологичной формы. Этот метод оказался гораздо эффективней, чем воздействие непосредственно на зубы. При этом Мари-Жозеф применяет свой метод к детям шести лет или меньше, в том возрасте, когда, по ее словам, гораздо проще воздействовать на кости в процессе их роста.



Слева – Анна Дамбрикур и один из «отцов» таксона хомо хабилис Филипп Тобайес (2003 г).

Справа – Мари-Жозеф Дейе. Изображения: www.annedambricourt.com и www.sunrisepage.com

Исходя из этого, мы можем заключить, что клиновидная кость, она же сфеноид, в терминах биомеханики

является именно неким «джойстиком», управляющим формой черепа при его развитии и отзывающимся на внешние воздействия, а не на закодированные еще в древнем геноме периодические «приказы» к трансформации, как то утверждает Анна Дамбрикур.

Беря во внимание приводимые выше утверждения исследователей середины прошлого века вроде Кастенса и Уоллеса о «мышечной» гипотезе трансформации сапиентного черепа и современные знания о роли сфеноида при развитии черепа, можно высказать собственное предположение, объединяющее «мышечную» модель трансформации и модель «сфеноида-джойстика». Действительно, обе эти модели не только не противоречат друг другу, и даже не просто дополняют друг друга, а образуют некий синтез, некую третью, абсолютно новую модель взаимного действия и взаимно усиливающих друг друга факторов, которую длинно, но терминологически точно можно назвать «моделью двух взаимных положительных обратных связей в трансформации черепа», но кратко «моделью мышечно-сфеноидной трансформации черепа» (МСТЧ-модель).

Действительно, представим, что в далеком прошлом анатомически современный человек из-за экстремального использования жевательного аппарата «отращивает» себе мощные челюсти и более мощные и объемные жевательные мышцы, изменяющие форму черепа, делающие его более рельефным, стягивающие назад лобную кость и сжимающие череп в височной области. В свою

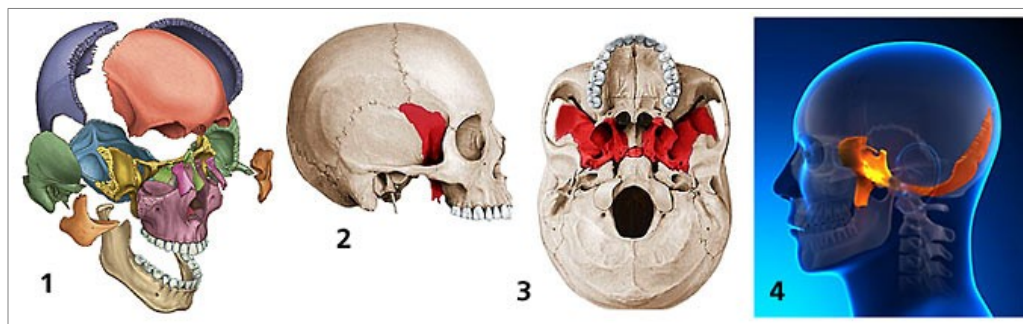
очередь эти мышцы в сочетании с новой конфигурацией и массивностью черепа воздействуют («давят») на сфеноид, заставляя его в свою очередь, «в ответ», еще больше изменять форму черепа и челюстей. Вспомним скобы, которые Мари-Жозеф Дейе устанавливает детям для прямого воздействия давлением на основание черепа. Изменение формы и массивности челюсти, приобретенные древним человеком в результате предельных нагрузок, подобно скобам Мари-Жозеф Дейе, могло стать фактором, оказывающем давление на тот же участок в основании черепа, где небная кость соединяется с клиновидной.

Между тем одной челюстью дело не ограничивается. Часть черепа в районе заглазничного сужения с обеих сторон составляет так называемая височная поверхность большого крыла клиновидной кости, то есть, проще говоря, и тут сфеноид находится в области возможного интенсивного на него воздействия. На эту часть клиновидной кости могла оказывать влияние сильная депрессия, связанная с работой мощных жевательных мышц и сопутствующим сжатием черепа с обеих сторон в области заглазничного сужения.

Но идем еще дальше. Клиновидная и затылочная кости формируют большую часть основания черепа. При этом сфеноид связан с затылочной костью хрящевым сочленением, называемым сфено-базиллярным, дающим затылочной кости возможность движения; например, при дыхании, приеме пищи или для амортизации при ходьбе. Таким образом, на сфеноид анатомически современного человека,

существовавшего в древности, со стороны затылочной кости также могло оказываться усиленное давление во время работы мощных жевательных мышц, увеличившейся массивности затылочной кости или экстремального образа жизни в целом, связанного с постоянным передвижением по пересеченной местности, бегом, падениями и прыжками с высоты.

Таким образом, согласно нашей МСТЧ-модели, в итоге взаимного влияния друг на друга двух факторов происходило и взаимное усиление этих факторов – мышцы и «сжатый» ими череп механически воздействовали на сфеноид, а сфеноид в свою очередь задавал черепу «архаичную» эргастерную форму со скошенным лбом, огромной челюстью и мощным угловатым затылком.



1. Сфеноид в составе черепа современного человека (желтый цвет); 2. височная поверхность большого крыла сфеноида в районе заглазничного сужения (на 2 и 3 красного цвета); 3. Сфеноид, составляющий часть основания черепа, вид снизу. Передней частью сфеноид соединен с небной костью, задней – с затылочной костью; 4. Сфеноид, соединенный с затылочной костью, вид сбоку (выделены)

Морфологические признаки, полученные в результате такого взаимовлияния факторов, наверняка стали бы характерными для всей популяции за сравнительно короткое время и небольшое число поколений – так же, как, например, карликовость и эректусоподобие у палауанцев, приобретенные ими менее чем за тысячелетие, «появляющийся и исчезающий» сагиттальный валик эскимосов или значительная разница в росте южных и северных корейцев (более 7 см), при одинаковых географических и климатических условиях образовавшаяся всего за два-три поколения, или даже меньше (Найт, «Болезнь роста: почему жители...»). Проявление МСТЧ-процессов могло быть как развивающимся одновременно, так и последовательным – сначала, в первых поколениях, сложилась популяция относительно «черепно-массивных» взрослых и вслед за этим «ответный» эффект клиновидной кости стал проявляться у «черепно-массивных» детей в этой популяции.

Разумеется, я не выдвигаю объяснение морфологической трансформации древних людей с участием в ней сфеноида как единственное или даже наиболее вероятное. Хочу лишь отметить, что в случае с изменением формы черепа *Ното* новые научные знания позволяют объяснить этот процесс гораздо проще и убедительней, нежели эволюционизм. Ниже мы еще вернемся к рассмотрению возможных механизмов «архаизации» *Ното* в рамках известных генетических и биомеханических факторов.

4.

Итак, теория теорией, но есть ли у нас конкретные примеры, подтверждающие принципиальную возможность трансформации анатомически современного черепа в «архаичный», то есть в череп такого существа, которого адепты эволюции называют нашим эволюционным предком? Разумеется, что в современной и недавней истории «чистых» трансформаций уровня «из сапиенса – в эректусы» не было и быть не могло; как мы уже заметили выше (и что в целом общепризнано), генофонд современного человека есть всего лишь осколок, современное человечество – только одна из сохранившихся анатомических вариаций человека разумного. Морфологическая же пластичность наших предшественников была несравненно выше нашей. Не впадая в излишний зоологизм, эту ситуацию можно сравнить с выводением собачьих пород. Представим себе, что из всех собак сегодня сохранились только пудели; легко ли будет получить из пуделя собаку какой-нибудь служебной породы? Нет, для этого нужен генетически полноценный исходник, из которого можно вывести и овчарку, и пуделя.

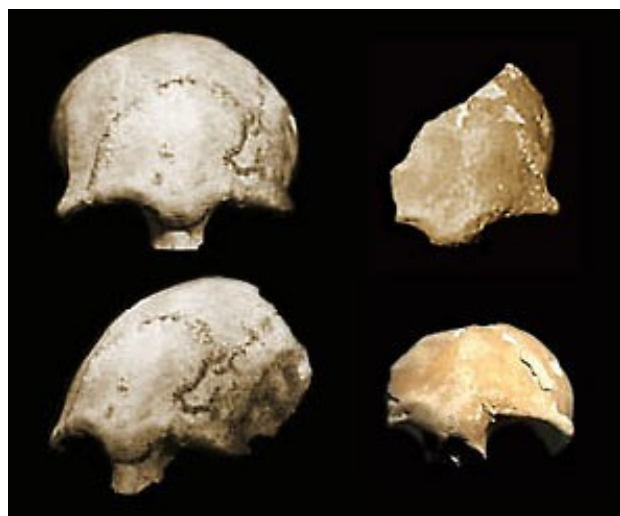
Между тем, существуют серьезные свидетельства того, что человек современной анатомии не только приобретал отдельные условно «эректусные» черты вроде толщины черепного свода или сагиттального валика, а испытывал на себе целый комплекс трансформаций в так называемую архаичную форму.



Часть 2. Эволюционировал, эволюционировал, да не выэволюционировал 1.

Одно из таких свидетельств, ископаемых пигмеев индонезийских островов Палау, мы уже упомянули в контексте быстрого уменьшения размеров тела; теперь же стоит сказать о всем комплексе их «архаичных» черт. Свидетельство это настолько убойное, что при его единственном наличии не требовалось бы уже никаких других, поскольку пигмеи Палау – прямые потомки анатомически современных людей нормального роста, прибывших на остров с Филиппин порядка 4 тыс. лет назад, когда в Египте уже стояли пирамиды и на планете процветали мировые цивилизации. Пройдя процесс миниатюризации, они через 1100 лет исчезли, а остров позже был вновь

заселен людьми обычного роста. Тот факт, что правило островной карликовости сработало здесь столь молниеносно (от нескольких столетий до максимум одной тысячи лет) – еще не самое удивительное. Можно не сомневаться, что первопоселенцам этих мест по ряду причин пришлось весьма несладко. Судя по отсутствию у палауанцев развитой культуры, то бишь орудий, украшений и предметов быта, первые здешние мигранты, сумев преодолеть 600 км морского пути от Филиппин, вероятно, из более цивилизованных условий попали в «дикие» и деградировали, не сумев переломить окружающую среду под себя. Как бы там ни было, стрессовые условия, в которые они попали, кроме миниатюризации тела «запустили механизм» трансформации их черепа по аналогии с эргастерным.



Череп В:OR-15:18-001 (слева сверху и внизу) и В:OR-14:8-005 (справа) Источник: Berger et al., 2008

Так, фрагменты черепов B:OR-15:18-001 и B:OR-14:8-005 имеют все так называемые признаки архантропов – значительную толщину, сильное заглазничное сужение, низкий покатый лоб, выдающиеся надбровья. А нижняя челюсть B:OR-14:8-771 выглядит даже архаичней, чем некоторые гораздо более ранние неандертальские или гейдельбержские. Она хорошо иллюстрирует сказанное выше – в процессе сверхбыстрой миниатюризации зубы индивида не успели уменьшиться, но сама челюсть, «ужимаясь» в размерах и становясь массивней, как бы сгладила, «сточила» сапиентный подбородочный выступ.



*Слева и в центре: Череп B:OR-14:8-005. Обращает на себя внимание его массивность и целый ряд так называемых архаичных признаков. Источник: National Geographic
Справа: нижняя челюсть B:OR-14:8-771 (на переднем плане, на фоне анатомически современной). Ее отличают крупные зубы и отсутствие подбородка. Фото: S. Alvarez / National Geog*

Еще один впечатляющий пример «архаизации» анатомически современных форм, но уже в континентальном масштабе, дает нам Австралия. Мы уже говорили о том, что по своему набору так называемых архаичных признаков современные

австралийские аборигены являются рекордсменами среди прочих нынешних жителей планеты. Долгое время для эволюционизма они являли собой пример того, как выглядели наши недавние предки, или, говоря менее толерантно, – считались некими недоэволюционировавшими сапиенсами. Советские антропологи Рогинский и Левин в книге «Антропология» о находках из австралийских районов Талгай и Кохуна писали, что они «по некоторым признакам не только гораздо архаичнее всех ныне живущих рас, но и несколько более примитивны, чем классические неандертальцы» (Рогинский, Левин, 1978). Позже высказывания эво-антропологов стали более осторожны, и так называемую архаичность австралийских аборигенов – при безусловном признании их стопроцентными *Homo sapiens* – стали объяснять особыми условиями, возникшими в связи с изоляцией Австралии от остального мира, позволившими сохранить примитивные признаки аборигенов в некоем законсервированном виде.

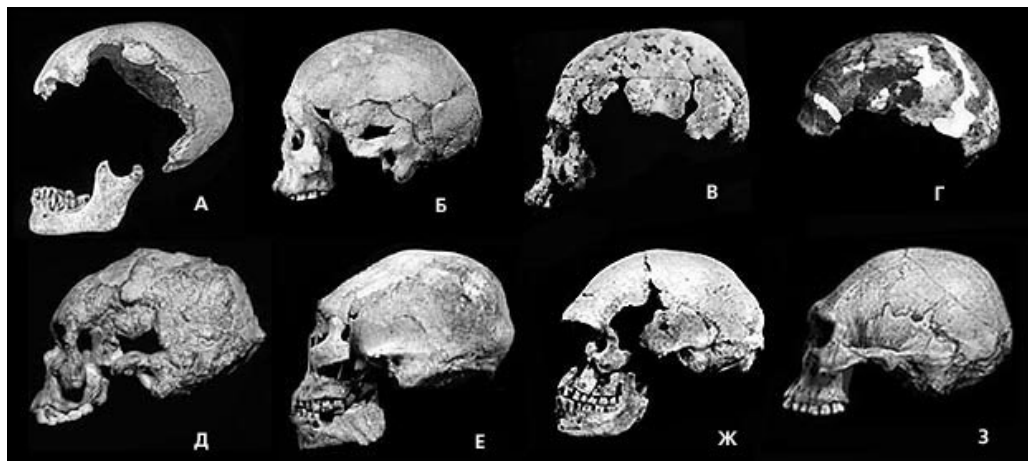
При этом всегда оставался неразрешимым один палеоантропологический парадокс. Дело в том, что австралийские палеонаходки (точнее, верхнего палеолита-мезолита) составляют две четко различающиеся антропологические группы. К первой относятся массивные архаичные экземпляры, представленные черепами Кау Свомп, Талгай, Кохуна, Нэюри, Коссак, Кубул Крик и др. Вторую группу, хорошо дифференцированную от первой, составляют грацильные, близкие к анатомически современным людям экземпляры из местонахождений Лэйк Мунго, Кейлор и Лэйк Танду.

При этом **второй, анатомически современный тип – старше первого, архаичного.**

История такова. Согласно ныне принятым датировкам, порядка 45–40 тыс. лет назад в Австралии, в разных ее частях появились люди современного облика, хотя и имеющие ряд специфических черт, которые принято именовать австралоидными. Так, палеоантрополог профессор А. Зубов называет этих людей «обобщенным типом раннего сапиенса», то есть анатомически современного человека, еще, так сказать, не расколовшего на различные расовые типы, хотя и включающего некоторые уникальные «австралоидные» черты. Эти люди обладали совершенными по тем временам орудиями неолитического типа, хоронили сородичей по религиозным обрядам и т.д. (Хронологически их появление в Австралии совпадает с присутствием сходных анатомических типов в соседних регионах Восточной и Юго-Восточной Азии, что связано с глобальным расселением *Homo sapiens* по планете в тот период).

Но позже, порядка 10 тыс. условных лет назад примерно те же районы Австралии населяет другой тип людей – это не просто «архаичные сапиенсы», а тип, который, как утверждают многие прошлые и нынешние антропологи, не сразу можно причислить и к сапиенсам. Чешский исследователь эволюционист Я. Елинек, описавший 14 черепов из Арнхэмленда (область в Северной Австралии), указывает на их «ярко выраженные черты архаизма, свойственные всей австралийской группе в целом – мощное надбровье, сильное заглазничное сжатие, низкий

«убегающий» лоб, низкое расположение наибольшей ширины мозговой коробки, уплощенность и резкий перегиб затылочной кости»», на основании каковых морфологических особенностей Я. Елинек утверждал сходство этой поздней архаичной группы с *Homo erectus*.



Верхний ряд: черепа современной анатомии из австралийских поселений. А – Мунго-3 (40–45 тыс. л.), Б – Кейлор (36–45 тыс. л.), В – Лэйк Танду (27 тыс. л.), Г – Мунго-1 (17–26,5 тыс. л.). Нижний ряд: архаичные австралийские черепа. Д – Талгай (6,5–12 тыс. л.), Е – Нэжюри-1 (11 тыс. л.), Ж – Коссак (6,5 тыс. л.), З – Кохуна (10–12 тыс. л.).

По: P. Brown's *Australian Palaeoanthropology*; S. Hespil и др.

Сторонники полицентризма, традиционно стоящие за независимую эволюцию в разных уголках мира (в данном случае сапиентацию эректусов в Австралии параллельно с тем же процессом в Африке или Китае), ухватились за представителей второй,

архаичной австралийской группы (далее будем называть ее мезолитической) как за переходную форму между «настоящими» эректусами и современными австралийскими аборигенами. По их мнению, эта архаичная группа в изоляции от внешнего мира претерпела значительную сапиентную трансформацию, но сохранила черты своих прямых предков, эректусов.

Сторонники же моноцентризма активно возражали и настаивали на своей «классике» – общем происхождении и расселении всех людей из единого центра – из Африки. Они наотрез отказывались замечать в австралийских находках мезолита эректусные черты, объявляя их либо патологией, либо прижизненной искусственной деформацией в ритуальных целях. Полицентристы возражали, и вполне резонно, что подобная деформация, даже если и имела место, не объясняет проблему эректусной, как они считали, морфологии австралийских находок в целом.

При этом главный вопрос – почему ранние колонизаторы Австралии более сапиентны, чем все поздние формы – оставался без ответа. Для закрытия этой дыры была придумана умозрительная гипотеза, что обе группы появились вследствие двух миграционных волн, первая из которых 45–40 тыс. лет назад привела к появлению на континенте анатомически современной группы (предположительно через Торресов пролив из Новой Гвинеи), а вторая позже, порядка 10 тыс. лет назад – группы архаичной. Наличие архаичных черт у второй группы в столь позднее время объясняли поначалу

возможностью скрещивания этой второй волны с «настоящими» эректусами где-нибудь по пути в Австралию, на островах Индонезии, но эта версия была позже отвергнута по причинам хронологическим (возраст яванских эректусов удревился от 40–50 тыс. лет до нескольких сотен тысячелетий и никак не совпадал с 6–14 тыс. лет назад у архаичной мезолитической группы), а также по причинам анатомическим (преимственность между первой и второй группами наблюдалась, но не наблюдалась у второй группы с эректусами Индонезии; впрочем, как замечено, вымершими задолго до гипотетической второй волны). Оставалась лишь одна версия – признать архаичных мезолитических австралийцев, как и австралийцев современных, прямыми потомками старшей, сапиентной группы.



Сравнение черепов субсовременного аборигена Австралии и современного жителя Южного Китая. E.R. Degginger; David L. Brill

Наконец, лед тронулся, когда известный палеоантрополог эволюционист Крис Стрингер предположил происхождение архаичных признаков у мезолитических австралийцев в качестве **«ЭВОЛЮЦИОННЫХ ВОЗВРАТОВ»** (Stringer & Andrews, 1988). Стрингера, как весьма убежденного (и, можно сказать, даже весьма упертого) африканоцентриста, сподвигла на это щекотливая ситуация – нужно было объяснить не только архаичность второй австралийской группы, но и несоответствие ее общей схеме так называемого выхода homo sapiens из Африки. Африканские экземпляры с датировкой 50–60 тыс. лет, назначенные предками всего человечества, были в определенном смысле более современны, чем поздние мезолитические австралийцы, что также требовало объяснения. Это признание одного из ведущих палеоантропологов об «эволюционных возвратах» по сути есть другая форма нашего утверждения, что если более «прогрессивные» *Ното* могут приобретать «архаичные» черты то, следовательно, предки вроде эректусов или неандертальцев могут быть не предками, а боковыми линиями от анатомически современного типа людей. Это компромиссное заявление Стрингера со стороны полицентристов и части моноцентристов (похоже, интуитивно чувствующих его правоту) вызвало реакцию очевидного неприятия (Wolpoff et al, 1988).

С. Дробышевский, пытаясь склеить расползающуюся приемственность австралийских черепов от африканских, высказывает сегодня ту же мысль, что и Стрингер:

«...Гипермассивность и прочие помянутые особенности австралийских черепов – вторичные, а не изначально архаичные черты. Правильнее называть их специализированными, а не примитивными^[2].

Почему признаки менялись в таком направлении – неизвестно. Вероятно, изменения имели какой-то неизвестный нам адаптивный смысл, например, были следствием усиления жевательного аппарата из-за упрощения культуры в обеднённых условиях среды.
<...>

В истории известны и другие примеры позднего появления подобной «архаики». Хорошим примером могут служить огнеземельцы. Они тоже имели весьма массивный череп, с очень толстыми костями, мощным надбровьем и покатым лбом. Однако их предки, судя по всему, этими признаками не обладали, по крайней мере все древнейшие черепа из Америки и Северной Азии такого комплекса не несут.

Кстати, не стоит заикливаться на экзотических странах. Прекрасно известно, что население бронзового века Европы было гораздо массивнее и мощнее, чем предшествовавшее ему неолитическое и последующее античное. Это ничуть не свидетельствует о неожиданной «архаизации» древних европейцев и уж подавно – о неожиданной массовой метисации с вылезшими неизвестно откуда неандертальцами, питекантропами или орками. Гораздо вероятнее хитрое взаимовлияние изменившихся климата, хозяйственного уклада, типа питания, социальной организации и генетико-

автоматических процессов» (Дробышевский, «Австралийцы протоморфны?»).

Эти слова еще раз подтверждают нашу мысль о принципиальной возможности происхождения так называемых архаичных типов людей от анатомически современных.



Череп австралийского аборигена Пинтуби-1 (XIX – начало XX века). Источник: www.canovan.com

Хотя исследования изначально говорили об общности обеих австралийских групп (сапиентной и более поздней мезолитической) и их антропологической и культурной преемственности, генетические исследования положили конец умозрительной *ad-hoc* гипотезе о двух миграционных волнах. Сейчас мы не будем говорить о корнях самих первых колонизаторов континента, которые по всем показателям не

африканские, а евразийские. Нас интересует то, что генетические исследования 2006 года (van Holst Pellekaan et al., 2006) подтвердили, что первые поселенцы, колонизировавшие Австралию в древности (по официальной хронологии 40–45 тыс. лет назад), в дальнейшем, на протяжении всех последующих эпох оказались изолированными от остального человечества. По результатам исследования первая группа была многочисленной (т.е. относительно разнообразной в генетическом плане), но первая волна оказалась и единственной – после нее уже никто из первопоселенцев не покидал континента, равно как никто не переселялся в Австралию даже из соседних регионов вроде Новой Гвинеи. Австралийцы оставались генетически изолированными от остального человечества всю свою историю до Нового времени. С идеей двух волн переселенцев и любых миграционных «привносов» сторонникам этих гипотез в итоге пришлось распрощаться.

Таким образом, тот факт, что мезолитическая группа австралийских аборигенов представляет собой «архаизированную», и даже, по мнению некоторых эволюционистов, эректоидную форму, происходя от первых покорителей Австралийского континента, является еще одним подтверждением нашего предположения, что эректусные формы в древности могли происходить от людей, анатомически близких к современным. На примере Австралии мы имеем не эволюционную «законсервированность», утверждаемую прежде эволюционистами, не метисацию австралийцев с эректусами и не

«привнос» архаики гипотетической второй волной переселенцев (столь поздняя архаичность которых сама бы потребовала объяснения), но именно ускоренную модель некоего «эректусообразования», когда небольшие группы *Homo sapiens* оказываются в долговременной изоляции. Если всего за несколько тысячелетий современные сапиентные типы Австралии смогли трансформироваться в столь «диких предков», то наша версия может быть обоснована, как сейчас принято говорить, более чем полностью.

2.

Идея о том, что длительная эволюция человеческого рода есть лишь серия адаптивных изменений в рамках одного условного вида *Homo sapiens* – полностью разрушает классические представления об эволюции как некоем творческом процессе, создающем из простых форм более сложные и совершенные. Вспомним, что макроэволюция по определению – это образование принципиально новых структур, а не адаптация старых. Появление новой информации, а не дробление или перетасовка имеющейся. Адепты эволюции продолжают утверждать, что процесс так называемого антропогенеза, в частности, превращение эргастера в сапиенса (через гейдельбержца и с отклонениями в виде эректусов и неандертальцев) есть именно такая, творческая эволюция с образованием принципиально новых структур и новой информации. Можно было бы согласиться с тем, что таким прогрессивным

процессом могла бы быть трансформация австралопитека или хабилиса в эргастера, ибо тут, действительно, потребовались бы изменения принципиальные – австралопитек и хабилис по всем признакам есть классическая обезьяна, а хомо эргастер уже настоящий человек. Все бы ничего, только такой вариант «творческой эволюции» так же соотносится с реальностью, как предположение о превращении тыквы в карету. «Эх, если бы можно было превратить тыкву в карету, мы бы показали этим маловеерам!»)

И поскольку филогенетическая связь обезьян и людей являет собой лишь умозрительную конструкцию, у адептов эволюции остается лишь один реалистичный отрезок – путь «из эргастеров в сапиенсы». Однако новая, еще худшая проблема в том, что механизм этого «превращения» не имеет никакого отношения к так называемой макроэволюции, то есть образованию принципиально новых структур. Все, что вы услышите от адептов эволюции об объеме эргастерного мозга, форме черепа и надбровных дугах как эволюционных отличительных признаках – на самом деле есть сущности не качественные, а количественные. У эргастера нет ничего, отличающего его от сапиенса качественно, и, соответственно, наоборот. Все это не на уровне «проще – сложнее», а «поменьше – побольше». Более того, для читателя вряд ли станет открытием, что эво-антропологи сами не знают, что такое сапиентность. Одна из главных проблем для эволюционного антропогенеза – невозможность определить, где начинаются сапиенсы. С какого времени, в каком «формате» и в

какой «концентрации» признаков. И совсем не потому, что эволюция «плавная» и «постепенно перетекающая», а потому что признаки, которые можно было бы определить как сапиентные, присущие только сапиенсам, разбросаны по временам, регионам и индивидам как бы бессистемно. Можно сказать уверенно, что эргастеры и сапиенсы – да, анатомически дифференцированы, ибо есть некий эргастерный и есть некий сапиентный комплексы, но каждый так называемый сапиентный признак в отдельности – это лишь «красота в глазу смотрящего», оценочное суждение, указание элемента, количественно отличающегося от «архаичного». Грацильный череп? – о, да, мы тут же вспоминаем и мысленно сравниваем хрупкий череп с массивным эргастерным. Круглый свод черепа? Да, помним о приплюснутом «архаичном». Большой объем мозга? Да (хотя «оба мозга» организованы по одному принципу). А являются ли сапиенсами гейдельбержцы? Да, но архаичными. А что в них сапиентного? Ну, мозг больше, чем у эргастеров, лоб повыше, надбровья поменьше, все это делает их ближе к нам (при этом подобный разговор может вестись об определенном гейдельбержском черепе, а сам принцип «гейдельбержцы более сапиентны, чем эргастеры» – нарушаться с частой, превышающей все исключения). Попытка выразить любые различия меж «архаикой» и «современностью» с помощью цифр, как-то кодифицировать отличия, тоже результативна лишь формально и способна удовлетворить только человека, соответственно формально мыслящего (к несчастью, большинство эво-адептов так и мыслят).

Любой морфологический признак, о котором заявлено как об эволюционном, должен, так сказать, познаваться по плодам. В эво-терминах «архаичный» или «примитивный» признак означает эволюционно предшествующий каждой более развитой стадии. Эволюция предполагает качественное развитие, следовательно, любой из признаков, описываемых у эргастера как «архаичный» или «примитивный», должен присутствовать у сапиенса в своем эволюционном, то есть качественно новом воплощении. Фраза эволюциониста «мозг эргастера (или подбородок, или череп) эволюционировал в сапиентный» – есть бессмыслица по определению, поскольку должна означать, что с неким признаком эволюция проделала работу по усложнению и расширению его прежних функций, а не всего лишь изменила его форму. Примитивен ли мозг у эргастера по сравнению с нами? Нет. Если рассуждать в терминах эволюционизма, то сравнительно с нами примитивен, то есть гораздо проще организован, мозг у австралопитека, но у сапиенса и эргастера строение и функции мозга качественно идентичны. Разница в размере мозга (или, опять же, толщине черепа, размере надбровья и пр.) как якобы качественном отличии сапиенсов и эргастеров – как мы уже говорили, иллюзия. Тут не постулируемые пропагандистами эволюции случайные мутации, наиболее удачные из которых, то есть дающие преимущества для выживания, якобы закрепляются естественным отбором. Нет, человеческий организм использовал уже заложенные в него возможности, в том числе к трансформации черепа, и ни один признак здесь не возникает

«эволюционно», то есть на пустом месте, как «случайно удачный». И так далее. Ни одного признака, хоть как-то вовлеченного в процесс усложнения и испытывавшего у сапиенса эволюционное качественное развитие, – признака, полезного для выживания, дающего сапиенсу какие-нибудь абсолютные, а не локальные адаптивные профиты, у *Homo sapiens* в сравнении с *Homo ergaster* не обнаруживается. То есть какие бы изменения не происходили с человеком в анатомическом смысле, все что он будет иметь нового, получено за счет старого, за счет растрачивания или перетасовки собственных, уже имеющихся генетических резервов. Каждый – и сапиенс, и эргастер – идеально приспособлен к своим условиям существования. Один к относительно малоподвижной жизни, комфортным внесезонным условиям и мягкой вареной пище, другой – к ежедневным прыжкам по скалам, падениям, ударам головой, погоням, дракам с медведями в Европе или гигантскими павианами в Африке (см. гл. 5), бесконечным переходам, жаре и холоду, голоду и жажде.

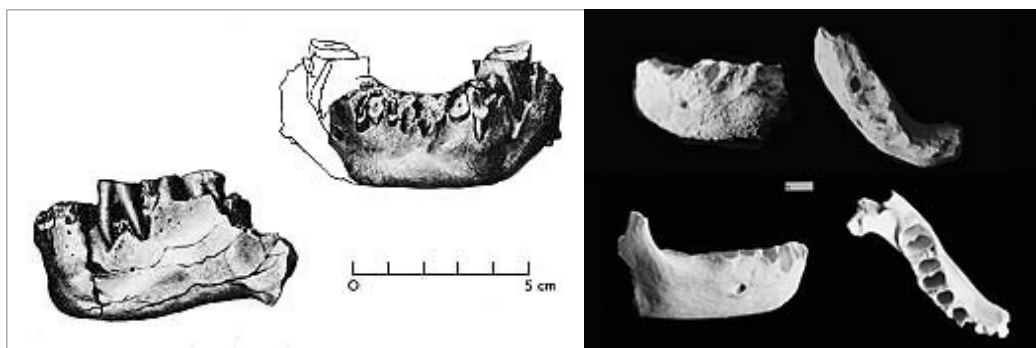
Один из признаков, кроме размера мозга, на который до недавнего времени пытались навесить «эволюцию» – это выступающий сапиентный подбородок. Вот уж где эволюция постаралась! Однако на большее ее, судя по всему, не хватило, поскольку признак этот также не эволюционный – в том качественном смысле, который в это понятие вкладывают эво-адепты. Хотя, как правило, характерный для сапиенса.

«В одной замечательной книге А. Хрдлички, – пишет Дробышевский, – я видел фотографии и описания

нижних челюстей индейцев без подбородочных выступов. Причём не патологических, а нормальных. <...> Другое дело, что случаи такие крайне редки. <...> Так что, хотя признак и не стопроцентный, но очень надёжный – **чуть ли не единственный хороший диагностический для сапиенса**» (Дробышевский, «Неандертальскую рожу так просто не спрячешь...»).

Да, пожалуй, это единственный очевидно сапиентный **диагностический** признак, но его «эволюционная» цена равна нулю, если он может присутствовать у самых древних эргастеров и отсутствовать у не имеющих патологии современных людей. Или из сапиентного всего за несколько столетий превратиться фактически в эректусный, как в случае с жителями Палау. Нижняя челюсть, как уже отмечено, самая пластичная часть нашего черепа, и ее форма может меняться у человека в течение жизни, приспособляясь, так сказать, к нуждам жевательного аппарата. При иной форме подбородка, как еще недавно уверяли эволюционисты, невозможна полноценная речь, следовательно, это явно эволюционный, прогрессивный признак. Сегодня участие выступающего подбородка в формировании речи – отживший стереотип. Выступающий подбородок как признак приспособительный, адаптивный – это, как мы говорили выше, ребро жесткости при грацильной челюсти. При уклонении челюсти в сторону массивности выступ, как правило, исчезает, а при векторе изменения в сторону хрупкости всплывает вновь. На самых древних, но грацильных нижних челюстях (ER 730 и TE9-1) уже (или еще?) присутствует

некое подобие этого «сапиентного признака», тогда как гораздо более поздние гейдельбержцы имеют мощные челюсти и скошенный симфиз без малейшего намека на какие-либо выступы. Можно было бы попытаться связать этот так называемый сапиентный признак с речью, рассуждая не от аргумента пользы, а от вреда, и допустив, например, негативное влияние массивного несапиентного подбородка на речевые функции наших предшественников. Однако «архаичные» челюсти в силу прогнатности длиннее сапиентных; поэтому «свобода слова» сохраняется благодаря более длинным подбородочно-подъязычным мышцам и соответственно более подвижной гортани. Как говорится, и тут никакой эволюции, лишь изумительная инженерная гармония всех «частей механизма» при исключительно адаптивных изменениях форм. Потому что этот признак присутствует в широком диапазоне вариаций как у наших древних предшественников, так и среди современных людей, в частности, коренных жителей некоторых регионов Юго-Восточной Азии, обладающих выраженным челюстным прогнатизмом, массивной челюстью и почти отсутствующим подбородочным выступом. При этом трудно предположить, что их артикуляционные возможности хоть чем-то отличаются, скажем, от возможностей нынешних европейцев, обладающих короткой и грациальной челюстью с хорошо выраженным подбородочным выступом.



Слева – фрагмент челюсти ER 730 с подбородочным выступом (Кооби Фора, 1,5 млн. л. н. по офиц. шкале) (Day & Leakey; *American Journal of Physical Anthropology* Vol. 39, Issue 3, 1973). Справа – для сравнения здесь еще раз уместно вспомнить нижние челюсти людей островов Палау (B:OR-14:8-122 и B:OR-14:8-771), живших 3 тыс. лет назад, относящихся к современным *Homo sapiens*, но имевших «архаичные» черты, в частности, сглаженный «эректусный» подбородок (Berger et al., 2008).

Таким образом, любой сапиентный признак, если не формализовать его в замерах и цифрах (что является той же констатацией количественных отличий), можно определить лишь относительно «архаичного», а «архаичный» относительно сапиентного; всегда одно относительно другого и по большей части на глазок. А какими-либо самодостаточными и объективными эти признаки (тем более качественными, эволюционными) не являются. Доводя до абсурда – если мы будем рассуждать о той же сапиентности на примере современных мужчин, то в сравнении с ними современные женщины окажутся «более сапиентны»^[3].

Какая все же принципиальная, качественная разница существует между нами и нашими анатомически «архаичными» предшественниками? Такая же, как между нами и нашим прапрадедушкой – исключительно хронологическая, ибо принципиально лишь то, что мы не пересекаемся во времени. Анатомически же никакой принципиальной разницы нет – лишь «больше – меньше», «массивней – грацильней». И если никаких эволюционных «плодов» в виде «творчески усовершенствованных» эргастерных признаков у сапиенса не наблюдается, логично предположить, что «сапиентность» и «архаичность» – это лишь набор вариаций внутри рода *Номо*.



Многие из современных людей имеют признаки, которые эволюционизм назвал бы архаичными или примитивными, хотя они всего лишь отражают морфологическое разнообразие

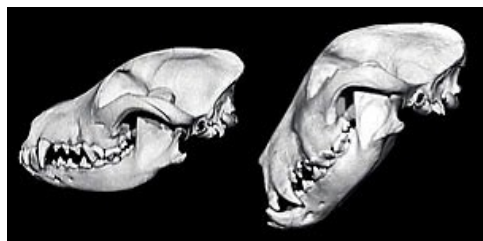
современного человечества. Верхний ряд – баскетболист Джерри Стэкхауз (Источник: feedimo.com); юноша из Найроби (Weston A. Price; gutenberg.net.au); порнографическое фото с семинара в МГУ (www.psy.msu.ru); боксер Николай Валуев (ask2.com.au); девушка из Уганды, Африка (besttourism.com); портрет неизвестного (фото: А. Андрос); австралийский абориген (forumbiodiversity.com); пигмей племени рампасаса (о. Флорес, Индонезия) (T. Jacob et al., PNAS September 5, 2006).

Убедительным примером процессов, связанных не с декларируемой эволюцией, а вариативностью внутри определенного кластера, может служить искусственная селекция животных и растений, при которой используется лишь генетический резерв, уже заложенный в организме. Впечатляет, например, количество собачьих пород (официально зарегистрированных FCI около 400) и их анатомическое разнообразие, но не менее впечатляет и скорость изменений. Собака породы бультерьер, например, еще сто лет назад выглядела совершенно иначе. Селекционеры за минимальные по историческим меркам сроки изменили не только ее внешность, но и скелет, в частности, форму черепа. То же касается, скажем, и английского бульдога. Никто в здравом уме, сравнивая бультерьера или бульдога 1915 года (это год издания каталога «Dogs Of All Nations») и их современных апгрейдов, не скажет, что это разные виды собак, тем более – что тут, мол, произошли серьезные эволюционные изменения. Между тем этот пример – полнейшая аналогия с возможностью внутривидового превращения анатомически современной «породы» человека в «породу» хомо эргастера, за исключением

того, что в ситуации с собаками эти изменения были вызваны и ускорены искусственно. Но тут важен вектор – главное здесь, что механизм появления новых видов в природе и новых пород при селекции связан не с гипотетическим возникновением каких-то эволюционных новаций, а с расщеплением и, соответственно, обеднением генофонда. Такие дивергенции генофондов приводят к снижению жизнеспособности видов, и в дальнейшем к их возможному вымиранию, что мы наблюдаем в относительной степени на примере «чистопородных» собак и в абсолютной на примере всех наших «архаичных» предшественников – *Homo ergaster/erectus*, гейдельбержцев и неандертальцев.



Изменение внешнего вида бультерьера за 100 лет (слева – фото из каталога «Dogs Of All Nations», 1915 г., справа – современный бультерьер).



Изменение формы черепа бультерьера (слева) и английского бульдога (справа) за 100 лет. Источник: <http://kiliu.com>

Изменения, произошедшие в результате условного естественного отбора с черепом человека, должны удивлять не более, чем с черепом бультерьера или дога в результате отбора искусственного. Кстати, если упереться в семантику, то и процессы изменений, происходившие с древними людьми, трудно назвать исключительно естественными, ибо человеческий фактор в них был задействован безусловно, и все выжившие – своей собственной волей, выбором, решениями и поступками – в онтологическом смысле, как говорят американцы, «сделали себя сами» (вариант: «ты сам сделал себя тем, чем ты стал»). Подтвердить последнее замечание легко – примером искусственности такого «естественного отбора» может служить уже упоминавшийся факт быстрого изменения анатомии человека в Новое время. Вследствие развития самим человеком цивилизации, улучшения условий быта, питания – с периода Средневековья (за 650 лет) у современного человека изменилась форма черепа, сгладились выступающие черты лица, лобная часть стала выше на 20% (исследования группы Питера Рока из Бирмингемского университета). Не говоря уже о

постоянном увеличении среднего роста почти во всем мире в последние десятилетия.

Эволюционист и сторонник мультирегиональной теории Милфорд Волпофф вообще признает всю человеческую линию в истории таксономически единой и считает, что таксон *Homo erectus* (под которым он подразумевает эргастеров и эректусов) нужно называть «ранними *Homo sapiens*». Волпофф обратил внимание именно на проблему отсутствия качественных различий между сапиенсами и эректусами и пришел к выводу, что невозможно установить начало нашей, сапиентной линии, ибо все признаки, по которым можно было бы дифференцировать *Homo sapiens* от *Homo erectus*, в количественном выражении присутствуют и у последних. Если бы мы, сапиенсы, представляли собой новый вид, то должны были бы содержать какие-то принципиальные анатомические или поведенческие новации, однако этого на качественном уровне не наблюдается. Все попытки проследить начало *Homo sapiens*, по мнению палеоантрополога, приводят к необходимости начинать этот отсчет именно с первых эректусов (эргастеров), и тогда любая декларируемая граница между нами (видовая, морфологическая, поведенческая) просто теряет смысл и упраздняется. «Не существует по сей день ни единого признака, – говорит Волпофф, – который бы позволял дифференцировать *Homo sapiens* от *Homo erectus* во всех регионах, где бы ни находили ископаемые останки» и «не существует отчетливого начала для

Homo sapiens до тех пор, пока признается существование *Homo erectus*» (Wolpoff, 1999).

Позицию ученого с мировым именем можно было бы считать еще одним весомым аргументом в пользу не эволюционных (т.е. гипотетически качественных), а адаптивных, приспособительных, уже заложенных в геноме человека процессов, однако у нас есть аргумент «неэволюционности» этих признаков, возводящий сказанное Волпоффом в квадрат.

Еще в 1972 году эволюционисты Мэкинтош и Ларнак провели исследование (MacIntosh & Larnach, 1972), целью которого было найти отличие эректусов (под которыми также понимали весь эректусный таксон) от сапиенсов на уровне строгих критериев, а также определить, до какой степени наследственные признаки эректусов сохранились в современных людях (ведь по умолчанию авторы полагали сапиенсов их наследниками). Сначала на основании известных черепов из разных географических районов Африки, Явы и Китая ученые выделили 17 признаков, типичных для эректусного кластера, а затем взяли выборки современных популяций и смотрели как часто эти признаки в них встречаются. Было набрано несколько групп людей из разных регионов, каждый из которых, чтобы исключить пограничные варианты, имел хотя бы одну кранио-анатомическую черту, совпадающую с выделенными эректусными.

Результаты анализа были таковы. Выборки групп монголоидов (21 чел.), европеоидов (10 чел.), жителей Андаманских островов (7 чел.), народа маори (10 чел.) по некоторым показателям дали высокий

результат совпадений, но из-за малочисленности групп не столь достоверный, как в больших группах. В группе жителей Новой Гвинеи (95 чел.) в разных комбинациях и процентных соотношениях у индивидуумов обнаружилось 8 из 17 анатомических черт, полностью совпадающих с эректусными^[4]. А самый высокий результат, разумеется, показали современные австралийские аборигены (202 чел.) – 14 признаков хомо эректус из 17.

Возникает естественный вопрос – означает ли это, что «эректус бродит между нами»? Как мы помним, в свое время эволюционисты пытались объяснить столь позднее присутствие архаики у современных австралийских аборигенов либо «законсервированным» (и полученным от их мезолитических предшественников) наследием предыдущих эволюционных стадий, либо скрещиванием их мезолитических предков с поздними эректусами, чьи черты они также в этом варианте якобы и унаследовали. Однако сегодня известно, что ни то, ни другое не соответствует действительности, но убедительно и на разных уровнях прослежены единство и преемственность австралийской популяции от первых сапиентных колонизаторов континента до нынешних «архаичных» аборигенов. При этом эволюционисты всегда лишь стремились «объяснить» наличие архаики у австралийцев, так сказать, «разъяснить эту сову», но неизменно горячо отрицали, что черты эти именно эректусные. Но как быть с тем, что Мэкинтош и Ларнак с абсолютно научных позиций показали, что «архаичные» черты австралийских аборигенов

статистически и морфологически именно эректусные? Так что же, действительно «эректус бродит между нами?»

И да, и нет. Дело даже не в том, что, согласно Волпоффу, эргастеры на одном хронологическом конце и сапиенсы на другом при всей их визуальной разнице составляют единый морфологический кластер. И даже не в том, что, согласно Мэкинтошу и Ларнаку, сегодня практически все признаки, которые могли бы дифференцировать эректусов от *Homo sapiens*, обнаруживаются среди современных людей. Можно согласиться с теми эволюционистами, кто не желает именовать архаику австралийцев эректусной. Но вся оригинальность ситуации в том, что исследование Мэкинтоша и Ларнака есть прямое подтверждение нашей идеи, показывающее возможности и глубину быстрой «архаизации» анатомически современных людей, многие из которых жили уже на границе с исторической эпохой. Ученые, сами того не желая и не ведая, показали, что возможности этих процессов столь серьезны, что найденные ими даже в современных людях архаичные признаки сходны с эректусным оригиналом до степени смешения. Теперь мы точно знаем, что никакой законсервированности архаичных черт на миллионы лет не бывает, что миллионы лет эволюции, необходимые, чтобы скошенный подбородок эректуса превратился в хрупкий и выступающий подбородок сапиенса – это фикция. Что для превращения *Homo sapiens* в некую эректоидную форму достаточно нескольких столетий изоляции (о-ва Палау) и всего несколько тысяч лет

(максимум), чтобы породить подобный процесс в масштабах целого континента (Австралия).

Итак, еще раз – тот факт, что эректусы и сапиенсы, несмотря на видимые различия, являют собой единый континуум, прекрасно соответствует нашей модели. В терминах таксономии все различия между современными и древними людьми находятся, действительно, на уровне не более расовых. Просто если сегодня мы можем лицезреть представителей современных рас, то «архаичные» расы, так уж сложилось, вымерли. Важно и то, что, как мы помним, и «архаичные», и «прогрессивные» морфологические признаки рассыпаны по всей известной истории человека, – сапиентные встречаются уже у первых эректусов, а эректусные у современных сапиенсов, – что ставит крест на их так называемом эволюционной преемственности. И самое важное для нас, что последние являются не пережиточными, а новоприобретенными, и **за эректусные признаки принимаются быстро трансформировавшиеся в них сапиентные**. Этот факт для нашей модели в высшей степени ценен. Так что эректус не бродит между нами. Те эректусы, черты которых Мэкинтош и Ларнак отлавливали в современных людях, давно вымерли, не оставив какого-либо явно наблюдаемого сегодня потомства. А бродит между нами не эректус, не остаточные и не законсервированные признаки, полученные нами от предков, а, образно выражаясь, действует некий саморегулирующийся механизм, изначально заложенный в нашем геноме, – механизм, реагирующий и подстраивающий биологию человека под любую, даже весьма агрессивную для человека среду.

Часть 3. Предварительная склейка

1.

Нынешняя модель антропогенеза гласит, что современный человек через цепочку эволюционных форм произошел от *Homo ergaster*, жившего в Африке около 2 млн. лет назад. Мы же утверждаем, что эргастер не был нашим предком, но сам появился как результат морфологических изменений древнего человека; в терминах эволюционизма был тупиковой ветвью и вымер во второй половине плейстоцена. Если мы предполагаем, что человек современного типа существовал изначально в глубокой древности, то можем попытаться восстановить картину настоящего, а не обезьяньего, антропогенеза. Сейчас не будем рассматривать, как наша модель соотносится с библейской «подсказкой», равно как и не будем обсуждать проблему адекватной хронологии. Наши вводные таковы – в древности, после глобальной катастрофы, уничтожившей развитую цивилизацию, от всей существовавшей на земле популяции, представлявшей собой тип анатомически современного человека, осталась лишь небольшая группа людей.

Напомним, что эволюционизм, столкнувшись с фактом генетического единства современного человечества, вынужден был постулировать ту же картину – что в один из периодов истории в результате неизвестных катастрофических причин **вся** популяция *Homo sapiens* на планете сократилась до небольшой группы, пройдя через генетическое «бутылочное

горлышко». Построения эво-адептов привязаны к так называемой Африканской модели происхождения и расселения человечества по планете, мы же акцентируем отличия от нее собственной концепции, а именно – катастрофическое сокращение численности населения земли произошло не в постулируемые эволюционизмом 100–70 тыс. лет назад, а в цифрах официальной хронологии гораздо раньше, и первые проявления человеческой деятельности в истории мы наблюдаем в период, который в геологии именуется ранним плейстоценом, или, в терминах культуры, нижним палеолитом. Напомню еще раз, что декларируемые сроки 2,5–2 млн. лет мы используем лишь как условную привязку ко временам и событиям, о которых говорим; в реальности все эти миллионы были в разы и на порядки короче.

Понятно, что условные разграничения на геологические или археологические периоды являются плодом человеческого ума, но, как правило, более-менее точно отражают некую реальную смену векторов – исчезновение старых факторов (климатических, геологических, антропных и пр.) и появление новых. Но в данном случае эволюционизм толкует эти возникшие новые факторы неверно. Появление останков «самого раннего» человека, каменных орудий, следов контролируемого огня и жилищ наука считает главным стартовым событием, маркирующим начало периода, названного палеолитом, но в реальности эти следы вторичны. И сами они, и более поздние следы «пещерного человека» есть лишь побочные следствия, а не

причина; лишь волны, расходящиеся от более важного события. Более важного, но скрытого от эволюционно зашоренных глаз историков, археологов и палеоантропологов. Исследователи изучают кости и камни, выводя из них историю человека, но лишь очень приблизительно «нащупывают» контуры реально происходившего в истории, не имея возможности видеть всю картину целиком.

Все сегодняшнее человечество действительно происходит от небольшой, выжившей в глобальной катастрофе группы, но от тех дней и до так называемого исторического времени наши предшественники, и они же наши прямые предки, которых мы назовем «популяция А», – **ни одного дня не находились вне цивилизованного состояния**, а также не участвовали в тех процессах и движениях, которые сегодня именуются антропогенезом или эволюционной историей человечества. Все эти пещерные люди, костры, охоты, ашельские рубила, черепа в музейных витринах с «архаичными» чертами, все эти эргастеры, эректусы, неандертальцы, гейдельбержцы и даже по большей части кроманьонцы, – все это совершенно другая история, история другого человечества, завершившаяся печально – вымиранием и забвением. Мы ложно принимаем эту чужую историю за свою, но наша к ней отношения не имеет. Эволюционисты, видя все это многообразие форм, миграций и смешений, откапывая архаичные черепа и рубила и полагая, что имеют дело с истинной, полнообъемной историей человека, записали нам все это в наши активы и в нашу родословную, а затем для объяснения

феноменального генетического единства современного человечества вынуждены были в своих фантазиях убить все это предыдущее древнее человечество, «оставив» лишь небольшую группу африканских «предков» (чем породили массу противоречий, о которых мы поговорим далее). В реальности же мы все сегодняшние генетически близки лишь потому, что свой геном нам передали не выжившие в неизвестной катастрофе «пещерные предки», а анатомически современная «популяция А», чьими прямыми генетическими потомками мы и являемся. Все события, именуемые в учебниках эволюционной историей человечества, касались их лишь самым косвенным образом – наши прямые генетические предки отсиживались до самого верхнего палеолита в своем «скрытом центре», о котором до сих пор не имеют понятия сторонники эволюционного антропогенеза.

Еще раз – мы собираем сегодня эректусные костяшки и рубила, строим свои версии «эволюционного становления современного человека» (то есть как бы нас самих), но наши настоящие, кровные, генетические предки – не они. И лично с нами, сегодняшними *Homo sapiens sapiens*, за всю нашу историю никаких «становлений» не происходило. С тех пор, как мы в лице наших предков, «популяции А», образно говоря, встали на ноги после катастрофы в новом мире, так в цивилизационном смысле уже и не «присаживались». Сегодняшние народы с так называемым низким уровнем развития и примитивной культурой – это не потомки «пещерных» людей, а деградировавшие

сообщества, также «из наших», бывшие когда-то цивилизованными.

Два слова по поводу «скрытости» местонахождения. Здесь хочу еще раз напомнить и обратить внимание читателя на то, с какой легкостью эво-адепты, сталкиваясь с невозможностью совместить две некие плохо совместимые сущности, незамедлительно вводят какую-нибудь сущность гипотетическую, абсолютно абстрактную и бесплотную, не имеющую привязок к реальности, но как бы предковую для этих двух нестыкуемых. Гипотеза «неизвестного общего предка» тут просто эталон эталонов. Как мы уже упоминали, любая проблема в эволюционизме просто переключается из одного ящика в другой голословным введением предковой «протопроблемы» – невозможно объяснить происхождение шумеров? Ну ага, они произошли от прото-шумеров! Каких «прото», кто они, эти «прото»? – не знает никто, однако же проблема происхождения шумеров решена! В русской языковой традиции это называется – заметать мусор под половику. Далее я постараюсь показать, что введение «скрытого центра цивилизации в древности», которое мы назовем «местонахождением А», не имеет ничего общего с эволюционистскими переносами имеющейся проблемы в «допроблемное» место. Именно предлагаемая нами модель гораздо лучше объясняет имеющиеся факты, на которых буксует эволюционный обезьяногенез – все те дыры в эво-сценариях, нестыковки и тот необъяснимый морфологический и временной разноречивой костных останков, а также их культурный контекст. Я постулирую «скрытый центр» не для

сокрытия проблемы, а чтобы показать ее решение, равно как и продемонстрировать сам этот центр. Причина, по которой эта группа, «популяция А» осталась вне поля зрения историков, а их глиняные горшки и украшения не попали в витрины музеев, равно как поселения и захоронения не стали достоянием археологов, будет также объяснена далее.

Итак, наши анатомически современные предшественники с первых дней после катастрофы и до создания первых мировых цивилизаций представляли собой единую популяцию и находились в едином цивилизационном центре. Что бы произошло, в нашем случае, по окончании катастрофы? Пережившая катастрофу небольшая группа людей первым делом, разумеется, обустроилась бы в ближайшем наиболее безопасном месте, максимально подходящем для выживания с точки зрения ресурсов. Отметим этот момент себе на будущее. Эти люди, держась вместе, с первых дней использовали бы все имеющиеся прежде знания – не только строили жилища, шили одежду и производили орудия и предметы быта, но обязательно пытались бы восстановить в максимально доступном объеме докатастрофические технологии того времени – например, пытались бы добывать руду и плавить металл. Между тем «форма следует за функцией», а решение следует за возможностями. Имея представление, скажем, о процессах добычи руды и плавки металла, то есть владея технологиями, сообщество не могло бы, по крайней мере, первые

десятилетия, восстановить прежнюю производственную цепочку из-за отсутствия технической базы. С течением времени упомянутая группа переживших катастрофу людей неизменно стала бы расти в численности, разделяться на семьи, семейные кланы и сообщества по специализации труда. Основным занятием общины, разумеется, было бы сельское хозяйство – выращивание урожая и разведение животных. Как наследие от предыдущего цивилизованного существования, в «популяции А» обязательно сохранялось бы иерархическое управление – сначала семейное, затем общинное.

Но что важно и неизменно в любом растущем и разделяющемся внутри себя человеческом сообществе – то, что отдельные семьи или небольшие группы регулярно покидали бы «популяцию А», уходя в новые места.

Каковы могли быть мотивы этого ухода? Если генетически и фенотипически мы сходны с нашими предшественниками, то и наши психологические мотивы могут быть сходны (кросс-культурный метод нам в помощь), ибо человек, каким мы его знаем, не меняется. Можно предположить, что на первых порах еще небольшое родовое общество управлялось авторитетом старейших членов, но с увеличением численности и первым же проявлением разных интересов в нем более чем вероятными стали конфликты – клановые или профессиональные. Закона в нашем понимании у них еще не существовало, поэтому при всем нежелании кого-то из обитателей покидать общину, первой и безусловной причиной могло быть принудительное

изгнание некоторой части людей в качестве наказания за преступление или нарушение принятых правил.

Стоит отметить, что историки уже долгое время безуспешно пытаются обосновать мотивы поведения древних людей в отношении миграции как таковой, особенно если человека во исполнение собственных схем историков необходимо принудить к этой миграции. При этом причины называются часто противоположные. Древних людей, оказывается, мотивировало к миграции как отсутствие еды (отправились искать, где еды больше), так и ее избыток (в Африке еды навалом, но человека влечет жажда познания неведомого). Тут, правда, следует иметь в виду, что в нашем сценарии покидающие общину люди не были «дикими бродягами», «пещерными троглодитами» из эволюционного сценария, а прекрасно осознавали свое особое положение в этом новом мире. Они знали из рассказов старейшин о существовании прошлой цивилизации и о том, что в новом мире у них нет конкурентов; перед ними лежит еще никем не открытый рай – леса, земля и вода, которые прямо сейчас могут принадлежать только тебе; возможно, места гораздо более благодатные, чем нынешнее единственное известное; долины с райскими садами, где молочные реки текут в кисельных берегах... Поэтому мотивы к перемене мест у некоторой части «популяции А» могли быть самые разнообразные, от утробно-пищевых и романтико-авантюристических до сепаратистских, когда отдельную семью или группу, что называется, просто распирало от собственной самодостаточности. Нельзя исключить и благородных

мотивов. Люди осознавали, что их устройство здесь – вынужденное, и потому временное. Группы могли отправляться на разведку и поиски новой местности за сотни километров – и по разным причинам не всегда имели возможность вернуться.

Да, думается мне, какие повести и сценарии можно было бы написать об этих людях, мечтавших о новых землях, ушедших семьями и группами на поиски новых охотничьих мест и пастбищ и заблудившихся, и никогда назад не вернувшихся. Поскольку кроме «местонахождения А» его обитатели ничего другого не знали, то ирония их выбора и драма (а вообще-то трагедия), заключались в том, что «местонахождение А» в тот момент – внимание! – оставалось по сути единственным на земле оазисом, где в силу особого географического расположения местности и ее климата (обилие пресной воды, плодородная земля, субтропическое внесезонье), а также возможности коллективного цивилизованного быта можно было в тот период существовать относительно комфортно, вся же прочая рисуемая в мечтах земля в реальности представляла собой для мигрантов не райские сады и пастбища, а череду тяжелых испытаний и смертельно опасных ловушек.

2.

Основываясь на официально принятых цифрах, для нас условных, морфологическое преобразование группы (или групп) людей, покинувших цивилизованную общину (и оттого не ставших нашими генетическими предками) в ту форму, которую мы

называем *Homo ergaster*, завершилось, как сказано, порядка 2 млн. лет назад. Безотносительно же к официальным цифрам естественно предположить, что от исхода первых мигрантов из «местоположения А» до их «архаизации» должно было пройти в реальности всего от нескольких десятков лет до максимум нескольких столетий. Этой картине соответствует тот достаточно неприятный для эволюционизма факт, что следы разумной деятельности людей наблюдаются ранее самых ранних костных эргастерных останков на полмиллиона или миллион лет в официальных цифрах (что в нашей схеме, в пропорциональном хронологическом сокращении составляет те самые максимум несколько столетий «от исхода до эргастера»).

Один из самых важных фактов в пользу нашей схемы – это то, что эргастеры, возникнув на исторической арене, **появились в разных частях света практически одновременно**. Начало глобальной эпохи оледенения, названной плейстоценом, климатические изменения, появление, точнее, «проявление» в летописи окаменелостей первых останков эргастеров и их культурных следов в этот период – все это связано одной цепочкой. Только время, маркируемое как начало плейстоцена, связано не с возникновением новой эволюционной формы *Homo ergaster*, а именно с тем, что в связи с изменениями климата, миграционными и популяционными процессами деятельность *Homo ergaster* – мигрирующих и увеличивающихся в численности потомков «популяции А» – стала впервые читаться в летописи

окаменелостей. Эргастер не появился, а именно проявился.

Эволюционисты утверждают, что эргастеры, возникли и расселялись по свету в тот период из Африки, но хочу еще раз напомнить чье-то остроумное замечание, что прародина человека находится там, где больше копают. Сейчас стали много копать в Китае, и вот, китайцы уже бодро тянут одеяло происхождения на себя. Действительно, в нашем мире есть масса вещей, на первый взгляд однозначных, но имеющих другую, неожиданную причину того, каковыми они нам видятся. В Африке – безусловно самая большая эргастерно-эректусная коллекция и наибольшее разнообразие ископаемых костей, как эргастерных, так и прочих «архаических», а дыры и вопиющие нестыковки в этой коллекции и придуманной на этих костях истории – как бы «меньшее зло» по сравнению с таковыми в других частях света. Создается впечатление, что Африка – это наше всё; тут находятся и якобы предковые для людей обезьяны, и здесь же самое большое разнообразие современных африканских популяций и культур, и, соответственно, самое высокое генетическое разнообразие человечества. Однако причина этого разнообразия, этой ярмарки красок в другом – Африка не родной дом и не источник, а чужой манящий край и принимающая сторона. Потому что здесь находится Восточно-Африканский разлом, или Великая рифтовая долина, протянувшаяся почти через весь континент, гигантский зеленый оазис с системой рек, озер, гор и вулканов.

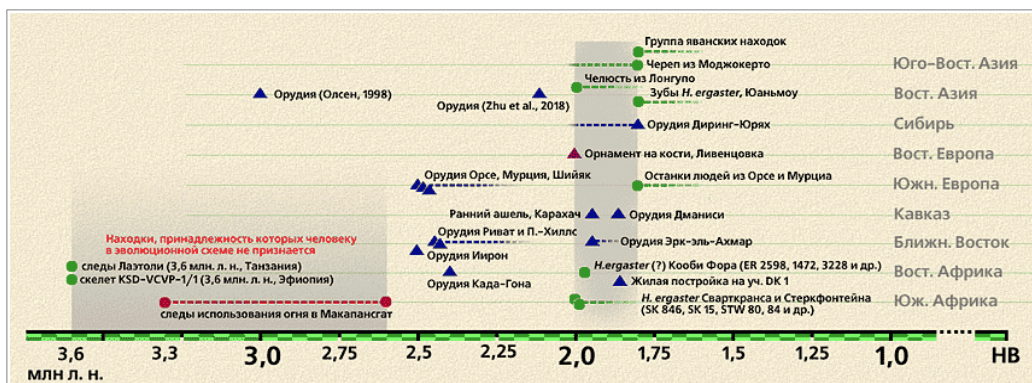
Читатели наверняка не раз наблюдали, как в городскую зимнюю стужу посреди сугробов на сухом и теплом водопроводном люке или решетках вентиляционной системы метро собирается греться всякая живность, голуби с воробьями, а на соседних – бездомные собаки или праздношатающиеся кошки. Уже после катастрофы и исхода людей из «местообитания «А», во время плейстоценового похолодания Африканский рифт был именно такой теплой батареей длиной в континент, куда устремились животные и люди из близлежащих регионов. Все эти известные палеонаходки на восточном побережье Африки в районе Рифтовой долины, гордость открывателей, все это столпотворение австралопитеков, парантропов, ардипитеков, эргастеров является не следствием бурно проходившей здесь эволюции, но простым желанием людей и зверей «держаться поближе к батарее». Рифтовый разлом – не колыбель человечества, как нас уверяют эволюционисты, а место сбора всего африканского и ближневосточного зоопарка. Иное было бы странно; весь животный мир – крокодилы, жирафы, львы и антилопы – просто предпочитали это место как источник тепла, пропитания и воды, и лишь люди *Homo ergaster* и австралопитеки приходили сюда поэволюционировать. Мы еще вернемся к Африканским исходам, но сейчас стоит отметить, что именно этот проходной двор, эта вокзальная африканская толкучка, где с древних времен тасовались люди разных рас и популяций, создала иллюзию наибольшего генетического разнообразия африканцев, а отсюда ложный вывод об их

наибольшей древности, и отсюда еще более ложный – об их предковости относительно всего прочего человечества.

Homo ergaster появляются из исторической тьмы практически одновременно в разных уголках планеты. Следы деятельности людей по всему миру встречаются уже с периода порядка 3 млн. лет, однако штатным сообществом или игнорируются, или «ломаются под схему», то есть приписываются каким-нибудь австралопитекам. Это хорошо известные примеры человеческих следов Лаэтоли, находка фрагментарного человеческого скелета KSD-VP-1/1 и прочих костных останков, следы использования огня в Макапансгат, орудия и следы орудийной деятельности человека в период, когда еще не «проявился» эргастер.

Как мы уже отмечали, с огромным неудовольствием эво-адепты относятся к проявлениям человеческой деятельности старше официальных 2 млн. лет, однако многие из них со скрипом, но принимают верхние границы датировок. Самые ранние в Африке признанные останки *Homo ergaster* датируются 1,95 млн. лет, а орудия, авторство которых остается для эволюционизма открытым – 2,4 млн. лет (стоянка Када Гона). В археологическом плане не отстает от Африки Пакистан – в Риват и Пабби Хиллс обнаружены человеческие орудия труда возрастом 1,9 млн. лет (Dennell et Hailwood, 1988) с верхней датировкой 2,47 млн. лет (Salim, 1997). Орудия на израильских местонахождениях Эрк-эль-Ахмар и Ииرون датируются соответственно 1,77–1,95 (Ron et al., 2003) и 2,51 млн. лет (Brunaker et al., 1989; Ronen, 1991),

и, в отличие от африканской Када Гона, с пакистанскими и израильскими находками эволюционным пропагандистам трудно спекулировать на тему их австралопитекового авторства. Ашель возрастом 1,75–1,94 млн. лет найден в Армении (Беляева, Любин, 2012). В Китае люди появляются также синхронно с Африкой и остальным светом – фрагмент челюсти *Homo erectus* из Лунгупо датируются 1,8–2 млн. лет (Larick & Ciochon, 1996), хотя максимальные датировки следов пребывания человека в Китае по орудиям – 2,12 млн. лет (Zhu et al., 2018), и даже встречаются выше, до 3 млн. лет (Олсен, 1997). Есть серьезные основания считать, что первые следы человека в Западной Сибири (стоянка Диринг-Юрях, каменные орудия) датируются 1,8 или более млн. лет (Мочанов, Федосеева, 2002)^[5]. В Восточной Европе древнейшие следы пребывания человека датируются 1,97–2,1 млн. лет (Саблин, Гиря, 2010), в Южной Европе найдены человеческие останки 1,65–1,8 млн. лет, а максимальные датировки для орудий 2–2,2–2,5 млн. л. (Carbonell et al., 1996; Leroi-Gourhan, 1988; Askerman, 1989), в Индонезии останки людей датируются 1,6–1,8 млн. лет с максимальной датировкой черепа ребенка из Моджокерто 2,3 млн. лет (Culotta, 1995).



На схеме появления самых ранних следов человека в истории костные останки безусловных *Homo ergaster* лежат в диапазоне 2,0–1,8 млн. лет по стандартной шкале. Тогда как следы деятельности человека неопределенной таксономической классификации встречаются раньше. Информация взята из научных источников (кроме следов огня в Макапансгат, упоминаемых Д. Джохансоном в своей книге (Джохансон и Иди, 1984); см. гл. 5)

При этом стоит учитывать – и это ожидаемо, – что постоянная конкуренция сегодняшних антропологических групп за первое место на олимпе эволюционных построений заставляет противостоящие стороны оспаривать датировки и часто даже результаты работы конкурентов (сторонники выхода из Африки стараются занижать самые старые яванские датировки, или считают, что датировки завышают китайцы, и пр.), поэтому сделаем существенное уточнение. Даже если мы пойдем по самому консервативному пути, достоверные следы появления человека по всему миру в виде безусловных костных останков *Homo ergaster* будут находиться на отметке 1,8 млн. лет по

официальной шкале и так же свидетельствовать о хронологически одновременном появлении *Homo ergaster* по всему миру. Консервативная цифра 1,8 млн. лет в любом случае означает, что к этому условному времени одна из древних человеческих рас, *Homo ergaster*, уже сформировалась и «всплыла» на разных региональных стоянках. А артефакты большего возраста могут принадлежать как им самим, так и их «прогрессивным» предшественникам, равно как и неким морфологически срединным вариантам. Напомним, что даже самые ранние эргастерные находки, причем из разных регионов, часто несут на себе следы «прогрессивных», по нашим представлениям сапиентных, черт.

Таким образом, одним фактом хронологически одновременного появления эргастеров в разных уголках мира декларируемая эволюционистами первая волна выхода эргастеров из Африки сразу упирается в проблему адекватности официального сценария, а противоречия накладываются одно на другое. Зачем в неблагоприятный период так называемого плейстоценового похолодания эргастерам понадобилось бы покидать Африку и упорно стремиться в более холодные края? Схема не стыкуется не только событийно и хронологически, но даже статистически неправдоподобна. Популяцию африканских людей, пребывая она здесь изначально, в раннем плейстоцене теоретически могла бы погнать в путь эпидемия, засуха и прочая какая-либо катастрофа. Но, напротив, мы видим, что первые, самые древние проявления присутствия здесь *Homo*

ergaster единичны, и лишь с течением времени наблюдаются рост популяции и количество стоянок – картина, отражающая появление тут изначально небольшого количества мигрантов, их обустройство и дальнейшее увеличение их численности на новом месте. Более того. Если у условно автохтонных африканских эргастеров условные 2 млн. лет назад возникла бы жизненная необходимость внезапно мигрировать по всему свету, дисперсия оставляемых ими следов выглядела бы иначе. Если принять стартовой точкой исхода Олдувай в Восточной Африке (место гипотетической «колыбели человечества»), обычно отмечаемой эволюционистами на своих миграционных схемах), то группе или группам путешественников требовалось бы преодолеть сначала половину собственного континента, пройдя через нынешний Египет на Синайский полуостров или преодолеть Баб-эль-Мандебский пролив (в раннем плейстоцене Аравийская плита уже была отделена от Африки), чтобы выйти на юг Аравийского полуострова, пройти его весь, а затем уже разойтись по всему миру. При этом путешественники, по мере удаления от африканской родины и от оставшейся в ней части популяции, должны «распыляться» обратно пропорционально расстоянию, то есть наиболее отдаленных уголков мира должны достигнуть единицы – идет ли речь о группах или отдельных семьях.

В этом случае картина распространения групп выглядела бы, как на рисунке 1 (схема условная; красные точки обозначают условную группу, а зеленая – центр исхода). То есть некоторая плотность

(произвольное распределение) стоянок и находок, учитывая разделение популяции, должна была бы сохраняться в Африке и «таять» по мере удаления от центра исхода. Не говоря уже о хронологическом соответствии – в Африке должны быть самые древние следы человека, а, скажем, в Китае и Индонезии самые молодые. Соотнося же количество самых ранних находок останков и артефактов по всему миру, можно уверенно сказать, что Африка не была «донором» для них, но лишь одной из «принимающих сторон». Если самые ранние находки костных останков человека распределены по разным частям планеты примерно в одно время в интервале 2–1,8 млн. лет назад, и их источником еще теоретически можно было бы объявить Африку (а не близлежащий регион, как полагаем мы), то следы очевидного пребывания человека в виде инструментальной культуры встречаются по всему миру гораздо раньше объявленных сценариев африканского появления эргастера и его якобы первого африканского исхода. Одно это уже ломает все рассуждения об африканских эволюциях-исходах, лишает смысла и все подсчеты, имеющие целью хронологически согласовать появления эргастера в дальних частях света после выхода из Африки и навсегда убирает Африку из претендентов на колыбель человечества. Просто картина всех последующих неафриканских плейстоценовых находок не отличается той последовательностью, что есть в Африке и имеет существенные хронологические разрывы, а африканские находки, как бы подхватив эстафету от своих первых, более-менее эту последовательность «развития» и умножения численности находок

сохраняют до самого среднего плейстоцена. По причине, названной выше – Африка есть «теплая батарея» в начале и в течение ледникового периода. (Позже, как следствие, в Африке археологи и палеоантропологи «больше и лучше копали» – внимание копателей к ней как прародине человечества (ошибочное) приковано уже более ста лет).

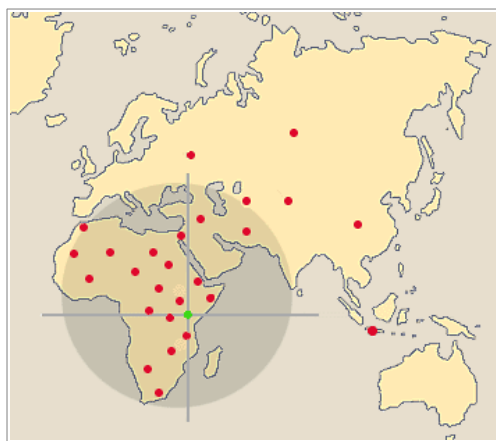


Рис. 1. Условная схема гипотетической миграции из Африки при разделении популяции. Зеленая точка – декларируемая «колыбель человечества» в районе Олдувайского ущелья и условная точка исхода мигрантов.

Рис. 2. Карта находок самых ранних костных останков *Homo ergaster* или проявлений наиболее ранней известной деятельности человека в разных регионах в нижнем плейстоцене (раннем палеолите). Появление первых следов человеческой деятельности наблюдается не в Африке, а хронологически одновременно по всему Старому свету и отражает некий завершившийся процесс.

Таким образом, забыв о всех остальных сценарных и хронологических нестыковках гипотетической «первой волны исхода из Африки», мы видим, что картина распространения эргастеров по планете соответствует именно нашей модели; находки распределены так, как если бы из некоего **центра вне Африки** группа или несколько групп радиально разошлись в разных направлениях (условный центр на схеме 2 обозначен темным овалом в районе ближневосточно-черноморского региона). Этот исход из «местоположения А» мог происходить в условном интервале 3–2 млн. лет назад, но его особенность в том, что мы видим лишь конечные точки этого маршрута, куда люди пришли, уже имея морфологически иной облик (по крайней мере, судя по инструментальной культуре, практически уже растеряв все навыки цивилизованной жизни). Рисунок 2 отражает реальную картину распространения и появления первых следов *Homo ergaster* в истории.

Любопытно отметить, что сам условный центр, и шире – эти благодатные края – впоследствии будут многократно заселены и обжиты, за них будут вестись войны вплоть до наших дней, этот регион от Черного моря до Аравийского полуострова станет центром зарождения мировой цивилизации... Но на хронологической шкале порядка 2 млн. лет назад мы видим лишь пустое пространство, антропологическую проплешину, окруженную относительно многочисленными следами древних людей, приблизительно равноудаленными от этого условного овала.



Рис. 3. Самые ранние следы пребывания человека в Европе. Человеческие останки в Орсе датируются до 1,8 млн. л. н., а инструментальная культура в целом от 2 до 2,5 млн. л. н.

Прошу обратить внимание на «географический» аргумент в пользу расхождения групп мигрантов из одного центра – самые ранние следы пребывания человека или его останки обнаруживаются в своеобразных географических тупиках. Посмотрим на европейские стоянки Мурция, Орсе и др. (Рис. 3). Люди пришли сюда очевидно не из Африки, а из европейской части континента. Напротив, они не смогли преодолеть Гибралтарский пролив на пути в Африку и вынуждены были остаться в конечной точке

своего пути, в своеобразном отдаленном «кармане» Южной Европы. Стоило ли делать такой крюк из Африки, чтобы в итоге опять достичь ее с противоположной стороны Гибралтарского пролива? Надо отметить, что позже, когда население Африки умножится, в районе Гибралтара появятся стоянки и с африканской стороны; останки и артефакты людей, пытавшихся использовать это узкое место для проникновения из Африки в Европу. Но и ранние, и поздние люди, скорее всего, так и оставались по разным берегам континентов, не имея возможности преодолеть пролив^[6]. Это место – просто конечная точка прохождения людей «до упора» с обеих сторон пролива, точка невозврата путешественников.

Также одна из самых старых африканских стоянок, Стеркфонтейн, как и находящаяся по соседству Сварткранс около Йоханнесбурга (до 2 млн. лет назад), намекают на то, что какая-то из мигрантских групп из «местоположения А» по прибытии в Африку не уgomонилась, пока не прошагала весь континент едва ли не до его южной оконечности, где на пути к океану люди были остановлены сложным горным рельефом с огромной системой пещер и решили завершить свой маршрут здесь. То есть опять нестыковка с выходом людей из Африки – если около 2 млн. лет назад эргастеры массово пошли на выход, то почему самая древняя, по сути, первая из этих групп пошла ровно в противоположном направлении, вглубь континента?^[7] Опять более вероятно, что имел место не выход из Африки, а «заход», и мы наблюдаем следы ряда мигрантов, прошагавших континент максимально до упора, до точки

невозврата, и обустроившихся в пещерах Стеркфонтейна, Сварткранса и Макапансгата.

Аналогичен и ранний географический предел миграции индонезийской группы. Остров Ява оказался пределом их возможностей, крайней точкой миграции, в Австралию они попасть уже не смогли. Лишь позже, порядка 1 млн. лет назад по эво-шкале эректусам удалось продвинуться дальше и попасть на Флорес (эректусы Мата-Менге), причем без искусственных плавсредств они сделать это не смогли бы, так как в течение плейстоцена многие острова Индонезии не имели сухопутных мостов. (Со временем они измельчали на Флоресе, породив, как предполагается, в результате двойной трансформации популяцию известных нам *Homo floresiensis*).

Пример, аналогичный мигрантам Стеркфонтейна и Явы, то есть пример «прошагавших насколько возможно до конца», дает нам также стоянка Диринг-Юрях в Западной Сибири, возникшая с большой долей вероятности в тот же хронологический период. Допустить, что эти люди покинули теплую Африку ради сибирских холодов и морошки с ягелем, достаточно трудно. Более вероятно, что путешественники вышли из нашего условного центра до начала плейстоценового похолодания, начавшегося по геологическим меркам внезапно, а мы обнаруживаем следы тех, кто был застигнут им уже на новом месте. Были ли авторы примитивных орудий Диринга эргастерами или анатомически современными людьми, также неизвестно (технология орудий об этом не свидетельствует).

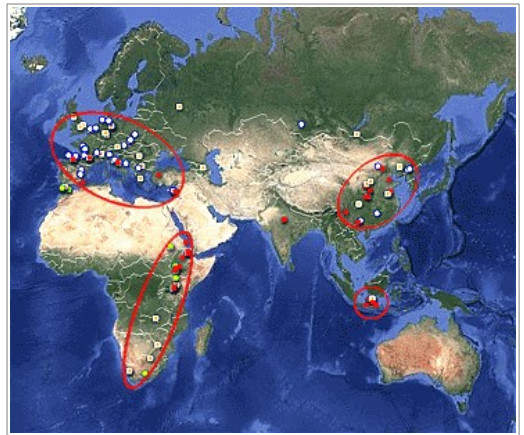


Рис. 4. Карта стоянок древних людей в среднем плейстоцене (от более 1 млн. до 200–150 тыс. л. н.).

Рис. 5. Сводная карта стоянок древних людей от Ното *ergaster* до появления людей современного типа (~2 млн. – 150 тыс. л. н., включая последних неандертальцев, согласно схеме, доживших до 28 тыс. л. н.). Изображение (без выделений) взято с сайта «Антропогенез.ру»; наложение на современную карту может ввести в заблуждение ложной корреляцией выбора мест древних стоянок с климатическими зонами, тогда как показанные на карте современные «зеленые» и аридные зоны не соответствуют плейстоценовым. Стоит также учесть, что многие поздние местонахождения находятся близко друг к другу и на карте представлены одним кружком или квадратом.

Наш тезис о появлении эргастеров из неизвестного общего центра подтверждает и карта распределения стоянок по миру в более позднее время, в среднем плейстоцене, в период примерно от менее 1,0 млн. до 200–150 тыс. лет по официальной шкале (рисунок 4). Мы видим, что наибольшее распространение

стоянок в среднем плейстоцене наблюдается в тех же **конечных точках первоначальной миграции** *Homo ergaster* – Северной Европе (включая уже ближайшие территории Северной Африки), в Восточной и Южной Африке, а также Китае и Индонезии (включая индийскую Нармаду). Очевидно, что развитие – в смысле приумножения (расширение ареала на местах первого появления) древних «архаичных» популяций, увеличение числа стоянок – происходило именно там, где закончились пути первой эргастерной миграции. После достижения эргастерами конечной возможной точки продвижения, некоего географического тупика, никто из них, как видим, никуда далее не пошел, не стал распространяться «сетевым образом» по миру, как это сделали позже наши прямые предки верхнепалеолитические сапиенсы, но картина такова, будто первые мигранты эргастеры, уперевшись в определенный географический барьер, отныне стали расширять свой ареал обитания именно в этих «тупиковых» местах.

И, если этот первоначальный радиальный исход из одного центра кажется кому-то еще не слишком очевидным, аналогичную картину можно наблюдать, если взглянуть и на карту **всех** мировых палеоантропологических находок от первых *Homo ergaster* до «необъяснимого» появления в верхнем палеолите *Homo sapiens*. То есть до того, как сапиенсы, появившись из ниоткуда, сетевым образом заселили весь Старый, а затем и Новый свет, картина оставалось прежней – место первого проявления деятельности человека в дальнейшем становилось

районом пребывания и приумножения всего остального древнего человечества – эргастеров, эректусов, гейдельбержцев, неандертальцев и прочих так называемых архаичных форм *Номо*. Что же касается декларируемого африканского центра, то, еще раз – проще следующего логического рассуждения быть ничего не может; если мы наблюдаем вспышку некоей человеческой активности, одновременную в нескольких регионах планеты, это позволяет с огромной долей вероятности говорить о едином источнике, из которого пришли внезапно проявившие себя порознь люди или группы людей. Если сравнить этот процесс с петардами салюта, невидимо разлетевшимися в темном небе из одного заряда и затем взорвавшимися несколькими фонтанами, то почему мы должны считать, что Африка – это петарда, которая зажгла все остальные, а не была одной из зажженных? Если несколько регионов, включая Африку, «затлели» одновременно и затем взорвались последующими многочисленными стоянками и разнообразием популяций, то при чем здесь Африка?

Итак, по своеобразному конечному результату первой миграции мы видим не какой-то логически неадекватный «частичный исход» из Африки, а именно картину общего центра исхода, лежащего не в районе Восточноафриканского рифта, а приблизительно в районе черноморско-аравийского региона (позже мы эту точку скорректируем). Центра, оставшегося в официальной истории нижнего и среднего плейстоцена никак не проявленным.

3.

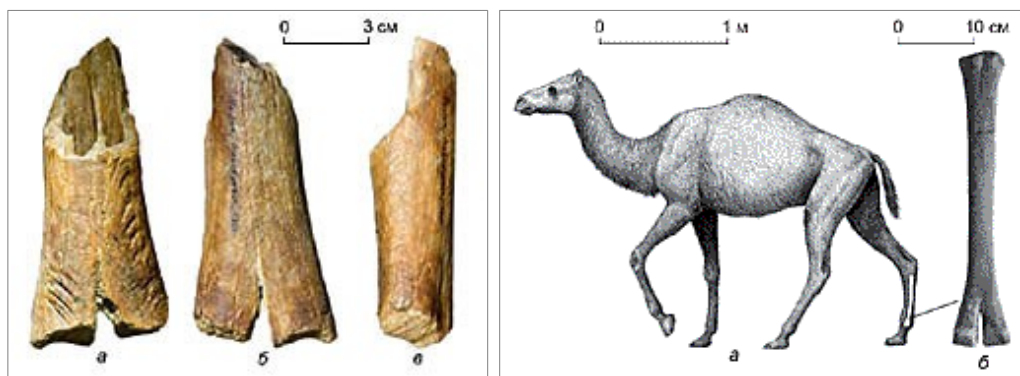
Морфологическим изменениям в группе или сообществе, попавшим из культурной среды в дикую природу, должны предшествовать изменения культурные, или, выражаясь без эвфемизмов, культурная деградация. Конечно, возникает вопрос – почему мигранты, ушедшие из «поселения А», должны были в культурном и анатомическом плане так резко понижать свои ставки? Разве они не имели знаний, опыта и технологий покинутой ими цивилизации, чтобы соответствовать своему первоначальному уровню интеллектуального и физического развития?

Между тем у этих людей, у этих групп, достаточно быстро и едва ли не прежде всего прочего возник бы информационный эффект испорченного телефона. В технологических новациях форма также следует за функцией, то есть решение и воплощение конструкторской идеи за имеющимися возможностями, но в условиях после катастрофы это было главной проблемой даже у основной «популяции А» – новопоселенцам из прошлого мира были известны все «функции» (идеи и решения), но отсутствие производственной базы и материалов, возможность применить известные идеи на практике – первое время изрядно ограничивали даже их. А у самостоятельных групп, покинувших еще только-только восстанавливающуюся цивилизацию, эффект испорченного телефона проявлялся бы во всей полноте. Сегодня мы можем передать своему ребенку любую информацию или опыт непосредственно и в полном объеме – все гаджеты и девайсы в его распоряжении. То же было и с первых

дней нашей цивилизации, одна из составляющих которой есть системное обучение и передача навыков следующим поколениям. Но если ваш ребенок родился на необитаемом острове, он услышит от вас максимум про «функцию», но в первую очередь пострадает его представление о «форме». В любом случае вы будете объяснять ему назначение компьютера, рисовать ему компьютер на песке, но считать и хранить информацию он будет с помощью камешков, узелков и зарубок. Когда придет время, ваш ребенок не сможет рассказать уже своему сыну не только как выглядит компьютер, но и зачем он нужен – бесполезные знания умирают. Причем этот сценарий самый оптимистичный, ибо уже и вашему ребенку, родившемуся в дикой природе, непрактичные знания будут неинтересны. Можно представить, как некий мудрый старик, доживший в одной из таких бродячих групп до внуков и когда-то в первопоселении, возможно, даже сам плавивший медь или ковавший медные ножи, хранит и пытается передать потомкам драгоценные знания, но уже не может восстановить производственную цепочку от добычи руды доковки ножа, ибо в его руках к этому времени остались только палки и камни, а его потомки единственным ценным занятием для выживания считают охоту и собирательство.

Вспомним известный пример аборигенов Тасмании. Они прибыли в Австралию, судя по всему, примерно в тот же период первой сапиентной экспансии, что и люди Мунго, порядка официальных 40 тыс. лет назад. Однако, оказавшись в изоляции от континента в результате образования Бассова пролива, они быстро

деградировали до состояния каменного века – разучились плести корзины, ловить рыбу, их инструментальная технология выродилась до изготовления камней с односторонней оббивкой, аналогов олдувайских чопперов; причем чопперы тасманийцы продолжали делать даже из керамических изоляторов, уже после появления на острове электрических линий в XIX веке. Останки первопоселенцев Тасмании не найдены, но поздние тасманийцы имеют столь же «архаичные» черты, как и континентальные австралийцы, хотя их черепа несколько грацильней.



Слева – фрагмент задней правой метаподии *Paracamelus alutensis* (ЗИН 35676, 2,1–1,97 млн. л. н.), справа – реконструкция животного и его задняя метаподия. Источник: Саблин, Гиря, 2010.

В районе нынешнего Ростова-на-Дону, в Ливенцовском карьере найдена кость ноги верблюда *Paracamelus alutensis* с узором искусственного происхождения в отложениях с официальным

возрастом 2 млн. лет (Саблин, Гиря, 2010). Исследователи установили, что параллельные линии нанесены уже на сухую кость режуще-пилящими движениями и случайные удары при разделке туши исключены. Оставлены ли узоры и найденные здесь же каменные орудия «блуждающими поблизости» первопоселения или целенаправленно куда-то стремящимися путешественниками, неизвестно, как неизвестен и облик их изготовителей. Но воображение рисует картину, как путешественники, однажды покинувшие «местонахождение А» со скарбом, груженным на верблюдов, в скором времени остались, что называется, у разбитого корыта, и один из бедолаг на еще свежей кости верблюжьей ноги вел какой-то счет, сделав две группы надрезов. (Если воспринимать насечки как орнамент, то он выглядит несимметричным или незаконченным, тогда как с точки зрения «бухгалтерской версии» в этом своеобразном документе остаются еще незаполненные места...)

Таким образом, возвращаясь к нашему сценарию, еще раз подчеркнем, что в древности у нас существуют параллельно два человечества – первое оседло и компактно живет в одном или нескольких соседствующих поселениях, ведя цивилизованный образ жизни уровня родовой сельскохозяйственной общины (позже – нескольких общин), а второе человечество – это потомки людей, ушедших из условий относительной цивилизации в дикую природу. Первые скрыты от нашего любопытного взора; вторых мы ложно знаем как наших диких предков, сделавших историю человечества. Тогда как в этом смысле «за

нас воевали» совсем другие «деды», хотя и проявившие себя позже.

4.

Где и как трансформация людей, ушедших из «местоположения А» в «диких» эргастеров происходила пространственно, мы можем только гадать, поскольку видим лишь концы, то есть конечные точки оседлости. Мигранты не могли забирать с собой в путь «производственную базу»; образно говоря, гончарные круги или плавильных печи, максимум – хозяйственный скарб и животных для перевозки этого скарба. Возможно, каких-то мелких животных для получения молока и мяса. По многим причинам – малочисленности групп, невозможности ведения натурального хозяйства, возникших в пути проблемах вроде болезней и нехватки еды, все это было утрачено, скорее всего, уже в первом, максимум втором поколении. Как мы уже отметили ранее, до нас дошли только камни, а деревянные и, возможно, медные изделия, глиняная посуда и одежда превратились в пыль.

Доказывая существование развитой цивилизации в глубокой древности, Кремо и Томпсон в своей «Неизвестной истории...» (Кремо и Томпсон, 1999) описывают множество найденных по всему миру артефактов, существовавших задолго до появления человека современного вида и произведенных с высоким технологическим уровнем. Между тем, безотносительно к аутентичности этих артефактов, нужно понимать, что в нашем сценарии существовал лишь один локальный центр, а единичные находки

каких-нибудь фигурок или тиглей возрастом в миллионы лет – в качестве потерянных мигрантами в пути предметов – вопиющи с точки зрения теории вероятности, хотя в аутентичность некоторых из них хочется верить.

Как же объяснить то, что эргастеры всплыли во всех уголках земли одновременно, причем уже как эргастеры? Во-первых, мы помним, что если принимать древние датировки, то первые следы разумной деятельности человека проявляются раньше времени появления первых костных останков *Homo ergaster*, что не отвечает однозначно на вопрос об их авторстве. Мы не знаем, кто именно таким образом проявлял себя, в каком анатомическом «состоянии», то есть оставался ли еще анатомически современным типом человека или находился в некой фазе формирования человека «примитивного». Низкий уровень технологий и быта – примитивные орудия, шалаш с каменным основанием на олдувайском DK 1, следы голых ног в Лаэтоли и проч., казалось бы, должны соотноситься с эргастерами, но вполне могли принадлежать человеку любого морфологического типа при условии, что он остался «гол как сокол» в дикой природе.

Но одновременное эргастерное «всплытие» как раз и означает, что бродяги не просто дошли к тому времени до некоего определенного места, а – от мигрирующего образа жизни перешли к оседлому. Чем сразу себя для нас и обнаружили – стоянками и соответствующими следами оседлости. Скорее всего, эта практически одновременная оседлость была вынужденной. Решение остановиться у каждой

из исходных групп могло быть принято в связи с возрастающим ухудшением климата при движении в холодные широты или условиями, требующими новых стратегий, например, разросшейся численностью группы, подразумевающую оседлость для женщин с детьми и стариков и «вахтовый метод» охоты для мужчин-добытчиков (что также было реализовано у эргастеров). Поскольку онтогенез современных и древних людей по определению идентичен, детям мигрантов для роста и созревания также требовалось продолжительное время. Период детства, в течение которого выживание детей зависело от опеки взрослых, был долгим, поэтому, когда продолжение жизни явилось естественной необходимостью в процессе миграции, длительная и постоянная связь между родителями и детьми, как и между самими родителями, была необходимостью, так или иначе принуждающей к оседлости.

5.

Можно ли назвать процесс переделки анатомически современного человека в «архаичного» – деградацией? С точки зрения современного человека ответ «да» будет, наверное, наиболее ожидаемым, ибо при взгляде на эргастера мы видим, что наши собственные черты сведены как бы к чертам животным; грубый массивный и рельефный череп, «страшные» зубы, узкий покатый лоб... То есть относительно нас, казалось бы, да, но это – относительно нас. Качественно же – нет, у эргастеров имела место безусловно деградация культурная и социальная, но не биологическая. Если вторая есть процесс разрушения и приобретения физических

дефектов, то в случае с эргастером процесс внутривидовой адаптации (то есть приспособление популяции к определенным новым условиям) наиболее корректно будет назвать **специализацией**. Причем внутривидовой. Которая сопровождалась неким фенотипическим переформатированием «прогрессивного» грацильного человека (в целом – всей покинувшей «местоположение А» популяции) в более «грубый», более робустный вариант, даже с элементами некоторой морфологической редукции (упрощения отдельных элементов скелетного строения), но при этом все изменения происходили, как уже сказано, не выходя за рамки видового уровня.

Как эта внутривидовая специализация проходила?

Не будем забывать исходных условий и помним, что эти небольшие по численности миграции из «местонахождения А» происходили в мире после глобальной катастрофы, геологические отголоски которой порой доходят и до наших дней. И если мы предполагаем, что анатомически современный человек, изначально «заточенный» под цивилизованное существование, вдруг попадает в условия мира после катастрофы, с его геологической активностью, сиюминутными климатическими скачками и (первые годы или десятилетия) по определению практически полным отсутствием пищи, то противостоянием этой агрессивной окружающей среде (а выживание в ней людей произошло по факту) могла быть только ответная агрессивная физическая адаптация, ибо «естественный отмор» свое дело знает.

Можно и не гадать, что новые условия жизни сразу стали вышибать путешественников одного за другим, оставляя самых цепких и упорных. Уже с первого взрослого поколения у мигрантов шел естественный процесс на основе отбора, который уместней назвать не «естественным», а летальным – то есть процесс отсекающий особей с крупным мозгом. Если мозг человека, имея 1,5–2% от массы тела, забирает около четверти (а в активном состоянии и более) всех затрачиваемых организмом ресурсов, то высокорослым индивидам с крупным мозгом в условиях больших энергозатрат и дефицита пищи после катастрофы – просто не оставалось шансов. Выживали и давали начало новым членам группы люди небольшого роста и с небольшим мозгом. Образно выражаясь, те, у кого способность тратить калории на умственный труд была изначально ниже, чем на поддержание физической жизнедеятельности и мышечную массу. Перед глазами встает типаж, жующий плохо прожаренное мясо, а в конце трапезы разбивающий камнями и грызущий оставшиеся кости, и на охоте постоянно травмирующийся, всегда с чего-то срывающийся вниз, но бессмертный как кошка, всегда ограничивающийся ссадинами и ушибами, но не переломами при падении. Соответственно, в группе очень быстро стали преобладать «грубые» признаки, позволявшие членам сообщества с подобной конституцией быть менее уязвимыми в условиях схватки с природой. Точнее сказать – большинство мигрирующего сообщества стали составлять люди, выжившие именно с такими признаками и способностями.

Как закреплялись те новые признаки, которые мы называем «архаичными»? Нет ли тут какого-нибудь ламаркизма или, того хуже, нашего волюнтаризма?

Согласно синтетической теории эволюции, источником новой генетической информации при образовании новых видов служат случайные мутации, поддерживаемые естественным отбором, каковым они именуют избирательное (дифференцированное) воспроизведение наиболее удачных генотипов или генных комплексов (Яблоков, Юсуфов, 2006). То есть изменения могут быть только прогрессивными, усложняющими, а их основой являются многочисленные случайные «удачные поломки» генома, изменяющие фенотип. Между тем передача даже одного нового удачного признака потомству и закрепление его в популяции является первой из многочисленных проблем СТЭ, ибо в «нормальной» популяции он будет нивелирован фактически моментально (так называемый «кошмар Дженкина»), а случайное возникновение одной и той же удачной поломки у контактирующих меж собой мужчины и женщины для передачи потомству невероятны. Эволюционизм пытается снять эту проблему глупейшей отговоркой – мол, вероятность повтора случайных событий велика в очень больших популяциях. В этой отговорке присутствует традиционное нарушение логики, свойственное эволюционизму в целом, ибо чем больше популяция и, соответственно, обширней территория, тем меньше вероятность встречи мужчины и женщины с одинаковой «удачной» поломкой геномов. Рассуждения о дискретности генов проблемы тоже не

решают, поскольку генов так много, что их совокупный эффект недискретен (Шабанов, 2006) ^[8].

В ситуации существования малых изолированных популяций в древности (это касается любого сценария, как нашего, так и эволюционного) ни одно из условий СТЭ не выполняется. *Homo ergaster* – это осколок более генетически разнообразного исходника, приспособившийся к агрессивной среде за счет двойной утраты генетического разнообразия – сначала в результате отделения небольшой группы от основной «популяции А», а затем еще более существенного «бутылочного горлышка» в результате выживания единичных особей с определенным специфическим гено- и фенотипом уже в своей отделившейся популяции. Геномы людей в такой группе через какое-то время по сути являются обедненными копиями друга, и мы видим не накопление какой-либо новой положительной информации, но всегда ее растрату и вырождение. В случае изолированных малых популяций, как древних, так и современных, сами термины «видообразование» и «естественный отбор» в эволюционном значении являются некорректными, в первую очередь потому, что новые виды в реальности образуются лишь путем потери или перетасовки генетической информации, но никогда – путем создания новой. Любой новый биологический вид – это осколок, уклонившаяся форма основного вида, базового. Нельзя сказать, что такой новый «осколочный» вид приспособлен для выживания лучше основного или в чем-то его прогрессивней, но относительно исходного вида он приспособлен,

адаптирован к каким-то новым, своим собственным особенным условиям. Но главное то, что в реальности (как это в целом признается и адекватными эволюционистами) все люди, включая якобы «отдельный вид» *Homo ergaster*, являют собой единый видовой кластер, не имеют принципиально отличных друг от друга признаков или органов, все способны (или были бы способны) к скрещиванию. Например, современная женщина способна родить от мужа другой расы близнецов разных рас. Нет сомнений, что точно так же, существуя эргастер сегодня, современная женщина смогла бы родить не только эргастера или метиса, но и близнецов, условно говоря, сапиентной и эргастерной расы. И в палеоантропологии у нас есть тому косвенные подтверждения, которые приведем чуть ниже.



Близнецы, рожденные от межрасовых браков и принадлежащие разным расам. Слева: Люси и Мария из Англии, в центре: Джеймс и Дэниэл, также из Англии, справа: семья Герт из Германии с детьми. Это явление, бывшее прежде редкостью, в сегодняшнем западном мире при участившихся межрасовых браках становится все более обыденным, и лица отцов становятся, так сказать, все счастливее.

Во второй половине XX века, как в нашей стране, так и параллельно на Западе стало развиваться направление, альтернативное доминирующей синтетической теории эволюции и предлагающее принципиально иные объяснения фенотипических изменений организма. Если синтетическая теория эволюции предполагает, что локомотивом «прогрессивных» изменений в организме являются случайные мутации, вызывающие изменения генотипа и якобы поддерживаемые естественным отбором (хорошее закрепляем, вредное удаляем, «кошмар Дженкина» игнорируем), то к сегодняшнему дню многие сторонники эволюционизма пришли к заключению, что локомотивом изменений является фенотип, а генотип в этой связке лишь догоняющий. Новое направление получило название эпигенетики, эта система взглядов, выдвинутая еще десятилетия назад (К. Уоддингтон, И. Шмальгаузен, М. Шишкин и др.), получила признание лишь в последнее время, причем в такой степени, что эпигенетике прочат статус едва ли не новой научной парадигмы.

Считается, что генотип определяет не фенотип как таковой, а норму реакции (Иорданский, 2009), то есть некий заданный спектр возможностей развития организма. Любые изменения фенотипа в пределах этой нормы под воздействием тех или иных условий, в которых развивается организм, называются модификационной, или адаптивной, изменчивостью, которая не наследуется, поскольку в геноме, условно говоря, прописана лишь сама норма. Сама идея наследования приобретенных фенотипических признаков (в целом связанная с понятием

«ламаркизм») долгое время была предметом дискуссий и в части утверждений оказалась неверной, после чего была «проклята и забыта». Действительно, в опровержение ламаркизма приобретенные в одном поколении признаки вроде шрамов и утраченных конечностей не передаются потомству, поскольку эти деструктивные изменения фенотипа не изменяют генетический код и детьми наследуется генетическая информация о «полноценном» состоянии родителя.

Между тем сегодня уже достоверно известно, что в случае резко изменившихся условий развития, под давлением внешних стрессовых факторов фенотипические адаптивные изменения не только выходят за пределы нормы, но способны закрепляться в геноме и передаваться следующим поколениям. Механизмы такого явления наука пока до конца не понимает (возможные причины мы здесь рассматривать не будем), но факт остается фактом – информация о приобретенных в одном поколении изменениях фенотипа каким-то образом посылается половым клеткам, с которыми эти изменения передаются потомству.

И здесь, как говорится, и Берг нам в помощь, с его номогенезом – известно также, что в популяциях фенотипические изменения, приобретённые в результате адаптации к агрессивным средовым воздействиям, возникают не поодиночке, а сразу у значительных групп особей и становятся устойчивыми в нескольких поколениях. Согласно Бергу, этот процесс закономерен – в ответ на определенную агрессию среды сходные изменения возникают одновременно у

многих членов популяции, а массовые изменения становятся наследуемыми и закрепляются в геноме популяции как новая норма. Или, перефразируя Красилова, изменения начинаются в окружающей среде и заканчиваются в геноме популяции.

Мы видим, что морфология и генетика эргастеров (исходя из двойного «бутылочного горлышка», изоляции и инбридинга) – не «материал для эволюции», но что сами они являются продуктом наследуемой реакции организма на нарушение обычных условий развития. Если «кошмар Дженкина» остается неразрешенной проблемой для синтетической теории эволюции (см. Красилов, 1984; Гродницкий, 2001; Шабанов, 2006 и др.), то наш сценарий, напротив, замечательно высвечивает все темные места с происхождением эргастеров и закреплением «архаичных» признаков. Встреча мужчин и женщин, обладающих сходным «архаичным» признаком, является не просто высоковероятным событием, а неизбежным, поскольку эти пары сосуществуют в одной небольшой популяции, где новый признак присутствует не только у них, но и у большинства членов, так как, в отличие от фантазий эволюционизма, сформировался не случайно, а закономерно, по принципу «сходные условия – сходные изменения» у многих членов группы.

Таким образом, процесс «создания» и закрепления так называемого архаичного облика древнего человека мог определяться «внутренними» эпигенетическими факторами в сочетании с «внешними», такими как адаптивная биомеханическая трансформация черепа, а также отсев всех индивидов, которые фенотипически не

подходят для существования в определенных стрессовых условиях. **Адаптация** (или **специализация**), о которой мы говорим применительно к нашему сценарию – на первых порах имела **негенетический характер**. В группе (или группах) выходцев из «популяции А» доминировали «грубые», массивные признаки и, разумеется, можно утверждать, что и наследовались признаки, наиболее типичные для этой изолированной группы. Несмотря на то, что «летальный отбор» никаких генетических новаций не производит, а только ломает и крушит все что можно, выживавшие члены популяции мигрантов к этому выживанию по определению имели предрасположенность генетическую, и, соответственно, в поколениях в любом случае воспроизводился новый специфический морфологический типаж, выживший в данной популяции. Можно сказать, что от родителей к детям передавались, условно говоря, «выжившие» гены «мелкоголовости», гены «толщины и рельефности черепа», гены «мощных челюстей и крупных зубов» и проч. Однако именно **эпигенетические факторы** способны дать революционное объяснение быстрому, фактически моментальному образованию и закреплению нового «архаичного» фенотипа у древних групп, изначально представлявших собой анатомически современных людей. У первого поколения выживших «мышечных» людей, прошедших через стресс, не только их природная «мышечность», но и новые фенотипические изменения, **свойственные всей группе**, генетически были переданы уже следующему поколению, в результате чего всего за максимум

несколько «стрессовых» поколений бывшие члены «популяции А» и их потомки выработали, условно говоря, некий полноценный биомеханический и эпигенетический ответ на агрессию среды, по сути, представлявший собой в общем и целом **робустную (массивную) форму анатомически современного человека**. Которая и получила в эволюционной систематике не вполне аутентичное название *Homo ergaster/erectus*.

...Напомню, что все сказанное – не гадание, не «предположение» и даже не «гипотеза», а совершенно очевидно соблюдается на уровне правила в современных популяциях охотников-собирателей, живущих в дикой природе – их череп имеет уменьшенный объем и несет ряд так называемых архаичных черт, этому соответственна и конституция тела; и все это не наследие каких-то гипотетических эволюционных предшественников, а следствие того, что биомеханика человека в некомфортных природных условиях предпочитает и создает именно такие варианты, а в крайне неблагоприятных условиях среды на помощь приходят эпигенетические механизмы.

6.

Возникает вопрос – если *Homo ergaster* в начале плейстоцена оказался распространенным по всему Старому свету, то была ли источником этой разновидности одна группа, или образование новой формы произошло независимо в разных группах и в разных частях света? При ответе на этот вопрос можно было бы сразу кивнуть в сторону

эволюционистов и с поправкой на собственную схему предположить происхождение *Homo ergaster* в виде единой группы в некоем определенном ближневосточном районе, с последующим рассеиванием в какой-то момент времени этой группы по белу свету. Доводов у нас в этом случае, исходя из географических и археологических данных, будет не меньше, чем у африканской версии, а наша собственная версия о центре происхождения эргастеров, будет не большей спекуляцией и сотрясанием воздуха, чем африканская.

Действительно, чем плоха модель образования единой популяции эргастеров в результате прохождения «бутылочного горлышка» – резкого сокращения генетического разнообразия внутри отделившейся от «популяции А» группы, со всеми вытекающими отсюда последствиями, включая значительное проявление «эффекта основателя»? Возвращаясь к формированию конфигурации черепа у эмбриона и роли сфеноида в этом, можно было бы предположить, что на завершающем этапе формирования черепа в эмбриогенезе у одного из анатомически современных людей или группы таких людей, ушедших из «местоположения А», произошло отключение гена-регулятора, не позволившее сфеноиду развиваться («изогнуться») до конца – проще говоря, принять положение сапиентного, – в результате чего этот человек или группа людей стали основателями нового «архаичного» кластера, именуемого *Homo ergaster*. Мы знаем множество примеров, когда генетический сбой у одного из членов семьи передается по наследству – например,

в Турции, Болгарии и Ираке живут целые семьи людей, всю жизнь ходящие на четвереньках (так наз. синдром Тана); половина жителей китайской деревни Янси являются карликами ростом не более 117 см (этот генетический дефект передается по наследству с XIX века, и еще в середине прошлого века деревня, состоящая из одних только карликов, насчитывала несколько сотен жителей); африканское племя сапади, также известное с XIX века, имеет генетический сбой, именуемый «синдромом клешни», и пр., и пр. Так же и упомянутая нами трансформация черепа, предположительно связанная с отключением регулирующего гена в эмбриогенезе, была далека от летальной, и в дальнейшем могла передаваться по наследству в близкородственной группе, как в перечисленных выше случаях. Находились жители деревни Янси, племя сапади или другие – в условиях *Homo ergaster*, то есть в условиях «пустого мира» по каким-то причинам в древности рассеяны по свету, мы бы имели картину, схожую с эргастерной.

Можно также предположить, что к изменению формы черепа у наших анатомически современных предшественников могли привести какие-то заболевания, в том числе гормональные, связанные с агрессивными условиями внешней среды – питанием, стрессом, травмами и пр. Здесь также можно было бы подключить гипотезу участия в этом процессе сфеноида, поскольку известно, что сфеноид принимает самое непосредственное участие в процессе синтеза гипофизарных гормонов. И в этом случае речь также могла бы идти об

основателе или группе основателей кластера. Упомянутая нами выше «непохожесть» друг на друга эргастерных черепов, трудность их систематизации можно было бы объяснить в этом «гормональном» ключе тем, что именно так проявляют себя заболевания с гормональными нарушениями вроде акромегалии – черепа современных людей, страдавших акромегалией, формально представляют единый таксономический ряд *Homo sapiens*, но отличаются друг от друга пропорциями отдельных частей лицевого скелета и черепной коробки. То есть кластер хорошо выявляется, а индивидуальные отличия сильно варьируют.



Два возможных варианта происхождения Homo ergaster в нашей схеме. Коллаж GT

Конечно, можно сразу указать на трудности гипотезы происхождения эргастеров как единой монолитной популяции. Официальная наука говорит, что эргастер-эректус – наиболее долгоживущий из всех «вид» *Homo*. Два миллиона лет – это, конечно, перебор (мягко говоря), но кажется не очень вероятным тот локальный генетический сбой или та гормональная болезнь, которые дали бы столь стабильно

воспроизводимый результат по всему свету, да еще в течение хоть и не эволюционных миллионов, но вполне реальных тысяч или десятков тысяч лет; да еще такой сбой, который унаследовали бы и гейдельбержцы по всему миру, и неандертальцы Европы, и который прокатился бы еще волной поздних эректусов Китая и «солоенсисов» Явы. Воистину велик, но маловероятен «отец-основатель», болезнь которого анатомически перекроила все древнее человечество и верховодила до самой той поры, пока «популяция А» не решила выйти из тени на историческую арену. Можно было бы, конечно, найти и убедительные аргументы этой гено-гормональной гипотезе, порассуждать на эту тему...

Между тем само предположение об эргастере как некоем едином таксоне, зародившемся локально и рассеявшемся по свету, скорее всего, избыточно. Не говоря уже о необходимости привлечения серьезных генетических мутаций и гормональных катастроф. Говоря самым простым языком – никаких серьезных механизмов для происхождения эргастерных признаков не требуется, ибо сами эти изменения и отличия от «обычного» человека, как мы отметили выше, не являются чем-то экстраординарным. Более вероятной лично мне представляется версия о том, что анатомические признаки, которыми палеоантропологи классифицируют *Homo ergaster*, имеют независимое происхождение, причем не только на уровне узко популяционном, то есть малых отдельных групп, изолированных от «популяции А» и друг от друга, но и по сути «происхождение» на уровне едва ли не индивидуальном.

Здесь, вероятно, я услышу возражения – мол, таксон *Homo ergaster* есть кластер, обладающий набором лишь ему присущих признаков, по которым он и детектируется. Но это ошибочное представление, навязанное схемой, договорная условность. По сути, всю краниальную коллекцию эргастеров объединяет лишь принадлежность к определенному хронологическому периоду. Череп ER 3733, выбранный в качестве эргастерного эталона, как это ни парадоксально, но в сущности являет собой единственного эргастера, как если бы дело обстояло так, что только он один и был найден. Выбранный из всего разнообразия эргастерных черепов, ER 3733 – это некое идеализированное «лицо таксона», чьи признаки обсуждаются в общем и целом, когда речь заходит об этих самых эргастерах. Но, как мы уже говорили, ни один из эргастерных черепов не похож на другой. Именно потому, что они являют собой не обособленный таксон, а **картину развала единой исходной формы как множество близких вариаций на ее тему**. То есть наблюдаемая специалистами якобы общность краниальных эргастерных признаков порождена общностью исходных «сапиентных» признаков и является общностью в рамках большего или меньшего группового и даже индивидуального отклонения от соответствующих исходных признаков условно сапиентного черепа. Здесь в первую очередь работает правило параллелизма – если группу сходных черепов редуцировать («архаизировать», наградить массивностью, запредельно мощными в сравнении с нами челюстями и жевательными мышцами), то морфологически сходные краниальные признаки «прогрессивного» черепа,

изменяясь по сходному принципу, будут также сходными. Ни одна из эргастерных черт не уникальна, не нова в этом условном таксоне, а являясь как бы искажением определенной сапиентной, позже находит еще более «развернутое», усиленное продолжение в эректусах.

Есть с эргастерами еще одна проблема. Любое разнообразие можно втиснуть в рамки какой-нибудь более-менее строгой классификации, однако картина искажена еще тем, что эргастерные черепа часто не являют собой анатомическую норму. А именно, на все наши представления о внешнем облике «диких» эргастеров в огромной степени влияет тот факт, что у членов эргастерных групп, находившихся в изоляции, в силу близкородственного скрещивания (инбридинга) во множестве случаев возникали и наследовались дегенеративные признаки. Здесь хочу подчеркнуть, что не смешиваю процесс трансформации человеческого черепа как таковой (и продолжаю называть это не деградацией, но специализацией) – с тем, какой результат мы наблюдаем на выходе. А наблюдаем мы то, что множество черепов, на которых эволюционисты строят свои схемы происхождения и которые принимают за определенные образцы «развития», на деле являются экземплярами, несущими следы инбридинговой дегенерации. Эта дегенерация, как и многочисленные болезненные патологии, вносят весомый вклад в картину «индивидуальных» особенностей известных нам краниологических «образцов», причем **это относится ко всем разновидностям древних Homo** из сегодняшней

палеоантропологической коллекции, но к эргастерам, видимо, в наибольшей степени, поскольку они были первопроходцами в новом и еще не заселенном людьми мире.

7.

Итак, группы *Homo ergaster*, появившись в верхнем плейстоцене фактически по всему миру, к середине плейстоцена были замещены группами, имеющими уже другой облик. Скорее всего, эргастеры дали продолжение эректусам Африки и Китая, хотя не исключено, что у тех было независимое происхождение. Что есть *Homo erectus* среднего плейстоцена? Если ранние эргастеры по своим краниологическим признакам были «развалены», то хомо эректусы Азии и Африки, хотя морфологически и ушли еще дальше от условно сапиентного облика, но как таксон все-таки устоялись – не просто «доростили» свои надбровья, затылки и челюсти до некоего крайнего предела, анатомически (биомеханически) возможного для человеческого черепа как «инженерной конструкции», но в относительно многочисленных уже среднеплейстоценовых группах и в отсутствие изоляции «отточили» стандартное, хорошо узнаваемое лицо таксона *Homo erectus*. Действительно, эректус – устоявшийся и хорошо определяемый кластер. О его посткраниальном скелете мало что известно (хотя нетрудно предположить, что он являл собой также современный вариант), но в плане краниологии – это человеческий череп, максимально специализированный и более

всех *Ното* уклоненный от условно сапиентной формы.

Но откуда на протяжении ранней человеческой истории появлялись новые, анатомически более продвинутые популяции людей – так называемые гейдельбержцы, неандертальцы, все «архаичные» досапиентные люди? Каково происхождение всех тех, кто появился вслед за эргастерами в Европе, Африке, на Ближнем Востоке и в Азии?

Часть 4. Окончательный монтаж

1.

Эволюционистские описания любых найденных черепов «предков» – это всегда какая-то дикая ярмарка мнений и предположений, без малейшего шанса выяснить окончательную природу какой-либо находки, как это подобает науке; с доказательством, не оставляющим иного толкования. Нет, здесь нормой являются описания типа: «Такой-то череп похож на такой-то, но с другого континента, хотя еще антрополог такой-то считал его прото-тем-то, однако с такой классификацией не согласен антрополог такой-то, поскольку к прото-тем-то он относит находки такие-то, а этот относит к комплексу, который считает сформировавшимся позже и в другом месте».

Эволюционисты, будучи неспособны преодолеть притяжение своей родовой обезьяней схемы, никогда не узнают ответа на свои вопросы и не распутают все эти клубки. Если принципиально и агрессивно отказываться видеть любые другие

объяснения, то все эти исследователи и систематики обречены лишь на вечные и бессмысленные гадания. Если не признавать, что в заборе вашего склада была дыра, через которую проникали «незапланированные люди», то можно до бесконечности строить гипотезы исчезновения складской продукции с помощью торнадо или воздушных шаров, каковые гипотезы никогда не будут соответствовать реалиям.

Например, как ни условны все классификации и как ни размыты границы между таксонами, эволюционизм абсолютно не понимает и не способен объяснить известную закономерность на уровне правила – любой «возникший» в истории новый таксон *Ното* почему-то имеет морфологически более современных основателей. Или, мягче – среди его ранних представителей сапиентные черты встречаются чаще, чем среди поздних, то есть на финальном отрезке каждый из так называемых таксонов *Ното* морфологически разваливается или обособляется в нечто более «архаичное», чем основатели. Из всех, наверное, только поздний *Homo erectus* наиболее стабилен, остальные же, начав за здравие, в конце пути идут вразнос.

Так, давно известен «неандертальский парадокс» – ранние неандертальцы были более сапиентны, а поздние менее и морфологически весьма разнообразны (см., напр., Алексеев, 1984)^[9]. При этом любопытно направление мысли классификаторов – поздних неандертальцев принято называть классическими (то есть как бы нормальными), а их ранних предков, более сапиентных, атипичными. Нетипично, мол, когда

эволюция идет наоборот, надо быть, товарищи, нормальными неандертальцами.

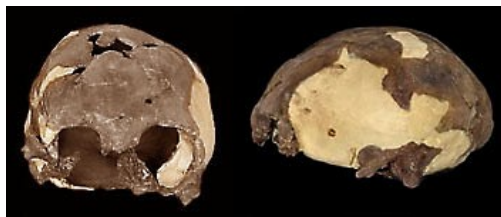
Аналогичная история и с гейдельбержцами. Если, согласно эволюционной схеме, мы произошли от африканского хомо эргастера, то следующей, более прогрессивной формой принято считать *Homo heidelbergensis*. Эта классификация применяется к якобы более прогрессивным формам, чем предшествующие, но вся их прогрессивность заключается в несколько большем объеме мозга и, соответственно, более высоком своде черепа, что сами эволюционисты часто признают не «эволюцией» в ее «созидательном» смысле, а связанным результатом увеличившихся размеров тела (Holloway, 1995, 1996; Tobias, 1995; Ruff et al., 1997). Все остальные «архаичные» признаки, перечисленные для эргастеров, можно приложить и к гейдельбержцам. У известных экземпляров *Homo heidelbergensis* точно такой же разброс в форме и деталях черепа, как и у эргастеров. В Африке гейдельбержцы появляются после «плейстоценового разрыва» неизвестно откуда, и с этого периода африканскую картину «антропогенеза» можно также характеризовать как дикую морфологическую неразбериху, не позволяющую выделить хотя бы одного более-менее подходящего кандидата на сапиентную линию. Однако и в Европе наблюдается картина, аналогичная «неандертальскому парадоксу» – некоторые ранние находки гейдельбержцев (выделяемые их открывателями как *Homo antecessor*, то есть «хомо предшественник») анатомически более современны, чем поздние. Например, если лицевой фрагмент из

Испании ATD6–69 (0,93 млн. л.) имеет практически современную морфологию, то более поздние формы весьма грубы, массивны и часто патологичны.

Та же история и с первыми якобы «анатомически современными людьми». Эволюционисты сегодня говорят, что человек современного вида появился порядка 200 тыс. лет назад. Следует ли ожидать, что с тех пор мы увидим хотя бы тонкий ручеек людей современной анатомии от тех дней до наших? Нет. Африканские черепа Омо-1 (200 тыс. л.) и китайский Людзянь (Liujiang) (80–110 или 153 тыс. л.) очень современны, но при этом единичны, а более поздние представители на тех же территориях почему-то демонстрируют как бы «развал» этой ранней сапиентности, все те же широчайшие вариации и произвольное сочетание так называемых архаичных и прогрессивных признаков. Ко времени постулируемого «великого исхода» *Homo sapiens* из Африки (а, точнее, ко времени появления по факту сапиенсов современного типа на Ближнем Востоке, в Европе, Азии и Австралии) в самой Африке уже нет ни одной находки, которую можно было бы морфологически отождествить с авторами или непосредственными предшественниками верхнепалеолитической революции. Ничего прогрессивного позже не наблюдается и в Китае. Откуда появилась современная морфология на некоторых ближневосточных черепах (Кафзех и Схул с датировками до 120 тыс. лет назад) столь рано? И она так же «повисает в воздухе», не имея продолжения. А «революционные» *Homo sapiens* появляются по эво-шкале 45–40 тыс. лет назад по всей тогдашней

ойкумене одновременно, внезапно и, подобно в свое время эргастерам, ниоткуда и «неизвестно от кого».

Ситуация, когда многие ранние представители каждого таксона *Ното* сапиентней поздних, а в течение и к концу существования таксон представляет массу разнообразных «неконтролируемых» вариаций, как-то совсем не вяжется с эволюционной картиной. Это можно сравнить с ситуацией, когда спортивный клуб атлетов районного уровня в процессе своего существования породил два новых клуба еще более совершенных атлетов, уже уровня федерального, а один из последних так вообще породил совсем уже элитный клуб уровня чемпионов мира. Но выясняется, что перед возникновением клубов нового уровня атлеты каждого предыдущего клуба в полном составе теряли спортивную форму – всем клубом заболели, травмировались, пьянствовали и покидали спорт. При этом команды новообразованных клубов, составленных из непонятно откуда взявшихся людей, начинали свое существование отчего-то именно с рекордов. В точности такую картину преемственности «видов *Ното*», абсолютно умозрительную, и пытаются нарисовать нам эволюционисты. И весь вопрос – откуда взялось это «новое» с его очередными непонятными ранними вспышками сапиентности и что вообще означает эта столь пестрая картина человеческого «развития»?



Несмотря на то, что в Африке и Китае, как считается, появляются первые анатомически современные сапиенсы (две единичные находки Омо-1 (200 тыс.л.) и Людзянь (80–110 или 153 тыс. л.), в этих же регионах можно найти и рекордсменов поздней архайки. На фото слева – череп Иво Илеру, Нигерия, датируется 13 тыс. лет, но по морфологии наиболее близок к черепу Лаэтоли-18 с датировкой 140 тыс. лет и даже к эректусам Соло (Ява); справа – череп Лишу, найден недалеко от Пекина, при датировке всего 12–20 тыс. лет имеет крайне архаичные черты. Источник: PLoS ONE September 16, 2011 и Jeff Meldrum

Многих вещей мы здесь, вероятно, в окончательном, не оставляющем вопросов варианте никогда не узнаем, хотя приближение к верному ответу всегда может достигаться путем отсекаания неверных вариантов. И очень поможет, вероятно, само понимание принципа – что морфология древних людей есть фактор не «определяющий», не буксир, способный вывезти к знанию и расшифровать происхождение людей от обезьян к человеку, а фактор «буксируемый», производный, – понимание того, что вся антропологическая картина древнего человечества сама по себе является следствием, отражением как минимум четырех процессов или явлений.

Первое. Действие саморегулирующегося механизма

Выше я говорил, что на примере возникновения так называемых архаичных черт у современного человека проявляется действие некоего саморегулирующегося механизма, существующего в нашем организме в виде защитного резерва – механизма, реагирующего и подстраивающего морфологию человека под изменившуюся среду. Не будем сюда сейчас привлекать даже Разумный дизайн, а примем это как данность, которую признают даже эволюционисты. Конечно, все «архаичные» формы, созданные этим условным механизмом, имеют как сходства в силу общего источника, так и специфические отличия, сформированные самыми разными факторами – особым региональным климатом, «эффектом основателя», потоком генов, вредными мутациями, то есть комплексом внутренних и внешних процессов. Но в целом суть названного механизма в том, что в «диких» условиях работает **общий принцип** превращения грацильного и условно сапиентного черепа в массивный «архаичный». Однако адаптация эта обратимая, и при благоприятных условиях неизменно откатывающая «архаичную» морфологию назад в сторону более прогрессивной.

Когда некто изумляется разнице меж формой нашего черепа и эргастерного, необходимо понимать, что в эргастера «превращался», условно говоря, не наш сегодняшний череп. Наш – совсем не является некоей сапиентной нормой, но сам претерпел трансформацию со времен средневековья от более массивного варианта. Мы сегодняшние – это некая «домашняя» форма

сапиенса, пребывающая в комфортных условиях, позволяющая себе хорошее питание для тела и мозга, интеллектуальную и физическую деятельность, не ограниченную энергозатратами, и имеющая возможность генетического обмена фактически в масштабах всей планеты. За последние пару сотен лет наш череп стал грацильней, купол «раздулся», стал более высоким и округлым, надбровья почти исчезли, нижняя челюсть обрела изящную форму с остро выступающим подбородком. Форма нашего черепа изменилась и вследствие увеличения объема мозга, и вследствие ослабления жевательных мышц. В целом, еще раз – наш череп не является стандартом для сапиенса, он следствие нашего сегодняшнего пребывания в комфорте. Но подобный процесс трансформации, а точнее, некоей древней акселерации, испытывали и, скажем, эргастерно-эректусные покорители Европы или «дикие» европейские гейдельбержцы, создавшие на своих долговременных стоянках более комфортные условия. Если наш череп грацилизируется, то в случае древних «архаичных» людей пребывание в более комфортных условиях и появившаяся возможность генетического обмена с соседями также запускали процесс «сапиентации».

Общее правило биологии – «форма следует за функцией» – подсказывает нам, что если «дикий» человек обладает некими определенными особенностями строения черепа, например, теми же мощными жевательными мышцами, надбровьями, крупной челюстью и др., то это означает, что они функциональны и имеют именно ту форму, которая

соответствует их функции, подстроена под эту функцию. Но с утратой функциональности та или иная «система черепа» возвращается к первоначальному состоянию, то есть система является саморегулируемой и универсальной для *Ното*, изначально предназначенного для существования в цивилизованной среде. Когда стрессовые ситуации среды для «диких» людей ослабились и оседлая жизнь, обогреваемое жилье, одежда, мягкая вареная пища стали нормой, то с улучшением питания, увеличением размеров мозга и ослаблением жевательных мышц люди становились более «сапиентными», более рослыми, форма черепа стала выглядеть более «прогрессивной», морфологически ближе к нашей, чем, скажем, эргастерная. Эти популяции, хронологически более поздние, **создают видимость безусловной прогрессивности в рамках эволюционизма**, поскольку якобы даже невооруженным глазом видно, что и «купол выше», и «мозг крупнее». Однако то, что эволюционисты называют прогрессивностью, в наших терминах можно назвать принципом «качелей», то есть возможностью адаптивной трансформации человека, в первую очередь черепа, что называется, «туда-сюда», в каком бы таксономическом статусе он ни находился.

Этот принцип морфологических «качелей» можно в самой приблизительной форме проиллюстрировать надуваемой медицинской перчаткой, хотя надо иметь в виду, что такая аналогия будет неполной, поскольку череп и нижняя челюсть человека изменяются «в противофазе». Сильно надутую медицинскую

перчатку с практически сглаженными выступами можно уподобить черепу анатомически современного человека. Если воздух из перчатки стравливать (то есть дать наружному давлению возможность уменьшать объем перчатки), то ее рельеф будет проявляться все более отчетливо. Это аналог «архаизации», появления первых эргастеров. Если снова надувать перчатку, она вновь будет увеличиваться в объеме, а ее рельеф снова все более сглаживаться – это аналог вторичной сапиентации, некоей акселерации для «архаичных» людей среднего палеолита, когда в более благоприятных условиях они утрачивали грубые черты, превращаясь в гейдельбержцев и неандертальцев. Но с нижней челюстью другая история. Поскольку она одна из главных виновниц трансформации, ее приводной механизм, то оказывая посредством жевательных мышц наружное давление на череп, уменьшая, огрубляя и сплющивая его, сама челюсть в силу выполняемой работы будет увеличиваться и округляться; при снятии же нагрузки, ослаблении жевательных мышц, облегчении и увеличении, раздувании купола – напротив, уменьшаться и становиться более рельефной, гордо выпячивая вперед свой сапиентный подбородочный выступ. Еще раз – аналогия с перчаткой самая поверхностная; она демонстрирует не механизм, а только внешнюю видимость процесса.



Эти картинки в самой приблизительной форме иллюстрируют принцип морфологических «качелей» и изменение рельефности черепа в зависимости от адаптивного изменения его размеров у древних людей.

Второе. Остаточная сапиентность у самых древних людей

Такие необъяснимые с точки зрения эволюционизма «забегания вперед», когда у отдельных древних индивидов наблюдается как бы слишком раннее проявление сапиентности – в нашей схеме совершенно естественно объясняются сохранением у древних людей остатков условно сапиентной морфологии. Это своеобразные не до конца перелицованные «остатки былой роскоши».

Третье. Генетические воспоминания

Внезапные и ничем не объяснимые в рамках эволюционизма «вспышки» и столь же бесследные исчезновения анатомически современных черт в разных таксонах на всем протяжении якобы последовательно идущей эволюции могут объясняться специфическими геномными флэшбэками. У этого явления есть научное обоснование, но выражаясь простыми словами – дремлющая в геноме «дикого»

человека информация о прежних сапиентных признаках как бы внезапно просыпается, и в палеоантропологической картине пещерного становления человечества, и без того непростой, вдруг появляется находка человека с пугающе современным обликом. В отличие от «остатков» сапиентности из предыдущего пункта, такие флэшбэки могут вспыхивать без всякой системы.

Четвертое. Метисация с гостями из «популяции А»

Одна из труднейших для эволюционизма проблем – генетического единства современного человечества – до сих пор часто обосновывается комичной «гипотезой замены», гласящей, что вышедшие в верхнем палеолите из Африки сапиенсы под тем или иным предлогом не контактировали с остальным населением планеты, а полностью «заменили» их в физическом и генетическом плане, сохранив при этом в арийской чистоте свой сапиентный геном. Кроме причин прямого уничтожения сапиенсами своих жертв называется и причина практически полного отсутствия контактов в силу культурного барьера меж «пафосными» сапиенсами и прочим сбродом планеты. В качестве наиболее впечатляющего примера, опровергающего гипотезу культурной несовместимости кроманьонцев с «архаичным» населением тогдашней ойкумены можно привести современную историю дикой женщины Заны, описанную академиком Поршневым. По этому поводу существует множество домыслов – Зану называли и неандерталкой, и самкой снежного человека. Кем бы ни была Зана, она произвела на

свет потомство как минимум из пятерых детей, поскольку никакие культурные барьеры не помешали горячим кавказским парням из абхазского селения Тхина проявлять свою мужскую природу и с упорством, так сказать, достойным лучшего применения, периодически навещать «самку снежного человека».



*Череп Цзиньнюшань. (P. Brown's Australian
Palaeoanthropology)*

Поэтому, применяя сказанное к нашей модели, ничто не мешает нам утверждать, что «культурные барьеры» древности являются теоретическим измышлением и что в палеолите контакты между представителями древних групп и анатомически современными представителями «популяции А» не только могли иметь место, но и происходили регулярно. Вектор был лишь

в том, что посредством таких контактов генетический вклад вносился не в «популяцию А», а в группы «диких» людей, которые в подавляющем своем большинстве оказались тупиковыми. Именно такие контакты лучше всего объясняют неожиданные вспышки сапиентности в древних сообществах. Нас не очень удивляют примеры метисации между кроманьонцами и неандертальцами в верхнем палеолите; это факт тривиальный. Но в палеоантропологической коллекции нижнего и среднего палеолита имеется ряд черепов, более всего напоминающих метисов *Homo sapiens* и *Homo erectus*. Я упоминал выше о черепе из Эфиопии UA 31, датируемый 1 млн. лет и представляющий комбинацию эректусных и сапиентных признаков. В последствиях таких же контактов можно подозревать и череп ребенка из Моджокерто (датировка 1,6–1,8 и даже до 2,3 млн. лет согласно Culotta, 1995), кенийский ER 42700 (1,55 млн. л.) и китайский Дали (Dali) (180–230 тыс. лет). Но наиболее впечатляет, если не сказать вызывает оторопь, китайский Цзиньнюшань (Jinniushan), датируемый 250–280 тыс. лет. Этот череп молодого человека 18–20 лет не просто «то ли архаичный сапиенс, то ли прогрессивный эректус», не просто «имеет некие признаки одного таксона, относясь к другому» и не просто комбинация типа «лицо сапиентное, а коробка эректусная», а представляет собой некое идеальное слияние черепной морфологии *Homo erectus* и *Homo sapiens* в одном портрете, на примере которого можно наглядно продемонстрировать студентам-антропологам, как может выглядеть метис этих двух человеческих рас.

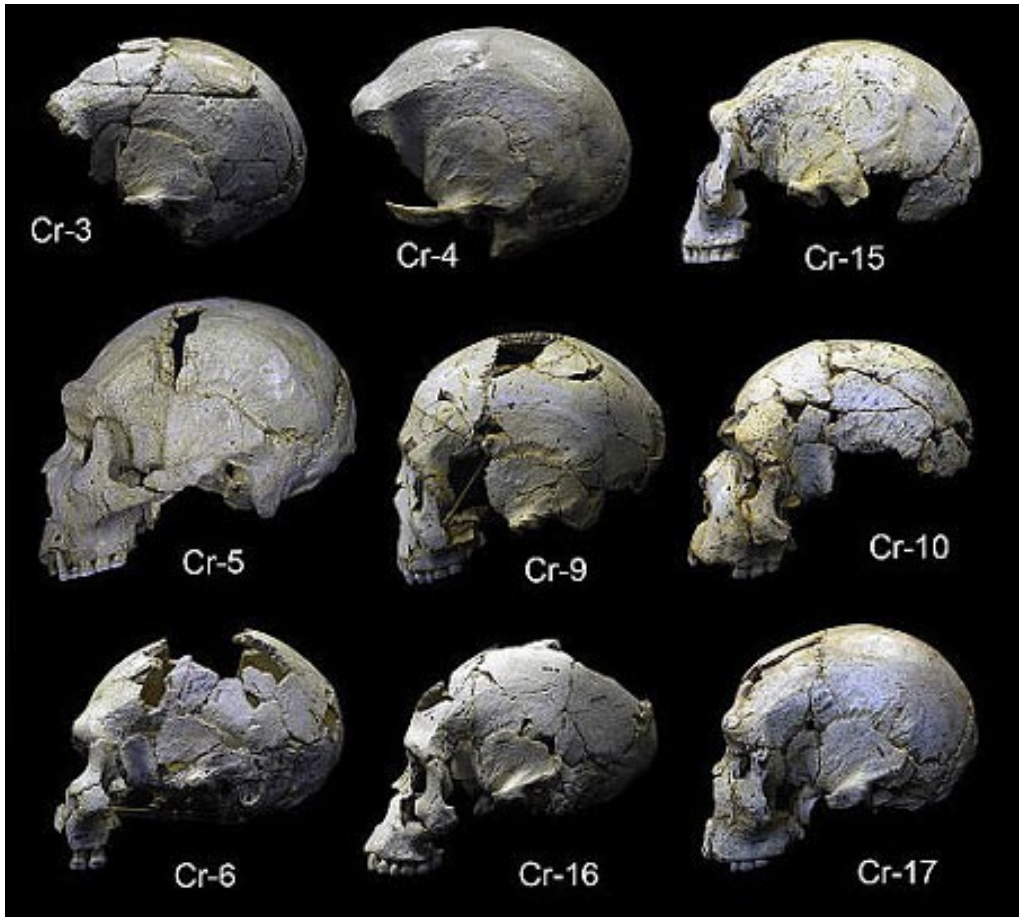
2.

Все эти явления или процессы в древних популяциях, действовавшие на протяжении их истории в случайном и непредсказуемом сочетании – эффект морфологических «качелей», остаточная прогрессивная морфология, «генетические воспоминания» и контакты с представителями условно сапиентной морфологии – делают бесполезными попытки выстроить картину гипотетической человеческой эволюции в ее декларируемом последовательном виде; эта глобальная запутанность начал и концов не может быть объяснена эволюционистами адекватно без их традиционных манипуляций и избирательного отношения к фактам. Сочетание перечисленных факторов должно давать синергетический эффект, если не сказать кумулятивный. Вот уж, действительно, какая наука восстановит, скажем, рассказ писателя XIX века, если рукопись сожжена, а у нас есть лишь рассыпанный типографский набор, при этом на девять десятых утраченный? Какой сверхскоростной компьютер восстановит текст? Да еще если реконструкторы ищут с твердой уверенностью, что истоки этого текста лежат не в традиции искусства, а, скажем, в баскетболе?

И эволюционизм никогда не решит проблему тотального морфологического разнообразия черепов древних «таксонов» и их постоянного несоответствия требуемой последовательной картине эволюции человека. **В силу разной степени «возврата» морфологии древних людей к условной сапиентности и грацильности, или, напротив, в силу**

того, что у каких-то групп шел процесс архаизации грацильных черепов (не говоря уже о других перечисленных факторах), мы и наблюдаем весь этот ярмарочный разноречивый квазисапиентных поздних форм – гейдельбержцев, неандертальцев и прочих хельмеев. Но поскольку в целом постепенное улучшение условий их существования, становление и обустройство этих групп и общин после катастрофы прямо связано с их «акселерацией», сапиентацией, мы обмануты видимостью как бы происходящего во времени прогрессивного развития древнего «человечества».

Кто-то из наших настоящих предков (в этой главе пока остающихся для нас в тени) видел истинную картину своими глазами; видел ее, как цельное панно из мозаики. Но панно рассыпалось, и теперь все разговоры антропологов типа «этот признак ближе к такому-то комплексу» и «позвольте, еще сам Костин-Зубов указывал на неправомочность этого сравнения»; так вот, всё это отныне – переливание из пустого в порожнее. Разумеется, это не призыв к отказу от исследований, но это констатация того, что исследователи изучают рассыпанную мозаику, не имея ни малейшего представления о том, что изображало панно. Даже если будущие методы позволят получать результаты, немыслимые ныне, и с точностью до буквы, запятой и сантиметра выяснить, «откуда есть пошла» та или иная кость и где территориально и от какого конкретно отца родился ее обладатель, – все равно без понимания концов и начал истории эти знания будут лишь увеличивать эволюционистский традиционный «хаос знания».

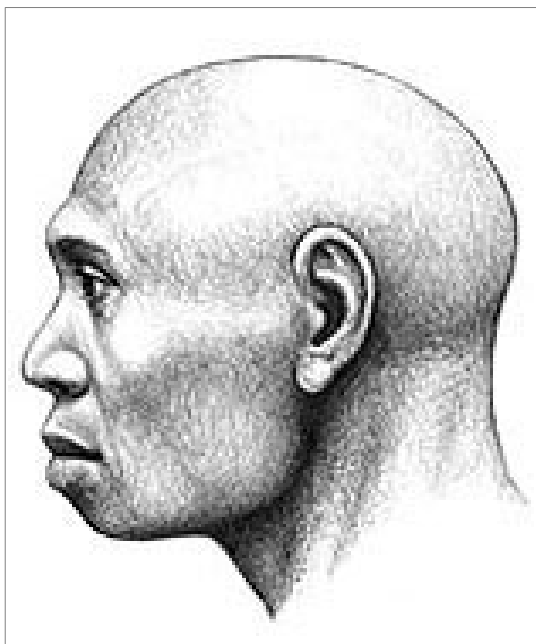
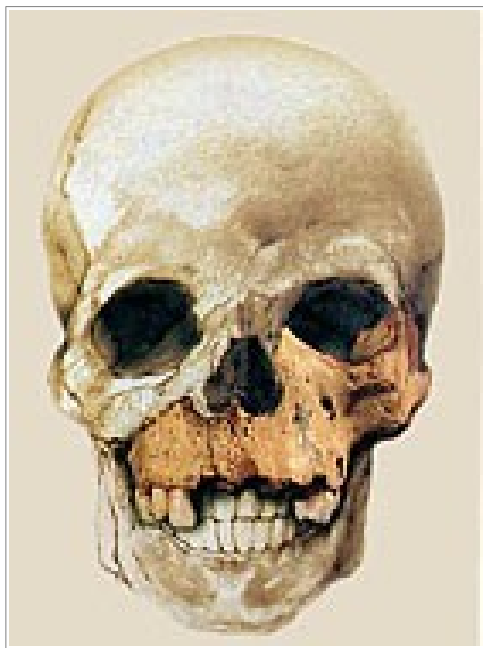


Черепы 3, 4 и 15 верхнего ряда морфологически напоминают эректусные, черепы 5, 9 и 10 среднего ряда имеют более выраженные черты гейдельбержцев и отчасти неандертальцев, а черепы 6, 16 и 17 нижнего ряда можно отнести к *Homo sapiens* с рядом архаичных признаков. Атапуэрка, Сима де лос Уэсос, Испания, 600–430 тыс. лет по стандартной шкале.

Замечательным примером системного сочетания приведенных выше антропологических явлений может служить ряд черепов из испанской Атапуэрка, Сима де лос Уэсос, где в одной группе, обитавшей в одно время (датируется 600–430 тыс. лет назад) и в определенном локальном месте, встречается черепная морфология в диапазоне от фактически эректусной до фактически сапиентной. Не будь эти черепа синхронны и не будь найдены в одном месте, из них можно было составить эволюционный ряд, который так любят эволюционисты, с якобы прогрессивным развитием черепа от эректусных форм к сапиентным. В данном случае исследователям повезло в том, что найдены не фрагменты и даже не отдельные индивиды, а сразу целый срез древнего сообщества. И вот такой, что называется, нонсенс. Еще раз – все эти люди жили одновременно, в одном местообитании и с большой долей вероятности были даже родственниками! Один этот пример разрушает всю эволюционную схему и рассказы о постепенной эволюции и столь же постепенной сапиентации.

Можно ли разгадать этот ребус, распутать этот клубок до последней нити? Какие факторы повлияли на то, что один родственник так непохож на другого? Почему один родственник выглядит на свои полмиллиона лет, а другой вызывающе современен? Подобный морфологический разноречив характерен для многих стоянок, где найдено более-менее подходящее количество «материала». В том же африканском Омо (датируется 200 тыс. л.) современный череп Омо-1 соседствует с архаичным Омо-2. Изменчивость

внутри одной группы из Дманиси, запредельна и даже без пресловутого «пятого черепа», по словам авторов находок (не понимающих, какую дичь они изрекают) превышает видовую. Ближневосточные стоянки Схул и Кафзех демонстрируют не менее впечатляющий морфологический карнавал внутри каждой из групп, но обращает на себя их «вопиющая» сапиентность, при этом своеобразная сапиентность вразнобой, неизвестно откуда выпрыгнувшая официальные 120 тыс. лет назад, однако понятная в свете нашей модели.



*Фрагмент ATD6-69 и реконструкция облика.
Источники: Discover (December 1997) и Mauricio Antón.*

Упоминавшийся выше челюстно-лицевой фрагмент АТД6–69 с датировкой 0,93 млн. лет из испанской Гран Долина своей современностью просто перечеркивает все африканские находки, которых эволюционисты сватают нам в предки. Также в упомянутой выше испанской Сима де лос Уэсос полмиллиона лет назад некоторые экземпляры гораздо более современны, чем африканские «прародители». При этом в Африке находки наших «предков» гораздо более молоды и выглядят гораздо более «дикиими», а в Европе некоторые гораздо более древние выглядят, как мы сказали, гораздо современной африканских. Европейские находки бьют Африку по всем фронтам, но «предки» – все равно якобы африканцы. Все образцы находятся в научном обороте, вся информация по ним доступна, но научное сообщество как будто не замечает этого парадокса. Я не разделяю ни одну из африканских концепций происхождения человека, но если вы, господа африканоцентристы, отрицаете полицентризм, то как получилось, что эволюция человека, то есть превращение его в *Homo sapiens*, не просто происходило независимо в Европе, а еще и обгоняло ваших фаворитов?

Впрочем, сейчас речь не об этом. Я о том, что панно рассыпалось, но мы, зная, что «дело не в баскетболе», все же имеем возможность складывать отдельные его фрагменты и догадываться, что некоторые миграционные ручейки из «популяции А», уже время спустя, после всех историй с первыми эмигрантами, в условном позднем плейстоцене, отправившись на юг в сторону Африки и пробираясь берегом

Эгейского моря, не могли миновать стоянки в районе горы Кармел в нынешнем Израиле, тогда уже обитаемой. Отбился ли кто-то от своих спутников или сознательно остался на гостеприимном морском берегу?



Как бы это сейчас выглядело – из ряда вон выходящим или обыденным? Коллаж Golden Time

Благодаря своему взгляду на предмет, мы можем реконструировать многие эпизоды – например, что ранее, на уровне условного среднего плейстоцена, еще кто-то из «популяции А», пробираясь уже на запад и в итоге попав в тот же испанский «рукав», что и первые покорители Европы (рукав, в своей самой

южной оконечности упирающийся в Гибралтар, отрезающий дальнейший путь в Африку), – что именно этот кто-то оставил свой след в виде испанских сапиентных находок среди своих новых «диких» сородичей. Эволюционизму нужно расслабиться, «отпустить эту боль» происхождения от обезьяны и понять – что на протяжении всего каменного века, открытого нашему взору, действовал один и тот же «биологический вид» – человек. Все эти *Homo ergaster/erectus*, *Homo heidelbergensis*, *Homo neanderthalensis*, *Homo floresiensis*, *Homo naledi*, равно как и мы, *Homo sapiens* – все это один, жутко полиморфный, но единый и неделимый кластер, одна форма, или, если угодно, таксон, включающий массу подвидов, или рас, как живущих, так и вымерших. Есть сведения, что те же *Homo floresiensis* были живы еще во времена первых прибывших на остров испанцев-колонизаторов. Дикие племена, никогда не выходившие на контакт с цивилизацией, до сих пор регулярно обнаруживаются не в затерянных мирах, а на территориях, казалось бы, вдоль и поперек обследованных континентов. Интересно – если сейчас где-нибудь в джунглях Бразилии или Африки отыщутся живые *Homo erectus*, а их дети вырастут в нашем обществе, пойдут в школу и пр. – признают ли их эволюционисты сапиенсами, или будут по-прежнему считать отдельным биологическим видом?

3.

Оппоненты могут возразить, что предлагаемая нами модель не просто противоречит модели, принятой в

антропологии, но сама по себе сугубо умозрительна, не подтверждается никакими находками. Действительно, есть вещи абсолютные и принципиальные – например, полное отсутствие останков анатомически современных людей в древних, доэректусовых отложениях дало бы оппонентам полное право сказать – нет ни одного такого факта, посему ваша версия абсолютно спекулятивна. Между тем даже одна находка некоего предмета «не на своем месте», например, находка одной-единственной нити с одежды предполагаемого преступника в отдаленном лесу на месте преступления, ломает всю схему «невиновности преступника» (разумеется, речь идет о добросовестном расследовании преступления). Точно так же и нахождение человеческих останков современной анатомии в достоверно древних отложениях разрушает всю благостную схему постепенной и последовательной эволюции человека.

Как бы нервно оппоненты ни относились к сказанному ниже, но у нас есть множество свидетельств такого рода. Множество подобных находок описано у разных авторов, но наиболее полно они представлены в известной книге М. Кремо и Р. Томпсона «Forbidden Archeology...» (в русском сокращенном издании «Неизвестная история человечества», 1-е изд. 1999). В нашем славном отечестве, как водится, при возникновении серьезной проблемы принято решать ее самым эффективным способом – нападать на того, кто об этой проблеме прилюдно сообщил. Если читатель хоть минимально соприкасался с этой темой, то знает, каким бельмом на глазу является

Кремо у адептов эволюционизма, сколько обвинений и агрессии последовало в его адрес. По сути, за него вступились только двое наших ученых – Ю. Чайковский и Н. Каландадзе, независимо отметившие серьезность подхода Кремо к ископаемым материалам (Н. Каландадзе, «Все хотят стать Людьми...») и то, что «многие из собранных ими данных вполне научны в западном смысле» (Чайковский, 2003). Также противник Кремо Е. Белоусов, пытавшийся найти «нормальное» объяснение отдельным аномальным находкам, считает недопустимым аргумент о некомпетентности авторов «Неизвестной истории человечества», называя такой аргумент «бессильным» (Белоусов, «Так сколько же лет от роду...»).

Поэтому без долгих рассуждений хочу высказать свое отношение к ситуации, указав на общую, тотальную ошибку всех критиков, а именно – никакого значения в этой критике и нападках на Кремо не имеет его личность, религиозность или отсутствие серьезных научных степеней, если речь идет о так называемых аномальных находках. Если бы Кремо имел к их существованию какое-либо отношение – мог их подделать, исказить информацию, раздуть обычные факты до размеров сенсации и пр. – не о чем было бы и говорить, но он не просто добросовестно, а порой даже с занудной введливостью собрал и представил все какие только возможно сведения об аномальных находках от конца позапрошлого века до наших дней. Поэтому его личность собирателя и систематизатора никаким образом на сам факт существования этих аномалий не влияет.

Раздающиеся из лагеря оппонентов постоянные призывы к «опровержению домыслов Кремо» и окончательному решению «аномального вопроса» в этом смысле нелепы, так как аномальные находки – это в современной парадигме именно «зависшие» находки. Для многих из них (я подчеркиваю, что для многих, но не для всех) исключены все традиционные эволюционистские «объяснения» – интрузия (проникновение из верхних слоев), неверное датирование, шутка археологов, подделка и пр.; они присутствуют в достоверно древнем геологическом контексте, но при этом анатомически современны. Их исследования до наступления господствующей парадигмы проводились учеными, имеющими высокую научную репутацию, по принятым в науке стандартам, а результаты в свое время обсуждались на ученых собраниях и были опубликованы в научных журналах (Ragazzoni, 1880; Sergi, 1884; Issel, 1868; Moir, 1927, 1929, 1935; Osborn, 1921; Ameghino, 1909; и др., в: Cremo & Thompson, 1994). Лучшее свидетельство в пользу аутентичности «аномальных» находок – это та атмосфера нервозности и нетерпимости, то постоянное шулерство, что совершается в их отношении представителями научного сообщества со дня обнаружения и фактически до наших дней, при этом с каждой находкой и без исключения, где любые суждения и «исследования» их – это лишь откровенно ангажированная и постоянная дискредитация, избирательное отношение к датировкам вплоть до намеренного внесения искажений в результаты исследований, даже подделки сопутствующих материалов для фальсификации обстоятельств находки,

многочисленные случаи исчезновения образцов из хранилищ вплоть до фактов откровенного их воровства. Такой «интерес» к находкам и такие манеры говорят о многом и подсказывают добросовестному исследователю, на чьей стороне, так сказать, правда и справедливость^[10].

Поэтому можно сколь угодно отрицать эти феномены, но факт остается фактом – у нас есть свидетельства, подтверждающие принципиальную возможность существования нашего сценария. Большинство наиболее достоверных останков людей современной морфологии относится к периоду 4–3 млн. лет назад по принятой шкале. При этом любопытно, что, начиная с 2 млн. лет назад черепа современной анатомии уже не встречаются фактически до «разрешенного» предела 300–200 тыс. лет, но с этого же периода 2 млн. лет назад присутствуют анатомически современные посткраниальные останки, не признаваемые прежде эволюционистами за современные, но ныне «реабилитированные» и в принятой наукой схеме относимые к *Homo ergaster*. Хотя, разумеется, часть их также может относиться к анатомически современным или «находящимся в стадии архаизации» людям названного периода. Все эти находки могут свидетельствовать о правоте нашей модели в целом, а статистическая раскладка подтверждать его последовательность: по принятой шкале 3,5–2 млн. лет назад – существование людей анатомически современного типа (находки из Кастенедоло, Савоны, Красной Скалы, Фоксхолла, Буйнос-Айреса и др.); 2,0 – 0,3–0,2 млн. л.н. – время

Homo ergaster и последующих «архаичных» людей (в это время «популяция А» находится в скрытом центре и себя в палеонаходках не проявляет); 0,3–0,2 млн. л.н. или несколько ранее – период позднеплейстоценовой активизации людей из «популяции А» и первые проявления в палеослоях анатомически современных людей, – это не только признанные Омо-1 (200 тыс. л.), Людзянь (80–110 или 153 тыс. л.) и метисы стоянок Схул и Кафзех (80–120 тыс. л.), но и «полупризнанные» в силу некоторого выхода из временных границ схемы – Ереванский череп (более 0,5 млн. лет), находки из Гелли-Хилл, Ипсвича, Мулен-Киньон (все – более 300 тыс. л.) и др. При этом нас не должно смущать относительно небольшое количество подобных находок – «популяция А» не была цивилизацией, распространенной по всей земле, как наша сегодняшняя, а компактно проживала на определенной территории.

4.

Казалось бы, вся эта история с древними анатомически современными людьми тонет во мраке нижнего палеолита. Что мы можем знать о них, если они длительный период истории оставались за кадром, вне нашего поля зрения? Так называемые аномальные черепные находки фрагментарны – черепные крышки, челюсти – и дают лишь общие представления об их современной морфологии. Можем ли мы сегодня восстановить облик этих древних жителей «местонахождения А», узнать, как они выглядели?

Для этого будем отталкиваться от простого рассуждения – допустим, ни мы, ни эволюционные антропологи не знаем, что такое сапиентность в норме, но знаем, что на протяжении истории так называемыми «прогрессивными», сапиентными признаками в той или иной мере в разных регионах обладают местные, автохтонные представители разных человеческих «таксонов». Читатель сразу поймет, куда я клоню, когда скажу, что относительно недавний синтез искусства фотографии и компьютерных программ дал нам возможность поразмышлять над так называемым эффектом обобщенного портрета.

Возьмем, к примеру, изображения женских лиц. Парадокс в том, что даже составленный из множества так называемых «некрасивых» лиц, обобщенный портрет всегда привлекателен и мало отличается от обобщенного портрета, составленного из такого же количества лиц красивых. Что за явление мы наблюдаем? Чаще всего приводимое объяснение, что нашему глазу благоприятствует и облегчает работу симметрия портрета, не годится, поскольку при намеренном последующем внесении в них асимметрии обобщенные изображения не становятся менее привлекательными.

Антропологи уже некоторое время используют метод обобщенного портрета (автор Р. Гальтон) для составления портретов отдельных антропологических групп, народностей и даже целых народов. Если мы возьмем выборку, скажем, по коренным жителям Калужской области России, то получим усредненный портрет жителя этой области, по коренным жителям

России – обобщенный портрет русского, и пр. При экспонировании, совмещении множества лиц все детали, присущие отдельному индивиду и отличные от других, например, длинный нос или чересчур широкие скулы, растворятся среди множества остальных, но обобщаться, то есть прорисовываться в итоговом портрете будут только самые характерные черты, скажем, для жителя региона или в целом для нации. Полученный портрет антропологи считают своеобразным «средним», типичным лицом выборки на фоне внутригрупповой изменчивости, однако это не значит, что такое лицо присуще большинству жителей этого региона и вы его с большей долей вероятности, чем другие, встретите на улице. Обобщенное лицо – это совсем не «типичное» и не «среднее». По сути, сам метод – это аналог многомерного анализа, но создатель метода Гальтон считал, что портрет отображает не статистические параметры, рассчитанные по индивидуальным данным, а, скорее, **исходные** индивидуальные данные. То есть в основе обобщенного портрета лежит не среднее арифметическое множества лиц, а некий исходник всего этого индивидуального разнообразия. С портрета исчезает все, что не характерно для определенной группы или нации, а остается лишь некая их сущность. Я считаю, что составленный из множества «некрасивых» лиц обобщенный женский портрет именно поэтому и красив, что, лишённое всех «отклонений», «уклонений» от условного эталона, он представляет некую базовую сущность женского образа, женское лицо в своей первооснове. Все прочие являются вариациями на его тему. (А почему сам эталон так красив и гармоничен,

и кто его Автор – вопрос отдельный). Специалисты говорят, что обобщенные портреты, скажем, русских, должны быть теоретически похожи на предков, стоявших у истоков нашего народа. Иконописцы также работали по принципу воплощения не физического образа персонажа, а сущностного.



Слева - обобщенный женский портрет из 15-ти т.н. непривлекательных лиц. В центре – даже значительная ассиметрия (искусственно внесенная в тот же портрет) не разрушает привлекательности, предполагаемой из-за наличия симметрии. Справа – обобщенный женский портрет из 15-ти т.н. красивых лиц. Коллаж GT и faceresearch.org

Можно было бы сказать, что здесь мы ступаем на тонкий лед философии и прочей метафизики, но к подобному «сущностному» выводу приходят сами ученые, признанные авторитеты в области антропологии. Так, Маурер и Перевозчиков пишут о методе обобщенного портрета:

«Чем больше у нас выборка, тем больше индивидуальных особенностей может полностью исчезнуть из суммарного результата, происходит своеобразный «отрыв» суммарного образа от индивидуальных признаков. С общетеоретической точки зрения это осуществление типологической методологии в ее классическом варианте понимания сущности (эссенциализм) [Шаталкин, 1988]. А так как сущности не могут быть предметом анализа, то на этой стадии и следовало бы остановиться, если бы... мы эту сущность не получили вполне механистическим путем (возможно, обобщенный фотопортрет первый пример получения сущности индуктивным методом, а не дедукцией). Круг замкнулся – крайний популяционистский подход привел к чисто типологическому результату. Но, подойдя к сущности как бы изнутри, мы можем позволить задать себе вопрос если не о всей полноте сущности, то, по крайней мере, о ее антропологической составляющей» (Маурер и Перевозчиков, 2002).

Любопытно, что хлеб и песня эволюционной палеоантропологии – это именно анализ множества рассыпанных по всей антропо-коллекции признаков человеческих черепов – от современных рас до разных «архаичных таксонов». Это многотрудные и бесчисленные описания и сравнения друг с другом всевозможных костных элементов, их размеров и степеней выступления или впадин. Еще понятны числовые замеры признаков, их ранжирование и раскладывание образцов по соответствующим этим цифрам нишам. Менее понятны каталожные

описания «вообще» (вроде того, что «надбровные валики утолщены в средней части, почти горизонтальны при взгляде спереди или сверху, глабелла не понижена и даже немного выступает вперед...» и пр., и пр.). Полицейский протокол описания места происшествия еще может пригодиться, поскольку завтра исходная картина следов будет нарушена, но многочисленные словесные описания, все эти «протоколы осмотра черепов» с их «почти» и «немного» – как ни печально, но завтра утратят всякий смысл, ибо все известные образцы оцифровываются, часть доступна уже сейчас, но скоро абсолютно все будут доступны любому человеку для любых собственных осмотров и измерений. Словесное их описание сегодня – это уже такая же пустая трата времени, как, скажем, искусствоведческое описание «Моны Лизы» в каталоге словами – «левый угол губ приподнят чуть выше правого, глаза прищурены, одна рука лежит на другой, горизонт чуть завален вправо...» и проч.

Видимо, в этом есть какое-то особое удовольствие – каталогизировать многочисленные отличия образцов, сравнивать и скрупулезно описывать то, что их разъединяет. Эволюционному палеоантропологу в голову не придет визуально обобщить данные или докапываться до сути того, что есть сапиентность, не говоря уже о человеческой сущности как таковой, ибо зачем обобщения и, так сказать, проникновение в суть предмета, если интерес состоит именно в отличиях и индивидуальных особенностях образцов? Наша же модель, декларирующая происхождение всех

«архаичных» людей от общего источника, предполагает прямо противоположный подход.

Какую же сущность с помощью этого метода можем получить мы? Конечно. Разумеется. Ничто не мешает нам получить эту «сущность». Если мы обобщим изображения черепов современного *Homo sapiens sapiens*, то получим нечто близкое к тому, что палеоантрополог Зубов называл недифференцированным сапиенсом – череп, на котором будут сглажены все расовые различия. То есть портрет эталонного современного сапиентного черепа. Мы знаем, кстати, что многие представители первой сапиентной экспансии по миру 40–45 тыс. л.н. в принятых датировках были именно такими недифференцированными на расы, «обобщенными» сапиенсами.

Обобщенный череп *Homo ergaster* даст нам картину «эталонного» эргастера, наиболее похожий на череп старика из Дманиси D3444, однако очевидно, что выборка катастрофически мала. Черепная коробка вырисовывается отчетливо, но вот из-за недостатка лицевой части в эргастерной коллекции ее обобщенная форма «плавает»^[11]

В литературе встречаются упоминания о том, что антропологи обобщали не только портреты определенных этнических групп людей, но и, скажем, краниологические серии этих групп. Действительно, нет особой новизны в том, что если взять исходником краниологическую серию, скажем, армян (Перевозчиков и Маурер, 2009), то мы получим обобщенный армянский череп. Однако если мы хотя

бы допускаем мысль о том, что все древние «архаичные» люди являются частью единого кластера *Номо*, то удивительно, почему никому не приходила в голову идея попробовать получить обобщенный краниологический портрет из набора черепов этих разных «архаичных» *Номо*, причем принципиально без единого сапиентного черепа в выборке? Как будет выглядеть обобщенный, эталонный «архаичный» человек, этот эргастеро-неандертало-гейдельбержец? В чем будет заключаться его искомая базовая сущность?

Делаем выборку из 12 черепов, почти половина из которых – представители самых ранних известных нам людей и, в соответствии с эволюционным представлением, самых архаичных, хомо эргастер, а также черепа гейдельбержцев и неандертальцев. Сапиенсов игнорируем полностью. Только архаика, только *hardcore*.

Сводим все вместе – и о, чудо – перед нами... *Номо sapiens*!



Слева – образцы, используемые для обобщенного изображения (уменьшены), ни один из которых не классифицируется как сапиентный *sensu stricto*. *Номо ergaster/erectus*: ER 3733, WT

15000, ER 3883, D3444, Сангиран-17; *Homo heidelbergensis* Бодо-1, Джебель Ирхуд, Брокен Хилл-1, Чинньюшан; *Homo neanderthalensis* Табун-1, Шанидар-1, Амуд-1. Справа – обобщенный череп из 12 «архаичных» черепов. Выравнивание было сделано мною по нижнему краю орбит и общим контурам при приведении к одинаковому масштабу, плотность каждого слоя 8%, итоговое изображение *presented as is*, без ретуши и трансформации. © Golden Time.

Первая мысль, которая приходит в голову при взгляде на обобщенный портрет – что главная проблема всех эво-антропологов, состоящая в необходимости систематизации бесчисленного количества несхожих признаков, решается тем, что **сапиентные признаки разбросаны по множеству палеолитических черепов**, но только *Homo sapiens* их все объединяет.

Однако позвольте. Какие сапиентные признаки? Каждый из представленных образцов в терминах оппонентов крайне архаичен, ни у одного не наблюдается сапиентная форма черепа, сапиентное лицо, надбровья и пр. Будь в эту серию включены сапиентные черепа, мы еще могли бы говорить о каком-нибудь морфологическом доминировании или «выправлении» архаичных черт. Но у нас ситуация иная – при отсутствии сапиентных признаков множество архаичных черт слились в единую сапиентную форму. Почему сапиентный образ, «сущность» уже содержится в россыпи, в сумме этой архаики?

С точки зрения эволюционизма невозможно представить, что *Homo sapiens* как эталон, как общая «сущность» человека уже изначально содержался во всем многообразии «архаичных» таксонов, а вся

эволюция, вариации, модификации – всё это было всеобщим и запрограммированным вектором движения в сторону сапиенса. Каким образом все «архаичные» сообщества на земле, даже боковые линии, имели общий сапиентный вектор эволюции, при том, что различные условия планеты, различные среды, климат, изоляция, образ жизни, стрессы и пр., неизбежно создающие биологическое разнообразие, не разводили все эти таксоны по разные стороны, а, напротив, стремились к заданному образу и работали на то, чтобы сгладить весь этот (уже имеющийся!) разноречивый, стирали всё лишнее, «всё, что не сапиентное», и в итоге, вуаля, в одной из африканских популяций свели всё к единому заранее заданному облику? Но если кто-то из архаичных африканцев породил популяцию сапиенсов, почему сапиентный облик в качестве эталона изначально содержался уже во всех линиях по всему миру?

Нет, гораздо более вероятно, что не морфологическое множество слилось в одно целое, а исходная форма рассыпалась на множество разнообразных форм, которые были уже вариациями на ее тему. Как в ситуации с «красивым» портретом, все эти особые признаки у «архаичных» таксонов были не следствием развития, а **отклонениями от общего изначально сапиентного стандарта**, то есть они были чем-то вроде слишком длинного носа или слишком широких скул на портрете; индивидуальными, случайными деталями, не имевшими к эталонному образу отношения и растворенные в общем портрете как нетипичные.

Таким образом, можно заключить, что исходной формой для всех «архаичных» таксонов был анатомически современный человек. Мы его сегодняшние сапиентные потомки, а все архаичные таксоны – его архаичные потомки палеолитические. При этом еще раз хочу подчеркнуть, что тех анатомически современных людей древности, от которых произошли все более поздние «архаичные» сообщества, нельзя рассматривать в сравнении с нами, поскольку мы тоже не являемся сапиентной нормой. У нас с эргастерами разница бóльшая, чем у них. Мы – это некая специализированная «тепличная» форма, с рекордно тонкостенным черепом и округлым «раздутым» куполом, но полученный нами на обобщенном изображении сапиенс наиболее близок к верхнепалеолитическому типу. Если обобщенные портреты народа или расы похожи на предков, стоявших у их истоков, то примерно так и выглядели люди из «популяции А».

5.

Итак, из всех представленных выше соображений можно сделать как минимум два связанных меж собой вывода. Первый состоит в том, что в основе морфологических изменений, происходивших с человеком от самых ранних известных форм *Homo ergaster* до современных людей – лежат механизмы не эволюционные, а адаптивные, проявлявшие себя в диапазоне от воздействия на организм внешних условий среды и образа жизни до внутренней генетической способности к таким

трансформациям. Стоит подчеркнуть, что я, безусловно, могу в чем-то ошибаться с предлагаемыми мною биологическими механизмами трансформации – мышечным, сфеноидным, синтетическим МСТЧ и пр. Но происхождение «архаичных» сообществ неэволюционным путем является в предложенной модели ключевым и не отменяемым возможными недостатками того или иного описывающего его механизма «архаизации».

И второй вывод – что самые ранние известные нам архаичные формы древнего человека могли произойти от людей анатомически более «прогрессивных». Если, как мы убедились, анатомически современный человек принципиально способен к значительной «архаизации», а весь таксон *Ното* в историческом обзрении и антропологическом плане является единым, то нет никакого противоречия в том, что эргастер мог как произойти в древности от более «прогрессивной» формы *Ното*, так и позже изменяться в сторону сапиентации в форме неандертальца и гейдельбержца. Таким образом, ответ на вопрос о многообразии палеолитических сообществ, их происхождении, связях и ролью в нашем происхождении состоит в том, что все они – побочное следствие, а не причина тех событий и процессов, которые принято называть антропогенезом.

Говорится, что экстраординарные утверждения требуют экстраординарных доказательств. Я считаю, что экстраординарным является как раз утверждение о происхождении человека от обезьяноподобного

предка, тем более что таковому утверждению до сих пор не представлено доказательств не только экстраординарных, но и «нормальных», обычно принятых в научных дисциплинах. Онтологическое и историческое обоснование представленной модели будет дано далее.

В заключение этой главы хочу подчеркнуть, что я не выстраиваю никаких экзотических теорий, а пытаюсь показать модель, которая объяснит и опишет события ранней истории человека более убедительно, чем эволюционный антропогенез и ответит на те вопросы, где эволюционизм не просто буксует, а не знает, с какой стороны к этим вопросам подойти. В свете предложенной модели эволюционистская картина может быть радикально пересмотрена. В заключительной, 7-й главе нам остается ответить еще на некоторые из оставшихся вопросов и, в частности, прояснить историю «популяции А», в этой главе столь тщательно скрывавшейся от наших глаз.

* * *

Примечания:

¹ «...Как вы объясните, что два миллиона лет назад (по вашим меркам) хомо эргастер возник внезапно с уже «готовым» постчерепным скелетом современной анатомии?» – А вообще почему противники эволюции не могли предполагать находку сапиентных останков, если, например, тот же небезызвестный читателю Макгенри еще в 1978 году писал: «Исследования <...> показывают, что два морфологических образца бедер гоминид существовали приблизительно два миллиона лет назад. Бедра, классифицированные

как *Homo sp. indet.** (KNM-ER 1472 и 1481), **наиболее подобны *Homo sapiens***, хотя [между собой] не идентичны» (McHenry H.M., Corruccini R.S. *The femur in early human evolution*. Am J Phys Anthropol. 1978 Nov;49(4):473–87).

* прим. А.М. – *Homo sp. indet.*, это – идентифицирован как *Homo*, но вид не определен (в 1978 г. еще по понятным причинам). [\[Вернуться к тексту\]](#)

² «Правильнее называть их специализированными, а не примитивными». – Здесь Дробышевский отдает дань эволюционному политесу; вроде того, что можно согласиться с возвратом прогрессивной морфологии к архаичной, но нельзя называть этот возврат к примитивной морфологии, ибо в терминах эволюции «примитивное» – это только то, что эволюционно предшествовало «прогрессивному», поэтому назовем это любым другим термином. [\[Вернуться к тексту\]](#)

³ «...То в сравнении с ними современные женщины окажутся «более сапиентны...» – Цитата:

«Половые различия черепа выражаются в больших средних размерах мужских черепов по сравнению с женскими. Рельеф на мужских черепах выражен значительно сильнее. На черепах женщин менее шероховаты места прикрепления мышц, особенно на затылочной кости и нижней челюсти, слабее развиты сосцевидные отростки и надбровные дуги, тоньше скуловые дуги. С другой стороны, на женских черепах обычно больше выступают лобные и теменные бугры. На черепах мужчин чаще наблюдается покатый лоб, гораздо отчетливее

выражен лобно-носовой угол, тогда как черепа женщин обладают более плавным переходом от лобной к носовым костям. Глазницы у женских черепов более высокие, вход в них округлый, верхнеглазничные края тонкие и острые. Нижняя челюсть у мужских черепов больше и массивнее, ветви ее поставлены более вертикально, зубы в общем крупнее, чем у женщин». Источник: https://studopedia.su/10_98895_izmenchivost-cherepa.html [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁴«...Обнаружилось 8 из 17 анатомических черт, полностью совпадающих с эректусными». – Коренные жители Новой Гвинеи также известны своей «архаичной» морфологией, занимая по этому показателю, по-видимому, второе место после коренных австралийцев. Тот факт, что в выборке жителей Новой Гвинеи (95 человек) обнаружилось 8 из 17 анатомических признаков, говорит о подобных же процессах «архаизации», протекавших у первых обитателей острова, прибывших сюда на волне той же мировой сапиентной экспансии, но, в отличие от австралийцев, не находившихся столь же продолжительное время в абсолютной изоляции. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁵«Есть серьезные основания считать, что первые следы человека в Западной Сибири (стоянка Дириг-Юрях, каменные орудия) датируются 1,8 или более млн. лет». – Полемика по поводу датировки Дирига стала отражением научных войн, которые ведут между собой представители разных концепций – академик А. Деревянко и сторонник т.н.

внетропической прародины человечества Ю. Мочанов. Поскольку таковая концепция противостоит принятым в науке взглядам, то, признавая профессионализм Мочанова, в научных кругах принято критиковать датировки Дириг-Юрья. «Дириг существует сейчас в нескольких возрастах» (В. Таюрский), но по умолчанию в целом признается т.н. датировка М. Уотерса 270–370 тыс. л. (M. R. Waters et al. *Diring Yuriakh: a Lower Paleolithic site in central Siberia* // *Science* 275 (1997)). Однако, как пишет Мочанов,

«...Даты и методика их получения... были подвергнуты критическому разбору в статье канадского и английского физиков (Huntley D. J., Richards M. P. *The age of the Diring Yariakh archaeological site* // *Ancient TL*. 1997. V. 15. № 2—3. P. 48—49). Они пришли к выводу, что методика получения исследователями США термолюминесцентных дат для Дирига страдает многими погрешностями. По их мнению, возраст культуросодержащих отложений Дирига должен быть более древним».

Кроме того –

«В 1990 г. по отобраннным авторами образцам в лаборатории радиотермолюминесцентного (РТЛ) датирования кафедр радиохимии и геоморфологии МГУ В.К. Власовым и О.А. Куликовым были получены первые РТЛ даты для Дирига: слой 6 – $2,9 \pm 0,9$ млн. лет (РТЛ-424) и больше 1,1 млн. лет (РТЛ-453); слой 4 – больше 1,8 млн. лет (РТЛ-454). Эти даты довольно хорошо согласовывались с возрастом культуросодержащего слоя Дирига,

предполагаемого по археологическим, геологическим и палеомагнитным данным. <...>

Для того, чтобы отстаивать надежность возраста Дириंगा, предложенного М. Уотерсом с соавторами (Waters, Forman, Pierson, 1997; 1999), надо полностью игнорировать все радиотермолюминесцентные даты, полученные в МГУ, а также все выводы о возрасте Дириंगा палеомагнитчика А.В. Пенькова («...определенно можно исключить оценки возраста менее 1 млн. лет... Наименее противоречащим всему комплексу имеющейся в настоящее время палеомагнитной информации представляется вариант верхнего предела возраста культуросодержащего слоя около 3,2 млн. лет», – примеч. А.М.), геологов-литологов А.В. Коробицына и Т.И. Комзиной («...не противоречит датировке археологических материалов в диапазоне 3,2–1,8 млн. лет», – примеч. А.М.), геолога-мерзлововеда Н.Н. Романовского («Мы склонны присоединиться к позиции Ю.А. Мочанова и А.В. Пенькова о возрасте, условиях залегания и генезисе отложений разреза Дириंगा», – примеч. А.М.). Кроме этого, надо совершенно не принимать во внимание, что М. Уотерс с соавторами для увязки полученных ими дат с геологическим возрастом отложений табагинской террасы вынуждены относить датированные ими отложения к эоловым, что полностью противоречит выводам всех геологов, многие годы детально занимавшихся фациальным анализом отложений Диринг-Юряха. По их мнению, эти отложения являются, бесспорно, аллювиальными» (Мочанов Ю.А., Федосеева С.А. «Стоянка древнейшего палеолита

Диринг-Юрх в Якутии и проблема внетропической прародины человечества»).

[\[Вернуться к тексту\]](#)

⁶«Но и ранние, и поздние люди, скорее всего, так и оставались по разным берегам континентов, не имея возможности преодолеть пролив». – Надежда Алексеева пишет:

«Сторонники гипотезы миграции через Гибралтарский пролив выдвигают такие аргументы:

– велика вероятность того, что существовала сухопутная перемычка, которая соединяла Европу и Африку в районе Гибралтарского пролива (или, по меньшей мере, расстояние между ними было намного меньше);

– мог существовать некий „перевалочный пункт“ – остров в середине пролива, через который происходила миграция;

<...>Формирование ледников способствовало аккумуляции огромных масс воды – сокращались акватории океанов, но после таяния льдов вода вновь в них возвращалась. Это вызывало общие, так называемые эвстатические, колебания уровня моря. Во время ледниковый он понижался – по разным подсчетам, на 85–120 метров по отношению к современному, обнажая сухопутные перемычки, по которым люди смогли, например, проникнуть на острова Юго-Восточной Азии. Вот, казалось, и объяснение того, как могла сформироваться перемычка на месте Гибралтарского пролива. Но, к сожалению, приходится отметить, что наибольшие по своим объемам ледники формировались не 1–1,5

миллиона лет назад, а гораздо позднее – около 300 тысяч лет назад, в среднем плейстоцене. Во время максимального оледенения языки ледниковых покровов доползли на Восточно-Европейской равнине до 48° с.ш., а в Северной Америке – аж до 37° с.ш. То есть в интересующий нас период, если и было обмеление Гибралтарского пролива, то не столь заметное, как хотелось бы. При не слишком большой ширине Гибралтара в 14–44 километра здесь весьма существенные глубины (наибольшая глубина – 1181 метр) при очень узкой шельфовой зоне, то есть мы имеем узкий и глубокий желоб между двумя континентами» (Алексеева Н. «Африка – единственная колыбель человечества?»).

Здесь также работает обычная логика. Если бы миграция осуществлялась через Гибралтар со стороны Африки, мы находили бы на берегу пролива со стороны Африки некоторые следы людей, осевших здесь и готовившихся к преодолению столь серьезного препятствия (проще выражаясь, принцип скопления людей перед дверьми при выходе из людного помещения). Но самые ранние и достаточно многочисленные следы людей мы находим «с той стороны», в Европе, а со стороны Африки берег Гибралтара чист. Позже, в среднем плейстоцене, стоянки появляются и с африканской стороны, и это как раз свидетельствует, что люди, населявшие Африку к тому времени, уже достигли берега Гибралтарского пролива, ставшего для них препятствием на пути в Европу. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁷ «...Почему самая древняя, по сути, первая из этих групп пошла ровно в противоположном направлении,

вглубь континента?» – В Стеркфонтейне, надо сказать, происходили наибольшие странности с «архаизацией»; здесь найдена одна из самых «архаичных» форм эргастера [SK 847](#), а также относительно недавно обнаруженные популяции в пещерах Диналеди и Леседи – судя по всему, быстро специализировавшаяся, прошедшая двойную трансформацию форма *Homo erectus*. Пропорции хомо наледи уменьшились аналогично *Homo floresiensis*, с сохранением пропорций, но их специализация проходила не в островных, а континентальных условиях. [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁸«Рассуждения о дискретности генов проблемы тоже не решают...» –

«Сторонники СТЭ любят вспоминать о „кошмаре Дженкина“, – пишет Д. Шабанов, – как о проблеме, решенной в рамках синтеза генетики и эволюционизма. С моей точки зрения, „кошмар Дженкина“ не решен и в рамках СТЭ, и это одно из оснований, не позволяющих говорить об СТЭ как о „современной теории“» (Шабанов, 2006).

«В многочисленных „вольных пересказах“, – пишет И. Рухленко, – всё выглядит так, будто Дженкин рассуждал о «разбавлении» простого признака (то есть, такого признака, который обусловлен работой только **одного** гена). Если же обратиться к **оригинальной** работе Дженкина (Jenkin, 1867), то становится ясно, что Дженкин говорил о "разбавлении" **сложного** признака, то есть образованного **удачным сочетанием многих признаков**. Насколько мне известно, в русскоязычной

печати на это обстоятельство (искажение оригинального аргумента Дженкина) впервые указал Д.А. Шабанов (Шабанов, 2006; Шабанов, 2014). Если же озвучить аргумент Дженкина в его **правильном** (исходном) смысле, тогда получится, что "кошмар Дженкина" не то что до сих пор не снят в рамках современной теории эволюции, а наоборот, является одним из критических мест этой теории.

Дело в том, что в популяциях организмов, размножающихся половым путем, в генотипе одной конкретной особи может образоваться **удачное сочетание разных генов**. ... Однако это удачное сочетание ... с высокой вероятностью будет **разбито** в следующих поколениях – за счет **банального** расхождения гомологичных хромосом по **разным** половым клеткам. Кроме того, полезное сочетание аллелей может быть разбито даже в одной хромосоме (!) еще и рекомбинацией (кроссинговер). ... Поэтому закрепление в ходе эволюции **сложных** признаков (образуемых **сочетанием** разных генов) в **половых** популяциях – **крайне** проблематично. ... Например, компьютерное моделирование показывает, что если полезно только удачное сочетание из **четырех** независимых признаков (но не каждый из этих признаков в отдельности), естественный отбор уже оказывается практически **неспособным** отобрать эти признаки» (Рухленко, 2016).

По этой же причине неадекватно предположение, что отбор работает с целым комплексом признаков. Е.А. Седов пишет:

«Современные теоретики эволюции утверждают, что полезными (а следовательно, и подверженными естественному отбору) являются не отдельные признаки, а сложные совокупности, принадлежащие множеству организмов (популяции).

В самом деле, какая польза от вошедшей в историю выдающейся формы носов потомков Бурбонов (известный контраргумент Тимирязева, также ошибочно считавшего, что на основании опытов Менделя аргумент Дженкина «рассеивается без следа», – примеч. А.М.) и во имя какой выгоды стал бы сохранять ее для потомков отбор? И хотя ... этот характерный внешний признак Бурбонов не растворился при смене 7 поколений, он в то же время не стал началом формирования нового «вида» (народности, нации) людей. Наоборот, помимо герцога Немурского, сохранившего нос Бурбонов в своей 1/128 доле унаследованных признаков, доставшихся ему после смены 7 поколений, за это время родились еще сотни праправнуков Генриха IV с самой что ни на есть заурядной формой носа. И если один признак действительно не растворяется, а целиком передается потомкам, то совокупности признаков, содержащиеся во множестве генов, неизбежно перемешиваются в потомстве, поэтому хотя в 7-м поколении и появится потомок с носом Генриха IV, но вряд ли можно ожидать, что в каком-нибудь поколении вдруг возродится вся совокупность черт этого зафиксированного живописцами исторического лица.

И если считать, что каждый из признаков возникает случайно и случайным образом перемешиваются

совокупности признаков у последующих поколений, то становится вообще непонятным, каким образом может сохранять и накапливать полезные совокупности естественный отбор» (Седов Е.А., «Одна формула и весь мир») [\[Вернуться к тексту\]](#)

⁹ «...Ранние неандертальцы были более сапиентны...» – «Хронологические различия, – писал еще В.П. Алексеев, – сопровождаются морфологическими, но последние парадоксальным образом не соответствуют ожидаемым и характеризуют обе группы в обратном порядке по сравнению с геологическим возрастом: более поздние неандертальцы оказываются более примитивными, более ранние – прогрессивными. Мозг у последних, правда, несколько меньше по объему, чем у поздних неандертальцев, но более прогрессивен по строению, череп выше, рельеф черепа меньше., на нижней челюсти намечается подбородочный треугольник, размеры лицевого скелета меньше» (Алексеев, 1984).

О том же пишет А.А. Зубов:

«„Классическим“ неандертальцам в Европе предшествовали жившие в период рисс-вюрмского межледникового (140–75 тыс. лет назад) т. н. атипичные, или генерализованные, неандертальцы (Гибралтар; Саккопасторе в Италии; Абри-Сюар во Франции; Клаузеннише, Эрингсдорф, Таубах, Зальцгиттер-Лебенштедт в Германии; Гановце в Словакии; возможно, Киик-Коба в Крыму), отличающиеся от „классических“ неандертальцев меньшей специализацией, а также рядом прогрессивных,

иногда даже сапиентных черт (меньшая по объёму и длине черепная коробка, более высокая черепная крышка, выраженный перегиб основания черепа, округлый затылок, отсутствие тавродонтизма); по этим признакам атипичные неандертальцы могут быть отнесены к виду гейдельбергский человек» (Большая Российская энциклопедия. А.А. Зубов. Неандерталец ([сетевая ссылка](#))).

¹⁰ «Такой «интерес» к находкам и такие манеры говорят о многом и подсказывают добросовестному исследователю, на чьей стороне, так сказать, правда и справедливость». – Показателен, например, наш диалог с биологом Алексеем Бондаревым, который, выражая свое презрение к «аномальным» находкам, заявил, что, во-первых, все находки, описанные Кремо, были сделаны в прошлом веке и сегодня, что подозрительно, уже не встречаются; и, во-вторых, его друзья, «полевые» палеоантропологи, рассказали ему, что если они встречают что-либо подобное, то никогда не представляют такую находку к обсуждению. Это называется две истины в одной голове. Не менее показательны, что в русской википедии в статье о Кремо, как на что-то авторитетное, приводится ссылка на журналиста, создателя околонуучного сайта и организатора научных поп-концертов А. Соколова, в многолетней проблеме аномальных находок осененного новой догадкой, что все их датировки наверняка неправильные, так как делали их неспециалисты. Для демонстрации этого заявления «специалист по датировкам» Соколов приводит несколько выборочных примеров находок, действительно, сделанных

неспециалистами (что в равной степени относится и ко многим признанным находкам, и даже ключевым для эволюционного антропогенеза), и из нескольких неопределенных случаев делает ложное обобщение. Единственную попытку объяснить в «естественных» рамках один из так наз. артефактов Кremo предпринял Е. Белоусов, в целом умозрительную. Подавляющее же большинство критиков, точнее, отрицателей, в этом отношении испытывает всегда предсказуемые приступы бурного волнения, или, корректно транслируя современные определения, эффект подгоревшего и полыхающего ракетного сопла. Хотя при всяком случае эти люди громко заявляют, что не существует никакой фильтрации находок, что наука честна и открыта для всего нового. Разумеется, я не держусь мнения, что из приведенных Кremo находок аутентичны все до одной. Это просто коллекция экспонатов разной степени убедительности, многие из которых безусловно заслуживают серьезного отношения, а отношение и суждения по принципу «отмахнуться» или «облить помоями» несерьезны.

¹¹ «...Но вот из-за недостатка лицевой части в эргастерной коллекции ее обобщенная форма «плавает». – Лицевая часть сохранилась более-менее всего на шести эргастерных черепках, но как минимум два из них, D2700 и D2282, своей неаутентичностью вносят искажения в общую картину и четырех оставшихся явно недостаточно. Рассуждая в терминах эссенциализма, образ эргастера, это такой образ малой выборки, у которого частично

отсутствует лицо и внесены серьезные искажения патологическими экземплярами.

Что касается *Homo erectus*, то с лицевой частью у них совсем плохо, и реконструкция полного черепа и облика эректуса, каковым мы его знаем, это весьма субъективное рукоделие.

Череп так называемых *Homo habilis/rudolfensis* хорошо ложатся в обобщенный образ *Australopithecus*. Попытка создать обобщенный образ *Homo* и *Australopithecus* (это не обобщение двух портретов, а всей выборки) приводит к невозможности стабилизации изображения – в реальных масштабах выборки изображение двоятся и образует «градиенты», а при приведении к одному масштабу, скажем, черепной коробки, некорректными становятся размеры челюстно-лицевой части австралопитековой выборки.

http://www.goldentime.ru/hrs_partyflood_1.htm

Список используемой литературы

- Алексеев В.П. Становление человечества. Политическая литература. М., 1984 г.
- Барулин А.Н. К аргументации полигенеза. В сборнике: Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка. Сост. А.Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. – М.: Языки славянских культур, 2008.
- Бахолдина В.Ю. Проблемы эволюции человека в современной антропологии. Доклад на биологическом факультете МГУ 24.02.2011.
- Белоусов Е. В. Так сколько же лет человечеству? Опыт расследования одного аномаль-ного археологического факта // Вестник РАН. – № 1. – 2007. – С. 43–49.
- Беляева Е.В, Любин В.П. Первые данные о ранних этапах ашель на Кавказе. КСИА, вып. 227. 2012 г.
- Богатенков Д.В., Дробышевский С.В., под ред. проф. Алексеевой Т.И. Введение в антропологию: Учебное пособие. М.: МГППУ, 2004.
- Брайсон Билл, Краткая история почти всего на свете. Гелеос, 2007.
- Бунак В.В. Род Ното, его возникновение и последующая эволюция. М., 1980.
- Бурлак С.А. Происхождение языка: новые материалы и исследования. Астрель, Corpus, 2011.
- Бутовская М.Л. Эволюция человека и его социальной структуры. Природа, № 9, 1998.

- Вишняцкий Л.Б. История одной случайности или Происхождение человека. Stratum plus, № 1, 1999.
- Вишняцкий Л.Б. На подступах к искусству (палеолит). Stratum plus, сборник: Структуры и катастрофы, 1997.
- Гальбиати Э., Пьяцца А. Трудные страницы Библии, Ветхий Завет. Христианская Россия. М.-Милан, 1992.
- Головин С.Л. Что такое Библия. Христианский Научно-Апологетический Центр. Симферополь, 2003.
- Гродницкий Д. А. Эпигенетическая теория эволюции как возможная основа нового эволюционного синтеза. Журн. Общей Биологии, 2001, Т. 62, № 2. С. 99–109.
- Гроувс К.П. Происхождение Современного Человека. Человек, № 3, 1996.
- Гусейнов М.М. Древний палеолит Азербайджана. Культура Куручай и ее развитие. 1500000–70 тысяч лет назад. Баку, 1985.
- Деопик Д.В. История Древнего Востока. Курс лекций. М., 1998.
- Джохансон Д., Иди М. Люси: истоки рода человеческого. М., Мир, 1984.
- Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Часть I: Австралопитеки. Часть II: Ранние Номо. Изд. Читинского государственного технического института, Москва-Чита, 2002.
- Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Часть III: Архантропы. Часть IV: Гоминиды, переходные

от архантропов к палеоантропам. Едиториал УРСС, М., 2004.

- Дробышевский С.В. Предшественники. Предки? Часть V: Палеоантропы. М., КомКнига, 2006.

- Дробышевский С.В. Австралийцы протоморфны? Сетевая публикация:

- Дробышевский С.В. Где же взять свежие мозги австралопитека? Сетевая публикация:

- Дробышевский С.В. Из древних африканских сапиенсов никто ничего не выковыривал. Сетевая публикация:

- Дробышевский С.В. Неандертальскую рожу так просто не спрячешь. Сетевая публикация:

- Дробышевский С.В. Об эволюционных корнях антисексуалов... и о систематике австралопитеков Сетевая публикация:

- Еськов К.Ю. История Земли и жизни на ней. Учебное пособие для старших классов. М., Мирос-МАИК-Наука, 2000.

- Ефремов Ю.Н. Средневековье в профессорской мантии. Независимая газета, 25 сентября 2002.

- Зубов А.А. Дискуссионные вопросы антропогенеза. Человек, № 1, 1997.

- Зубов А.А. Наследники по прямой. Вокруг света, № 5 (2752), 2003.

- Зубов А.А. Палеоантропологическая родословная человека. Институт этнологии и антропологии РАН, М., 2004.

- Зубов А.А. Современное состояние теории происхождения человека. Человек, № 5, 2004 г.
- Зубов А.Б. История религий. Книга первая: Доисторические и внеисторические религии. Курс лекций. – М.: Планета детей, 1997.
- Иорданский Н.Н. Фенотипическая пластичность организмов и эволюция. Журнал общей биологии. Том 70, 2009. № 1, январь-февраль.
- Кабо В.Р. Круг и крест. Размышления этнолога о первобытной духовности. Изд. Восточная литература, 2007.
- Кабо В.Р. Первобытная доземледельческая община. М., Наука, 1986.
- Кабо В.Р. Тасманийцы и тасманийская проблема. М., Наука, 1975. Предисловие 2003 года к интернет-публикации книги.
- Каландадзе Н.Н. Все хотят стать Людьми, но не все могут. Сетевая публикация.
- Клягин Н.В. Происхождение цивилизации (социально-философский аспект). ЦОП Института философии РАН. – М., 1996.
- Косарев В.Д. Из тьмы к огню или Власть очага. Краеведческий бюллетень, № 3, Южно-Сахалинск, 2004.
- Кочеткова В.И. Палеоневрология. М.: Изд-во Московского университета, 1973.
- Красилов В.А. Теория эволюции: необходимость нового синтеза // Эволюционные исследования.

Макроэволюция. Владивосток: БПИ ДВНЦ АН СССР, 1984.

- Кремо М., Томпсон Р. Неизвестная история человечества / Пер. с англ. В. Филипенко. – 1-е изд. – М.: Философская книга, 1999. – 494 с. Оригинальное полное издание: *Cremo, Michael A. and Thompson, Richard L. Forbidden Archeology: The Hidden History of the Human Race. San Diego: Govardhan Hill, Inc. 1994. 914 Pages.*
- Купер Б. После потопа: ранняя история Европы. ХНАЦ, Симферополь, 1997.
- Лавджой О.К. Эволюция выпрямленного способа передвижения у человека. В мире науки. Scientific American. № 1. 1989, стр. 45–56.
- Лаломов А.В. Реальна ли эволюция с точки зрения современной геологии? ХНАЦ, Симферополь, 2002, буклет № 86.
- Ламберт Д. Доисторический человек. Кембриджский путеводитель. Пер. с англ.. Л., Недра, 1991.
- Лаухин С.А. О путях заселения Северной Азии палеолитическим человеком. // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Сборник ИПОС СО РАН. Выпуск 1, 2000 г. [Сохраненная страница](#).
- Лаухин С.А., Ронен А., Ранов В.А., Поспелова Г.А., Бурдукевич Я.М. и др. Новые данные о геохронологии палеолита Южного Леванта. Стратиграфия и геологическая корреляция, т. 8, № 5, 2000, с. 82–95.

- Линде А.Д. Многоликая Вселенная. Доклад 10 июня 2007 года в ФИАН, Москва.
- Льюис К.С. Просто христианство. М., Республика, 1992.
- Любенов Марвин. Предполагаемые эволюционные предшественники жили одновременно с современным человеком. ХНАЦ, 1999, буклет № 59. Цитаты Кёнигсвальда приводятся по: G.H.R.von Koenigswald, Meeting Prehistoric Man. New York, Harper Publ., 1956, pp.65–79.
- Любин В.П., Беляева Е.В. Возникновение чувства гармонии у гоминид. Природа, № 11, 2008.
- Малолетко А.М. Ранние миграции и расовая эволюция Homo sapiens. Из книги: Эволюционная биология. Материалы конференции «Проблема вида и видообразования». Томск: Томский государственный университет. Т.1. с. 309–324. 2001.
- Матюшин Г.Н. Археологический словарь. М.: Просвещение: АО «Учеб. лит.», 1996.
- Маурер А.М., Перевозчиков И.В. Региональные обобщенные портреты великоруссов по материалам русской антропологической экспедиции 1955–1959 гг. // Под ред. Алексеевой Т.И. Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.: Научный мир, 2002
- Мейер С. Методологическая равноценность теорий разумного замысла и естественного происхождения жизни: возможна ли научная «теория творения»? В сб.: Гипотеза Творения: научные свидетельства в пользу

Разумного Создателя, под ред. Дж. П. Морленда, Симферополь, 2000.

- Мерфи Дж. Эволюция: идея примитивной жизни или жизнь примитивной идеи? Пер. с англ. Крымское общество креационной науки. Симферополь, 1996.

- Монгайт А.Л. Археология Западной Европы. Каменный век. Наука, М., 1973.

- Мочанов Ю.А. Древнейший палеолит Диринга и проблема внетропической прародины человечества. Новосибирск, 1992.

- Назаров В.И. Эволюция не по Дарвину: смена эволюционной модели. КомКнига, М., 2005.

- Олсен Д. Новые данные о самых ранних этапах заселения Восточной Азии // Глобальное расселение гоминид. М., 1997. С. 97–109.

- Окладников А.П. О значении захоронений неандертальцев для истории первобытной культуры //СЭ. 1952.

- Палмер Дж., Палмер Л. Секреты поведения Homo Sapiens. Эволюционная психология. – Прайм-тайм. Еврознак, 2006.

- Перевозчиков И.В., Маурер А.М. Обобщенный фотопортрет: история, методы, результаты. Антропология, №1, 2009. (Вестник Московского университета. Серия XXIII).

- Рухленко И.А. Что ответить дарвинисту? В 2-х т. ЛитРес; сетевая публикация, 2016. ([Часть 1](#); [Часть 2](#)).

- Саблин М.В., Гиря Е.Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на юге Восточной Европы (Россия). Археология, этнография и антропология Евразии, 2 (42), 2010.
- Седов Е.А. Одна формула и весь мир. М.: Знание, 1982.
- Семенов Ю.И. Введение во всемирную историю. Выпуск I. Проблема и понятийный аппарат. Возникновение человеческого общества. Учебное пособие / МФТИ. М., 1997.
- Серафим (Роуз), иером. Православное понимание книги Бытия. Российское Отделение Валаамского Общества Америки, 1998. – 58 с.
- Столяр А.Д. Происхождение изобразительного искусства. М., Искусство, 1985.
- СЭС. Изд. Советская энциклопедия. М., 1980.
- Титов В.С. в соч. История Европы с древнейших времен до наших дней, в 8 томах (под ред. З.В. Удальцовой), т. 1. М., Наука, 1988.
- Хоменков А.С. Есть ли у человека лишние органы? [Сетевая публикация.](#)
- Хорошавин С.Г. Концепции современного естествознания: Курс лекций. 4-е. изд. – Ростов н/Д: Феникс, 2005.
- Хэм К. Аборигенов убивали во имя эволюции. Сайт ХНАЦ, раздел «Ежедневные вопросы и ответы».
- Чайковский Ю.В. Эволюция. Вып. 22. Центр системных исследований – ИИЕТ РАН, М., 2003.

- Шабанов Д. Наука: Обезьяны, догмы и «кошмар Дженкина». Компьютерра, № 17, 09 мая 2006 г.
- Шабанов Д. Опровергнута ли теория эволюции? Сетевая публикация, 2004.
- Шильник Л. Разумное животное. Пикник маргиналов на обочине эволюции. Изд. НЦ ЭНАС, 2007.
- Элиаде, Мирча. История веры и религиозных идей. Том I. От каменного века до элевсинских мистерий. Критерион, 2002.
- Юнкер Р., Шерер З. История происхождения и развития жизни. Кайрос. СПб, 1997.
- Ackerknecht, Erwin H. Eskimo History, Ciba Symposia, vol.10, July, 1948, p.912.
- Ackerman, S. European Prehistory Gets Even Older // Science. 1989. V. 246, № 4926. P. 28–30.
- Alemseged, Z., Spoor, F., Kimbel, W.H., et al. A juvenile early hominin skeleton from Dikika, Ethiopia, Nature 443(7109):296–301, 21 September 2006.
- Baab, K.L. A re-evaluation of the taxonomic affinities of the early Homo cranium KNM-ER 42700. Journal of Human Evolution. 55: 741–746 (2008).
- Baab, K.L. McNulty, K.P., Size, shape, and asymmetry in fossil hominins: The status of the LB1 cranium based on 3D morphometric analyses. Journal of Human Evolution, 2008 Dec 4.
- Beals, K.L. Smith C.L., Dodd S.M. Brain Size, Cranial Morphology, Climate, and Time Machines. Current Anthropology, Vol. 25, No 3, June 1984.

- *Berger, L., Churchill, S., De Klerk, B., Quinn, R.* Small-Bodied Humans from Palau, Micronesia. PLoS ONE: 3(3), 2008.
- *Bermúdez de Castro, J.M., Arsuaga, J.L., Carbonell, E.* A Hominid from the Lower Pleistocene of Atapuerca, Spain: Possible Ancestor to Neandertals and Modern Humans. Science: Vol. 276. no. 5317, pp. 1392–1395 (30 May 1997).
- *Beukens, Roelf.* High-precision intercomparison at isotrace. Radiocarbon, Vol. 32, no. 3, p. 335–339 (1990).
- *Bower, Bruce.* Evolutionary Back Story: Thoroughly Modern Spine Supported Human Ancestor. Science News Online 169 (15): 275 (6 May, 2006).
- *Bromage, T.G., Kullmer, O., Schrenk, F., Rosenberger, A., Thackeray, J.F., Hogg, R.* Craniofacial Architectural Constraints Resolve Major Quandry of Human Evolution. IADR 2007 Conference Poster.
- *Brown, F., Harris, J., Leakey, R. and Walker, A.* Early Homo erectus skeleton from west Lake Turkana, Kenya. Nature 316, 788–792 (1985).
- *Brown, P.* Cranial-vault thickness in Asian Homo erectus and Homo sapiens, in: Franzen, J.L., ed., 100 Years of Pithecanthropus: The Homo Erectus Problem, Courier Forschungs Institut Senckenberg 171, pp. 33–45, 1994.
- *Brunaker, K., Boenigk, W., Bruder, G., et al.* Artefacte im Altquartar von Obergalilaa (Nordisrael) // Eiszeitalter und Gegenwart, 39, 1989. P. 109–120.
- *Brunet, M., et al.,* A new hominid from the Upper Miocene of Chad, Central Africa. Nature, Vol. 418, 11 July 2002.

- *Carbonell, E., Mosquere, M., Rodrigues, X.P., Sala, P.* The First Human Settlement of Europe // *Jorn. of Anthropol. Research*, vol. 52, 1996. P. 107–114.
- *Clark, J.D., et al.* African *Homo erectus*: Old radiometric ages and young oldowan assemblages in the Middle Awash Valley, Ethiopia. *Science*, 264, pp. 1907–1910 (1994).
- *Culotta E.* Asian hominids grow older // *Science*, 1995, V.270, pp.1116–1117.
- *Custance A.C.* *Genesis and Early Man*. Published by Zondervan Publishing Co., 1975.
- *Day, M.H., Leakey R.E.F.* New evidence of the genus *Homo* from east Rudolf, Kenya. *American Journal of Physical Anthropology*. Volume 39, Issue 3 (1973).
- *Day, M.H. and Napier, J.* Hominid Fossil from Bed 1, Olduvai Gorge, Tanzania: Fossil Foot Bones. *Nature* 201: 969–970 (1964).
- *Dennell, R. and Hailwood, E.* Late Pliocene artefacts from northern Pakistan // *Current Anthropology*, 1988, V.29, pp.495–98.
- *Donald, M.* *Precis of Origins of the modern mind: Three stages in the evolution of culture and cognition.* *Behavioral and Brain Sciences* 16 (4): 737–791 (1997).
- *Falk, D., Hildebolt, C., Smith, K., Morwood, M.J., Sutikna, T., Brown, P., Jatmiko, Saptomo, E.W, Brunsden, B., Prior, F.* The Brain of LB1, *Homo floresiensis*. *Science* 8 April 2005: Vol. 308 no. 5719 pp. 242–245.

- *Falk, D., Hildebolt, C., Smith, K., et al.* Brain shape in human microcephalics and *Homo floresiensis*. PNAS, 2007 Feb 13;104(7):2513–8.
- *Feuillet L., Dufour H., Pelletier J.* Brain of a white-collar worker. Clinical Picture. The Lancet, Volume 370, Issue 9583, Page 262, 21 July 2007.
- *Fitch, F.J. and Miller, J.A.* Radioisotopic Age Determinations of Lake Rudolf Artifact Site, Nature 226, April 18, p. 226 (1970).
- *Fleming, Patric J.* Human biological and cultural origins. Revized version on the paper presented at Eight Annual Meeting of the Language Origin Society, University of Cambridge, UK, 7–10 September 1992.
- *Foley, Jim.* Creationist Arguments: The Lost Peking Man Skeletons (1999). [Сетевая публикация](#).
- *Fong, Julian.* Torralba. April 8, 1998. Сетевая публикация.
- *Foster, Mary LeCren.* Symbolic Origins and Transitions in the Paleolithic // Emergence of Modern Humans / Ed. Paul Mellars. Ithaca, N.Y., 1990.
- *Gans, Eric.* The End of Culture. Berkeley, 1985.
- *Gee, H.* Return to the planet of the apes, Nature 412, July 12, p. 131 (2001).
- *Gentry, R.V.* Creation's Tiny Mystery. Knoxville, TN: Earth Science Associates, 1986.
- *Goldschmidt, Walter.* The Human Career: The Self in the Symbolic World. Cambridge: Blackwell, 1992.

- *Gowlett, John A.J.* Mental abilities of early man: a look at some hard evidence // *Hominid evolution and community ecology*. London. 167–192 (1984).
- *Gowlett, John A.J.* *Ascent to Civilization: the Archaeology of Early Humans*. McGraw-Hill, London/New York (1994).
- *Gowlett, John A.J.* Early hominid social systems, в сборнике: James Steele, Stephen Shennan (editors), «The Archaeology of Human Ancestry: Power, Sex, and Tradition»; Routledge, 1996.
- *Gowlett, John A.J.* The early settlement of northern Europe: Fire history in the context of climate change and the social brain. In : H. de Lumley (ed.) *Climats, Cultures et sociétés aux temps préhistoriques, de l'apparition des Hominidés jusqu'au Néolithique*. C.R. Palevol. 5, 1–2, 299–310 (2006). [PDF](#).
- *Gowlett, J.A.J., Hallos, J., Hounsell, S., Brant, V. & Debenham, N.C.* Beeches Pit – archaeology, assemblage dynamics and early fire history of a Middle Pleistocene site in East Anglia, UK. *Eurasian Prehistory* 3,2:3–38 (2005). [PDF](#).
- *Gowlett, J.A.J., Harris J.W.K., Walton D. & Wood B.A.* Early archaeological sites, hominid remains and traces of fire from Chesowanja, Kenya. *Nature* 294, 125–129 (1981).
- *Harrod, J.* Two million years ago: The origins of art and symbol (1992). Сетевая публикация.
- *Haeusler, M., McHenry, H.M.* Body proportions of *Homo habilis* reviewed. *Journal of Human Evolution* 46, 433–465 (2004).

- *Hawks, John and Wolpoff, Milford H.* Paleoanthropology and the population genetics of ancient genes. *American Journal of Physical Anthropology* 114: 269–272 (2001).
- *Hawks J.* The changing height of *Homo erectus*, 13 Jan 2010. [Сетевая публикация PDF](#).
- *Holloway, R.L., 1995.* Toward a synthetic theory of human brain evolution. In: Changeux, J.P., Chavaillon, J. (Eds.), *Origins of the Human Brain*. Clarendon Press, Oxford, pp. 42–54.
- *Holloway, R.L.* Evolution of the human brain. In: Lock, A., Peters, C. (Eds.), *Handbook of Human Symbolic Evolution*. Oxford University Press, New York, 1996, pp. 74–116.
- *Homo futururus: the inside story.* A film by Thomas Johnson, produced by Hind Saih. Coproduction with ARTE France, Discovery Communications, NMO (2005). Televised on SBS 6 May 2007.
- *James, Steven R.* Hominid Use of Fire in the Lower and Middle Pleistocene: A Review of the Evidence, *Current Anthropology*, Volume 30, Number 1. February. P. 2 (1989).
- *Jelinek J.* Skeletal remains from Arnhem Land // *Anthropologie (CSSR)*, 1979. V. 17. #2–3. P. 159–174.
- *Johanson, D.C., Masao, F.T., Eck, G.G., et al.,* New partial skeleton of *Homo habilis* from Olduvai Gorge, Tanzania. *Nature*, Volume 327(6119), pp. 205–209 (1987).
- *Johnson, Arthur.* Composition, Structure, Dynamics, Productivity and Climate of Eocene Forests of the Canadian High Arctic: Comparing Reconstructions from Field Measurements and Nearest Living Relatives.

Сетевая публикация на сайте [University of Pennsylvania](#)
. Сохраненная страница [PDF](#)

- *Joordens, J.C.A., d'Errico, F., Wesselingh, F.P., et al.* Homo erectus at Trinil on Java used shells for tool production and engraving // Nature, 2014.

- *Kaye, T.G., Gaugler, G., Sawlowicz, Z.* Dinosaurian Soft Tissues Interpreted as Bacterial Biofilms. PLoS ONE. 2008. V. 3. № 7.

- *Klein, Richard G.* The Human Career: Human Biological and Cultural Origins. University Of Chicago Press, 1999.

- *Kreger, David C.* Homo ergaster. [Сетевая публикация](#).
Сохраненная страница [PDF](#)

- *Larick, R., Ciochon, R.L.* The African Emergence and Early Asian Dispersals of the Genus Homo. American Scientist, 84(6): 538–551 (1996).

- *Latimer, B., Ohman, J.C.* Axial dysplasia in Homo erectus [abstract]. J. Hum. Evol. 40:A12 (2001).

- *Leakey, L.S.B., Everuden, J. F. and Curtis, G.H.* Age of Bed I, Olduvai Gorge, Tanganyika, Nature, Vol. 191, No. 4787 (1961).

- *Leakey, L.S.B., Tobias, P. V. and Napier, J. R.* A new species of the genus Homo from Olduvai Gorge. Nature 202, 7–9 (1964). [PDF](#)

- *Leakey, M.D.* Olduvai Gorge. Volume 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. Cambridge University Press, London, 1971.

- *Leakey, M.D.* Footprints in the ashes of time. National Geographic 155: 446–457 (1979).

- *Leakey, M.D. and Hay, R. L.* Pliocene footprints in the Laetoli Beds at Laetoli, northern Tanzania. *Nature* 278, 317–323 (1979).
- *Leakey, M. D. and Roe, D.A.* Olduvai Gorge. Vol. 5. Cambridge: Cambridge University Press, 1994.
- *Leakey, Richard.* The Making of Mankind. London: Sphere Books, 1981, p. 62.
- *Leakey, R.E.* Evidence for an advanced Plio-Pleistocene hominid from East Rudolf, Kenya. *Nature* 242, 447–450 (1973).
- *Leakey, R.E.* Recent Fossil finds From East Africa // J.R. Durant ed. *Human Origins*, (Oxford: Clarendon Press, 1989); in Morton G.R., *Potpouri on fossil man*, ASA, 11 Apr 1998. Сохраненная страница [PDF](#)
- *Leroi-Gourhan A.* Dictionnaire de la Préhistoire. Paris: Presses Universitaires de France, 1988. X, 1222 p.
- *Lieberman, D.E., Pilbeam, D.R., Wood, B.A.* Homoplasy and early Homo: An analysis of the evolutionary relationships of *H. habilis sensu stricto* and *H. rudolfensis*. *Journal of Human Evolution*, №2 (V.30), pp. 97–120 (1996).
- *Line, Peter.* Fossil evidence for alleged apemen – Part 1: the genus Homo. *Journal of Creation* 19(1):22–32. April 2005. В русском переводе: [Сетевая публикация](#).
- *Lubenow, Marvin L.* Paleoanthropology in Review, *CEN Technical Journal*, Vol. 10, No. 1, pp.10–17 (1996).
- *Ludwig, Brian.* New Evidence for the Possible Use of Controlled Fire from ESA Sites in the Olduvai and Turkana Basins, *J. Hum. Evol.* 38, A17 (2000).

- *MacIntosh, N.W.G. and Larnach, S.L.* The persistence of *Homo erectus* traits in Australian aboriginal crania. *Archaeology and Physical Anthropology in Oceania* 7(1):1–7, 1972.
- *Manzi, G., Mallegni, F. and Ascenzi, A.* A cranium for the earliest Europeans: Phylogenetic position of the hominid from Ceprano, Italy. *PNAS*, vol. 98, no 17, 10011–10016 (2001).
- *Maringer, J.* *The Gods of Prehistoric Man.* Phoenix Press, 2003.
- *McCrone, John.* Fired Up, *New Scientist* 05/20/2000, Vol. 166, Issue 2239, pp. 30–34.
- *McCrone, John.* The discovery of fire. *New Scientist*, May 2000.
- *McHenry, H.M.; Berger, L.R.* Body proportions of *Australopithecus afarensis* and *A. africanus* and the origin of the genus *Homo*. *Journal of Human Evolution*, № 1, Vol. 35 (1998), pp. 1–22.
- *McHenry, H.M.* Femoral lengths and stature in Plio-Pleistocene hominids. *J. Phys. Anthropol.* 85:149–158 (1991).
- *Mehlert A.W.* *Homo erectus* to modern man: evolution or human variability? *CEN Tech. J.*, 8(1):105–116, 1994.
- *Mehlert A.W.* The rise and fall of Skull KNM-ER 1470. *CEN Tech. J.*, 13(2):96–100, 1999.
- *Monroe M.H.* *Australia: The Land Where Time Began.* WLH 50. Сетевая публикация: http://austhrutime.com/willandra_lakes_hominid_50.htm

- Morwood, M.J., et al., Archaeology and age of a new hominin from Flores in eastern Indonesia. *Nature*. 2004 Oct 28;431(7012):1043–4.
- Pääbo Svante et al., A Draft Sequence of the Neandertal Genome // *Science*. 7 May 2010. V. 328. P. 710–722.
- Portmann, A. Das Ursprungsproblem, *Eranos-Jahrbuch*, 1947, p. 19. В кн.: Custance A.C., *Genesis and Early Man*. Published by Zondervan Publishing Co., 1975.
- Potts, Richard. Early Hominid Activities at Olduvai: Foundations of Human Behaviour. Aldine Transaction, 1988. [www-book](#).
- Pouljanos, A.N. Pre-sapiens Man in Greece. *Current Anthropology*, 22 (3): 287–288. (1981).
- Pratt, David. Human Origins the ape-ancestry myth. [Сетевая публикация](#), 2004.
- Pearson, D.G., Brenker, F.E., Nestola, F., et al. Hydrous mantle transition zone indicated by ringwoodite included within diamond, *Nature*, 507, 221–224 (13 March 2014).
- Perles, Catherine. *La Préhistoire du feu*, Paris, Masson, 1977.
- Rak, Y., Ginzburg, A. and Geffen, E. Gorilla-like anatomy on Australopithecus afarensis mandibles suggests Au. afarensis link to robust australopiths; *PNAS* | April 17, 2007. [PDF](#).
- Rensberger, Boyce. *The Washington Post*. 19 Nov. 1984.
- Ron, N., Porat, N., Ronen, A., Tchernov, E., Horwitz, L.K. Magnetostratigraphy of the Evron Member – implications

for the age of the Middle Acheulian site of Evron Quarry // *Journal of Human Evolution* 2003. V. 44, № 5. P. 633–639.

- Ronen A. The Yiron-Gravel lithic assemblage artefacts older than 2,4 My in Israel // *Archaeologisches Korrespondenzblatt*, 21, 1991. P. 159–163.

- Rosas, A. & Bermudez de Castro, J.M. A hominid from the lower Pleistocene of Atapuerca, Spain: Possible ancestor to neanderthals and modern humans. *Science*, 276, 1392–1395 (1997).

- Ruff, C.B., Trinkaus, E., Holliday, T.W. Body mass and encephalization in Pleistocene Homo. *Nature* 387, 173–176 (1997).

- Salim M. The Paleolithic Cultures of Potwar with Special Reference to the Lower Paleolithic. Islamabad, 1997. 285 p.

- Schmandt, B., Jacobsen, S.D., Becker, T.W., Liu, Z., Dueker, K.G. Dehydration melting at the top of the lower mantle. *Science*, Vol 344, 13 June 2014.

- Schwartz J.H., Tattersall I. The Human Fossil Record: Craniodental morphology of genus Homo (Africa and Asia). John Wiley and Sons, 2003.

- Schweitzer M.H., Wittmeyer J.L., Horner J.R., Toporski J.K. Soft-Tissue Vessels and Cellular Preservation in *Tyrannosaurus rex* // *Science*. 2005. V. 307. № 5717.

- Schweitzer M.H., Wittmeyer J.L., Horner J.R. Gender-specific reproductive tissue in ratites and *Tyrannosaurus rex* // *Science*. 2005. V. 308. № 5727.

- *Schweitzer, M.H. Zheng W., Chris L., et al.* Biomolecular characterization and protein sequences of the Campanian hadrosaur *B. Canadensis* // *Science*. 2009. V. 324. № 5927.
- *Skoyles, J.R.* Human Evolution Expanded Brains to Increase Expertise Capacity, not IQ. *Psychology*: 10(002) Brain Expertise (1)(1999).
- *Shreeve, James.* New skeleton gives path from trees to ground an odd turn. *Science*: Vol. 272. no. 5262 (3 May 1996).
- *Siegel, M.* Comment for Koobi Fora, FxJj20. 2003. В: Косарев В.Д., Покорение огня – кто, где, когда? Краеведческий бюллетень, № 1, Южно-Сахалинск, 2004.
- *Simpson, S.W., Quade, J., Levin, N.E., Butler, R., Dupont-Nivet, G., Everett, M. et Semaw, S.* A female *Homo erectus* pelvis from Gona, Ethiopia // *Science*, 2008, V.322, 1089, pp.1089–1092.
- *Snelling, A.A.* Radioactive Dating Method «Under Fire»! *Creation: Ex Nihilo*, Vol. 14, No. 2, 1992.
- *Spoor, F., Leakey, M.G., et al.,* Implications of new early *Homo* fossils from Ileret, east of Lake Turkana, Kenya. *Nature* 448, 688–691 (9 August 2007).
- *Spoor, F., Wood, B. and Zonneveld, F.* Implications of early hominid labyrinthine morphology for evolution of human bipedal locomotion. *Nature*, 369: 645–648, 1994.

[PDF](#)

- *Steele, James and Shennan, Stephen.* The Archaeology of Human Ancestry: Power, Sex, and Tradition. Routledge, 1996.
- *Stringer, C.B. and Andrews, P.* Genetic and fossil evidence for the origin of modern humans, *Science* 239:1267, 1988.
- *Tattersall, Ian and Johanson, Donald C.* (Foreword by). *Human Odyssey: Four Million Years of Human Evolution.* iUniverse, Incorporated, 2001.
- *Thorne, A. and Wolpoff, M.* Conflict over modern human origins. *Search* 22(5):177, 1991.
- *Tobias, P.V.* The brain of the first hominids. In: Changeux, J.P., Chavaillon, J. (Eds.), *Origins of the Human Brain.* Clarendon Press, Oxford, 1995, pp. 61–83.
- *Toth, Nicholas.* The prehistoric roots of a human concept of symmetry. *Symmetry in a kaleidoscope*, 3. *Symmetry Cult. Sci.* 1, no. 3, 257–281 (1990).
- *Van Holst Pellekaan, S.M., Ingman, M., Roberts-Thomson J., Harding, R.M.* Mitochondrial Genomics Identifies Major Haplogroups in Aboriginal Australians // *American Journal of Physical Anthropology* 131: 282–294 (2006).
- *Walker, A. and Shipman, P.* The Wisdom of Bones: In Search of Human Origins, New York: Alfred Knopf, 1996.
- *Walker, A., M.R. Zimmerman, and R.E. F. Leakey.* A Possible Case of Hypervitaminosis A in *Homo Erectus*. *Nature*, 296, March 18, 1982, p. 248–250.
- *Wang W., et al.* Comparison of inverse-dynamics musculo-skeletal models of AL 288-1 *Australopithecus afarensis* and KNM-WT 15000 *Homo ergaster* to modern

humans, with implications for the evolution of bipedalism. *J Hum Evol.*: Dec; 47(6):453–78 (2004).

- *Ward C.V., Tocheri M.W., Plavcan J.M., Brown, F.H. et Manthi, F.K.* Early Pleistocene third metacarpal from Kenya and the evolution of modern human-like hand morphology // *PNAS* December 16, 2013.

- *Waters, M., Forman, S., Pierson, G.* Diring-Yariakh: A lower paleolithic site in Central Siberia. *Science*, Vol. 275, Feb 28, 1997.

- *Weidenreich, Franz.* The Skull of *Sinanthropus pekinensis*: A Comparative Study on a Primitive Hominid Skull, *Paleontologica Sinica*, N.S.D., no.10, Whole series, vol.127, 1943, p.1.

- *Weiner, S., Xu, Q., Goldberg, P., et al.,* Evidence for the Use of Fire at Zhoukoudian, China. *Science*: Vol. 281. no. 5374, 10 July 1998.

- *Weston, E.M., Lister, A.M.* Insular dwarfism in hippos and a model for brain size reduction in *Homo floresiensis* // *Nature*. 2009. V. 459. P. 85–88.

- *White, T.D., Suwa, G. and Asfaw, B.* *Australopithecus ramidus* a new species of early hominid from Aramis, Ethiopia: *Nature*, 371:306–312 (1994).

- *Wolpoff, M.H.* *Paleoanthropology*, Second Edition, McGraw-Hill, Boston, 1999, pp. 396–397.

- *Wolpoff, M.H., Hawks, J., Senut, B., Pickford, M. and Ahern, J.* An Ape or The Ape: Is The Toumai Cranium TM 266 a Hominid? *PaleoAnthropology* 2006:36–50 (2006).

- Wolpoff, M.H., Senut, B., Pickford, M. and Hawks, J. *Sahelanthropus* or 'Sahelpithecus'? *Nature* 419, 581–582 (2002).
- Wolpoff, M.H., Spuhler, J.N., Smith, F.H., Radowcic, J., Pope, G., Frayer, D.W., Eckhardt, R. and Clarke, G. Modern human origins, *Science* 241:772, 1988.
- Wong, K. The littlest human, *Scientific American* 292(2):48, 2005.
- Wood, B.A. Who is the 'real' *Homo habilis*? *Nature*, 327:187–188 (1987).
- Wood, B.A. Early *Homo*: How many species? In: *Species, Species Concepts, and Primate Evolution*, ed. by W.H. Kimbel, and L.B. Martin, pp. 485–522. New York: Plenum Press, 1993.
- Wood, B.A. Hominid revelations from Chad, *Nature*: Vol. 418, p. 133–134 (2002).
- Wood, B., Collard, M. The changing face of genus *Homo*. *Evol. Anthropol.*, 8(6): 195–207 (1999).
- Wood, B., Collard, M. The Human Genus. *Science*: Vol. 284. no. 5411, pp. 65–71 (1999).
- Wood, B., Collard, M. *Evolving interpretations of Homo. Humanity from African Naissance to Coming Millennia*. Firenze University Press, Florence, 2001, pp. 141–146.
- Woodmorappe, J. How different is the cranial-vault thickness of *Homo erectus* from modern man? *TJ* 14(1):10–13 (2000).

- Zhu, Z., Robin, D., Weiwen H., et al., Hominin occupation of the Chinese Loess Plateau since about 2.1 million years ago. *Nature*. V. 559, pp. 608–612 (2018).

Использованы также интернет-каталоги и информационные интернет-ресурсы:

- [Earth Science Associates](#) (каталог радиогало Р. Джентри).
- NHM Image Resources, [The Natural History Museum](#), London.
- AMNH Image Resources, [American Museum of Natural History](#).
- Dr. James B. Harrod – Researching the Origins of Art, Religion, & Mind, [OriginsNet.org](#) (каталог артефактов палеолита).
- The Smithsonian Institute, Human Origins Database.
- [A Look at Modern Human Origins](#) by D. Kreger at Penn State University (каталог окаменелостей).
- [Anthropology Program](#) by Dennis O'Neil, Palomar College, California.
- KFRP, [Koobi Fora Research Project Lake Turkana Basin](#).

- UNESCO World Heritage Centre, [Fossil Hominid Sites of Sterkfontein, Swartkrans, Kromdraai, and Environs](#).
- Peter Brown's [Australian & Asian Palaeoanthropology](#) (каталог окаменелостей).
- [Human Origins and Evolution in Africa](#) by Professor Jeanne Sept.
- Каталог окаменелостей Стивена Хеслипа (Steven Heslip) (раньше находился на сайте [Michigan State University](#)).
- Интернет-публикации об о. Аксель Хейберг: [«На полюсе росли загадочные ископаемые»](#), [«Ископаемый лес Аксель-Хейберга»](#) и др.
- Интернет-публикации о мягких тканях динозавра: [«Blood vessels recovered from T. rex bone»](#) (2005), [«T. rex fossil has 'soft tissues'»](#) (2005), [«Proteins could reveal new dinosaur secrets»](#) (2007), [«Вслед за гемоглобином тираннозавра...»](#) (2006) и др.
- Сообщения СМИ о раннем использовании человеком огня: BBC News, [«Bones hint at first use of fire»](#) (2004), BBC News, [«Early human fire skills revealed»](#) (2004) и др.
- Сообщение СМИ о людях из Атапуэрка: Rincon Paul, [Evidence of earliest human burial](#). BBC News.
- Сообщение СМИ о росте жителей Северной Кореи: Найт Р. «Болезнь роста»: почему жители КНДР ниже южнокорейцев? BBC News 23 апреля 2012.

Ссылки на оригинальные источники публикаций о некоторых находках людей современной анатомии в древних слоях, в: *Cremo and Thompson, 1994*:

- *Ameghino, F.* (1909) *Le Diprothomo platensis*, un precurseur de l'homme du pliocene inferieur de Buenos Aires. *Anales del Museo nacional de historianatural de Buenos Aires*, 19: 107–209.
- *Ragazzoni* (1880) La collina di Castenedolo, solto il rapporto antropologico, geologico ed agronomico. *Commentari dell' Ateneo di Brescia*, April 4, pp. 120–128.
- *Sergi, G.* (1884) L'uomo terziario in Lombardia. *Archivio per L'Antropologia e la Etnologia*, 14: 304–318.
- *Issel, A.* (1868) Resume des recherches concernant l'anciennete de l'homme en Ligurie. *Congres International d'Anthropologie et d'Archeologie Prehistoriques*, Paris 1867, *Compte Rendu*, pp. 75–89.
- *Moir, J. R.* (1927) *The Antiquity of Man in East Anglia*. Cambridge, Cambridge University.
- *Moir, J. R.* (1929) A remarkable object from beneath the Red Crag. *Man*, 29: 62–65.
- *Moir, J. R.* (1935) The age of the pre-Crag flint implements. *Journal of the Royal Anthropological Institute*, 65: 343–364.
- *Osborn, H. F.* (1921) The Pliocene man of Foxhall in EastAnglia. *Natural History* 21: 565–576.
- *Newton, E. T.* (1895) On a human skull and limb-bones found in the Paleolithic terrace-gravel at Galley Hill, Kent. *Quarterly Journal of the GeologicalSociety of London*.